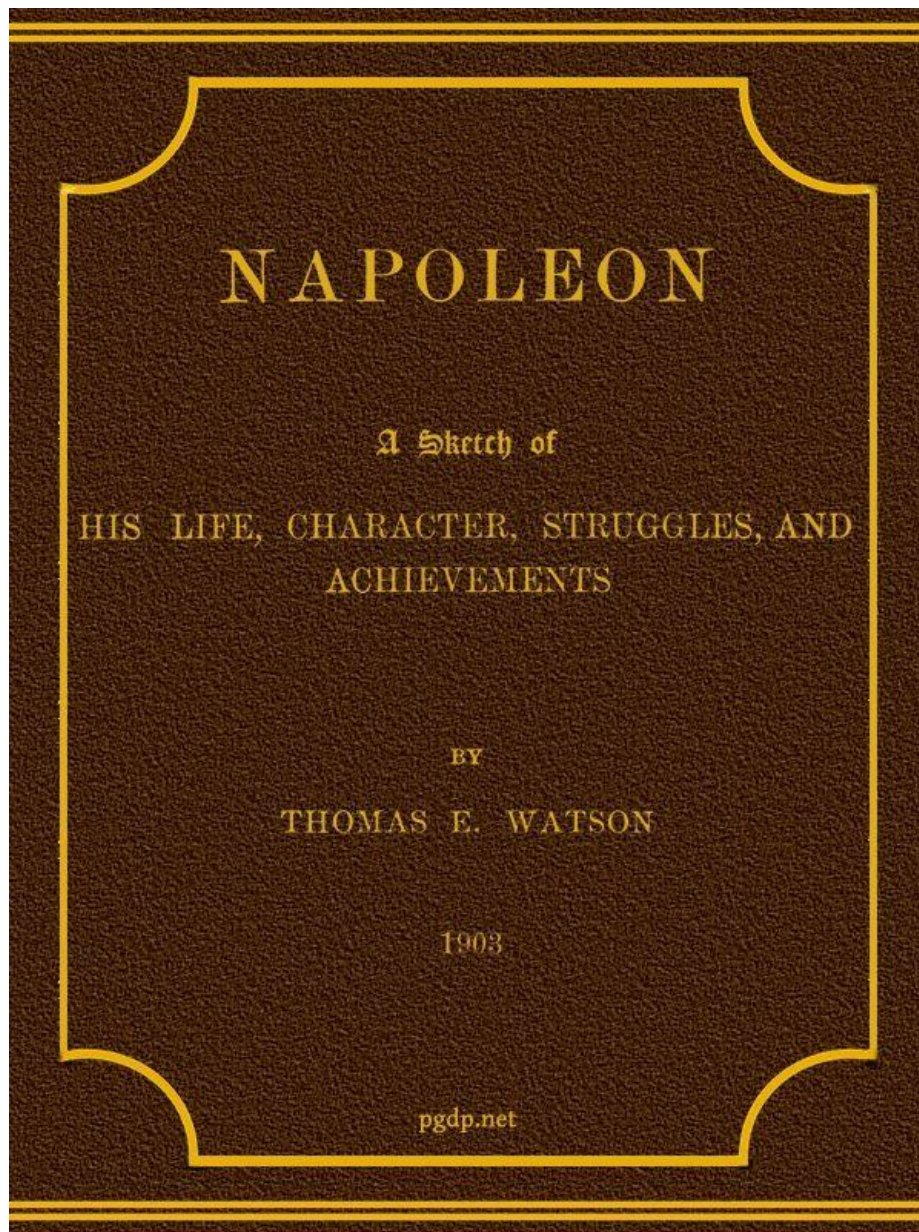


Наполеон: Очерк его жизни, характера, борьбы и достижений

Томас Э. Уотсон



Электронная книга проекта Гутенберга о Наполеоне: очерк его жизни, характера, борьбы и достижений

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Наполеон: Очерк его жизни, характера, борьбы и достижений

Автор: Томас Э. Уотсон

Дата выхода: 29 апреля 2018 [Электронная книга № 57070]

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Тургутом Динсером, Чарли Ховардом и командой онлайн-корректоров по адресу <http://www.pgdp.net> (Этот файл создан на основе изображений, щедро предоставленных интернет-архивом)

*** ЗАПУСК ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "НАПОЛЕОН: ОЧЕРК ЕГО ЖИЗНИ, ХАРАКТЕРА, БОРЬБЫ И ДОСТИЖЕНИЙ" ***

Примечание автора: Обложка создана автором и размещена в общественном достоянии.

НАПОЛЕОН





Наполеон.

С портрета кисти Лассаля.

НАПОЛЕОН

Очерк ЕГО ЖИЗНИ, ХАРАКТЕРА, БОРЬБЫ И ДОСТИЖЕНИЙ

ТОМАСА Э. УОТСОНА,
АВТОРА КНИГИ “ИСТОРИЯ ФРАНЦИИ” И ДР.

ИЛЛЮСТРИРОВАН ПОРТРЕТАМИ И ФАКСИМИЛЕ

Нью-Йорк
КОМПАНИЯ MACMILLAN
ЛОНДОН: MACMILLAN & CO., Ltd.
1903 г.

Все права защищены

Авторское право, 1902 г.,
Компанией MACMILLAN COMPANY.

Настроено и отпечатано на машинке в феврале 1902 года. Перепечатано в мае 1902 года; в январе 1903 года.

Норвуд Пресс
Дж. С. Кушинг и Ко.—Berwick & Smith
Норвуд, Массачусетс, США

МОЕЙ ЖЕНЕ
Джорджии Дарем Уотсон

ПРЕДИСЛОВИЕ

В этом томе автор предпринял попытку изобразить Наполеона таким, каким он представляется обычному человеку. Архивы не перерыты, новые источники информации обнаружены не были; автор просто утверждает, что использовал такие авторитетные источники, старые и новые, которые доступны любому прилежному студенту. Не было предпринято никаких попыток дать полный и подробный отчет о жизни или деятельности Наполеона. Для этого потребовался бы десятилетний труд, и в результате получилась бы почти библиотека. Автор *has* попытался показать великому корсиканцу его надлежащее историческое положение, его истинную оценку как человека и правителя, а также справедливую оценку его достижений.

Томсон, Джорджия,
24 декабря 1901г.

Содержание

ГЛАВА	СТРАНИЦА
I. Corsica	1
II. Отрочество	17
III. Лейтенант	37
лет. Революция	47
V. Возвращение домой	58
VI. Первая служба	70
VII. В Марселе	86
VIII. 13-е Вандемское	94
IX. Молодая Республика	115
X. Жозефина	123
XI. Армия Италии	135
XII. Милан	148
XIII. Мантуя	159
XIV. Кампо Формио	175
XV. Жозефина в Милане	188
XVI. Египет	196
XVII. Осада Акры	211
XVIII. Возвращение во Францию	221
XIX. Устранение советов	230
XX. Падение Директории	242
XXI. Первый консул	256
XXII. Маренго	275
XXIII. Кодекс Наполеона	294
XXIV. Заговор и конспирация	310
XXV. Император	329
XXVI. Раздача почестей	349
XXVII. Йена	355
XXVIII. Въезд в Берлин	363
XXIX. Варшава	372
XXX. Привычки и характеристики	386
XXXI. Отметка половодья	412
XXXII. Испания	425
XXXIII. Ваграм	435
XXXIV. Развод	450

XXXV.	Москва	470
XXXVI.	Отступление	491
XXXVII.	Снова в Париже	502
XXXVIII.	Меттерних	514
XXXIX.	Дрезден и Лейпциг	523
XL.	Отступление из Лейпцига	543
XLI.	Франкфуртские предложения	557
XLII.	Падение Парижа	571
XLIII.	Эльба	583
XLIV.	Эльба	598
XLV.	Людовик XVIII	612
XLVI.	Возвращение с Эльбы	628
XLVII.	Реорганизация	635
XLVIII.	Ватерлоо	647
XLIX.	Ватерлоо	657
л.	Св. Елены	672
л.И.	Остров Святой Елены	687
Указатель		705

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Наполеон. С портрета кисти Лассалля	<i>Фронтиспис</i>
ПЕРВАЯ СТРАНИЦА	
Наполеон. С гравюры Томкинса, изображающей рисунок с натуры во время кампании в Италии	70
Письмо Наполеона генералу Карто, датированное Тулоном. Факсимиле	80
Наполеон. С гравюры из коллекции мистера У. К. Крейна. Оригинальная гравюра Г. Физингера по миниатюре Жана-Батиста-Полена Герена. Хранится в Национальной библиотеке, Париж, 1799 г.	136
Письмо Наполеона из Италии Жозефине. Факсимиле	160
Жозефина в 1800 году. С пастели П. П. Прудона	188
Наполеон. С картины Поля Делароша “Генерал Бонапарт переходит Альпы”	200
Наполеон в качестве первого консула в Мальмезоне. С картины Дж. Б. Изаби	256
Жозефина в 1809 году. С акварели Изаби	338
Мария Луиза. С портрета кисти Жерара в Лувре	460

НАПОЛЕОН

ГЛАВА I

Корсика, остров в Средиземном море, имеет максимальную ширину 52 мили и длину 116. Отсюда легко добраться до Италии, Франции, Испании, Сардинии и африканского побережья. В пределах 54 миль находится Тоскана, Генуя находится всего в 98 милях, а французское побережье в Ницце - в 106 милях. Поперек острова тянется горная цепь, разделяющая его на две почти равные части. Склоны холмов покрыты густыми лесами из гигантских сосен и каштанов, а на их вершинах лежит вечный снег. С этих высокогорий к морю сбегает быстрые ручьи. Здесь много красивых долин и множество прекрасных заливов и гаваней.

Население острова составляло в восемнадцатом веке около 130 000 человек. Преобладал итальянский тип. По религии - римско-католический.

История Корсики была удивительно драматичной. Возможно, изначально населенный кельтами, остров так часто подвергался войнам, так часто погибал под натиском более сильных наций, что местная раса почти исчезла. Греки из Малой Азии еще в незапамятные времена захватили часть побережья и колонизировали его. Карфаген в дни своего величия был его владычицей; а затем пришел Рим, чей длительный период господства наложил свой отпечаток на народ, принес с собой множество итальянцев с их языком, обычаями и религией.

После основания Рима пришли германцы, византийские греки, мавры, готы, вандалы и лонгобарды. На протяжении веков остров раздирали непрекращающиеся войны, корсиканцы делали все возможное, чтобы уберечься от иностранных хозяев. Феодальная система была навязана борющемуся народу вождями захватчиков. Скалы были увенчаны замками, и полудикие феодалы правили по закону своих собственных жестоких похотей. Они вели войну друг с другом, они истребляли местные расы. Неспособные защитить себя, жалкие, но полные отчаянной храбрости, корсиканцы бежали с побережья, спасаясь от пирата, и в горы, чтобы противостоять феодальному разбойнику. В своем бедственном положении крестьяне нашли лидера в Самбуччо, который организовал их в деревенские общины — демократическую, самоуправляющуюся конфедерацию. На Корсике не было ни крепостных, ни рабов; люди требовали свободы и равенства и боролись за них; и при Самбуччо они полностью разгромили баронов.

Великий вождь умер; бароны снова взяли за оружие; крестьяне обратились за помощью к маркграфу Тосканы; из Италии прибыла армия, бароны были разбиты, и деревенская конфедерация восстановлена. С 1020 по 1070 год нашей эры Тоскана защищала корсиканцев; но папы, с вождением посмотрев на эту землю, заявили права на нее для Церкви, и, посредством искусных манипуляций (обычных в случаях подобного рода), народ был убежден

подчиниться. В 1098 году папа Урбан II продал остров Пизе, и в течение ста лет Корсика оставалась под властью этой республики.

Генуя, однако, позавидовала увеличению территории Пизы, заявила права на остров для себя и подкрепила свои притязания оружием. Борьба раздирала Корсику, а сами корсиканцы разделились на враждебные лагеря: один отдавал предпочтение Пизе, другой - Генуе.

Лидер пизанской фракции Гидиче делла Рокка в течение многих лет вел неравную борьбу, проявляя удивительное мужество, изобилие ресурсов, строгую справедливость и редкое милосердие. Он убил своего собственного племянника за то, что тот оскорбил женщину-заключенную, ради безопасности которой он, Делла Рокка, дал свое слово. Старый и слепой, этот герой был предан своим незаконнорожденным сыном, передан генуэзцам и умер в жалкой генуэзской темнице; и с его падением прекратился суверенитет Пизы.

После смерти Делла Рокки наступил период анархии. Бароны были безжалостны в своих поборах, и народ был доведен до крайней нищеты. Спустя много лет появился другой доблестный патриот рода Рокка, Арриго делла Рокка (1392). Он поднял знамя восстания, и народ сплотился вокруг него. Он победил генуэзцев, был провозглашен графом Корсики и правил страной четыре года. Потерпев наконец поражение от генуэзцев, он отправился в Испанию просить помощи. Вернувшись с небольшим отрядом, он разгромил своих врагов и снова стал хозяином острова. Генуя послала еще одну армию, Арриго делла Рокка был отравлен (1401), и в том же году Генуя покорила Францию.

Корсика продолжала борьбу за независимость. Винсентелло, племянник Арриго делла Рокка, стал графом Корсики и в течение двух лет вел доблестное сражение. Генуя ввела дополнительные войска, и сопротивление было подавлено. Винсентелло покинул остров. Вскоре вернувшись с помощью из Арагона, он отвоевал графство, за исключением крепостей Кальви и Бонифаччо. Вдохновленный успехом Винсентелло, молодой король Арагона Альфонсо лично прибыл с большими силами, чтобы завершить завоевание. Кальви был взят, но Бонифаччо сопротивлялся всем попыткам. Это место было прочно генуэзским, и в течение нескольких месяцев стойкость его защитников была отчаянно героической. Женщины, дети и священники присоединились к тем, кто стоял на стенах, и все сражались вместе. Храбрость испанцев была поколеблена, гордость испанцев унижена, и Альфонсо уплыл. Винсентелло, лишенный союзников, сдал позиции. Он нанес своему собственному делу смертельный удар, надругавшись над девушкой, чьи родственники восстали, чтобы отомстить за причиненное зло. Виновный человек и неукротимый патриот решил еще раз обратиться за помощью в Испанию; но Генуя захватила его в море и отрубила ему голову на ступенях своего герцогского дворца (1434).

Затем на Корсике снова воцарилась анархия. Бароны воевали, крестьяне страдали. Закон был мертв. Правила только страшная вендетта — закон частной мести. Люди были так измучены продолжающейся враждой, раздорами соперников и разными беспорядками, что они собрались на общее собрание и решили отдать себя под защиту генуэзского банка Святого Георгия. Банк согласился принять этот уникальный депозит (1453). Корсиканская знать оказала сопротивление банку, и последовали ужасные сцены. Многим гордым баронам отрубили головы, многие из них покинули страну. Арагон благоволил знати, и они вернулись, чтобы возобновить борьбу, разгромить силы банка и отвоевать большую часть острова.

В 1464 году Франческо Сфорца из Милана захватил Геную и объявил Корсику частью своего завоевания. Островитяне предпочли Милан Генуе, и, если бы не случайная драка, можно было бы договориться о мирных условиях. Но драка произошла, и мира не было. Последовали годы войны, грабежей, и всеобщей нищеты. Из мрака появляется отважная фигура, Джамполо, с поразительным упорством и силой духа продолжающий старую борьбу Корсики против угнетения. После каждого поражения он поднимался, чтобы сражаться снова. Он никогда не покидал поле боя, пока корсиканское соперничество не ослабило и не разорило его. Затем, сопротивляясь до последнего, он пошел путем преступника, чтобы умереть в изгнании.

Дезертирство Ренуччо делла Рокка привело к провалу Джамполо. Через некоторое время Рокка сам возглавил восстание против Генуи и был свергнут. Он покинул остров, но приходил снова, и еще раз, чтобы возобновить безнадежную битву. В конце концов, его собственные крестьяне убили его, чтобы положить конец жалкой войне, поскольку не было другого способа обратить неукротимого человека (1511).

Соппротивление подавлено, островом управляет банк Генуи. Бароны были разбиты, их замки превратились в руины. Простые люди поддерживали свое местное самоуправление, пользовались долей в правительстве и находились в гораздо лучшем положении, чем простые люди в других частях Европы. Но банк не удовлетворился тем, что оставил все как есть; вскоре проявился жестокий дух, и привилегии, которыми пользовались люди, были отменены.

Против этой тирании восстал сильнейший лидер, которого когда-либо находили корсиканцы, Сампьеро. Этот человек скромного происхождения, в юности искал приключений в чужих землях. Он служил Дому Медичи и во Флоренции стал известен возвышенностью и энергией своего характера. Позже он служил королю Франции Франциску I. Тот произвел его в полковники сформированного им корсиканского полка. Баярд был его другом, и Карл Бурбонский сказал о нем: “В день битвы корсиканский полковник стоит десяти тысяч человек”; точно так же, как другой великий воин, эрцгерцог Карл Австрийский, сказал о другом великом корсиканце, служившем тогда во Франции (1814): “Сам Наполеон равен ста тысячам человек”.

В 1547 году Сампьеро вернулся на Корсику, чтобы выбрать жену. Его слава была настолько прочна, что ему выдали за единственную дочь сеньора Орнано, красавицу Ваннину. Банк Генуи, встревоженный присутствием такого человека на острове, бросил его в тюрьму. Его тесть, Франческо Орнано, добился его освобождения.

Генуя, с момента своего освобождения от французского владычества Андреа Дориа, находилась в союзе с императором Германии, с которым французский король и турки находились в состоянии войны. Следовательно, Сампьеро мог побудить Францию и ее союзников напасть на генуэзцев на Корсике. В 1553 году пришли Сампьеро, французы и турки, и вся Корсика, за исключением Кальви и Бонифаччо, попала в руки захватчиков. Бонифаччо подвергался тщетной осаде, пока с помощью хитрости не был взят. Тогда турки, возмущенные тем, что Сампьеро не позволил им разграбить город и предать мечу всех генуэзцев, отказались от своего дела и уплыли. Кальви все еще держался. Император послал армию из немцев и испанцев; Космо Медичи также послал войска; Андреа Дориа принял командование, и французы повсюду были разбиты. Сампьеро поссорился с неспособным французским командующим, отправился во Францию, чтобы защититься от ложных сообщений, добился своего, затем вернулся на остров, где стал львом борьбы. Он победил врага в двух ожесточенных битвах и успешно сражался в течение шести лет. Затем последовал

сокрушительный удар. По Камбрейскому мирному договору Франция согласилась с Испанией, что Корсика должна быть возвращена Генуе.

Оказавшись перед лицом этой ужасной катастрофы, Сампьеро не отчаялся. Вынужденный покинуть остров, он скитался по континенту от двора ко двору в поисках помощи. Четыре года он ездил по этому унылому кругу — во Францию, Наварру, Флоренцию. Он даже побывал в Алжире и Константинополе. В этот промежуток времени Генуя обманула и заманила в ловушку Ваннину, жену героя. Она покинула свой дом и отдалась в руки его врагов. Один из родственников Сампьеро был настолько глуп, что сказал ему: “Я давно ожидал этого”. — “И ты скрыл это!” - в ярости воскликнул Сампьеро, ударив своего родственника кинжалом в сердце. Ваннину преследовали и поймали, Сампьеро убил ее собственной рукой.

Потерпев неудачу в своих попытках заручиться иностранной помощью, герой вернулся на Корсику, чтобы сражаться в одиночку (1564). С отчаянной храбростью он переходил от одной маленькой победы к другой, пока Генуя не была полностью взбурена. Была переброшена армия немецких и итальянских наемников, а командование передано способному генералу Стивену Дориа. Война приняла самый кровопролитный характер. Генуя, казалось, была настроена на полное истребление корсиканцев и опустошение всей страны. Сампьеро воспользовался кризисом; и хотя он продолжал умолять Францию о помощи, он продолжал сражаться с дикой свирепостью. Он победил Дориа в нескольких поединках и, наконец, на перевале Луминада почти полностью уничтожил противника. Дориа в отчаянии покинул остров, а Сампьеро остался хозяином поля. Со своими ничтожно малыми силами он разгромил испанский флот, пятнадцать тысяч испанских солдат и армию наемников и последовательно разбил лучших генералов, которых могла прислать Генуя. Все это он проделал с полуголодными, полуруками крестьянами, единственная сила которых заключалась в вдохновении их патриотизма и непобедимом духе их вождя. Немногие более сильные люди жили и любили, надеялись и отваживались, сражались и страдали, чем этот полудикий герой Корсики. Когда весь мир был против него, Сампьеро сражался без страха, как и подобает другому великому корсиканцу.

В открытом бою его нельзя было сокрушить: на это были согласны его враги, поэтому было предпринято предательство. Генуя подкупила нескольких корсиканских вождей; двоюродные братья Ваннины были возбуждены жадой мести; Виттоло, доверенный лейтенант, восстал против своего вождя; и монах, которого Сампьеро не мог подозревать, присоединился к заговорщикам. Монах доставил Сампьеро поддельные письма, которые привели его в засаду, где его подстерегали враги. Он сражался как лев, каким и был. Раненный в лицо, он одной рукой вытирал кровь с глаз, в то время как другой держал меч. Виттоло выстрелил ему в спину, и Орнано бросились на умирающего и отрубили ему голову (1567).

Падение Сампьеро вызвало бурю восторга в Генуе, где раздавался колокольный звон и иллюминации. На Корсике это побудило народ к новым усилиям, но усилия были тщетными, потому что вождь был мертв. На большом собрании в Ореццо, где три тысячи патриотов оплакивали погибшего героя, они избрали его сына Альфонсо своим главнокомандующим.

После двухлетней борьбы, в которой юноша вел себя храбро, он заключил мир и покинул страну. В сопровождении многих товарищей по оружию он отправился во Францию, сформировал из своих сторонников корсиканский полк, полковником которого Карл Девятый

назначил его. Другие корсиканцы, нашедшие убежище в Риме, сформировали корсиканскую гвардию папы римского.

Оказавшаяся снова во власти Генуи, Корсика перенесла все беды угнетенных. Опустошенная войной, голодом, чумой, плохим управлением, более несчастной страны было не найти. Лишенный своих привилегий, истощенный своими ресурсами, разоренный турками и разграбленный христианами, он также истекал кровью из-за семейных распрей. Поскольку суды были коррумпированы, вендетта свирепствовала с неистовством. Во многих частях страны сельское хозяйство и мирные занятия были заброшены. И это ужасное состояние сохранялось в течение полувека.

Генуэзская администрация становилась все более невыносимой. На каждый очаг был наложен налог в двенадцать долларов. Губернаторы острова были наделены полномочиями приговаривать к смертной казни без каких-либо юридических форм или разбирательств.

Однажды бедный старик из Бустансио пошел к генуэзскому сборщику налогов, чтобы заплатить налог. Его денег немного не хватило до причитающейся суммы — пенни или около того. Чиновник отказался принять то, что ему предложили, и пригрозил наказать старика, если тот не заплатит всю сумму. Пожилой гражданин ушел, ворча. Встречаясь со своими соседями, он рассказывал им о своей беде. Он жаловался и плакал. Они сочувствовали и плакали. Вzbешенный собственными обидами, старик начал осуждать генуэзцев вообще - их тиранию, жестокость, наглость и угнетение. Собирались толпы, росло возбуждение, мятежные настроения распространялись по всей стране. Вскоре зазвонили колокола тревоги, и от горы к горе зазвучала военная труба. Это было в октябре 1729 года.

Последовала сорокалетняя война. Генуя наняла у императора большое количество немцев, и восемь тысяч из этих наемников высадились на Корсике. Сначала они били плохо вооруженных островитян, которые шли в бой с обнаженными ногами и головой. Но в 1732 году немцы были почти уничтожены в битве при Калензале. Генуя призвала императора прислать новых наемников. Они были посланы; но прежде чем были предприняты какие-либо решительные действия, от императора поступил приказ заключить мир. Корсика обратилась к нему с жалобой на Геную, и он решил, что с корсиканцами поступили несправедливо. Корсика подчинилась Генуе, но ее древние привилегии были восстановлены, налоги отменены и обещаны другие реформы.

Не успели немцы покинуть остров, как генуэзцы и корсиканцы снова вступили в бой. Под командованием Гиацинта Паоли и Джаффери храбрые островитяне нанесли генуэзцам поражение по всем пунктам, и Корсика на данный момент была освобождена.

В 1735 году народ провел великое собрание в Кортэ и провозгласил свою независимость. Было организовано правительство, и народ был объявлен единственным источником законов.

Генуя приложила все свои силы, чтобы подавить восстание. Остров был блокирован, на него хлынули войска, были отправлены лучшие генералы. Положение корсиканцев было отчаянным. Они нуждались почти во всем, что требовалось для их защиты, за исключением храбрых людей. Блокада лишила их всякой надежды на получение помощи из-за границы. Сторонники Англии прислали два судна, груженных припасами, и радость бедных островитян была велика. С полученным таким образом вооружением они пошли штурмом и захватили Алезию.

Но вскоре их отчаяние снова стало крайним, а борьба безнадёжной. В этот самый темный час произошел очень любопытный эпизод. Немецкий авантюрист Теодор де Нойхофф, барон Вестфалии, войдя в порт на единственном корабле под британским флагом, предложил себя корсиканцам в качестве их короля. Он давал самые ободряющие обещания относительно людей, денег и военного снаряжения, которые он мог бы доставить на помощь корсиканцам. Легко поверив в то, что представляло для них такой большой интерес, и, возможно, придав слишком большое значение трем английским кораблям, которые недавно доставили им припасы, корсиканские вожди фактически признали Нойхоффа своим королем.

Соглашение между королем Теодором и корсиканцами было серьезно оформлено в письменном виде, подписано, скреплено печатью, приведено к присяге и доставлено. Затем все они вошли в церковь, провели торжественную религиозную службу и увенчали Феодора венцом из дубовых и лавровых листьев. Теодор относился к себе серьезно, с рвением приступал к работе, назначал высших сановников короны, организовал суд, учредил рыцарский орден и действовал так, как если бы он действительно был королем. Он выступил против угнетателей, сражался как сумасшедший, получил некоторые преимущества и начал выставлять ситуацию в мрачном свете в глазах генуэзцев.

Прибегнув к отвратительному плану, они выпустили на остров банду из полутора тысяч разбойников, галерных рабов и преступников вне закона. Эти негодяи сеяли хаос повсюду, куда бы ни пришли. Тем временем корсиканские вожди начали проявлять нетерпение по поводу помощи, обещанной Теодором. Увертки и новые заверения некоторое время давали ответ, но в конце концов дело дошло до кризиса. Теодору более или менее определенно сказали, что либо должна прийти помощь, либо он должен уйти. Чтобы избежать шторма, он ушел, сказав, что скоро вернется с обещанным облегчением. Паоли и другие корсиканские вожди поняли, что, ухватившись за соломинку, которую протянул им этот авантюрист, они выставили себя и Корсику на посмешище. Соответственно, они возложили тяжкую вину на Теодора.

Кардинал Флери, добрый старый христианин, который в то время (1737) был министром Франции, выступил с предложением вмешаться в интересах Генуи и привести корсиканцев к покорности. Соответственно, были высажены французские войска (1738), и островитяне *массово поднялись*, чтобы оказать сопротивление. Пылали костры, звонили колокола, ревели боевые трубы. Все население бросилось к оружию. Французы не спешили вступать в бой, и на шесть месяцев затянулись переговоры. Как ни странно, корсиканцы в своем несчастье отдали французам заложников и согласились доверить свое дело королю Франции. На этом этапе должен вмешаться кто угодно, только не Теодор! Неутомимый человек исколесил Европу в поисках сочувствия к Корсике и нашел его там, где американцы нашли его в такой же трудный час — в Голландии. Ему удалось захватить с собой несколько судов, груженных пушками, стрелковым оружием, порохом, свинцом, пиками, кремнями, бомбами и гранатами. Корсиканский народ принял его с восторгом и с триумфом доставил в Червионе, где он был коронован; но вожди не проявили к нему доброй воли и сказали ему, что обстоятельства изменились. С Францией должны быть заключены условия; Корсика в настоящее время не могла признать его королем, несмотря на клятвы, религиозные службы и письменный контракт об обратном. Теодор печально уплыл прочь.

Обращение к французскому королю привело к заключению Версальского мирного договора, по условиям которого корсиканцам были сделаны некоторые уступки, которым было категорически

предписано сложить оружие и подчиниться Генуе. Корсика сопротивлялась, но была побеждена Францией. В 1741 году французы ушли с острова, и почти сразу же между корсиканцами и генуэзцами снова разгорелась война.

В 1748 году король Теодор появился снова, привезя военное снаряжение, в котором остров очень нуждался. Похоже, ему удалось убедить корсиканцев принять его припасы, но они не проявили ни малейшего желания принять его самого. Он снова ушел — чтобы больше не возвращаться. Доблестный, щедрый авантюрист отправился в Лондон, где кредиторы бросили его в тюрьму. Министр Уолпол открыл подписку, которая обеспечила его освобождение. Он умер в Англии и был похоронен на кладбище церкви Святой Анны в Лондоне в декабре 1756 года.

Между Генуей и Корсикой был заключен мир, привилегии которого были восстановлены. На два года воцарилось спокойствие. Затем вспыхнули семейные распри, и остров погрузился в смятение. Вслед за этим началось всеобщее восстание против генуэзцев, в котором англичане и сардинцы помогали корсиканцам. Генуя обратилась к Франции, которая прислала армию. Встревоженные появлением французов, жители острова пришли к соглашению. Курсе, командуя французами, добился для несчастного народа самого благоприятного договора, который они когда-либо заключали. Недовольные Курсе, генуэзцы убедили Францию отозвать его. После чего корсиканцы подняли оружие, Гаффори был их главнокомандующим. Он проявил гений и мужество Сампьеро, добился успеха прежнего героя и, как и он, пал от предательства. Заманенный в засаду, Гаффори был убит корсиканцами, его собственный брат был одним из убийц. Падение лидера не встревожило народ. Они выбрали других лидеров, и продолжили борьбу. Наконец, в июле 1755 года знаменитый Пасхалий Паоли был избран главнокомандующим. В то время ему было всего двадцать четыре года. Хорошо образованный, мягкий, твердый, с ясной головой и хорошо уравновешенный, он был скорее государственным деятелем, чем воином. Его первой мудрой мерой была отмена вендетты.

Главным образом с помощью своего брата Клеменса Паоли разгромил соперника-корсиканца Матру и прочно утвердился в качестве правителя острова. При его администрации она процветала и привлекла восхищенное внимание всех европейских либералов. Совершенно измученная Генуя обратилась к Франции, но получила незначительную помощь. В качестве последнего средства было предпринято предательство: корсиканец был натравлен на Корсиканца. Прибегли к помощи семьи Матра, и братья того, кто возглавил первое восстание против Паоли, вышли на поле боя во главе генуэзских войск. Они потерпели поражение.

Генуя снова перешла к Франции, и 6 августа 1764 года было подписано соглашение, по которому Корсика передавалась Франции на четыре года. Французские гарнизоны заняли те немногие места, которые еще удерживала Генуя. В течение четырех лет Шуазель, французский министр, готовил почву для присоединения Корсики к Франции. Как и прежде, были корсиканцы, которых можно было использовать против Корсики. Буттафуоко, дворянин острова, объявил себя сторонником политики аннексии. Он стал апостолом Шуазеля по обращению других. Он так искусно использовал взятки и другие стимулы, что Корсика вскоре разделилась сама против себя. Большая партия высказалась за присоединение острова к Франции. В 1768 году генуэзцы поняли, что их владычеству пришел конец. Между двумя коррумпированными и деспотическими державами была заключена сделка, в результате которой одна продала другой остров, которым она не владела, народ, который она не могла завоевать, — остров и народ,

правительство которого в тот момент было образцом мудрости, справедливости и просвещенного прогресса. Единственная из всех стран Европы, Корсика пользовалась самоуправлением, политической и гражданской свободой, справедливыми законами и честной администрацией. Торговля, сельское хозяйство, мануфактуры зажили новой жизнью под руководством Паоли, были основаны школы, провозглашена веротерпимость, свобода слова и совести. После столетий борьбы с ужасными трудностями героический народ завоевал свободу и тем, как она использовалась, доказал, что заслужил ее. Таковы были люди, с которыми Шуазель, министр Франции, заключил сделку и был куплен за сумму в 400 000 долларов. Бурбоны уступили Англии империю за морями — этим актом вероломства и жестокости они надеялись вернуть часть своего утраченного величия.

Ужасные страсти бушевали на Корсике, когда стало известно об этой позорной сделке. Люди взялись за оружие, и их несправедливость вызвала сочувствие далеко во многих странах. Но Франция направила войска десятками тысяч; и хотя корсиканцы творили чудеса, они не могли победить врагов, которые так сильно превосходили их численностью. Паоли был верным вождем, бдительным и храбрым, но он не был Сампьеро. Его войска были разгромлены при Понте Нуово 12 июня 1769 года, и Корсика сложила оружие. Длинная глава была закончена, и восторжествовала еще одна ошибка.

Главной из болезненных черт драмы было то, что Буттафуоко и несколько других корсиканцев перешли на службу во Францию и развязали войну против собственного народа.

Паоли с группой преданных сторонников покинул остров. Его путешествие из Ливорно через Германию и Голландию было триумфальным. Признанный либералами, он был осыпан почестями в городах, через которые он проезжал; а в Англии, где он обосновался, его приветствовали люди и правительство назначило ему пенсию.

Французы без труда организовали свою администрацию. Элемент Буттафуоко купался в лучах успеха и покровительства. Какое-то время все было безмятежно. Позже хватка Франции усилилась, освященные веками привилегии корсиканцев были отменены, старая демократия больше не была поддержкой правительства, которое все больше и больше полагалось на французских солдат. Власть, отнятая у деревенских общин, была полностью передана в руки военного губернатора и совета из двенадцати дворян. Французы занимали все важные посты. Резиденция правительства была перенесена из Корте в Бастию и Аяччо. Недовольство, вызванное этими изменениями, переросло в открытое восстание. Французы подавили его с дикой жестокостью. После этого Корсика стала завоеванной землей, которая больше не оказывала сопротивления, но народ которой, за исключением тех, кто всегда был на стороне Франции, питал крайне горькие чувства к своим завоевателям.

В этом пылком, измученном войной, глубоко обиженном народе родился Наполеон Бонапарт; и следует помнить, что до того, как его глаза открылись для света, его мать трепетала от всех страстей своего народа, ее ноги следовали за маршем, ее уши слышали грохот битвы. Как прекрасно сказал Дюма, “Новорожденный ребенок дышал воздухом, раскаленным гражданской ненавистью, и колокол, возвещавший о его крещении, все еще дрожал от набата”.

ГЛАВА II

“С Сент-Чарльз-стрит вы попадаете на очень маленькую площадь. Вяз стоит перед желтовато-серым оштукатуренным домом с плоской крышей и выступающим балконом. В нем по шесть фасадных окон на каждом из трех этажей, а двери выглядят старыми и потрепанными временем. На углу этого дома есть надпись: *Площадь Летиции*. Путешественник тщетно стучит в дверь. Ни один голос не отвечает.

Такова картина особняка Бонапарта в Аяччо, нарисованная в 1852 году. Мало кто из туристов приезжает сюда, чтобы посмотреть на это, поскольку Корсика находится не на прямых маршрутах мировой торговли или путешествий. И все же это дом, история которого более увлекательна, более чудесна, чем история любого здания, которое сегодня громоздится на земле.

Мы закрываем глаза и видим картину, которая богаче самой богатой страницы, вырванной из романа. Мы видим худощавого, желтоватого, неуклюжего, низкорослого парня, выходящего из дверей старого дома и выходящего в мир без денег в кармане и без могущественных друзей, которые помогли бы ему преодолеть трудности. Ему было всего девять лет, когда он покидал дом, и мы видели, как он горько плакал, прощаясь с матерью. Мы видим его в школе во Франции, изолированного, несчастного, поначалу неспособного говорить на родном языке, яростно возмущающегося пренебрежением к его бедности, невежеству, его семье, его стране — страдающего, но никогда не покоренного. Мы видим, как он восстает против неприятностей, подобно орлу, встречающему бурю грудью. Мы видим, как он кладет к своим ногам лучшую половину цивилизованного мира. Мы видим, как он привозит сестер и братьев с острова домой и надевает им на головы короны. Мы видим, как он осыпает миллионами свою мать; и мы слышим, как он говорит своему брату в тот день, когда надевает мантию императора: “Джозеф, если бы отец был здесь...”

Пока будет длиться время, источником вдохновения для бедных и честолюбивых будет сын юриста из Аяччо: не Александр, прирожденный король; не Цезарь, патриций; но Наполеон, безденежный парень с презираемой Корсики, который штурмовал вершины мира и благодаря собственной колоссальной силе характера, гению и трудолюбию захватил их!

Пока будет длиться время, его имя будет вдохновлять не только отдельного человека, но и массы. Везде, где люди достаточно слышали, достаточно читали, достаточно думали, чтобы почувствовать, что абсолютизм короля или священника - это неправильно; что особые привилегии клана или клики - это неправильно; что монополия на власть, покровительство, богатство или возможности - это неправильно, там имя Наполеона будут произносить с почтением, каким бы деспотом он ни стал, ибо в глубине души он был человеком из народа, сокрушавшим в пух и прах феодализм, касты, божественное право и наследственное мошенничество.

* * * * *

Уже в 947 году на Корсике были Бонапарты, ибо имя одного из них встречается как свидетельство деяния, совершенного в том году. В Италии тоже были Бонапарты, и люди с этим именем стояли в одном ряду с дворянами Болоньи, Тревизо и Флоренции. Говорят, что во время

гражданских войн в Италии члены семьи Бонапартов нашли убежище на Корсике, и что происхождение Наполеона можно проследить до этого источника. Несомненно, что корсиканские Бонапарты продолжали заявлять о своем родстве с итальянской семьей и причислять себя к итальянским патрициям; и оба эти требования были признаны. На Корсике они считались аристократами, влиятельной семьей в Аяччо.

Во время французского вторжения представителями семьи были Люсьен, архидьякон Аяччо, и Шарль Бонапарт, молодой человек, оставшийся сиротой в возрасте четырнадцати лет.

Шарль Бонапарт родился в 1746 году и в 1764 году женился на Летиции Рамолино, пятнадцатилетней корсиканке. Она была из хорошей семьи и принесла своему мужу приданое, по меньшей мере равное его собственному поместью. Красивая, жизнерадостная и умная, мадам Летиция ничего не знала о книгах, мало разбиралась в манерах приличного общества и была скорее гордой крестьянкой, чем знатной дамой. Она не знала, как сложить столбик цифр, но время должно было доказать, что она обладает рассудительностью, здравым смыслом, несгибаемым мужеством, большой возвышенностью и энергией характера. Несчастье не сломило ее дух, а процветание не вскружило ей голову. Она была бережливой, трудолюбивой, сильной физически и умственно, “с мужской головой на женских плечах”, как сказал о ней Наполеон.

Шарль Бонапарт изучал юриспруденцию в Италии, когда разразилась война между Францией и Корсикой. По зову Паоли студент бросил учебники и пришел домой, чтобы присоединиться к борьбе. Он был активным и умелым, одним из доверенных помощников Паоли. После битвы при Понте-Нуово, поняв, что все потеряно, он сдался французам (23 мая 1769 г.) и вернулся в Аяччо.

Политика французов заключалась в том, чтобы примирить ведущих корсиканцев, и особое внимание, по-видимому, уделялось Шарлю Бонапарту. Его особняк в Аяччо, известный своим гостеприимством, стал любимым курортом генерала Марбефа, французского губернатора острова-холостяка. С легкостью, которая, как некоторые считали, свидетельствовала о податливости или слабости характера, Бонапарт-патриот превратился в Бонапарта-придворного. Возможно, он убедил себя, что присоединение к Франции было лучшим решением для Корсики и что его курс на максимальное использование нового порядка вещей был мудрым, совместимым с патриотизмом.

Соппротивление Франции было подавлено, началась политика примирения, а корсиканцев призвали принять участие в управлении своими собственными делами, подчиняясь Франции, и можно было бы поколебаться, прежде чем осуждать курс Шарля Бонапарта на Корсике, точно так же, как мы можем колебаться между политикой Кошута и Деака в Венгрии или Костюшко и Чарторыйского в Польше. Мы можем восхищаться патриотом, который сопротивляется насмерть, и в то же время уважаем гражданина, который сражается до победы, а затем извлекает максимум пользы из плохой ситуации.

В 1765 году мадам Летиция Бонапарт родила своего первого ребенка; в 1767 году - второго, оба умерли в младенчестве. В 1768 году родился Жозеф, а 15 августа 1769 года - Наполеон.¹

¹В период этой беременности Корсика находилась в эпицентре войны; и мадам Бонапарт, следуя за своим мужем, оказалась в эпицентре страданий, ужасов и жестокостей, которые порождает такая война. Воздух все еще был наэлектризован горячими страстями смертельной борьбы, когда пришло время молодой жены. 15 августа 1769 года мадам Бонапарт, набожная

католичка, присутствовала на службе в церкви; но, почувствовав приближение родов, поспешила домой и едва успела дойти до своей комнаты, как ей принесли Наполеона на ковре, расстеленном на полу.

Авторитетом для этого заявления является сама мадам Бонапарт, которая рассказала об этом Пермонам в Париже 18 Брюмера, в день, когда рожденный таким образом сын боролся за верховную власть во Франции.

История, в которой величайший из людей и воинов появился на свет на куске ковра или гобелена, на котором были изображены герои “Илиады”, является басней, согласно прямому заявлению, сделанному мадам Бонапарт американскому генералу Ли в Риме в 1830 году.

В последующие годы к Бонапартам пришли и другие дети, из которых выжили Элиза, Люсьен, Луи, Полин, Каролина и Джером. Содержать эту большую семью и жить в гостеприимстве, которого обычай требовал от человека его ранга, Шарлю Бонапарту было нелегко, тем более что он был любителем удовольствий, экстравагантным человеком, чьи представления о работе, казалось, совпадали с представлениями прирожденного придворного. Он вернулся в Италию после заключения мира; потратил там большую часть своего наследства; приобрел репутацию общительного, умного, покладистого джентльмена; и получил степень доктора права в Пизе в ноябре 1769 года.

К несчастью, он был обременен заложенным имуществом и наследственным иском. Все излишки, которые не смогла поглотить ипотека, были поглощены судебным процессом. Его отец дорого погнался за этой радугой, предпринял эту безнадежную попытку добиться справедливости; и по стопам отца последовал сын. Это была старая история о грешнике, больном и потому раскаивающемся; о священнике, держащем ключи от рая и требующем предоплаты; о трусливом отказе от имущества в обмен на обещание спасения. Таким образом, иезуиты получили дома и земли Бонапарта, в нарушение условий завещания предка, причем судебный процесс был попыткой законных наследников выполнить завещание первоначального владельца.

Несмотря на все, что они могли сделать, Бонапарты так и не смогли вернуть собственность.

Шарль Бонапарт, мужчина с красивым лицом и фигурой, похоже, обладал талантом заводить друзей, поскольку был назначен ассессором высшего суда Аяччо, членом совета корсиканской знати, а позже представителем этой знати во Франции. С небольшим доходом от состояния его жены и от своего собственного, которому помогал его официальный заработок, он довольно неплохо содержал свою семью; но его притязания и расходы были настолько выше того, что он действительно мог себе позволить, что в финансовом отношении он никогда не чувствовал себя в своей тарелке.

Это было знакомое страдание джентльмена, который старается удовлетворить вкусы богача за счет кошелька бедняка. Там был его большой каменный особняк, его земельные владения, его аристократические партнеры, его дворянский патент, подписанный герцогом Флорентийским; и все же в доме не хватало денег, чтобы дать детям образование.

Овдовевшая мать мадам Летиции вышла замуж во второй раз за Феша, бывшего швейцарского капитана генуэзской службы, и от этого брака у нее родился сын Джозеф Феш, известный в

наполеоновских хрониках как “дядя Феш”. Этот одиннадцатилетний дядя научил юного Наполеона алфавиту.

На шестом курсе Наполеона отправили в женскую школу. К одной из маленьких девочек в этой школе мальчик проявлял такую нежность, что другие мальчики смеялись над ним и шутили в рифму.

*Napoleon di mezza calzetta
Fa l'armore a Giacominetta.*²

²Наполеон, наполовину сняв чулки,
Занимается любовью с Джакоминеттой.

На насмешки и стишок Наполеон ответил палками и камнями.

Не очень очевидно, что он чему-то здесь научился, поскольку нам говорят, что именно аббат Рекко научил его читать; и именно этого аббата упомянул Наполеон в своем завещании. Что касается маленькой Джакоминетты, то наполеоновские хроники полностью теряют ее, и она занимает свое место среди “детей мечты” очень примитивной поэзии.

Каким именно мальчиком был Наполеон в этот ранний период, сказать практически невозможно. Возможно, он не сильно отличался от других мальчиков своего возраста. Вероятно, он был более капризным, менее склонным к мальчишеским забавам, быстрее ссорился и дрался. Но если бы он никогда не стал знаменитым, никто бы не подумал, что его юношеские симптомы указывают на что-то необычное ни для добра, ни для зла.

На острове Святой Елены усталый пленник развлекался тем, что представлял молодого Наполеона плохим парнем в городе. Он ссорился, он дрался, он кусался и царапался, он терроризировал своих братьев и сестер и так далее. Это может быть правдой, а может и нет; сообщается, что его мать говорила, что он был “совершенным бесенком”, но достоверность сомнительна.

Семья Бонапартов обычно проводила лето в небольшом загородном поместье под названием Миллели. Его территория была красивой, и оттуда открывался великолепный вид на море. Большая гранитная скала с естественной впадиной, или гротом, предлагала прохладное, тихое убежище; говорят, что это был любимый курорт Наполеона. В последующие годы он благоустроил это место, построил там небольшой летний домик и использовал его для учебы и медитации.

Естественно предположить, что Наполеон в детстве впитал в себя значительную долю корсиканских настроений. Его кормилицей была корсиканская крестьянка, и от нее, своих родителей, товарищей по играм и школьных товарищей он, вероятно, слышал историю Корсики, ее обид, ее борьбы и ее героев. Делла Рокка, Сампьеро, Гаффори и Паоли были именами, знакомыми его ушам. В очень раннем возрасте он испытывал все страсти корсиканского патриота. Французы были хозяевами, но их ненавидели. Хотя Бонапарты

смирились с ситуацией, возможно, им это не нравилось. Даже слуги в доме обрушивали свои проклятия на “этих французских собак”.

Генерал Марбеф, сердечный друг семьи, призвал Шарля Бонапарта попытаться дать детям образование за счет Франции. В 1776 году было подано письменное заявление о приеме Жозефа и Наполеона в военную школу Бриенна. В то время оба мальчика были в безопасности от возрастного ценза в десять лет. Но власти потребовали доказательств дворянства — в четырех поколениях дворянства, — согласно закону Бурбонов; и прежде чем эти доказательства были приведены в удовлетворительную форму, Жозеф был слишком стар для Бриенны.

Избранный в 1777 году дворянами Корсики своим наместником во Франции, Шарль Бонапарт отправился в Версаль в 1778 году, взяв с собой своих сыновей Жозефа и Наполеона. Джозеф Феш сопровождал группу до Экса, где в местной семинарии ему должны были дать бесплатное образование для получения звания священника. Иосиф, и Наполеон впоследствии заявляли, что их отец посетил Флоренцию по пути во Францию и был удостоен почетного приема при герцогском дворе.

Епископ Отенский, племянник генерала Марбефа, был заинтересован в защите Бонапартов, и именно в его школе Жозеф должен был получить церковное образование. Туда же поместили и Наполеона, пока он не выучит французский в достаточной степени для Бриенна. Таким образом, 1 января 1779 года он начал учебу.

Аббат Шардон, который был его учителем, говорит, что у него был задумчивый и мрачный характер. “У него не было товарища по играм, и он гулял один”. Очень естественно. Он был чужим для всех мальчиков, он находился в незнакомой стране, поначалу он не мог говорить на этом языке, он не мог понимать тех, кто говорил на нем — как мог тоскующий по дому парень быть общительным и веселым в таких условиях? Кроме того, он был корсиканцем, презираемым представителем покоренной расы. И французские мальчишки дразнили его за это. Однажды, по словам учителя, мальчики бросили в его адрес оскорбление, что “корсиканцы были большими трусами”. Наполеон вышелиз своей сдержанности и ответил: “Если бы вас было всего четверо к одному, вы бы никогда не победили нас, но вас было десять к одному”. Чтобы успокоить его, учитель заметил: “Но у вас был хороший генерал — Паоли”. — “Да, - ответил десятилетний мальчик, - и я хотел бы быть похожим на него”.

Согласно школьному списку и собственным записям Наполеона, он оставался в Отене до 12 мая 1779 года. Он выучил “достаточно французского, чтобы свободно разговаривать и делать небольшие сюжеты и переводы”.

Тем временем Шарль Бонапарт навещал своего короля, юного Людовика XVI, в Версале. Придворному во Франции, как и в Аяччо, ловкий юрист пришелся по душе. Щедрое вознаграждение из королевского кошелька увеличило жалованье корсиканских делегатов - награда за “их превосходное поведение”; и на этот раз Шарль Бонапарт был умеренно обеспечен средствами.

19 мая 1779 года Наполеон поступил в колледж Бриенны. Его преподавателями были некомпетентные монахи. Ученики были в основном французскими аристократами, отпрысками привилегированной знати, гордыми, праздными, экстравагантными, порочными. Большинство этих молодых людей смотрели на Наполеона с презрением. В нем встречались почти все элементы, необходимые для того, чтобы вызвать их неприязнь, спровоцировать их насмешки

или возбудить их гнев. Лично он был жалко худым и низкорослым, с жидкими волосами и неуклюжими манерами; его речь была ломаной на французском, произносилась неправильно и безграмотно; было очевидно, что он беден; он был корсиканцем; и вместо того, чтобы быть скромным и покорным, он был гордым и вызывающим. В течение пяти лет, проведенных Наполеоном здесь, он был изолирован, угрюм, измучен собственным недовольством и жестокостью своего положения. Он усердно изучал те отрасли, которые ему нравились, другими пренебрегал. По математике он был первым в школе, по истории и географии учился довольно хорошо; латынь, немецкий и изучение орнамента его совсем не привлекали. Учительница немецкого считала его тупицей. Но он больше занимался в библиотеке, чем в классной комнате. Пока другие мальчики резвились на игровой площадке, Наполеон был похоронен в каком-нибудь углу с книгой.

Однажды Наполеон, войдя в комнату и увидев висевший там портрет Шуазеля, разразился потоком оскорблений в адрес министра, купившего Корсику. Школьные власти наказали за богохульство.

В другой раз один из молодых французских дворян презрительно сказал Наполеону: “Твой отец - всего лишь жалкий информатор”. Наполеон бросил вызов своему обидчику и был заключен в тюрьму за свою безрассудность.

В другой раз квартирмейстер приговорил его за какое-то нарушение правил надеть покаянное одеяние и есть свой обед на коленях у дверей общей столовой. Унижение было реальным и суровым, ибо, несомненно, все французские парни, которые издевались над ним, были свидетелями этого позора и смотрели на виновника презрительными глазами, издеваясь над ним. От напряжения у Наполеона началась истерика, и его начало рвать. Директор школы, случайно проходивший мимо, был возмущен тем, что столь почтительному и прилежному ученику было причинено такое унижение, и освободил его от пыток.

“Ах, Бурьен! Ты мне нравишься: ты никогда не смеешься надо мной! Неужели нет ничего патетического в этом крике мальчика с больным сердцем?”

Своему отцу Наполеон написал страстное обращение с просьбой забрать его из школы, где он был предметом насмешек, или снабдить достаточными средствами, чтобы содержать себя более достойно. Генерал Марбеф вмешался в его защиту и назначил ему более щедрое содержание.

Ученики, в свою очередь, были приглашены к столу директора. Однажды, когда эта честь была оказана Наполеону, один из профессоров-монахов подсластил удовольствие мальчика презрительным упоминанием Корсики и Паоли. Кажется почти невероятным, что духовные учителя должны были подражать жестокости высокомерных молодых дворян, но Бурьен является авторитетом в этом инциденте. Наполеон дерзко выступил против учителя, точно так же, как он это сделал против своих сокурсников: “Паоли был великим человеком; он любил свою страну; и я никогда не прощу своего отца за его участие в присоединении Корсики к Франции. Ему следовало последовать за Паоли”. Над ним насмехались некоторые учителя и мучили более богатые ученики, Наполеон почти полностью замкнулся в себе. Он не жаловался, не молился ни о каком облегчении, но полагался на свои собственные ресурсы. Когда мальчики передразнивали его произношение, превращали его имя в оскорбительное прозвище и

насмехались над ним, поработав его родную землю, он либо хранил презрительное молчание, либо в одиночку бросался на своих мучителей.

Каждому студенту было предоставлено немного земли, чтобы он мог использовать ее по своему усмотрению. Наполеон присоединил к своей собственной площади две смежные полосы, покинутые их временными владельцами, и, обнеся ее живой изгородью, обеспечил себе уединение, которого он не мог бы добиться иным способом. Здесь он брал свои книги, здесь он читал и размышлял, здесь он потворствовал своей склонности мечтать наяву, строить воздушные замки.

Его школьные товарищи не оставляли его в покое даже здесь. Время от времени они объединялись и нападали на его крепость. Затем, говорит Бергоуд, один из его сокурсников, “это было потрясающее зрелище - видеть, как он в ярости бросился прогонять незваных гостей, не обращая ни малейшего внимания на их численность”.

Как бы он ни недолго любил своих товарищей, в его негодовании не было и следа подлости. Он скорее понес наказание за то, чего не совершал, чем сообщил о настоящих преступниках. Необщительный и непопулярный, он, тем не менее, пользовался определенным авторитетом как среди студентов, так и среди учителей. Его гордость, мужество, зрелость мышления и быстрый интеллект привлекали внимание и вызвали уважение.

Когда студентов суровой зимой 1783-84 годов держали взаперти, именно Наполеон предложил имитировать войну в качестве развлечения. Был построен снежный форт, и забавой было атаковать и защищать его снежками. Тогда проявились природные способности Наполеона к лидерству. В одно время он возглавлял нападающих, в другое - защитников, столь же отчаянно и всерьез, как и тогда, когда впоследствии нападал или защищал королевства. Один студент отказался подчиниться приказу, и Наполеон сбил его с ног куском льда. Много лет спустя этот невезучий человек появился со шрамом на лице и напомнил императору Наполеону об этом инциденте; после чего Наполеон впал в одно из своих лучших настроений и великодушно обошелся с просителем.

Все время, пока Наполеон находился в Бриенне, он оставался ярим корсиканцем. Он ненавидел французов и не стеснялся говорить об этом. Конечно, французы здесь имели в виду учеников школы — больших мальчиков, которые насмехались над его бедностью, его происхождением, его соотечественниками. Стоит отметить, что он никогда ни словом, ни делом не стремился обезоружить своих врагов, потворствуя их предрассудкам. Он не прилагал никаких усилий, чтобы снискать их расположение, отказываясь от своего собственного мнения. Он даже не шел на компромисс, скрывая свои чувства. Он был корсиканцем до мозга костей, гордился героями своего острова, гордился Паоли и откровенно ненавидел тех, кто растоптал его страну. Должно быть, даже для тупых ушей невежественных монахов это прозвучало чем-то примечательным, когда этот потрепанный на вид юноша, едва достигший подросткового возраста, вызываясь воскликнул: “Я надеюсь, что однажды смогу дать Корсике свободу!” Он упивался дикими историями, которые крестьяне рассказывали о Сампьеро; он поглощал яркие летописи Плутарха, и его надежды и мечты уже были надеждами и грезами отважного человека.

В течение этих лет в Бриенне генерал Марбеф продолжал оставаться активным другом Наполеона. Он, по-видимому, регулярно снабжал его деньгами, и именно вмешательство генерала обеспечило его освобождение из заключения по делу о дуэли. Благодаря тому же

влиянию Наполеон заручился благосклонностью мадам де Бриенн, которая жила в замке рядом со школой. Эта дама тепло отнеслась к мальчику, взяла его к себе домой, чтобы провести каникулы, и относилась к нему с материнской добротой, которую он никогда не забывал.

Характер, который Наполеон сформировал в Бриенне, менялся в зависимости от точки зрения. Студентам в целом он казался необщительным, сварливым и свирепым. Некоторым учителям он казался мягким, прилежным, благодарным. Другим - властным и упрямым. Месье де Кералио официально доложил о нем как о покорном, честном, вдумчивом человеке с “образцовым поведением”. Во всем он производил впечатление непреклонного человека, которого нельзя сдвинуть с места после того, как он занял свою позицию. Пишегрю, впоследствии завоеватель Голландии, а после этого сторонник бурбонов, был учеником-наставником Наполеона в Бриенне и, как полагают, был тем квартирмейстером, который навлек на него позор, заставив есть на коленях у дверей столовой. Эмиссары Бурбонов стремились привлечь на свою сторону блестящего молодого генерала Бонапарта и предложили этот вопрос Пишегрю. “Не пытайтесь”, - сказал он. “Я знал его в Бриенне. У него непреклонный характер. Он принял свою сторону и не изменится”.

Когда Наполеон в последние годы своей жизни заговорил о своих школьных годах, он, казалось, забыл все неприятное. Время стерло свои безжалостные пальцы с действительных фактов, и он пришел к убеждению, что не только был счастлив в Бриенне, но и был веселым, озорным парнем — очень жизнерадостным, общительным, популярным парнем. Это был какой-то другой юноша, который избегал своих товарищей, огорождался садовой стеной, отбивался от всех незваных гостей палками и камнями и ненавидел французов за то, что они так его дразнили. Настоящий Наполеон, по словам пленного императора, был мальчиком, похожим на других мальчиков, полным веселья, резвости, фокусов и игр. Один из спортивных трюков веселого и мифического Бонапарта заключался в следующем: старый комендант, которому было за восемьдесят, упражнял мальчиков в стрельбе по мишеням из пушки. Он пожаловался, что прицел был плохим, ни один из мячей не попал в цель. Вскоре он спросил тех, кто был рядом с ним, видели ли они удар мяча. После полудюжины выстрелов старый генерал вспомнил о подсчете пуль. Затем фокус был раскрыт — мальчики отводили пули в сторону каждый раз, когда ружье заряжалось.

Другой анекдот, рассказанный императором, еще больше приближает его к кругу наших симпатий. Прямо над его комнатой в колледже жил сокурсник, который учился играть на валторне. Он репетировал громко и в любое время суток. Наполеон считал, что учиться невозможно. Встретив студента на лестнице, Наполеон с чувством возразил. Валторнист, как само собой разумеющееся, сразу же пришел в ярость. Его комната была его собственной, и он мог трубить в нее столько, сколько ему заблагорассудится. “Это мы еще посмотрим”, - сказал Наполеон и вызвал обидчика на смертный бой. Смерть не могла быть ужасной по сравнению с непрекращающимся гудением в комнате наверху, и Наполеон был полон решимости испытать свои силы во внезапном выпаде мечом, а не в медленных пытках, связанных с игрой на рожке. Вмешались сокурсники, был достигнут компромисс, и дуэль не состоялась. Студента, вызвавшего гнев Наполеона столь экстремальной манерой, звали Бюсси, и во время кампании 1814 года Наполеон снова встретился с ним, получил от него предложения о службе и назначил его своим адъютантом. Приятно иметь возможность отметить, что этот бриенский сокурсник оставался верен Наполеону до самого последнего, в 1814 году и снова в 1815 году.

В 1810 году император Наполеон, разведенный с Жозефиной, провел несколько дней в уединении в версальском Трианоне, ожидая приезда жены-австрийки, “дочери цезарей”. С ним были Гортензия и Стефани Богарне, и Стефани озорно спросила его, умеет ли он танцевать вальс. Наполеон ответил: —

“Когда я учился в военном училище, я пытался, не знаю, сколько раз, преодолеть головокружение, вызванное вальсированием, но безуспешно. Наш учитель танцев посоветовал нам, когда мы репетировали, брать в руки стул, а не даму. Я никогда не упускал случая упасть вместе со стулом, который я нежно сжимал, и сломать его. Стулья в моей комнате и стулья двух или трех моих товарищей исчезли один за другим”.

Император рассказал эту историю в своей самой веселой манере, и обе дамы, конечно, рассмеялись; но Стефания настояла, чтобы он уже сейчас научился танцевать вальс, что вальсируют все немцы, что его новая жена этого ожидает и что, поскольку императрица может танцевать только с императором, он не должен лишать ее такого удовольствия.

“Вы правы”, - воскликнул Наполеон. “Ну же! преподайте мне урок”.

С этими словами он встал, взял веселую Стефанию на руки и принялся скакать по комнате под музыку собственного голоса, напевая песню *королевы Пруссии*. После двух или трех ходов его прекрасная учительница в отчаянии бросила его; он был слишком безнадежно неуклюж; и она польстила ему, объявив его неудачником, сказав, что он был создан для того, чтобы давать уроки, а не получать их.

* * * * *

Ближе к концу 1783 года королевский инспектор военных училищ по имени Кералио обследовал студентов в Бриенне с целью отбора тех, кто должен был поступить в высшую военную школу в Париже. М. де Кералио был под большим впечатлением от Наполеона и настоятельно рекомендовал ему повышение. Когда этот инспектор умер, его преемник осмотрел Наполеона во второй раз и передал его в парижскую школу, в которую он поступил 30 октября 1784 года. В свидетельстве, которое он получил вместе с Бриенной, были слова: “Характер властный, упрямый”.

Когда Наполеон вышел из кареты, доставившей его из Бриенны в Париж, и стоял, крошечный мальчик-иностранец, посреди суеты большого города, он, должно быть, чувствовал себя одним из самых одиноких и ничтожных смертных. Деметриус Пермон нашел его в Пале-Рояле, “где он разинул рот и с изумлением смотрел на все, что видел. Действительно, он выглядел как свежезавезенный”. Месье Пермон пригласил парня отобедать и нашел его “очень угрюмым” и опасался, что у него “больше самомнения, чем подобает его положению”. Наполеон произвел такое впечатление на Пермона, яростно выступая против роскоши молодых людей в военной школе, осуждая господствовавшую там систему образования, неблагоприятно сравнивая ее с системой древней Спарты и объявляя о своем намерении увековечить память военного министра по этому вопросу.

Наполеон в парижской военной школе продолжал прилежно учиться и почти постоянно читал. Он был послушен властям и вызывающе относился к молодым аристократам, которые окружали его и смотрели на него свысока. Расточительность, леность и высокомерие благородных студентов вкупе с общей роскошью, царившей в заведении, вызывали отвращение и ярость у

ученого, у которого не было денег, чтобы тратить, и который пришел сюда учиться. Когда он, как глава государства, приступил к реорганизации системы образования Франции, он не забыл уроков, преподанных на собственном опыте. Став мужчиной, он принял систему, которая позволяла избежать всех злоупотреблений, которые он осуждал в детстве.

В этот период он, возможно, время от времени навещал Пермонов в Париже и свою сестру Элизу, которая была принята в государственную школу в Сен-Сире. Мадам Д'Абрантес рассказывает об этом в своих Мемуарах; и хотя есть трудности с датами, ее рассказ, возможно, в значительной степени верен. Это реалистичная картина, которую она рисует, изображающая уныние Наполеона в Париже и печаль Элизы в Сен-Сире: Наполеон несчастен, потому что не мог проложить себе дорогу среди мальчиков; Элиза несчастна, потому что не могла идти в ногу с девочками. Наполеон дулся и осуждал роскошь; Элиза плакала и оплакивала свою бедность. Элизу утешили чаевые, данные мадам Пермон. Что касается Наполеона, то он отказался брать взаймы: “Я не имею права увеличивать бремя моей матери”.

На выпускном экзамене в августе 1785 года Наполеон занял сорок второе место в своем классе — не блестящая оценка, конечно, но и этого было достаточно. Он получил свое назначение младшим лейтенантом с безграничной радостью. Дни его опеки закончились: отныне он был мужчиной и офицером. Выбрав артиллерийскую службу, он отправился вместе с Де Мазе, другом, которого приобрел в военном училище, в полк Ла Фер, который дислоцировался в Валансе. Согласно одной версии, Наполеон занял денег у торговца тканями, чтобы совершить это путешествие; согласно другой, Де Мазе оплатил дорогу обоим. Как бы то ни было, похоже, что когда молодые офицеры добрались до Лиона, веселого города на юге, они ослабили строгость военной дисциплины до такой степени, что все их деньги исчезли. Оставшуюся часть пути до Валанса мы преодолели пешком.

* * * * *

Те биографы, которые посвящают свою жизнь клевете на Наполеона, подчеркивают предполагаемый факт, что он получил образование у короля. Став приверженцем Революции, эти авторы говорят, что он допустил довольно ужасную моральную порочность. Louis XVI. был королем, пока Наполеон находился в Бриенне, и предположение, что Наполеон был в долгу перед Людовиком XVI. забавно. Налогоплательщики, народ, дали образование Наполеону; и каким бы долгом благодарности он ни был обязан, он в долгу перед ними. Присоединившись к Революции, он присоединился к тем, кто оплатил его обучение. В то время он сам проводил это различие. Когда месье Деметриус Пермон упрекнул его в критике королевской власти, бросив ему в лицо мнимый долг благодарности, мальчик ответил: “Государство воспитывает меня, а не король”.

Конечно, Пермон не мог признать этого различия, поскольку он был дворянином Старого Порядка; не могут признать этого и биографы, пишущие в интересах современного туризма. Но, тем не менее, разница есть; мальчик видел это, и беспристрастная история тоже.

ГЛАВА III

Наполеон привез с собой в свой новый дом рекомендательное письмо от епископа Отенского к бывшему аббату Сен-Руффе и с его помощью пробился в лучшее общество Валенсии. Впервые обстоятельства сложились для него благоприятно, и положительные последствия перемены были сразу очевидны. Заняв лучшее место в жизни, чем раньше, он стал более довольным, более общительным. Он общался с окружавшими его людьми и заводил друзей. Больше не беспризорник, мальчик-благотворитель из-за границы, затесанный среди других мальчиков, которые смотрели на него свысока, как на низшее социальное существо, теперь он был государственным служащим, получал жилье, пищу, одежду, зарплату за государственный счет. Больше не находясь под колесами, он занимал переднее сиденье в том чудесном транспортном средстве, которое люди называют правительством, и в котором немногие так комфортно ездят, в то время как многие так довольствовались тем, что надевали упряжь и тянули ее. Больше не подчиняясь чьим-либо приказам, Наполеон стал одним из хозяев Божьего мира здесь, внизу, и мог сам отдавать приказы. Великолепная перемена! И солнце стало казаться “лейтенанту Бонапарту из Королевской академии короля” ярким. Он совершенствовал себя и других в социальном плане. Он нашел несколько близких по духу людей среди пожилых мужчин этого заведения, а также среди молодых женщин. В часы, не потраченные на учебу и не связанные с его обязанностями, его можно было застать болтающим в кофейне, прогуливающимся с коллегами-офицерами, танцующим на балах по соседству и разыгрывающим кавалера среди красавиц этого высокого провинциального круга.

Одной из этих юных леди, согласно традиции и его собственному заявлению, он отдал свое сердце. Но когда мы стремимся узнать что-то более определенное, традиция и его собственные утверждения расходятся. Если принять его версию, ухаживания не привели ни к чему, кроме нескольких прогулок и совместного поедания вишен ранним утром. Однако, согласно местной традиции, он сделал предложение и был отвергнут. Ее родители были местными аристократами и так мало верили в будущее маленького офицера, что предпочли выдать свою девочку замуж за некоего месье де Брессье — хорошего, надежного, заурядного провинциального джентльмена. Спустя годы эта дама напомнила Наполеону об их ранней дружбе, и он сразу же щедро обеспечил и ее, и мужа.

По возможности, Наполеон более прилежно учился в Валансе, чем в Бриенне. Жизнеописания Плутарха и Комментарии Цезаря он изучил еще ребенком; в Париже Руссо открыл для него новый мир идей; теперь он продолжил свои исторические исследования, читая Геродота, Страбона, Диодора. Все, что касалось Индии, Китая, Аравии, имело для него особое очарование. Затем он узнал все, что мог, о Германии и Англии. Историю Франции он изучал скрупулезно, стремясь исчерпать информацию по предмету. В своих исследованиях он не довольствовался обычными историческими данными: он стремился понять тайный смысл событий и происхождение институтов. Он изучал законодательство, статистику, историю Церкви, особенно отношение Церкви к государству. Точно так же он читал шедевры французской литературы и критические суждения, которые были высказаны по их поводу. Романами он не брезговал, а к поэзии героического толка питал большую нежность.

Он также читал произведения Вольтера, Неккера, Филанджиери и Адама Смита. У Наполеона читать означало учиться. Он сделал множество заметок, и эти заметки доказывают, что он вложил все силы своего ума в книгу, которую держал в руках. Он анализировал, комментировал,

взвешивал утверждения на весах собственного суждения — короче говоря, делал все необходимое для полного овладения предметом. Документ, на котором он в то время записывал свои идеи об отношениях между Церковью и государством, по-видимому, показывает, что в то время он пришел к выводам, которые впоследствии воплотил в Конкордате. Руссо он изучил снова, но книгой, которая, по-видимому, понравилась ему больше, чем какая-либо другая, была знаменитая "История институтов и торговли европейцев в Обеих Индиях" аббата Рейналя. Эта книга представляла собой сборник эссе и выдержек, посвященных суевериям, тирании и т.д. И предсказывающих, что во Франции грянет революция, если злоупотребления не будут исправлены.

Как получилось, что Наполеон с его мизерным жалованьем мог распоряжаться таким количеством дорогостоящих книг? Недавний биограф патли утверждает, что он "подписался на публичную библиотеку". Возможно, это правда, но сам Наполеон объяснил аудитории королей и принцев в Эрфурте в 1808 году, что он в долгу перед добротой некоего Марка Аврелия, богатого книготорговца, "в высшей степени услужливого человека, который предоставил свои книги к моим услугам".

Внешность молодого лейтенанта не производила впечатления. Он был невысоким, болезненно худым и неуклюжим. Его ноги были настолько малы для ботинок, что он выглядел нелепо — по крайней мере, для одной молодой леди, которая прозвала его "Кот в сапогах". У него были огромные "собачьи уши", ниспадавшие на плечи, и такая прическа придавала его смуглому итальянскому лицу довольно зловещий вид, наводя знакомую женщину на мысль, что он не из тех мужчин, которых хотелось бы встретить ночью в лесу. Обычно он был молчалив, погруженный в свои мысли; но когда он заговаривал, его идеи были поразительными, а выражения энергичными. Он скорее придерживался лаконичного, пророческого стиля, и его поза была в какой-то степени позой человека, позирующего для пущего эффекта. В привычном социальном общении он был другим. Его улыбка стала обаятельной, голос мягким и нежным, а магнетизм непреодолимым. Он любил подшучивать над другими и разыгрывать с ними маленькие шалости; но он не мог наслаждаться шуткой за свой счет и не поощрял фамильярности. В нем не было ни капли хвастовства, бахвальства или грубости солдата, но в спокойной манере он был властным, уверенным в себе, самодостаточным. Его внешность ни тогда, ни в любое другое время так мало соответствовала популярному идеалу солдата, что один старый гренадер армии Бурбонов, когда после итальянской кампании ему указали на Наполеона, не мог поверить, что такой человек может быть великим воином. "Это генерал!" - сказал ветеран с презрением. "Да ведь когда он ходит, он даже правой ногой вперед не ступает!"

Он был чрезвычайно эгоистичен и таким оставался до своего последнего часа. Он не испытывал никакого почтения, искал факты во всех направлениях, обладал почти безошибочными суждениями и считал себя выше своих сокурсников, учителей и братьев-офицеров. В возрасте пятнадцати лет он давал советы своему отцу — и очень дельные советы. В этом раннем возрасте он взвалил на свои плечи семейные обязанности и серьезно относился к Джозефу и Люсьену. В замечательном письме он подробно проанализировал характер Джозефа и пришел к выводу, что он был дружелюбным ничтожеством, пригодным только для общества. Для Наполеона было бы лучше, если бы он всегда помнил об этом и действовал в соответствии с этим.

В августе 1786 года Наполеон провел короткое время в Лионе. После этого его, возможно, отправили в Дуэ во Фландрии, хотя он сам написал, что 1 сентября 1786 года получил отпуск и отправился на Корсику, куда прибыл пятнадцатого числа того же месяца.

* * * * *

Наполеон обнаружил, что положение семьи сильно изменилось. Шарль Бонапарт умер во Франции в феврале 1785 года. Генерал Марбеф тоже был мертв. Французские чиновники теперь не были столь дружелюбны к Бонапартам. Мадам Летиция выращивала тутовые деревья, чтобы получить правительственную награду — правительство было намерено развивать шелководную промышленность. Мадам Бонапарт, очевидно, больше думала о награде, чем о деревьях, и в результате чиновники отказались от выплаты. Следовательно, запас наличных в семье был урезан до зарплаты Наполеона (около 225 долларов) и таких сумм, какие можно было вытянуть из богатого дядюшки — скупого архидьякона. Должно быть, отчаянно обеспокоенный состоянием семейных финансов, Наполеон напустил на себя смелый вид, расхаживая по городу с таким самодовольством, что сильно обидел местных магнатов — городских оракулов, добрых слов которых нелегко добиться от соседских мальчишек, которые учились в отдаленных колледжах и вернулись для проверки и одобрения. Уличным критикам, которые всего девять лет назад насмехались над неряшливым парнем и его возлюбленной, походка и разговор Наполеона могли показаться стилем раздутого самомнения.

Как примерный сын, Наполеон приложил все усилия для защиты своей матери, приложив все усилия к тому, чтобы выплатить награду за шелковицу и выжать доход из семейной собственности. Он не добился успеха ни в том, ни в другом направлении, хотя, похоже, ему удалось уговорить местные власти оказать семье небольшую услугу. Одно время мадам Летиция была вынуждена выполнять всю домашнюю работу своими руками.

На Эльбе император рассказал историю, относящуюся к этому периоду его жизни. Он рассказал, что однажды мать его матери ковыляла по улице в Аяччо, и что они с Полиной последовали за пожилой дамой и подражали ей. Случайно обернувшаяся бабушка застала их на месте преступления. Она пожаловалась мадам Летиции. Полину сразу же “отшлепали” и избавились от нее; с Наполеоном, одетым в полковое обмундирование, справиться было невозможно. Его мать выжидала удобного момента. На следующий день, когда ее сын потерял бдительность, она закричала: “Быстрее, Наполеон! Ты приглашен на обед к губернатору!” Он побежал в свою комнату переодеться — она тихо последовала за ним. Когда она решила, что настало подходящее время, она ворвалась в комнату, схватила своего раздетого героя прежде, чем он догадался о ее намерениях, положила его поперек материнских колен и принялась горячо колотить ладонью.

В октябре 1787 года Наполеон снова был в Париже, обращаясь к правительству с петицией от имени своей матери и добиваясь продления своего отпуска. Потерпев неудачу в отношении своей матери, преуспев в отношении себя, он вернулся домой в январе 1788 года и оставался там до июня того же года. Находясь на Корсике, Наполеон часто обедал с собратьями-офицерами французской армии. Однако между ним и ними было мало взаимопонимания. Он был горячим паолистом, и его разговоры касались либо независимости Корсики, либо тем исторических и правительственных. Его собратьям-офицерам не нравились эти разговоры. Его патриотизм оскорблял; его ученость наводила на них скуку. Что средний французский офицер того времени знал или интересовался историей и наукой управления? Результатом такого

званного обеда обычно было то, что Наполеон вступал в пререкания с тем из офицеров, кто воображал, что он что-то знает по этому предмету, в то время как другие, которые честно понимали, что это не так, с отвращением уходили. “Мои товарищи, как и я, - говорит месье де Ренен, один из упомянутых офицеров, - потеряли терпение из-за того, что мы считали нелепостью и педантизмом”.

Наполеон так далеко зашел в своих патриотических чувствах, что довольно прямо пригрозил встать на сторону корсиканцев, если между французами и его соотечественниками произойдет какое-либо столкновение. На это один из офицеров, которому он не нравился, резко спросил: “Ты обнажил бы свой меч против солдат короля?”

У Наполеона, одетого в королевский мундир, хватило здравого смысла промолчать. Офицеры были оскорблены его тоном, и, по словам Ренена, “Это последний раз, когда он оказал мне честь обедать со мной”.

Ни на один день Наполеон не забывал о своих книгах. Чтобы укрыться от домашнего шума, он поднимался на чердак и там занимался своими исследованиями. Повсюду простирался его беспокойный ум, от точных наук, сухих и тяжеловесных, до Платона и Оссиана, богатых подсказками, до самого богатого воображения, которым природа когда-либо наделяла практичного человека. До самого последнего момента Наполеон оставался наполовину мистиком; и когда он стоял во время бури в ночь перед Ватерлоо и бросал в темноту слова: “Мы согласны”; или когда он часами молчал на острове Святой Елены, наблюдая, как огромные крылья тумана кружатся, разворачиваются и парят над вершиной унылой, бесплодной скалистой горы, мы чувствуем, что, если бы были ручки, чтобы проследить за его мыслью, Оссиан, казалось, ожил бы снова. С юности самой поразительной чертой его ума был его огромный диапазон; его широкий размах - от самых мелких, прозаических деталей фактов до самых возвышенных мечтаний и самых химерических фантазий. Не вполне удовлетворенный чтением и комментариями, он попытался сочинять. При бурбонах его перспективы в армии не были многообещающими. Он мог бы надеяться, что после многих утомительных лет гарнизонной службы станет капитаном; после этого было бы чудом, если бы он поднялся выше. Отсюда его отсутствие интереса к рутинной работе солдата и отсюда его стремление стать писателем. Он написал рассказ под названием “Граф Эссекс”, также роман, основанный на жизни корсиканцев и пронизанный ненавистью к Франции. Другая история, которую он назвал “Пророк в маске”, - та же самая, которую Мур позже использовал в “Пророке Хорасана под вуалью”.

Однако больше всего сил он потратил на изучение истории Корсики. За эту работу он цеплялся с трогательной целеустремленностью. Вся долгая трагическая история Корсики, кажется, огнем горела в жилах мальчика, и герои его страны — Паоли, Сампьеро, Делла Рокка - казались ему такими же великими, как люди древности, какими, возможно, они и были. Поэтомумолодой человек писал и переписывал, стараясь, чтобы книга была правильно написана, чтобы его мысли были должным образом выражены. Как мы видели, он обратился к Рейналю, и аббат любезно сказал: “Ищите дальше и перепишите это”. И Наполеон так и сделал. По крайней мере, три раза он переделывал всю книгу. Он обратился за одобрением к бывшему учителю Дюпюи; тот отправил “копию” Паоли. Дюпюи был невысокого мнения об этом спектакле; и Паоли категорически заявил ему, что он слишком молод, чтобы писать историю. Но Наполеон проявил настойчивость, закончил работу и с нетерпением искал издателей. Увы! издатели

покачали головами. Наконец, в Париже нашелся смелый авантюрист в сфере книгоиздания, который был готов взять на себя половину расходов, если автор предоставит вторую половину. Но по той или иной причине книга так и не была опубликована.

Страстная серьезность, с которой Наполеон трудился над своей книгой по истории Корсики, глубокое сочувствие, с которым он изучал жизни корсиканских героев, пламенный гнев, который он питал против тех, кто попирали свободы Корсики, были лишь многочисленными свидетельствами поставленной цели его юности — освободить свою страну, дать ей независимость. Нет сомнений, что единственное всепоглощающее стремление тех первых лет было столь же чистым, сколь и великим: он сделает то, чего не смогли сделать Сампьеро и Паоли, — добьется независимости Корсики!

Наполеон присоединился к своему полку в Оксоне в конце мая 1788 года. То, что он сделал это с неохотой, очевидно из того, каким образом он искажил факты, чтобы добиться продления своего отпуска. Гарнизонная служба не привлекала его; скучная рутина повседневной жизни стала почти невыносимой. Похоже, что его арестовали за неудовлетворительное руководство некоторыми работами на укреплениях. В свободное от дежурства время он посвящал своим книгам. Он заболел и написал своей матери: “У меня нет других ресурсов, кроме работы. Я одеваюсь всего раз в восемь дней. Я мало сплю и ем всего один раз в день”. При таком режиме отсутствия физических упражнений, тяжелой работы и недосыпания он был близок к смерти.

В сентябре 1789 года наступил очередной отпуск, и изможденный лейтенант направился домой. Проезжая через Марсель, он засвидетельствовал свое почтение аббату Рейналю.

ГЛАВА IV

Сейчас Французская революция (1789-90) шла полным ходом. Генеральные штаты собрались 5 мая 1789 года; Третье сословие утвердило и упрочило свое верховенство. Король собрал войска и отправил Неккера в отставку, последовали беспорядки; Бастилия была взята и разрушена. Дворяне, которые убедили Людовика XVI. чтобы принять меры, которые спровоцировали беспорядки, бежал в чужие земли. Людовика перевезли из Версаля в Париж, Байи стал мэром города, Лафайет - командующим Национальной гвардией, и на ночном заседании 4 августа феодализм, потеряв надежду, принес себя в жертву Революции.

Были провозглашены свобода, братство, равенство, свобода совести, свобода печати; и могучее движение, сотрясавшее Старый порядок, ощущалось в Оксоне так же, как и в Париже. Офицеры, как правило, были за короля; солдаты - за нацию. Светские дамы и правительственные чиновники, как правило, были роялистами; то же самое можно сказать и о высших священнослужителях. Кюре и массы народа были за Революцию.

Инстинктивно и без малейших колебаний Наполеон встал на сторону нации. Он не нуждался ни в принуждении, ни в изменении своего мнения; он уже был врагом Старого режима с первых лет своего пребывания во Франции.

“Как случилось, что ты, Наполеон, выступаешь за демократию? Ты дворянин, получивший образование в школе, куда могут поступить только дворяне; ты офицер, должность, которую могут занимать только дворяне; ты носишь ливрею короля; ты питаешься его щедротами: откуда у тебя республиканские принципы?”

Предположив, что такой вопрос был задан, мы можем представить, что ответ был бы примерно таким: —

“Я иду с реформаторами отчасти потому, что ненавижу Старый порядок, отчасти потому, что вижу в грядущих переменах шанс для себя подняться, а отчасти потому, что верю, что реформаторы правы. Я читал книги, которые натолкнули меня на новые идеи; я думал сам и пришел к собственным выводам. Глупый монах, который бросил в огонь мое школьное сочинение в Бриенне за то, что в нем критиковалась королевская семья, только подстегнул мое неповиновение и мою независимость. Я видел, что представляет собой ваша система образования, и осуждаю ее; узнал, что такое ваша знать, и ненавижу их. Я видел, как Церковь, проповедующая красоту бедности, лишила мою семью богатого наследства, и я ненавижу это лицемерие. Я читал Руссо и верю в его Евангелие; изучал Рейналя и согласен с тем, что злоупотребления должны быть исправлены. Я изучал поведение королей и считаю, что мало кто не заслуживает того, чтобы быть свергнутым с престола. Привилегированные объединились, закрыли пути прогресса для низших классов, присвоили для немногих то, что является общим достоянием всех. Источником власти являются люди — те, кто внизу, а не те, кто наверху. Я беден, я ненавижу тех, кто выше меня, я жажду быть богатым, могущественным, кем восхищаются. Если все останется как есть, обо мне никогда не услышат: революция изменит все. Поднимутся новые люди, чтобы максимально использовать новые возможности. Следовательно, я якобинец, демократ, республиканец — называйте это как хотите. Я за то, чтобы ценить мужественность. Инструменты для того, кто умеет ими пользоваться! Что касается королевской формы и награды — бах! — вы, должно быть, принимаете меня за ребенка. Король ничего не дает и сам является ничем; нация дает все и сама является всем. Я иду с нацией!”

С такими мыслями, бродившими в его голове, Наполеон вернулся домой и сразу же начал заниматься политикой острова. Корсика находилась далеко в стороне от пути Революции, и люди не были обезумевшими от злоупотреблений, царивших во Франции. Единственной большой национальной проблемой на Корсике было французское господство. Поэтому пробудить остров и привести его в соответствие с революционной Францией было огромной задачей. Тем не менее Наполеон и другие молодые люди взялись за это. Скопировав одобренный французский метод, он сформировал революционный комитет и начал организовывать национальную гвардию. Он стал яростным оратором в якобинском клубе и самым активным агитатором в городе. Вскоре маленький городок Аяччо был охвачен волнением.

Агенты Паоли действовали по всему острову. В некоторых городах патриотическая партия восстала против французских властей. В Аяччо партия роялистов оказалась сильнее. Французский комендант Де Баррен закрыл демократический клуб и объявил военное положение. Патриоты собрались в одной из церквей в ночь на 31 октября 1789 года и подписали решительный протест и обращение к Национальному собранию Франции. Этот документ был написан Наполеоном, и он был одним из тех, кто подписал.

Оказавшийся в тупике в Аяччо, Наполеон повернул к Бастии, столице страны. Ведя там агитацию и раздавая трехцветные кокарды, которые он заказал у Ливорно, он вскоре продвинулся настолько далеко, что возглавил депутацию, которая явилась к королевскому коменданту и потребовала, чтобы он тоже принял национальную кокарду. Де Баррен, комендант, отказался. Вспыхнул бунт, и он согласился. Наполеон агитировал за национальную гвардию. Депутации обратились к губернатору и попросили его санкции. Он отказался. Однажды утром улицы были запружены вооруженными патриотами, которые маршировали к одной из церквей, чтобы записаться. Де Баррен созвал свои войска, навел пушки на церковь и двинул свои колонны в атаку. Произошел обмен выстрелами, двое французских солдат убиты, двое ранены, а офицер получил пулю в пах. Несколько бастийцев, в том числе двое детей, были ранены. Де Баррен потерял голову, уступил по всем пунктам и приказал доставить повстанцам шестьсот ружей. Не получив немедленного повиновения его приказу, бастийцы ворвались в цитадель, вооружились и настояли на том, чтобы они совместно с французами разместили в крепости гарнизон. Когда спокойствие было восстановлено, губернатор приказал Наполеону удалиться, что он и сделал.

Этот эпизод в карьере Наполеона рассказан врагом Наполеона, и к нему следует относиться с осторожностью. Тем не менее, поскольку это дополнение к тому, что он пытался сделать в Аяччо, в этом нет ничего невероятно жестокого. Несомненно, что в то время он был очень активен и часто бывал в Бастии. Какова была его цель, если не разжигать революционные движения?

30 ноября 1789 года Национальное собрание Франции издало указ о присоединении Корсики к Франции и амнистии для всех политических преступников, включая Паоли. Новость была встречена кострами на Корсике и всеобщей радостью. Триумф патриотов был полным. Было организовано демократическое городское управление в Аяччо, друг Наполеона был избран мэром, а Джозеф был назначен секретарем мэра. Была сформирована местная гвардия, и Наполеон служил в ней рядовым. В клубе и на улицах он был одним из самых громких агитаторов.

Паоли, ныне герой как во Франции, так и на Корсике, был вызван домой этими событиями, получил великолепные овации французов и прибыл на Корсику в июле 1790 года. Приземлившись после двадцатиднолетнего изгнания, старик опустился на колени и поцеловал землю.

Поддержанный городскими властями, Наполеон возобновил свою деятельность, ближайшей целью которой был захват цитадели. Он стал крайне неприятен роялистам. Однажды, во время религиозной процессии, католики напали на него как на врага Церкви. Его попытки захватить цитадель ни к чему не привели. В городе произошло восстание революционеров, но французские чиновники укрылись в цитадели и приготовились защищать ее. Наполеон посоветовал атаковать, но городские власти пали духом. Они решили не сражаться, а протестовать, и Наполеон составил соответствующий документ.

Жители Корсики собирались на местные районные собрания и выбирали делегатов в ассамблею, которая должна была избрать советы департаментов и округов для управления островом. Это генеральное собрание собралось в Ореццо 9 сентября 1790 года и продолжало заседать месяц. Среди делегатов были Жозеф Бонапарт и дядя Феш. Наполеон присутствовал и принимал активное участие в различных собраниях, которые проводились в связи с работой

ассамблеи. Он часто выступал на этих собраниях и, хотя поначалу был робким и неуклюжим, вскоре стал одним из самых популярных ораторов.

Именно по пути в Ореццо Наполеон впервые встретился с Паоли. Старый герой оказал молодому человеку блестящий прием. В сопровождении большой кавалькады они проехали роковое поле Понте Нуово. Паоли указал на различные позиции, которые занимали войска, и рассказал о событиях того печального дня. Комментарии Наполеона, его своеобразные и оригинальные мысли и речи сильно поразили Паоли; и, как говорят, он заметил, что Наполеон не был современным, но напоминал ему героев Плутарха. Сам Наполеон, находясь на острове Святой Елены, представляет Паоли, как часто гладит его по голове и делает вышеупомянутое замечание.

Ассамблея в Ореццо проголосовала за то, чтобы Корсика составляла единый департамент, а Паоли был его президентом. Он также был назначен главнокомандующим Национальной гвардией. Поведение Буттафуоко и Перетти, которые представляли Корсику во Франции, было осуждено. Поццо ди Борго и Джентили были выбраны для того, чтобы заявить Национальному собранию о верности Корсики принципам Французской революции.

Наполеон пытался добиться избрания Жозефа Бонапарта в генеральную директорию департамента. В этом он потерпел неудачу, но Джозеф был выбран одним из руководителей округа Аяччо.

Во время заседания конвента Наполеон провел много часов в дружеских сношениях с крестьянством. Он навещал их в хижинах, чувствовал себя как дома у их очага и интересовался их делами. Он возродил некоторые из старых корсиканских фестивалей и тренировку в стрельбе по мишеням, которая долгое время была запрещена. Из своего собственного кошелька он предложил призы лучшим стрелкам. Таким образом, он завоевал сердца альпинистов — популярность, которая вскоре стала для него ценной.

Вернувшись в Аяччо, Наполеон продолжал принимать видное участие в дебатах клуба, а также продолжил свои попытки стать автором. Он отправил страстное “открытое письмо” Буттафуоко. Это было его первое успешное письмо. С имперской гордостью оно датировано “из моего летнего домика в Миллели”. Возможно, воодушевленный аплодисментами, которыми молодые корсиканские патриоты приветствовали его жестокое и убедительное обвинение предателя, Наполеон рискнул побороться за приз, который Рейналь через Лионскую академию предложил за лучшее эссе на тему *“Какие истины и идеи следует внедрять, чтобы наилучшим образом способствовать счастью человечества”*. Его эссе подверглось суровой критике со стороны ученых профессоров, и его автор, конечно же, не получил премии.

Именно под предлогом того, что его здоровье пошатнулось и что воды Ореццо были полезны при его недугах, Наполеон получил возможность продлить свое пребывание на Корсике. В феврале 1791 года он присоединился к своему полку в Оксоне. Его отпуск давно истек, но полковник любезно опередил его возвращение. Наполеон раздобыл фальшивые свидетельства о том, что он был задержан на Корсике штормами. Чтобы облегчить бремя своей матери, он взял с собой своего младшего брата Луи, которому сейчас было двенадцать лет, поддержку и обучение которого Наполеон предложил взять на себя. Содержание этих двоих на его скромное жалованье лейтенанта требовало строжайшей экономии. Он избегал общества, часто ел только хлеб, сам занимался учебой и учил Луи. Нежный, отеческий, самоотверженный интерес,

который он проявлял к мальчику, прекрасно иллюстрирует лучшую сторону его сложного характера.

Во времена империи офицер, чье жалованье составляло 200 долларов в месяц, пожаловался Наполеону, что этого недостаточно. Император не выразил того презрения, которое он испытывал, но говорил о тех грош-ках, на которые ему приходилось жить. “Когда я был лейтенантом, я ел сухой хлеб, но я закрыл дверь перед своей бедностью”.

Письмо Буттафуоко было напечатано в Доле, недалеко от Оксона. Наполеон обычно вставал рано, шел пешком в Дол, исправлял гранки и возвращался пешком в Оксон, расстояние около двадцати миль, перед обедом.

В июне 1791 года Наполеон стал первым лейтенантом с годовым окладом около 260 долларов и был переведен в Четвертый полк, дислоцированный в Валансе. Обрадованный повышением по службе и небольшой прибавкой к зарплате, он не пришел в восторг от перевода и подал заявление об отпуске, чтобы остаться в Оксоне. В разрешении было отказано, и он покинул заведение, задолжав (за новую форму, шпагу и немного дров) около 23 долларов. Прошло несколько лет, прежде чем он смог расплатиться с этими долгами.

Вернувшись в Валенс, он снова поселился у старой мадемуазель Бу, у него и Луи. Он продолжил учебу и продолжал учить Луи. Его бывшие друзья умерли или уехали, и он не вращался в обществе, как делал это раньше; его положение было слишком мрачным, его бедность слишком реальной. Он много времени проводил в своей комнате, читая, изучая, сочиняя. Особенно его привлекали путешествия, исторические труды, работы, посвященные политике, церковным делам и институтам. Его больше не видели в элегантных гостиных, он был душой политического клуба. Он стал, последовательно, библиотекарем, секретарем и президентом.

Все это происходило в разгар Революции. Богатство Церкви было конфисковано. Были выпущены бумажные деньги. Был отпразднован Фестиваль Федерации. Неккер потерял контроль над ситуацией и бежал. Мирабо стал надеждой умеренных. Дантон, Робеспьер, Марат стали влиятельными радикалами. К власти пришел якобинский клуб. Между Церковью и Революцией разгорелась великая вражда, и фракции начали проливать кровь во многих частях Франции. Старые девы-тетки короля бежали из королевства, вызвав огромное волнение.

В апреле 1791 года Мирабо скончался. О его союзе с двором тогда еще не было известно, его смерть вызвала всеобщую скорбь и поминальные службы. В Валансе республиканский клуб проводил подобную службу, и, как говорят, Наполеон произнес речь. Затем последовало бегство короля в Варенн. По этому событию также клуб в Валансе вынес решение на фоне волнений и яростных разглагольствований.

В июле 1791 года национальная присяга на верность новому порядку вещей была принята в Валенсе с внушительной церемонией, как это было по всей стране. Конституция еще не была завершена, но французы того времени обладали верой, которая творит чудеса, и они принесли присягу с безграничным энтузиазмом.

Близ Валенса состоялось чудовищное собрание: огромный алтарь, грандиозное собрание на общей почве высоких и низких сановников, чиновников Церкви и государства, граждан всех степеней. Патриотизм на одно короткое мгновение сделал их всех членами одной любящей семьи. “Мы клянемся быть верными Нации, закону и королю, поддерживать конституцию и

оставаться объединенными со всеми французами узами братства”. Все они поклялись в этом под патриотические крики, песни, пушечный гром, музыку оркестров и всеобщий экстаз. Церемония началась с мессы, а завершилась *Te Deum*. Вечером был грандиозный банкет, и одним из тех, кто предложил тост, был Наполеон. Конечно, он был одним из тех, кто принимал присягу.

“До этого времени, ” сказал он позже, “ если бы мне приказали стрелять по народу, привычка, предрассудки, образование и имя короля побудили бы меня подчиниться. С принятием национальной присяги все было иначе; отныне мой инстинкт и мой долг находились в гармонии”.

Короли и аристократы всего мира бросали мрачные взгляды на Францию, и была угроза вторжения. Революция должна быть подавлена. Это был пожар, который мог распространиться. Эта угроза иностранной интервенции произвела на французов электрический эффект, побудив их к сопротивлению.

Париж был центром бури, Наполеон был очень взволнован, и ему больше всего хотелось отправиться в Париж. Он срочно написал своему двоюродному дедушке, архидьякону, с просьбой прислать ему триста франков на дорогу в Париж. “Там можно выдвинуться на передний план. Я уверен в успехе. Вы преградите мне дорогу из-за отсутствия ста крон?” Архидьякон не прислал денег. Наполеон также написал о шести кронах, которые была должна ему его мать. Шесть крон, похоже, не были отправлены.

* * * * *

Местные сплетники сохранили этот анекдот о пребывании Наполеона в Валансе: однажды рано утром полковой врач зашел в комнату Наполеона, чтобы поговорить с Людовиком. Наполеон уже давно встал и читал. Людовик еще спал. Чтобы разбудить юношу, Наполеон взял саблю и постучал ножнами по потолку над головой. Вскоре Людовик спустился вниз, протирая глаза и жалуясь на то, что его разбудили посреди прекрасного сна — сна, в котором Людовик был королем. “Вы король!” - сказал Наполеон. “Я полагаю, что тогда я был императором”.

Самую острую боль, которую Наполеон когда-либо испытывал от неблагодарности тех, к кому он благоволил, причинил ему тот самый Людовик, для которого он был преданным, самоотверженным отцом. Луи был не только подло неблагодарен во времена наполеоновского процветания, но и с мстительной подлостью преследовал своего брата, когда тот умирал на острове Святой Елены, опубликовав на него клевету еще в 1820 году.

Путешественник по Корсике (Грегоровиус, 1852) пишет: “Мы сели за большой стол и угостились превосходным ужином.... Тусклая лампа с оливковым маслом освещала трапезу гомеровских странников. За героев Корсики было выпито много вина. Мы принадлежали к четырем нациям — корсиканцам, французам, немцам и ломбардцам. Однажды я упомянул имя Луи Бонапарта и задал вопрос. Компания внезапно замолчала, а веселый француз выглядел пристыженным”.

* * * * *

В августе 1791 года Наполеон получил очередной отпуск и, имея около 80 долларов, которые он занял у казначея своего полка, они с Луи отправились домой. И снова он оставил за собой долги, одним из которых был счет за питание.

ГЛАВА V

Вскоре после того, как Наполеон вернулся домой, его богатый дядя, архидьякон, умер, и Бонапарты получили его деньги. Большая часть была вложена в конфискованные земли Церкви. Часть денег, вероятно, была потрачена на политические предприятия Наполеона.

Вскоре должны были быть избраны офицеры Национальной гвардии Корсики, и Наполеон строил планы присвоить себе звание подполковника. Лидерами оппозиционной фракции были Перальди и Поццо ди Борго.

Три комиссара, назначенные директорией Острова, осуществляли надзор за выборами, и влияние этих должностных лиц имело бы большой вес при принятии решения о конкурсе. Наполеон недавно побывал на острове в компании Волни, инспектора сельского хозяйства и мануфактур, и лично проводил агитацию за голоса местного населения. У него появилось много друзей, и, несмотря на мощную оппозицию в городах, казалось вероятным, что он победит. Говорят, что он прибегал к обычным методам предвыборной агитации, включая взятки, угрозы, обещания и гостеприимство. Наполеон сделал хорошую комбинацию с Перетти и Квенца, уступив этому интересу звание первого подполковника. Второе принадлежало ему самому. Но один из комиссаров, Мурати, поселился у соперника Бонапарта, кандидата Перальди. Для Наполеона это был зловещий знак. В ночь перед выборами он собрал несколько своих наиболее яростных сторонников, послал их против дома Перальди и приказал схватить Мурати и доставить в дом Бонапартов. “У Перальди вы не были свободны, ” сказал Наполеон изумленному комиссару. “ Здесь вы наслаждаетесь свободой”. Мурати это так понравилось, что он боялся выйти из дома, пока не закончатся выборы.

На следующее утро Поццо ди Борго разразился публичной яростной речью, осуждая захват комиссара. Ему не дали закончить. Сторонники Бонапарта бросились на оратора, сбили его с ног, пинали ногами и убили бы, если бы не вмешался Наполеон. Говорят, что в этом эпизоде зародилась смертельная ненависть, с которой Поццо впоследствии преследовал Наполеона, одержавшего над ним победу на выборах.

Аяччо раздирали революционные страсти и фракции. Сопrotивляясь декретам Национального собрания Франции, монахи-капуцины отказались освободить свои покои. Последовали ожесточенные споры между революционерами и сторонниками Старого порядка. Общественный порядок был нарушен. Военные вытеснили монахов и захватили монастырь. Это подлило масла в огонь, и в день Пасхи произошло столкновение между группировками. Один из офицеров ополчения был убит. На следующее утро к военным хлынуло подкрепление из-за пределов города. Ожесточенное сражение между добровольцами-гвардейцами, с одной стороны, гарнизоном цитадели и фракцией духовенства - с другой, казалось неизбежным. Прибыли комиссары, посланные Паоли, распустили ополчение и восстановили спокойствие, фактически приняв решение в пользу капуцинов.

Победившая фракция считала, что зачинщиком всех беспорядков был Наполеон. Командующий гарнизоном с горечью донес на него военному министерству в Париже. Наполеон, напротив, опубликовал манифест в свою защиту, горячо заявляя, что все городское управление Аяччо прогнило и должно было быть свергнуто. Если только Аяччо радикально не отличался от большинства городов тогда и сейчас, обвинение было вполне обоснованным.

Во всяком случае, на какое-то время его карьера на Корсике подошла к концу. Он испортил отношения с военным министерством Франции, проигнорировал приказ вернуться к своему командованию, был вычеркнут из списка за неповиновение, исчерпал все ресурсы для реализации своих корсиканских планов и теперь был на пределе. И что же он получил? Он растратил много денег, впустую потратил много драгоценного времени, приобрел репутацию хитреца, насильника и беспринципного эгоиста; и вызвал непримиримую вражду, одна из которых (Поццо) сыграла немалую роль в нанесении ему смертельной раны в его последних боях в 1814-15 годах. Что, после всего этого, он должен теперь делать? Он должен получить множество свидетельств о своем хорошем поведении за то долгое время, что отсутствовал во Франции; он должен отправиться в Париж и ходатайствовать перед центральными властями о возвращении во французскую армию. С получением сертификатов проблем не возникло. Паоли и его партия, священники и богатые горожане, так стремились избавиться от этого опасного молодого человека, что были готовы подписать любую бумагу, лишь бы он ушел. Вооруженный документальными свидетельствами своего хорошего поведения, Наполеон покинул Корсику в мае 1792 года и прибыл в Париж 28 числа того же месяца.

Во Франции все кипело. Против Австрии была объявлена война. Офицеры, придерживающиеся принципов роялизма, уходили в отставку и покидали страну. Повсюду царили волнение, подозрение, тревога, неуверенность. В тот момент Наполеону и его петиции нельзя было уделить никакого внимания. Он понимал, что ему придется ждать, быть терпеливым и настойчивым, если он когда-нибудь добьется восстановления в должности. Тем временем он жил в большом горе. Без денег, без работы, без влиятельных друзей Париж был холодным местом для просителя. Он прогуливался с Бурьеном, ел в самых дешевых ресторанах, обсуждал множество планов, как положить деньги в свой кошелек, но ни один из них туда не положил. Он заложил свои часы, чтобы обзавестись самым необходимым для жизни.

Принимая во внимание, что Наполеон был так активен в республиканских клубах Валенсии и Аяччо, и вспоминая настоятельную просьбу о трехстах франках, с которой он обратился к своему двоюродному дедушке, чтобы тот мог отправиться в Париж и выдвинуться на фронт, его отношение теперь, когда он был в Париже, представляет собой загадку. Согласно его собственному рассказу и рассказу Буррьена, он был простым зрителем. Королевский офицер, он не испытывал желания защищать короля. Яростный демократический агитатор, он не принимал участия в революционных движениях. Видя толпу, марширующую к Тюильри в июне, он думал только о том, чтобы получше разглядеть происходящее; поэтому он выбежал на террасу на берегу реки и перелез через железный забор. Он видел, как толпа ворвалась во дворец, видел, как король появился в окне с красной шапочкой на голове. "Бедный болтун!" - воскликнул Наполеон. И, по словам Буррьена, он сказал, что четыреста или пятьсот человек из толпы должны были быть сметены пушками, а остальные бросились бы наутек.

В тот волнующий июль Наполеон все еще находился в Париже. Он ежедневно прогуливался по улицам, смешиваясь с народом; он был праздным, недовольным, честолюбивым; он был

яростным революционером и не имел привычки скрывать свои взгляды; следовательно, напрашивается почти неотразимый вывод, что он был в курсе событий и знал, что готовится. Где был Наполеон, когда прибыл батальон из Марселя? Каково было его отношение во время подготовки Дантона к великому дню, в который должен был быть свергнут трон? Был ли такой пылкий, чрезвычайно активный человек, как Наполеон, вялым и беззаботным, в то время как топот собирающихся тысяч сотрясал город? Он давно написал “Большинство королей заслуживают того, чтобы их свергли”: слышал ли он случайно, что сказал Дантон в Кордельерах, — сказал с горящими глазами, громоподобным голосом и дикой жестикуляцией: “Пусть набат пробьет последний час королей. Пусть это возвестит первый час отмщения и свободы народа! К оружию! и это произойдет!”

Как бы сильно мы ни желали пролить свет на эту эпоху карьеры Наполеона, у нас нет записей о его передвижениях. Мы знаем только, что 10 августа он пошел посмотреть на это зрелище и увидел его. Из окна соседнего дома он наблюдал за атакой Вестерманна и обороной швейцарцев. Он видел, как преданные стражники дворца прогнали нападавших, несомненно, слышал, как Вестерманн и отважная куртизанка Терень де Мерикур собрали свои силы и возобновили штурм; возможно, был поражен, когда швейцарцы прекратили стрельбу; и наблюдал, как во дворец ворвалась победоносная “Марсельеза”. После резни он прошелся по Тюильри, заваленному трупами швейцарцев, и это зрелище произвело на него большее впечатление, чем когда-либо на мертвых на его собственных полях сражений. Он прогуливался в толпе и соседних кафе, и был таким холодным и безразличным, что вызвал подозрение. Он встретил банду патриотов, несущих голову на пике. По мнению этой банды, его поведение не свидетельствовало о достаточном энтузиазме. “Кричите: ”Да здравствует нация!“ - требовала банда; и Наполеон крикнул: ”Да здравствует нация!”

Он увидел марсельца, собиравшегося убить раненого швейцарца. Он сказал: “Южанин, давай пощадим несчастного”. — “Ты с Юга?” — “Да”. — “Тогда мы пощадим его”.

По словам Наполеона, если бы король появился верхом, то есть осмелился выступить вперед и возглавить оборону, он бы одержал победу.

Другие дни гнева Наполеон провел в Париже — дни сентябрьской резни. Что он видел, слышал и чувствовал, неизвестно. Лишь в общих чертах известно, что во время праздного лета в Париже Наполеон утратил многие из своих республиканских иллюзий. Он испытывал ужас перед насилием толпы и вседозволенностью народа, что оказывало на него огромное влияние на протяжении всей его карьеры. Он потерял веру в чистоту и патриотизм революционных лидеров. Он пришел к выводу, что каждый человек сам за себя, что каждый ищет только своей выгоды. К самим людям, видя, как легко они идут на поводу у лжи, предрассудков и страстей, он относился с презрением. Якобинцы были, по его мнению, “сборищем дураков”; лидеры революции были “жалким сборищем”.

Это поразительно суровое судебное решение было самым неудачным; оно принесло горькие плоды Наполеону и Франции. Он никогда не переставал верить, что каждым человеком руководят его интересы — мнение, которое близко к истине, но не является истиной. Если это вообще правда, то, конечно, не вся.

Наполеон, всегда помня о независимости своей родной страны, написал своему брату Жозефу, чтобы тот держался за Паоли; что события стремятся сделать его всемогущим человеком, а также могут привести к независимости Корсики.

В этот томительный период ожидания Наполеон часто бывал в доме Пермонов. 7 или 8 августа эmissар революционного правительства пробрался в дом Пермона без ордера и, поскольку г-н Пермон отказался признать его власть и пригрозил ему палкой, в ярости ушел, чтобы донести на Пермона. Наполеон, случайно зашедший в это время, узнал об этом факте и поспешил в отделение, где смело осудил незаконное поведение офицера. К Пермону больше не приставали.

★ ★ ★ ★ ★

Король стал пленником революционеров, умеренные были отстранены от власти, радикалы взяли верх. Дело Наполеона уже привлекло к себе внимание, его уже признали невиновным, и теперь, 30 августа 1792 года, он был восстановлен на своем месте в армии и повышен в звании. Он был не только произведен в капитаны, но и его чин и жалованье были произведены на сегодняшний день 6 февраля 1792 года, когда он имел бы право на повышение, если бы не попал под официальное недовольство. Такое быстрое и лестное обращение с нуждающимся офицером со стороны радикалов, которые только что свергли монархию, дает еще одну причину подозревать, что отношение Наполеона к текущим событиям и якобинским лидерам было более тесным, чем это показано в документах. В последующие годы для него стало хорошей политикой скрывать свидетельства своего революционного периода. Таким образом, он сжег лионское эссе и скупил, как он предполагал, все экземпляры "Ужина Бокера". Напрашивается вывод, что попытки подавления были более успешными летом 1792 года, чем в других случаях. Невозможно поверить, что Наполеон, которому было так жарко в гарнизонных городах, где он был расквартирован во Франции, и который перевернул всю Корсику вверх дном демократическими разглагольствованиями и революционными заговорами, должен был стать бесстрастным зрителем представления в Париже.

Какое бы участие он ни принимал или не принимал в событиях этого лета, теперь он возвращался домой. Ассамблея отменила школу Сен-Сир, где училась его сестра Элиза, и Наполеон попросил разрешения сопроводить ее обратно на Корсику, и ему было дано разрешение сопровождать ее обратно на Корсику. Дорожные расходы были щедро покрыты государством. Остановившись в Валансе, где его тепло встретили местные друзья, в том числе мадемуазель Бу, которой он был должен счет за питание, Наполеон и Элиза отправились вниз по Роне в Марсель и отплыли на Корсику, которой они достигли 17 сентября 1792 года.

Положение семьи Бонапартов значительно улучшилось. Поместье стало больше, доходы - более удовлетворительными. Жозеф занимал свой пост. Люсьен был ведущим агитатором в якобинском клубе. Состояние богатого дядюшки чудесным образом помогло делу. Должно быть, именно из этого источника Наполеон получил прекрасный виноградник, о котором он говорил Лас Касесу на острове Святой Елены, как о источнике, обеспечивающем его средствами, и который впоследствии он подарил своей старой няне. Положение, которое дало ему его повышение в армии, положило конец преследованиям, которые фактически выгнали его из дома; и между ним и Паоли было улажено примирение.

Наполеон настаивал на том, чтобы занимать обе свои должности: капитана регулярной армии и подполковника Национальной гвардии Корсики. Паоли решительно возражал, но молодой человек, отчасти с помощью угроз, добился своего. Возможно, именно в этот период Паоли немного изменил мнение Плутарха; говорят, он заметил: “Вы видите этого малыша? Что ж, в нем есть то, что делает двух или трех таких людей, как Марий, и одного такого, как Сулла!”

Во время своего пребывания на Корсике Наполеон принял участие в неудачной экспедиции, которую французское правительство направило против острова Сардиния. Корсиканскими войсками командовал племянник Паоли, Колонна-Сезари, чьи приказы, отданные ему Паоли, который решительно выступал против этого предприятия, были такими: “Проследите, чтобы эта экспедиция закончилась ничем”. Племянник беспрекословно подчинялся дяде. Несмотря на хороший план Наполеона, несмотря на его успешную атаку на вражеские форты, Колонна объявил, что его войска вот-вот взбунтуются, и отплыл обратно домой.

Громко осудив Колонну как предателя, Наполеон попрощался со своими добровольцами и вернулся в Аяччо.

Якобинцы испытывали сильное негодование по отношению к Паоли. Его обвиняли в провале сардинской экспедиции, в его чрезмерной теплоте по отношению к Французской революции и в его предполагаемой склонности к Англии. Сентябрьские массовые убийства и обезглавливание короля были открыто осуждены старым героем, и он использовал свое влияние в пользу консерватизма на Корсике. Фракция Бонапарта была слишком яростной, а братья Бонапарты в целом слишком лихорадочно стремились продвигаться вперед. Дружба и взаимное восхищение, которые Наполеон и Паоли испытывали друг к другу, остыли. Паоли облил историю Корсики ледяной водой и отказался предоставить автору определенные документы, необходимые при подготовке этой работы. Он также не одобрил публикацию Письма Буттафуоко; оно было слишком горьким и жестоким. Опять же, его влияние, похоже, было направлено против Бонапартов на ассамблее в Ореццо. Все эти вещи, несомненно, возымели свое действие; но радикальное различие между двумя людьми, Наполеоном и Паоли, заключалось в политике корсиканцев. Наполеон хотел произвести революцию на острове, а Паоли этого не сделал. Если независимость Корсики не могла быть завоевана, Наполеон выступал за объединение с Францией. Паоли, встревоженный насилием революции во Франции, выступал за объединение с Англией.

Говорят, что Люсьен Бонапарт в клубе в Аяччо назвал Паоли предателем. Клуб отобрал делегацию для поездки в Марсель и разоблачения старого героя в тамошних якобинских клубах. Люсьен был членом делегации; но после того, как он разразился дикой тирадой против Паоли в Марселе, он вернулся на Корсику. Делегация отправилась в Париж. В апреле 1793 года Национальный конвент официально осудил Паоли и вызвал его в коллегия адвокатов для судебного разбирательства.

Сначала Наполеон горячо защищал Паоли и составил страстное обращение к Конвенту в его пользу. В этом документе он недвусмысленно защищает своего старого шефа от обвинения в желании передать Корсику в руки англичан.

В течение двух недель после написания "Защиты Паоли" Наполеон присоединился к своим врагам. Что вызвало эту внезапную перемену, точно неизвестно. Его собственным оправданием было то, что Паоли стремился передать остров Англии. Однако на самом деле курс Наполеона в

этот период кажется полным двурушничества. Какое-то время он не пользовался доверием ни одной из фракций.

Семонвиль, один из французских комиссаров, находившихся тогда на Корсике, много лет спустя рассказал канцлеру Паскье, как Наполеон пришел и разбудил его посреди ночи, чтобы сказать: “Господин Комиссар, я пришел сказать, что я и мои соратники будем защищать дело союза между Корсикой и Францией. Люди здесь на грани безумия; Конвент, несомненно, совершил великое преступление, — гильотинировав короля, — о котором я сожалею больше, чем кто-либо другой; но что бы ни случилось, Корсика всегда должна оставаться частью Франции”.

Как только стало известно об этом решении Бонапартов, паолисты яростно набросились на них, и их положение стало трудным. Французские комиссары, лидером которых был Саличетти, назначили Наполеона генеральным инспектором артиллерии на Корсике. Он немедленно приступил к захвату цитадели Аяччо, предмета стольких его усилий. Сила не сработала, хитрость не сработала, попытка подкупа не увенчалась успехом; цитадель осталась не взятой. Жители Аяччи были горько возмущены его дезертирством из Паоли, и, поскольку его жизнь была в опасности, переодетый Наполеон бежал в Бастию. Неукротимый в своей целеустремленности, он предложил комиссии Саличетти другой план захвата возжеленной цитадели. Несколько французских военных кораблей, находившихся тогда в Сен-Флоране, должны были застать врасплох Аяччо, высадить людей и пушки и с помощью некоторых швейцарских войск и тех корсиканцев, которые были расположены помочь, цитадель должна была быть взята.

Паоли был предупрежден, и он приготовился к борьбе. Французские военные корабли отплыли из Сен-Флорана с Наполеоном на борту и достигли Аяччо 29 мая. Было слишком поздно. Паолисты, полностью подготовленные, встретили нападавших ружейным огнем. Наполеон захватил аванпост и удерживал его в течение двух дней; но корабли не смогли эффективно взаимодействовать, и нападавшие отказались от попытки. Наполеон присоединился к своей семье в Кальви. Они бежали из Аяччо, когда Наполеон двинулся в атаку, и паолисты были так яростно разгневаны на них, что их поместья были разграблены, а дома разграблены. Паоли предпринял последнюю попытку сломить решимость мадам Летиции, но она была непреклонна. 11 июня беглецы покинули Корсику и направились во Францию, спасаясь от своих врагов, прячась на берегу моря, пока в темноте ночи не подошла лодка и не забрала их. Джером и Кэролайн остались позади, скрытые семьей Рамолино.

Сам Наполеон чудом избежал смерти. Он был спасен из ловушки, расставленной Перальди, благодаря верности арендаторов Бонапарта. Он был вынужден замаскироваться и прятаться до тех пор, пока не будут приняты меры к его побегу. Дальновидным было суждение и непреклонным мужество, которые, должно быть, помогли ему полностью порвать со своей первой любовью, Корсикой, и броситься в революционную Францию. Ибо для него было бы легко смешаться с толпой и стать великим человеком на Корсике.

В своем завещании Наполеон оставил 100 000 франков Косте, верному другу, которому он был обязан жизнью в то время, когда паолисты преследовали его как предателя.

ГЛАВА VI

Французские революционеры свергли абсолютную монархию Бурбонов, но сами раскололись на фракции. Умеренные, выступавшие за конституционную монархию, были растоптаны жирондистами, выступавшими за федеративную республику; а жирондисты, в свою очередь, были раздавлены якобинцами, выступавшими за неразделенную республику, основанную на абсолютном политическом равенстве всех французов. К этой доктрине они соединили государственный социализм со смелостью, которая в то время потрясла мир, и преобразовали его несколько лет спустя. Жирондисты не сдались без борьбы, привлекая к себе все недовольные элементы, включая роялистов; и последовавшее за этим восстание было поддержано англичанами. Находясь под угрозой изнутри и извне, Революция, казалось, была обречена на гибель.

Именно в разгар этой суматохи Бонапарты высадились в Тулоне в июне 1793 года. Вскоре они перебрались в Марсель. Тепло встреченные якобинцами, которые считали их мучениками за правое дело, насущные нужды семьи были удовлетворены небольшой пенсией, которую правительство выделило для таких случаев. Тем не менее, поскольку они бежали в такой спешке из своего дома в Аяччо, что мадам Летиции пришлось подхватить маленького Джерома на руки, их положение по прибытии во Францию было крайне бедственным.



НАПОЛЕОН

С гравюры Томкинса, изображающей рисунок с натуры во время кампании в Италии. В коллекции мистера У. К. Крейна

“Одним из самых ярких воспоминаний моей юности, ” сказал принц Наполеон, сын Жерома Бонапарта, - является рассказ моего отца о том, как наша семья поселилась в убогом доме, расположенном в переулках Мейлан”, бедном районе Марселя. “Они оказались в величайшей нищете”.

Устроив семью так хорошо, как только мог, Наполеон вернулся к своему полку в Ницце. Чтобы оградить себя от порицания из-за своего длительного отсутствия, он предъявил справку Саличетти о том, что комиссар удерживал его на Корсике. Заявление было ложным, но служило своей цели. Так много офицеров покинули свои посты, а дела были настолько неустроены, что не время было отвергать предложения о службе; не время было и придирается к свидетельству такого влиятельного якобинца, как Саличетти.

Первая служба Наполеона во Франции была направлена против восстания жирондистов. В Авиньоне, который удерживали повстанцы и который окружили войска Конвента, Наполеон, посланный из Ниццы за необходимыми припасами, был назначен командиром батареи. Г-н Ланфри говорит: “Несомненно, что он собственными руками наводил пушки, с помощью которых Карто очистил Авиньон от марсельских федератов”.

Примерно в это же время Наполеон вступил в контакт с Огюстеном Робеспьером, братом великого человека из Парижа. Конвент принял политику направления комиссаров в армии для стимулирования, руководства и отчетности. Робеспьер возглавлял одну из этих внушительных делегаций и сейчас находился в Авиньоне в своем официальном качестве. С ним, но в составе отдельной комиссии, были Саличетти и Гаспарин.

Этим господам Наполеон прочитал политическую брошюру, которую он только что закончил и которую назвал "Ужин Бокера". В брошюре обсуждалась политическая ситуация. Автор облек это в привлекательную и необычную форму диалога между несколькими гостями, которых он якобы встретил в гостинице в городке Бокер. Подобный реальный случай, несомненно, лег в основу брошюры.

Гражданин Нисмеса, два марсельских купца, фабрикант из Монпелье и солдат (предположительно Наполеон), оказавшись за общим ужином, естественно завязали разговор и дебаты, темой которых были недавние конвульсии. Целью брошюры было продемонстрировать слабость повстанческого движения и необходимость подчинения установленным властям в Париже.

Комиссары были настолько довольны работой Наполеона, что приказали опубликовать ее за счет правительства. Заботясь о своей семье, Наполеон обеспечил Люсьену, Жозефу и дяде Фешу должности на государственной службе.

* * * * *

Тысячи повстанцев-жирондистов бросились в большой портовый город Тулон. Роялисты и умеренные жители города объединились с восставшими республиканцами, и Англия была готова помочь отстоять это место от Конвента.

Роялисты, уверенные, что пришла контрреволюция, начали расправу над якобинцами в городе. Был поднят белый флаг Бурбонов, вытеснивший красный, белый и синий. Маленький мальчик, сын Людовика XVI, который сидел в парижской тюрьме, был провозглашен королем под именем Людовика XVII. Сэр Сэмюэл Худ, командующий британским флотом, вошел в гавань и завладел примерно двадцатью пятью французскими кораблями, “доверенными” бурбонам; генерал О’Хара поспешил из Гибралтара с войсками, чтобы помочь сохранить это “доверие”; и на поддержку англичан стекались испанцы, сардинцы и неаполитанцы. Даже папа римский не

смог удержаться от протягивания руки помощи; он прислал нескольких священников, чтобы они помолились и увещевали.

Когда по всей Франции стало известно, что Тулон восстал, начал истреблять патриотов, провозгласил королем Бурбонов, сдал британцам арсенал, гавань, огромные склады и французский флот, волна яростного негодования поднялась против города. Была только одна мысль: Тулон должен быть взят, Тулон должен быть наказан. Жажда мести говорила сама за себя; инстинкт самосохранения говорил сам за себя; вопрос стоял о жизни или смерти Революции.

Конвент осознал кризис; Большой комитет осознал это; и принятые меры были незамедлительными. Комиссары поспешили на место происшествия, и туда хлынули войска. Баррас, действительно эффективный человек во внезапных чрезвычайных ситуациях, Фрерон, Саличетти, Гаспарин, Рикорд, Альбитт и Робеспьер Младший - все были под рукой, чтобы вдохновлять армию и направлять события. Около двадцати с лишним тысяч солдат вскоре взяли город в осаду. Они были полны мужества, огня и энтузиазма; но их командиром был художник Карто, чьи представления о войне были очень примитивными. Найти, где находится враг, а затем яростно обстрелять его из пушек, а затем обрушиться на него с мушкетами - вот что составляло суть военных планов Карто. В Тулоне, из-за особенностей позиции, такой план был не таким превосходным, каким он мог бы быть в некоторых других местах. Кроме того, у него не было точного представления о средствах, необходимых для такой работы, за которую он взялся. Тулон, с его двойной гаванью, внутренней и внешней, с его обороной с суши и с моря, не говоря уже о крепостях, которые лорд Малгрейв построил на полосе земли, разделявшей две гавани и господствовавшей над ними, представлял трудности, требовавшие солдата. Карто был храбр и энергичен, но не солдат; неделя за неделей тянулись впустую, так и не достигнув никакого существенного прогресса в осаде.

Примерно в середине сентября 1793 года Наполеон появился в Тулоне - как раз в нужный момент, — поскольку артиллерийская служба была почти выведена из строя. Генерал Дютей, который должен был руководить этим, не прибыл, а Доммартен был выведен из строя ранением. Как случилось, что Наполеон из итальянской армии оказался в Тулоне в этот критический момент? Этот вопрос представляет непреходящий интерес, потому что вся его карьера связана с Тулоном. Г-н Ланфри утверждает, что по пути из Авиньона в Ниццу Наполеон остановился в Тулоне, был приглашен комиссарами осмотреть работы и настолько покорила их своими умными замечаниями, критикой и предложениями, что они сразу же назначили его командующим.

По собственному рассказу Наполеона об этом деле, военный министр отправил его в Тулон командовать артиллерией и что он имел письменное разрешение встретиться с Карто, который вовсе не был рад его видеть. “В этом не было необходимости!” - воскликнул Карто. “Тем не менее, добро пожаловать. Вы разделите славу взятия города, не понеся при этом ни малейшего труда!”

Но биографы почти единодушно отказываются верить этому рассказу. Г-н Ланфри говорит, что причина, по которой Наполеон не хотел признавать, что комиссары назначили его, заключалась в том, что он не хотел признавать, что у него были обязательства перед Саличетти. Но Саличетти был всего лишь одним из уполномоченных; он один не мог назначать. Наполеон был так далек от того, чтобы стыдиться признавать долги благодарности, которые он никогда не уставал пополнять. В своем завещании он признает, что был обязан защите Гаспарина в тот

самый период, и оставил в наследство 20 000 долларов сыну этого комиссара. Следовательно, доводы мистера Ланфри неубедительны. Наполеон, несомненно, должен был знать, как он оказался в Тулоне, и его рассказ естественен, по-видимому, правдив и в высшей степени позитивен.

Но эти недавние биографы, которые копаются и переворачивают события, и спустя столетие после событий узнают о них больше, чем когда-либо знали люди, принимавшие в них участие, самым решительным образом утверждают, что и мистер Ланфри, и Наполеон неправы. Они настаивают на том, что все произошло следующим образом: после того, как Доммартен был ранен, генерал-адъютант Червони, корсиканец, был отправлен в Марсель, чтобы поискать способного артиллерийского офицера. Очевидно, тот, кто послал Червони, считал само собой разумеющимся, что способные артиллерийские офицеры бродили где попало, и их могли найти прилежные поисковики в переулках и закоулках больших и невеликих городов. Нам рассказывают, что Червони, прибыв в Марсель, прогуливался по улицам, не сводя глаз с способного артиллерийского офицера, — и вдруг, кого же он должен был увидеть идущим по дороге, запыленного и изможденного, как не своего товарища-корсиканца Наполеона Бонапарта! Передо мной действительно был способный артиллерийский офицер, который только что побывал в Авиньоне и возвращался в Ниццу.

То, что Червони сразу же пригласил пыльного Наполеона в кафе выпить пунша, было столь же естественно, как и любая другая часть этой сверхъестественной истории. Попивая пунш, Червони рассказывает Наполеону о своих делах и убеждает его отправиться в Тулон и принять командование артиллерией. И этот пылко честолобивый молодой человек, жаждущий открытия, поначалу отвергает блестящую возможность, которую ему предоставляет Червони! Но в конце концов удар, уговоры и трезвое раздумье смягчают Наполеона, и он соглашается уйти.

Все это вы можете прочитать в некоторых из самых последних работ землекопов; и вы можете поверить в это, если вы очень, очень доверчивы.

* * * * *

Появление на сцене такого образованного артиллерийского офицера, как Наполеон, который добился заметных успехов в обращении со своими орудиями в Авиньоне, было долгожданным событием. Его друзья, комиссары, повели его по полю боевых действий, чтобы показать ему размещение и обслуживание батарей. Он был поражен грубой манерой, в которой были сделаны все приготовления, и указал Комиссарам на ошибки. Прежде всего, батареи находились вне досягаемости противника; ядра падали в море, далеко не долетев до цели. “Давайте попробуем пробный выстрел”, - сказал Наполеон; и, к счастью, он использовал технический термин, *coup d'épreuve*. На членов комиссии и Карто этот научный метод выражения произвел благоприятное впечатление, и они согласились. Был произведен пробный выстрел, и мяч, не причинив вреда, упал в море, менее чем на полпути к своей цели. “Черт бы побрал аристократов! - воскликнул Карто. - Они испортили наш порох”.

Но комиссары потеряли веру в управление артиллерией Карто; они решили поставить ее во главе с Наполеоном.

29 сентября Гаспарин и Саличетти рекомендовали повысить его в звании до майора, а на следующий день сообщили, что Бонапарт был “единственным капитаном артиллерии, способным разобраться в боевых действиях”.

С самого начала Наполеон отдался работе всем сердцем. Казалось, он никогда не спал и не отдыхал. Он никогда не покидал своих батарей. Выбившись из сил, он завернулся в свой плащ и лег на землю рядом с ружьями.

Из Лиона, Гренобля, Бриансона он реквизирует дополнительные материалы. У армии Италии он получил еще пушки. Из Марселя он привез лошадей и рабочих для изготовления габионов, барьеров и фашин. Восемь бронзовых ружей он привез из Мартига, бревна - из Ла Сейна, лошадей - из Ниццы, Валенса и Монпелье. В ущелье под названием Оллиулес он основал арсенал с сорока рабочими, кузнецами, колесниками, плотниками, все они были заняты изготовлением необходимых армии вещей; также была мастерская оружейника по ремонту мушкетов; и он предпринял шаги по восстановлению дарденского оружейного завода.

Таким образом, он основывал свои надежды на успехе *на работе*, интенсивной, хорошо направленной, всеобъемлющей работе. Были приняты все возможные меры предосторожности, сделаны все возможные приготовления, приложены все силы, чтобы привести в действие средства, необходимые для достижения цели. Ничего не оставалось на волю случая, удачи, провидения или вдохновения. Холодный расчет управлял всем, неустанный труд обеспечивал все, колоссальная движущая сила двигала всем этим. За столь короткое время Наполеон стал “душой осады”. В ноябре он был назначен исполняющим обязанности командующего артиллерией. Карто был уволен, и художника сменил врач по имени Доппет. У врача хватило здравого смысла вскоре понять, что более легкая задача, чем взятие Тулона, была бы приятной переменой, и он попросил направить его в другое место. Ему наследовал Дюгомье, отличный солдат старой закалки. Наконец прибыл Дютиэль, официальный командующий артиллерией, и он был настолько доволен работой Наполеона, что не вмешивался.

Комитет общественной безопасности, заседавший в Париже, прислал план операций, основной идеей которого была полная капитуляция города. Для этого потребовалось бы шестьдесят тысяч солдат, тогда как у Дюгомье было всего двадцать пять тысяч. Но он не осмелился ослушаться ужасного Комитета. Он мучительно колебался между потерей Тулона и собственной головой. Собрался военный совет. Присутствовали уполномоченные Конвента, среди них Баррас, Рикорд и Фрерон. Офицеры армии считали план комитета плохим, но не решались сказать об этом прямо. Высказался один, самый молодой; это был Наполеон. Он указал на карту, развернутую на столе, объяснил, что оборона Тулона зависит от британского флота, что флот не сможет удержаться, если сухопутная батарея будет командовать гаванью, и что, захватив определенный пункт, французы полностью овладеют ситуацией. В эту точку на карте он ткнул пальцем, сказав: “Вот Тулон”.

Он изложил свой план в письменном виде, и он был отправлен в военное министерство в Париж. Второй военный совет принял его взгляды и приказал ему привести их в исполнение.

Англичане осознали важность стратегического пункта, названного Наполеоном, и уже укрепили его. Редут был известен как форт Малгрейв, а также как Маленький Гибралтар.

30 ноября англичане предприняли отчаянную попытку штурма укреплений Наполеона. Они были отброшены, а их лидер, генерал О'Хара, был взят в плен. На острове Святой Елены Наполеон сказал, что он сам схватил раненого англичанина и втянул его в ряды французов. Это утверждение, по-видимому, было одним из его причудливых набросков. Другие говорят, что генерал О'Хара был схвачен четырьмя малоизвестными рядовыми из батальона Суше.

Когда рядом с ним был убит артиллерист, Наполеон схватил трамбовку и несколько раз зарядил орудие. У покойного был чесотка; Наполеон подхватил ее и не вылечивался, пока не стал консулом.

Находясь постоянно в гуще боя, он получил удар штыком в бедро. Он упал на руки полковника Мюирона, который отнес его в безопасное место. Наполеон показал этот шрам О'Мире на острове Святой Елены.

Именно в Тулоне слава впервые пришла к этому молодому смельчаку Жюно, которого впоследствии избаловал Наполеон, вознеся его слишком высоко.

Когда мы ужинали с несколькими товарищами-офицерами возле батарей, вражеский снаряд попал в палатку и был готов разорваться, когда Жюно встал со стаканом в руке и воскликнул: “Я пью за тех, кто вот-вот умрет!” Разорвался снаряд, один бедняга был убит, и Жюно выпил “В память о герое!”

Через несколько дней после этого инцидента Жюно вызвался провести для Наполеона очень опасную разведку. “Идите в гражданском платье; ваша форма подвергнет вас слишком большому риску”. — “Нет, - ответил Жюно, - я не стану уклоняться от возможности быть застреленным, как солдат; но я не стану рисковать быть повешенным, как шпион”. Произведя разведку, Жюно явился к Наполеону с докладом. “Изложи это письменно”, - сказал Наполеон; и Жюно, используя бруствер батареи как стол, начал писать. Когда он дочитал первую страницу, пуля, предназначавшаяся ему, попала в парашют, засыпав его и газету землей. “Вежливо со стороны этих англичан, - воскликнул он, смеясь, - присылать мне немного песка именно тогда, когда я в нем нуждался”. Очень скоро Наполеон стал генералом, а Жюно - его адъютантом.

17 декабря все было готово к грандиозному штурму английских укреплений. Между полуночью и рассветом, когда бушевал ливень, форты, которые в течение двадцати четырех часов обстреливались пятью батареями, были атакованы французами. Отбитый при первом натиске, Дюгомье потерял самообладание, и он воскликнул: “Я пропащий человек”, думая о том ужасном комитете в Париже, который должен был отрубить ему голову. Были спешно подтянуты свежие войска, атака возобновлена, и Малый Гибралтар взят. Таким образом, первый крупный военный успех Наполеона был одержан в честном бою с англичанами.

Extrait de la conversation

Le travail acheminé par les hommes
une fatigue terrible. Je vous envoie
400 hommes pour travailler le fort et pour le
enfin qu'ils soient dans la cheminée
fait
Je vous fais passer 2 pièces de canon
sur la gauche au point le plus avancé.
Le général Cartou ne peut avancer
à cause de la gauche sur la cheminée de gauche.
Jusqu'à la fin je lui donnerai deux nouvelles
pièces de quatre.

Le Commandant de la ville
Bonaparte

P. S. 200 hommes de ces 400 vont au
pour prendre des outils les
autres sont donnés

au général Cartou

ПИСЬМО БОНАПАРТА, КОМЕНДАНТА АРТИЛЛЕРИИ, ГЕНЕРАЛУ КАРТО.

Атаки на другие пункты линии обороны также были предприняты и увенчались успехом, и Тулон оказался во власти батарей Наполеона. Последовавшая за этим ночь была одной из самых страшных в анналах войны. Английский флот больше не чувствовал себя в безопасности в гавани и готовился к отплытию. Тулон обезумел от ужаса. Роялисты, жирондисты, беженцы из

Лиона и Марселя выбежали из своих домов, заполонили набережные, прилагая все усилия, чтобы добраться до английских кораблей. Городские якобинцы, теперь, когда настал их черед, воспользовались этим по максимуму и преследовали роялистов, совершая все безобразия, какие только могли вызвать ненависть и похоть. Заключенные вырвались на свободу, чтобы грабить, убивать, насиловать. Город превратился в столпотворение. Отцы, матери, дети дико бросились в поисках безопасности к причалам, крича от ужаса и в самом безумном беспорядке ныряя в лодки. И все это в то время, как пушки, ужасные пушки Наполеона, били по гавани и по городу, пули проламывали жилые дома, или прорубали переулки среди визжащих беглецов на набережных, или топили лодки, увозившие несчастных отверженных прочь. Англичане подожгли арсенал, верфь и те корабли, которые невозможно было увести, и зарево разлилось повсюду над ужасной суматохой. Ужас этой отвратительной ночи усилился оглушительным взрывом складских кораблей и дождем осколков, которые они разбросали по всей окружающей воде.

Около четырнадцати тысяч жителей Тулона бежали вместе с англичанами; еще несколько тысяч, должно быть, погибли во время бомбардировок и резни в последующие дни. Низость Тулона вызвала гнев, дьявольщину Революции, и самые подлые люди из всей ее ненасытной своры были посланы, чтобы отомстить. Там был Баррас, дворянин-ренегат; Фрерон, Марат в свирепости, лишенный честности или способностей Марата; Фуше, священник-ренегат. И другие комиссары были почти столь же свирепы; в то время как из самого Конвента доносился голос Барера, требовавшего полного разрушения Тулона. Велик был грех обреченного города; ужасным было его наказание. Почти без разбора людей загоняли в стадо и выкашивали из ружей.

В один из последующих дней Фуше написал своему другу Колло д'Эрбуа: “Сегодня мы отправили в адское пламя 213 повстанцев. Слезы радости текут по моим щекам и наполняют мою душу”. Писатели-роялисты не преминули напомнить читателю, что этот негодяй Фуше стал министром полиции при Наполеоне. Они опускают утверждение о том, что он использовался Людовиком XVIII. в том же качестве.

Наполеон приложил все усилия, чтобы положить конец этим зверствам, но у него все еще не было политического влияния, и он ничего не мог поделать. Нескольких несчастных он спас от своих собственных солдат и тайно отослал прочь. Он был вынужден стать свидетелем казни одного восьмидесятичетырехлетнего старика, преступление которого заключалось в том, что он был миллионером. “Когда я увидел это, - рассказывал впоследствии Наполеон, - мне показалось, что наступил конец света”.

В своих злобных Мемуарах Баррас усердно пытается нарисовать отталкивающий портрет Наполеона Тулонского. Молодой офицер изображен суевающимся со свертком со своим Ужином из Бокера, раздающим экземпляры направо и налево офицерам и рядовым. Его заставляют исповедовать гнусное якобинство и называть Робеспьера и Марата “моими святыми”. Он подобострастно ухаживает за женой комиссара Рикорда и за правителями Конвента в целом. Конечно, он был на коленях перед Баррасом. Этот надменный магнат опускается достаточно низко, чтобы упомянуть, в ущерб Наполеону, что его мундир был изношенным и грязным — как будто изодранный и перепачканный мундир по окончании такой осады, такой титанической работы мог быть чем угодно, только не знаком чести для солдата, который его носил! Официальный отчет Дюгомье о взятии Тулона не содержит упоминания имени Наполеона, но он

использует это выражение: “Огонь наших батарей, направленный с величайшим талантом”, и т.д. Этот намек не мог относиться ни к кому иному, как к Наполеону.

Военному министру Дютей писал 19 декабря 1793 года: “Я не могу найти слов, чтобы описать заслуги Бонапарта; значительный уровень науки, такой же высокий интеллект и чрезмерная храбрость - таков слабый набросок достоинств этого редкого офицера”.

Сами комиссары, чьи имена вытеснили имя Бонапарта из официального отчета, признали его заслуги, сразу же назначив его на пост бригадного генерала.

* * * * *

Английские авторы подробно останавливаются на ненависти Наполеона к их стране: неужели они никогда не вспоминают о происхождении этого чувства? Разве Англия не обманула старого Паоли, не сокрушила противоположную фракцию и не отнеслась к Корсике как к завоеванию? Разве не английская группировка разграбила дом, конфисковала имущество и покушалась на жизнь семьи Бонапартов? Разве Англия не стремилась принудить бурбонов вернуться во Францию; разве она не захватила французские корабли в Тулоне “под опеку”; разве она не предала тогда огню не только корабли, но и верфи, арсеналы и склады? Разве Уильям Питт в речи короля 1794 года не включил в число тем поздравления “обстоятельства, сопутствовавшие эвакуации Тулона”? Разве Англия в 1793 году не заключила сделку с Австрией, чтобы ограбить Францию и разделить добычу: Австрия получила Эльзас и Лотарингию, а Англия - иностранные поселения и колонии Франции? “Его Величество” (Англии) “заинтересован в том, чтобы австрийский дом укрепился за счет приобретений на французской границе; император” (Австрии) “должен с удовольствием наблюдать относительное увеличение военно-морских и коммерческих ресурсов этой страны” (Англии) “по сравнению с таковыми у Франции”.

Историки давно говорили, что война Англии с Францией была ей навязана, что она носила оборонительный характер. Похожи ли только что процитированные формулировки (официальные депеши) на условия самообороны? Это язык агрессии, беспринципного завоевания; и дух, который диктовал эту сделку между двумя державами с целью ограбления третьей, тот же самый, который давал жизнь каждой последующей комбинации против Французской Республики и Наполеоновской империи.

Как хозяин, так и человек: британское министерство приняло политику слепой и злобной враждебности в отношениях с Францией, и такая же ярость ненависти охватила всю государственную службу. Эдмунд Берк и Уильям Питт сделали прививку всей нации. “Молодые джентльмены, - сказал Нельсон своим гардемаринам, - среди вещей, которые вы должны постоянно иметь в виду, - это ненавидеть француза, как ненавидели бы дьявола”. В другой раз тот же знаменитый англичанин заявил: “Я ненавижу всех французов; они в равной степени являются объектом моего отвращения, будь то роялисты или республиканцы”. В письме герцогу Кларенсу он заявил: “Служить моему королю и уничтожать французов я считаю величайшим приказом из всех.... Долой, долой проклятых французских злодеев! Моя кровь вскипает при имени француза!” В Неаполе он воскликнул: “Долой, долой французов! это моя постоянная молитва”.

Я цитирую Нельсона просто потому, что он был контролирующим фактором в этих войнах, представительным англичанином, человеком, полностью разделявшим политику, цели и увлечения своего правительства.

Подумайте о сделке Англии с Австрией; подумайте о ее взятках Пруссии за продолжение борьбы, когда даже Австрия отступила; подумайте о враждебности таких ведущих действующих лиц, как Берк и Нельсон — стоит ли удивляться, что Наполеон считал Великобританию единственным непримиримым и смертельным врагом Франции?

А чем недовольна Англия? Ее соперница по ту сторону Ла-Манша свергла трон, убила короля и провозгласила принципы, которые противоречили установившейся тирании. Но разве Англия никогда не низвергала трон, не убивала короля и не провозглашала республику?

Вызывало ли какое-либо законное беспокойство Великобритании то, что Франция изгнала Бурбонов и прибегла к самоуправлению? Имела ли Англия, по какому-либо закону человеческому или божественному, право навязывать свою волю братскому государству? Была ли она права, захватив и уничтожив французский флот в Тулоне, который она приняла в доверительное управление? Если на все эти вопросы нельзя ответить Утвердительно, Наполеон не заслуживает глубокого проклятия за свою ненависть к Великобритании.

ГЛАВА VII

Средиземноморское побережье Франции было почти во власти английского флота, и сразу после падения Тулона Наполеон был послан осмотреть оборонительные сооружения и привести их в надлежащее состояние. Он приступил к выполнению этой задачи с той же активностью и тщательностью, которые отличали его в Тулоне, и вскоре побережье и каботажная торговля были защищены от нападений.

Обязанности привели его в Марсель, где он обнаружил, что крепость, необходимая для защиты гавани и города, была демонтирована патриотами, которые ненавидели ее как местную Бастилию. Наполеон посоветовал восстановить укрепления, “чтобы командовать городом”. Это вызвало бурю. Марсельские якобинцы донесли на Бонапарта Конвенту. Это тело вызвало его в свой бар. У него не было ни малейшего желания идти на такой риск, и он поспешил в Тулон, где отдал себя под защиту Саличетти и Огюстена Робеспьера. По их просьбе он написал парижским властям оправдательное письмо, и буря утихла.

В марте 1794 года Наполеон вернулся в штаб-квартиру в Ницце. Благодаря своему влиянию на членов Конвента, в частности на молодого Робеспьера, он стал доминирующим духом итальянской армии.

Генерал Думербион, главнокомандующий, способный офицер, но слишком старый, в течение нескольких месяцев тратил время или силы своих войск на атаки на врага (пьемонтцев и австрийцев), укрепившихся у подножия приморских Альп. Подавленные неоднократными неудачами, офицеры и рядовые довольствовались тем, что удерживали свои позиции и проводили такие операции, которые соответствовали крайней осмотрительности. Как только Наполеон тщательно изучил позиции противоборствующих сил, он составил план кампании и представил его главнокомандующему и комиссарам. На военном совете это было обсуждено и

одобрено. В начале апреля армия пришла в движение; предстояло сменить позицию противника. Массена возглавил корпус, который должен был сделать все необходимое для ведения боевых действий. Враг был разбит в двух сражениях, и в Пьемонт вступили победоносные французы, которые затем повернули обратно к Альпам. Коммуникации между Пьемонтом и укрепленными лагерями противника оказались, таким образом, под угрозой, и они оставили их без боя; и таким образом, в ходе месячной кампании французы завоевали господство над всем альпийским хребтом, который так долго отражал все атаки с фронта.

В это время семья Бонапартов жила в Ницце, и Наполеон в мае и июне 1794 года проводил большую часть времени со своей матерью и сестрами. Дядя Феш, Жозеф и Люсьен занимали хорошие позиции, а Наполеон добился для Людовика, сообщив несколько ложных сведений и воспользовавшись влиянием Саличетти, звания лейтенанта в армии. Людовик был представлен как служивший добровольцем в Тулоне и получивший там ранение. На самом деле Людовик навещал Наполеона во время осады, но не служил и не был ранен.

Жозеф Бонапарт был назначен военным комиссаром первого класса. Наполеон, обеспечив ему это место, представил Жозефа как обладателя звания подполковника корсиканских добровольцев, звания, которого Наполеон добился для себя такой ценой на своей родине. Обман был обнаружен позже, но пока что его брат Джозеф был надежно укрыт.

В июле 1794 года Наполеон отправился в Геную с двойной миссией. Эта республика, которая полностью контролировалась несколькими богатыми семьями, оказывала помощь и утешение врагам республиканской Франции. Англичанам и австрийцам было позволено нарушить нейтралитет Генуи. Кроме того, англичанам было разрешено открыть предприятие по изготовлению фальшивых ассигнаций — та особая политика британского министерства, которая с большим успехом использовалась против восставших американских колоний. Кроме того, поступила жалоба на то, что некоторые товары, купленные в Генуе и оплаченные, не были доставлены французам.

Следовательно, очевидно, что миссия Наполеона касалась запасов, которые удерживала Генуя, и нейтралитета, который она позволяла нарушать. Но в рамках этой цели крылась другая. Генуя и ее нейтралитет были препятствием для французских военных планов; она была слаба, и искушение овладеть ею было велико. Находясь в Генуе, Наполеон должен был осмотреться вокруг острым взглядом военного эксперта и составить мнение о том, с какой легкостью маленькая республика может стать жертвой внезапной весны.

Эта миссия, неприятно напоминающая шпионскую, была предпринята по просьбе младшего Робеспьера. С Саличетти и Альбитте никто не советовался, и они ничего не знали о секретных инструкциях, данных Наполеону. Внезапно отозванный в Париж своим братом, Робеспьер пожелал взять с собой молодого офицера, “выдающимся заслугам” которого он аплодировал. Теперь, когда Наполеон командовал парижскими войсками вместо Анрио, Робеспьеры могли с уверенностью ожидать победы в надвигающемся кризисе, который они предвидели. Но частью “трансцендентной заслуги” Наполеона было отличное суждение, и он отказался ехать в Париж. Так друзья расстались: один, чтобы посетить маленькую Геную и запугать ее слабого дожа, другой, чтобы вернуться в бушующую столицу и встретить там внезапную смерть в великодушной преданности своему брату.

Наполеон снова достиг Ниццы 21 июля 1794 года после своей успешной миссии в Генуе, а через несколько дней произошла катастрофа. Робеспьеры были свергнуты, и Бонапарты, причисленные к этой фракции, пали вместе с ней. Наполеон был арестован; его братья уволены с работы. По какой—то причине Саличетти и Альбитте, ранее столь дружелюбно относившиеся к Наполеону, ополчились на него, донесли на него Конвенту и подписали приказ об аресте - приказ, почти эквивалентный смертному приговору.

Это был ошеломляющий, неожиданный удар. Мадам Жюно в своих Мемуарах намекает, что за всем этим стояла традиционная женщина; что молодой мужчина, Наполеон, снискал благосклонность дамы, которая холодно отнеслась к костюму Саличетти. Но это объяснение не объясняет враждебности других комиссаров, поскольку члены двух отдельных комиссариатов подписали подписи против Наполеона. Конечно, он не лишил их всех возможности улыбаться их дамам. Нет; похоже, что своим падением Наполеон был обязан тому факту, что стоял на строительных лесах Робеспьера, когда они рухнули. Он просто упал вместе с ними.

Он был известен как человек Робеспьера, и в очень значительной степени таковым и был. Младший брат, который ему нравился, возложил на него большие обязательства, и он не верил, что старший в глубине души был плохим человеком. Он видел частные письма, которые старший брат писал младшему, в которых осуждались преступления наиболее оголтелых и коррумпированных революционеров и выражалась необходимость умеренности и чистоты. Среди тех, кто запятнал имена Робеспьеров, ни тогда, ни позже, Наполеона нет. Он достаточно хорошо понимал, что конвульсии 27 июля 1794 года (Термидор) были делом рук банды негодяев (Баррас, Фуше, Каррье, Тальен, Бийо, Колло), которые воспользовались обстоятельствами, чтобы свергнуть человека, угрожавшего наказать их за их преступления. Наполеон верил тогда и впоследствии, что Робеспьер был козлом отпущения и что он не был ответственен за ужасные дни террора в июне и июле 1794 года. Мужественное постоянство, с которым он всегда придерживался своих собственных оценок людей и событий, проявляется в том, как он хорошо отзывался о братьях Робеспьер, когда все остальные проклинали их, и в том, что он назначил Шарлотте Робеспьер пенсию в то время, когда этот поступок не мог быть политическим. Удивительной была сложность характера Наполеона; но подобно золотой нити, пронизывающей все запутанные нити его жизни, великолепная преданность, с которой он помнил тех, кто когда-либо был добр к нему. Насколько я могу судить, он ни разу не преследовал врага и не мстил; насколько известно, он ни разу не преминул вознаградить друга.

Арест Наполеона вызвал такое возмущение среди молодых офицеров итальянской армии, что был выдвинут план его насильственного освобождения. Жюно, Мармон и другие горячие друзья должны были вытащить его из тюрьмы и бежать с ним на генуэзскую территорию. Наполеон и слышать об этом не хотел. “Ничего не предпринимайте”, - писал он Жюно. - Ты только скомпрометируешь меня.

Жюно, вспыльчивый, Жюно с мягким сердцем, был вне себя от горя; и он плакал, как ребенок, сообщая плохие новости мадам Летиции.

Но сам Наполеон не сидел сложа руки. Он знал, что быть отправленным в Париж для суда в то время было почти то же самое, что отправиться на эшафот, и он обратился со своей апелляцией непосредственно к комиссарам. По имени он обратился к Саличетти и Альбитте в мужественных, смелых и страстных выражениях, протестуя против причиненного ему зла, требуя, чтобы они расследовали это дело, и апеллируя к своему прошлому послужному списку и

заслугам в качестве доказательств его лояльности республиканцам. Этот протест возымел действие. Саличетти лично изучил бумаги Наполеона и не нашел ничего против него. Подозрительная поездка в Геную больше не вызывала подозрений, поскольку были найдены его официальные инструкции для этой поездки.

После примерно двухнедельного тюремного заключения он был освобожден, но его работа была прекращена. Он по-прежнему сохранял свое звание в армии, но не был при исполнении служебных обязанностей. Он остался только в качестве советника и зрителя и, по просьбе Думербиона, разработал план кампании, который был успешным в той мере, в какой Думербион продвигал его. Он не зашел достаточно далеко, чтобы получить какие-либо очень серьезные преимущества, к большому неудовольствию Наполеона.

Именно в это время произошел инцидент, о котором он рассказал на острове Святой Елены. Он прогуливался с женой влиятельного комиссара Тюрро, когда ему пришлось в голову отвлечь и заинтересовать ее, рассказав о том, на что похожа война. Соответственно, он отдал приказ французскому аванпосту атаковать австрийские пикеты. Это была простая прихоть; атака ни к чему не могла привести. Это было сделано просто для того, чтобы развлечь подругу. Солдатам оставалось только подчиняться приказам. Атака была предпринята, и они оказали сопротивление. Было небольшое сражение, и были раненые солдаты, были убитые солдаты. И развлечение, которое леди получила от этого, было единственным другим результатом нападения.

Именно Наполеон рассказал эту историю о себе: он заявил, что никогда не переставал сожалеть об этом происшествии.

Теперь корсиканские дела на мгновение привлекли внимание правительственных советников в Париже (сентябрь 1794 г.). Ибо после того, как Бонапарты бежали с острова, Паоли призвал англичан. Старый герой намеревался установить протекторат, думал, что Англия будет удовлетворена такого рода соглашением и что он, Паоли, останется у власти в качестве вице-короля или чего-то в этом роде. Но англичане и не думали использовать свои силы для какой-либо такой половинчатой цели. Они намеревались, чтобы Корсика принадлежала Англии и чтобы ею правил английский губернатор. Они заинтриговали верного друга Паоли, Поццо ди Борго, и Поццо перешел на сторону английской политики. Король Георг III. из Англии Паоли прислал вежливое и настоятельное приглашение посетить Англию, и Паоли принял его.

Англия подвергла бомбардировке и захватила оставшиеся французские крепости (февраль 1794 г.), вступила в тихое и миролюбивое владение островом и назначила сэра Гилберта Эллиота губернатором. Конечно, верный друг Паоли, Поццо ди Борго, не был забыт; при Эллите он стал президентом государственного совета.

Когда в штаб итальянской армии прибыли уполномоченные из Парижа с приказом приостановить боевые действия армии и готовиться к экспедиции против Корсики, Наполеон увидел возможность снова вернуться на действительную службу. Он искал и получил, возможно, по милости Саличетти, командование артиллерией для экспедиции. В Тулоне были проведены большие приготовления к организации сил и оснащению флота. Этой работой Наполеон был напряженно занят в течение нескольких месяцев. Его мать и младшие дети поселились в приятных кварталах недалеко от Антиба, и он смог наслаждаться роскошью домашнего круга, готовясь изгнать англичан с Корсики. В назначенное время французский флот

вышел в море; в назначенное время он сделал то, что обычно делали французские флоты, — потерпел сокрушительную неудачу. Англичане были начеку, атаковали и захватили два французских судна. Остальные бежали в укрытие под орудиями береговых фортов. Завоевание Корсики было отложено.

ГЛАВА VIII

Должно быть, это был прискорбно разочарованный молодой человек, который вернулся к своей семье, теперь уже в Марселе, весной 1795 года. Исчезла слава Тулона, исчез престиж доверенного друга комиссаров, правивших Францией. Едва спасшись от крушения "Робеспьера", он теперь был здесь, выброшенный на берег из-за неудачи, жалкого краха экспедиции, от которой так много ожидали. Очень мрачным, должно быть, было "желтовато-зеленое" лицо Наполеона, очень мрачными были эти пронзительные глаза, когда он вернулся на свое место у очага скромного дома в Марселе. Прошло десять лет с тех пор, как он надел свою военную форму; это были годы непрестанных усилий, мучительного труда и повторяющихся неудач. Демон невезения преследовал его по пятам, срывал на каждом шагу, сводил на нет все его хорошо продуманные планы. Даже успех пришел к нему только для того, чтобы поиздеваться над ним, а затем бросить его в более тяжелое падение. Он не только потерял почву под ногами, но и его братьев вышвырнули с мест, которые он для них добыл. В разгар этих разочарований пришло другое: Лакомб Сен-Мишель, комиссар, который не питал к нему добрых чувств, призвал правительство уволить его из итальянской армии и перевести на Запад. Соответствующий приказ был издан. Этот перевод увезет его из армии, где у него была определенная репутация и несколько друзей, и с поля боевых действий, с которым он был досконально знаком. Это привело бы его в Вандею, где война была худшей из всех войн — междоусобица, брат против брата, француз против француза, — и отдало бы его под командование опытного молодого человека по имени Гош.

Полный решимости не занимать этот пост и в то же время отчаянно упорный в своем стремлении удержаться на служебной лестнице, Наполеон отправился в Париж в начале мая 1795 года, чтобы поработать с властями. В столице у него было несколько влиятельных друзей, среди них Баррас и Фрерон. Других друзей он мог завести. В правительстве, где правили комитеты и где комитеты претерпевали постоянные изменения, тому, кто умел работать, ждать и интриговать, было возможно все. Поэтому он поспешил в Париж, взяв с собой своих помощников Жюно и Мармона, а также своего брата Луи.

Поселившись в дешевом отеле, он поставил перед собой задачу добиться отмены заказа на трансфер. В последнее время проводился общий пересмотр армейского списка, и было внесено много изменений. Случай с Наполеоном не был единичным. Простой перевод из одной армии в другую без понижения в звании сам по себе не был позором; но Обри, который теперь возглавлял военный комитет, решился на шаг, который стал настоящим поводом для недовольства. Артиллерийская служба была переполнена офицерами; возникла необходимость

сократить этот избыток; и Наполеон, как младший офицер, был направлен в западную армию в качестве генерала бригады пехоты.

Наполеон расценил это как оскорбление, серьезную травму, и он так и не простил министра, нанесшего ему удар. Обри был жирондистом и в душе был роялистом. Он знал, что Наполеон был якобинцем, если не террористом. Не предполагая, что существовали какие-либо причины для личной неприязни, здесь было достаточно оснований для позитивной неприязни в столь жаркие времена, как те. Напрасно Наполеон обратился лично и задействовал мощное влияние Барраса, Фрерона и епископа Марбозского. Либо его сторонники были равнодушны, либо его дело сочли слабым. Ни от комитета в полном составе, ни от Обри нельзя было добиться никаких уступок. Обри, сам бывший солдатом небрежного, невоевательного толка, считал, что Наполеон продвигался слишком быстро. “Вы слишком молоды, чтобы быть главнокомандующим артиллерией”, - сказал он маленькому корсиканцу. “Мужчины быстро стареют на поле битвы”, — последовал ответ, который расширил брешь, поскольку Обри в своем возрасте не появлялся на полях сражений.

Потерпев неудачу в своей попытке создать комитеты в том виде, в каком они были созданы в то время, единственной надеждой Наполеона было дождаться, пока эти члены уйдут, а другие придут по системе ротации.

Тем временем он с гибким упорством держался за Париж. Предъявив справки о плохом самочувствии, он добился, а затем продлил отпуск на этом неприятном посту на Западе. Он цеплялся за старых друзей и завел новых. Брат Люсьен был брошен в тюрьму как ярый якобинец, и Наполеон смог добиться его освобождения. Был отдан безапелляционный приказ о том, чтобы Наполеон отправился на свой пост, но через своих друзей ему удалось уклониться от удара. Луи, однако, потерял звание лейтенанта и был отправлен обратно в школу в Шалоне.

Несмотря на все свое мужество и ресурсы, Наполеон временами впадал в уныние. Он написал своему брату Джозефу, что “если так будет продолжаться и дальше, я не позабочусь о том, чтобы убираться с пути проезжающих экипажей”. Верный Жюно делился со своим начальником деньгами, которые тот получал из дома, а также своим выигрышем за игорным столом, ибо Жюно был азартным игроком, и, будучи молодым, ему иногда везло. Буррьен и Тальма, возможно, также давали займы Наполеону в эти тяжелые дни, но в этом нет такой уверенности. Есть письмо, якобы отправленное Наполеоном Тальме, в котором он просит займы несколько крон и предлагает вернуть их “из первого королевства, которое я завоюю своим мечом”. Но сам Наполеон заявил, что он не встречался с Тальмой до начала консульства.

Праздный, несчастный, без гроша в кармане, Наполеон стал угрюмым и необщительным. Если он казался веселым, веселье казалось его друзьям натянутым и пустым. В театре, в то время как публика могла сотрясаться от смеха, Наполеон был серьезен и молчалив. Если он был с компанией друзей, их болтовня, казалось, раздражала его, и он ускользал, чтобы позже его увидели сидящим в одиночестве в какой-нибудь ложе верхнего яруса и “выглядящим довольно угрюмым”.

Он изо дня в день бродил по улицам, мрачный, с пустыми карманами, его карьера, казалось, была закрыта, мысли были горькими. Он завидовал и ненавидел молодых людей, которые проносились мимо него на своих прекрасных лошадях, и проклинал их и судьбу. Он завидовал своему брату Джозефу, который женился на дочери человека, разбогатевшего на производстве

и продаже мыла. “Ах, этот удачливый мошенник, Джозеф!” Но разве Наполеон не мог жениться на Дезире, другой дочери мыловара? Казалось бы, он хотел этого, и она не была против, но мыловарщик возражал. “Одного Бонапарта в семье достаточно”.

Наполеон проследил свои несчастья вплоть до даты своего ареста: “Саличетти омрачил яркий рассвет моей юности. Он разрушил мои надежды на славу”. В другой раз он печально сказал, ударив себя по лбу: “А ведь мне всего двадцать шесть”. Разоренный собратом-корсиканцем! Однако, судя по всему, Саличетти и Наполеон продолжали оставаться хорошими друзьями. Время от времени они встречались у мадам Пермон, и Саличетти часто бывал в комнате Наполеона. Бурьен утверждает, что двум мужчинам было что сказать друг другу по секрету. Создавалось впечатление, что они были замешаны в каком-то заговоре.

20 мая 1795 года (1 мая Прериала) произошел бунт, грозный и свирепый, направленный крайними демократами против Конвента и его умеренных сторонников. Толпа захватила Тюильри, был убит депутат. Намереваясь убить Фрерона, толпа убила Ферро. Голову депутата отрубили, насадили на пику и ткнули в лицо Буасси д'Англасу, президенту. президент торжественно снял шляпу и поклонился мертвым. Прибыли войска Конвента, очистили зал и подавили беспорядки.

Наполеон был свидетелем этой ужасной сцены. После того, как все закончилось, он зашел к мадам Пермон перекусить. Все рестораны были закрыты, и он с утра ничего не ел. За едой он рассказал о том, что произошло в Тюильри. Внезапно он спросил: “Вы видели Саличетти?” Затем он начал жаловаться на травму, нанесенную ему Саличетти. “Но я не держу на него зла”. Саличетти был замешан в восстании, и предшествовавший ему заговор, возможно, был предметом тех частных бесед, которые он вел в комнате Наполеона, — бесед, которые, по словам Бурьена, оставили Наполеона “задумчивым, меланхоличным и встревоженным”.

Заговор созрел, перерос в бунт, и бунт был подавлен. - Вы видели Саличетти? - спросил я. Это было очень уместное расследование, поскольку на Саличетти охотились, и через несколько дней он будет объявлен вне закона. В случае поимки его, вероятно, казнят. Мадам Жюно говорит, что, когда Наполеон говорил о Саличетти, он “казался очень рассеянным”. Вкратце завершая этот любопытный эпизод, Саличетти был объявлен вне закона, бежал в поисках убежища в дом мадам Пермон, был спрятан ею и, наконец, тайно вывезен из Парижа под видом ее камердинера. Наполеон знал, где скрывается Саличетти, но не выдал его. Было ли его поведение продиктовано благоразумием или великодушием? Несомненно, в этом было что-то великодушное; но почти неизбежен вывод, что здесь была и политика. Если бы Саличетти был поставлен к стенке, он мог бы раскрыть вопросы, вредные для Наполеона. Эти частные беседы, секретные совещания, ежедневные визиты в кабинет Наполеона в те дни, когда формировался заговор, — разве они не выглядели бы плохо для молодого офицера, который, как известно, имел недовольство и от которого часто и публично доносились обвинения в адрес правительства? Возможно, именно это было на уме у Наполеона, когда он был так глубоко погружен в свои мысли у мадам Пермон.

То, что он не позволил втянуть себя в заговор, было прекрасным доказательством рассудительности Наполеона. Разгневанный против правительства, презиравший многих людей, составлявших его, неугомонно честлюбивый и страстно жаждущий действия, удивительно, что он проникал в секреты лидеров восстания и при этом оставался незамеченным.

Наполеон в этот период был желтоватым и худым; его каштановые волосы были длинными и плохо напудренными. Его речь, как правило, была краткой и отрывистой. У него еще не выработались изящество речи и манеры. Когда он пришел преподнести мадам Пермон букетик фиалок, то сделал это неловко — настолько, что его неуклюжесть вызвала улыбки. Его одежда была простой. Серое пальто, застегнутое до подбородка; круглая шляпа, надвинутая на глаза или сдвинутая на затылок; перчаток нет, черный галстук плохо завязан; сапоги грубые и, как правило, нечищенные. В плохую погоду эти ботинки были грязными и мокрыми, и Наполеон ставил их сушиться на каминную решетку, к раздражению тех, у кого были требовательные носы. Мадам Пермон была носительницей этого класса, и ее носовой платок поднимался к носу всякий раз, когда сапоги Бонапарта поднимались к каминной решетке. Наполеон, наблюдательный человек, понял намек и завел привычку останавливаться поблизости, чтобы горничная почистила его сапоги своей метлой. Его одежда изнашивалась, шляпа обветшала. Сапожник, оказавший ему доверие в этот темный час, никогда не был забыт. Император Наполеон продолжал покровительствовать неуклюжему сапожнику, сердце которого не ожесточилось против несчастного бригадира.

Однажды ночью на острове Святой Елены, когда Наполеон, не в силах заснуть, пытался извлечь время от скуки, вспоминая превратности своего прошлого, он рассказал об этом инциденте: “Однажды в тот период я страдал от того крайнего упадка духа, который делает жизнь непосильным бременем. Я только что получил письмо от моей матери, в котором она рассказывала мне о крайней нужде, в которую она была ввергнута. Мое собственное жалованье было урезано, и в кармане у меня было всего пять франков. Я бродил по берегам реки, испытывая искушение покончить с собой. Через несколько мгновений я должен был броситься в воду, но наткнулся на человека, одетого как механик. - Это ты, Наполеон? ’ И он бросился мне на шею. Это был мой старый друг Де Мази, который эмигрировал и теперь вернулся переодетым, чтобы навестить свою мать. ‘ Но в чем дело, Наполеон? Ты меня не слушаешь! Кажется, ты меня не слышишь!”

- Я ему во всем признался.

“Это все?” - спросил он, расстегивая свой грубый жилет и снимая пояс, который протянул мне. “Вот 30 000 франков, которыми я могу пожертвовать; возьмите их и освободите вашу мать”.

Наполеон рассказал, как он был так вне себя от радости, что бросился отправлять деньги своей матери, не дождавшись, чтобы поблагодарить своего друга. Пристыженный своим поведением, он вскоре вернулся на поиски Де Мази, но нигде не смог его найти. Эти двое снова встретились при Империи. Наполеон заставил Де Мази в десять раз увеличить сумму займа и назначил его на должность, которая приносила ему 30 000 франков в год.

Каким бы низким ни был его кошелек и дух, Наполеон был слишком молод, слишком силен, слишком уверен в себе, чтобы поддаваться отчаянию на какое-то время. Его деятельный мозг изобилует планами на будущее. Его необузданная фантазия простиралась от планов, которые включали в себя книжный магазин, сдачу в аренду и субаренду многоквартирных домов, до службы в Турции и создания империи на Востоке. Иногда друзья считали его почти сумасшедшим. Отправляясь с Бурьеном, который подыскивал подходящий дом, Наполеону приглянулся дом напротив, и он подумал о том, чтобы нанять его для себя, дяди Феша и своего старого бриенского учителя Патро: “С этим домом, моими друзьями в нем, лошадью и кабриолетом я был бы счастливейшим человеком на свете”.

Жюно рассказывает, что однажды вечером, когда они вдвоем прогуливались по Ботаническому саду, Наполеон, казалось, был покорен красотой окружающей обстановки и очарованием ночи. Он сделал Жюно своим доверенным лицом — тот был влюблен, и его привязанность не получила ответа. Жюно слушал, сочувствовал, соболезновал, а затем сделал Наполеона своим доверенным лицом. Жюно тоже был влюблен — он любил Полину Бонапарт и хотел жениться на ней. Наполеон сразу же пришел в себя. Он решительно отверг это предложение: ни у Жюно, ни у Полины не было состояния — о браке не могло быть и речи.

“Ты должен подождать. Мы увидим лучшие дни, мой друг.— Да! Они будут у нас, даже если я отправлюсь на их поиски в другую часть света!”

Но куда ему идти? Этот вопрос он задал себе и тем немногим друзьям, которые проявили интерес к его судьбе. Один из его бывших учителей в Бриенне, Д'Харвед, встретил его в это время в Париже и был поражен его удрученным видом. “Огорчение и недовольство были ярко написаны на его лице. Он разразился оскорблениями в адрес правительства”. Д'Харвед опасался, что подобные разговоры подвергнут опасности как слушателя, так и оратора, и по его просьбе они удалились в сад Пале-Рояля в сопровождении англичанина по имени Блинкам или Бленкоу. Наполеон продолжал жаловаться на то, как с ним обращались власти, и заявил о своем намерении покинуть страну. Англичанин предложил им зайти в ресторан. Там разговор был возобновлен. Наполеон не одобрил предложение Д'Харведа предложить свои услуги Англии. Не привлекла его и Германия. Испания могла бы подойти, ибо “в этой стране нет ни одного воина”.

Затем англичанин предложил Турцию, пообещав написать письма, которые благоприятно расположат к незадачливому авантюристу некоторых влиятельных лиц в Константинополе. Наполеон ухватился за эту идею. “Его лицо сияло восторгом и надеждой”. Он воскликнул: “Я немедленно испрошу разрешения отправиться в Константинополь”. И он так и сделал.

В конце июля Обри покинул свой пост, и его сменил в военном комитете Дулсе де Понтекулан. Одним из первых вопросов, привлечших его внимание, было состояние итальянской армии. Она теряла позиции. Дульсе нуждался в совете кого-нибудь, кто был знаком с тамошней ситуацией, и Буасси д'Англас порекомендовал Наполеона. Вызванный в военное министерство, Наполеон быстро ответил на все вопросы и внес предложения относительно того, что следует предпринять, которые настолько поразили министра, что он сказал Наполеону: “Генерал, найдите время и напишите, что вы предлагаете, чтобы это могло быть представлено Комитету”.

“Время!” воскликнул Наполеон. - Дайте мне пару листов бумаги и ручку. Через полчаса у меня будет готов план кампании”. Он сел и написал, но кто мог прочесть этот ужасный почерк? Забрав листок домой, он заставил Жюно скопировать его, и план был представлен комитету полного состава, который отправил его в армию. Дульсе, на которого Наполеон произвел благоприятное впечатление, нанял его в топографическое бюро, где он и еще трое других составили планы и направления для всех армий.

16 августа был отдан безапелляционный приказ, согласно которому Наполеон должен приступить к назначенному ему посту в западной армии. Он не подчинился, и могущественные друзья прикрыли его. 30 августа он подал прошение об отправке в Турцию для увеличения военных ресурсов султана. 15 или 25 сентября (поскольку власти болезненно расходятся в дате) в отчете, подписанном Камбасересом и другими, было постановлено, что его имя будет вычеркнуто из списка генералов, находящихся на действительной службе.

Одна из причин внезапной резкости Комитета, исключившего его имя из списка, заключается в том, что он настаивал на оплате мошеннических счетов. Он запросил и получил пробег от Ниццы до Парижа, хотя приехал только из Марселя. Он также потребовал плату за лошадей, проданных им в соответствии с заказами, когда отправлялся в корсиканскую экспедицию. Власти не верили в этих лошадей, считали их чисто воображаемыми, и, как следствие, правительственные чиновники очень резко отзывались о Наполеоне. Летурнер, сменивший Дульсе в Комитете, был одним из тех, кто не любил его и выступал против него.

15 сентября подкомитет доложил комитету в полном составе о предложении отправить Наполеона с офицерами его свиты для реорганизации военной системы турок. Только в правительстве, управляемом комитетом, могла быть возможна такая противоречивая серия приказов и резолюций. Наполеон всерьез опрашивал офицеров, которые должны были составить его свиту во время миссии в Турцию, когда симптомы очередного революционного потрясения привлекли его внимание и приостановили приготовления.

Съезд, который шатался и раскачивался на протяжении трех лет, теперь собирался отложить заседание. Он чувствовал, что должен, и все же не хотел этого делать. Поэтому они постановили, что две трети следующего законодательного органа должны состоять из них самих. Другую треть может избрать народ. Одной из причин принятия этого странного закона было то, что реакция роялистов стала чрезвычайно угрожающей. Говорили, что граф Артуа находится на побережье, готовый высадить экспедицию из Англии и двинуться на Париж. Армия Конде ожидала сотрудничества с Рейна. Париж должен был подать сигнал восстанием, которое должно было расстроить Конвенцию.

Помимо роялистов, были и другие серьезные недовольные. Были беднейшие классы, которые были лишены своих голосов из-за имущественного ценза новой конституции. Однако в последовавшем за этим восстании роялисты были душой движения. Крайние демократы, хотя и были горячими противниками имущественного ценза, еще больше ненавидели роялизм. Сантерр был готов поддержать Конвенцию и сделал это. Те самые заключенные, которые лежали в цепях со времен демократического восстания 1 мая (1 мая Прериала), теперь были готовы бороться за Конвент и действительно боролись за него.

Центром восстания против Конвента, его новой конституции и его декретов был квартал Лепельтье, дом богатых людей среднего класса. Следует помнить, что национальная гвардия из этой части сражалась в защиту короля в знаменитое 10 августа. Теперь она была снова готова сражаться за королевскую власть.

4 октября (12 Вандемьера) Секция Лепельтье объявила о своем восстании и стала местом сбора повстанцев из всех районов Парижа. Национальная гвардия, насчитывавшая сорок тысяч человек, была настолько реорганизована, что теперь находилась на стороне повстанцев. Роялистам ситуация казалась многообещающей, поскольку у Конвента было всего семь или восемь тысяч солдат, на которые он мог положиться. Генерал Дюма был избран Конвентом для принятия командования его войсками, но он покинул город три дня назад.

Генералу Мену, командовавшему силами Конвенции, было приказано отправиться разоружать и рассеять повстанцев. По какой-то причине, то ли потому, что он не смог осознать серьезность кризиса, то ли потому, что он был выбит из колеи этим, он сделал худшее из возможного. Он провел переговоры и пошел на компромисс. Он согласился вывести свои войска под обещание

повстанцев вывести свои. Затем он отступил, а повстанцы удержали свои позиции и сложили оружие, громко провозглашая свой триумф.

Когда нервный и безмозглый Мену уводил своих людей, молодой офицер на ступенях театра Фейдау воскликнул своему спутнику: “Куда может направиться этот парень?” Это был Наполеон, разговаривавший с Жюно. И он продолжал: “Ах, если бы секции только позволили мне возглавить их, я бы гарантировал, что через два часа они войдут в Тюильри и прогонят всех этих негодяев из Конвента!” Затем он поспешил в Тюильри, чтобы посмотреть, что Конвент будет делать дальше.

Было очевидно, что завтра повстанцы пойдут в атаку. Они заявили о своем намерении сделать это и были уверены в успехе.

Конвент отстранил Мену от командования и поместил его под арест. Затем они выбрали Барраса главнокомандующим, помня о его энергии и успехе в июле 1794 года, когда пал Робеспьер. Наполеон был назначен заместителем командующего.

То, как произошло это назначение, всегда будет предметом споров. Несомненно, что Баррас предложил Комитету имя Бонапарта в словах: “У меня есть именно тот человек, который нам нужен. Это маленький корсиканский офицер, который не будет церемониться”. Барон Фейн утверждает, что Наполеон в это время находился в топографическом бюро, что за ним послали, и Комитет привел его к присяге в зале заседаний. Сам Наполеон в одной из своих различных версий рассказывает, что он был в театре Фейдо, ему рассказали, что происходит в районе Лепельтье, он покинул театр, стал свидетелем отступления Мену, а затем поспешил в Конвент, чтобы узнать, как будут восприняты новости. Прибыв в Тюильри, он смешался с толпой на галереях и услышал, как выкрикнули его имя. Было объявлено, что он назначен помощником Барраса.

Баррас, в свою очередь, говорит, что в тот роковой вечер Бонапарта нельзя было застать ни в одном из его обычных мест обитания, что он пришел в Тюильри поздно, выглядя растерянным, и что в ответ на резкие вопросы он признался, что прибыл из участка Лепельтье, где проводил разведку противника. Баррас обвиняет его в том, что он торговался с другой стороной.

Как бы там ни было, Наполеон Бонапарт исполнял обязанности главнокомандующего во время знаменитого 13-го Вандейского дня (5 октября 1795 года). Это был он, чей гений превратил Тюильри, который парижские толпы снова и снова штурмовали, в крепость, которую не смогла бы взять ни одна армия. Пушки были в Саблоне, пушки у него должны были быть, и Мюрат во главе трехсот всадников галопом помчался за пушками. В самый последний момент был отдан приказ, ибо повстанцы тоже послали за нами. Кавалеристы Мюрата достигли Саблона раньше, чем мятежники без коней, и пушки были отброшены к Тюильри. Расположенные таким образом, чтобы контролировать все подходы, они делали позицию неуязвимой, поскольку у повстанцев не было пушек.

Генерал Тибо говорит: “С самого начала его активность была поразительной: казалось, он был везде одновременно, или, скорее, он исчезал только в один момент, чтобы мгновенно появиться снова. Он еще больше удивил людей своими лаконичными, ясными и быстрыми приказами, выполняемыми до последней степени настоятельно. Все также были поражены энергией его аранжировок и перешли от восхищения к уверенности, а от уверенности - к энтузиазму”.

Наступило утро, а вместе с ним и повстанцы; но при виде грозных оборонительных сооружений, созданных ночью, они остановились. Час за часом проходили улюлюканья, вопли, угрозы, переговоры. К вечеру стало казаться, что войска Конвента могут быть привлечены для братания с повстанцами. Внезапно раздался мушкетный выстрел, и началось сражение; или, скорее, началась канонада, ибо сражением это назвать было нельзя. Повстанцы проявили мужество, но не имели никаких шансов на успех. Это были пушки против мушкетов, армия, укрепившаяся против толпы на улицах. Стрельба началась около четырех часов вечера. К шести все было кончено.

Было предпринято несколько попыток сплотить повстанцев, но они были легко сорваны. Силы Конвента выполнили приказ, полученный Мену, разоружив мятежные части. Несколько главарей восстания были преданы суду и наказаны, но только один, Лафон, был казнен.

В течение этого разоружения, который последние писатели говорить не было, но которые Мену было официально поручено эффект, что и как Наполеон и Баррас говорят, что они *сделали* эффект, победившего *conventionals* совершил одну из тех ошибок инцидент преобладающим тьму и смятение. В дом мадам де Богарне проникли, унесли шпагу ее покойного мужа, виконта Богарне. Примерно через день сын вдовы Богарне отправился к Наполеону и попросил вернуть шпагу его покойного отца. Его просьба была немедленно удовлетворена, и, когда священная реликвия была вложена ему в руки, мальчик покрыл рукоятку оружия поцелуями и разрыдался. Интерес Наполеона был глубоко возбужден, и он относился к юноше с той подкупающей добротой, которая очаровывала всех, кто попадал под его влияние. Эжен Богарне принес домой такое известие, что его мать сочла своим долгом навестить генерала и лично поблагодарить его; и, возможно, так эти двое впервые встретились.

Более поздние биографы считают эту историю романом, придуманным самим Наполеоном, и говорят, что (1) никакого разоружения не было; и (2) если бы такое разоружение действительно имело место, мадам Богарне, подруга Барраса, не подверглась бы насилию. Не говоря уже о других доказательствах, относящиеся к тому времени письмо Наполеона Жозефу показывает, что секции *были* разоружены; а что касается мадам Богарне, которую прикрывали ее дружеские отношения с Баррасом, *это* предполагает, что каждый солдат армии Конвента знал все о личных делах Барраса. Как могли тысячи военнослужащих Конвента, полторы тысячи из которых были демократами, только что вышедшими из тюрьмы, знать, кто был или не был личным другом Барраса? Конвент был в меньшинстве; у него было менее восьми тысяч солдат: оставил бы он оружие в руках большинства и сорока тысяч национальной гвардии?

Придирчивые критики обращают внимание на тот факт, что Наполеон в другом месте утверждал, что встретил свою будущую жену в доме Баррасов. Это утверждение необязательно противоречит другому. Визит в офис чиновника не является светской встречей. Когда Наполеон сказал, что встретил мадам Богарне в доме Барраса, он, вероятно, имел в виду, что там он впервые познакомился с ней в социальном плане. И зачем такому человеку, как Наполеон, который умел лгать так великолепно, когда пытался, изобретать столь неуклюжую мистификацию, как та, которая включала разоружение Парижа, которого не было, и возвращение шпаги, которая никогда не была захвачена?

Генерал Тибо рассказывает: “Через несколько дней после 13 Вандемьера я случайно оказался в управлении генерального штаба, когда туда вошел генерал Бонапарт. Я до сих пор вижу его маленькую шляпку, увенчанную случайно нацепленным пером, трехцветный пояс, завязанный

более чем небрежно, сюртук небрежного покроя и шпагу, которая не казалась ему оружием, способным сколотить состояние. Бросив шляпу на большой стол посреди комнаты, он подошел к старому генералу по фамилии Криг, человеку, прекрасно разбиравшемуся в военных деталях и автору руководства для солдат. Он усадил его рядом с собой за стол и начал расспрашивать с ручкой в руке о множестве фактов, связанных со службой и дисциплиной. Некоторые из его вопросов демонстрировали такое полное незнание некоторых самых обычных вещей, что несколько моих товарищей улыбнулись. Я сам был поражен количеством его вопросов, их порядком и быстротой, не меньше, чем тем, как ответы усваивались и часто превращались в новые вопросы, которые он выводил как следствия из них. Но что поразило меня еще больше, так это вид главнокомандующего, совершенно равнодушного к тому, чтобы показать своим подчиненным, насколько он совершенно неосведомлен в различных аспектах бизнеса, которые младший из них, как предполагалось, знал в совершенстве, и это подняло его на сто локтей в моих глазах”.

Здесь мы видим, как Наполеона тянет к жизни. Вместо того чтобы сесть и позлорадствовать по поводу своего недавнего блестящего успеха, он принялся за работу со всепоглощающим рвением человека, который сделал ровно столько, чтобы побудить его сделать еще больше. Он не терял времени даром, выслушивая поздравления. Его пушка открыла одну дверь, когда он продвигался вперед, его нетерпеливый взгляд был уже устремлен далеко вперед, на другую, и его беспокойные ноги были на тропинке. В гарнизонные дни ему не нравились подробности его профессии. Скудная рутина была ненавистна, отрывала его от книг и уединенных размышлений. Теперь все было по-другому. Он видел необходимость овладеть всем, что имело отношение к войне, и, еще даже не надев новую форму, обратился к старому офицеру Кригу и исчерпал этот источник информации. Таким прямым, честным, практичным путем он приобрел те знания о войне, которые позволили ему впоследствии сказать: “Я досконально знаю свою профессию. Я могу делать все, что связано с войной. Если нет пороха, я могу его изготовить. Если нет пушек, я их отлью”. Он знал, как построить дорогу или мост, лучше, чем любой инженер в армии. Он лучше всех ориентировался на местности, лучше всех оценивал расстояния, лучше всех мог сказать, на что способны люди на марше или в полевых условиях. Он изучил все, вплоть до мельчайших деталей. “Ты знаешь, как рубашки, поступившие из стирки, следует класть в ящик? Нет? Тогда я тебе расскажу. Кладите их всегда на дно ящика, иначе одни и те же рубашки будут постоянно использоваться”. Этим советом он поделился с изумленной матроной, которая отвечала за солдатское белье в доме инвалидов.

12 октября 1795 года Наполеон был восстановлен в звании артиллериста и назначен вторым комендантом Внутренней армии. Десять дней спустя, когда Баррас подал в отставку с поста генерала, Наполеон стал дивизионным генералом и главнокомандующим Внутренней армией.

26 октября 1795 года Конвент, наконец, закрылся; и на следующий день он снова начал управлять страной с помощью двух третей новых законодательных органов (советов древних и пятисот) и своих пяти директоров-цареубийц — Барраса, Карно, Ребелла, Летурнера и Ларевельер-Лепо.

Наполеон стал одним из влиятельных людей государства. В каждом его движении чувствовалась его сила. Его положение было прочным, и он, не теряя времени, улучшал его. Он снял подходящее жилье на *улице Капуцинок*, окружил себя блестящим штатом, носил красивую форму, щеголял экипажами и прекрасными лошадьми и появлялся в обществе.

Он не ограничивал себя какой-либо кликой или фракцией, но искал друзей во всех партиях. Он защищал и примирял роялистов, отзывал на службу офицеров, ушедших в отставку, находил хорошие места для своих друзей, посылал хлеб и дрова голодающим семьям в кварталах бедноты. В то же время он железной рукой подавлял вспышки беззакония и лично отправился закрывать великий клуб Пантеона, очаг политической агитации. Он основательно реорганизовал Внутреннюю армию и Национальную гвардию, сформировал охрану законодательных советов и Директории, почти всегда действуя под свою личную ответственность и почти не консультируясь со своим начальством.

Дядя Феш приехал в город, чтобы номинально стать секретарем Наполеона. Жозеф получил деньги и обещание консульства. Люсьена восстановили в "плодотворном комиссариате". Луи снова стал лейтенантом, а Жерома отправили в школу в Париже. Конечно, мадам Летиция и сестры тоже грелись на солнышке, потому что Наполеон никогда не мог сделать слишком много для своей семьи. Не обошел он вниманием и Пермонов. По словам мадам Жюно, они всегда нравились ему во времена его бедности. Теперь, когда наступило процветание, он любил их больше, чем когда-либо: настолько сильно, что предложил Бонапартам супружески поглотить всю семью Пермон. Жером должен был жениться на Лауре Пермон, Полина - на Альберте Пермоне, а сам Наполеон должен был жениться на вдове Пермон. По словам Лоры (впоследствии мадам Жюно), это предложение было официально сделано Наполеоном, а мадам Пермон рассмеялась при дворе. Однако сбитый с толку сваха продолжал свои визиты и часто приходил в дом в сопровождении своих сотрудников.

Однажды, когда он выходил из кареты, бедная женщина протянула ему на руках мертвого ребенка — младшего из ее шестерых детей. Он умер от голода, и остальные умрут, если она не сможет получить помощь. Наполеон был глубоко тронут, сказал женщине теплые слова и дал денег, а вслед за этим отправил ее на пенсию.

Зимой 1795 года в Париже царили повсеместные убожество и нищета, и Наполеон проявил такт, а также доброту и твердость, предотвратив беспорядки. Рассмотрим эту маленькую картинку, от которой обычно так легко отказываются: разъяренная толпа безработных, голодных, отчаявшихся, угрожающих и находящихся на грани насилия. Они страдают, их жены голодают, их дети умирают на чердаках. Конечно, они винят правительство. Как могла существовать такая нищета там, где было так много богатства и еды, если правительство относилось ко всем справедливо? Разъяренные женщины суеются в толпе, хлеща высшие классы горькими речами и подстрекая мужчин к бунту. Прибывает Наполеон со своим эскортом. Одна толстая рыбацка суется и орет: "Не обращайте внимания на этих щеголей в форме с эполетами на плечах! Не расходитесь! Их не волнует, что бедняки голодают, если они могут только хорошо питаться и толстеть".

Подумайте о Наполеоне, самом худощавом из всех худощавых людей, "самом худом и странном объекте, который я когда-либо видел", сидящем верхом на лошади и представляющем непопулярных "они"! "Мадам, прошу вас, посмотрите на меня: скажите нам, кто из нас двоих толще". Пузатая рыбацка была ошеломлена; толпа захохотала и развалилась на куски.

ГЛАВА IX

Молодая республика оказалась в окружении старых правительств Европы. Поскольку Революция провозгласила новое Евангелие, поскольку она утверждала божественное право людей управлять собой, поскольку она объявила войну кастам и привилегиям, поскольку она утверждала равное право каждого гражданина принимать участие как в благах, так и в тяготах общества, поскольку она угрожала тирании как Церкви, так и государства, короли, первосвященники и аристократия Европы с особой горечью возненавидели ее.

В 1793 году была создана первая великая лига, чтобы сокрушить его и восстановить Старый порядок во Франции. Сильным участником этого объединения, направленного против прогресса человечества, была Великобритания. Защищенная от нападения своим океанским поясом и непобедимым флотом, она, тем не менее, боялась того, что называлось “французскими принципами”. В этих принципах она видела все, чего следовало опасаться, ибо они были самыми коварными, и мало было людей в массах, которые, узнав, в чем заключалась новая доктрина, не приняли ее.

Обычный человек, среднестатистический мужчина, взрослый мужчина, человек, которого не останавливали ортодоксальные педагоги или священники, не мог слушать кредо французских республиканцев, не чувствуя в глубине души, что оно предлагает миру спасение от системы, которая затем поработила его. В Великобритании, в Германии, в Италии, в Нидерландах, в самой России потрясение, с которым пал Старый Порядок во Франции, вызвало свои колебания — толчки, которые заставили королей, принцев и привилегированных, обитавших на верхних этажах социальной структуры, содрогнуться от ужаса за безопасность всего здания.

Контролирующим человеком в Англии был Уильям Питт, способный, гордый, холодный, амбициозный. Лично честный, его политика звучала как глубочайшая порочность государственного управления. Под его управлением Индия была разграблена, опустошена, поработана; Ирландия подверглась принуждению и была изгнана; Франция объявлена вне закона, потому что она осмелилась убить короля и вызвать к жизни республику; Европа была подкуплена поколением войны; свобода мысли, слова и поведения была отвергнута, а делу феодализма была дана новая жизнь. Цели этого государственного деятеля были вечно плохими; его методы согрели бы сердце любого иезуита. Он сам не опустился бы до низменных поступков, не произнес бы заведомо ложного слова, не передал бы взятку, не изготовил бы фальшивых денег, не вооружил бы убийц, не сжег бы города и не устроил резню невинных женщин и детей. Нет, нет! он принадлежал к тому, что лорд Уолсли самодовольно называет “высшим типом английского джентльмена”, и его возвышенная душа не позволила бы ему самому совершать подобные поступки. Он не стал бы подкупать ирландских политиков, чтобы те голосовали за Профсоюз; но он снабдил бы Каслри деньгами, из которых были выплачены взятки. Сам он не стал бы подговаривать редактора или памфлетиста клеветать на политического врага и обманывать британскую нацию; но он снабжал средствами тех, кто это делал. Он также не вложил бы кинжалы в руки фанатиков, которые могли совершать убийства; но он защищал и помогал в Англии тем, кто это делал. Сам не будучи политическим преступником, он использовал преступников и собирал плоды их преступлений. Сам не способный на политическое воровство, он одобрял политического вора, одобрял его успех и как

получатель краденого, зная, что оно было украдено, высокомерно увеличивал свое политическое богатство.

Тот же самый высокомерный министр, который развратил Ирландию — враг независимости Ирландии, — объявил войну свободе слова и политическим свободам в Англии и исчерпал ресурсы дипломатии и силы, чтобы подавить революционное движение Франции. С его санкции его эмиссары атаковали Французскую Республику, подделывая ее бумажные деньги; вооружая ее группировки друг против друга; подкупая ее доверенных лидеров; заставляя нервничать убийцу, когда коррупционер не мог одержать верх. То, что Лондон приютил Бурбона и его наемного убийцу, объяснялось влиянием Уильяма Питта. То, что Бурбоны смогли высадить на французском побережье эмиссаров, которые прибыли, чтобы поднять вандейцев на восстание или убить Бонапарта в Париже, было связано с позицией Уильяма Питта.

Этому же выдающемуся государственному деятелю был обязан тот факт, что в течение целого поколения британские газеты были настолько наполнены ложью против Франции и Наполеона, что англичанин не мог узнать правду, не выехав за пределы своей страны, чтобы услышать ее. Той же причине были обязаны лига за лигой Европы против Франции, которые, начиная с 1793 года, объединялись и возобновляли борьбу при каждом удобном случае, пока Франция не была сокрушена и стрелки на часах человеческого прогресса не отодвинулись на сто лет назад.

Без Англии коалиции против республиканской Франции имели бы ничтожные результаты. Именно Англия поставляла неисчерпаемые запасы денег; Англия бороздила океан своими флотами и поддерживала блокаду.

Было время, когда Французская революция не была непопулярна в Великобритании. Это было тогда, когда реформаторское движение находилось под контролем лидеров, провозгласивших своей целью создание монархии во Франции по образцу английской. Пока делались заявления такого рода, ничто не могло пробудить недоверия в уравновешенной, консервативной Англии. Даже аристократия любит скованного короля. Но когда более радикальные люди вырвали лидерство у конституционалистов и смело заявили, что работа реформ должна ударить глубже, должна уничтожить феодализм с корнем и ветвями, должна обречь тучную Церковь на нищету, красоту которой она проповедовала, лорды и епископы Великобритании поняли, что пришло время, когда они должны издавать законы, проповедовать, молиться и бороться с инновациями, которые, в случае успеха во Франции, неизбежно перейдут узкий канал.

Был приведен в действие весь механизм репрессий. Были написаны книги против революции, которые оплачивались пенсиями из общей казны. Проповеди против революции читались и оплачивались из государственных средств. Парламент был приведен в действие для принятия строго репрессивных законов, а суды были приведены в действие для обеспечения соблюдения законов. Политическая система в Англии может быть очень плохой, но люди не должны обсуждать это. Публичные собрания стали преступными; общественные читальные залы, не имеющие лицензии, были преступными. Согласно простой букве закона христианской Англии, если какой-либо гражданин открывал свой дом или комнату “с целью чтения книг, брошюр или газет”, такой гражданин становился преступником, а такой дом - “домом беспорядков”. Прежде чем гражданин сможет разрешить другим использовать его бухгалтерские книги за плату, он должен заручиться одобрением и лицензией фанатичных чиновников-тори. Никакое публичное собрание вообще не может быть проведено, если уведомление о таком собрании, подписанное домовладельцем и указывающее цель собрания, не будет размещено в газете по крайней мере

за пять дней до собрания. И даже тогда мировой судья от Тори был уполномочен разогнать собрание и заключить в тюрьму лиц, присутствовавших на нем, если он считал, что высказывания спикера собрания были рассчитаны на то, чтобы вызвать неуважение к королю или правительству. Даже в открытом поле нельзя было читать лекцию, произносить речь или вести дебаты без лицензии официального представителя Тори.

Правительственный шпион, платный информатор, отправился за границу, разыскивая, подслушивая, донося, преследуя и преследуя по закону. Никакая неприкосновенность частной жизни не была священна, никакие права личности не уважались, терроризм стал системой. "Права человека" Пейна повергли высшие классы в конвульсии; его здравый смысл превратился в отвратительный кошмар. Людей арестовывали как преступников, судили как преступников, наказывали как преступников за чтение брошюр и книг, которые сейчас стали настолько распространенными образцами демократии, что о них почти забыли. Это было время плохого правления, классового законодательства, нищеты в массах. Это было время, когда у рабочего не было почти никаких прав, почти никаких возможностей, почти никакого стимула к жизни, кроме животного инстинкта, который сохраняет животное. Это было время, когда землевладелец был почти абсолютным хозяином земли и людей; когда дворянин контролировал короля, Палату лордов и Палату общин. Это было время, когда герцог мог послать полдюжины своих слуг занять места в парламенте, или когда он мог объявить о продаже мест и предложить их тому, кто больше заплатит. Это было время, когда тесная корпорация потомственных аристократов управляла Англией как частным поместьем, облагала налогами ее народ, диктовала свои законы, управляла своей внутренней и внешней политикой и развязывала войну или мир по своему усмотрению. Это было время, когда о большинстве английских городов можно было бы сказать, как сообщил своим хозяевам-консерваторам городской глашатай в отношении деревни Болтон, что он тщательно обыскал это место и не нашел в нем ни Прав человека, ни здравого смысла.

Был один класс, который разделял с аристократией контроль над английской национальной политикой, и это были крупные торговцы и промышленники. Экспортер, Глава торговли, был силой, стоящей за троном, и во внешних делах его эгоистичная жадность доминировала в политике Англии.

Этот правящий класс, как сказал Наполеон, смотрел на общественность, на народ, как на дойную корову; единственный интерес, который они имели к корове, заключался в том, чтобы она не засохла. Должности, почести, жалованье передавались от отца к сыну. По наследственному праву правительство, его кошелек и шпага принадлежали этим благородным созданиям, чьи заслуги часто заключались исключительно в том, что они были сыновьями своих родителей. Чтобы заполнить корабли, которые боролись за господство этой олигархии, банды журналистов рыскали по улицам в поисках жертв. Бедняки, простые рабочие и люди более низкого пошиба подвергались нападкам этих банд прессы и насильно уносились в тот "ад на земле", в который столетней давности превратились британские военные корабли. Зафиксирован один случай, когда жених вышел из церкви, где он только что венчался, и его вырвали из объятий его обезумевшей невесты и унесли — чтобы вернуться спустя много лет в поисках жены, давно умершей, в районе, где о нем давно забыли.

В армии и на флоте солдат и матросов били плетьюми, как собак, чтобы держать их в подчинении; и не было ничего необычного в том, что жертвы умирали от последствий жестокого избиения.

Учитывая все это, читатель поймет, почему Англия развязала такую решительную войну против республиканской Франции. Против этой страны она направила армии и флоты, подкупала королей и министров, субсидировала коалиции, год за годом напрягая все силы, чтобы вернуть Бурбонов на трон и остановить продвижение демократии. Она временно преуспела. Ее эгоистичный король, знать и священнослужители удержали себя в руках и отложили день реформы. Но отсрочка была куплена дорогой ценой. Государственная мудрость Питта, Каннинга, Каслри и Берка усеяла Европу мертвецами и взвалила на народы ужасающие долги. На суше и на море, почти в любом климате, люди почти всех рас были вооружены, разъярены и готовы были убивать друг друга, чтобы те же самые немногие могли продолжать доить корову.

Составляя мнение о Наполеоне, следует помнить, что, когда он впервые появился на сцене, он обнаружил, что эти условия уже существовали — Европа объединилась против республиканской Франции. К созданию этих условий он не имел никакого отношения. Не он положил начало Революции, не он казнил Людовика XVI, не он поссорился с Англией. Если Великобритания и ее союзники впоследствии сосредоточили на нем все свои оскорбления, ненависть и враждебность, то только потому, что он стал Францией; он стал, как сказал сам Питт, “дитем и защитником демократии”; он стал, как утверждал торизм во всем мире, “воплощением Французской революции”.

Это великая основополагающая истина отношений Наполеона с Европой; и если мы упустим ее из виду, мы совершенно не сможем понять его карьеру. В недобрый час как для Франции, так и для него, королям-союзникам удалось заставить французов забыть ее прошлое. Только после того, как бурбоны вернулись во Францию, в Испанию, в Италию; только после того, как феодализм вернулся в Германию с его привилегиями, злоупотреблениями, с его палкой для солдата, дыбой и колесованием для штатского; только после того, как Меттерних и его Священный союз железной пятой подавили всякую борьбу за права народа на Континенте; только после того, как Наполеона, погибшего на острове Святой Елены, запомнили в качестве яркого контраста с бездушными деспотами, пришедшими ему на смену, либерализм не только во Франции, но и во всем мире осознал, насколько велика была борьба за права народа. глупость французов, когда они позволили королям отделить дело Наполеона от дела французского народа.

ГЛАВА X

Французской революцией больше не руководили люди с идеалами. С падением Робеспьера наступил триумф тех, кто не утруждал себя мечтами о социальном возрождении, но чья энергия была направлена исключительно на их собственную выгоду. Тут и там были оставлены реликвии лучшего типа революционеров, “садовая роза, оставленная на своем стебле, чтобы показать, где был сад”; но на одного Карно приходились десятки потомков Барраса.

Суровые, целеустремленные, ужасно решительные люди из Большого Комитета, которые работали по четырнадцать часов в день в просто обставленной комнате Тюильри, завтракали, как обычные клерки, стоя вокруг стола, за которым писали, — возможно, улыбаясь во время еды

какой-нибудь шутке Барера, — не думая о собственном обогащении, занятые только решением проблем Революции, чтобы Франция могла найти свой путь к будущему, полному славы и счастья, — эти люди ушли, чтобы больше не прийти. Яростно придерживаясь различных верований, они воевали между собой, уничтожая друг друга, изнуряя мир насилием и давая негодяям возможность крикнуть “Мир!” и захватить власть. Верно, дело Революции было сделано слишком хорошо, чтобы его можно было полностью отменить. Феодализм был вырван с корнем и ветвями; он никогда больше не смог бы так процветать. Абсолютизм, королевская и папская непогрешимость были втоптаны в то болото, где им самое место; их можно было бы снова поставить на место, но они никогда больше не выглядели бы столь ослепительно и им не поклонялись с такой слепой преданностью. Были заложены великие принципы гражданской и религиозной свободы; их никогда нельзя было полностью вырвать. Человечество впервые увидело великий народ, наполнивший свои легкие и мозг воздухом и вдохновением абсолютной свободы от священника, короля, аристократа, прецедента, условностей и кастового закона; зрелище никогда не будет забыто, а пример не перестанет сиять как маяк, освещающий стопы и разжигающий надежды мира.

Но в то время триумф продажных принес с собой позор и катастрофу для всего политического организма. Государственная служба была коррумпирована, моральный тон общества упал. Идеалы вызвали презрение, идеалисты - насмешки. “Светский человек”, называющий себя практичным и гордящийся своей способностью играть на низменных страстях человечества, отбросил революционные догмы в сторону, вывел из моды революционную простоту и честность, высмеял долг и патриотизм и превратил государственную должность в возможность заниматься частной жизнью.

Орды авантюристов, мужчин и женщин, ворвались в администрацию, захватили ее и разграбили. Директорию контролировал профессиональный добытчик денег: подрядчик, биржевой маклер, держатель фонда, казнокрад и спекулянт. Во всех вопросах, касающихся финансов, Биржа была государственной. Дворянство Старого Порядка монополизировало благосклонность государства при королях; богатые люди из среднего класса, буржуазия, сделали то же самое сейчас. Дающий и берущий взятки встретились и улыбнулись друг другу; лоббист выследил свою добычу и нашел ее. И снова женщина, красивая, проницательная и нецеломудренная, стала выше распутного чиновника, который поддался ее чарам; и она заключала выгодные контракты, торговала помилованиями и назначениями и влияла на выбор армейских начальников.

Правительство больше не заботилось о химерах, мечтах о лучших людях и методах, видениях благотворных законов, беспристрастно относящихся к улучшающейся массе граждан. Точно так же, как двор Великого монарха наслаждался сказочной страной радости, света и изобилия в Версале, в то время как крестьяне в провинции питались травой и кореньями, умирая, как мухи, в зловонных хижинах и на чердаках; точно так же Помпадур Людовика XV. растратил национальные сокровища на бриллианты, дворцы, бесконечные празднества, в то время как солдаты Франции голодали и дрожали в Канаде, теряя империю из-за нехватки боеприпасов, чтобы удержать ее! итак, при Директории Баррас блистал при дворе, в то время как рабочие умирали от нужды на чердаках Парижа; и он пировал со своей мадам Тальен или своей Жозефиной Богарне, в то время как солдаты на Рейне или в Альпах встречали зиму в лохмотьях и были вынуждены грабить, чтобы не умереть с голоду.

Это плачевное состояние вещей не достигло своего апогея в тот период, когда я лечу, но начало было положено, все микробы присутствовали и были активны.

В этом возрождении мнимой королевской власти Баррас затмил своих сверстников. Он был самого благородного происхождения, его семья “древняя, как скалы Прованса”; его манеры благоухали Старым режимом, а тем более его мораль. Его честность, как и его патриотизм, приводили в восторг крупные взятки; и он ни в коем случае не говорил правды, если ложь была бы столь же хороша. Он был высок и властен; его голос в критические моменты иногда звучал как труба и объединял колеблющихся, потому что этот человек был храбр и способен на энергичные действия. Но он был чувственником, низменным до мозга костей, вульгарным умом и сердцем, не верным никаким убеждениям и не способным ни на какую высокую, благородную, напряженную роль. Сам прогневший, он верил, что другие люди были такими же деградировавшими. Что касается женщин, то они никогда не пробуждали в нем ни одной мысли, которая, если бы была высказана вслух настоящей женщине, не покраснела бы от стыда.

Это был человек, к которому привязался Наполеон; это был человек, в доме которого Жозефина жила, когда Наполеон встретил ее. Баррас был сильным человеком своего времени; Баррасу было что давать и чем делиться; Баррас был свечой, вокруг которой порхали мотыльки, большие и маленькие; и к этому свету пришли авантюрист с Корсики и авантюристка с Мартиники. Обычно мотылька опаляет свеча; в данном случае именно мотыльки потушили свечу.

Наполеон стал основательным светским человеком. Тяжелый опыт прогнал сентиментальные иллюзии. Мечтатель из корсиканского грота, убаюканного морем, мечтатель-патриот из гавани-сада Бриенны умер некоторое время назад. Человек, который теперь командовал Внутренней армией, был совершенно другим. Чтение, опыт, наблюдения, суровые наставления о необходимости научили его верить в справедливость итальянской пословицы: “Не нужно быть слишком хорошим, если хочешь добиться успеха”. Теперь он верил, что жесткие принципы подобны доске, привязанной поперек груди: не доставляют хлопот, когда путь ведет по открытому месту, но чрезвычайно вредят скорости при прохождении через лес. Он изучал жизни великих людей — Александра, Цезаря, Ришелье, Фредерика, Кромвеля, — и это изучение не способствовало его возвышению в вопросах метода. Он изучал мировую политику, отчеты о национальном возвышении, внутренние секреты правительства, и его представления об общественной чести не стали более возвышенными. Он пришел к убеждению, что интерес управляет всеми людьми; что на земле не существует таких вещей, как бескорыстный патриотизм, истина, честь и добродетель. Он верил, что жизнь - это борьба, потасовка, беспринципная погоня за местом, властью, богатством; и что победит самый сильный, самый быстротечный, самый искусный — особенно если они пойдут всеми кратчайшими путями. Идеалистов он презирал.

Холодный, расчетливый, разочарованный, он принимал мир таким, каким он его нашел. Новых мужчин и женщин он не мог создать, равно как и других условий, моральных, социальных, политических или материальных. Он должен признавать факты, должен иметь дело с действительностью. Если только плохие люди могут дать ему то, что он хочет, он должен ухаживать за плохими людьми. Если только плохие люди могут выполнять работу, которую он хочет, он должен использовать плохих людей. Баррас, Фрерон, Тальен, находясь у власти,

выжали бы из них все, что могли, точно так же, как он исчерпал дружбу Робеспьера и Саличетти, и точно так же, как впоследствии использовал Фуше и Талейрана.

Не был он и более щепетильным в своих отношениях с женщинами. Он, должно быть, знал характер мадам Тальен, любовницы, а затем жены июльского человека, а ныне любовницы Барраса; но тем не менее он искал с ней знакомства и поддерживал ее дружбу. Зная характер мадам Тальен, он, должно быть, чувствовал, что ее закадычная подруга, мадам Богарне, не могла быть до конца чиста. Он видел их вместе днем и ночью, он был свидетелем их влияния на Барраса; невозможно, чтобы он не слышал кое-что из разговоров, в которых их имена связывались с именем Директора-распутника. Должно быть, он слышал о молодости этой креольской вдовы, чей муж, виконт Богарне, расстался с ней, обвинив ее в вопиющей безнравственности. Он, должно быть, слышал, что после того, как ее мужа гильотинировали, а саму ее выпустили из тюрьмы после свержения Робеспьера, она начала светскую разгульную жизнь. Он, должно быть, слышал разговоры, в которых ее имя соединялось с именами таких женщин, как мадам Тальен, мадам Амелен и дюжины других Аспазий подобного рода. Имена ее любовников ходили ходуном, как и имена мадам Тальен, одним из этих любовников был генерал Гош. Теперь, когда она, вдова, только что вышедшая из тюрьмы, не имеющая видимого дохода или собственности, и чьи дети были приучены к физическому труду, владела великолепным заведением, носила самые дорогие туалеты, вела жизнь веселейшей из женщин — любимицы тех, кто недавно обезглавил ее мужа, — мир ставил ее в один ряд с теми, с кем она была наиболее близка, и думал, что ее мораль не может быть чище, чем у ее коллег. Справедливо или несправедливо, но ее считали одной из светочей гарема Барраса; и люди начали намекать, что она и ее экстравагантность стали бременем, от которого Директор с радостью избавился бы.

Наполеон никогда не попадал под обаяние общества, подобного тому, в которое он попал сейчас. Тот мимолетный взгляд на светское общество, который он уловил в Валенсе, не шел ни в какое сравнение с этим. За свой ограниченный опыт он не встречал таких женщин, как мадам Тальен и Жозефина. Он попал в новую сферу. Его окружал блеск двора. В покоях, украшенных всевозможными украшениями и роскошью, ночь превращалась в день; и с музыкой, танцами, песнями, застольем мужчины и женщины предавались удовольствиям. Он, необщительный человек из книг и лагерей, не был приспособлен для того, чтобы блистать в этом социальном кругу. Он был неотесан, говорил на местном языке с неприятным акцентом, не обладал изяществом манер или речи, не имел ничего импозантного в фигуре или осанке и чувствовал себя почти смущенным в высоком присутствии этих элегантных ничтожеств гостиной.

Застенчивый, неловкий, он не был особо замечен и не очень нравился дамам директорского двора, за одним исключением — Жозефине. То ли из-за предполагаемого возвращения шпаги и произведенного хорошего впечатления, то ли из-за своего природного такта и доброты сердца мадам Богарне оказывала неотесанному солдату те небольшие знаки внимания, которые привлекают, и те искусные комплименты, которые льстят, и Наполеон был очарован почти до того, как осознал это. Это была женщина, способная сбить мужчину с толку, воспламенить его страстью. Она была уже немолода, но пребывала в великолепном бабьем лете своего очарования. Ее совершенная фигура была натренирована в грациозных движениях. Ее музыкальный голос знал свою мелодию и максимально использовал ее. Ее большие темные глаза с длинными ресницами были мягкими и мечтательными. Ее рот был сладким и чувственным. Ее каштановые волосы были элегантно распущены, плечи и бюст ничем не

прикрыты, а маленьких ступней и стройных лодыжек было видно ровно столько, чтобы радовать глаз и будоражить воображение.

Что касается ее костюма и общего туалета, то это было все, что изучение искусства и развитый вкус могли сделать для щедрой натуры. Мадам Тальен была красивее и величественнее Жозефины, многие другие превосходили ее умом, достижениями и просто приятной внешностью; но можно усомниться в том, что какая-либо дама этого или других дворов когда-либо превосходила кроткую Жозефину в изяществе, такте, очаровании, которые составляют облик очаровательной светской женщины.

Добавьте к этому, что она была чувственной, элегантно-сладострастной, постигшей утонченные тайны кокетства, в полной мере осознавшей силу, которую физически соблазнительная женщина оказывает на страсти мужчин, и можно будет лучше понять, как эта томная, но коварная тридцатитрехлетняя вдова опьянила Наполеона Бонапарта, двадцатисемилетнего провинциала.

В том, что он *был* безумно увлечен, не может быть никаких сомнений. Он любил ее и никогда полностью не переставал любить. Никогда ни до, ни после он не встречал женщину, которая вызвала бы у него чувство, хоть сколько-нибудь подобное тому, которое он испытывал к ней. Если в то время он не знал, кем она была, то после свадьбы он узнал, кем она продолжала быть, и предпринял отчаянную попытку разрушить чары. Он не мог полностью этого сделать. Она могла предать его доверие, смеяться над его любовными письмами, пренебречь его просьбами, растратить его деньги, продать его секреты, наговорить ему всевозможной лжи, недооценить его ценность, неправильно истолковать его характер и запятнать его честь бесстыдным грехом; но против ее раскаяния и ее детских молитв о прощении железо его натуры становилось как воск. Перед этими дрожащими губами, перед этими полными слез глазами, перед этим нежно-сладким голосом, прерывающимся от горя, он редко мог устоять. “Я разведусь с ней!” - яростно заявил он своим братьям, когда они представили ему доказательства ее вины после египетской кампании. Но из-за закрытой двери доносились рыдания убитой горем жены, ее жалобные мольбы. “Друг мой!” - тихо звала она, звала час за часом, жалобно стуча в дверь. Это было уже слишком; холодная решимость растаяла; солдат снова стал любовником, и дверь распахнулась. Когда братья пришли на следующий день, чтобы продолжить разговор о разводе, они обнаружили маленькую Жозефину, счастливую, как птичка, сидящую на коленях у Наполеона и уютно устроившуюся в его объятиях.

“Послушайте, Бурьен!” радостно воскликнул Наполеон, вернувшись в Париж из Маренго. “послушайте крики народа! Это сладко для моих ушей, эта похвала французам — так же сладко, как голос Жозефины!”

Даже когда холодная политика потребовала развода, именно он плакал больше всех. “Жозефина! моя благородная Жозефина! Теми немногими мгновениями счастья, которыми я когда-либо наслаждался, я обязан тебе!”

И в заключительной сцене на острове Святой Елены было то же самое. Умиравший мужчина больше не думал об австрийке. Даже в бреду блуждающее воспоминание напомнило ему быстрые ледяные губы, произносящие “Джозефина!”

* * * * *

Однако расчет сыграл свою роль в браке Наполеона, как и во всем, за что он брался. Его заставили поверить, что Жозефина богата и занимает высокое положение в обществе. Он взвесил эти преимущества, обдумывая брак. Для него были бы ценны как состояние, так и социальное положение. На самом деле у Жозефины не было ни состояния, ни какого-либо положения в обществе. Мужчины высокого положения были ее посетителями, а их жены - нет. Все свидетельства, как правило, указывают на то, что Баррас организовал поединок между двумя своими прихлебателями и что назначение на пост командующего армией Италии стало частью переговоров. Наполеон получил это желанное назначение 7 марта 1796 года; два дня спустя состоялась свадьба.

В реестре и Наполеон, и Жозефина неверно указали свой возраст. Он сделал себя на год старше, а она - на три года моложе, чем того требовали факты. Между ними была разница в шесть лет, и мадам Летиция сердито предсказала, что у них не будет детей.

Через сорок восемь часов после свадьбы Наполеон отправился в Италию. В Марселе он остановился, проведя несколько дней с матерью и сестрами. 22 марта 1796 года он находился в Ницце, штаб-квартире армии, с которой ему предстояло завоевать бессмертие.

Почти при каждой остановке в своем путешествии Наполеон посылал пылкие любовные письма томной Жозефине, которую оставил в Париже. Невеста, далекая от того, чтобы разделять страсть жениха, даже не понимала этого — на самом деле ей было слегка скучно. Теперь, когда он ушел на войну, она снова предалась своим любимым развлечениям - она и ее грациозная дочь Гортензия.

Мадам Жюно рассказывает о бале у банкира Теллюссона, который иллюстрирует не только социальный статус Жозефины, но и неоднозначные условия, возникшие в обществе из-за Революции.

Теллюссон был богатым человеком, а не дворянином; одним из тех несчастных созданий, у которых, в глазах аристократов с туго набитыми кошельками, денег больше, чем респектабельности. В наши дни его называли бы плутократом, и он нанял бы какого-нибудь обанкротившегося идиота с обветшалым титулом, чтобы тот женился на его идиотской дочери. Ибо Теллюссон, точно плутократ, у которого денег больше, чем респектабельности, жаждал того, чего у него не было, и устраивал развлечения, чтобы подняться на социальную высоту. Конечно, он переполнял свои роскошные покои самыми разными людьми, большинство из которых презирали его, пока они пировали вместе с ним. Это было одно из таких развлечений, бал, на котором произошли события, о которых рассказывает мадам Жюно.

Похоже, что придирчивую, ворчливую, задирающую нос *великосветскую дам* мадам де Д. заманили на этот теллюссонский бал заверением маркиза де Отфора, что она встретит только лучших людей — своих друзей Старого режима. Очень желая увидеть возвращение былой славы и очень желая встретиться со своими друзьями из этого очаровательного Старого режима, мадам де Д. не только приехала на бал сама, но и согласилась привести свою дочь Эрнестину. Как и подобает всем высокородным особам, мадам де Д. и ее дочь Эрнестина прибыли с опозданием. Бальный зал был великолепен, но переполнен. Опоздавшие высокородные гости не могли найти свободных мест, и маркиз де Отфор, который был начеку и искал их, сразу же попытался исправить эту досаду.

Юную леди, похожую на сильфиду, которая божественно танцевала, вели к ее месту рядом с другой красиво одетой женщиной, которая, по-видимому, была старшей сестрой. Настолько очаровательным был вид этих кажущихся сестер, что даже мадам де Д. восхитилась.

“ Кто эти люди? - спросила она маркиза, прежде чем принесли стулья.

“ Как! ” воскликнул он. - Возможно ли, что вы не узнаете виконтессу Богарне, ныне мадам Бонапарт, и ее дочь Гортензию? Пойдем, я посажу тебя рядом с ней; рядом с ней есть свободное место, и ты сможешь возобновить ваше знакомство.

Мадам де Д. напряглась от негодования и ничего не ответила. Взяв старого маркиза за руку, она отвела его в боковую комнату и воскликнула: “Вы с ума сошли? Посадите меня рядом с мадам Бонапарт! Эрнестина была бы обязана познакомиться с ее дочерью. Я никогда не свяжу себя с такими людьми — людьми, которые позорятся о своих несчастьях!”

Вскоре в бальный зал вошла женщина, похожая на королеву, прекрасная, как мечта, одетая в простое платье из индийского муслина, с золотым поясом на талии, золотыми браслетами на руках и красной кашемировой шалью, изящно накинутой на плечи.

“ Э! Боже мой! кто это? - воскликнула мадам де Д.

- Это мадам Тальен, - пояснил маркиз.

Высокородная представительница Старого режима вспыхнула от гнева и начала было разразиться тирадой в адрес маркиза за то, что он осмелился привести ее в такое место, когда дверь распахнулась, и в комнату ворвалась волна духов и— мадам Амелен, самая шустрая женщина из самого шустрого окружения в Париже. Все молодые люди столпились вокруг нее.

- А теперь, во имя всего святого, маркиз, кто может *это* быть?

При скромно произнесенных словах “Это мадам Амелен” высокородная мадам де Д. развернула красное знамя восстания. Это было слишком сильное потрясение.

“ Пойдем, Эрнестина! Накинь накидку! Нам нужно идти, дитя мое. Я больше не могу этого выносить. Подумать только, маркиз уверял меня, что я встречу здесь свое прежнее общество! И вот уже целый час я падаю со сковородки в огонь! Пойдем, Эрнестина!”

И они вышли.

ГЛАВА XI

1796 год застал Республику в плачевном положении. Казна была пуста, рабочие не имели работы, бизнес застопорился. Было выпущено так много бумажных денег, настоящих и фальшивых, что потребовалась почти целая связка ассигнаций, чтобы заплатить за вязанку дров. Домовладельцы, которые сдавали дома в аренду до революции и которым теперь приходилось принимать оплату в бумажках, едва ли могли купить молодку, арендовав дом на

год. Был голод, застой, плохое управление. Надеждой Республики были ее армии. Вырванные из лона возбужденного народа в то время, когда революционный пыл был на пике, солдаты после трех лет службы были ветеранами, которые все еще были преданы республиканским идеалам. Великие победы придали им уверенности, и они нуждались только в надлежащем снаряжении и правильном руководстве, чтобы добиться еще больших результатов. В конце 1795 года Моро командовал рейнской армией, Журдан - армией на Самбре и Маасе, Гош - армией на Западе. Шерер командовал армией Италии, где 24 ноября 1795 года разгромил австрийцев и сардинцев в битве при Лоано. Однако он не развил свою победу, и Директория пожаловалась на него. Со своей стороны, он жаловался на Директорию. Они не прислали ему ни денег, чтобы заплатить его войскам, ни одежды для них, и только хлеб, чтобы прокормить их. Комиссар был коррумпирован; а Директория, которая была коррумпирована, смотрела сквозь пальцы на ограбление войск вороватыми подрядчиками. Шерер, обескураженный, пожелал уйти в отставку. Именно к этой плохо накормленной, скудно одетой, неоплачиваемой и обескураженной армии был послан Наполеон; и именно к этой армии он привел в трепет трубным возгласом.

“ Солдаты! Вы раздеты, вас плохо кормят. Правительство вам многим обязано; оно ничего не может вам дать. Ваша выносливость и мужество, которые вы проявили, делают вам честь, но не приносят вам ни преимуществ, ни славы. Я поведу вас на самые плодородные равнины в мире. Богатые провинции, великие города будут в вашей власти; и там вы найдете честь, славу и богатство. Солдаты Италии, неужели вам недостает храбрости?”

Армия была наэлектризована этим кратким обращением, которое мастерски затронуло те струны, которые, скорее всего, откликнутся. Были задействованы мужество, гордость, патриотизм и алчность. Впервые солдаты Революции соблазнились обещанием добычи побежденных. “Италия - богатейшая страна в мире; давайте пойдем и разорим ее”. Это действительно было началом новой главы в истории республиканской Франции.



НАПОЛЕОН

С гравюры из коллекции мистера У. К. Крейна. Оригинальная гравюра Г. Физингера по миниатюре Жан-Батиста-Полена Герена. Хранится в Национальной библиотеке, Париж, 1799 год.

Наполеон неспроста так сформулировал свое воззвание. Между ним и Директорией существовало соглашение о том, что его армия должна быть самодостаточной; он должен добывать пропитание у врага, как это делал Валленштейн во время Тридцатилетней войны. Правительство сделало все возможное для Наполеона и снабдило его небольшой суммой в звонкой монете и хороших банкнотах; но, сделав это, он понял, что Директора больше ничего не могли сделать. Как можно быстрее он привел свою армию в походный порядок, а затем выступил в поход. От оборонительной позиции, в которой ее оставил Шерер, он сразу перешел к

наступлению. План кампании, который Наполеон за год до этого составил для революционного комитета и который, когда он был направлен в армию, Келлерман назвал “мечтой сумасшедшего”, должен был быть обнародован самим сумасшедшим.

Дивизионные генералы итальянской армии были людьми постарше, офицерами постарше Наполеона, и они были возмущены его назначением. Массена, Ожеро, Серюрье, Лагарп, Килмейн, Червони, но особенно двое первых, недовольно роптали, называя Наполеона, “одного из любимцев Барраса”, “простым уличным генералом”, “мечтателем”, который “никогда не был в действии”.

Наполеон, зная об этом чувстве, избрал самый мудрый курс. Он окружил себя рамками церемоний, твердым взглядом пресекал всякую склонность к фамильярности, резко обрывал тех, кто осмеливался давать советы, придерживался строгих, повелительных, отстраненных манер, пользовался первой возможностью продемонстрировать свою абсолютную уверенность в себе и свое превосходство, не позволял себе легкомыслия или расточительства и отдавал свои приказы тоном настолько лаконичным и авторитетным, что после его первой официальной беседы с командирами своих дивизий в Альбенге его власть над ними была установлена. Покидая палатку нового вождя, Ожеро заметил Массене: “Этот маленький ... генерал напугал меня”, и Массена признался, что пережил то же самое.

Военные планы Директории, исходившие от таких людей, как Карно и Бонапарт, были смелыми и практичными. Австрия, вторгшаяся во Францию с берегов Рейна, должна была быть сдержана там Моро и Журданом в то самое время, когда она подверглась нападению со стороны Италии. Три армии республики, действовавшие далеко друг от друга, должны были сотрудничать в общем плане и в конце концов сойтись у Вены. Согласно этому плану кампании, Генуя должна была быть привлечена к ответственности за нарушения нейтралитета; папа должен был быть наказан за его постоянное поощрение Вандеи и роялистов в целом; а также за то, что он прикрывал убийц французского посла Бассевиля. Сардиния (король которой был тестем графов Прованса и Артуа, впоследствии соответственно Людовика XVIII. и Карл X.) должен был быть унижен за свой союз с Австрией против Франции.

Армиями, противостоявшими Наполеону, командовали старики, превосходные офицеры, пока война велась со шпагой в одной руке и книгой этикета в другой. Противостоя такому человеку, как Наполеон, который свел на нет все правила и внедрил на практике новую систему, они были, к сожалению, побеждены и сбиты с толку.

Наполеон намеревался вторгнуться в Италию в том месте, где соединяются Альпы и Апеннины. От Савоны на Средиземном море до Каира около девяти миль по дороге, удобной для артиллерии. Из Каира автомобильные дороги вели в Италию. Попасть в страну можно было только через высокие горы. Поэтому план Наполеона состоял в том, чтобы обогнуть Альпы, вместо того чтобы пересекать их, и войти в Пьемонт через перевал Кадибона.

Приведя свои войска в движение, он бросил вперед к Генуе отряд под командованием Лаарпе. Австрийский командующий, полагая, что план Бонапарта состоял в захвате Генуи, разделил свои силы на три отряда: сардинцы наступали справа у Севы, центр под командованием Д'Арженто двигался к Монтенотте, а правый отряд под командованием самого Болье двинулся из Нови на Вольтри, городок в десяти милях от Генуи. Между этими тремя подразделениями не

было никакой связи; и из-за гористой местности им было трудно общаться друг с другом или концентрироваться.

10 апреля 1796 года Болье атаковал Червони, возглавлявшего авангард французов в их походе на Геную, и вытеснил его.

Но Д'Арженто, наступавшему на Монтенотта, повезло меньше. Полковник Рампон, командовавший в тот момент тысячей сотнями французов, осознал огромную важность сдерживания австрийского наступления, чтобы не допустить его удара во фланг армии Наполеона, продвигавшейся по дороге Корниш. Бросившись в редут Монтелегино, Рампон с героической отвагой преградил путь австрийцам. Трижды он отражал атаки всей австрийско-сардинской дивизии. Во время боя он призвал свой маленький отряд поклясться, что они скорее умрут в редуте, чем сдадут его, и клятва была принята с величайшим энтузиазмом.

Если бы Д'Арженто продолжил свои усилия, верные присяге защитники, вероятно, были бы уничтожены, но он не стал упорствовать. Вечером он отвел свои силы, чтобы дожидаться следующего утра, а затем возобновить атаку. Наступило утро, но то же самое сделал и Наполеон. Д'Аржанто огляделся вокруг, и о чудо! он был потерянным человеком. Три французские дивизии окружили одну дивизию своего врага, и у сбитых с толку австрийцев была мрачная альтернатива - сдаться или отчаянно сражаться с превосходящими силами противника. Битва состоялась, и Наполеон одержал свой первый индивидуальный и безраздельный триумф - победу при Монтенотте. Враг потерял знамена и пушки, тысячу убитыми и две тысячи пленными.

Наполеон разместил дивизии своей армии так умело, что каждая могла поддерживать другую, и все могли сосредоточиться. Таким образом, он разгромил австрийский центр, который не мог получить поддержки со своих двух флангов, и со своими небольшими силами одержал победу над более крупными армиями, противостоявшими ему.

Но в этой его первой кампании тактика Наполеона показала то слабое место, которое в конечном итоге привело к его гибели; он рисковал так сильно, что один промах в его комбинации мог привести к Ватерлоо. Если бы Рампон был всего лишь средним офицером, или если бы Д'Аржанто был Рампоном, или если бы доблестные тысяча двести человек были всего лишь средними солдатами, дорога через перевал Монтенотт была бы расчищена, австрийцы оказались бы на фланге Наполеона, и только чудо могло бы спасти его от катастрофы. Но Наполеон был молод, и удача сопутствовала ему: было далеко то время, когда он сам был бы гневно поражен, видя, как Фортуна насмехается над его лучшими комбинациями, а тривиальные случайности разрушают его кампании.

Быстро развивая свое преимущество, Наполеон двинулся к Каиру, чтобы вклинить свою армию между разделенными флангами противника. В Дего, ниже по долине Бормиды, в которой сейчас действовали французы, собрались австрийцы, охранявшие дорогу из Акви в Ломбардию. Слева от французов были сардинцы в ущельях Миллезимо, блокирующие путь из Севы в Пьемонт. Наполеону было необходимо нанести удар по врагу в обоих пунктах, оттеснить их дальше друг от друга, чтобы он мог сражаться с каждым из них в деталях.

13 апреля французы двинулись вперед, Ожеро повел в атаку сардинцев, Массены и Лаарпа против австрийцев. Сардинцы были прочно укреплены на возвышенностях, но наступление французов опередило их. Наступление Ожеро было столь стремительным, что одна из дивизий

противника под командованием генерала Провера оказалась отрезанной. Этот храбрый солдат бросился в старый замок Коссарио, и его невозможно было оттуда выбить. Наполеон лично подошел и руководил тремя отдельными штурмами, которые были тяжело отбиты. Затем Провера была оставлена во владении, замок блокирован, а силы французов зарезервированы для оставшихся дивизий сардинской армии. На следующий день (14 апреля) генерал Колли, главнокомандующий сардинской армией, приложил все усилия, чтобы освободить Проверу, но был отброшен к Севе, дальше, чем когда-либо, от австрийцев. Затем Провера сдался.

Пока бушевало сражение при Миллезимо, Лахарпе переправился через Бормиду, его войска перешли вброд по пояс, и атаковал австрийский фланг и тыл у Дего; в то же время Массена нанес удар по линии сообщения между двумя армиями на высотах Биастро. Обе атаки увенчались успехом, и пока Колли отступал к Турину, Болье отступал к Милану.

На следующее утро после этих побед свежая австрийская дивизия, пришедшая из Вольтри на побережье моря, чтобы присоединиться к основной армии, достигла Дего и вытеснила оттуда немногих французов, которых они там нашли. Появление этих сил в его тылу стало для Наполеона неожиданностью, и чувство тревоги охватило его армию. Он немедленно двинулся на город и дал сражение. Французы были дважды отбиты. Третья атака, возглавляемая Лануссе, размахивающим шляпой на острие шпаги, сметала всех перед собой.

За проявленную храбрость в этом бою Лануссе был произведен в бригадные генералы по рекомендации Наполеона, на глазах у которого была предпринята блестящая атака. Подполковник Ланн также сильно отличился, и Наполеон произвел его в полковники на поле боя.

Результатом этих сражений были девять тысяч вражеских солдат, взятых в плен, другие тысячи убитыми, не считая тридцати захваченных пушек и большого количества обоза. Теперь Наполеон был хозяином долины Бормиды и всех дорог, ведущих в Италию. Его долгом, поскольку так приказал Карно, было оставить Сардинию и преследовать австрийцев. Он пошел прямо противоположным курсом. Повернув налево, он вошел в ущелья Миллезимо и последовал по дороге в Пьемонт. Дивизия Лаарпа была оставлена наблюдать за австрийцами. 28 апреля французы полным ходом двинулись на Мондови. Когда они достигли вершины горы Лемота, под ними раскинулись “самые богатые провинции в мире”, простиравшиеся от подножия горы, насколько хватало глаз. Войска, которыми так чудесно руководили и которые так отважно сражались, были в восторге от самих себя и своего командира.

Когда они смотрели вниз на прекрасные итальянские равнины, усеянные городами и посеребренные реками, они разразились восторженными криками приветствия молодому Наполеону. Для него и для них это был момент гордости. “Ганнибал форсировал Альпы; мы повернули их вспять”.

Миновав Танаро, французы вступили на равнины, и впервые кавалерия оказалась востребована. 22 апреля сардинцы дали упорное сражение при Мондови. Накануне они отбили Серюрье с большими потерями; но теперь к Серюрье присоединился Массена, и сардинцы были разбиты. Пьемонтская кавалерия, однако, повернулась против французской кавалерии, которая преследовала слишком далеко, и генерал Штенгель, ее командир, был убит. Мюрат во главе трех полков бросился на сардинскую кавалерию с такой безрассудной отвагой, что она была разбита. Сардинцы, потерпевшие поражение на всех пунктах, потеряли три тысячи

человек убитыми или пленными, восемь пушек, десять знамен. Колли потребовал перемирия, которое Наполеон отказался предоставить. Французы продолжали наступление на Турин. Король Сардинии Амадей хотел продлить борьбу; но его придворные требовали мира и одержали победу. Были сделаны первые предложения, которые Наполеон с радостью принял. Быстрые и блестящие победы внушили Наполеону такой ужас, что он практически диктовал королю свои собственные условия. “Ключи от Альп”, Кони и Тортон, помимо Алессандрии и других крепостей, были сданы ему в ожидании переговоров, а огромные склады, находившиеся в них, были переданы в пользование французской армии. Сардинская армия должна была быть отозвана с поля боя, и дороги Пьемонта должны были быть открыты для французов. Союз с Австрией должен был прекратиться, а эмигранты-роялисты из Франции должны были быть изгнаны. Это перемирие было подписано 29 апреля 1796 года. Что касается окончательного мира, то для его заключения в Париж должны были быть немедленно отправлены полномочные представители.

Наполеон нарушил как букву, так и дух своих инструкций, фактически заключив мир с королем Сардинии. Директория, многие республиканцы во Франции и многие в армии утверждали, что Амадея, родственника Бурбонов, следовало свергнуть с престола, а в его стране произвести революцию. Ожеро и другие смело заявляли о своем неодобрении курса Наполеона. Сам он был совершенно уверен, что поступил правильно, и не обращал внимания на ворчунов.

В Париж он послал своего блестящего кавалерийского офицера Мюрата с двадцатью одним знаменем, захваченным у врага. Обращаясь к своим войскам, он обратился с волнующим обращением, рассказав об их великих достижениях и вдохновив их на еще большие усилия.

Освободив руки, Наполеон повернулся к австрийцам. Обманув их относительно места, в котором он пересечет реку По, они приготовились встретить его в одном месте, в то время как он бросился в другое. Пока Болье ждал в Валенце, Наполеон переправлялся через реку у Пласенцы 7 мая 1796 года. На следующий день австрийская дивизия прибыла в Фомбио, в лиге от Пласенцы. Наполеон атаковал и разгромил его, взяв две тысячи пленных и все их пушки. Болье привел свои войска в движение, надеясь застать французов в момент переправы через реку.

Когда австрийцы, сопровождаемые кавалерийским полком, приблизились, они нанесли удар по передовым постам Лаарпа. Этот генерал выехал вперед на разведку и, возвращаясь другой дорогой, был обстрелян и убит своими же войсками почти точно так же, как великий солдат Конфедерации Стоунволл Джексон был убит при Чанселлорсвилле.

Австрийцы, поняв, что опоздали, отступили в сторону Лоди. 10 мая Наполеон настиг их там. Город находился на той стороне реки Адда, на которой находились французы, и Наполеон выбил небольшой отряд австрийцев, который его удерживал.

На противоположном берегу реки Болье разместил двенадцать тысяч пехотинцев, две тысячи всадников и двадцать орудий, чтобы помешать переправе. Через реку был перекинут единственный деревянный мост, который отступающие австрийцы не успели сжечь. Перед лицом шестнадцатитысячной армии и двадцати артиллерийских орудий, готовых обрушить на мост поток железа, Наполеон решил пройти. За стенами города Лоди укрылась французская армия. Наполеон, находясь под огнем, вышел на берег реки, чтобы осмотреть местность и составить свой план. Вернувшись, он отобрал шесть тысяч гренадер и обратился к ним с

краткими словами похвалы и ободрения, держа их наготове, укрытыми за домами города, чтобы по первому слову броситься к мосту. Но он также послал свою кавалерию вверх по реке, чтобы найти брод и напасть на австрийский фланг. Тем временем его собственная артиллерия обрушила град смертоносных снарядов на австрийские позиции, лишив их возможности приблизиться к мосту. Встревоженные глаза Наполеона наконец увидели, что его кавалерия перешла реку вброд и обходила фланг австрийцев. Молниеносно эта весть дошла до ожидавших гренадеров, и с криком “Да здравствует Республика!” они побежали к мосту. Ужасающий огонь австрийских батарей обрушился на наступающую колонну, и эффект был настолько смертоносным, что она заколебалась, казалось, вот-вот сломается. Французские генералы бросились вперед - Наполеон, Ланн, Массена, Бертье, Червони, — сплотили колонну и провели ее по мосту. Ланн переправился первым, Наполеон - вторым. Австрийские артиллеристы были заколоты штыками прежде, чем пехота смогла прийти им на помощь. Через несколько минут австрийская армия была разгромлена.

Моральный эффект этой победы, “ужасного перехода по мосту Лоди”, как назвал это сам Наполеон, был огромен. Впоследствии Бюлье сказал Грэхему, что, если бы Наполеон двинулся дальше, он мог бы без труда взять Мантую — никаких приготовлений к ее обороне тогда не производилось. Австрийцы пали духом, при отступлении открыли для себя Милан, и через пять дней после битвы Наполеон вступил в столицу Ломбардии под триумфальной аркой в окружении тысяч восхищенных итальянцев.

Именно после этого сражения некоторые солдаты собрались вместе и дали Наполеону имя “Маленький капрал” - ласковое прозвище, которое закрепилось за ним в армии на протяжении всей его карьеры. Его личная храбрость при Лоди и готовность разделить опасность произвели глубокое впечатление на его войска, и когда он появился в следующий раз, его приветствовали криками “Жив, Маленький капрал”.

Наполеон спросил венгерского пленного, старого офицера, что он теперь думает о войне. Пленник, не зная, что задающим вопрос был сам Наполеон, ответил: “Это вообще невозможно понять. У вас, французов, есть молодой генерал, который ничего не знает о правилах ведения войны. Сегодня он впереди, завтра сзади. Сейчас он слева от тебя, а потом справа. Человек не знает, куда себя деть. Такое нарушение правил недопустимо”.

На самого победителя Лоди произвел неизгладимое впечатление; это была искра, как он сказал позже, “которая разожгла великое честолюбие”. Наполеон уже начал взимать контрибуции и конфисковывать драгоценные произведения искусства. Герцог Пармский, умолявший о мире и защите, был вынужден заплатить 400 000 долларов за поставку тысячи шестисот лошадей и большого количества провизии. Из его галереи были изъяты двадцать лучших картин, одной из которых был “Джером” Корреджо. Герцог предложил 200 000 долларов за выкуп этой картины, но Наполеон отказался. Преступлением, которое совершил этот герцог, было его присоединение к коалиции против Франции и выделение трех тысяч солдат для помощи в славном деле поддержания феодализма.

Во Франции победы Наполеона произвели огромное впечатление на легковозбудимый, жаждущий славы народ. Его имя было у всех на устах. Толпы людей собрались вокруг бюллетеней, и улицы огласились одобрительными возгласами. Мюрат и Жюно, привезшие в Париж захваченные цвета, были встречены восторженными овациями правительства и народа. Но Директорам стало не по себе. Они были бы более или менее человечны, если бы им

понравилась автократическая манера поведения Наполеона. Он проигнорировал их планы и инструкции. Он развил в себе властность, не терпящую контроля. Его слава затмевала все остальные до такой степени, что порождала неприятные предчувствия. Учитывая все обстоятельства, руководители решили, что было бы хорошей идеей разделить итальянское командование. С этой целью они написали Наполеону. В ответ он предложил уйти в отставку. Партнера у него не было бы: он должен быть вождем, или ничем. Режиссеры не осмеливались поднимать с ним такой вопрос в то время, когда вся Франция была в восторге от его триумфов; и они уступили.

ГЛАВА XII

По всей Италии принципы Французской революции достигли значительного прогресса, и в каждой провинции нашлись умные люди, приветствовавшие приход Наполеона как начало новой эры. Молодой воин был проникательным политиком, и он принял позу освободителя. Тем же пером он писал воззвания в Италию и письма во Францию: в одном он подробно описывал прелести свободы, в другом - количество награбленного. И хотя, по-видимому, здесь была постыдная непоследовательность, на самом деле было много искренности. Он был серьезен, когда говорил о податях, взимаемых с князей и муниципалитетов; он также был серьезен, когда говорил о насаждении в Италии принципов Французской революции. Крайний тип плохого правления, царивший на всем итальянском полуострове, потряс его разум, его чувство справедливости.

Он презирал изнеженных дворян, которые не умели ни управлять, ни сражаться, ни умереть как мужчины. Он ненавидел праздное, невежественное, свирепое духовенство, которое грабило крестьян во имя религии и которое заставляло богатых и бедных склоняться перед такими идолами, как черная кукла Лоретто. Следовательно, хотя он и вынудил побежденных врагов Франции, правящих князей, выплатить крупные суммы в качестве контрибуции, он фактически заменил старые феодальные институты новыми, более совершенными.

Наполеона от души оскорбляли за то, что он лишил художественные галереи Италии их драгоценностей - скульптур и картин. Французские писатели роялистской школы раздувают крик и подчеркивают вину. Ланфри, в частности, призывает мир стать свидетелем того факта, что он опускает голову от стыда, настолько сильно его мучает совесть из-за захвата картин Наполеоном. Насколько все это абсурдно! Если трофеи принадлежат победителю, где должна быть проведена граница? Если кто-то может забрать кошелек побежденного, его драгоценности, его дом, его земли, почему его изображения священны? Если цивилизованный мир настаивает на содержании обученных солдат и продолжает жаждать мнимой славы завоевательных войн, мы должны привыкнуть к результатам. Завоевательные войны ведутся с очень практическими целями. Мы сражаемся с врагом, потому что у него есть то, чего мы хотим и что мы намерены иметь. Когда мы взяли на себя труд выступить против этого противника, готовые нанести ему сокрушительный удар по бедру в решительном стиле Ветхого Завета и одержали над ним победу с помощью Господа, разве мы не должны библейски лишить его

всего того, что кажется хорошим в наших собственных глазах? Должны ли мы позволить побежденному язычнику — язычнику потому, что побежденный — выбирать за нас те вещи, которые мы возьмем с собой, когда вернемся домой? Если у моего врага есть золотая корона или золотой трон, вид, вес и изящество которых чрезвычайно нравятся мне, не возьму ли я их? Если мне посчастливится стать королем, не включить ли мне эти трофеи в число моих “драгоценностей короны” в моем прочном “Лондонском Тауэре”?

И если случайно на земле моего врага, земле, которую Господь дал мне в качестве завоевания моим мечом, окажется алмаз несравненной величины и чистоты, драгоценный камень настолько богатый и редкий, что у всего мира слюнки текут при одном упоминании Кохинора — языческого названия этого места, — не должен ли я взять этот редкий драгоценный камень у неблагодарных язычников и отнести его в мою собственную страну, где люди поклоняются единственному истинному и живому Богу и культивируют облагораживающую любовь к лучшим алмазам? Если мне доведется стать королем моей родной страны, разве я не порадуя сердце моей королевы подарком чудесного драгоценного камня, чтобы она могла носить его на своем королевском челе и таким образом затмевать всех придворных дам, кого бы то ни было?

Между такими трофеями, как эти, и картинами Наполеон не видел принципиальной разницы. Многочисленны историки, послушно следящие за другими историками, которые на протяжении многих лет осыпали Наполеона оскорблениями по поводу этих итальянских картин. Так получилось, что пока нынешний летописец работал над этой книгой, мир был свидетелем самых разных войн. Были битвы и завоевания в Китае, Южной Африке, на Филиппинах; и христианские солдаты Европы и Америки одержали сокрушительную победу над язычниками и повстанцами. Было много побед и много награбленного; и если вспомнить о том, что наши христианские солдаты захватили в Африке, Азии и на морских островах, мне кажется, мы все могли бы промолчать об итальянских “произведениях искусства” Наполеона.

Ломбардия в 1796 году была владением австрийского дома и номинально управлялась эрцгерцогом Фердинандом, который жил в Милане в великолепном состоянии. Победоносное наступление французов наполнило его и его двор ужасом, и он обратился за помощью к Церкви. Священники восторжествовали, протянули руку священнослужителя и попытались предотвратить бурю религиозными церемониями. Были вынесены кости святых, организованы процессии и проведены уличные парады. Также звучали песнопения, молитвы, мистические воззвания. Небеса умоляли вмешаться и спасти город. Небеса, как обычно, не улыбались слабым; ангелы, которые не спасают ни голубей от ястребов, ни визжащую девственницу от насильника, совершенно не заботились (насколько можно было судить) об ужасах миланских священников и знати. Эрцгерцог со своей герцогиней и немногочисленными верноподданными покинули свою прекрасную столицу, а граф Мельци отправился с делегацией, чтобы смягчить гнев завоевателя.

Условия Наполеона не были жесткими. Ему нужны были деньги, чтобы заплатить своим войскам, а также провизия, одежда, военное снаряжение. Это у него должно было быть, и Милан мог это предоставить. Требуемая сумма составляла около 4 000 000 долларов, но он позволил уменьшить ее за счет выплат в таких вещах, в которых нуждалась армия. Завоеванная провинция была реорганизована на либеральной основе, была сформирована национальная гвардия, назначены новые должностные лица и разработана конституция — все это, конечно, было временным.

Герцог Моденский подал иск о заключении мира, и его заставили выплатить 2 000 000 долларов, снабдить провизией и лошадьми, а также отказаться от многих драгоценных произведений искусства.

Однажды во время переговоров с Моденой Саличетти вошел в комнату Наполеона и сказал: “Брат герцога здесь с четырьмя сундуками золота, 4 000 000 франков. Он предлагает их вам от имени своего брата, и я советую вам принять их”.

“Благодарю вас, - ответил наполеон, - я не отдам себя за такую сумму во власть герцога Моденского”.

Такие золотые ручейки, которые Наполеон направил в армейский сундук, имели далеко идущее влияние. Прежде всего, сама армия была приведена в первоклассное состояние. Войска были заново одеты, хорошо накормлены, им вовремя платили. Карманы генералов были полны монет. Кавалерия была великолепно вооружена; артиллерия доведена до совершенства. Как военная машина, армия Италии была теперь одной из лучших, которые когда-либо видел мир. Режиссеры не были забыты. Наполеон порадовал души Барраса и его коллег 1 000 000 долларами наличными. За первым последовали другие миллионы, и Наполеон разумно распределял суммы, пока его вклад не превысил 4 000 000 долларов.

Моро, празднующему на Рейне с пустым кошельком и подавленным духом, Наполеон послал миллион французских денег. Келлерману, командовавшему войсками в Савойе, он отправил 1 200 000 франков. Вряд ли нужно добавлять, что львиную долю всей своей добычи он хранил в своем армейском сундуке. Австрия была готова возобновить борьбу, Франция не могла прислать ему никаких припасов, и с его стороны было бы безумием опустошать свои карманы в начале новой кампании.

После недельного отдыха в Милане французская армия была отброшена в сторону Австрии. 24 мая 1796 года Наполеон перенес свою штаб-квартиру в Лоди. Вскоре после своего прибытия он узнал, что у него за спиной вспыхнуло восстание, что французский гарнизон в Павии капитулировал, и что восстание распространилось на многие города Ломбардии, и что в самом Милане вспыхнуло восстание.

Он немедленно повернул назад с небольшим отрядом, вернулся в Милан, сразился с повстанцами при Бинаско, где Ланн взял и сжег город, а затем с пятнадцатью сотнями человек штурмом взял Павию, которую защищали тридцать тысяч повстанцев, ворвался внутрь и предал ее разграблению, резне и огню. Французский офицер, подписавший приказ о капитуляции, был предан военному суду и расстрелян.

Почему итальянцы восстали против своего освободителя? Есть те, кто говорит, что причиной этого были его требования денег, провизии, лошадей, картин и так далее. Вряд ли это могло быть единственной причиной, поскольку поборы Наполеона не распространялись непосредственно на крестьян. Его тяжелую руку почувствовали богачи Церкви и государства; но на бедных он не возлагал никакого бремени. Более разумным объяснением кажется то, что священники, поощряемые аристократами, проповедовали крестовый поход против французских мародеров, которые грабили богатые храмы и разоряли вещи, которые считались святыми. Кроме того, эти мародеры были неверными французами, которые растоптали Церковь во Франции, конфисковав ее богатства и вытеснив жирных священнослужителей с высоких, мягких мест. Папа знал, что настанет его черед — призрак Бассевиля еще не был предан земле,

— и что ему придется поплатиться за все жестокие удары, которые он нанес республиканской Франции. Поэтому, когда Наполеон двинулся навстречу австрийцам, которые, как сообщалось, собирались в подавляющем количестве, считалось, что сейчас самое подходящее время разжечь огонь у него в тылу. Священники неистово носились взад и вперед, крест был высоко поднят, церковные колокола звонили со всех шпилей, а невежественные крестьяне хватались за оружие, чтобы завоевать место на небесах, проливая кровь еретиков.

Восстание было подавлено, Наполеон доказал, что он думал о его происхождении. Он потребовал заложников не у крестьян, а у дворян. Заложники были переданы, и дальнейшего восстания не последовало.

Австрийская армия, отступая из Лоди, заняла линию Минчо, слева от нее - Мантуя, а справа - Пескьера, город, принадлежащий Венеции. Это нарушение Болье нейтральной территории дало Наполеону повод, и он захватил венецианский город Брешиа. Он провозгласил свое намерение ничего не предпринимать против Венеции, сохранять строгую дисциплину и платить за все, что он может взять. Продолжая свой марш, он снова обманул престарелого Болье относительно места, где намеревался переправиться через реку; и он перешел Минчо прежде, чем австрийцы смогли собрать достаточное количество войск, чтобы оказать сколько-нибудь значительное сопротивление. На другом берегу реки Наполеон, переходя с небольшим эскортом из дивизии Ожеро в дивизию Массены, едва не попал в руки австрийского корпуса, который спешил вверх по реке, чтобы присоединиться к Болье. Наполеон, проехав некоторое расстояние с Ожеро, вернулся в Валеджио, где остановился, чтобы принять ванну для ног, чтобы облегчить головную боль. В этот момент легкая кавалерия противника ворвалась в деревню. Едва хватило времени, чтобы поднять тревогу, закрыть ворота проезда для карет и выставить эскорт для защиты места. Наполеон выбежал через черный ход в одном сапоге, сбежал через сад, вскочил на лошадь и со всех ног поскакал к Массене, чьи войска неподалеку готовили себе обед. Массена быстро поднял своих людей, бросил их против врага — и тогда настала очередь австрийцев бежать.

Опасность, которой он подвергся, заставила Наполеона сформировать личную гвардию для собственной защиты. Поначалу названные скромным названием "*Гиды*", эти силы росли численно и приобретали значение, пока не превратились в бессмертную Имперскую гвардию. Его командиром был Бессьер, молодой офицер скромного происхождения, который привлек внимание Наполеона во время кампании своим хладнокровием и отвагой. Он стал маршалом Франции и герцогом Истрии.

В боях, которые произошли при Боргетте, кавалерия начала демонстрировать свою способность добиваться блестящих результатов. Именно юный Мюрат, сын трактирщика, вдохновлял, руководил ею и безудержно боролся с ней. Более благородный кавалер никогда не сидел на лошади. Лучший командир кавалерии никогда не возглавлял атаку. Это было зрелище — видеть его, блестяще одетого, великолепно сидящего на коне, горящего боевым пылом, ведущего в атаку свои великолепные эскадроны. Даже Наполеон трепетал от непривычного восхищения, глядя на Мюрата в бою. “Если бы я был при Ватерлоо, - сказал Мюрат, изгнанник, в 1815 году со вспышкой былой гордости, - этот день был бы нашим”.

И печальный, одинокий человек с острова Святой Елены согласился:

“ Вполне вероятно. В том сражении были поворотные моменты, когда такой отвлекающий маневр, какой мог совершить Мюрат, мог оказаться решающим.

Болье отступил к Тиролю, а Наполеон занял Пескьеру. Он был неистово зол на Венецию за то, что она позволила Болье завладеть этим городом, что стоило жизни многим французам, прежде чем он был отвоеван. Венецианский сенат, сбитый с толку и встревоженный, отправил послов, чтобы умиловить ужасного молодого воина. Наполеон перешел на самый надменный тон и пригрозил местью.

Наконец, когда венецианцы открыли ему ворота Вероны и согласились снабдить его армию, он начал смягчаться и заговорил с послами о возможном союзе между Венецией и Францией.

5 июня 1796 года один из этих посланников написал о Наполеоне в письме в Венецию: “Этот человек когда-нибудь будет иметь большое влияние на свою страну”.

Теперь французы были хозяевами линии Адидже, которую Наполеон считал самой прочной для обороны Италии. Эта линия имела для него огромное значение, поскольку он знал, что Австрия набирает силы и готовится возместить свои потери. Он завоевал Италию; сможет ли он удержать ее? Вот в чем теперь заключалась проблема.

Прежде чем придут подкрепления из Австрии, Наполеон рассчитал, что у него будет время наказать папу Римского и смирить Неаполь. Оставив Мантую окруженной, а линию Адидже хорошо защищенной, он взял одну дивизию и повернул на Юг. Было много причин, по которым он должен был это сделать. Тосканские бурбоны приветствовали англичан в Ливорно, а в Неаполе велись приготовления к снаряжению крупных сил для действий против французов. Генуя доставляла неприятности, ее дворяне были очень недружелюбны к Франции. На генуэзских территориях отряды распущенных пьемонтских солдат, сбежавших австрийских пленных и дезертиров наводняли Апеннинские перевалы, останавливали курьеров, грабили автоколонны и вырезали французские отряды.

Достигнув Милана, Наполеон направил Ожеро на Болонью, а Вобуа - на Модену. В сенат Генуи было направлено высокомерное письмо с требованием сообщить, может ли это государство подавить беспорядки, на которые жаловались французы. Мюрат, доставивший послание, зачитал его трепещущему сенату. Это возымело желаемый эффект: Дженоа пообещала и сделала все, о чем ее просили.

Ланн с тысячей сотнями человек, посланный наказать феодальные семьи Австрии и Неаполя, проживавшие на генуэзских территориях, энергично и успешно выполнил свою работу. Замки знати, участвовавшей в заговоре, были сожжены; и везде, где можно было обнаружить какие-либо банды, досаждавшие французам, их без промедления расстреливали.

Неаполь был напуган еще до того, как по ней нанесли удар, и она подчинилась завоевателю. Он обошелся с ней снисходительно. Она должна отказаться от коалиции против Франции, открыть все свои порты для французов, отозвать свои корабли из Англии и передать Наполеону две тысячи четыреста кавалеристов, которых она предоставила Австрии. Подписав это перемирие, он обратил свое внимание и свои войска в направлении Рима. Болонья, папское поместье, была захвачена. Феррара, еще одно папское владение, сбросила папское иго.

Папа, охваченный страхом, послал Азару, посла Испании, обсудить условия; и снова Наполеон проявил мягкость. Он потребовал, чтобы Анкона приняла французский гарнизон, чтобы Болонья и Феррара остались независимыми, чтобы была выплачена контрибуция в размере 21 000 000 франков, чтобы было передано сто статуй и картин, а также зерно и скот для армии. Папа согласился. И здесь Наполеон снова нанес большое оскорбление Директории и многим республиканцам во Франции, а также в армии.

Папа римский был центром враждебности против революции и ее принципов. Он активно сотрудничал с врагами Франции, раздирал ее гражданскими распрями, допустил зверское убийство ее посла, и оказывал помощь, утешение, благословения и папское вдохновение ее врагам везде, где только мог. Директория желала, чтобы папская власть была полностью уничтожена. У Наполеона не было такого намерения. Католицизм был фактом, силой, и он предложил поступить с ним соответствующим образом. Он принял деньги, картины и мрамор: призрак Бассевилля был предоставлен самому себе. В качестве деликатного комплимента папе римскому молодой завоеватель не вошел в Рим. Во всех своих странствиях этот современный цезарь, этот восстановитель Западной империи, ни разу не ступал ногой в Священный Город.

26 июня 1796 года Наполеон пересек Апеннины и вторгся в Тоскану. Форсированными маршами дивизия была переброшена к Ливорно, где, как надеялись, будут захвачены английские корабли. Вовремя предупрежденные, они отплыли, но французы захватили большое количество английских товаров. Оставив гарнизон в Ливорно, Наполеон направился во Флоренцию, где великий герцог устроил ему королевский прием. Великая княгиня не появилась на банкете: она была “нездорова”. Таким быстрым способом Италия была умиротворена, и Наполеон вернулся в штаб своей армии близ Мантуи.

ГЛАВА XIII

Теперь даже Австрия могла видеть, что Болье не ровня Наполеону. На его место император послал престарелого Вурмсера, еще одного офицера, превосходно владевшего старым неторопливым стилем ведения боевых действий. Если бы Наполеон остался доволен тем, что вел войну по правилам, изложенным в книгах, Вурмсер, возможно, сокрушил бы его, поскольку на 34 000 французов приходилось бы 53 000 австрийцев на поле боя, не считая 15 000 австрийцев, которые были блокированы в Мантуе 8000 французами.

Наполеон был в Милане, когда пришло известие, что Вурмсер выступил с горных перевалов и полным ходом идет, чтобы окружить французов ниже озера Гарда. Поспешив обратно на фронт, Наполеон разместил штаб в Кастель-Нуово. Вурмсер был уверен в себе; Наполеон встревожен, бдителен и решителен. Австрийцы разделились на три колонны— одна спустилась по западному берегу озера Гарда, а две другие - по восточному. Сначала австрийцы теснили французов на всех участках, и 30 июля 1796 года линия Наполеона была прорвана. Это привело к кризису, в ходе которого, как говорят, он потерял самообладание, отказался от командования и был спасен даути Ожеро. Доказательства, на которых основана эта предполагаемая потеря нервов, являются самыми хрупкими, и бесспорные записи кампании раскрывают план

Наполеона, приказы Наполеона и присутствие Наполеона на протяжении всей кампании. Его единственной надеждой было предотвратить соединение австрийских дивизий. Сможет ли он сдержать две, сосредоточившись на третьей? Практически та же тактика, которая победила при Монтенотте, снова возобладала. Пока Вурмсер форсированным маршем продвигался к Мантуе, Наполеон уже вызвал Серюрье; и когда прибыли австрийцы, рассчитывая захватить осаждающих, осаждающих там не было. Они оснастили свои осадные орудия, уничтожили излишки боеприпасов и отправились на соединение с основной армией Наполеона, чтобы помочь сокрушить одного из лейтенантов Вурмсера, пока Вурмсер бесполезно бездельничал в Мантуе. Почти идентично то же самое произошло при Монтенотте, где Болье бросился на Вольтри, чтобы захватить французов, которые были отозваны и которые уничтожали Колли при Монтенотте, в то время как Болье в Вольтри лениво беседовал с лордом Нельсоном из английского флота, разрабатывая планы уничтожения Наполеона. Наполеон нанес первый удар по Квасдановичу, который возглавлял австрийскую дивизию, спустившуюся по западному берегу озера. При Лонато, 31 июля 1796 года, французы разбили австрийцев, отбросив их назад, восстановив линию сообщения с Миланом, которая была перерезана. Затем Наполеон поспешил назад, чтобы противостоять австрийскому центру. Двадцать пять тысяч австрийцев, шедших на соединение с Квасдановичем, достигли Лонато. 3 августа Наполеон бросился на эти силы и почти уничтожил их. Австрийцы были настолько деморализованы, что четырехтысячный отряд сдался тысяче двухстам французам.

ARMÉE
d'ITALIE

ÉGALITÉ.

Au Quartier-Général de *Paris le 13 février*
le *13* au 4.^m de la République Française.

Général en Chef de l'Armée d'Italie.

agilostem
Janina miodowka...
tęci...
wstanie...
zaburzenia...
długość...
poza...
si...
w...
Doffner.

offense
 with modesty and with arms in fists
 then we shall have some action

BB

На следующий день появился Вурмсер, предлагая бой. Растянув свою линию слишком далеко и оставив свой центр слабым, Наполеон нанес ему удар там, нанес ему тяжелое поражение и отбросил его назад к горам. В этих различных операциях Австрия потеряла около сорока тысяч человек, Франция - около десяти тысяч. Мантуя была захвачена повторно, и теперь французы снова окружили ее. Их осадное снаряжение было уничтожено, и они могли рассчитывать только на блокаду, чтобы уморить врага голодом.

Обе армии были измотаны, и последовал период отдыха. Вурмзер, а также Наполеон получили подкрепления. Австрийцы все еще превосходили его численностью, но Наполеон перешел в наступление. Вурмсер совершил известную ошибку, разделив свои силы. Наполеон напал на Давидовича при Ровередо и разбил его. Затем, повернувшись к Вурмзеру, который наступал на помощь Мантуе, Наполеон захватил при Примолано австрийский авангард. На следующий день, 8 сентября 1796 года, он разбил главную армию при Бассано.

Теперь Вурмсер находился в отчаянном положении. Окруженный французами с одной стороны и рекой Адидже - с другой, его гибель казалась неизбежной. По ошибке подполковника французы оставили Леньяно без гарнизона, а мост не разрушили. Здесь Вурмсер переправился через реку и продолжил отступление на Мантую. Он добился нескольких блестящих успехов над французскими войсками, которые пытались отрезать его, и добрался до Мантуи в таком хорошем расположении духа, что вызвал гарнизон и участвовал в битве при Сент-Джордж. Потерпев поражение, он отступил в город. За короткую кампанию он потерял около двадцати семи тысяч человек.

Наконец армии на Рейне пришли в движение. Моро перешел эту реку у Келя, разбил австрийцев и вступил в Мюнхен. Журдан переправился через реку у Дюссельдорфа и выиграл битву при Альтен-Кирхене. Затем молодой эрцгерцог Карл, усвоив урок Наполеона, оставил небольшой отряд, чтобы сдерживать Моро, и сосредоточил свои силы против Журдана. Французы были сильно разбиты, и обе их армии отступили к Рейну. Первоначальный план соединения Журдана, Моро и Бонапарта для наступления на Вену был в настоящее время сорван.

Воодушевленная успехом, Австрия направила новую армию численностью в пятьдесят три тысячи человек под командованием Альвинчи для восстановления утраченных позиций в Италии. У Наполеона было около сорока тысяч солдат, несколько тысяч из которых находились в госпиталях, и снова его безопасность зависела от предотвращения концентрации противника.

Как и в предыдущей кампании, Австрия выиграла первые встречи. Вобуа был оттеснен в Трент, из Трента - в Ровередо, а оттуда - в Риволи. Массена отступил от Бассано перед превосходящими силами. Наполеон с дивизией Ожеро отправился на поддержку Массены. Весь день 6 ноября 1796 года Ожеро сражался при Бассано, а Массена - при Цитадели. Альвинчи сдавал позиции, но французы отступили из-за поражения при Вобуа. Теперь казалось, что две австрийские дивизии объединятся, но этого не произошло. В Риволи французская дивизия, стремясь вернуть уважение своего командира, который публично упрекнул их и унизил их командира, сдержала Давидовича и предотвратила его соединение с Альвинчи. Опасаясь, что Риволи может быть форсирован и австрийские дивизии объединятся, Наполеон снова атаковал Альвинчи. На этот раз французы были отброшены с большими потерями, около трех тысяч человек (13 ноября 1796 г.). Теперь у Наполеона на каждом фланге было по свежей австрийской армии, а Вурмзер - в тылу.

Если бы три австрийских командующих объединились, французы были бы потеряны. Но Наполеон рассчитывал на отсутствие сотрудничества, и он был прав. Тем не менее он почти впал в уныние, и в армии воцарилось уныние.

Когда ночь сомкнулась над удрученными французами, Наполеон приказал своим войскам взяться за оружие. Оставив гарнизон удерживать город, он вывел свои войска из Вероны и перешел на правый берег Адидже. Очевидно, он отступал к Минчо. Вниз по Адидже он дошел до

Ронко. Там он перешел реку по подготовленному им лодочному мосту. В этом марше французы следовали изгибу, который река делает здесь, впадая в Адриатику. Следовательно, он зашел в тыл врага, просто перейдя Адидже и следуя его естественному изгибу. Прибыв в Ронко и снова переправившись через реку, войска с первого взгляда увидели мастерский ход, совершенный их командиром; их уныние уступило место восторженной уверенности.

Вокруг Ронко болотистая местность, и дороги представляют собой высокие дамбы, поднятые над болотом, — одна из этих возвышенных дорог ведет в Верону на фронте Альвинчи, другая ведет из Ронко в Вилланову в тылу Австрии. Ранним утром 15 ноября 1796 года Массена выступил из Ронко по первой из этих дорог, а Ожеро - по другой. Массена прошел болото без сопротивления, но Ожеро встретил непредвиденное и кровавое сопротивление у моста в Арколе, городке между Ронко и Виллановой, где небольшая река Альпон пересекает дорогу на пути в Адидже. Два батальона хорватов с двумя артиллерийскими орудиями защищали этот мост, и их задача была выполнена так храбро, что колонна Ожеро была в беспорядке отброшена назад. В армии не было лучшего солдата, чем он, и Ожеро сам схватил знамя, собрал своих людей и повел их к мосту. И снова хорваты отбросили их назад анфиладным огнем. Мост должен быть взят; это было делом жизненной необходимости, и Наполеон бросился вперед, чтобы возглавить атаку. Схватив знамя, он призвал войска следовать за ним и собственноручно водрузил флаг на мосту. Но огонь противника был слишком яростным, их штыки слишком решительными: хорваты оттеснили французов от моста, и в суматохе ответной борьбы Наполеона столкнули с дамбы в болото, где он увяз по пояс. “Вперед! вперед! Чтобы спасти нашего генерала!”

С этим криком французские гренадеры сплотили свой разорванный строй, предприняли отчаянный бросок, отбросили хорватов и вытащили Наполеона из грязи.

Именно в атаке, возглавляемой Наполеоном, Мюиرون, его помощник, бросился перед своим начальником, как щит, спас жизнь Наполеону и потерял свою собственную.

Только после того, как французский корпус, переправившийся ниже по реке Адидже на переправе, натолкнулся на австрийский фланг, французы смогли захватить мост и Арколь. К этому времени, благодаря упорному бою у моста, Альвинчи успел выбраться из ловушки, которую спланировал Наполеон. Австрийцы заняли новую позицию дальше в тылу и по-прежнему превосходили французов численностью и положением. Если бы Давидович только убрал Вобуа со своего пути и зашел во фланг Наполеону, и если бы Вурмсер только бросился на ослабленные силы блокады в Мантуе и устроил беспорядки в тылу Наполеона, то французы, а не австрийцы, почувствовали бы неудобства ловушки! Но Давидович ничего не предпринял, Вурмсер ничего не предпринял, а Альвинчи продолжал совершать ошибки. Ибо, когда Наполеон после первого дня боев под Арколем отступил к Ронко, опасаясь, что может прийти Давидович, Альвинчи пришел к выводу, что французы полностью отступили, и бросился в погоню, используя для своего марша возвышенные дороги. На этих дамбах могли встретиться только головы колонн, численное превосходство австрийцев не имело никакого значения, и Наполеону не могло быть оказано лучшей услуги, чем предложение вступить в бой при таких условиях. Снова был день боев. Наполеон попытался зайти Альвинчи в тыл, переправившись через Альпон, но потерпел неудачу. Наступила ночь, обе армии отступили, но ничего решающего сделано не было.

Снова Наполеон отступил к Ронко, чтобы подготовиться к Давидовичу, и снова сына Давида не было под рукой. Вурмсер тоже ничего не предпринимал в тылу. Впереди Альвинчи, упрямо стремившийся оставаться именно там, где хотел Наполеон, снова наткнулся на узкие дамбы. И снова это была битва между головами колонн, где французские ветераны имели преимущество перед недавними новобранцами из Австрии. На какое-то мгновение обрушение части моста, построенного французами через Адидже, грозило им катастрофой. Австрийцы выступили вперед всей силой, чтобы отрезать полубригаду, оставшуюся на их стороне разрушенного моста. Но мост был отремонтирован, французские войска переправились через него и отбросили австрийцев обратно в болото. Наполеон устроил засаду в нескольких ивняках, окаймляющих Альпон, и когда противник, отступая, прошел вдоль дамбы, солдаты из засады открыли смертоносный огонь по их флангу, а затем атаковали в штыковую атаку. Захваченные врасплох, атакованные с фронта и фланга, около трех тысяч хорватов были сброшены в болото, где большинство из них погибло.

Подсчитав, что в сражениях последних трех дней Альвинчи потерял столько людей, что его армия теперь не превосходила французов численностью, Наполеон решил покинуть болота, выйти на открытую, сухую местность и разбить австрийцев в решительном бою. Перейдя Альпон по мосту, построенному ночью, французы днем 17 ноября 1796 года вели ожесточенные бои на поле боя и, наконец, одержали победу. Наполеон послал около двадцати пяти конных проводников с четырьмя трубачами к болоту, на котором располагался австрийский левый фланг, и этот незначительный отряд, прорвавшийся через болото и производивший ужасный шум своими трубами, заставил австрийцев подумать, что готовится еще одна засада. Этот страх, охвативший их в то время, когда они были почти подавлены стрессом настоящего сражения, решил исход дня. Альвинчи отступил к Монтебелло, и долгая борьба закончилась. Говорят, что Наполеон, который не раздевался целую неделю и почти три дня не смыкал глаз, бросился на свое ложе и проспал тридцать шесть часов.

Наконец Давидович встрепнулся, отогнал Вобуа со своего пути и спустился вниз, чтобы присоединиться к Альвинчи. Не было Альвинчи, к которому можно было бы присоединиться; Давидович опоздал на три или более дня. А Вурмсер в Мантуе совершил блестящую вылазку, чтобы вызвать опасения в тылу. Старик опаздывал примерно на неделю. Хватка Наполеона все еще держалась; линия Адидже была цела.

Но в то время как Наполеону удалось отстоять свои позиции, он добился этого с такими отчаянными боями и на таких узких рубежах, оставив австрийские армии несломленными, что император решился на еще одно крупное усилие. Новобранцы и добровольцы были зачислены в восстановительные силы Альвинчи и поспешили вперед, неся знамя, вышитое императрицей. И снова австрийцы вышли на поле боя с численным превосходством; и снова эти силы были разделены; и снова Наполеон разбил их наголову умелой концентрацией.

Генерал Провера должен был повести дивизию на помощь Мантуе; Альвинчи должен был сокрушить Наполеона. Провера должна была следовать по Бренте, миновать Адидже в низовьях и двинуться на Мантую. Альвинчи должен был двинуться вдоль Адидже из Трента и обрушиться на основные силы французской армии, которые, как надеялись, были оттянуты к нижнему Адидже демонстрацией при Провере.

Высоты Риволи на Монте-Бальдо господствуют над долиной Адидже; и как только предварительные передвижения противника раскрыли их план кампании, Наполеон послал

Жуберу приказ захватить и укрепить плато Риволи и удерживать его во что бы то ни стало. Это было 13 января 1797 года. В ту ночь сам Наполеон двинулся к Риволи с двадцатью тысячами человек, достигнув высот форсированным маршем в два часа ночи.

Алвинчи был настолько уверен в том, что окружит и захватит небольшой отряд Жубера, что лег спать, расположив свою армию полукругом внизу в ожидании рассвета, когда Жубер должен был быть взят сразу после завтрака.

Когда Наполеон прибыл, между полуночью и рассветом, он посмотрел вниз с высоты, и там, внизу, мирно посапывая и купаясь в лунном свете, стояли уверенные в себе австрийцы численностью в пять дивизий. Оставив их дремать, он провел остаток зимней ночи, готовясь к битве, которая должна была начаться днем. С наступлением утра австрийцы атаковали французов справа у Сан-Марко, и вскоре сражение разгорелось по всей линии вплоть до Каприно, где французы были отброшены влево. Бертье и Массена восстановили порядок и отразили все атаки. Французы, прочно закрепившись на высотах, имели все преимущество. Альвинчи считал невозможным эффективно использовать свою кавалерию или артиллерию, и многие из его войск не могли быть приведены в действие. В относительном положении Наполеон занимал место Мида при Геттисберге, а Альвинчи - место Ли. Возможно, у Наполеона были даже лучшие укрепления, чем у Мида, а Алвинчи был менее способен поднять свои силы на высоты, чем Ли. Результат был таким, каким он почти неизбежно должен был быть — австрийцы были разбиты с ужасными потерями и в беспорядке бежали. Паника была настолько велика, что молодой французский офицер Рене, командовавший пятьюдесятью солдатами в деревне на озере Гарда, успешно “блефовал” и захватил в плен отступающий отряд из полутора тысяч австрийцев. Жубер и Мюрат энергично преследовали противника и за два дня взяли в плен тринадцать тысяч человек. Только после того, как битва при Риволи продолжалась три часа, Альвинчи понял, что он совершает безрассудный подвиг - штурмует главную французскую армию, размещенную самим Наполеоном на почти неприступных позициях.

Оставив Жубера и Мюрата развивать победу, Наполеон на полной скорости направился к Провере. Этот доблестный офицер пробился с боями против Ожеро и Гийе и достиг предместья Сен-Жорж, перед Мантуей, с шестью тысячами человек. Остаток он потерял по дороге — около двенадцати тысяч. В течение всего дня 15 января 1797 года его держал в узде Серюрье. На следующее утро сражение возобновилось; но уже прибыл Наполеон. Провера атаковал французов спереди; Вурмзер - с тыла. Серюрье отбросил Вурмзера обратно в Мантую, а Виктор, пришедший с Наполеоном, нанес Провере такое сокрушительное поражение, что тот сложил оружие. Эта операция известна как операция Ла Фаворита (по названию загородной резиденции герцогов Мантуанских неподалеку), в результате которой в руки французов попали шесть тысяч пленных, включая венских добровольцев и множество пушек. Одним из трофеев было знамя, вышитое австрийской императрицей.

Через несколько дней Мантуя капитулировала, и последний оплот австрийцев в Италии оказался в руках французов.

Критики, понимающие все тайны характера Наполеона, говорят, что в нем не было и следа рыцарства или великодушия. И все же в Мантуе он, молодой солдат, не остался бы злорадствовать над унижением ветерана Вурмсера. Он похвалил этого старика словом и письмом, предоставил ему либеральные условия и оставил старшего Серюрье, чтобы тот получил меч Вурмсера. Разве это не было деликатно, даже галантно по отношению к Вурмзеру?

Разве это не было еще более великодушно по отношению к Серюрье? Мистер Ланфри намекнул “Нет”, но Вурмсер подумал “Да”, поскольку он тепло выразил свое восхищение Наполеоном и из благодарности предупредил его, когда тот был в Болонье, о заговоре папской партии с целью его отравления — предупреждение, которое, вероятно, спасло ему жизнь.

Папа, полагая, что Наполеону не избежать окончательного поражения от Австрии, нарушил их дружеский договор. Проповедовался крестовый поход против французов, проходили священные процессии и творились чудеса. Кости мучеников истекали кровью, изображения Пресвятой Девы плакали. Вне всякого сомнения, Небеса были откровенно на стороне Рима. Возбужденные этими средствами, крестьяне стекались под знамена папы, и была собрана внушительная по численности армия.

Оставив Серюрье получать капитуляцию Мантуи, Наполеон поспешил в Болонью и организовал силы из французов, итальянцев и поляков для действий против папских войск. Отправив большую часть своей маленькой армии в Анкону, он двинулся примерно с тремя тысячами человек вглубь Государства Церкви. Кардинал Буска с армией наемников, фанатичных крестьян и разношерстных итальянских рекрутов укрепился на берегах Сенио, чтобы оспорить его переход. Французы выступили в поход во второй половине погожего весеннего дня, и кардинал с заботой, делавшей честь его совести, послал гонца под флагом перемирия уведомить Наполеона, что, если он продолжит наступление, по нему будет открыт огонь. Восприняв это как шутку кампании, французы развеселились; но Наполеон серьезно ответил кардиналу вежливым ответом, сообщив ему, что, поскольку французы маршировали весь день, устали и не хотят, чтобы в них стреляли, они остановятся. Соответственно, лагерь был разобран на ночь. К утру Ланн с кавалерией переправился выше по реке и зашел кардиналу в тыл. Наступил день, и завязалось небольшое сражение. Вскоре кардинал бежал, и большая часть его разношерстной армии попала в плен. Наступая на Фаэнцу, которая закрыла свои ворота и заняла крепостные валы, французы пробили себе дорогу пушечным огнем и обратили защитников в бегство. Политика Наполеона в отношении Папы римского не была политикой Директории; это была его собственная политика, тонкая и дальновидная. С заключенными обращались по-доброму и их освобождали. Кардиналы и влиятельные священники были обласканы. Недавно взятых в плен папских офицеров навестили, успокоили примирительной речью, заверили, что французы были освободителями и желали только благополучия возрожденной Италии, освобожденной от папского рабства и ржавого феодализма. Впервые современные итальянцы услышали, как великий человек обрисовывает будущее объединенной Италии.

В Лоретто были найдены реликвии, которые сделали это место одной из самых святых святынь. Тот самый дом, в котором Мария, мать Иисуса, приняла Гавриила, находился в Лоретто. Если бы вы спросили, как оно туда попало, ответом было бы, что ангелы перенесли его из Назарета в Далмацию, чтобы сарацины не заполучили его. Из Далмации ангелы по столь же веским причинам перенесли его в Лоретто. Внутри этой святой хижины находилось деревянное изображение Марии, старое, почерневшее, грубо вырезанное. Его вырезали ангелы. Во времена церковных невзгод было видно, как этот образ Марии проливал слезы. Поскольку в последнее время среди священнослужителей было немало огорчений из-за жестокого пренебрежения Наполеона к папским армиям, возглавляемым священниками с распятиями в руках, деревянная Дева сильно плакала.

Наполеон, несомненно, был знаком с методами, с помощью которых языческие жрецы продолжали свое грандиозное мошенничество, и ему было любопытно увидеть старую деревянную куклу, которой поклонялись современные язычники в Лоретто. Он нашел нитку стеклянных бусин, расположенных таким образом, что они падали одна за другой изнутри на глаза Пресвятой Девы, а поскольку она находилась на некотором расстоянии от верующих и за стеклянной витриной, оптическая иллюзия была полной. Наполеон разоблачил эту уловку и заключил в тюрьму священников, из-за которых недавно пролились слезы.

Чтобы усилить святость святилища в Лоретто, там была миска для каши, принадлежавшая Святому семейству, и стеганое одеяло, принадлежавшее Марии, матери Иисуса. Тысячи набожных католиков каждый год падали ниц перед этими реликвиями, и бесчисленными были богатые подношения святыне.

Наполеон забрал из церкви почти все сокровища, которые не унесли священники, а деревянную мадонну отправили в Париж. В 1802 году он вернул его папе римскому, и он был поставлен на свое старое место в хижине Пресвятой Богородицы.

Многие французские священники, отказавшиеся принести присягу на верность новому порядку вещей во Франции, нашли убежище в Папской области. Директория хотела, чтобы Наполеон изгнал этих людей из Италии. Он не только отказался это сделать, но и предоставил им свою защиту. В обращении к своим войскам он приказал, чтобы с несчастными изгнанниками обращались по-доброму; и он вынудил итальянские монастыри, которые действительно устали от этих приезжих гостей, принять их и удовлетворить все их потребности.

Широту и глубину либерализма Наполеона также продемонстрировала защита, которую он оказывал евреям. В Анконе с этими людьми обращались со средневековым варварством. Наполеон облегчил их инвалидность, поставив их в полное политическое равенство с другими гражданами. В пользу некоторых мусульман, которые проживали там, он избрал тот же курс.

Захватив или рассеяв по пути папские войска и завоевав своим милосердием добрую волю народа, Наполеон приблизился к Риму. Ватикан был в смятении, и понтифик прислушался к тем, кто советовал мир. Вскоре был согласован Толентинский мирный договор, и папская власть снова избежала полного уничтожения, которого желала Директория. Тогда простой толчок, дополнительный дневной марш, захват еще одной толпы, возглавляемой священниками, привел бы к свержению суверенитета, который находился в состоянии войны с вероучением, здоровой политикой и здравым смыслом. Позже это стоило потоков крови, чтобы закончить работу, которую Наполеон тогда почти завершил.

По Толентинскому мирному договору от 19 февраля 1797 года папа потерял еще 3 000 000 долларов в качестве компенсации; миссии Болоньи и Феррары вместе с Романьей были сданы; папские притязания на Авиньон и Венайссон были прекращены, а убийство Бассевиля должно было быть официально дезавуировано. К его чести следует сказать, что Наполеон потребовал подавления инквизиции; к его дискредитации - то, что он позволил священникам уговорить его отказаться от этого требования.

“Инквизиция раньше, без сомнения, была плохой вещью, но сейчас она безвредна — просто мягкий полицейский институт. Молитесь, пусть так и будет”. Наполеон действительно был или притворялся обманутым этим заверением, и инквизиция осталась, чтобы очистить веру

темницами, живой смертью в грязных гробницах, пытками ума и тела в Италии, Испании, Южной Америке, на далеких Филиппинах.

“Святейший Отец”, - написал Бонапарт папе; “Мой дорогой сын”, - написал папа Бонапарту; и на этом они закончили *этот* урок.

Среди всех перемен, которые произошли и должны были произойти в Италии, было одно правительство, которого Наполеон не тронул. Это была маленькая республика Сан-Марино, примостившаяся на Апеннинах, откуда со своих залитых дождем и продуваемых всеми ветрами высот она в течение тысячи или более лет безмятежно взидала на беспокойную Италию. Управляемый смешанным советом дворян, горожан и фермеров, он был доволен собой и просил только, чтобы его оставили в покое. Время от времени папа проявлял желание протянуть руку и захватить маленькую республику, но ей всегда удавалось ускользнуть от отеческой хватки. Наполеон уважал права Сан-Марино и предлагал увеличить его территорию. Сан-Марино отказалось; с него было достаточно. Еще больше принесло бы неприятности. Подарив ему четыре пушки в знак своего уважения, великий Наполеон покинул солнечный свет этого итальянского Диогена и оставил его в покое. В 1852 году папа римский снова возжелал Сан-Марино; но вмешался Наполеон III, и самая маленькая и старейшая республика в мире была предоставлена своей независимости в своем горном доме.

ГЛАВА XIV

Надеждой Австрии теперь был эрцгерцог Карл, который так блестяще заставил отступить две французские армии на Рейне. Это был молодой человек, моложе даже Наполеона, ему было всего двадцать пять лет. Городской совет в Вене решил сравнить молодежь с молодежью, и эрцгерцогу было приказано принять главное командование в Италии. Зная о том, что эрцгерцог ждет подкреплений из Рейнской армии, Наполеон решил перехватить инициативу и нанести удар по врагу до прибытия подмоги.

Массене было приказано подняться вверх по Пьяве и атаковать отдельную дивизию под командованием Лузиньяна, в то время как Наполеон двинулся против эрцгерцога на Тальяменто. Форсированными маршами французы достигли реки раньше, чем их ожидали (16 марта 1797 года). Делая вид, что они намереваются прорваться, они напали на австрийцев, которые ожидали их на другой стороне, и оказали им солдатский прием. Затем, как будто он внезапно передумал и намеревался расположиться там бивуаком, Наполеон отвел свои войска назад, и были сделаны приготовления к трапезе. Эрцгерцог, обманутый этим, тоже отступил и вернулся в свою палатку. Внезапно французы схватились за оружие и бросились к бродам. Дивизия Бернадотта шла впереди, и прежде чем австрийцы смогли выстроиться в линию, французы были благополучно переброшены и готовы к бою. Австрийцы сражались, и сражались хорошо; но они были в меньшинстве, так как их превосходили в общем составе, и они были разбиты, потеряв пленных и пушки. Массена, столь же успешный, разгромил и захватил в плен Лузиньяна и приближался к перевалу Тарвис, который ведет в Германию с итальянской стороны. Эрцгерцог поспешил на защиту этого жизненно важного пункта, собирая на ходу все

свои силы. Заняв позицию перед перевалом, он стал ждать Массену. Форсированными маршами этот бесстрашный солдат, “любимое дитя победы”, подошел, завязалась битва, в которой велась отчаянная борьба. Массена победил, и дорога на Вену была расчищена. Эрцгерцог отступил к Филлахи; Массена ждал в Тарвисе, надеясь захватить австрийскую дивизию, которая продвигалась к перевалу, преследуемая генералом Гюйе. Только достигнув Тарвиса, австрийцы поняли, что окружены с фронта и тыла. Деморализованные, они сдались после слабого сопротивления.

Бернадотт и Серюрье взяли Градиску и ее гарнизон после того, как первый пожертвовал несколькими сотнями человек в безрассудной атаке на крепостные валы.

28 марта 1797 года Наполеон с основными силами своей армии вошел в Коринтию через Кольде-Тарви. Продвигаясь вперед, он достиг Клагенfurта, откуда 31 марта 1797 года написал отступающему эрцгерцогу письмо с предложением мира. В ответ австрийский командующий заявил, что у него нет полномочий лечить. Французы продолжали энергичное наступление, и близ Ньюмаркета эрцгерцог, получив четыре батальона долгожданного подкрепления, выстоял и сражался. Он был разбит с потерей трех тысяч человек. Затем он попросил о перемирии, в чем ему было отказано. Наполеон выступал за мир, но перемирие он не предоставил. При Унцмарке эрцгерцог снова потерпел поражение, и его отступление превратилось почти в разгром. 2 апреля 1797 года авангард Наполеона был у Леобена, и с аванпостов были видны венские холмы. Затем пришли офицеры, чтобы попросить приостановить вооружение для мирных переговоров; и предварительные условия Леобена, после некоторых задержек, были подписаны.

Было предложено много причин для курса Наполеона на заключение мира, когда у него, по-видимому, все было впереди. Говорят, что он был встревожен отказом рейнских армий от сотрудничества; опять же, что он был обескуражен отсутствием успеха у Жубера в Тироле; опять же, что он опасался восстания у себя в тылу. Каким бы ни был мотив, трудно избежать вывода, что он совершил огромную ошибку. Французы на Рейне двинулись. Дезэ гнал одну австрийскую армию через Шварцвальд; Гош разбил и собирался окружить другую. Положение Австрии было отчаянным, и Вена, должно быть, пала. Есть те, кто предполагает, что Наполеон поспешил приостановить войну, чтобы лишить соперничающих генералов, особенно Гоша, доли в своей славе. Это, мягко говоря, притянуто за уши. Месяц за месяцем он делал все, что было в его силах, чтобы заставить генералов-соперников двинуться в путь. Директории он один за другим посылал призывы приказать армиям переправиться через Рейн и сотрудничать. Он даже посылал деньги из своего армейского сундука; и, опасаясь, что эти средства могут осесть где-нибудь в Париже, он отправил их прямо на Рейн.

Буррьен не является авторитетом, дружественным Наполеону, и все же Буррьен утверждает, что, когда Наполеон после перемирия получил депеши, извещавшие о продвижении Десо и Гоша, он был почти вне себя от огорчения. Он даже хотел разорвать перемирие, и его генералам пришлось протестовать. Это свидетельство, по-видимому, окончательно доказывает, что Наполеон предложил мир, потому что потерял надежду на сотрудничество, которое было ему обещано и которое было необходимо для его триумфа. В одиночку он был не в состоянии сдержать недовольную Италию, защитить длинную линию коммуникаций и свергнуть Австрийскую империю. Предварительные соглашения в Леобене и Кампо-Формийский мирный договор всегда будут предметом дискуссий. Роль, которую Венеции пришлось сыграть — роль

жертвы вероломства Наполеона и алчности Австрии, — вызвала тогда жалость и негодование и до сих пор не перестала быть излюбленной опорой для наполеоновских разоблачений. Австрия очень стремилась удержать Ломбардию. Наполеон был полон решимости удержать и Ломбардию, и Бельгию. Венеция была хладнокровно передана Австрии в качестве компенсации, потому что было легче захватить дряхлую Венецию, чем противостоять еще одному натиску великой империи, мужество и ресурсы которой казались неисчерпаемыми. Возможно, более яркого случая политического ожесточения не было с тех пор, как Россия, Пруссия и Австрия разделили Польшу и поглотили ее.

Но после того, как это было сказано, давайте посмотрим на картину с другой стороны. Венеция обязалась сохранять нейтралитет, но не сохранила его. Она позволила обеим воюющим сторонам захватывать ее города, использовать ее крепости, съедать ее припасы и прикарманивать ее деньги. Пытаясь угодить обоим, она не угодила ни тому, ни другому; и они объединились, чтобы ограбить ее.

И снова произошла ссора между городом Венецией и венецианскими территориями на материке. У Венеции была своя Золотая книга, в которую были записаны имена ее знати. Аристократы на материке жаждали вписать свои имена в эту Золотую Книгу, но им было отказано в этом блаженстве; отсюда и сердечные приступы, которые относились к Наполеону. Он посоветовал венецианскому сенату занести имена в книгу, но Сенат отказался. Венецией долгое время управляло несколько семей, и эти немногие обладали обычным кастовым упрямством и предрассудками. Они относились к Венеции просто как к вотчине — поместью, принадлежащему знати.

Опять же, республиканская закваска действовала по всей Венеции, и Наполеон посоветовал Сенату реконструировать свои средневековые институты. Другие государства Италии поддавались веяниям времени, и Венеции следовало поступить так же. Сенат отказывался, пока его согласие не пришло слишком поздно, чтобы предотвратить его гибель.

Опять же, Наполеон предупредил Венецию, что она слишком слаба, чтобы сохранять нейтралитет, и посоветовал ей заключить союз с Францией. Она отказалась.

И снова, когда Наполеон собирался присоединиться к своей армии для вторжения в Германию, он предупредил Венецию, чтобы она не создавала проблем у него в тылу. То, что он мог бы простить, будь он в Италии, было бы непростительным, если бы было совершено, находясь в Германии. Венеция не могла или не захотела воспользоваться этим предупреждением. Пока Наполеон находился в Германии, в венецианских государствах поднялись беспорядки, и французы в значительном количестве были вырезаны. В Вероне вспышка была особенно жестокой, триста французов были убиты, включая больных в больницах. Чтобы не допустить ничего, что могло бы послужить Наполеону оправданием, которого он добивался, французскому судну, которое, преследуемое двумя австрийскими крейсерами, укрылось в гавани Венеции, было приказано уйти (согласно законам порта), а когда оно отказалось, было обстреляно. Ее командир и другие были убиты, и некоторые ужасные подробности усугубили преступление.

Возможно, у Наполеона с самого начала были намерения пожертвовать Венецией. Возможно, он был неискренен, предлагая слабой старой олигархии защиту либеральных институтов и альянс с Францией. Были опубликованы его письма, противоречащие друг другу. Они

доказывают его двуличие, его хитрость, его бессердечие; но это было намного позже того, как Венеция спровоцировала его.

Каким бы хладнокровным ни было отношение Наполеона к Венеции, европейское сознание не могло быть так сильно потрясено, как утверждают писатели-роялисты, поскольку после свержения Наполеона Венеция, которую он реформировал и возродил, была отдана Австрии в качестве жертвы.

* * * * *

Это было блестящее сборище, окружавшее Наполеона и Жозефину летом 1797 года. Дипломаты, государственные деятели, авантюристы, солдаты, деятели науки и литературы толпились в Милане и ухаживали за прекрасным Монтебелло, роскошной загородной резиденцией, где Наполеон устроил свою резиденцию после предварительных переговоров при Леобене. Многие важные вопросы нуждались в его мысли, его плодородных ресурсах, его умелой руке. Его республики нуждались в руководстве, дела Генуи и Венеции были неустроены, немецкие принцы с берегов Рейна испытывали естественное любопытство узнать, кому именно они принадлежат, и требовалось проработать детали предстоящего мирного договора в Кампо-Формио. Это был напряженный и славный сезон для Наполеона. Он стоял на высочайшей из вершин, его слава гремела в самых отдаленных уголках Европы; и к нему было обращено то восторженное восхищение, которое так горячо обращается к молодым героям. Пока что у него было мало врагов. Вся Франция была в восторге от него; даже австрийцы восхищались им. Аристократы Италии, миряне и священнослужители, несомненно, желали его смерти, но народные массы смотрели на него с удивлением и уважением. Итальянец по происхождению, он говорил на их языке, знал их характер, презирал его, властно доминировал над ним, и поэтому его любили и ему повиновались.

Мио де Мелито, неблагоприятный свидетель, заявляет, что Наполеон уже вынашивал планы относительно своего собственного суверенитета и не делал из этого секрета. “Вы думаете, я делаю все это для этих негодяев-юристов из Директории?” Возможно, он так и сказал, но это маловероятно. Такой человек, как Наполеон, замышляющий захват власти и свержение правительства, как правило, не говорит об этом с Мио де Мелито. Если бы у Наполеона был такой же четкий план, как у Miot records, он не позволил бы богатствам Италии перекачиваться через его армейский сундук, в то время как сам он остался бедным. Подобно Цезарю, он вернулся бы, нагруженный добычей, которую можно было бы использовать для осуществления своих планов. Наполеон, несомненно, взял что-то для себя из миллионов, которыми он распоряжался, но сумма была настолько незначительной, что он остро ощущал бремя долга, который Жозефина заработала, обставляя его скромный дом в Париже. И когда *все-таки* пришло время свергнуть “негодяев-юристов”, ему пришлось занять деньги, необходимые для этой короткой кампании. Нет; простая истина заключается в том, что Наполеон не потворствовал своим низменным аппетитам в своей итальянской кампании. Он заработал на этом меньше денег, чем любой из его лейтенантов, чем любой из армейских подрядчиков, чем любой из удачливых грабителей, следовавших за ним по пятам. Если он вынашивал планы, приписываемые ему Мио, то с его стороны было очевидной ошибкой отказаться от 800 000 долларов золотом, тайно предложенных ему герцогом Моденским. На острове Святой Елены он произнес нечто, похожее на признание в том, что, принимая во внимание его последующие нужды в Париже, ему следовало бы принять деньги. К богатству как таковому Наполеон не

стремился — слава, могущество, известность - все это для него было выше. От 7 000 000 франков, предложенных Венецией, она так же хладнокровно отказалась, как и от меньшей суммы, предложенной Моденой, и от княжества, предложенного императором Германии.

* * * * *

Выборы 1797 года не были благоприятными для Директории. Многие роялисты получили места в Ассамблее, а председательствующий в каждом законодательном органе был противником правительства. Двое режиссеров, Карно и Бартеlemi, присоединились к оппозиции.

Открыто и смело недовольные, включая роялистов, конституционалистов и умеренных, заявили о своей цели свергнуть Директорию. Баррас, Ребелл и Ларевельер были едины, и Баррас все еще сохранял достаточно энергии, чтобы быстро действовать в критической ситуации. Видя, что необходимы штыки, он обратился за помощью к Гошу. Гош был достаточно готов, но он слишком поспешно нарушил закон и стал бесполезен. Тогда Баррас обратился к Наполеону, и Наполеон был готов. Рассерженный на законодательные советы за критику его своевольного поведения в Италии, и чувствуя, что в настоящее время его собственные интересы связаны с интересами Директории, он не колебался. Он отправил Ожеро принять командование правительственными войсками в Париже, и Ожеро выполнил свою работу с прямотой бесхитростного солдата. “Я пришел убить роялистов”, - объявил он в качестве публичного объяснения своего присутствия в городе. “Что за чванливый разбойник!” - воскликнул Ребелл, подняв глаза от директорского кресла на крепкую, воинственную фигуру Ожеро. Ожеро ночью ввел многотысячный марш в Париж, захватил все подходы к Тюильри, где заседали советы, и крикнул страже советов через закрытые ворота: “Вы республиканцы?” - и ворота открылись. Ожеро ворвался к заговорщикам, собственноручно схватил роялиста, командира законодательной гвардии, сорвал с его плеч эполеты и швырнул их ему в лицо. С заговорщиками поступили грубо, как с обычными преступниками, и отправили в тюрьму. Карно бежал; Бартеlemi был арестован в Люксембургском дворце. Вместе с ними пал Пишегрю, завоеватель Голландии. Еще будучи командующим республиканской армией, он вступил в предательские отношения с роялистами и согласился использовать свои республиканские войска для восстановления монархии. Об этом заговоре, об этой измене никто не знал, когда Пишегрю, вернувшийся из армии, был избран в один из советов и назначен его президентом. Моро захватил корреспонденцию австрийцев и скрыл факты. После ареста Пишегрю Ожеро тайна захваченных депеш стала известна. Моро сам выступил с докладом, и у всех на устах возник вопрос: “Почему он не высказался раньше?” Этот универсальный и наиболее естественный вопрос стал первым облаком, омрачившим карьеру прославленного Моро. Как лаконично выразился Наполеон, “Промолчав раньше, он предал свою страну; заговорив тогда, когда он заговорил, он ударил человека, который уже был повержен”. После того, как Ожеро спас правительство, что, как ему казалось, сделал он один, мнение этого великолепного солдата о себе начало расти. Почему бы ему не стать директором, не стать государственным деятелем и не помогать управлять республикой? Очень влиятельные люди, среди них Наполеон и все Директора, смогли привести веские доводы в пользу обратного, и Ожеро был вынужден довольствоваться тем, что оставался солдатом. Хотя он хвастался, что он лучший человек, чем Бонапарт, он уступил молчаливому, невидимому давлению маленького корсиканца и принял командование безработной рейнской армией. Через несколько месяцев та же изящная итальянская рука перевела его в командование десятой дивизией в Перпиньяне, где он постепенно, если не изящно, исчез с политического горизонта.

Переговоры об окончательном мире между Австрией и Францией продолжали медленно затягиваться. Дипломаты обеих сторон исчерпали навыки своего ремесла, каждый пытался перехитрить другого. Сколько мошеннических действий было совершено за эти томительные месяцы, сколько взяток было предложено и взято, сколько секретов было куплено и продано, сколько хитрости было применено, сколько лжи было сказано, мог бы догадаться только профессиональный и опытный дипломат. Во все эти хитросплетения переговоров Наполеон привнес новый элемент — военную внезапность, блеск шпаги. Не то чтобы ему не доставало утонченности, ибо он был полон ею. Не то чтобы он был неспособен к изяществу, ибо он был экспертом. Не то чтобы он презирал ложь, ибо он наслаждался художественным обманом. Но в таких вопросах, как эти, ветеран Кобентцель и другие дипломаты старого времени могли бы согласиться с ним в чем-то похожем на равенство. Использовать совершенно новый элемент, скрывать свое совершенное мастерство махинатора за бесцеремонными манерами грубого солдата — значило ставить профессионалов в невыгодное положение. Точно так же, как венгерский ветеран жаловался на то, что Наполеон не будет сражаться в соответствии с правилами, Кобентцель и его группа теперь были смущены, обнаружив, что он не будет действовать в соответствии с установленным прецедентом. Утомленный проволочками, возмущенный тем, что ему угрожают возобновлением войны, и полный решимости заставить устаревших австрийских послов принять решение, Наполеон, как говорят, вскочил со своего места, по-видимому, в ярости, воскликнув: “Тогда очень хорошо! Пусть война начнется снова, но помните! Я разрушу вашу монархию через три месяца, как сейчас разбиваю эту вазу”, — швырнув на пол драгоценную вазу, которую Екатерина II подарила Кобентцелю.

Эту историю, рассказанную столь многими, отрицает примерно такое же количество людей. Сам Кобентцель опроверг ее, но он делает признание, которое почти равносильно тому же. Он говорит, что Наполеона разозлили задержки, он пришел в ярость, опрокидывал бокал за бокалом пунш, стал груб с участниками переговоров, вылетел из комнаты и потребовал от своих помощников усмирения. Кобентцель говорит: “Он пришел в ярость, разразился потоком оскорблений, надел шляпу в самом конференц-зале” (ужасный поступок!) “и покинул нас. Он вел себя так, словно только что сбежал из сумасшедшего дома”.

Между этим австрийским признанием и австрийским отрицанием существенная разница невелика. Читая между строк Кобентцеля, можно увидеть, что жестокий молодой солдат задавил хрупкого старого австрийского дипломата точно так же, как он задавил многих хрупких старых австрийских генералов.

На следующий день после этой сцены насилия был подписан Кампо-Формийский мирный договор. По его условиям Австрия уступала Ломбардию, Бельгию и немецкие княжества на Рейне. Он признал Итальянскую республику; Цизальпийскую область, состоящую из Ломбардии, Модены, Феррары; Романью, Мантую, Массу-и-Каррару; венецианскую территорию к западу от Адидже и Вальтеллины. Она также признала Лигурийскую республику, недавно образованную Наполеоном из Генуи и ее государств. Франция сохранила Ионические острова и венецианские фабрики напротив, на материке. Австрии были переданы итальянские земли к востоку от Адидже. В рамках этой концессии был включен достопочтенный город Венеция.

В Кампо-Формийском мирном договоре Наполеон настаивал на том, чтобы Австрия освободила узника Ольмюца Лафайета, который находился в темнице с 1793 года.

Для регулирования перераспределения территории Германии, ставшего необходимым в соответствии с договором, в Раштадте должен был быть созван конгресс. С таким же успехом в этом месте можно сказать, что конгресс собрался, долго заседал и не смог прийти к соглашению. После того как Наполеон отправился в Египет, Австрия возобновила войну, разогнала конгресс и убила французских посланников.

Директора были категорически против условий договора Кампо-Формио, но они были бессильны. Наполеон пренебрег их позитивными инструкциями, полагаясь в своей поддержке на энтузиазм, с которым французы приветствовали бы мир. Его расчеты оказались верными. Нация в целом приветствовала этот договор с такой же радостью, как и его победы. Это казалось окончательным триумфом и постоянным установлением нового порядка. Против столь сильного течения в пользу Бонапарта Директория не рискнула плыть.

Отправляясь в Париж 17 ноября 1797 года, Наполеон проехал через часть Швейцарии, где он поощрял демократическое движение, которое привело к образованию Гельветийской республики. В Женеве и Лозанне ему устроили всенародные и самые сердечные овации. Он появился в Раштадте, где заседал конгресс, и пробыл там ровно столько, чтобы обменяться ратификациями договора Кампо-Формио с Кобенцелем, а также с гектором, оскорбить и прогнать графа Ферсена, старого друга Марии-Антуанетты. Граф Ферсен прибыл в качестве шведского посланника, и Наполеону его присутствие показалось неуместным, как, возможно, и было.

ГЛАВА XV

Военные критики сходятся во мнении, что итальянская кампания была шедевром; и многие говорят, что сам Наполеон никогда не превзошел ее. Пожалуй, ни в какое другое время он не был таким человеком, каким был в тот ранний период. Ему предстояло завоевать свои шпоры, утвердить свою славу. Честолюбие, жажда славы, его молодость, напряженная деятельность ума и тела, стимул к смертельной опасности - все это составляло комбинацию, которая больше не существовала. До последнего отличный работник, он, вероятно, никогда не был на дыбе так, как в этой кампании. В Италии он все спланировал и проследил за выполнением. Он маршировал со своими войсками днем и ночью, в хорошую погоду и в ненастье. Он разделял опасности, как простой солдат, наводя пушки, возглавляя атаки, сдерживая отступление, идя на большой риск в разведке. Несколько дней подряд он обходился без еды, сна и крова. Лошади падали под ним, кто от ран, кто от усталости. Он маршировал всю ночь перед битвой при Риволи, руководил своими войсками во время битвы, сам скакал галопом, чтобы доставить поддержку в критические моменты; а затем, в два или три часа дня, когда Альвинчи был разбит, он выступил на помощь Серюрье, снова маршировал всю ночь и снова руководил битвой — битвой при Ла Фаворите. Это был лишь один пример; были десятки других, некоторые даже более примечательные. Ибо Наполеон, казалось, никогда не уставал: разум и тело были подобны машине. Он был худым, выглядел болезненным и действительно страдал кожной болезнью, подхваченной у погибшего каноника в Тулоне; но его мускулы были стальными,

выносливость феноменальной, жизненная сила неиссякаемой. Впечатление, которое он произвел на одного внимательного наблюдателя в тот период, выразилось в словах “маленький тигр”.



ЖОЗЕФИНА В 1800 ГОДУ

С пастели П. П. Прудона

Неумолимо маршируя и сражаясь со своими людьми, он так же тщательно следил за надлежащим обращением с ними. Он был неутомим в своих усилиях обути, одеть, накормить их должным образом; когда они болели или были ранены, он удваивал свое внимание. Как бы ни был он подавлен работой и ответственностью, он находил время писать письма с

соболезнованиями скорбящим, тем, кто потерял мужей, сыновей или племянников на его службе. Быстро осуждая и наказывая небрежность, глупость или трусость, он с такой же готовностью признавал и вознаграждал бдительность, интеллект и мужество. Он уволил генерала Валлетта на поле боя, но Рампона, Мюрата, Жюно, Мармона, Бессьера, Ланна и сотни других он отобрал из рядов и поставил во главе. “Мне стыдно за тебя. Ты больше не заслуживаешь служить в армии. Пусть на ваших цветах будет написано: ‘Они больше не принадлежат армии Италии’”. Таким суровым тоном он обратился к войскам Валлетта, которые слишком много бегали по сравнению с боевыми действиями. Солдаты были в отчаянии. Кто-то стонал, кто-то плакал; всем было стыдно. “Испытайте нас снова, генерал. Нас представили неверно. Дайте нам еще один шанс, генерал!” Наполеон смягчился, заговорил так, как подсказывал его несравненный такт, и в последующих сражениях ни одно войско не сражалось лучше, чем это.

Полный военный гений Наполеон проявил в ходе кампании: виртуозные планы, совершенство деталей, проникновение в планы противника, сокрытие своих собственных, быстрый марш, осторожные маневры, бесстрашие в бою, абсолютное самообладание, здравый смысл, несгибаемую силу воли, способность внушать своей армии уверенность, а врагу почти суеверный ужас.³ После битвы при Лонато произошел инцидент, засвидетельствованный Мармоном и Жубером, который читается как вымысел. Наполеон с тысячей сотнями человек находился в Лонато, готовясь к другому сражению. Четырехтысячная австрийская колонна, сбита с толку всеобщей неразберихой, заблудилась по соседству, и несколько крестьян сообщили ей, что в этом месте находится всего тысяча двести французов. Австрийцы двинулись вперед, чтобы захватить этот отряд, и послали повестку. Наполеон приказал привести герольда с завязанными глазами. Когда повязку сняли, герольд оказался в присутствии Наполеона, вокруг которого стоял его блестящий штаб. “Что означает эта дерзость? Требовать моей капитуляции посреди моей армии? Идите и скажите своему командиру, что я даю ему восемь минут на то, чтобы сложить оружие”. И у австрийского командующего было достаточно времени, когда была произведена капитуляция его четырех тысяч человек.

³Любопытное замечание, сделанное Наполеоном на острове Святой Елены, заключалось в том, что вся его военная карьера не научила его ничему о битве, чего он не знал в то время, когда участвовал в своем первом сражении; последующие кампании научили его не больше, чем первая.

Именно в этот период Наполеон развил в себе удивительное очарование манер. Подобно тому, как он мог запугать нахмуренными бровями, резким тоном, свирепыми взглядами и резкими словами, он мог очаровать самой сладкой из улыбок, самыми добрыми взглядами, самыми ласковыми словами. Если он хотел понравиться, он, как правило, мог это сделать; если он хотел напугать, ему редко это удавалось. Уже были сотни молодых офицеров, которые присягали ему, жили ради его похвалы и были готовы умереть за него. Мюиرون так и сделал; Ланн, Жюно, Мармон, Бессьер, Бертье, Мюрат были так же готовы. Что касается самой армии, то Цезарь никогда так полно не владел сердцем Десятого легиона, как молодой Наполеон сердцем армии Италии. Его солдаты не жаждали большей награды, чем его похвальных слов. Его воззвания опьяняли их, как крепкое вино. Они были готовы отважиться на все, вытерпеть все, чтобы угодить ему, завоевать его улыбку, носить его великолепную дань уважения. “Я был спокоен; Тридцать второй был там”, - и восхищенный полк вышел эти слова на своем знамени. “Грозный Пятьдесят седьмой” гордился тем, что видел на своем знамени боевое название, данное им их

“Маленьким капралом”; точно так же, как в Тулоне он наполнил самую незащищенную батарею людьми, вывесив надпись “Батарея тех, кто не боится”.

Планируя, исполняя, маршируя, сражаясь, организуя новые государства, Наполеон по-прежнему оставался пылким любовником. Жозефиной он никогда не пренебрегал. Курьер мчался за курьером, доставляя Жозефине короткие, торопливые, страстные любовные послания. Он испытывал все эти стрессы и бури, часто мерз, пронизывался зимними дождями, продувался зимними ветрами, был голоден, перегружен работой и заботами, но ни на день не забывал свою невесту. В Париже она купалась в роскоши — тепло, свет, удовольствие, радостная непринужденность и дружеское общение окружали ее; и она смеялась над любовными письмами, считая их дикими, грубыми, экстравагантными. “Бонапарт такой странный!”

В июне 1796 года Наполеона заставили поверить, что Жозефина по праву может стать матерью. Его восторгу не было предела. Письмо, которое он тогда написал ей, несомненно, является самыми пылкими, неистово нежными каракулями, когда-либо написанными. Беспристрастному читателю это внушает убеждение, что этот странный человек обладал возвышенным отцовским духом в его самой героической форме; и что, будь он подходящей парой, его развивающийся характер достиг бы совершенной гармонии и равновесия. Это было в его характере - находить изысканное удовольствие в домашней жизни; это в его характере - ласково склоняться над женой и ребенком, находить у камина покой и счастье. Как бы то ни было, его брак стал одной из причин его разорения. В Жозефине он не нашел ни верности, ни сочувствия высшего сорта, и она не родила ему детей. Она заморозила его горячую привязанность тем поверхностным дружелюбием, которое улыбалось ему так же, как и всем остальным. Она оскорбила его лучшие чувства своей неверностью. Она разрушила его энтузиазм, его надежды, его идеал чистой и возвышенной женственности. Он слишком долго ждал от нее детей. Его характер, неразвитый с этой стороны, ожесточился до имперских черт, пока он сам не стал рабом политической необходимости. Второй брак и сын, которого он боготворил, произошли слишком поздно.

Наполеон, муж-любовник, бросивший свою невесту через сорок восемь часов после свадьбы, неоднократно умолял ее присоединиться к нему в штаб-квартире. Жозефина не собиралась подчиняться: Париж был слишком восхитителен. Под разными предлогами она задержалась и добралась до Италии только в июле 1796 года.

Прибыв в Милан, она была восторженно встречена Наполеоном и обнаружила, что итальянцы относятся к ней почти как к королеве. Она жила во дворце, окруженная роскошью, и ей льстило внимание толпящихся придворных. Шли месяцы, она переезжала с места на место, разделила некоторые опасности кампании и благодаря своей грации, дружелюбию и такту добилась многих побед, полезных ее многогранному господину. Одно завоевание она совершила для себя, а не для своего господина. Некий офицер по имени Гиполит Шарль, приписанный к штабу Леклерка, был молод, красив, галантен — *такой* контраст с бледным, изможденным, нескладным, страдающим кожными заболеваниями Наполеоном! Жозефина смотрела на Чарльза и находила его приятным. Муж, поглощенный войной и бизнесом, часто отсутствовал. Чарльз не был поглощен войной, присутствовал и не был Джозефом. Здесь были молодость, склонность, возможность — и прежний результат. Разразился скандал, сестры Наполеона подняли пронзительный крик, муж услышал историю, и Чарльз присоединился к отсутствующим. Некоторое время считалось, что Наполеон прикажет его расстрелять, но,

очевидно, была какая-то неопровержимая причина для обратного. Он уехал в Париж и получил хорошую должность — по слухам, под влиянием Жозефины.

Если Наполеон был властным в школе, тираном в детстве, своевольным и неукротимым, когда оставался без работы и ему угрожала голодная смерть, то как Директора могли обуздать его сейчас? Насколько естественным для него казалось командовать среди солдат, настолько же естественным для него было обращаться с королем, герцогом и папой как с равными, устанавливать закон национальных отношений и создавать новые правительства в Италии. Он принял власть как нечто само собой разумеющееся, и его принятие власти нигде не подвергалось сомнению. “Благослови меня господь! Я был создан таким”, - воскликнул Наполеон. “Для меня естественно командовать”.

Директора с радостью уволили бы его, потому что они сомневались, не любили и боялись его; но они не осмеливались встретиться лицом к лицу с ним и Францией по такому вопросу. Он грубо нарушал их политику и инструкции, а они ничего не могли поделать. Они думали послать Келлермана, фактически назначили его разделить командование; Наполеон категорически заявил, что командование не может быть разделено, и Келлерману пришлось отправиться в другое место.

Они послали генерала Кларка в качестве агента для ведения переговоров, заключения договоров и общего надзора за делами. Наполеон сказал Кларку: “Если вы пришли сюда, чтобы повиноваться мне, хорошо; но если вы думаете помешать мне, то чем скорее вы соберете вещи и уедете, тем лучше”. Кларк обнаружил, что полностью отстранен от себя и превратился в ничто. Сама Директория, напуганная тоном Наполеона, фактически написала Кларку, что он не должен выступать против властного главнокомандующего.

На местах были официальные уполномоченные, Саличетти и другие. Какими могущественными и внушающими страх были эти уполномоченные раньше! Разве Наполеон не ухаживал за ними и их женами со всей надменной лстивостью гордой натуры, которая опускается до завоевания? Теперь он больше не будет унижаться; он победил. Саличетти и компания нагнулись; и когда, наконец, их действия вызвали неудовольствие завоевателя Италии, он приказал им убираться.

Миланская область, историческая Ломбардия, была первой провинцией, которую он преобразовал в республику. Здесь он познакомился с графом Мельци, едва ли не единственным человеком, которым могла похвастаться Италия. Работая с Мельци и другими, была создана Транспаданская республика — детище ума и энергии Наполеона.

Впоследствии, когда распространился либерализм и папское иго было сброшено, Болонья, Реджо, Феррара потребовали создания республиканских институтов. Мечта об итальянском единстве начала воплощаться в реальность.

Модена подхватила заразу; ее скупой герцог уже сбежал, прихватив свое сокровище. Он не уплатил 500 000 франков штрафа; и, воспользовавшись этим предлогом, Наполеон удовлетворил ходатайства народа, объединил Модену с папскими миссиями и дал организацию в соответствии с либеральной конституцией Чиспаданской республике. Позже две республики были объединены в одну и стали Цизальпийскими.

Вслед за победоносной армией крались голодные мирные жители, искатели приключений, ищущие наживы, стервятники, набрасывающиеся на тушу. Это был праздник подрядчика, спекулянта, мошенника, грабителя, воришки. Наполеона приводило в ярость видеть себя окруженным ордой подражателей, ничтожных грабителей, делающих в малом масштабе, не рискуя вступать в бой, то, что он делал с размахом, после честного боя. Солдат, которые навлекли скандал на армию слишком известным грабежом, он мог застрелить, и стрелял; его возмущали ограничения власти, которые удерживали гражданских пиратов от расстрела.

Косвенным результатом побед Наполеона в Италии стала потеря Корсики Англией. Правление Британии не понравилось корсиканцам и не принесло какой-либо особой пользы Англии. К концу 1796 года островитяне подняли восстание, и англичане ушли. Корсика снова стала провинцией Франции.

ГЛАВА XVI

5 декабря 1797 года Наполеон вернулся в Париж. Тщательно следя за эффектом, он избрал линию поведения, наиболее рассчитанную, как он думал, на сохранение своей репутации и разжигание общественного любопытства. Он был полон решимости не стеснять себя своим присутствием. Не выставляя себя напоказ и избегая банальных демонстраций, он снял свою униформу, надел скромную одежду члена Института, в который он был избран вместо Карно, укрылся в уединении своего дома и поддерживал общество ученых, писателей, учительниц и некомбатантов в целом. Когда он выезжал из дома, то как частное лицо, в запряженном двумя лошадьми экипаже, без присмотра помощников или эскорта. Он скромно посещал собрания Института, а на публичных мероприятиях его можно было встретить на своем месте, в своем классе, среди ученых, как будто теперь он сосредоточился на литературе и собирался написать книгу. Его брат Жозеф рассказал, что честолюбивым намерением Наполеона было остепениться и вести себя тихо, наслаждаться литературой, друзьями и, возможно, роскошью должности мирового судьи. Должно быть, это было странное зрелище - наблюдать, как маленький корсиканец выставляет себя напоказ как простодушный литератор; очень сомнительно, чтобы многие были введены в заблуждение его преувеличенной скромностью. Те, кто занимал высокое положение и обладал властью, люди, с которыми ему предстояло сражаться и победить, ни на секунду не были обмануты. Они подозревали его, боялись и наблюдали за ним. Подготовиться к нему они не могли, потому что у них не было средств. Он не сказал и не сделал ничего такого, чего бы они не одобрили; с сердцами, полными отвращения, с лицами, более или менее перекошенными, они одобряли даже тогда, когда их инструкции были нарушены. Они не могли схватить его грубой силой или убрать с дороги. Они были слишком слабы; он слишком силен. Он был кумиром как солдат, так и гражданских; директора не были ничьими кумирами. Они не могли даже отравить его или заколоть, потому что он был настороже именно из-за этого. Вскоре после своего возвращения в Париж он получил предупреждение о заговоре с целью его отравления; он приказал, чтобы предьявитель записки сопровождался судьей в дом женщины, которая сообщила эту информацию, и она была найдена мертвой на полу с перерезанным горлом и изуродованным телом. Потенциальные

убийцы, несомненно, обнаружили ее предательство по отношению к ним и таким образом отомстили и обеспечили свою собственную безопасность. После такого происшествия Наполеон был не из тех, кого можно застать врасплох; и было замечено, что на официальных банкетах, на которые его приглашали, он либо ничего не ел, либо слегка перекусывал вином и хлебом, принесенными одним из его помощников.

Директория устроила ему в свое время грандиозный общественный прием в Люксембургском дворце, на котором присутствовало огромное количество людей и который был настолько внушительным, насколько это могли обеспечить пышность церемонии и неподдельный энтузиазм народа. Но роль, сыгранная Директорией и Талейраном, была театрально преувеличена и придавала всему происходящему оттенок напыщенности и неискренности.

Что теперь должен делать Наполеон? На Континенте воцарился мир; он был слишком молод для места в Директории, и если бы он оставался в Париже слишком долго, Франция забыла бы его. Так рассуждал Наполеон, самый нетерпеливый из людей. Очевидно, рассуждения были необоснованными; они были продиктованы только его лихорадочной, конституциональной потребностью действовать. Не было никакой опасности, что он потеряет известность или значимость во Франции. Существовала опасность, что его отождествят с какой-либо партией, но даже эта опасность была преувеличена. Каким бы проницательным и холодно расчетливым он ни был, партия, которую он выбрал бы, если бы вообще счел нужным ее выбрать, вероятно, была бы самой сильной, а политический успех приходит к этому в долгосрочной перспективе.

Он был слишком нетерпелив на Корсике в своей прежней борьбе; там он оттолкнул мудрого и милого Паоли, который хотел быть его другом, но не мог сочувствовать его слишком жестокому, слишком эгоистично честолюбивому характеру. Он был слишком нетерпелив, чтобы преуспеть во Франции, и был опасно близок к тому, чтобы потерять голову как террорист после падения Робеспьера. Слишком стремясь к общественному признанию и независимому военному командованию, он попал в сети Барраса и сомнительной авантюристки, от которых Режиссер-распутник устал, и поспешил вступить в брак, который оказался роковым для него как мужчины и монарха. Та же лихорадочная спешка снова овладела им, и ей предстояло продолжать овладевать им все дни его жизни, пока его последний преждевременный бросок с Эльбы не привел его через кровавые ворота Ватерлоо в тюрьму на суровой скале Святой Елены.

Как могли несколько месяцев затишья в Париже запятнать его славу? Разве он не видел, как сердце либерализма во всей Европе прониклось теплотой к Паоли, — время пришло, — хотя патриот-изгнанник двадцать один год спокойно сидел у английского камина?

Кто во Франции мог опередить Наполеона за один год, два года, десять лет? Гош был мертв, Моро в опале, Журден под облаком поражения, Ожеро на полке, Карно в изгнании, Пишегрю изгнан. В Справочнике не было ни одного человека, который мог бы доставить ему хоть малейшее беспокойство.

Но Наполеону казалось абсолютно необходимым, чтобы он принимал активное участие — публично и как хозяин. Он не мог добиться изменения закона, чтобы стать директором; он не мог рисковать подвергнуться нападкам в Директории. *Эта* груша еще не созрела. Он хотел, чтобы его отправили в Раштадт, чтобы уладить там дела, но Директория выбрала другого человека. Наполеон, возмущенный пренебрежением, слишком часто угрожал уйти в отставку. Директор (одни называют его Ребелл, другие - Ларевельер) вручил ему ручку с вызовом:

“Напишите это, генерал!” Вмешался Мулен, и Наполеон начал отступление, на время поставив мат.

Очевидно, в качестве последнего средства была запланирована экспедиция в Египет, и Наполеон, и Директория сердечно согласились в одном — что для него лучше всего на некоторое время покинуть Францию.

Нападение на Египет само собой напрашивалось как фланговое движение против Англии. Эта идея возникла не у Наполеона; она была знакома с внешней политикой Франции и неоднократно выдвигалась королями Бурбонов. С его пристрастием к Востоку, чье смутное, таинственное величие и бесконечные возможности никогда не переставали очаровывать его, часто отвергаемый план стал для Наполеона желанным развлечением. Скрывая свой замысел под предлогом прямого нападения на Англию, он направил все свои силы на подготовку к вторжению в Египет. Номинально принадлежавший Турции, древнему союзнику Франции, Египет на самом деле находился под властью мамлюков, военной касты, которая со временем развилась из личной телохранительницы Саладина. Правление мамлюков было суровым и деспотическим; они мало уважали религию и совсем не уважали закон; и Наполеон думал, что, сказав султану, что он свергнет мамлюков в интересах султана, в то время как он уверял подвластных египтян, что пришел освободить их от мамлюкской тирании, он обманет и султана, и египтян. Так получилось, что он не обманул ни того, ни другого.

Частью плана, согласованного Наполеоном и Директорами, было то, что Талейран должен отправиться в Константинополь и склонить султана к нейтралитету, если не к чему-то более благоприятному. С этим пониманием Наполеон собрал лучших генералов, лучшие войска, лучшие суда, проверил склады, опустошил директорскую казну и даже позаимствовал у Института его лучших ученых и 18 мая 1798 года бросил якорь в Тулоне, направляясь в Александрию. Хитрый Талейран не поехал в Турцию, по-видимому, никогда и не собирался туда ехать, и эта часть плана провалилась с самого начала. Английские дипломаты овладели султанским разумом, и то, что они увидели, увидел и наследник Пророка. Чтобы спастись от движения, которое угрожало ей на Востоке, Великобритания потеплела к неверным, забыла обеты и традиции крестоносцев, руководствовалась советами неверных, удовлетворяла нужды неверных и наводила оружие неверных. Таким образом, с того дня, как Наполеон отплыл, против него были направлены все ресурсы Англии, вся мощь османского оружия, вся сила мамлюкского сопротивления, все разочарование от враждебности коренных египтян.



НАПОЛЕОН

С картины Поля Делароша “Генерал Бонапарт переходит Альпы”

Чтобы вообще добраться до Египта, ему было необходимо подвергнуться крайнему риску встречи с британским флотом. После победы Англии над испанскими союзниками Франции у мыса Сент-Винсент (февраль 1797 г.) и над голландцами при Кампердауне (октябрь 1797 г.) Франция осталась без военно-морской поддержки. В морском сражении между ней и Англией все преимущество было бы на стороне ее врага. Сознывая это, Нельсон сделал все возможное, чтобы встретить Наполеона во время его плавания, и два флота встретились друг с другом однажды ночью; но редкая удача улыбнулась Наполеону, и Нельсон упустил свою добычу.

Захват Мальты был частью плана Наполеона. Эта островная крепость принадлежала рыцарям Святого Иоанна, запоздалому остатку древних рыцарских орденов, созданных с целью освобождения Палестины от неверных. Эти воины Креста пережили злые дни и поступки; их доспехи действительно сильно заржавели, их знамена покрылись пылью, их шпоры были очень, очень холодными. В мире, где наступило новое устройство, рыцари были мрачно, несколько нелепо неуместны. Спросили, что вы здесь делаете? Что вы намерены делать? Каково ваше оправдание того, что вы не умерли? рыцари онемели бы от изумления. Вразумительный ответ был невозможен. Расположившись лагерем там, в месте силы и красоты, крепости, окруженной Средиземным морем, они, теоретически, были форпостом христианского мира против неверных. Теоретически христианский мир все еще был полон решимости воспитать чемпионов, которые пошли бы по стопам Годфри, Танкреда, Ричарда Львиного кера. Теоретически христианский мир никогда не собирался успокаиваться, пока гробница Иисуса не будет искуплена, пока тень Магомета не будет изгнана со Святой Земли. И так случилось, что рыцари остановились на Мальте давным-давно, опираясь на свое оружие, до тех пор, пока христианский мир не пробудится и не пошлет подкрепление. Время так и не пришло. Рыцари ждали, но крестоносец Европы отправился домой, чтобы остаться. Раз за разом, по мере того как медленно ползли столетия, Церковь поворачивалась во сне и бормотала что-то о гробнице Христа; но Церковь говорила только во сне, а рыцари продолжали ждать. Время от времени король, внезапно осознавший тот факт, что он очень большой негодяй, должен в конце концов умереть, вероятно, попадет в ад, и поэтому ему нужно было искупить свою вину за счет неверных, давал великую клятву возобновить крестовые походы; но такие клятвы не приносили плодов; приступ раскаяния проходил, и рыцари продолжали ждать. На самом деле, это было не так уж тяжело для них. У них был королевский дом, королевская казна, королевское положение и святость. Они вели приятную жизнь; они носили железные доспехи и носили шелка, бархат и другие драгоценные ткани, более подходящие к телу, чем металлические пластины. Они полюбили такие вещи, как вкусная еда, веселые развлечения, улыбки и благосклонность прекрасных дам, а также сладость ничегонеделания в целом.

Мальту защищали такие упаднические борцы, и она была легко захвачена таким человеком, как Наполеон Бонапарт. Возможно, имел место подкуп; несомненно, имел место сговор, и оказанное сопротивление было лишь номинальным. Генерал Каффарелли, вероятно, выразил общее мнение, когда сказал, оглядывая огромную мощь крепости: “Нам повезло, что кто-то впустил нас”.

Оставив гарнизон под командованием Вобуа удерживать крепость, Наполеон снова отплыл в Египет.

Нельсон метался туда-сюда, ведя отчаянную охоту, надеясь напасть на переполненные французские суда и потопить их. Штормы, туман, неудачные догадки и наполеоновская удача сражались против англичан, и они полностью упустили свою добычу. Наполеон поспешно высадился близ Александрии 2 июля 1798 года, двинулся на город и легко захватил его. После короткого отдыха армия кратчайшим путем направилась к Каиру. Солнце было ужасно жарким, пустыня - невыносимой пыткой, воду было почти невозможно достать, продовольствия не хватало, а перестрелки врага из-за песчаных холмов, скал или корявых кустарников затрудняли марш, отрезая каждого отставшего. Солдаты горько жаловались, сравнивая эту знойную пустыню с плодородной красотой итальянских равнин. Даже генералы впали в уныние, возмутились, почти взбунтовались. Такие люди, как Мюрат и Ланн, швыряли на землю свои

шляпы с плюмажами и тесьмой, топтали их и проклинали день, который привел их в этот бесплодный Ад.

Простые солдаты с горечью вспоминали обещание Наполеона, что каждый из них заработает на кампании достаточно, чтобы купить семь акров земли. Была ли эта пустыня достойным образцом земли, которую они должны были получить? Если да, то почему ограничение в семь акров?

Наконец-то трудный поход закончился, мы достигли Нила, а затем наступило облегчение в битве и легкая победа. Мамелюки были великолепными наездниками, возможно, лучшими в мире; но у них не было пехоты и артиллерии, достойных этого названия. В руках Наполеона они были детьми. Битва с мамелюками была тренировкой по стрельбе по мишеням, во время которой французские стрелки на пустом месте выбивали из седел простодушных мамелюков, возомнивших, что с лошадьми они могут все.

Во всех имевших место сражениях тактика французов была одинаковой: “Построиться в каре: ученые и ослы в центр”. Затем, пока поклажа, ученые мужи и длинноухие ослы надежно стояли в рядах, непрерывный мушкетный и пушечный огонь опустошил седла героев пустыни.

Видеть, как мамлюки с грохотом бросаются в атаку, было великолепно; видеть, как они падают на песок, так и не сумев добраться до французов, было жалко.

После стычки при Шебрейсе, в которой мамлюки были отброшены без каких-либо трудностей (13 июля), произошло столкновение, известное как битва при пирамидах (21 июля), о котором сейчас вспоминают главным образом как о том, во время которого Наполеон драматически воскликнул своим войскам, когда они готовились к битве: “Солдаты, вон с тех пирамид на вас смотрят сорок веков!” Подзорная труба открыла ему тот факт, что артиллерия противника состояла из орудий, взятых с их флотилии на реке. Эти орудия не были установлены на лафетах, как полевая артиллерия, и поэтому их нельзя было перемещать по своему усмотрению во время боя. Это подсказало ему изменение в его собственной диспозиции. Оставив часть своей армии разбираться со стационарной артиллерией и пехотой, которая занимала слабые укрепления на песчаном берегу, он приказал другой части выйти из зоны действия орудий с целью бросить против мамелюкской конницы свою собственную кавалерию при поддержке пехоты и артиллерии. Мурад Бей, главнокомандующий противоборствующей армией, воспользовался моментом, когда Наполеон вносил это изменение, чтобы бросить против него семитысячную армию мамелюков-всадников численностью. Это могучее войско обрушилось на дивизию Дезэ, когда она находилась в движении и, следовательно, не была готова к кавалерии. На мгновение французы, по крайней мере, часть этой колонны, оказались в опасности. Однако ветераны Дезэ так быстро построились в каре, так быстро Наполеон осознал опасность и послал помощь, что исход сражения не вызывал особых сомнений. Лагерь арабов был взят штурмом, мамелюкская кавалерия перебита; и, нанеся врагу потери, исчисляемые десятками тысячами человек, французы имели всего десятка два убитых и сто двадцать раненых.

Держава мамлюков была сокрушена битвой при Пирамидах, и завоевание Египта было практически завершено. В течение нескольких дней французы ловили рыбу в Ниле в поисках мертвых мамлюков, чтобы заполучить богатства, которые эти воины носили при себе.

Прибыв в Каир, Наполеон сделал все возможное, чтобы обеспечить постоянство своего триумфа. Он добился уважения религии, законов и обычаев страны. Продолжая свою политику

обмана магометан, он провозгласил, что французы были истинными защитниками Пророка; что они наказали папу Римского и победили мальтийских рыцарей; поэтому народ Египта должен быть убежден, что они были врагами христиан.

“Мы - истинные мусульмане!” - гласило воззвание. “Разве мы не уничтожили папу римского за то, что он проповедовал крестовый поход против магометан? Разве мы не уничтожили мальтийских рыцарей за то, что они сказали, что Бог направил их сражаться с последователями Магомета?”

Он общался с влиятельными людьми страны и поощрял веру в то, что сам может стать мусульманином. По правде говоря, Наполеон очень восхищался Магометом и никогда не стеснялся говорить об этом ни тогда, ни позже. В классификации книг своей личной библиотеки, составленной им самим, он сгруппировал под одной рубрикой Библию, Коран, Веды и мифологию, а также "Дух законов" Монтескье. Он перечислил их на уроке политики и морали. Он напомнил своим солдатам, что римские легионы уважали все религии. Он не напомнил им, что римские правители считали все религии одинаково полезными для целей управления; и что римские философы рассматривали их всех в равной степени как сыновей и дочерей этой первобытной пары, Страх и Обман — страха перед неизвестным и обманом, который практикуется с его помощью.

Наполеон обнаружил, что магометанские священники так же стремились обратить его в свою веру, как христианские священники стремились захватить Константина и Хлодвиг. Как в том, так и в другом случае священники были готовы пойти на компромисс с вероучением, чтобы привлечь новообращенного. Наполеон сам не совсем присоединился к верующим, но он одобрял отступничество генерала Мену и демонстративно соблюдал магометанские праздники.

И Наполеон, и Бурьен отрицали, как утверждают другие, что он зашел в мечеть, сел, скрестив ноги, на подушку среди верующих, бормотал стихи из Корана, как это делали они, и вертел головой и туловищем, как подобает хорошему мусульманину. Если он этого не сделал, то лишь потому, что считал, что этот поступок не компенсирует ему причиненных хлопот и насмешек. Впоследствии он сделал примерно столько же для христианской религии, и вера имела не больше отношения к его поведению в одном случае, чем в другом.

Как он зашел с якобинцами дальше, чем было приятно вспоминать, так и с магометанами он, вероятно, зашел дальше, чем хотел признать; ибо он определенно убедил духовенство делать то, что было запрещено Кораном, если только он не был обращенным. Они официально приказали людям повиноваться ему и платить ему дань. Также нет никаких сомнений в том, что лидеры среди священников любили его достаточно хорошо, лично, чтобы следить за его личной безопасностью. Сменивший его на посту командующего генерал Клебер пренебрег оказанием вождям того внимания, которым их одаривал Наполеон, а они, в свою очередь, пренебрегли им. Возможно, именно этим было вызвано его убийство.

Рассматривая Египет как колонию, подлежащую развитию, а не как завоевание, подлежащее разграблению, Наполеон уделял все внимание гражданским делам. Он реорганизовал администрацию, максимально соответствуя установившимся обычаям. Он установил печатный станок, основал литейные цеха и мануфактуры, спланировал дамбы-хранилища и каналы для увеличения пригодности почвы для обработки, организовал институт и основал газету. Он отправил своих ученых за границу копать, докапываться, выкапывать, исследовать, составлять

карты настоящего и расшифровывать прошлое Египта. Сам Наполеон использовал свой досуг для посещения исторических мест и составления планов материального прогресса погруженной во мрак страны. Он обнаружил следы древнего канала, соединявшего Нил с Красным морем, и принял решение вновь открыть его. Он сам проложил линии для новых каналов. Он перешел вброд Красное море, которым израильтяне пользовались, спасаясь от рабства, и, слишком долго оставаясь на противоположном берегу, был застигнут приливом, и его чуть не постигла участь фараона и его войска. Более хладнокровный, чем фараон, Наполеон остановился, когда осознал грозящую ему опасность, приказал своему эскорту окружить его, и каждый из них выехал наружу. Те, кто обнаружил, что погружается в более глубокие воды, отступили назад, последовав за теми, кто нашел места, доступные для брода; и этим простым маневром он лишил нуждающийся христианский мир нового текста и современного примера.

Находясь на другом берегу, Наполеон посетил Колодцы Моисея и выслушал прошение синайских монахов. По их просьбе он подтвердил их привилегии и вписал свое имя в хартии, на которых стояла подпись Саладина.

Страшный удар обрушился на него в августе, когда Нельсон разгромил французский флот в знаменитой битве на Ниле. Есть сомнения относительно того, кто был виноват в этом бедствии. Наполеон обрушил это на Брюи, французского адмирала, проигравшего сражение; и Брюи, убитого в бою, не было слышно в ответ. Он выстроил свои корабли полукругом так близко к берегу, что считал себя в относительной безопасности, поскольку был защищен сухопутными батареями на сомнительном конце своей линии.

Но Нельсон на воде был тем же, чем был Бонапарт на суше, — самым смелым планировщиком и самым отчаянным бойцом. Он поднялся на закате и не стал дожидаться утра, как ожидал Брюи. Он сразу же приступил к работе, провел рекогносцировку своего врага, задумал повернуть его линию, зайти в тыл нескольким своим кораблям и таким образом поставить французов между двух огней. Маневр был трудным и опасным, но увенчался успехом. Нельсон протаранил несколько своих кораблей со стороны суши изумленных Брюи, которые не подготовились к такому маневру. Оказавшийся между двух ужасных огней, Брюи с самого начала был потерянным человеком. Это была ночная битва, ужасная, не поддающаяся описанию. Когда все закончилось на следующий день, англичане практически уничтожили французский флот; Наполеон был отрезан от Европы. Когда эта новость дошла до него, он был ошеломлен, почти раздавлен; но, немедленно собравшись с духом, он написал Клеберу: “Англичане вынудят нас совершить в Египте нечто большее, чем мы намеревались”.

Дезэ завоевал Верхний Египет; организованное сопротивление захватчикам на время прекратилось, и Наполеон удерживал долину от водопадов до моря. Администрация начала работать слаженно, налоги казались легче, потому что распределялись более справедливо, и различные предприятия, запущенные Наполеоном, начали понемногу оживать. Он набрал туземцев в свою армию и сформировал отряд мамлюков, который впоследствии так живописно появился во Франции. Два молодых мамелюка, Рустан и Ибрагим, подаренные ему одним из пашей, стали его личными слугами и верно служили ему, пока его власть не была свергнута в 1814 году.

Гибель флота была не единственным горем Наполеона в последующие месяцы. Жюно сыграл роль искреннего друга и раскрыл Наполеону тайну измены Жозефины. Капитан Гиполит Чарльз снова появился в отсутствие мужа и теперь жил с женой в Мальмезоне. Эта связь

поддерживалась настолько открыто, что режиссер Гойе, друг Жозефины, посоветовал ей развестись с Наполеоном и выйти замуж за Шарля. Первое потрясение от откровения Жюно повергло Наполеона в пароксизм гнева, затем в ступор отчаяния и тупого отвращения ко всему. Затем, повинуясь реакции, естественной, возможно, для человека с его темпераментом, он предался распутным излишествам. До этого периода его мораль, учитывая времена и искушения, была удивительно чистой. С тех пор он время от времени позволял себе вольности, которые шокировали даже французских офицеров. Презирая уловки и сокрытие, он стал таким же смелым, как любой прирожденный король, распутником по божественному праву, в бесстыдстве своих любовей. Он появился на публике в Каире со своей любовницей мадам Фурье, ехавшей рядом с ним в экипаже; и если Буррьен говорит правду о Наполеоне, а Карлайл не лжет о Петре Великом, то первый был примерно таким же непристойным, как и второй, пока преобладал похотливый импульс.

ГЛАВА XVII

Несмотря на то, что Наполеон тщательно культивировал местные власти, подчинялся предрассудкам и обычаям и поддерживал дисциплину, сопротивление местных жителей французскому правлению, по-видимому, было сильным. Восстание в Каире застало его врасплох. Муэдзины проповедовали об этом с минарета, ежедневно призывая к молитве. Оно вспыхнуло с внезапной яростью, и многие французы были убиты в Каире и окрестных деревнях. Наполеон быстро и с ужасающей жестокостью подавил его. Восстание, последовавшее за всеми его попытками примирения, наполнило его негодованием, и в отместку он не оставил ничего незавершенного, чтобы вселить ужас в души арабов. Повстанцы были безжалостно расстреляны или обезглавлены. На общественную площадь пригнали караваны ослов с мешками, и когда мешки были развязаны, на землю выкатились человеческие головы — страшное предупреждение для наблюдавших за происходящим туземцев. Такова война, таково завоевание. Победенный должен быть укрощен. По этому принципу действовали человек без религии Наполеон в Египте и солдат-христианин Хэвелок в Индостане. Англичане-христиане, подавившие мятеж в Индии, были так же глухи к человечности, как и деисты, подавившие восстание в Каире. Как и любая жестокость, ущерб от которой действительно ощущает общество, преступление кроется в системе, а не в индивидууме. Война есть война; и до тех пор, пока христианский мир нуждается в войне, чтобы осуществлять таинственные пути Божьи, мы должны довольствоваться как шипами, так и плодами. Если частью бремени белого человека было уничтожение черной, коричневой и желтой рас, чтобы расчистить путь тому, что мы называем христианской цивилизацией, то курс Наполеона в Египте был умеренным и гуманным. На все его деяния могли бы попросить благословения проповедники, которые подстрекали солдат Америки, Великобритании, Германии, России в войнах 1900 года; и капелланы, которые за хорошее жалованье ходили молиться за тех, кто расстреливал филиппинцев, китайцев или даже южноафриканских буров, с таким же успехом могли бы благочестиво санкционировать массовые убийства, совершенные Бонапартом.

Вдохновленные результатом битвы на Ниле, Англия, Турция, мамлюки и арабы предприняли большие приготовления, чтобы изгнать Наполеона из Египта. Турецкая армия должна была быть отправлена с Родоса; Ахмет, паша Акры, по прозвищу Джеззар, Мясник, собирал войска в Сирии, а коммодор сэр Сидни Смит крейсировал у побережья, готовый помочь туркам, мамлюкам и арабам в борьбе с французами. Сэр Сидни был политическим заключенным в Париже, недавно совершил побег, и в этом ему помогал старый школьный товарищ Наполеона Фелиппо. Следуя за сэром Сиднеем на Восток, Фелиппо, роялист, теперь был под рукой, готовый выступить против республиканской армии Наполеона и способный оказать туркам ценную услугу. Нет никаких свидетельств того, что им двигала личная ненависть к Наполеону. Они недолюбливали друг друга в школе и пинали друг друга по голени под столом; но как мужчины они встали на разные стороны в вопросах политики или принципа, и именно это теперь настроило их друг против друга.

Неизменным правилом Наполеона было предвосхищать своего врага, и теперь он двинулся маршем в Сирию, чтобы сокрушить Джеззара до того, как сможет прибыть турецкая армия с Родоса. Оставив Десо, Ланусса и других лейтенантов удерживать Египет, он выступил с основной армией 11 февраля 1799 года. 20 февраля 1799 года был взят Эль-Ариш, за ним последовала Газа. Следующей была Яффа, древняя Иоппия (6 марта), и ее название всегда будет ассоциироваться с ужасным событием. Арабы, вынужденные сдаться, обезглавили французского посланника. Место было взято штурмом, и войска сменились необузданной распушенностью и резней. Резня продолжалась так долго и была такой отвратительной, что Наполеону это надоело, и он послал своего пасынка Эжена и еще одного адъютанта, Круазье, положить ей конец. Как он утверждал, он имел в виду, что они были посланы для спасения мирных жителей — стариков, женщин и детей. Он не имел в виду, что они спасали солдат, ибо по мягким правилам войны все защитники места, взятого штурмом, могли быть убиты. Неправильно понимая Наполеона или не зная правил игры, Эжен и Круазье приняли капитуляцию трех или четырех тысяч арабских воинов и привели их в штаб-квартиру. Как только Наполеон, проходя перед своей палаткой, увидел приближающихся пленников, он горестно воскликнул: “Зачем они приводят ко мне этих людей? Что мне с ними делать?” Эжен и Круазье получили строгий выговор, и он снова спросил: “Что мне делать с этими людьми? Зачем вы привели их сюда?”

Исходя из предполагаемой необходимости дела, нехватки продовольствия, чтобы накормить их, или судов, чтобы отправить их восвояси, военный совет единогласно постановил, что они должны быть расстреляны. С большой неохотой, дождавшись до тех пор, пока ропот войск не перерос в бунт, Наполеон сдался, и пленников вывели на берег и устроили резню. Никто не может отрицать, что это был ужасно жестокий поступок; но варварство заключалось в ситуации и системе, а не в личности. Сам Наполеон не был ни кровожадным, ни бесчеловечным. Последнее, что он сделал перед тем, как покинуть Францию, было осуждение жестокости властей по отношению к эмигрантам, которые не были комбатантами. Его прокламация, которая действительно призывала солдат к неповиновению жестокому закону, завершалась громким заявлением: “Солдат, который подписывает смертный приговор человеку, неспособному носить оружие, - трус!”

Вынося суждение о Наполеоне, мы должны придерживаться некоторого стандарта сравнения; мы должны знать, какие были военные прецеденты и какова нынешняя практика. Через три дня после битвы при Каллодене герцог Камберлендский, узнав, что поле боя усеяно ранеными

горцами, которые все еще были живы — несмотря на дождь, солнце и агонию от незаживающих ран, — вывел свою королевскую особу и свою королевскую армию обратно на поле боя и хладнокровно перебил всех, кто там лежал. Амбар недалеко от поля битвы был полон раненых шотландцев; королевский герцог поджег его, и все, кто находился внутри, сгорели заживо.

Во время завоевания Алжира в 1830 году французский военачальник, роялист, наткнулся на множество арабов - мужчин, женщин, детей, — которые укрылись в пещере. Он развел костер у входа в пещеру и выкурил их всех до смерти.

В 1900 году русские, немцы и другие христиане вторглись в Китай, чтобы наказать язычников за варварство, совершенное по отношению к христианским миссионерам. Германский император (христианин, конечно) сказал: “Не давайте пощады”. Немцы и русские убивали всех китайцев — мужчин, женщин и детей. Вооруженные или невооруженные, работавшие в полях или бездельничавшие, ходившие по улицам или стоявшие неподвижно, приводившие доводы или не приводившие никаких, язычники подвергались расстрелам, закалыванию штыками, саблями и дубинками до тех пор, пока улицы не заполнились мертвыми китайцами, реки не стали гнилыми от мертвых китайцев, сами воды океана провоняли мертвыми китайцами. Заключенных заставляли рыть себе могилы, затем расстреливали, сбрасывали в яму, а других заключенных заставляли засыпать могилу. Девушки и матроны проявляли негодование в присутствии братьев, сыновей, мужей, отцов, а затем были застрелены или заколоты насмерть мечами или штыками.

Если бы не подобные примеры, читатель, возможно, был бы склонен согласиться с биографами, настроенными против Бонапарта, которые утверждают, что резня в Яффо была самой черной в анналах цивилизованных войн.

Освободившись от своих пленников, Наполеон двинулся вперед по сирийскому побережью и осадил Сен-Жан-д'Акр. У города были крепкие, высокие стены, за которыми скрывались отчаянные защитники. Урок, полученный в Яффо, научил араба, что сдаваться - смерть. Для него, таким образом, это была суровая необходимость победить или умереть. Англичане были там, чтобы помочь. Сэр Сидни Смит снабдил нас оружием, людьми для его обслуживания и квалифицированными инженерами.

Наполеон не был должным образом экипирован для осады, поскольку его бронепоезд, следовавший на транспорте, был по глупости потерян командующим им капитаном. Сэр Сидни взял его и направил на оборону. Напрасно Наполеон медлил, пока дни не превратились в недели, недели - в месяцы. Он был совершенно сбит с толку. Было много боевых вылетов, много штурмов, ужасные человеческие жертвы, безрассудные поступки мужества, совершенные с обеих сторон. Раз, другой французы прорвали стены, успешно провели штурм и вошли в город, однажды достигнув самого дворца Джебзара. Все было напрасно. Каждый дом был крепостью, каждая улица — засадой, каждый араб - героем, те самые женщины, которые отчаянно кричали “Сражайся!”

С горечью в душе Наполеон отвернулся: “Эта жалкая дыра помешала моей судьбе!” И он не переставал сообщать об изменениях на эту тему. Если бы он взял Акру, его следующим шагом был бы переход к Евфрату; орды азиатов стеклись бы под его знамена; империя Александра снова восстала бы под его ударом; Индия была бы его добычей; Константинополь - его призом; а

затем, с тыла, он заставил бы Европу подчиниться. Он видел все это на другой стороне Акко, или думал, что видит. Но город выстоял, а замок в Испании пал.

Однажды его сняли с осады и отправили в Назарет на помощь Клеберу, который был окружен армией, превосходившей его собственную численностью в десять раз. Когда Наполеон оказался в пределах видимости, он увидел беспорядочное войско кавалерии, окружавшее небольшой отряд пехоты. Толпы всадников вздымались и атаковали, кружились и переворачивались, подобно бушующему морю. Посреди был остров, вулкан, изрыгающий огонь. Бушующее море было мамелюкской кавалерией; остров посреди него был Клебером. Построившись так, чтобы его линия, добавленная к линии Клебера, охватила противника, Наполеон двинулся вперед; и велико было поражение врага. Ни в Сирии, ни в Египте не осталось ни одной организованной силы.

Теперь, когда осада Акко снята, армию нужно вернуть в Каир, а страну опустошить, чтобы Джеззар не мешал отступлению. То, что нельзя было сдвинуть с места, должно быть уничтожено. Чума, принесенная из Дамьетты корпусом Клебера, унесла почти столько же жизней, сколько погибло во время осады. Перевезти раненых и больных было тяжелым делом, но оно было выполнено. В ночь на 20 мая 1799 года Наполеон начал отступление. Это было ужасное отступление по раскаленным пескам, под медным небом, среди удушающей пыли, сводящей с ума жажды — и над всей ужасной тенью чумы. В своих эгоистичных страхах французы стали черствыми к страданиям раненых и больных. Слабых, беспомощных оставляли умирать в пустыне. Каждая деревня была охвачена огнем, поля, убранные урожаем, были объаты пламенем, запустение распространилось повсюду. “Вся страна была в огне”.

Наполеон упрямо шел своим курсом, полный тупой ярости, видя все, чувствуя все, бессильный посреди происходящих ужасов. В Тентуре он предпринял последнюю попытку спасти больных и раненых. “Пусть каждый человек спешится; пусть каждая лошадь, мул, верблюд и носилки будут отданы инвалидам; пусть способные идут пешком”. Получив написанный таким образом приказ, отправленный Бертье и разосланный по лагерю, Вигонь, конюх вождя, подошел спросить: “Какую лошадь мне оставить для вас, генерал?”

Именно это прикосновение вызвало взрыв. Наполеон ударил мужчину кнутом! “Прочь, негодяй! Все пешком, я первый. Ты что, не слышал приказа?”

Голодная пустыня поглотила лошадей и людей. Тяжелые орудия были брошены. Армия продвигалась вперед в угрюмом горе, гневе, унынии. Вождь тяжело поплелся вперед в мрачном молчании.

24 мая французы снова были в Яффо. Здесь госпитали были полны больных чумой и раненых. Наполеон посетил этих людей, сказал им ободряющие слова и, по словам Савари, прикоснулся к одной из жертв чумы, чтобы внушить доверие — говорят, что эта болезнь во многом связана с распространением воображения. Буррьен отрицает эту историю; но согласно отчету, написанному месье д'Оз, администратором восточной армии, и датированному 8 мая 1829 года, Наполеон не только прикасался к больным, но и помог поднять одного из них с пола. По существу, о том же свидетельствуют показания главного армейского хирурга Десженетта. Буррьен также отрицает, что больных забирали отступающие французы. Месье д'Оз сообщает, что раненых и больных погрузили на борт семи судов (он называет суда) и отправили морем в Дамьетту. Это заявление подтверждается военным комиссаром Гробертом, который называет

имена офицеров, ответственных за высылку. Некоторые из пораженных чумой были настолько безнадежно больны, что Наполеон попросил хирурга дать им опиум. Это избавило бы бедняг от страданий и предотвратило бы их попадание в руки врага. Дегенетт дал благородный ответ, который с восхищением цитировал сам Наполеон: “Мой долг - лечить, а не убивать”. Но предложение Наполеона было действительно гуманным; как он говорит, любой человек в состоянии этих безнадежных, измученных болью инвалидов предпочел бы безболезненный опиумный сон длительной агонии болезни.

В 1900 году европейцы, осажденные китайцами в Тянь-Цине, приняли точку зрения Наполеона. Они убивали своих собственных раненых, чтобы те не попали в руки язычников. Согласно сообщениям, опубликованным по всему христианскому миру и не опровергнутым, адмирал британского военно-морского флота Сеймур отдал соответствующие приказы. И когда варварство, которому христиане подвергали язычников, стало хуже смерти, китайцы поступили так же, как Сеймур, — убили своих друзей, чтобы избежать пыток.

Наполеон не настаивал на яде, несколько инвалидов, которых нельзя было передвигать, остались живы, и некоторые из них еще дышали, когда сэр Сидней Смит овладел Яффой.

После очередного ужасного марша по пустыне, во время которого Наполеон топтался по песку во главе своих войск, армия достигла Каира 14 июня 1799 года. При всем своем искусстве Наполеон лишь отчасти создавал впечатление, что вернулся победителем. За время его отсутствия произошли местные восстания, вскоре подавленные, и он нашел страну сравнительно спокойной. Вероятно, для него было облегчением, когда пришло известие, что ожидаемая турецкая армия прибыла в Абукир. В открытом бою на честном поле он мог стереть позор Акко. Со всей быстротой принятия решений, движения и сосредоточенности он был в Абукире 25 июля 1799 года, где высадилась турецкая армия. Если бы не случайность, это застало бы его врасплох. В последовавшем за этим сражении турки были уничтожены. Из двенадцатитысячного отряда спасся едва ли один человек. Его командир, Мустафа, был взят в плен Мюратом после того, как он выстрелил из пистолета французу в лицо, ранив его в голову. Удар сабли Мюрата почти отрубил турку руку. Оказавшись перед Наполеоном, последний великодушно сказал: “Я доложу султану, как храбро вы сражались”. — “Вы можете избавить себя от лишних хлопот”, - ответил гордый турок. - “Мой господин знает меня лучше, чем вы”.

Помощь, совет и присутствие сэра Сиднея Смита не помогли врагу в Абукире, как в Акко. Ему с трудом удалось добраться до своих кораблей. Что касается Фелиппо, то он был поражен чумой и был смертельно болен или уже мертв.

По возвращении в Александрию Наполеон послал сэру Сиднею флаг перемирия, предлагая обмен пленными. Во время переговоров английский коммодор отправил Наполеону подшивку английских газет и экземпляр Frankfort Gazette. Всю ночь Наполеон не спал; он внимательно изучал содержание этих бумаг. Истории, которую они ему рассказали, было достаточно, чтобы прогнать сон.

Возможно, что Талейран переписывался с Наполеоном через Триполи; и, похоже, письмо от Жозефа Бонапарта также дошло до него; но Буррьен, его личный секретарь, категорически отрицает, что знал об условиях во Франции до битвы при Абукире. Хотя возможно, что он получал письма, о которых его личный секретарь ничего не знал, это маловероятно. Таким

образом, представляется, что его знания о ситуации в Европе были почерпнуты из газет, присланных ему сэром Сидни Смитом.

ГЛАВА XVIII

С первым вступлением армий революционной Франции в Италию, установлением республик на полуострове и разговорами об итальянском единстве даже Рим и Неаполь зашевелились в своих саванах. Вероятно, никогда не существовало двух систем правления, более жалких, чем у папы римского и неаполитанских бурбонов. В то время как перемены к лучшему происходили в непосредственной близости от этих государств, где правили неправильно, было естественно, что определенные элементы в Риме и Неаполе начали надеяться на реформы.

Поддержкой папы и бурбонов было невежество низших слоев общества и фанатизм священников. Средний класс, образованные люди и даже многие дворяне выступали за более либеральные принципы. В декабре 1797 года демократическая фракция в Риме вступила в столкновение с папской толпой; и папские войска потерпели поражение в беспорядках, демократы искали убежища во французском посольстве, Жозеф Бонапарт был в то время министром Франции. Папская фракция, преследуя свою выгоду, нарушила привилегии французского министерства, и генерал Дюфо, сотрудник посольства, был убит. Это был второй случай, когда сторонники папы Римского убили дипломатического агента Франции в Риме. Жозеф Бонапарт покинул город, и генерал Бертье вступил в него во главе французской армии. Папа был смещен и в конце концов отправлен в Валенсию, где и умер в 1799 году. Его светская власть была свергнута, либералы Рима, включая многих священнослужителей, которым было противно папское управление политическими делами, провели большое собрание на форуме, отказались от власти папы, посадили дерево свободы перед Капитолием и провозгласили Римскую республику 15 февраля 1798 года.

Весной 1798 года демократические кантоны Швейцарии восстали против бернской аристократии, призвали французов, и 12 апреля 1798 года была провозглашена Гельветическая республика.

Это продолжающееся и успешное продвижение республиканских принципов глубоко встревожило дворы и королей Европы. Великобритания, потерпев неудачу в своих попытках заключить выгодные условия мира с французской директорией и завоевав огромный авторитет в битве на Ниле, организовала вторую великую коалицию осенью 1798 года. Россия, Турция, Неаполь и Англия объединили свои усилия, чтобы сокрушить республиканскую Францию.

Неаполитанская армия во главе с австрийским генералом Маком двинулась маршем на Рим с целью восстановления светской власти папы. Его силы были подавляющими, французы отступили, и Фердинанд Неаполитанский с триумфом въехал в Рим в ноябре 1798 года. Дерево свободы было повалено, на его месте водрузили огромный крест, многие либералы были казнены, несмотря на обещание Фердинанда об обратном, а несколько евреев крестились в Тибре. Французы, оставив гарнизон в замке Святого Ангела, генерал Мак письменно пригрозил

застрелить одного из больных французских солдат в госпитале за каждый выстрел, произведенный из замка.

Фердинанд приписал свою победу “самому чудесному святому Януарию”. Королю Пьемонта, который убеждал Фердинанда поощрять крестьян к убийству французов, он писал, что неаполитанцы, ведомые Маком, “провозгласили Европе с вершины Капитолия, что пришло время королей”.

Мы не знаем ни одного случая, который более полно иллюстрировал бы значение гигантских усилий, предпринятых Европой против Франции и Наполеона, чем этот. Фердинанд призвал папу вернуться, смести все реформы, восстановить все злоупотребления, снова стать хозяином жизни, свободы и собственности: “Пришло время королей!” И за спиной короля Бурбонов, за спиной этих усилий Неаполя по возвращению Старого порядка со всеми его чудовищными пороками стояли Нельсон и английское правительство.

Если “чудеснейший святой Януарий” присоединился к Фердинанду в его римском походе, святому вскоре это надоело, ибо завоевание было потеряно так же быстро, как и совершено. С неаполитанскими войсками плохо обращались, и любимцы святого стали легкой добычей французов-еретиков. Король Фердинанд, потеряв веру в Януария, бежал, французы вернулись в Рим, республика была восстановлена снова; и Шампионне, французский генерал, вторгся на территорию Неаполитании. В декабре 1798 года неаполитанская королевская семья нашла убежище на корабле Нельсона и вскоре отплыла на Сицилию. Республиканцы Неаполя восстали, вступили в сношения с французами, которые вошли в город 23 января 1799 года; и была провозглашена Партенопейская республика. Представительное правительство заняло место нетерпимого правления священников и феодализма. Против этого нового порядка вещей духовенство проповедовало крестовый поход. Невежественные крестьяне сельских округов и низший городской сброд схватились за оружие, и вскоре между двумя фракциями — той, что поддерживала республику, и той, что выступала против нее, - разгорелась гражданская война в ее худшей форме.

Тем временем силы великой коалиции выдвигались. Русская армия под предводительством знаменитого Суворова направлялась в Италию. Австрия восстановила свои силы, и эрцгерцог Карл разбил французов под командованием Журдана в битве при Штокахе 25 марта 1799 года. 28 апреля того же года, когда французские посланники на конгрессе в Раштадте покидали это место, на них напали австрийские гусары, двое из них были убиты, а третий оставлен умирать. Эрцгерцог Карл начал расследование этого преступления, но был остановлен австрийским кабинетом министров. Собранные им доказательства были украдены и с тех пор так и не были найдены.

5 апреля 1799 года итальянская армия под командованием Шерера потерпела поражение от австрийцев, которые одним ударом вернули себе итальянскую территорию почти до Милана. В июне Массена был разбит эрцгерцогом Карлом при Цюрихе и отступил на сильную позицию в нескольких милях от этого города.

Суворов, достигнув Италии в апреле 1799 года, начал победоносную карьеру, за которой последовали бы знаменательные результаты, если бы австрийская ревность не омрачила кампанию. Его безудержная доблесть ошеломила Шерера, и к тому времени, когда Моро был назначен командующим французами, армия была слишком сильно разбита, чтобы даже этот

способный офицер смог противостоять натиску русских. Генерал Макдональд, поспешивший на помощь Моро, действовал недостаточно быстро. Бесстрашный и бдительный старый русский полководец бросился на Макдональда, нанес ему удар при Треббии и почти уничтожил его 18 июня 1799 года.

Южная Италия восстала против французов. Кардинал Руффо во главе крестьянской армии разорил Калабрию и Апулию. 15 июня 1799 года эта армия при поддержке неаполитанских лаццерони атаковала республиканские силы в пригородах этого города, и в течение пяти дней там происходил карнавал резни и возмущения. 19-го кардинал предложил перемирие. Республиканцы, которые оставались во владении фортами, согласились; последовали переговоры, и 23-го числа условия мира были подписаны Руффо от имени неаполитанского короля и гарантированы представителями России и Великобритании. Было решено, что республиканцы должны выступить с военными почестями, что к их личности и имуществу следует относиться с уважением и что у них должен быть выбор: остаться невредимыми дома или благополучно высадиться в Тулоне. На основании этого договора демократы сдали форты и прекратили всякое сопротивление. В этот момент Нельсон вошел в гавань и аннулировал договор. Последовало царство террора.

Королева Неаполя была сестрой Марии—Антуанетты - вспыльчивой, безжалостной, расточительной женщины. Она и ее подруга леди Гамильтон, жена английского министра и любовница лорда Нельсона, преследовали мстителей за республиканское восстание, и Неаполь превратился в скотобойню. Возможно, самым черным из всех черных деяний, совершенных в этом порыве мести, было убийство адмирала Карраччоли.

Этот человек был принцем по происхождению, членом одного из благороднейших итальянских домов; его характер был таким же возвышенным, как и его происхождение, и ему было семьдесят лет. Он присоединился к республиканцам и командовал их военно-морскими силами. Будучи вовлеченным в провал своего дела, он имел право на защиту договора о капитуляции.

Нельсон, вернувшись после своей Победы на Ниле, преисполненный гордости и политической злобы, аннулировал условия, на которые согласился кардинал Руффо, сделав это вопреки протесту кардинала, да будет сказано к его чести. Республиканские гарнизоны замков были переданы Нельсоном на расправу их врагам. Что касается принца Карраччоли, то Нельсон лично взял на себя ответственность за его дело. Седовласый мужчина, с честью прослуживший своей стране сорок лет, был доставлен на борт английского судна со связанными за спиной руками в девять часов утра. В десять начался суд над ним; через два часа он закончился. Немедленно приговоренный к смертной казни, он был в пять часов пополудни того же дня повешен на рее, а на закате его тело расчленили и бросили в море. Напрасно старик утверждал, что председатель военного трибунала был его личным врагом. Напрасно он просил дать ему время на повторное слушание, возможность привлечь свидетелей. Нельсон был неумолим. Затем жертва этого хладнокровного убийства стала умолять, чтобы его застрелили. “Я старый человек, сэр. У меня не осталось семьи, которая горевала бы обо мне, и поэтому нельзя предположить, что я очень стремлюсь жить; но позор быть повешенным ужасен для меня!” И снова Нельсон отказался от любых уступок.

Леди Гамильтон, любовница Нельсона, с нескрываемым удовлетворением наблюдала, как принца-республиканца душили веревкой; и если когда-либо Нельсон испытывал острую боль из-за своей шокирующей бесчеловечности, это ускользнуло от записей.

У кого не оглушали уши обличительные речи роялистов по поводу убийства герцога Энгийенского? И как молчат те же самые роялистские авторы об убийстве принца Карраччоли!

Чем тщательнее изучаются и сопоставляются исторические факты, тем меньше у читателя уверенности в том, что Наполеон Бонапарт был хоть на йоту хуже в любом отношении, чем средний общественный деятель своего времени.

* * * * *

Из газет, которые Наполеон читал в Александрии ночью 25 июля 1799 года, он впервые узнал о всех масштабах бедствий, обрушившихся на Францию в его отсутствие.

“Великие небеса, эти дураки потеряли Италию! Я должен вернуться во Францию!”

На Востоке его работа была завершена. Он подавил организованное сопротивление. От водопадов до моря все было спокойно. Правда, он не завоевал Сирию, но он сломил силы Джеззара и уничтожил турецкую армию, шедшую на выручку. Что оставалось? Что еще ему оставалось делать в Египте? Должен ли он был, когда Франция находилась в таком тяжелом положении, оставаться в Каире, издавать газету, делать карандаши, следить за каналами и школами и бездельничать на берегах Нила в качестве местного губернатора?

В самой Франции не было разделения мнений по этому вопросу. Все считали, что лучший солдат Республики нужен дома. “Где Бонапарт?” - раздался крик по всей стране. Потребность в нем ощущалась как в Италии, так и во Франции, на Рейне и на Сене.

Даже Директория понимала необходимость присутствия единственного француза, который мог бы восстановить мужество, вселить уверенность, обеспечить победу. Они отправили специального гонца, чтобы вызвать его домой (сентябрь 1799 года). Этот курьер не добрался до Египта, и приказ об отзыве был отменен; но тот факт, что он был отдан, доказывает, что Наполеон, возвращаясь во Францию, подчинился импульсу, который разделяли даже его враги.

Поспешно и тайно сделав необходимые приготовления и взяв с собой нескольких избранных солдат и ученых, Наполеон 23 августа 1799 года сел на четыре небольших судна и на следующее утро отплыл во Францию.

В армии, оставшейся позади, раздался вопль отчаяния, взрыв гнева. Имя Наполеона было проклято — предатель, дезертир, трус! Это было очень естественно и очень несправедливо. Сам Клебер, которому Наполеон делегировал главное командование, был возмущен не меньше остальных. В резких, неизмеримых выражениях он обличал Бонапарта в письмах Директории — депешах, которые, когда их вскрывали, были вскрыты Бонапартом, первым консулом. Клебер сильно преувеличил трудности своего положения и вскоре привел доказательства этого факта. Реальная опасность ему не грозила. Когда против него были брошены другие армии, он славно разбил их и отстоял свои позиции.

Неконтролируемые обстоятельства, продолжающаяся враждебность Англии, непредвиденная неспособность Наполеона бросить помощь в Египет сами по себе окончательно разрушили его

планы. Никогда еще мужчина так не старался доставить лейтенанту облегчение. Есть что-то положительно трогательное в напряженных и бесплодных попытках Наполеона восторжествовать над некомпетентностью своих военно-морских командиров и заставить их проявить предприимчивость, мужество и рвение при освобождении Египта. Все было напрасно. “Я не могу создать людей”, - печально сказал он. Он, конечно, так и не смог найти эффективной помощи в своем военно-морском флоте, и Египет был окончательно потерян, несмотря на все, что он мог сделать.

Последующие события доказали, что он был прав в своих суждениях, придавая столь большое значение завоеванию Египта. Захватывая неисчерпаемую житницу Востока, чрезвычайно важную промежуточную станцию на пути в Индию, он руководствовался концепцией дальновидного государственного деятеля. Ему было суждено научить мир, особенно Англию, жизненно важному значению Мальты и Египта, и потерять и то, и другое.

ГЛАВА XIX

Моря были кишмя кишат вражескими кораблями, и на более опасное путешествие, чем путешествие Наполеона из Египта, мало кто когда-либо отваживался. У его маленьких парусных судов был только один элемент безопасности — их незначительность. Они могли надеяться проскользнуть там, где были бы замечены более крупные корабли; и они могли отступить на мелководье, где военные корабли не могли последовать за ними. У Наполеона было с собой около четырехили пятисот отборных солдат и несколько пушек; его план состоял в том, чтобы высадиться на берег африканского побережья и пробираться по суше, если он обнаружит, что в океане ему преградили путь английские корабли. Держась поближе к берегу, он утомительно продвигался вперед против встречных ветров и прибыл с Корсики только в последних числах сентября 1799 года. Он не собирался высаживаться на родной земле, но из-за неблагоприятных штормов пришлось зайти в гавань Аяччо. Отправив на берег за фруктами и свежими журналами, он всю ночь просидел на борту за чтением. Теперь он узнал, что произошла битва при Нови и Жубер убит.

Присутствие Наполеона в гавани Аяччо произвело сенсацию на берегу, и люди заполнили улицы и набережные, жаждая увидеть героя Италии и Египта. Его победы на Востоке были известны, поскольку он сам диктовал отчеты и не ослаблял их ни малейшей скромностью. Таким образом, вокруг его имени образовался ореол, и даже те корсиканцы, которые презирали его, когда он был слаб, восхищались им теперь, когда он стал сильным. Уступая давлению народа, Наполеон высадился на берег. Его встретили с энтузиазмом. Площадь была заполнена кричащей толпой, у окон и на крышах толпились любопытные, все хотели увидеть удивительного маленького человечка, который так быстро стал первым солдатом мира. Толпы восхищенных островитян вспоминали, что они были его двоюродными братьями. Количество крестных детей, назначенных ему, было огромным. Его старая няня, прихрамывая, подошла к нему, обняла, благословила и дала бутылочку козьего молока.

Он прошел по Сент-Чарльз-стрит, вышел на маленькую площадь и направился к старому дому Бонапарта, который английские войска использовали в качестве казармы. Он посетил деревенскую усадьбу, грот Миллели, все старые знакомые места. Он с некоторой гордостью показал своим сотрудникам поместья своей семьи, а арендаторам и пастухам подарил скот и землю. Солдаты гарнизона, выстроенные для встречи его, были в плачевном состоянии; они не получали жалованья более года. Наполеон дал им 8000 долларов, все, что у него было, за исключением необходимых дорожных расходов. Своей кормилице он подарил виноградник и дом в Аяччо.

Корсиканцы рассказывают историю о том, что в то время, когда молодой лейтенант Бонапарт пытался произвести революцию на острове, священник, стоявший у окна дома, выходящего на улицу, прицелился из пистолета в голову маленького якобинца. Наполеон, всегда бдительный, заметил движение как раз вовремя, чтобы увернуться. Пуля ударила в стену, и Наполеон бросился прочь.

Этот священник остался в Аяччо, и ситуация изменилась, и ему стало очень неудобно; ибо теперь в силах Наполеона было заставить своего старого врага уклониться. Но в нем не было злого умысла. Он протянул смущенному священнику руку, пошутил над выстрелом из окна и совершенно успокоил доброго человека.

Именно во время посещения бала, данного в его честь в Аяччо, адмирал Гантеом прислал сообщение, что ветер переменился и плавание может быть возобновлено. Поспешно попрощавшись с друзьями, он в последний раз покинул Корсику.

8 октября 1799 года четыре судна вышли на рейды Фрежюса, и сразу же после того, как стало известно, что Наполеон находится на борту, вода покрылась сотнями лодок, толпившихся ему навстречу. Именно в этом спонтанном порыве людей приветствовать вернувшегося героя был нарушен закон о карантине. Радости людей не было предела. Они звонили в колокола, они заполнили улицы кричащими толпами, они приветствовали его как освободителя Франции. Король в лучшие времена Бурбонов никогда не встречал более теплого приема. По пути с побережья он был встречен продолжительными овациями. В Лионе казалось, что Наполеон уже стал правителем Франции.

Генерал Марбо, покойный комендант Парижа, ныне проезжавший через Лион по пути в Италию, был несколько шокирован и оскорблен, увидев, что с Бонапартом обращались как с сувереном. Говорит его сын в своих воспоминаниях: —

“Все дома были иллюминированы и украшены флагами, запускались фейерверки; наша карета с трудом пробиралась сквозь толпу. Люди танцевали на открытых площадках, и воздух звенел от криков: ‘Ура Бонапарту! Он спасет страну!’”

Владелец отеля предоставил Наполеону номера, о которых говорил генерал Марбо, и Наполеон находился в них. Узнав, как обошлись с генералом Марбо, Наполеон пригласил его приехать и по-товарищески разделить с ним комнату. Марбо отправился в другой отель, по-видимому, довольно раздраженный; а Наполеон, решив не наживать врага из-за такого происшествия, пошел пешком и сразу же извинился и выразил свои сожаления генералу Марбо в его номерах в другом отеле. Когда он проходил по улице, за ним следовала ликующая толпа.

“Генерал Марбо, - говорит его сын, - был так потрясен тем, как жители Лиона преследовали Наполеона, как будто он уже был королем, что путешествие в Италию было возобновлено настолько быстро, насколько это было возможно”.

Маршрут Наполеона пролегал через Валенсию, где его приветствовала не только разношерстная толпа, но и несколько настоящих и испытанных личных друзей. Например, там была старая мадемуазель Бу, которая взяла его на пансион. Наполеон нежно приветствовал ее и сделал ей несколько ценных подарков, которые сейчас можно увидеть в городском музее. Действительно, новость “Бонапарт пришел!”, разнесшаяся по всей Франции, создала своего рода универсальный транспорт. Один депутат, по имени Боден, умер от радости. Канцлер Паскье рассказывает, что однажды вечером в Париже, находясь в театре, он увидел, как две очень красивые женщины, сидевшие в ложе рядом с ним, получили сообщение. Они в волнении встали и поспешили прочь. Эти очень хорошенькие женщины, как узнал Паскье, были сестрами Бонапарта. Курьер принес известие, что их брат высадился во Фрежюсе. Беранже рассказывает в своей автобиографии: “Я сидел в нашем читальном зале с тридцатью или сорока другими людьми, когда внезапно принесли известие, что Бонапарт вернулся из Египта. При этих словах все мужчины в комнате вскочили на ноги и разразились единым протяжным криком радости!”

По сигнальному телеграфу того дня новость дошла до столицы, и вскоре по дороге из Парижа в Лион загрохотали экипажи, везущие родственников и друзей встречать возвращающегося героя. В одной из этих громоздких повозок находилась встревоженная Жозефина. В Лионе Наполеон, возможно, подозревая политических врагов, изменил курс и поспешил в Париж другой дорогой. Потенциальные убийцы, если таковые имелись, а также верные друзья ни за что не осуществили бы свои планы.

Когда Наполеон вышел из кареты перед своим домом на улице, названной в честь него улицей Победы, рядом не было ни жены, ни родственника, ни друга, которые могли бы поприветствовать его. Его дом представлял собой мрачную картину темноты, безмолвия, заброшенности; и это вызвало у него болезненный шок, который он никогда не переставал вспоминать. Встревоженная Жозефина, неверная жена, отправившаяся ему навстречу, чтобы выплакать свои грехи у него на груди, разминувшись с ним из-за того, что он изменил маршрут; и Наполеон, не зная этого, полагал, что она сбежала из его дома, спасаясь от его справедливого гнева. Горькие дни и ночи выпали на долю этого в высшей степени человеческого Бонапарта; горькие дни и ночи ему предстояло пережить снова; но можно сомневаться, что кто-либо из них испил для него чашу горше, чем это возвращение из Египта.

Жозефина вернулась с почтой так быстро, как только могла, измученная страхом и усталостью. Наполеон отказался ее видеть. Запершись в своей комнате, он расхаживал по комнате, в его голове бушевала буря гнева, горя, унижения, раненой любви. Провинившаяся жена пресмыкалась у двери, преодолевая преграды с рыданиями, жалобными вскриками, нежными мольбами. Ее друзья, мадам Тальен, директор Гойе, ее дети, Эжен и Гортензия, и некоторые из друзей Наполеона, осаждали разъяренного мужа, взывая к его гордости, его великодушию, его личным интересам, его любви к детям, - короче говоря, используя все мыслимые поводы, — и, наконец, измученный и смягченный Наполеон позволил Эжену и Гортензии заключить Жозефину в свои объятия.

Бурьен рассказывает, что много лет спустя, прогуливаясь с Наполеоном по бульвару, он почувствовал, как рука императора внезапно судорожно сжала его руку. Только что проехала карета, и в ней Наполеон узнал гиполита Шарля, давнего любовника Жозефины. То, что этот хлыщ все еще был жив, является достаточным доказательством того, что Наполеон Великий презирал личную месть.

В то время как надежда семьи Бонапартов была на Востоке, ее интересами не пренебрегли и во Франции. Жозеф был создан в Париже (городской дом, загородный особняк и т.д.) И воспитывал влиятельных людей всех партий. Люсьен был избран на Корсике депутатом Совета пятисот. Смелый и одаренный красноречием, он стал влиятельным лицом в совете и был избран его президентом. Сама Джозефина действовала эффективно, настолько великолепным было ее заведение, настолько очаровывали ее такт и обходительность. Поэтому, когда вернувшийся солдат окидывал взглядом политическое поле, там было многое, что доставляло ему удовлетворение. Он не принадлежал ни к какой партии; его не отягощали никакие послужные списки; его не держали в жестких рамках. Возвышаясь над всеми остальными руководителями, он один мог черпать силу из всех партий. Как он сам сказал, на своем пути к власти он шел вместе с нацией. Баррас признает, что вся Франция рвалась к нему, как к новому существованию. То, что он станет правителем, ожидалось, было желанным; вопрос был только в том, когда и как. Почти единодушный голос народа сделал бы его директором. Одни только детали вызвали расхождения во мнениях. Следует ли отменить конституцию? Должен ли Бонапарт быть одним из пяти директоров? Или ему следует предоставить виртуальную диктатуру? Должны ли правительственные полномочия быть распределены, как при Директории, или они должны быть сконцентрированы? Именно по таким деталям возникли разногласия; но что касается важности пользоваться услугами Наполеона, то большая часть французов была согласна. Правда, блестящие победы Массены под Цюрихом и разгром Брюном англичан и русских в Голландии спасли Республику от насущной опасности иностранного вторжения; но иностранное вторжение было не единственной причиной беспокойства во Франции. Считалось, что корнем зла была слабость правительства. Конституция была нарушена директорами Fructidor, когда Ожеро ворвался в советы и арестовал столько членов. Следует помнить, что три директора вытеснили двух, Карно и Бартеlemi. Позже, во Флореале (11 мая 1798 г.), выборы были отложены, чтобы избавиться от неугодных членов. В каждом из этих случаев вакансии, образовавшиеся в результате применения силы, были заполнены победителями.

Затем, наконец, реакция стала слишком сильной, и в Прериале (18 июня 1799 г.) фруктидорианцы, в свою очередь, потерпели поражение, а Директория сменилась путем назначения Сийеса, Гойе, Мулена и Роже-Дюко.

Люди устали от такого количества конвульсий, от такой неуверенности, от таких колебаний, от такого беспорядка. Кроме того, финансы находились в безнадежном замешательстве. Фактически существовало национальное банкротство, и принудительный заем в размере 100 000 000 франков, закон о заложниках и возмутительный способ проведения в жизнь нового закона о воскресном дне вызвали возмущение у всех слоев населения. Баррасу удалось сохранить свое место в Директории, но не свою власть. Сийес вошел в Директорию, но хотел ее свергнуть. Даже если бы не было Бонапарта, который планировал бы перемены, перемены были неизбежны. Сийес сказал: "Франции нужны голова и меч". В присутствии Сийеса не хватало только меча, и он пытался найти его. Был выбран Жубер, но его убили. Упоминался Бернадотт,

но он не стал рисковать. Моро выслушали, но он не согласился действовать. Тем не менее, это был лишь вопрос времени, когда этот человек и возможность встретятся. Вполне возможно, что Сийес со своей новой конституцией и новой исполнительной властью спас бы Республику. Лучшие люди, выйдя на фронт и изгоняя отбросы, поднявшиеся на вершину революционного течения, могли бы установить Республику на прочной основе и спасти мир от отвратительного кровавого разгула, которым была отмечена эпоха Наполеона. Никто не может сказать наверняка. Легко сказать, что директорский режим потерпел неудачу; не менее легко сказать, что перемены можно было произвести, не впадая в империализм. Республики, будучи всего лишь человеческими, не могут быть усовершенствованы за один день; и есть некоторая несправедливость в том, чтобы срубить дерево, потому что оно не увенчалось плодами сразу после посадки.

Пока Наполеон осматривал местность и выбирал точку атаки, Директория не принимала никаких мер самообороны. В общем, они подозревали Бонапарта и боялись его, но у них не было доказательств, на основании которых они могли бы действовать. Их военный министр Дюбуа де Крансе сообщил им, что готовится заговор, и посоветовал арестовать Наполеона. “Где ваши доказательства?” - потребовали Гойе и Мулен. Министр не смог предоставить их. Тогда агент полиции предупредил их. Заперев информатора в комнате, Директора начали обсуждать этот вопрос. Агент забеспокоился о собственной безопасности и сбежал через окно.

Стремясь изгнать Наполеона из Парижа, директора предложили ему выбрать армию. Он сослался на пошатнувшееся здоровье и отказался. Было две партии, возможно, три, с помощью любой из которых Наполеон мог проложить себе путь к власти. Были якобинцы, остатки убежденных демократов, которые совершили Революцию. В Справочнике они были представлены Гойе и Муленом, людьми умеренных способностей и прекрасного характера. Но Наполеон излечился от своего юношеского якобинства и верил, что если он сейчас победит вместе с демократами, то вскоре будет призван победить и против них. Опять же, были умеренные, политики, которые были искренними республиканцами, но выступали против радикализма демократов, с одной стороны, и слабости Директории - с другой. Сийес и Роже-Дюко представляли их в Директории, и их сторонники среди богатых республиканцев и представителей среднего класса были очень велики. Наконец, последовали Баррасы, “Гнилые”, как называл их Наполеон, которые согласились бы практически на любые перемены, которые не лишили бы их возможности найти работу.

Каждая из этих партий ухаживала за Наполеоном, который слушал их всех, использовал их всех и обманул их всех. Барраса он презирал, но убаюкивал до последнего момента. Гойе и Мулен были тщательно подстроены и искусно одурачены. Сийеса и его сообщников использовали в качестве инструментов, а затем, после того как мост был перейден, сбросили.

Даже роялисты были обмануты; их ввели в заблуждение намеками на то, что Наполеон готовит способ для возвращения бурбонов — он сыграет роль Монаха при изгнанном короле.

Первым планом Наполеона было изгнать из Директории ненавистного Сийеса, “этого священника, продавшегося Пруссии”, и на этом предложении он настаивал перед Гойе и Муленом. Поскольку не было никаких юридических оснований, на которых избрание Сийеса могло быть аннулировано, и поскольку сам Наполеон не достиг сорокалетнего возраста, требуемого конституцией, Гойе и Мулен отказались иметь какое-либо отношение к этому плану. Одно упоминание о нем должно было насторожить их, но этого не произошло. Затем Наполеон,

казалось, на мгновение задумался о союзе с Баррасом. Фуше и другие друзья этого Режиссера свели их вместе, и состоялся ужин, который должен был проложить путь к соглашению. К несчастью для Барраса, он допустил большую ошибку, предложив соглашение, которое означало, что он должен обладать исполнительной властью, в то время как Наполеон должен быть просто военным главнокомандующим. Наполеон с отвращением оглядел директора и, сев в свою карету, вернулся домой, чтобы рассказать Фуше, каким дураком выставил себя Баррас. Друзья Директора, немедленно отправившись к нему, смогли убедить даже его, что он совершил глупую ошибку; и на следующий день он поспешил к Бонапарту, чтобы попытаться снова. Он опоздал. Наполеон, покидая Баррас накануне, зашел к Сийесу, чтобы сказать ему, что союз Бонапартов будет заключен только с ним.

Естественно, эти двое мужчин были настроены враждебно. Когда Наполеон, бросив армию без приказа, высадился во Фрежюсе, Сийес предложил своим коллегам по Директории расстрелять дезертира. У слабой Директории не хватило смелости, как того требовал подобный план, и совет был проигнорирован. Сийес ненавидел резкого, властного солдата, а Наполеон презирал бывшего священника как убежденного, непрактичного и тщеславного мечтателя. До того, как он потерпел неудачу с Гойе и Муленом, Наполеон относился к Сийесу с таким презрением, что игнорировал его присутствие, когда они встречались на одном из официальных банкетов. Разъяренный бывший священник воскликнул своим друзьям: “Посмотрите на дерзость этого маленького человека по отношению к члену правительства, который должен был его расстрелять!” Наполеон, увлеченный планом изгнания Сийеса из Директории, спросил своих друзей: “О чем они думали, чтобы поместить в Директорию этого священника, продавшегося Пруссии?”

Какими бы сильными ни были эти чувства взаимной неприязни, они были преодолены. Талейран, Жозеф Бонапарт, Кабанис и другие приводили как воину, так и священнику те аргументы, которые лучше всего подходили каждому из них. Побуждения личного интереса, а также необходимость данного дела свели их вместе. С Сийесом — ревнивым, раздражительным, подозрительным, непрактичным — задача была самой трудной. Он знал, что его заманивают в ловушку, — выразительно сказал об этом, — но уступил.

“Как только Наполеон войдет, он оттеснит своих коллег за спину, вот так”, - и Сийес убедительно проиллюстрировал, что он имел в виду, втиснувшись между Жозефом и Кабанисом, а затем оттеснив их назад. Среди гражданского населения кампании Бонапарта в этот кризис активно помогали Талейран, Камбасерес, Роже-Дюко, Редерер, Буле, Ренье, Кабанис, друг Мирабо. Среди солдат ведущими агитаторами были Себастьяни, Мюрат, Леклерк, Мармон, Ланн, Макдональд.

Согласованный план состоял в том, что Совет старейшин, получив большинство голосов, должен издать указ о переносе законодательных сессий в Сен-Клу, назначить Наполеона главнокомандующим всеми войсками в Париже, назначить временное консульство (Наполеона, Сийеса и Роже-Дюко), на время которого заседания советов должны быть отложены и будет принята новая конституция. Назначенным днем было 18 Брюмера (9 ноября 1799 г.), и Старейшины должны были собраться в семь и принять декреты, согласованные руководящим комитетом Бонапарта. Пятьсот, большинство из которых не было получено, должны были встретиться *после того, как Древние* должны были проголосовать за перенос советов в Сент-Клу. Следовательно, они были бы бессильны помешать Наполеону сделать то, что он предлагал

18-го числа. Смогут ли они противостоять ему после того, как сформируются в Сент-Клауде 19-го числа, было другим вопросом.

ГЛАВА XX

В то время в Париже находились определенные батальоны, служившие при Наполеоне в Италии; также директорская, законодательная и национальная гвардии, которые он организовал. Естественно, все эти войска были благосклонно расположены к нему. Они уговаривали великого солдата провести смотр. Офицеры гарнизона и Национальной гвардии, которые не были представлены ему, попросили его принять их. Наполеон отложил выполнение этих просьб, тем самым увеличив рвение офицеров и рядовых. Теперь, когда его планы созрели, он назначил 18 Брюмера (9 ноября 1799 г.) на смотр и пригласил офицеров зайти к нему рано утром. Он извинился за столь необычный час тем, что ему придется уехать из города. Другие интересные встречи Наполеон назначил примерно в то же время. Он согласился провести конференцию с Баррасом вечером 17 Брюмера, и Директор ухватился за это обещание, как утопающий хватается за все, что находится в пределах досягаемости. Когда около полуночи Бурьен пошел сослаться на головную боль отсутствующего Наполеона, он увидел, как вытянулось лицо Барраса, как только открылась дверь. Измученный развратник не верил в головную боль Наполеона; но все же ему не хватило желания, или энергии, или влияния, чтобы противостоять заговору, который, как он теперь был уверен, был направлен против него так же, как и против других.

У Гойе также были назначены встречи с Бонапартом. Директор должен был завтракать, он и его жена, с Наполеоном 18 Брюмера, а Наполеон в тот же день должен был обедать с Гойе. Военный министр Дюбуа де Крансе предупредил и Гойе, и Мулена; но только к концу дня Гойе заподозрил неладное настолько, что утром 18-го держался подальше от дома Бонапарта. Его жена пошла туда, обнаружила, что заведение переполнено офицерами в блестящей форме, и вскоре ушла.

В этом скоплении солдат выделялась заметная фигура Моро. Недовольный правительством и не имея собственного плана, он позволил Наполеону завоевать его лестными словами, сопровождаемыми подарком в виде меча, украшенного драгоценными камнями. Он присоединился к движению с закрытыми глазами. Он не знал плана и не стал слушать, когда Наполеон предложил объяснить его.

Ревнивец Бернадотт держался в стороне. Поскольку он был в некотором роде членом семьи Бонапартов (они с Жозефом были женаты на сестрах), были предприняты серьезные усилия, чтобы нейтрализовать его, если не больше. Впоследствии Наполеон заявил, что Бернадотт присоединился бы к нему, если бы он был готов принять Бернадотта в качестве коллеги.

Какие бы усилия ни предпринимались, чтобы заполучить этого закоренелого врага Наполеона, они не имели иного результата, кроме как посвятить его в тайну и внушить ему осторожное желание разгромить заговор. К Ожеро и Журдану, обоим членам "Пятисот" и известным

якобинцам, вообще не обращались. Генерал Бюмонвиль, бывший жирондист, присоединился к нам.

Тем временем заговор действовал со стороны Сийеса-Талейрана. Совет старейшин, созванный в семь часов утра, чтобы не присутствовали недружелюбные и неназванные депутаты, проголосовал за то, чтобы советы собрались в Сен-Клу и чтобы Наполеону было поручено командование всеми войсками в Париже. Этот указ, принесенный ему домой, был немедленно зачитан им с балкона и одобрительно выслушан офицерами внизу.

Наполеоновская кампания была основана на предположении, что страна находится в опасности, что якобинцы составили заговор с целью ниспровергнуть все, и что все добропорядочные граждане должны броситься на помощь. Руководствуясь этой идеей, совет проголосовал за свое собственное перемещение в безопасное место и назначил Наполеона защищать правительство от заговорщиков, которые собирались напасть на него. Поэтому, когда Наполеон зачитал указ, он громко обратился к блестящей толпе офицеров в форме: “Поможете ли вы мне спасти страну?” Они дико кричали “Да” и размахивали мечами. Бернадотту и нескольким другим не понравилось происходящее, и они отошли в сторону; но, за этим исключением, все были полны энтузиазма; и когда Наполеон сел на коня, они последовали за ним. Он отправился в Совет старейшин, где принес служебную присягу, поклявшись не существовавшей тогда конституции, а в том, что во Франции должна быть республика, основанная на гражданской свободе и национальном представительстве.

Заседание совета было отложено в Сен-Клу, и Наполеон отправился в сады Тюильри для смотра войск. Он кратко обратился к ним с речью, и они повсюду приветствовали его криками “Да здравствует Бонапарт!”. Течение было таким сильным, что Фуше вызвался оказать помощь, о которой его не просили, и закрыл городские ворота. “Боже мой! для чего это?” - спросил Наполеон. “Прикажите открыть ворота. Я иду вместе с нацией и не хочу, чтобы было сделано ничего такого, что напоминало бы о днях, когда фракционные меньшинства терроризировали людей”.

Ожеро, видя, что победа обеспечена, пожалел, что не доверился своему бывшему начальнику: “Почему, генерал, вы забыли своего старого товарища Ожеро?” (Буквально “Вашего маленького Ожеро”.) Наполеон не доверял ему, он был ему не нужен, и фактически сказал ему об этом.

Директория пала под собственным весом; Сийес и Роже-Дюко, как и было условлено, ушли в отставку. Гойе и Мулен не хотели нарушать конституцию, которая запрещала менее чем трем директорам консультироваться вместе; а третьего человека, Барраса, нельзя было заставить действовать. Заговор застал его врасплох. Он знал, что нечто подобное совершается пешком, и попытался проникнуть внутрь; но он не подозревал, что Наполеон так скоро захлопнет ловушку. Он забыл об одном из важнейших элементов наполеоновской стратегии. Баррас с горечью отрицает, что несчастье обрушилось на него, когда он принимал ванну. Он упорно утверждает, чтобрился. Когда Талейран и Брюи вошли с готовым документом, который он должен был подписать, он подписал. Это была его отставка с поста директора. С горечью воскликнув: “Это— Бонапарт одурачил нас всех”, - он быстро собрался, покинул дворец и под эскортом наполеона был доставлен в свою загородную резиденцию Гро-Буа. Его подпись была получена частично угрозами, частично обещаниями. Он должен был получить защиту, сохранить свое нечестным путем нажитое богатство и, возможно, получить еще по крайней мере одну взятку. Говорят, что Талейран, оплачивая это последнее, оставил львиную долю себе.

Военный министр Дюбуа де Крансе бегал в поисках Руководителей, которые отдали бы ему приказ арестовать Наполеона. Как он рассчитывал выполнить такой приказ, если бы получил его, не уточняется. Поскольку Наполеон по закону командовал восемью тысячами солдат, которые уже тогда выкрикивали его имя во весь голос, и поскольку в Париже не было других войск, военному министру, возможно, повезло, что он не получил того, к чему стремился.

С этой отдаленной точки зрения вид Дюбуа де Крансе, преследующего наполеоновскую программу, наводит на мысль о поразительном сходстве с возбудимой маленькой собачкой, которая с неистовым лаем бежит за быстро движущейся вереницей автомобилей. “Что бы он с ней сделал, если бы поймал?” - столь же естественный вопрос в одном случае, как и в другом.

Столь непреодолимым было течение бонапартистской волны, что даже Лефевр, командующий гвардией Директории, человек, которого не посвятили в тайну и который пришел в дом Бонапарта в дурном расположении духа, чтобы узнать, что означает такое перемещение войск, был покорен словом, магнетическим взглядом, ласковым прикосновением и тактичным подарком в виде сабли, “которую я носил в битве при Пирамидах”. “Ты, республиканец, увидишь, как юристы разрушат Республику? Ты поможешь мне?” “Давайте бросим юристов в реку!” - без промедления ответил простодушный солдат.

По словам Фуше, было около девяти часов утра, когда Дюбуа нашел двух директоров, Гойе и Мулена, и попросил приказ арестовать Бонапарта. Пока они сомневались и колебались, секретарь Директории Лагард заявила, что не будет подписывать такой приказ, если его не подпишут три директора.

“ В конце концов, - ободряюще заметил Гойе, - как они могут устроить революцию в Сен-Клу, когда у меня в руках гербы Республики? Ничто законное не могло быть засвидетельствовано без печатей. Печати были у Гохье; следовательно, Гохье был хозяином положения. О таких юристах в условиях такого кризиса Лефевр вполне мог бы сказать: “Давайте сбросим их в реку”.

Почувствовав большое облегчение от заявления о котиках, Мулен вспомнил еще об одном утешении: в тот же день его пригласили встретиться с Наполеоном за обедом у Гойе. В перерыве между супом и сыром два честных Режиссера разгадают замыслы интригана Наполеона, а затем поставят ему мат.

Моро уже было поручено не допустить, чтобы эти доверчивые легисты разгуливали на свободе. Однако прошло совсем немного времени, прежде чем они осознали истинную ситуацию, и тогда они пришли к гротескному выводу. Они пойдут к Наполеону и отговорят его от его намерения. Баррас уже послал Ботто, своего личного секретаря, узнать, нельзя ли что-нибудь организовать. Наполеон строго сказал: “Скажите этому человеку, что я покончил с ним”. Он также обратился к изумленному Ботто с короткой речью, предназначенной для публикации: “Что вы сделали с той Францией, которую я покинул такой блестящей? Вместо победы я нахожу поражение” — и так далее.

С Гойе и Муленом обошлись вежливо, но их протесты были отклонены. Они напомнили Наполеону о конституции и присяге на верность. Он потребовал их отставки. Они отказались и продолжали протестовать. В этот момент пришло известие, что Сантер поднимает секцию Сент-Антуан. Наполеон сказал Мулену: “Передай своему другу Сантерру, что при первой постановке “Сент-Антуана” я прикажу его расстрелять”. Режиссеры не произвели никакого впечатления ни на Наполеона, ни он на них, и они вернулись в свою временную тюрьму в Люксембурге.

До сих пор в программе Бонапарта не было никаких сбоев. Предполагаемый якобинский заговор нигде не проявлялся; заговор Наполеона был в полном и мирном распоряжении. В Париже не было большого волнения, нигде не собиралось необычных толп. Прокламация была выпущена, чтобы успокоить людей, и отношение публики было скорее любопытством и ожиданием, чем тревогой. Ни один человек не встал на защиту Директории. Их собственная гвардия спокойно удалилась, чтобы пополнить ряды, которые кричали: “Ура Бонапарту!” Виктор Гран, адъютант Барраса, действительно посетил этого несчастного директора в семь часов утра 18-го и доложил ему, что один гвардейский ветеран все еще находится на своем посту. “Я здесь один, - сказал старый солдат. - все ушли”.

Тут и там были члены советов и генералы армии, которые были достаточно готовы проверить заговор Наполеона, если бы только знали, как это сделать. Когда Директория разгромлена, советы разделены и смещены, войска на стороне Наполеона, а Париж безразличен, как могли Бернадотт, Журден и Ожеро что-либо предпринять?

Они могли бы провести унылые маленькие совещания за закрытыми дверями, обсудить ситуацию и решить, что Наполеона следует обуздать. Но кто должен был насторожить кота? На встрече, проведенной несколькими депутатами и Бернадотом в доме Саличетти, было решено, что на следующее утро они должны отправиться в Сен-Клу, добиться назначения Бернадотта командующим законодательной гвардией и что затем он должен сразиться с заговорщиками. Саличетти выдал эту тайну Наполеону; и через Фуше он сорвал план, ловко задержав его авторов в Париже на следующее утро.

Для пущей уверенности были отданы приказы о том, что любой, кто попытается обратиться к войскам с речью, должен быть уничтожен.

Сийес посоветовал арестовать сорок или пятьдесят членов советов, наиболее яростно выступавших против программы Бонапарта, ночью. Наполеон отказался. “Я не нарушу клятву, которую дал сегодня утром”.

К полудню 19 Брюмера (10 ноября 1799 г.) члены советов были в Сен-Клу, возбужденные, подозрительные, возмущенные. Даже среди древних имела место реакция против Наполеона. Многие члены поддержали его 18 Брюмера, потому что верили, что он будет доволен местом в Директории. С тех пор дальнейшие конференции и слухи убедили их в том, что он стремится к диктатуре. Кроме того, те депутаты, которых обманом лишили возможности присутствовать на вчерашнем заседании, возмутились несправедливости и были готовы противостоять мошенникам. В течение пары часов, которые (из-за какой-то оплошности) им пришлось ждать, пока подготовят их залы, члены двух советов имели полную возможность пообщаться, посоветоваться и оценить силу оппозиции. Когда, наконец, они встретились в своих соответствующих кабинетах, они были в том настроении духа, которое вызывает тот вид беспорядков, известный как парламентская буря. Наполеон и его офицеры мрачно ждали в другой комнате дворца, когда будет предложена и поставлена на голосование урезанная программа. У ворот Сийеса были наготове карета и шесть человек, готовых сбежать в случае неудачи.

В Пятистах собраниях шум начался с заседания. Подавляющее большинство было против Бонапарта — в этом члены уже убедились. Но у оппозиции не было времени подготовить программу. Депутат за депутатом вскакивали на ноги и вносили предложения, но мнения не были сосредоточены. Одно предложение, однако, сработало; все они снова поклялись бы

поддерживать конституцию: это разоблачило бы предателей. Ничего подобного не произошло. Заговорщики принесли присягу без гримас - Люсьен Бонапарт и все остальные. Поскольку каждый член парламента должен был принести присягу отдельно, около двух часов ушло на эту ребяческую попытку выявить предателей и поддержать падающую конституцию.

В Древности тоже назревала буря. Когда люди, выбранные менеджерами "Бонапарта", выступили со вступительными речами и предложениями, были выслушаны возражения, потребованы объяснения и заданы неудобные вопросы. Зачем переносить советы в Сен-Клу? Зачем наделять чрезвычайным командованием Бонапарта? Где был этот великий якобинский заговор? Приводите факты и называйте имена!

Такие требования не могли быть удовлетворены. Неразбериха усилилась из-за сообщения органа о том, что четверо директоров подали в отставку. Разбирательство было приостановлено до тех пор, пока Совет Пятисот не получит этот отчет и не будут предложены какие-либо действия для заполнения освободившихся таким образом мест.

В этот момент в зал вошел Наполеон. Он слышал, как в "Пятистах" идут споры, но не ожидал неприятностей от "Древних". Ситуация начала выглядеть опасной. Ожеро, считая безопасным выплеснуть свои истинные чувства, насмешливо сказал Наполеону: "Теперь вы в довольно затруднительном положении".

"В Арколе было хуже", - последовал ответ.

Наполеон обращался к сочувствующим якобинцам на небольших политических собраниях; но обращение к законодательному органу было для него внове. Его обращение к древним было бессвязным и слабым. Он не мог назвать истинных причин своего поведения, и мнимая причина не могла быть подкреплена объяснением или фактом. Его попросили указать опасности, которые, по его словам, угрожали Республике, попросили описать заговор и назвать заговорщиков. Он не мог этого сделать, и после бессвязных рассуждений на эту тему друзья вытащили его из камеры. Несмотря на его катастрофическую речь, заговор набирал силу, и Совет старейшин придерживался программы Бонапарта. Наполеон немедленно отправился на Совет пятисот, и его появление в сопровождении вооруженных людей вызвало переполох. "Долой диктатора! От стыда! Разве для этого вы победили? Вон! Выставьте его вон!" Возбужденные участники вскочили на ноги, крича, жестикулируя, угрожая. К нему были приставлены грубые руки. Возможно, были обнажены ножи. Корсиканец Перетти угрожал Мирабо ножом в зале собраний; Тальен угрожал Робеспьеру кинжалом; нет ничего невероятного в истории о том, что корсиканец Арена, злейший враг Наполеона, теперь ударил его ножом. Во всяком случае, солдаты думали, что Наполеон в такой опасности, что вытащили его из толпы, а генерал Гарданн (как говорят) отнес его назад на руках.

"Закуска!" — раздался крик в зале - крик, перед которым упал Робеспьер. "Объявите его вне закона! Объявите его вне закона!"

Люсьен Бонапарт, президент организации, отказался внести это предложение. Тогда гнев Собрания обрушился на Люсьена, который тщетно пытался быть услышанным в защиту своего брата. "Он хотел объясниться, - воскликнул Люсьен, - а вы не захотели его слушать!" Видя, что суматоха усиливается, а требование внести предложение становится все более настоятельным, он снял с себя служебную мантию, послал за эскортом солдат, и его вынесли наполеоновские гренадеры.

В то время как зал заседаний совета звенел от шума, снаружи царило смятение. На мгновение менеджеры "Бонапарта" заколебались. Они не предвидели такой проверки. Сам Наполеон обратился с речью к войскам; и, сообщив им, что на его жизнь было совершено покушение, в ответ раздались крики "Да здравствует Бонапарт!" Было замечено, что он ежеминутно менял позу, делая как можно больше зигзагов, как человек, который боится, что какой-нибудь убийца может прицелиться в него из окна дворца. Он сказал Сийесу: "Они хотят объявить меня вне закона!" Сидя в своей карете, готовый бежать, но еще не встревоженный, бывший священник, как говорят, ответил: "Тогда вы объявляете их вне закона. Выставьте их вон". Наполеон, вернувшись в комнату, где сидели или стояли офицеры, в смятении и бездействии ударил по столу своим хлыстом для верховой езды и сказал: "Я должен положить этому конец". Все последовали за ним. Люсьен, вскочив на коня, обратился к войскам с речью, призывая их изгнать из зала фракционное меньшинство, которое запугивало добродетельное большинство совета. Солдаты колебались. Обнажив меч, Люсьен крикнул: "Я клянусь, что пронзу своего брата ножом в сердце, если он когда-нибудь попытается что-либо сделать против свобод народа!"

Это было драматично, и оно увенчалось успехом. Войска ответили радостными криками, и Наполеон увидел, что они наконец готовы. *"Теперь я скоро рассчитаюсь с этими джентльменами!"* Он подал Мюрату сигнал; Мюрат и Ле Клерк возглавили колонну, и под барабанную дробь колонна двинулась вперед. Законодатели хотели обратиться к войскам, но барабаны заглушили протест. Перед наступающей стальной линией участники покинули зал, и исход кампании Бонапарта был решен.

Но Сийес снова дал мудрый совет. Необходимо соблюдать юридические формы. Франция еще не была готова к обнаженному мечу военного деспота. Дружественных членов Совета Пятисот следовало разыскать и привести обратно в зал. Депутаты еще не ушли, они все еще пребывали во дворце в изумлении, горе и ярости. Люсьену Бонапарту, герою этого богатого событиями дня, удалось собрать около тридцати членов Совета пятисот, которые должны были проголосовать за программу Бонапарта. Они провели большую часть ночи, принимая предложенные меры. Было уже за полночь, когда постановления этого Захудалого парламента были представлены Древним на ратификацию. В этом собрании влияние Бонапарта снова было наивысшим, и там не требовалось никаких штыков. Наполеон, Сийес и Роже Дюко, назначенные временными консулами, предстали перед пятьюстами собравшимися между полуночью и рассветом, чтобы принести служебную присягу.

Затем в работе законодательных советов был объявлен перерыв до 19 февраля 1800 года. Были выбраны комиссии для оказания помощи в разработке конституции. Люсьен произнес последнюю речь Революции, и, по словам мистера Ланфри, это была самая напыщенная бессмыслица и ложь, которые были произнесены за весь период. Он сравнил Клятву на теннисном корте с только что проделанной работой и сказал, что, поскольку первая дала жизнь свободе, сегодняшняя работа придала ей мужественности и постоянства.

Только после того, как последняя деталь работы была закончена и оформлена юридически, Наполеон покинул Сен-Клу. Он даже продиктовал прокламацию, в которой представил общественности свой собственный отчет о событиях того дня. Он снова подчеркнул якобинский заговор, угрожавший Республике, он снова подтвердил свои клятвы верности этой Республике, он высоко оценил поведение древних и заявил, что насилие, примененное против Пятисот

человек, стало необходимым из-за мятежников, потенциальных убийц, которые стремились запугать хороших людей из этого сообщества. Это воззвание было вывешено в Париже накануне.

Чтобы подшутить над вымыслом, если это был вымысел, о том, что Наполеону угрожали ножами, был вызван гренадер Томас Томе, который сказал, что отразил удар. Он показал, где была разрезана или порвана его одежда. Как только сцена была должным образом подготовлена для этой сцены, любезная и благодарная Жозефина публично обняла Томе и подарила ему драгоценности. Позже Наполеон произвел его в капитаны.

Люди, которые поддерживали Наполеона в этот кризис, оставили его в долгу, который он никогда не переставал признавать и выплачивать. За одним возможным исключением, он осыпал их почестями и богатством. Возможным исключением был банкир Колло, который, по словам Фуше, обеспечивал финансирование предвыборной кампании. Тот простой факт, что Наполеон никогда не относился к Колло благосклонно, является веским косвенным доказательством того, что он не оказал такой помощи в этот кризис, которая создала бы долг благодарности.

Было утро, но еще до рассвета, когда усталый, но ликующий Наполеон добрался домой из Сен-Клу. Бросившись на кровать рядом с Джозефиной, он крикнул своему секретарю:

- Помни, Бурьен, завтра мы будем ночевать в Люксембурге.

ГЛАВА XXI

В воскресенье вечером, 19 брюмера, Наполеон был отчаянным политическим игроком, ставившим на кон состояние и жизнь; в следующий понедельник утром он спокойно уселся в кресло в Люксембургском дворце и начал издавать законы для Франции. Он занял первое место и удержал его не с помощью какой-либо уловки или юридического ухищрения, а благодаря своей врожденной властности и превосходству. По гениальности, хитрости, отваге он превосходил доктринера Сийеса и второсортного юриста Роже Дюко; кроме того, он держал армию в своих руках.

Печальное утешение в виде слов “Я же тебе говорил” - вот и все, что оставалось Сийесу. “Джентльмены, у нас есть хозяин”, - сказал он своим друзьям в тот понедельник вечером; и воле этого властного коллеги он всерьез не пытался противостоять. На самой первой встрече консулов Наполеон завоевал полное превосходство, отказавшись участвовать в секретном фонде, который Директора спрятали для своих собственных нужд. Они опустошили казну и потратили 15 000 000 долларов авансом из доходов, но все же отложили на черный день, который мог настигнуть их лично, сумму в 800 000 франков, или около 160 000 долларов. Сийес вежливо привлек внимание к этому факту и предложил ему, Дюко и Наполеону разделить фонд. “Разделите это между собой”, - сказал Наполеон, который отказался к этому прикасаться.



НАПОЛЕОН

В качестве первого консула в Мальмезоне. С картины Дж. Б. Изаби

Без малейших видимых усилий гений Наполеона распространился на великую работу по реорганизации Республики. До сих пор он был человеком в лагерях и на полях сражений; но он настолько полно овладел всем, что было связано с набором персонала, снаряжением и содержанием армии, прошел столь полезную стажировку в организации итальянских республик и прошел специальную школу общения с политиками всех мастей, заключения договоров и выведывания секретов партий, что действительно подошел к своей великой задаче великолепно подготовленным реальным опытом.

Теоретически новое правительство трех консулов было лишь экспериментальным, ограниченным шестидесятью днями. Два совета не были распущены. Очищенные примерно от шестидесяти яростно настроенных против Бонапарта членов "Древних" и "Пятисот", заседания были отложены до 19 февраля 1800 года. Если к тому времени консулы не смогли предложить Франции новую схему правления, которая была бы принята, советы должны были собраться снова и решить, что следует предпринять. Таким образом, на бумаге Наполеон был консулом с испытательным сроком, пилотом в испытательном полете. В своих собственных глазах он был бессменным главой государства, и каждое его движение совершалось под влиянием этого убеждения.

Решив, что реакции быть не должно, что у разрозненных сил оппозиции не должно быть общей причины и центра восстания, он разместил своих солдат в угрожаемых точках; а затем использовал все искусство опытного политика, чтобы обмануть и разделить врага. Роялистам он внушал ужас перед якобинским возрождением; якобинцам - ужас перед реставрацией Бурбонов. Духовенству он намекнул на возвращение старых добрых времен, когда ни один человек не мог законно родиться, невинно вступить в брак, достойно умереть или быть похороненным с надеждой на небеса, если только священник не выполнял все эти функции. Но превыше всего было его обещание сильного правительства, которое подавит фракции, восстановит порядок, сохранит собственность, гарантирует гражданскую свободу и сделает Республику процветающей и счастливой. Вера в то, что он сдержит свое слово, была основой почти всеобщего одобрения, с которым был воспринят его захват власти. Считалось, что он единственный человек, который может вытащить Республику из канавы, воодушевить армии, очистить государственную службу, восстановить разрушенные финансы, установить закон и порядок и объединить в гармоничную нацию фракции, раздиравшие Францию. Кроме того, считалось, что сильное правительство было бы самой надежной гарантией мира с иностранными государствами, поскольку считалось, что слабость Директории поощряет внешних врагов страны.

Одним из первых действий Наполеона было объявление амнистии за политические преступления. Он лично отправился освобождать заложников, заключенных в Тампле. Некоторых священников и эмигрантов, которые были брошены в тюрьму, он освободил. Закон о заложниках, по которому родственники несли ответственность за поведение родственников, он отменил.

Он напомнил о жертвах Фруктидора (сентябрь 1797 г.), которые были изгнаны, за исключением Пишегрю и Обри.

Мистер Ланфри говорит, что это исключение из закона о помиловании является доказательством “подлой и жестокой натуры Наполеона”. Давайте посмотрим. Пишегрю, республиканский генерал, командовавший республиканской армией, взял золото у бурбонов и согласился предать свою армию и свою страну. Мало того, он намеренно позволил врагу разбить эту армию. Как заметил Десо, Пишегрю был, пожалуй, единственным известным истории генералом, который когда-либо совершал нечто подобное. Был ли Наполеон подлым и жестоким, позволив такому человеку оставаться в изгнании? Если бы Вашингтон схватил и застрелил Бенедикта Арнольда, было бы это доказательством того, что натура Вашингтона была подлой и жестокой? Оставив Пишегрю там, где он находился, Наполеон поступил как можно снисходительнее к самоосужденному предателю.

Что касается Обри, то он занимал должность, пользующуюся высочайшим доверием при Республике, в то время как в душе был роялистом; он использовал это положение для подстрекательства к роялистским заговорам; он изо всех сил старался унижить Наполеона, отказываясь слушать других членов правительства в пользу Наполеона и выдвигал против Наполеона две причины, свидетельствовавшие о личной злобе, — молодость Наполеона и политика Наполеона. Простить такого человека, возможно, было бы великодушно; оставить его под справедливым осуждением не было ни подлым, ни жестоким.

По закону того времени насчитывалось около 142 000 эмигрантов, лишившихся жизни и имущества. Они поставили на карту все, выступая против революции, проиграли и были наказаны. Почти сразу же Наполеон начал открывать путь для возвращения этих изгнанников и восстановления их собственности. Как можно быстрее он расширил сферу своего снисхождения до тех пор, пока всем эмигрантам не было восстановлено гражданство, за исключением очень немногих (около тысячи), которые настолько отождествляли себя с бурбонами или которые настолько явно воевали с Францией, что их помилование не было признано разумным.

Священники постепенно были освобождены от всех наказаний и им было разрешено исполнять свои обязанности. Церквями пользовались христиане в седьмой день субботы, а теофилантропы — в декаду - праздник десятого дня. Секта "один" пришла на седьмой день со святой водой, свечами, святым образом, четками, распятием, песней, молитвой и проповедью о вере, надежде и милосердии, с ударением на слове "Вера". Другая секта пришла на десятый день с цветами для алтаря, гимнами и обращениями в честь тех благородных черт, которые составляют возвышенный характер, и с акцентом на таких словах, как Братство, Благотворительность, Милосердие и Любовь.

Конечно, прошло совсем немного времени, прежде чем христиане (так недавно помилованные) сочли невозможным терпеть людей десятого дня; и они были тихо подавлены в Конкордате.

Один из директоров, Ларевельер, был ярым теофилантропом, и вскоре после итальянской кампании он предпринял энергичные усилия, чтобы привлечь Наполеона на эту сторону. Секта, будучи молодой и слабой, не нашла никакой благосклонности в глазах амбициозного политика; и тот, кто в Египте сидел, скрестив ноги, среди улемов и муфтиев, скромно извлекая уроки из Корана, без колебаний воспротивился достижениям теософии.

Зайдя, возможно, слишком далеко в своей снисходительности к эмигрантам (позже Наполеон сказал, что это была величайшая ошибка, которую он когда-либо совершал!), новое

правительство, безусловно, допустило ошибку в своей суровости по отношению к якобинцам. Около пятидесяти девяти из них были осуждены за старые преступления и приговорены к изгнанию. Общественное мнение высказалось против этой произвольной меры *постфактум* настолько сильно, что она не была приведена в исполнение.

Люди из богатого класса были привлечены к правительству отменой закона, называемого Принудительным займом. На самом деле это был подоходный налог, целью которого было заставить капиталистов вносить свой вклад в поддержку государства. Директора, опасаясь, что богатые люди, облагаемые налогом, могут ошибиться в расчетах и доходности, оценили его с помощью жюри присяжных. Мрачные и гулкие вопли раздались среди пораженных капиталистов.

Хотя правительство установило налог как заем, подлежащий погашению за счет доходов от национального домена, антагонизм, который он вызвал, был сильным. В Англии мистер Питт (1798) ввел налог на доходы — очень тяжелый по своим требованиям и содержащий прогрессивный принцип увеличения налога на больший доход, — но Управляющие были слишком слабы, чтобы приспособить тот же инструмент к своим целям во Франции. Неверно оцененный, упорно сопротивлявшийся, собранный нерегулярно, он принес Директории больше одиозности, чем наличных денег.

Пятипроцентные фонды, которые упали до полутора процентов от их номинальной стоимости до 18 Брюмера, сразу выросли до двенадцати процентов и вскоре котировались по семнадцати.

Вернувшись к уверенности, Наполеон смог занять 12 000 000 франков на насущные нужды государства. Поскольку подоходный налог был отменен, налоги на недвижимость, личные данные и избирательные участки были увеличены на двадцать пять процентов. До сих пор эти налоги плохо оценивались, плохо собирались, неполно вносились в казну. Наполеон сразу же изменил методы исчисления, сбора и бухгалтерского учета. Сборщики налогов были обязаны выдавать облигации наличными; на них возлагалась ответственность за сумму налогов, начисленных по закону; им давалось определенное время для их взимания, и они должны были выставить свои собственные счета на сумму, начисленную. Эти векселя, обеспеченные денежным депозитом коллекционеров, сразу же превратились в хорошую коммерческую бумагу, и, таким образом, правительство получило средства еще до того, как были уплачены налоги.

Именно этим денежным вкладом коллекционеров Наполеон оплатил акции, которые правительство разместило в Банке Франции, который он организовал в январе 1800 года.

В руках правительства все еще оставалось большое количество конфискованной земли, и часть ее была продана. К этим источникам доходов вскоре добавились взносы, взимаемые с соседних и зависимых государств, таких как Генуя, Голландия и ганзейские города.

При Директории сбор налогов и набор в армию осуществлялись плохо, потому что эта работа была возложена на местные власти. Центральное правительство не могло воздействовать на гражданина напрямую; оно должно было полагаться на местные власти. Таким образом, когда местные власти бездействовали, административный механизм останавливался. Наполеон изменил все это и разработал систему, с помощью которой правительство имело дело непосредственно с гражданином. Это было национальное должностное лицо, которому помогал совет, которое оценивало и собирало налоги. Назначенные Наполеоном префекты

заняли место королевских интендантов бурбонской системы. Находясь на посту непосредственно у центрального правительства и подотчетные только ему, эти местные власти стали винтиками в колесе огромной, безотказной машины, полностью контролируемой Первым консулом. Разработанная им система внутреннего управления была настолько совершенна, что выдержала шок от всех изменений, произошедших с тех пор во Франции.

Держась подальше от партий и неуклонно придерживаясь политики слияния, Наполеон давал работу людям всех вероисповеданий. Он ненавидел жуликов, спекулянтов, казнокрадов. Он презирал простых болтунов и профессиональных ораторов. Ему нужны были работники, энергичные и практичные. Его не заботило ни прошлое, ни личная мораль. Он знал о порочности Фуше и Талейрана, но использовал их. Он давал работу роялистам, якобинцам, жирондистам, деистам, христианам и неверным. “Сможет ли он выполнить эту работу и будет ли он делать ее честно?” - это были высшие испытания. Никакая вражда не лишила бы его возможности служить честным и способным людям. Никакая дружба не потерпела бы продолжения пребывания на посту нечестного или некомпетентного человека. Решительный в своей политике брать людей такими, какими он их находил, максимально использовать подручные материалы, он давал высокую работу многим людям, которые лично ему не нравились. Он передал Талейрану министерство иностранных дел, Фуше - министерство полиции, Карно - военное ведомство. Моро он отдал самую большую из французских армий; Ожеро, Бернадота, Журдана он продолжал использовать. “Я не могу создавать людей; я должен использовать тех, кого найду”. Он снова сказал: “18 Брюмера - это медная стена, отделяющая прошлое от настоящего”.

Если они были способны, если они были честны, для Наполеона не имело значения, проголосовали ли они за убийство короля или за его спасение; он заставил их работать на благо Франции. Придя к власти, они должны работать. Никаких синекур, никаких окладов, выплачиваемых в качестве секретных денег, или косвенных взяток, или пенсий за прошлые заслуги, или прикрытия для привилегированных; все без исключения должны получать свою зарплату. “Идемте, господа!” Наполеон весело говорил государственным советникам, которые уже десять или двенадцать часов стучали молотком: “Идемте, господа, сейчас только два часа! Давайте займемся чем-нибудь другим; мы должны заработать деньги, которые нам платит государство”. Сам он трудился от двенадцати до восемнадцати часов в день, и его деятельность охватывала весь спектр общественной работы — от проверки солдатского обмундирования, планирования дорог, мостов, набережных, памятников, церквей, общественных зданий, выбора супрефекта, статуи для дворца, смотра полка, диктовки депеши или подробных налоговых сводок до общих положений основного закона, национальной политики и передвижений всех армий Республики.

При Директории военная администрация развалилась настолько, что военное министерство потеряло связь с армией. Солдат не кормили, не одевали и им не платило государство. Они могли существовать, только грабя как друзей, так и врагов. Гражданские и военные агенты Французской Республики совершали ужасные разрушения в Италии, Швейцарии и вдоль границы с Германией. Когда Наполеон обратился к покойному военному министру Дюбуа де Крансе за информацией об армии, он ничего не смог получить. Пришлось посылать специальных курьеров в различные командования для получения самых необходимых отчетов. При таком бесхозяйственном управлении в армии участились случаи дезертирства, и набор в армию почти прекратился. Былой патриотический энтузиазм исчез; “Марсельеза”,

исполнявшаяся в театрах по приказу Директории, была встречена одобрительными возгласами. Вдохнуть новую жизнь во французов, снова вселить в них уверенность, надежду, энтузиазм было великой задачей нового правительства. Якобинца нужно было заставить терпеть роялиста, жирондиста, Фейяна и священника. Каждого из них, в свою очередь, нужно было заставить терпеть друг друга и якобинца. Дворянин должен согласиться спокойно жить в пределах Республики, которая конфисковала его собственность, и рядом с человеком, которому она теперь принадлежит. Республиканец должен жить в гармонии с эмигрантской аристократией, которая когда-то втоптала его в грязь и которая объединила всю Европу против Франции в попытках восстановить старые злоупотребления. В условиях равенства, установленного законом, демократ должен привыкнуть к виду дворян и церковников на своих постах; а человек самого высокого происхождения должен быть доволен работой с коллегой самого низкого происхождения. С тех пор как началась революция, поочередно происходили массовые убийства католиков революционерами и революционеров католиками. Невозможно сказать, что пролило больше крови — Красный террор якобинцев или Белый террор католиков. Фанатизм как в одном, так и в другом случае проявлялся с самой безжалостной свирепостью. Теперь следовало положить конец жестокой расправе, и заставить людей, которые перерезали друг другу глотки, поддерживать мир.

Наполеон менее чем за год полностью преодолел трудности своего положения. Государственная машина работала с неослабевающей энергией по всему королевству. Налоги были уплачены, законы приведены в исполнение, порядок восстановлен, разбой подавлен, Вандея умиротворена, гражданские беспорядки прекращены. Кредит правительства был восстановлен, государственные фонды выросли, доверие вернулось. Люди всех партий, всех вероисповеданий обнаружили, что усердно трудятся, чтобы завоевать расположение того, кто трудился усерднее, чем любой смертный, известный истории.

Тем временем Сийес и обе комиссии работали над новой конституцией. Опасаясь абсолютной монархии, с одной стороны, и необузданной демократии - с другой, Сийес разработал план правления, который, по его мнению, сочетал в себе лучшие черты обеих систем. Должно было быть всеобщее избирательное право. Каждый взрослый француз, платящий налоги, которого достаточно волнует избирательное право, чтобы пойти и зарегистрироваться, должен иметь право голоса. Но эти избиратели не выбирали должностных лиц. Они просто избирали тех, из кого следовало выбирать должностных лиц. Основная масса народа должна была избрать десятую часть своего числа, которая должна была стать знатью коммуны. Они, в свою очередь, выберут одну десятую от своего числа, которые будут знаменитостями департамента. Они снова выберут одну десятую, которые будут национальными знаменитостями. Из этих знаменитостей будут выбраны должностные лица — национальные, ведомственные и общинные. Этот выбор был сделан не народом, а исполнительной властью. Должен был быть создан государственный совет, непосредственно работающий с исполнительной властью, которая назначала его членов. Этот совет, действующий совместно с исполнительной властью, предлагал бы законы трибунату, собранию, которое могло бы обсуждать эти подготовленные меры и которое могло бы направить трех своих членов в законодательный совет, чтобы поддержать закон или выступить против него. Этот законодательный орган мог заслушать защитников трибуната, а также делегатов государственного совета; и после выступлений этих защитников, "за" и "против", законодательный орган, как конституционное жюри, которое слушало дебаты, не вступая в дебаты само, могло проголосовать по предложенному закону. Кроме того, должен был существовать Сенат, назначаемый исполнительной властью и занимающий свой пост

пожизненно. Этот Сенат должен был избирать членов законодательного совета и трибуната, а также судей высокого апелляционного суда. Сенату было предоставлено право решать, являются ли законы конституционными.

Согласно плану Сийеса, должно было быть два консула, военного и мирного соответственно; и эти консулы должны были назначить министров, которые возглавляли бы правительство через своих назначенцев. Над двумя консулами должен был быть поставлен великий курфюрст, который должен был жить во дворце, содержаться в великолепном состоянии, получать великолепное жалованье, но который не должен был обладать никакой властью, кроме выбора консулов. Если Сенат в любой момент сочтет, что великий курфюрст ведет себя неподобающим образом, он может включить его в свое собственное тело и выбрать другого.

Сийес был одним из членов революционной партии, помогал качать колыбель, когда младенец только родился, пережил все изменения, связанные с его ростом, возмужанием, безумием и упадком. Большая часть постоянной полезной работы Революции была его заслугой. Теперь он хотел сформулировать для французов такой фундаментальный закон, который защитил бы их будущее от недостатков их национального характера, сохранив при этом для них то лучшее, что было в великих принципах Революции.

Когда-то он сам был церковником, знал Церковь и боялся ее. Он опасался, что священники, воздействуя с помощью суеверных страхов на умы невежественных масс, в конце концов воспитают в них враждебность к новому порядку - приучат их верить, что Старый режим был лучшим и должен быть восстановлен. Чтобы избавиться от этой опасности (опасности роялистов и священников сверху, действующих на невежественные массы внизу), дальновидный государственный деятель, имея дело с Францией такой, какой она была, не одобрял народный суверенитет. Массам было позволено выбирать своих правителей только косвенно. Люди могли выбирать местных знаменитостей, из числа которых должны быть выбраны местные чиновники; и эти местные знаменитости могли голосовать за знаменитостей департамента, из числа которых должны быть выбраны должностные лица департамента; и эти известные люди департамента выбирали бы из своего числа национальных знаменитостей, из числа которых должны быть выбраны кандидаты на национальные должности.

Эти избирательные органы становились все меньше по мере продвижения вверх. 5 000 000 избирателей страны сначала избрали 500 000 местных знаменитостей; они выбрали от себя 50 000 выборщиков из департаментов; а те, в свою очередь, выбрали путем голосования 5000 человек из своего числа, чтобы составить выборный класс для назначения на общенациональные должности. Исполнительная власть занимала все должности из этих различных групп. Снизу массы предоставляли материал для использования в управлении; сверху исполнительная власть делала свой собственный выбор из этого материала.

Это было далеко не представительное правительство; но это было далеко и от простого деспотизма, военного или иного. Эта система считалась настолько свободной, к какой Франция была тогда готова; и он действительно мудрый человек, который знает, что она добилась бы большего успеха при конституции, предоставляющей неограниченный народный контроль. Французы не были образованы или натренированы в республиканском правительстве, и усилия, которые были предприняты для поддержания республики в отсутствие такого образования и опыта, привели к диктатуре Великого комитета и Директории.

Наполеон и Сийес были единомышленны в вопросе о народном избирательном праве; они были далеки друг от друга в вопросе об исполнительной власти. По натуре “властный, упрямый, властолюбивый”, великий корсиканец и не помышлял о том, чтобы стать глупым, бесполезным избирателем. “Какой талантливый и благородный человек согласился бы на такую роль — кормиться и откармливаться, как свинья в ячмене, на столько миллионов в год?” Перед лицом этого презрительного противодействия великий курфюрст исчез. На его место был поставлен первый консул, которому были переданы все исполнительные полномочия. Ему выделили двух помощников консула, но их функции никоим образом не касались его.

Конституция, быстро доработанная, была представлена народу к середине декабря 1799 года. Он был принят тремя миллионами голосов — голосование против было незначительным.

“Эта конституция основана на истинных принципах представительного правления, на священных правах собственности, равенства и свободы”. “Революция закончилась”. Так гласила прокламация, опубликованная временным правительством.

Было предreshено, что Наполеон будет назначен первым консулом в новом правительстве, утвержденном народом. Не менее верно и то, что он продиктовал выбор двум своим коллегам — Камбасересу и Лебрену. Это были люди, чьи способности не вызывали беспокойства, и на них можно было положиться в том, что они будут считать звезды всякий раз, когда Наполеон в полдень объявит, что наступила ночь. Сийес был утешен подарком в виде прекрасного поместья Кросне и президентства в сенате. Роже-Дюко также мирно погрузился в лоно этого августейшего, хорошо оплачиваемого Собрания.

Именно в канун Рождества 1799 года началось правление трех постоянных консулов; по закону о его создании оно должно было просуществовать десять лет.

Это консульское правительство было великолепной машиной, способной творить чудеса под управлением умелого правителя. Суть его заключалась в концентрации и единообразии. Вся мощь нации была предоставлена в распоряжение ее главы. Он мог планировать и исполнять, издавать законы и обеспечивать их соблюдение, объявлять войну и командовать армиями, а также заключать мир. Он был хозяином дома и за границей. В нем была сосредоточена Франция. Он устанавливал ее законы, устанавливал налоги, диктовал ее систему школ, следил за ее дорогами и мостами, охранял ее города, выдавал лицензии на ее книги, называл численность ее армий; отправлял на пенсию старых, слабых и достойных; подвергал цензуре ее прессу, контролировал награды и наказания — его палец всегда был на пульсе нации, его воля была ее повелителем, его идеалы - вдохновением.

У людей не осталось никакой инициативы. Политическая свобода была воспоминанием. Городской мост не мог быть восстановлен или освещение деревни изменено без разрешения консула или его агентов. “Уверенность, идущая снизу; власть, нисходящая сверху”, - таков был принцип новой системы Сийеса. Именно по такой схеме могло случиться так, что власть правителя продолжала бы падать еще долго после того, как доверие подданных перестало расти.

Революция дошла до крайних пределов народного суверенитета, предоставив каждому гражданину право голоса, каждой общине право местного самоуправления; а массам привилегию избирать судебных и военных, а также политических чиновников. Говорили, что Франция разделена на сорок тысяч маленьких республик. Центральная власть была почти

нулевой; местная власть почти абсолютной. Именно эта федеративная система, доведенная до крайности (как в соответствии со Статьями Конфедерации в нашей собственной стране), сделала необходимым деспотизм Великого Комитета. Консульская конституция была противоположностью этому. Местное самоуправление утратило силу, центральная власть стала почти абсолютной. Префекты и субпрефекты, назначаемые исполнительной властью, руководили местными делами, номинально им помогали местные советы, которые собирались раз в год. Даже мэры занимали свои должности от центральной власти. От низшей ступени служебной лестницы к высшей шло неуклонное восхождение на одну ступеньку выше другой. Первый консул был главнокомандующим, ограниченный конституцией; ниже него, двигаясь от его прикосновения, шли все остальные государственные чиновники.

При Наполеоне бремя поддержки государства лежало на плечах сильных. Земля, богатство оплачивались прямыми налогами; таможенные пошлины взимались главным образом с предметов роскоши, а не с предметов первой необходимости. До революции налоги непривилегированных составляли более трех четвертей чистого продукта земли и рабочей силы. При наполеоновской системе налоги составляли менее одной четвертой части чистого дохода.

До революции бедняк терял пятьдесят девять дней в году на службе государству в виде налогов. Три пятых французов находились в таком положении. После революции ремесленник, механик и поденщик потеряли от девяти до шестнадцати дней в году. До революции Шампфор мог сказать: “Во Франции семь миллионов людей просят милостыню, а двенадцать миллионов не в состоянии ничего дать”. К тому же относится свидетельство Вольтера о том, что у трети французского народа ничего не было.

При Наполеоне американский путешественник полковник Пинкни мог написать: “Нет ни десятины, ни церковных налогов, ни налогообложения бедных. Все налоги вместе взятые не превышают одной шестой части арендной платы человека”.

До революции крестьянин-собственник и мелкий фермер из 100 франков чистого дохода платил 14 франков сеньору, 14 - Церкви и 53 - государству. После прихода Наполеона к власти тот же самый фермер из той же суммы дохода ничего не платил сеньору, ничего Церкви, очень мало государству и всего 21 франк коммуне и департаменту. При бурбонах такой фермер оставлял для собственных нужд менее 20 франков из 100; при Наполеоне он оставлял 79.

При Бурбонах гражданин был вынужден ежегодно покупать у правительства семь фунтов соли по цене тринадцать су за фунт для себя и каждого члена своей семьи. При Наполеоне он покупал не больше, чем ему было нужно, и цена была два су за фунт.

При бурбонах постоянным страхом крестьян на протяжении веков был Голод - национальный, вселенский, ужасно разрушительный голод. С приходом к власти Наполеона призрак исчез; и, за исключением локальных и случайных смертей в 1812 и 1817 годах, Франция больше не слышала о голоде.

Наполеон считал, что каждое поколение должно платить по-своему. Он не держал зла на потомство и не хотел жить за его счет. Следовательно, он не “пускал в обращение” займы, не выпускал облигаций и не накапливал государственный долг.

Лучший представитель рода Бурбонов, Генрих IV, живет в добрых воспоминаниях, потому что он хотел, чтобы пришло время, когда французский крестьянин мог раз в неделю есть курицу для тушения. Сравните это с тем, что пишет Лафайет (в 1800 году): “Вы знаете, сколько было нищих, людей, умирающих от голода в нашей стране. Мы их больше не видим. Крестьяне богаче, земля лучше обрабатывается, а женщины лучше одеты”.

Моррис Биркбек, английский путешественник, пишет: “Все уверяют меня, что богатство и комфорт фермеров удвоились за двадцать пять лет.

“От Дьеппа до этого места, Монпелье, мы не видели среди трудящихся ни одного такого изголодавшегося, измученного, несчастного существа, какое можно встретить в каждом приходе Англии, я чуть было не сказал, почти на каждой ферме.... Действительно богатая страна, и все же в ней мало богатых людей”.

Когда читаешь подобные абзацы, на ум приходят слова Джона Рескина: “Хотя Англия оглушена прялками, у ее народа нет одежды; хотя она почернела от добычи угля, у ее народа нет топлива, и они умирают от холода; и хотя она продала свою душу ради наживы, они умирают от голода!”

* * * * *

Как правительство, свергнутое Наполеоном, могло просуществовать гораздо дольше, даже мистер Ланфри не объясняет. У него не было ни денег, ни кредита; сама касса оперы была изъята, чтобы получить средства для отправки курьеров в армию. У него не было ни честности, ни способностей. Талейран, ведя переговоры с американскими посланниками, отказался вести дела, пока его руки не будут скрещены, согласно обычаю; разбойники грабили почтовые кареты в окрестностях Парижа; общественные дороги и каналы были почти непроходимы; восстание бросило вызов правительству в Вандее. Директория не обладала даже таким простым достоинством, как патриотизм; Баррас был продан бурбонам и имел в своем распоряжении письма-патенты, выданные ему графом Прованса, назначавшим его королевским уполномоченным по провозглашению и восстановлению монархии. “Если бы я знал о патентах 18 Брюмера, - восклицал впоследствии Наполеон, - я бы приколол их ему на грудь и приказал расстрелять”.

ГЛАВА XXII

Вся честь правителю, который начинает свое правление словами и делами, свидетельствующими о том, что он где-то слышал и прислушался к золотому тексту: “Блаженны миротворцы!”

Во Франции были беспорядки и столкновение фракций; была резня католиков протестантами и протестантов католиками; была гражданская война в Вандее. Не успел Наполеон стать хозяином, как раздались его приказы о мире, и года не прошло, как от Парижа до всех границ воцарилось спокойствие. По-королевски он простил всех, кто согласился бы принять его милосердие, подарив жизнь и власть многим тайным врагам, которые должны были помочь

свергнуть его в последующие годы. Франция успокоилась изнутри, Первый консул обратился к внешним врагам — к иностранным державам, объединившимся против нее.

На Рождество, 25 декабря 1799 года, Наполеон написал королю Англии и императору Австрии письма в благородных выражениях, в которых молился о прекращении войны. Авторы-роялисты поднимают вопрос об этикете, написанный его собственной рукой и адресованный лично этим монархам. Они утверждают, что письма, адресованные таким образом, были неподобающими. Подумайте о жестокости природы, которая могла бы превратить жизни тысяч людей в жалкий момент, подобный этому! По мнению недоброжелателей Наполеона, эти письма не были искренними. Как они пришли к этому знанию, они не могут объяснить; но они знают это. Средний читатель, не одаренный проницательностью профессионального клеветника, может быть уверен только в очевидных фактах дела, а они заключаются в том, что Наполеон сделал первые попытки к миру; что его слова звучат искренне и добродетельны тем, что они позитивны; и что его примирительные попытки были мягко отвергнуты Австрией и нагло Великобританией.

Настолько наглый был письмо-ответе, который Гренвилл, английский министр, посланный Министерством иностранных дел Франции, что даже Георга III. не одобрял он. Английский аристократ с невероятным высокомерием заявил французам, что им лучше восстановить династию Бурбонов, под властью которых Франция наслаждалась таким процветанием дома и уважением за границей. Поскольку Англия совсем недавно отняла у Бурбонской Франции почти каждый клочок территории, который у нее был в мире, — Канаду, Индию и т.д., — письмо Гренвилла было столь же глупым пренебрежением к фактам, сколь и к хорошим манерам. “Слава” Бурбонов, которая пала так низко, что Францию даже не пригласили на пир, когда была поглощена Польша; так низко, что французский флаг был покрыт позорным поражением на суше и на море, была темой, которая могла бы заставить даже британского чиновника кабинета министров колебаться, прежде чем он встанет не на ту сторону.

Честь переписки осталась за Наполеоном; и в качестве возражения на доводы Гренвилла о том, что бурбоны были законными правителями Франции, которых народ не имел права смещать, угрюмому англичанину напомнили, что логика его аргументации вернет Стюартов на английский трон, с которого их сверж восставший народ. Правда в том, что министерство Питта считало Францию исчерпанной. Великобритания желала заполучить Мальту и Египет, и считалось, что Франция вскоре потеряет каждую из них. Именно по таким причинам увертюры Наполеона были отклонены.

С императором России Первому консулу повезло больше. Царю не понравилось, как его использовали его союзники, Англия и Австрия. На самом деле, оба они обошлись с ним подло. К этому добавилось его недовольство Англией из-за ее замыслов на Мальте, в судьбе которой он проявлял интерес как защитник рыцарей Святого Иоанна.

Наполеон ловко сыграл на страстях царя (который был более или менее сумасшедшим), польстил ему, освободив русских пленных, удерживаемых Францией, и отправив их домой в новой форме. Вскоре у Наполеона не было более пылкого поклонника, чем безумный автократ Павел, который написал ему личное письмо с предложением совместной экспедиции против Индии.

Пруссия объявила о своем нейтралитете. Наполеон отправил Дюроку и молодому королю письмо с призывом к союзу, Гамбург был приманкой, брошенной перед глазами прусского монарха. Он был любезен, и его искушали, но он не уступил: Пруссия оставалась нейтральной.

У Великобритании были веские причины желать реставрации Бурбонов, из слабых рук которых выпала столь значительная часть колониальной империи Франции; у нее были веские основания полагать, что продолжение войны увеличит ее собственную колониальную империю, но то, как она отразила заигрывания Наполеона, нанесло Франции именно то оскорбление, которое было необходимо, чтобы побудить ее страстно поддерживать Первого консула.

Вынужденный продолжать войну, он вскоре начал готовиться к ней.

* * * * *

Можно усомниться в том, что какая-либо победа, которую он когда-либо одерживал, занимала более высокое место в памяти великого капитана, чем победа при Маренго. Он никогда не переставал вспоминать об этом как об одном из самых славных дней в своей жизни. Подтверждение этому мы видим в Мемуарах генерала Марбо. Шел 1807 год, битва при Эйлау состоялась, армии снова пришли в движение; и Ланн, сильно потесненный русским войском во Фридланде, послал своего адъютанта к императору, чтобы поторопить поддержку.

Верхом на моей стремительной Лизетте я встретил императора, покидающего Эйлау. Его лицо сияло. Он заставил меня ехать рядом с ним, и пока мы скакали галопом, я должен был рассказать ему о том, что произошло на поле битвы перед моим отъездом. Закончив доклад, император улыбнулся и спросил: “У вас хорошая память?” — “Совершенно справедливо, сир”. — “Ну, а какая годовщина сегодня, 14 июня?” “Маренго”. — “Да, - ответил император, - и я собираюсь разбить русских сегодня, как я разбил австрийцев при Маренго”. И когда Наполеон добрался до поля боя и проехал вдоль линии фронта, он крикнул своим войскам: “Это счастливый день, годовщина Маренго!” Войска приветствовали его, когда он ехал верхом, и выиграли для него великую битву при Фридланде”.

Он бережно хранил старую форму, саблю, шпоры, шляпу, которые были на нем в тот солнечный день в Италии в 1800 году. В год своей коронации императором он понес Жозефину посмотреть на равнину, которую увековечил, снова участвовал в фиктивной битве при Маренго, одетый в выцветшую форму, которую носил в тот знаменательный день.

Кажется, что даже во время его последнего путешествия на мрачную остров Святой Елены эти реликвии славного прошлого не были забыты. Мы читаем, что, когда мертвый воин лежал неподвижно в своем гробу на той далекой скале, ему на ноги накинули “плащ, который он носил при Маренго”.

* * * * *

Это была действительно блестящая кампания, великолепная по замыслу, исполнению и результатам.

Армия Моро, численностью более ста тысяч человек, стояла на Рейне. Массена вместе с итальянской армией охранял Апеннины, сталкиваясь с превосходящими силами противника. Из Парижа Первый консул убеждал Массену удерживать свои позиции, а Моро наступать. Против последнего был слабый австрийский командующий Крэй с силами, примерно равными

французским. Было потеряно много времени, Наполеон предложил план, который Моро считал слишком смелым и не хотел рисковать. Наконец первый консул уступил, развязал Моро руки, и началось наступление. Рейн был форсирован, и Моро начал серию побед над Краем, которые привели его к Дунаю. Но австрийцы, перейдя в наступление на итальянскую армию, рассекали ее надвое и заперли Массену в Генуе, где английский флот мог оказать содействие французам.

Именно тогда Наполеон почти тайком собрал другую армию, состоявшую частично из призывников, частично из ветеранов вандейской и голландской армий, и поспешил с ней к подножию Альп. План состоял в том, чтобы пройти эти горы, обрушиться на австрийский тыл и одним ударом освободить Италию. Его враги прослышали об армии резерва, которую он собирал в Дижоне. Шпионы отправились туда, увидели несколько тысяч необученных рекрутов и доложили, что у Наполеона не было Резервной армии — что он просто пытался блефом заставить старого Меласа ослабить свою хватку в Генуе. Наполеону как раз подходило, чтобы к его новой армии относились как к посмешищу. С непревзойденным искусством он поощрял шутку, пока собирал, муштровал и снаряжал в разных точках различные отряды, с которыми намеревался выступить в поход.

Согласно конституции, Первый консул не мог законно командовать армией. Однако ему не запрещалось присутствовать в качестве заинтересованного зрителя, пока командовал кто-то другой. Поэтому он назначил Бертье главнокомандующим.

В начале мая 1800 года все было готово, и Первый консул покинул Париж, чтобы стать заинтересованным наблюдателем за передвижениями Резервной армии. На фронте форма и вымысел уступили место действительности, и слово Наполеона было словом вождя. Через четыре разных перевала войска вошли в горы, основная армия переправилась через реку Большой Сенбернар.

Современные студенты, которые сидят в уютных библиотеках и восстанавливают в памяти трудные кампании прошлого, обнаружили, что переход Наполеона через Альпы, в конце концов, не был чем-то великим. Они говорят, что у его войск было вдоволь еды, питья и одежды; тысячи мулов и крестьян, помогавших в тяжелой работе похода; никаких врагов, с которыми можно было сражаться в пути; и что его марш был немногим больше военного парада. Действительно, это была одна из тех вещей, которые после того, как они были сделаны, казались намного проще, чем раньше. И все же, должно быть, было выдающимся подвигом взобраться на эти могучие барьеры, на которых лежал снег, проложить в воздухе тропинки, над которыми нависала лавина и под которыми зияла пропасть, — все это было сделано с такой скоростью, что французы оказались в Италии прежде, чем австрийцы поняли, что они покинули Францию. Большая часть маршрута проходила по узким уступам, по которым пастух ходил с опаской. Провести полностью оснащенную армию по этим скалистым уступам — конницу, пехоту, артиллерию, боеприпасы, припасы, — кажется, даже в этот ничем не примечательный день было триумфом организации, мастерства, дальновидности и отваги. Всего несколькими месяцами ранее русская армия во главе с Суворовым отважилась перейти Альпы — и перешла; но только половина из них вышла оттуда живой.

Менее чем через неделю французы предприняли смелую попытку и были в долинах Италии, наступая в тыл Австрии. Они привели кавалерию и пехоту почти без потерь. Пушки были уложены в выдолбленные бревна и подтянуты на веревках. Маленький форт Бард, прилепившийся прямо к дороге, ведущей с гор, на мгновение угрожал всему предприятию

гибелью. Наполеон знал о крепости, но недооценил ее значение. В течение нескольких часов казалось, что в авангарде неминуема паника, но была найдена козья тропа, которая вела мимо форта по скалам выше. Пушки проскользнули мимо ночью по дороге, засыпанной мусором.

Оставаясь на стороне Франции, чтобы как можно быстрее направить войска вперед, Наполеон одним из последних вошел в горы. Он ехал верхом на уверенном муле, а рядом с ним шел его проводник, молодой крестьянин, который не стеснялся, когда они продвигались вперед. Этот крестьянин тоже смотрел в будущее и хотел возвыситься в мире. Его сердце мечтало о ферме в Альпах, где он мог бы пасти небольшое стадо, выращивать кое-что необходимое, жениться на девушке, которую полюбит, и жить долго и счастливо. Путешественник на муле, казалось, был глубоко погружен в свои мысли, но, тем не менее, он слышал все, что говорил горец.

Он дал молодому крестьянину средства, необходимые для покупки дома и земли; и когда империя Наполеона развалилась на куски, семья его старого проводника все еще жила довольная в доме, предоставленном Первым консулом.

Наполеон настолько искусно обманул австрийцев, что Резервная армия до сих пор считалась мифом. Горные перевалы, где несколько батальонов могли бы разгромить целую армию, остались без охраны; и когда французы численностью около шестидесяти тысяч человек стояли на равнинах Италии, Меласа с трудом удалось заставить поверить этим новостям.

Теперь, когда он был в Италии, казалось бы, Наполеону следовало освободить Геную, как он и обещал. Массена и его героический отряд были там, испытывая все муки войны, голода и чумы. Но у Наполеона был более грандиозный план. Идти на Геную, сражаясь по пути с отрядами австрийцев и переходя от одной громкой победы к другой, было слишком обычным делом. Наполеон хотел нанести удар, который уничтожил бы врага и поразили мир. Поэтому он намеренно оставил армию Массены умирать с голоду, а сам двинулся маршем на Милан. Один за другим Ланн, возглавляя авангард, разбивал австрийские отряды, которые препятствовали его продвижению, и Наполеон с триумфом вступил в Милан.

Здесь он провел несколько дней на празднествах и церемониях, купаясь в роскоши безграничного преклонения. Тем временем он бросил свои силы в тыл Меласу, раскинув огромную сеть вокруг этого храброго, но почти деморализованного командира.

4 июня Массена согласился эвакуировать Геную. Его войска, подкрепившись от австрийцев, выступили маршем, чтобы присоединиться к французам в Италии. Таким образом, также были высвобождены сильные австрийские силы, которые поспешили присоединиться к Меласу.

Когда поздно ночью 8 июня Бурьен вошел в комнату Наполеона и, разбудив его от крепкого сна, объявил, что Генуя пала, он сначала отказался в это поверить. Но он немедленно поднялся, и через короткое время приказы полетели во всех направлениях, меняя дислокацию армии.

9 Июня Ланн с помощью Виктора, который подошел ближе к концу дня, одержал запоминающуюся победу в Монтебелло.

Наполеон, покинувший Милан и занявший сильную позицию в Страделле, был в состоянии крайней тревоги, опасаясь, что Мелас вот-вот ускользнет из сетей. 10 и 11 июня прошли без какой-либо определенной информации о передвижениях австрийцев. 12 июня его нетерпение стало настолько велико, что он оставил свою позицию у Страделлы и продвинулся к высотам

Тортоны. На следующий день он миновал Скривию, вступил на равнину Маренго и выбил небольшой австрийский отряд из деревни. Наполеон был убежден, что Мелас сбежал, и странным комментарием к разведке, проведенной в то время, является то, что местонахождение австрийской армии было совершенно неизвестно французам, хотя они находились всего в нескольких милях друг от друга. Оставив Виктору во владении деревню Маренго и разместив Ланн на равнине, Наполеон направился обратно в штаб-квартиру в Вогере. По счастливой случайности Скривия вышла из берегов, и он не мог переправиться. Таким образом, он оставался достаточно близко к Маренго, чтобы исправить свою ужасную ошибку, заключив, что Мелас намеревался запереться в Генуе. Дезэ, только что вернувшийся из Египта, прибыл в штаб 11 июня и сразу же был назначен командующим дивизией Буде. 13 июня Дезэ получил приказ выступить на Нови, по которому Мелас должен был пройти в Геную.

Таким образом, накануне одного из самых знаменитых сражений в истории выигравший его солдат был полностью не в курсе положения и целей своего противника. Его собственная армия была широко рассеяна, и только по счастливой случайности он оказался в пределах досягаемости точки, куда пришелся удар. Штабной офицер, которого он послал на разведку, доложил, что австрийцы не овладели мостами через Бормиду. Фактически они овладели этими мостами, и на рассвете 14 июня они начали переправляться по ним с намерением сокрушить слабые французские силы у Маренго и прорваться через сеть Наполеона. Около тридцати шести тысяч австрийцев обрушились на шестнадцать тысяч французов. Виктор был выбит из деревни, и к десяти часам утра его войска беспорядочно отступали. Превосходное мужество Ланна остановило разгром. С предельной твердостью он держал свои войска в узде, медленно отступая и отчаянно сражаясь при отступлении. На полной скорости Наполеон вступил на поле боя, ведя за собой консульскую гвардию и дивизию Монье. Уже были отправлены курьеры, чтобы доставить Дезэ обратно к основным силам армии; но прежде чем эти гонцы достигли его, он услышал канонаду, догадался, что Мелас разбил французов при Маренго, и немедленно двинул свои колонны к полю сражения.

Присутствие Наполеона, его подкрепления, его умелая диспозиция вдохнули новую жизнь в борьбу; но когда прошло утро и наступила вторая половина дня, стало очевидно, что австрийцы победят. Французы уступали во всех точках, и на отдельных участках поля разгром был полным. Наполеон сидел на обочине дороги, размахивая хлыстом для верховой езды и призывая проезжавших мимо него беглецов остановиться, но их бегство продолжалось. Коммивояжер покинул поле боя и умчался, чтобы сообщить в Париж весть о том, что Наполеон потерпел крупное поражение.

Мелас, угнетенный возрастом и измученный дневной жарой, решил, что битва выиграна; отправился в свой штаб, чтобы отправить депеши на этот счет, и возложил задачу преследования на своего подчиненного, Зака. Но пришел Десо: “битва проиграна, но есть время выиграть другую”.

У французов осталось всего двенадцать артиллерийских орудий. Мармон сосредоточил их и открыл огонь по плотной австрийской колонне, наступавшей по дороге в *Эшелон*. Дезэ бросился в атаку и почти сразу же получил пулю в грудь и погиб “прекрасной смертью солдата”. Но его войска яростно продвигались вперед, в замешательстве отбросив голову австрийской колонны. В этот момент, “в самый последний момент”, как сам Наполеон признался Бурьену, Келлерман предпринял свою знаменитую кавалерийскую атаку во фланг австрийской колонне,

рассек ее надвое и решил исход дня. Французские линии повсюду продвигались вперед, австрийцы были разбиты. Они были сбиты с толку внезапной переменой: у них не было командира, Зак был в плену, а Мелас отсутствовал. В диком смятении они бежали к мостам через Бормиду, австрийская лошадь топтала австрийских пехотинцев, а французы гнались за ними по горячим следам.

В этой кровопролитной битве было убито или ранено около шестнадцати тысяч человек, и почти половина из них были французами. Но австрийцы были деморализованы, а Мелас настолько подавлен, что поспешил подлечиться. Чтобы спасти остатки своей армии, он был готов покинуть северную Италию, отказаться от Генуи и всех недавно взятых крепостей.

С поля Маренго, окруженного таким количеством убитых и искалеченных, Наполеон написал длинное письмо императору Австрии, настоятельно умоляя о всеобщем мире.

Вернувшись в Милан, он был встречен с бесконечным энтузиазмом. Он провел там несколько дней, восстанавливая Цизальпинскую республику, реорганизуя администрацию и приводя себя в соответствие с Римско-католической церковью. Так же искренне, как он уверял магометан в Египте, что его миссия на земле состоит в том, чтобы сокрушить Папу Римского и опустить Крест, теперь он провозгласил себя восстановителем христианской религии. Он торжественно отправился в Миланский собор, чтобы принять участие в церковном шествии, и приложил немало усилий, чтобы это было опубликовано за границей, чтобы священники могли рассчитывать на его защиту.

Оставив Массену командовать итальянской армией, Наполеон вернулся в Париж через Лион. Овации, которыми его встретили, были столь же спонтанными, сколь и сердечными. Никогда ни до, ни после его присутствие не вызывало таких всеобщих, искренних и радостных аплодисментов. Он был все еще молод, все еще был первым должностным лицом республики, все еще умиротворяющим и притягательным, все еще выдавал себя за государственного служащего, который мог скромно написать, что “он надеялся, что Франция будет довольна своей армией”. Он еще не был всепоглощающим эгоистом, который должен быть всем. Моро все еще стоял во главе армии, Карно - в военном министерстве, существовал трибунал, который мог обсуждать политику правительства; существовало общественное мнение, которому нельзя было открыто перечить.

Следовательно, французы приветствовали дома национального героя, а не господина, перед которым заискивали льстецы. Весь Париж был иллюминирован от хижины до дворца. Тысячи людей устремлялись вперед, только чтобы увидеть его; Тюильри был окружен лучшими людьми Парижа, всем не терпелось хоть мельком увидеть его в окне, и, где бы он ни появлялся, они приветствовали его восторженными криками. Он сам был глубоко тронут и позже сказал, что это были самые счастливые дни в его жизни. Еще не пришло время, когда он появится у этих самых окон, чтобы ответить на крики нескольких мальчишек и бездельников, в тоскливые дни перед Ватерлоо.

Обладая талантом производить впечатление, который был одной из наиболее развитых черт характера Наполеона, он приказал консульской гвардии вернуться во Францию почти сразу после Маренго, рассчитав ее марш таким образом, чтобы она прибыла в Париж в день великого национального праздника 14 июля. В тот день, когда так много тысяч французов, одетых в парадные наряды, толпились на Марсовом поле и предавались ликованию, колонна из

Маренго, покрытая пылью, одетая в свою старую форму и несущая закопченные, пробитые пулями знамена, внезапно вошла в огромный амфитеатр. Эффект был электрическим. Крик за криком приветствовали возвращающихся героев; и в неконтролируемом порыве люди бросились к этим ветеранам из Италии со всеми проявлениями радости, привязанности и дикого энтузиазма. Беспорядок был настолько велик, что обычная программа дня была отброшена в сторону; жители Маренго затмили все остальные развлечения.

Примерно в это же время бурбоны предприняли попытки убедить Наполеона сыграть роль Монка в восстановлении монархии. Были наняты вкрадчивые священники с письмами и прелестные женщины с тайными предложениями, а легкомысленная Жозефина изящно поддавалась интриге. Первый консул был последним из людей, кто выгребал каштаны из огня для других людей, и бурбонам было твердо рекомендовано смириться с ситуацией, которая оставляла их в изгнании.

Потерпев неудачу в своих попытках подкупить его, монархисты решили убить его; и более жестокие якобинцы, видя его имперскую направленность, были в равной степени поражены. Именно последняя группировка совершила первое покушение на его жизнь. Заговор Черакки, Арены и Топино-Лебрена был раскрыт полиции. Серакки был итальянским скульптором, создавшим бюст Наполеона. Арена был корсиканцем, чей брат нацелил нож на Наполеона 19 Брюмера. Топино-Лебрен был присяжным, который сомневался в виновности Дантона и которого художник Дэвид вынудил проголосовать за смертную казнь. Они были осуждены и казнены.

Еще более опасным был заговор роялистов. Была изобретена адская машина, с помощью которой Наполеон должен был быть взорван по пути в оперу. Прогремел взрыв, но слишком поздно. Наполеон только что проехал мимо. Человек, отвечающий за машину, не отличил экипаж Жозефины от экипажа Наполеона и подошел слишком близко, чтобы убедиться в этом. Охранник пинком оттолкнул его, и пока он приходил в себя, кучер Наполеона яростно выехал из-за угла. Раздался звук, похожий на гром, многие дома были разрушены, много людей убито и ранено.

“Вперед!” - крикнул Наполеон; и когда он вошел в свою ложу в опере, вид у него был такой, словно ничего не произошло. “Эти негодяи пытались взорвать меня”, - хладнокровно сказал он, усаживаясь на свое место и требуя книгу об опере. Но когда он вернулся в Тюильри, то был в ярости и яростно обвинил якобинцев в том, что они были авторами заговора. Напрасно Фуше настаивал на том, что виноваты роялисты; Первый консул отказался слушать.

Воспользовавшись настроением, вызванным в его пользу попытками покушения на него, он приказал создать новый трибунал, состоящий из восьми судей, которые должны были судить политических преступников без присяжных, без апелляции или пересмотра. Другим законом он был уполномочен изгонять без суда тех лиц, которых считал “врагами государства”. Сто тридцать наиболее жестоких республиканцев были сосланы в исправительные колонии.

С целью нащупать общественный пульс Фонтанес и Люсьен Бонапарт выпустили брошюру под названием “Параллель между Цезарем, Кромвелем, Монком и Бонапартом”. Намекалось, что верховная власть должна быть передана Наполеону, что его следует сделать королем. Груша была не совсем спелой, брошюра произвела плохой эффект. Наполеон, который, несомненно, поощрял ее публикацию, немедленно отрекся от нее; и Люсьен, уволенный с поста министра внутренних дел, был направлен послом в Испанию.

Как бы ни стремилась Австрия к миру, она не могла заключить его без согласия Англии, своего союзника. Британское министерство философски отнеслось к сокрушительным ударам, которые Франция нанесла Австрии, и, будучи защищенным от нападения, поощряло Австрию продолжать борьбу. Не имея возможности послать войска, Англия посылала деньги. За 10 000 000 долларов она купила дальнейшее использование немецких солдат для обеспечения занятости Франции на Континенте, в то время как Великобритания направила свою энергию на захват Мальты и Египта. Таким образом, случилось так, что срок перемирия истек без согласования договора, и война между Республикой и Империей возобновилась (ноябрь 1800 года). Брюн разбил австрийцев при Минчо; Макдональд совершил героический марш через перевал Сплуген; Моро одержал великолепную победу при Гогенлиндене (4 декабря 1800 г.).

Кажется, что, прояви Моро чуть больше стремительности, он мог бы взять Вену, беззащитную перед маршем трех победоносных армий. Но Австрия попросила перемирия, дала обещания доброй воли, и французы остановились. 9 февраля 1801 года Люневильский мир положил конец войне. Франция отвоевала границу по Рейну; и, в дополнение к территории, отошедшей ей по Кампо-Формийскому мирному договору, получила Тоскану, которую Наполеон обещал Испании в обмен на Луизиану.

Позиции Наполеона на Континенте теперь были очень сильны. Пруссия была дружественным нейтралом; Испания - союзником; Италия и Швейцария были немногим более чем французскими провинциями; Батавская республика и Генуя были покорными подданными; Португалия находилась под его властью в силу его договора с Испанией; а российский царь был восторженным другом. Англия была почти полностью отрезана от Континента.

Ее наглое осуществление права досматривать нейтральные суда в открытом море, права, которое не имело основания в законе или справедливости, вызвало ненависть всего мира, и Наполеон воспользовался этим чувством и дружбой России, чтобы реорганизовать вооруженный нейтралитет северных держав с целью вразумления Англии. Ее ответ был жестоким и эффективным. Она послала свой флот под командованием Паркера и Нельсона бомбардировать Копенгаген и уничтожить датский флот. Работа была проведена жестоко, и лига севера распалась. За этим ударом английской партии в Санкт-Петербурге последовало убийство царя Павла. Едва молодой Александр был провозглашен, как он объявил о своей приверженности англичанам и своем антагонизме французам. Возможно, он был свободен от вины в соучастии в убийстве своего отца; но нельзя отрицать, что он продолжал награждать высшими должностями главных убийц — например, Бенигсена.

Клебер, славно зарекомендовавший себя в Египте, был убит в день Маренго. Это одна из загадок карьеры Наполеона, что он позволил некомпетентному Мену стать преемником командования, где требовалось так много исполнительных и административных способностей. Возникает соблазн подумать, что даже в это раннее время гений Наполеона был перегружен. Пытаясь сделать так много вещей, он пренебрег некоторыми. Египет он, конечно, пытался облегчить, отправив подкрепления; но он все запорол, всем пренебрег и все потерял, позволив такому отъявленному идиоту, как Мену, остаться главнокомандующим. Почему он не назначил Ренье или Ланусса, которые оба уже были в Египте, или почему он не прислал какого-нибудь

хорошего офицера из Франции, можно объяснить только теорией, что его ум был настолько занят другими делами, что он не придавал должного значения положению Восточной армии.

Правление Мену было унылой главой глупостей; и когда англичане высадились в Александрии, они легко одержали победу. Без особых усилий и небольшого кровопролития французы были разбиты наголову и согласились покинуть страну.

Когда эта весть дошла до Наполеона, его гнев и огорчение были крайними. Он вскочил на коня и умчался в Буживальский лес, как будто за ним гнались фурии. Час за часом он бешено скакал по лесу, к удивлению своих сотрудников, которые не могли догадаться, в чем дело. Наконец, когда буря утихла, он раскрылся перед верной Жюно. В тот вечер Жюно сказал своей жене: “Ах, мой генерал жестоко пострадал сегодня: Египет захвачен англичанами!”

Мальта также была захвачена, и Наполеон с огорчением осознал, что его экспедиция на Восток не имела никакого другого результата, кроме как посеять семена для урожая в Англии.

Однако Великобритания была встревожена увеличением своего государственного долга, подавлена бременем налогов и несколько напугана энергией, которую Наполеон начал проявлять при строительстве французского военно-морского флота. Чудовищная демонстрация в Булони, где он собрал огромное количество вооруженных шлюпов, очевидно, с целью вторжения в Англию, и провал атаки, которую Нельсон предпринял против этой флотилии, возымели действие; и в марте 1802 года, к радости всего мира, был подписан Амьенский мир.

Впервые с 1792 года в Европе воцарился всеобщий мир.

ГЛАВА XXIII

Ни у Франции, ни у всего человечества теперь не осталось ничего, кроме воспоминаний о великолепии Маренго, Аустерлица, Йены и Ваграма; но работа, которую проделал Наполеон, пока Европа давала ему несколько лет мира, сохранится на века. Если бы Амьенский мирный договор был прочным, если бы Англия сохранила веру, если бы династии старого света были готовы принять в то время те необходимые изменения, которые с тех пор стоили стольких труда, крови и сокровищ, Наполеон мог бы войти в историю не как типичный боец современности, а как несравненный разработчик, организатор, администратор и законодатель. В его многогранном характере чувствовался всесторонне развитый мирный человек, который получал удовольствие от улучшений, от приукрашивания, от роста торговли, сельского хозяйства и мануфактур; от прогресса искусства, науки и литературы; от тщательного обучения молодежи, заботы о более слабых членах общества, справедливого применения мудрых законов, признания заслуг всех видов. Упорядоченный марш промышленных легионов доставлял ему не меньшее удовлетворение, чем марш армий. Мы так много читали о его сражениях, что привыкли думать о нем как о человеке, который никогда не был так счастлив, как на войне. Это мнение поверхностно и неверно. Похоже, что он никогда не был более энергичным, способным, эффективным, никогда не чувствовал себя более непринужденно,

никогда не был более жизнерадостным, довольным, добрым и притягательным, чем в работе, связанной с его школами, больницами, общественными памятниками, всевозможными общественными улучшениями, кодификацией законов, поощрением и развитием различных отраслей промышленности Франции. Ни один трофей ни в одной из своих кампаний он не демонстрировал с таким удовлетворением, как демонстрируя посетителям кусок сахара, приготовленного французами из свеклы, — триумф отечественной промышленности, во многом обусловленный его стимулирующим импульсом.

Во всех подобных вопросах его интерес был разумным, настойчивым и интенсивным. Ему было дано совсем немного месяцев, чтобы посвятить себя такому труду; но он добился огромных успехов в построении новой системы для Франции, которая творила с ней чудеса и которая оказала свое влияние во всем цивилизованном мире.

Деятели Революции набросали грандиозную схему государственного образования, но она так и осталась наброском. Наполеон изучил их схему, усовершенствовал ее, принял и успешно внедрил в действие. Его тщательная система обучения, контролируемая государством, от начальных школ до лицеев и Технологического института, по сути, остается во Франции такой же, какой он их оставил.

При Директории общество стало дезорганизованным, а мораль - развращенной. Наполеон, усердно работавший над финансами, законами, образованием, военной и гражданской администрацией, также положил начало реформе социальных злоупотреблений. С его переездом в Тюильри, в феврале 1800 года, можно датировать перестройку общества во Франции. Вокруг него сформировался придворный круг, в который не могли войти заведомо безнравственные женщины. Должно быть, для мадам Тальен, пришедшей навестить свою старую подругу Жозефину — было жестоким сюрпризом — когда швейцар захлопнул дверь у нее перед носом. Конечно, это было сделано по приказу Наполеона, а не по приказу Жозефины. Применив аналогичные правила к мужчинам, Наполеон вынудил Талейрана жениться на женщине, с которой он открыто жил; и даже фаворита Бертье, слишком скандально связанного с мадам Висконти, заставили взять в жены. Сурово осуждая все, что выставляет напоказ безнравственность, Первый консул своей силой воли и примером произвел такое впечатление на нацию, что моральный тонус общества по всей стране повысился и был установлен более высокий моральный стандарт.

При Директории материальное благополучие страны внутри страны было настолько запущено, что даже водные пути вышли из употребления. При консульском правительстве французская система внутренних улучшений вскоре начала вызывать восхищение Европы. Англичане, приехавшие сюда после заключения мира и ожидавшие увидеть то, что их редакторы и политики описывали как страну, разрушенную революцией, были поражены, увидев, что во многих направлениях французский прогресс может дать Англии полезные уроки. Сельское хозяйство удвоило свою продукцию, поскольку пустующие земли бывших вельмож были отданы под обработку. Фермер был более зажиточным, поскольку лорд не заботился о том, чтобы сразу же забрать урожай с помощью феодальных пошлин. Никто не видел и священника, стоящего у ворот и забирающего десятую часть всего. Государственные налоги взимались также не с единственной целью сделать это бремя настолько тяжелым, насколько могли выдержать крестьянские плечи.

Чудо из чудес! человек, контролирующий ситуацию, сказал и продолжал повторять: “Лучше позволить крестьянину сохранить то, что он зарабатывает, чем запереть это в государственной казне!” Тот же человек сказал: “Украсьте рынки, сделайте их чистыми, привлекательными, здоровыми — это удел простых людей”. Это был такой человек, который при любой возможности беседовал с бедняками, чтобы узнать факты об их положении. Во время прогулки он останавливался, болтал с фермером и, взяв плуг в свои белые руки, прокладывал неровную борозду.

Коммерция вдохновилась на новые усилия, поскольку Первый консул выдвинул себя поборником свободы морей, борясь с жесткой политикой Англии по досмотру нейтральных судов и конфискации товаров под нейтральным флагом.

Мануфактуры он поощрял изо всех сил, пресекая иностранную конкуренцию, подавляя пример использования товаров домашнего производства и предоставляя прямые субсидии. Он даже зашел так далеко, что экспериментировал с планом государственных складов, авансируя деньги из казны производителям под залог продукции заводов.

Ни один трутень, будь то надменнейший Монморанси, чей предок в незапамятные времена был убийцей и вором, не мог занимать пост при Наполеоне. Если бы он не был готов работать, он не мог бы войти в улей. Впервые в политической жизни современной Франции люди стали больше гордиться тем фактом, что они труженики, совершающие выдающиеся подвиги, чем тем, что они пятнадцатые кузены какого-нибудь герцога с веретенообразным концом, чей прапрадед держал стремя при Людовике XIII. оседлал свою лошадь.

Основав Банк Франции в январе 1800 года, Наполеон ревниво следил за его управлением, контролировал его операции и сделал его полезным как для государства, так и для банкиров. Он следил за котировками государственных ценных бумаг, гордился тем, что они достигают высоких цен, и считал делом чести, чтобы они не опускались ниже восьмидесяти. Когда несколько лет спустя они упали значительно ниже этой цифры, Император вышел на рынок, провел “кампанию против медведей” и снова поднял цену — многие искалеченные медведи, болезненно прихрамывая, покидали проигранное поле.

Первый консул также разработал систему государственного образования. Здесь он не был ни Колумбом, ни творцом, ни оригинальным изобретателем. Его слава в том, что он выполнил то, что предлагали другие, пытался, но не сделал. Он ухватился за идею, воспользовался своей огромной движущей силой и довел ее до конца. Его вечной славой будет то, что во всем, что касается гражданской жизни, он был демократом высочайшего типа. Различия в характере, заслугах, поведении, таланте он мог понять; различия просто по происхождению он ненавидел. Самой душой его системы было достойное вознаграждение. В армии, на государственной службе, в школах, в искусстве, науке и литературе его главной целью было выявить настоящих мужчин — людей с положительными способностями — и открыть им двери для продвижения.

Помня о страданиях, которые они с сестрой перенесли в школах Бурбонов, где бедные ученики подвергались жестоким унижениям, он основал свои учебные заведения, военные и гражданские, по плану, который набросал еще мальчиком. Молодые люди в его военных академиях не держали отрядов слуг и не позволяли себе вредной роскоши. Они не только заботились о своих личных нуждах, но и сами кормили, готовили и седлали своих лошадей.

Именно такой человек, как Наполеон, мог оторваться от государственных дел, чтобы лично проверить честолобивого мальчика, который учился дома для поступления в одну из государственных школ и которому было отказано, потому что он не учился у профессора. “Этот мальчик компетентен; позвольте ему поступить в школу”, - писал Наполеон после экзамена, и карьера молодого человека была в безопасности.

Именно такой человек приглашал гренадеров на грандиозные банкеты во дворце и следил за тем, чтобы этим самым скромным гостям оказывались особые знаки внимания.

Это был такой человек, который прочитал бы каждое письмо, каждую петицию, адресованную ему, и нашел бы время ответить на все. Никогда не бывавший слишком горд или слишком занят, чтобы услышать крик самого скромного, вознаградить заслуги самого незаметного, уладить обиду самого слабого, он был тем человеком, который заставил самого высокопоставленного генерала в армии — например, самого Вандама — извиниться перед безвестным капитаном, которого бессмысленно оскорбили. Любой рядовой в строю - барабанщик, гренадер - мог свободно выйти и заговорить с Наполеоном, и был уверен, что его выслушают так же терпеливо, как Талейрана, Мюрата или Камбасереса во дворце. Если и была какая-то разница, то только в пользу рядового. Любой гражданин, мужчина или женщина, высокого или низкого положения, мог с абсолютной уверенностью рассчитывать на то, что доберется до Наполеона лично или через письменную петицию и получит незамедлительный ответ. Однажды неосторожный секретарь затерял одну из этих молитв для скромных, и дворец был в ужасе от гнева Наполеона, пока бумага не была найдена. Жозефина могла бы принять прошение, мило улыбнуться просителю, забыть обо всем и учтиво заверить бедного простофилю при следующей встрече, что его дело рассматривается. Не таков Наполеон. Он мог не изобразить милой улыбки, он мог отказать в просьбе, но он дал бы мужчине ответ, и если бы его молитвы были отклонены, сказал бы ему почему.

Революция выровняла все звания, и не осталось никаких видимых знаков различия между человеком и нечеловеком. Наполеон был слишком проницательным политиком, чтобы не потворствовать врожденной тяге человечества к внешним признакам превосходства. Орден Почетного легиона был создан вопреки упорному сопротивлению, чтобы награждать лентами, пуговицами и пенсиями тех, кто отличился собственными усилиями на любом поприще жизни. Оно охватывало заслуги любого рода — гражданские, военные, научные, литературные, артистические. В него входили люди всех вероисповеданий, любого ранга, любого призвания. Критерием пригодности к членству было достойное служение государству. Такова, по крайней мере, была теория Наполеона: можно усомниться в том, придерживался ли он или кто-либо другой когда-либо столь жесткой линии. Его дворянский орден обладал следующим достоинством: он не был наследственным, не нес никаких особых привилегий, не мог создать касту, он поддерживал идею о том, что успех должен основываться на достоинстве, а не на рождении. Теоретически такой порядок дворянства был демократичным до мозга костей. Лафайет, которого Наполеон освободил из плена, отозвал во Францию и восстановил во владениях своих предков, презрительно отказался вступить в этот новый дворянский орден. Как и многие другие — одни потому, что они были роялистами, другие потому, что они были республиканцами. За несколько лет этот институт стал настолько неотъемлемой частью национальной жизни, что восстановленные бурбоны не осмелились его отменить.

* * * * *

“Я уйду к потомкам с Кодексом в руках”, - сказал Наполеон со справедливой гордостью, поскольку время доказало, что его работа как законодателя, современного Юстиниана, выдержала испытание временем.

В начале своего консульства он приступил к великому труду по кодификации законов Франции — работе, которую часто предлагали и которую Конвент частично завершил, но которая так и не была завершена.

Чтобы осознать масштаб начинания, мы должны помнить, что при Старом порядке существовали всевозможные законы и всевозможные суды. То, что было правильным в одной провинции, было неправильным в другой. Гражданин, знакомый с системой в Лангедоке, оказался бы крайне невежественным в Бретани. Римское право, феодальное право, королевские эдикты, местные обычаи, сеньориальные мандаты, муниципальная практика различались и противоречили друг другу по всему королевству. Революция свергла старую систему и предложила установить единый, современный и справедливый кодекс законов для всей страны; но фактическое осуществление этого плана было оставлено на усмотрение Наполеона.

Призвав на помощь лучших юристов страны, Первый консул приступил к работе. Под его руководством огромная задача была выполнена после нескольких лет упорного труда. Гражданский кодекс и Гражданско-процессуальный кодекс, Уголовный кодекс и Уголовно-процессуальный кодекс были четырьмя частями завершенной системы, которая, будучи принятой во Франции, последовала за развитием Империи и до сих пор является законом значительной части цивилизованного мира.

Каждый закон принимался под присмотром Наполеона. Он председательствовал на собраниях, когда готовая работа кодификаторов требовала одобрения, и его предложения, рассуждения, опыт и природная мудрость оставили свой отпечаток на каждой странице. “Никогда мы не прекращали работу, - сказал один из соратников Наполеона, - не узнав того, чего не знали раньше”.

Слава этого Кодекса в том, что он придал окончательную и неизменную форму лучшему произведению Революции. Он был основан на великом принципе, согласно которому все граждане юридически равны; что первородство, наследственное дворянство, классовые привилегии и изъятия несправедливы; что собственность священна; что совесть свободна; что государственная служба должна быть открыта для всех, возможности равны для всех, государственные обязанности и государственное бремя одинаковы для всех; что законы должны быть простыми, а судопроизводство публичным, быстрым, дешевым и справедливым; и что личная свобода, гражданские права, должны быть неприкосновенны.

Признавая его права как мастера-строителя, его настойчивость, рвение, активное сотрудничество в самой работе и современный тон, который он ей придал, мир отдает ему должное, называя это Кодексом Наполеона.

Другой выдающейся работой Первого консула является "Конкордат"; и здесь его притязания на одобрение всегда должны оставаться под вопросом. Те, кто считает, что государство должно объединиться с Церковью и фактически отказать потомкам в праве исследовать самые важные предметы, всегда будут употреблять хвалебные выражения, когда будут благодарить Наполеона за Конкордат. Напротив, те, кто считает, что государство не должно объединяться с иерархией

какого—либо вероисповедания, но должно оставить вопрос религии в покое — предоставить решать его каждому гражданину самому, - навсегда осудят Конкордат как колоссальную ошибку карьеры Наполеона.

Следует помнить, что Революция конфисковала огромное, нажитое нечестным путем богатство католической церкви, но вместо этого источника доходов обеспечила достаточную заработную плату духовенству, которая выплачивалась из государственной казны. Неправда, что христианское богослужение было запрещено или религия отменена. На протяжении всего периода террора католическая церковь продолжала оставаться государственным учреждением. Только с теми священниками, которые отказались принести присягу на верность Новому Порядку, обращались как с преступниками. Только в сентябре 1794 года Конвенция отменила жалованье, выплачиваемое государством, тем самым разделив Церковь и государство. После этого все вероисповедания были уравнены, и каждый гражданин мог добровольно поддерживать то, что ему больше нравилось, — католическое, протестантское или теофилантропическое.

Именно высокопоставленный епископ, архиепископ и кардинал навлекли поношение на Церковь при Старом режиме; именно скромный приходской священник сохранил некоторую власть над любовью и уважением народа. Когда на земле разразилась Революция, именно князь Церкви бежал к чужим берегам; именно приходской священник остался на своем посту. Храбро взяв крест там, где его уронили кардиналы и епископы, кюре реорганизовали свою Церковь, поклялись соблюдать новый порядок вещей, и по всей Франции действовала их конституционная Церковь — добровольное объединение, независимое от Рима и поддерживающее себя без помощи государства. В одной очень существенной особенности она была ближе к стандарту Христа, чем Церковь, которую она заменила, — она не взимала платы за совершение таинств.

Эта возрожденная галликанская церковь была неприятна Наполеону, поскольку он хотел, чтобы государство, исполнительная власть, было главой, центром и контролирующей силой всего. Всякого рода произвольные движения вызывали у него отвращение.

Для папы эта независимая Галликанская церковь была угрозой, дерзостью, бунтом. Католицизм, будь он никогда не столь чистым в вероучении, должен уступить Риму послушание и наживу, иначе от него веет ересью, расколом и страшной греховностью.

Опять же, для папы римского и князей Церкви это равенство между конфессиями во Франции было почти невыносимым. Там, где вероучения стоят на одном уровне, они будут конкурировать за новообращенных; там, где есть место для конкуренции, есть свобода для исследований, дебатов, разума и здравого смысла. И у нас есть слова Льва XIII, перекликающиеся со словами многих его предшественников, о том, что у религии нет такого коварного врага, которого так следует бояться, которого так нужно безжалостно сокрушать, как разум, исследование.

Папа времен Наполеона придерживался этой точки зрения как само собой разумеющегося; и чтобы добиться возобновления союза между католической церковью и правительством Франции, он был готов уступить почти на все, что мог потребовать Наполеон. Как только объединение будет завершено, неважно, на каких условиях, папство почувствует себя в безопасности. Эволюция и время сотворят чудеса; главное - осуществить объединение. Наполеон был смертен, когда-нибудь он умрет, и ему на смену придут более слабые люди —

более сильный никогда не появится. Пусть папа немного уступит этой властной воле, пусть будут сделаны уступки, пока Церковь обретает точку опоры для своего рычага. После настройки рычаг сделает все остальное. Так выглядело с точки зрения папы римского: время доказало его правоту.

Со стороны Наполеона были политические соображения, которые заманили его в сети Рима. За его соглашением с Папой последовали бы огромные результаты, немедленные и личные; за них он ухватился, предоставив будущему самому заботиться о себе.

Ибо Наполеон лично претерпевал великую трансформацию. Постепенно его разум наполнился мечтами об империи. Не успели отгреть пушки Маренго, как он начал говорить о “Моей прекрасной Франции”. Между собой и окружающими он неуклонно увеличивал дистанцию. Его тон был тоном Мастера. Отняв Тоскану у Австрии, он сделал из нее королевство, посадил на трон слабого Бурбона, прозванного марионеточным королем Этрурии, и привез его в Париж, где народ Франции мог лицезреть короля, играющего роль придворного при французском консуле. В Тюильри церемония и королевская власть постоянно вторгались в республиканские формы, и словоохотливость льстецов начала вытеснять военную откровенность и демократическую независимость.

Стремясь к верховной власти, Наполеон был слишком проницательным политиком, чтобы пренебречь священником. Как Александр склонял голову в кажущемся благоговении перед алтарями и с очевидной верой слушал греческих оракулов; как цезарь выдавал себя за римского первосвященника и примкнул к язычеству; так и Наполеон, который был мусульманином в Каире, теперь стал католиком в Париже. Это был вопрос политики, не более того.

“Ах, генерал, - сказал ему Лафайет, - чего вы хотите, так это чтобы маленький пузырек разбился о вашу голову”.

Все это привело к этому.

Монархия должна была быть восстановлена, и ее естественные опоры - аристократы и священники - были необходимы, чтобы придать ей силы. Договорившись с папой римским, Наполеон победил бы, а бурбоны проиграли, дисциплинированные слуги католической церкви.

Поэтому был заключен Конкордат, и французская церковь, которая даже при Бурбонах пользовалась определенной независимостью, была отдана под власть итальянского священника, под тиранию Рима.

По этому договору папа оставлял за собой право утверждать кандидатуры духовенства от государства, в то время как налогоплательщики должны были ежегодно выделять 10 000 000 долларов на выплату жалованья священнослужителям. Этот договор вернул Франции утонченную, непреодолимую силу корпорации, которая, отождествляя себя с Богом, требует высшего контроля.

Сам Наполеон вскоре ощутил силу этого освобожденного гиганта, и сегодняшняя Франция находится в смертельной схватке с ним.

Может наступить время, когда Конкордат будет считаться величайшей ошибкой Наполеона, его непростительным политическим грехом. Его поведением руководила не вера, даже не

филантропия. Это был холодный расчет. Это был всего лишь ход в игре амбиций. В тот самый момент, когда он заявил о благодарности христиан за восстановление религии, он попытался успокоить неверующих, сказав им, что при его системе религия исчезнет из Франции в течение пятидесяти лет.

Неправда, что большинство французов требовало возвращения старых форм богослужения. Напротив, подавляющее большинство было безразлично, если не враждебно. В армии это вызвало опасный заговор среди офицеров, направленный против жизни Наполеона.

Когда Конкордат стал отмечаться помпезным языческим церемониалом в соборе Нотр-Дам, потребовался весь его авторитет, чтобы обеспечить почтительное присутствие, поскольку потребовалось максимальное использование его власти, чтобы заручиться санкцией государственных властей на сам Конкордат. Не один опечаленный француз подумал о том, что, как сообщается, сказал генерал Дельма, когда Наполеон спросил его мнение о церемонии в Соборе Парижской Богоматери: “Это прекрасный арлекинад, которому нужно только присутствие миллиона погибших, чтобы покончить со всем этим”.

Да, миллион французов умерли, чтобы покончить с этим — худшей чертой Старого Порядка, — и теперь все это вернулось снова. Детям Франции снова предстояло подвергнуть свои мозги воздействию чар суеверия. Их должны были научить прелести поглощения каждого чуда, которое мог бы произнести священник, и проклятию размышлять самостоятельно на любую церковную тему. Их нужно было пичкать с пеленок одним узким вероучением и беспрестанно твердить, что незадачливому человеку, который сомневается или возражает, разверзся ад.

Одной строчкой письма, одним взмахом пера Наполеон вновь поработил нацию. Разрушители имиджа Конвента настолько хорошо выполнили свою работу, что казалось, это лишь вопрос времени, когда Франция, “освободившись собственными усилиями, силой своего примера освободит мир”. Как утверждает Меневаль, “католицизм, казалось, находился при последнем издыхании”. Европа быстро отвыкала от изношенного вероучения, изношенного язычества. Идолы были разбиты, над чудесами посмеялись, костям предполагаемых святых позволили упокоиться, а над языческими церемониями издевались до такой степени, что даже исполнителям стало стыдно.

Несколько фанатиков, скованных воспитанием, которое не оставляло им места для свободной мысли, жаждали возвращения старых форм; но основная масса французского народа желала их восстановления не больше, чем реставрации Бурбонов. Франция была религиозно свободной: каждый гражданин мог верить или не верить, поклоняться или не поклоняться, как ему заблагорассудится.

Из всех правителей у Наполеона была лучшая возможность предоставить ментальной независимости открытое поле и честную борьбу. Ни один правитель, менее сильный, чем он, не смог бы справиться с задачей поднять Церковь из праха и неодобрительно отнестись к насмешкам, которые покрывали дискредитацией идола, святыню, вероучение и церемониальный обряд.

Он сделал это — он один! И, воистину, он пожал свою награду. Несчастный узник острова Святой Елены, сидя в страдании у потухшего очага в ночь бесконечного отчаяния, горько проклинал себя за свою огромную ошибку.

Некоторые, кто защищает Конкордат, говорят, что он позволил Наполеону заключать союзы, которые иначе он не смог бы заключить. Факты не подтверждают это утверждение. Он уже был в мире с Континентальной Европой, и соглашение Франции с Папой Римским определенно не склоняло Великобританию к миру. Никакие союзы, которые Наполеон когда-либо заключал после Конкордата, не были прочнее тех, которые он заключал раньше; и как восстановитель католицизма во Франции, он не был ближе к искренней дружбе монархов и аристократии за границей, чем до этого времени.

Во мраке современной политики трудно найти истину, но даже робкий человек может рискнуть сказать, что вопрос религии - последний из всех вопросов, влияющих на международные отношения. Сравнивая длительную безопасность, которой пользовалась Турция, с судьбой, которая недавно постигла католическую Испанию и протестантские южноафриканские республики, случайный наблюдатель мог бы рискнуть заявить, что быть магометанином, по крайней мере, так же безопасно, как и христианином, поскольку речь идет о завоевании международной дружбы.

“Не бей! Я той же веры, что и вы, — мы оба надеемся на спасение кровью одного и того же Спасителя!” - это мольба, которая настолько бесполезна среди христиан, что более слабый брат даже не тратит время на то, чтобы произнести ее.

ГЛАВА XXIV

Сказать, что французы были довольны консульским правительством, значит не иметь представления о фактах. Франция была в восторге, Франция была в восторге. За исключением немногих неизбежных — некоторых роялистов, некоторых якобинцев и некоторых прямых потомков афинян, которым надоело слышать, как Аристиды называют *Справедливым*, — все французы сердечно объединились в восхвалении Бонапарта.

Так же гордо, как Ришелье в пьесе Бульвера стоит перед своим королем и рассказывает, что он сделал для Франции, — нации, оказавшейся в бедности, позоре, поражении, смертельном упадке, и поднятой волшебным прикосновением гения к богатству, гордости, победе и сияющей силе, — так и Первый консул мог бы указать на то, чем была Франция и кем она стала, и справедливо претендовать на любовь и восхищение своего народа.

Какая награда должна быть присуждена такому мировому судье? В 1802 году его консульство, которое уже было продлено на десять лет, было почти единогласным голосованием народа заменено пожизненным сроком пребывания в должности.

Пожизненный консул (август 1802 г.), имеющий право назначить собственного преемника, Наполеон теперь был фактически королем Франции.

* * * * *

В Сан-Доминго революция во Франции принесла горькие плоды. Черные восстали против белых, и началась война на уничтожение.

Негры, значительно превосходившие их численностью, победили белых и установили свою независимость. Туссен Лувертьюр, лидер чернокожих и великий человек, стал президентом черной республики, которая была создана по образцу консульства Наполеона.

Богатые французские плантаторы, к которым прислушивался Наполеон в Париже, убеждали его подавить восстание или вернуть остров под власть Франции. Таким образом, эти дворяне-Бурбоны привели Наполеона к одной из его худших ошибок. Он присоединился к тем, кто хотел восстановить рабство, выступил против повсеместного либерализма и ввергнул себя в разрушительную войну.

Главным образом из рейнской армии, которая была республиканской и недружественной по отношению к нему, он вывел из Франции двадцать тысяч ее лучших войск, поставил их под командование Леклерка, своего шурина, и отправил их на Сан-Доминго отвоевывать остров.

Здесь снова невозможно избежать вывода о том, что Наполеон должным образом не обдумывал то, что он делал. Есть свидетельства поспешности, отсутствия расследования, отсутствия предусмотрительности и предосторожности. Весь план, от начала до конца, несет на себе отпечаток той опрометчивости, которая вечно наказывает человека, пытающегося успеть все.

Негры уступили перед превосходящими силами Леклерка; и из-за предательства Туссен был схвачен и отправлен во Францию умирать в темнице; но желтая лихорадка вскоре пришла на помощь неграм, и экспедиция, повлекшая за собой большие человеческие жертвы, закончилась позорным провалом. Леклерк умер, остатки французской армии были доставлены обратно в Европу на английских кораблях, и негры основали свою полуварварскую Республику Хайти (1804).

Вот что можно сказать в защиту отношения Наполеона к Сан-Доминго: это было одно из лучших владений французской короны, и он хотел вернуть его своей стране, точно так же, как он вернул Луизиану, и точно так же, как он тосковал по утраченным территориям в Индостане. Видения огромной колониальной империи преследовали его воображение, и дух, повлиявший на его усилия в Вест-Индии, был, возможно, тем же самым, который привлек его в Египет, который заставил его придавать такое чрезвычайное значение Мальте и который заставил его послать военных в Южную Австралию для обследования побережья в поисках поселений.

* * * * *

Тем временем Амьенский мир действительно становился очень хрупким. Всем людям война в ближайшем будущем казалась неизбежной. Англия очень решительно пообещала вернуть Мальту рыцарям Святого Иоанна; теперь она очень решительно отказалась это сделать. В качестве оправдания она заявила, что Франция нарушила дух договора своей агрессией на Континенте. В ответ Наполеон настаивал на том, что Франция не сделала ничего такого, о чем не было бы хорошо известно, что она намеревалась во время заключения мира. Он также напомнил Англии, что она захватила Индию. И это было правдой, но истина иногда оставляет желать лучшего в дебатах. Напрасно такие великолепные образцы английской мужественности, как Чарльз Фокс, смело выступали в британском парламенте и защищали первого консула. Англия была полна решимости не сдавать средиземноморскую крепость. У Франции не было

военно-морского флота, не было моряка с искрой гения Нельсона, и Мальта была в безопасности. На Континенте Наполеон мог бушевать и разрушать; но Англия доказала, как легко ей переносить потери, нанесенные Континентальной Европе, и она была готова доказать это снова. Находясь в безопасности на своем окруженном морем острове, она не могла утраститься армий, брошенных против ее союзников.

В этот кризис, когда примирительные меры могли бы помочь предотвратить войну, лорд Уитворт был направлен в Париж в качестве посла Великобритании. С его приездом исчезла всякая надежда на примирение. Он был типичным английским аристократом, самым худшим человеком, которого можно было отправить, если желался мир. С самого начала его письма своему правительству показывают, что он был крайне враждебен Наполеону и консульскому правительству. Своему начальству на родине он искажал ситуацию во Франции, а там, где он не искажал, он преувеличивал. Наконец, когда Наполеон сделал все возможное, чтобы провести с ним длительную конференцию и настоять на том, чтобы Англия выполнила свой контракт, он проявил холодную безответственность и намекнул, что Мальтане будет отдана. Вслед за этим частным и срочным совещанием последовал публичный прием, на котором Наполеон, проявив естественную вспыльчивость и с прямоотой солдата, спросил Уитворта, почему Англия хочет войны и почему она не будет уважать международные договоры. После чего Уитворт заявил своему суду, что его грубо оскорбили, и вся Англия зазвенела от негодования. Более лживое заявление никогда не причиняло большего горя человечеству. Бисмарк цинично признался, что именно он изменил форму, формулировку и тон “эмсской телеграммы”, которая вызвала франко-германскую войну 1870-1871 годов. Не будет преувеличением сказать, что преувеличенный отчет Уитворта и изменения к худшему, внесенные в него британским министерством при обнародовании, были одной из главных причин войн, кровопролития и страданий, последовавших за 1804 годом.

Все это время английские газеты были полны самых ожесточенных оскорблений в адрес Наполеона. Самая постыдная ложь, которая когда-либо публиковалась против человека, постоянно повторялась против него в британских журналах. То, что с ним обращались подобным образом в годы мира, и в то время как он оказывал самый сердечный прием тысячам англичан, которые сейчас посещали Францию, наполнило Наполеона гневом. Он знал, что по закону пресса Великобритании свободна; но он также знал, что эти газеты, особенно министерские, не будут наполнены грубыми личными оскорблениями в его адрес, если правительство не будет поощрять это. Он знал, что политическая пресса отражает взгляды политической партии, и что, когда министерские журналы травили его клеветой, министры подали сигнал. Тщетно он протестовал перед английским министерством; ему сказали, что в Англии пресса свободна. Затем, о чем должны сожалеть все его поклонники, он также опустил до клеветы и начал заполнять официальные органы Франции возмутительными нападениями на Англию.

Еще одна обида Наполеона на Великобританию заключалась в том, что она укрывала людей, которые открыто заявляли о своем намерении убить его. Английская защита, английские корабли, английские деньги всегда были в распоряжении роялистов, которые хотели поднять восстание во Франции или высадить наемных убийц, желавших пробраться в Париж. По этому вопросу английское правительство также не дало удовлетворения. Оно холодно отвергло обвинение, отреклось от убийц и продолжало поощрять убийства.

В то время как отношения были таким образом напряженными, был опубликован доклад генерала Себастиани о ситуации на востоке. В газете Себастиани осмелился заявить, что шесть тысяч французских солдат могут отвоевать Египет. Это было еще одно оскорбление Англии. Это был еще один повод для редакционного гнева, еще одна провокация парламентского красноречия. Англия предпочла не вспоминать, что сэр Роберт Уилсон только что опубликовал книгу, также посвященную ситуации на востоке, и что в этой публикации Наполеон был представлен как убийца пленных в Яффо и отравитель собственных больных в госпиталях. Эта книга была посвящена герцогу Йоркскому с разрешения автора и была подарена Георгу III на публичной церемонии.

Англия была настроена на войну; никакие объяснения или увещевания не могли ее успокоить, и 18 мая война была объявлена. Но она уже захватила, без малейшего предупреждения, сотни французских кораблей, груженных миллионами товаров, — судов, которые пришли в английские гавани, полагаясь на ее веру, заложенную в договоре. Этот захват и конфискация почти не вызвали комментариев, но когда Наполеон нанес ответный удар, бросив в тюрьму тысячи англичан, путешествовавших по Франции, Англия не смогла найти достаточно резких слов, чтобы осудить это безобразие. Даже такой умный историк, как Локхарт, потрясен вероломством Наполеона. Ибо, заметьте себе, Англия *всегда* захватывала все, что могла, из собственности противника до объявления войны, тогда как контрудар Наполеона был в новинку. Такого никогда раньше не делалось, поэтому это было невыразимое злодеяние — “Это вызвало всеобщее сочувствие, негодование и отвращение”. Так говорит Локхарт, послушно повторяя то, что уже сказал его тесть, сэр Вальтер Скотт. И самый недавний британский историк Дж. Х. Роуз, пишущий о том периоде, вступает на проторенную тропу предрассудков Тори и спокойно идет по священным следам Локхарта и сэра Уолтера.

Их стиль изложения дела таков: было неправильно захватывать корабли и моряков противника до объявления войны, но Великобритания всегда это делала, и, следовательно, она имела право сделать это снова. Франция имела право нанести ответный удар, но Франция никогда не наносила ответных ударов, и, следовательно, она не имела права делать это сейчас. Таким образом, давняя несправедливость Англии стала священным прецедентом, в то время как новизна возмездия Наполеона была отвратительным нововведением. В этой аккуратной манере, полностью удовлетворяющей саму себя, логика Тори совершает гипнотические пассы над фактами, и ошибки становятся правами, а права становятся ошибками.

Выдающийся Дж. Х. Роуз, магистр искусств и “Покойный стипендиат Колледжа Христа в Кембридже”, отмечает:

“Наполеон проявил свою злобу, приказав держать в плену около восьми или десяти тысяч английских путешественников во Франции”. Почему выдающийся магистр искусств и “Покойный стипендиат Колледжа Христа” так старательно умолчал о том, что Англия уже захватила французские корабли и моряков до того, как Наполеон захватил путешественников, может объяснить только мастер в искусстве написания партизанской истории.

“Наполеон продемонстрировал свою злобу” — нанеся ответный удар, когда Британия нанесла ему внезапный неспровоцированный и подлый удар. Продemonстрировал свою злобу! “Сэр, фраза удачная”, - как сказал Мирабо Мунье по некоему историческому случаю.

Наполеон поспешил сделать Луизиану недоступной для Англии. Эта имперская, но неразвитая провинция была потеряна Францией при Бурбонах, Людовике XV. и лишь недавно была возвращена. Наполеон глубоко сожалел о необходимости, вынудившей его продать его Соединенным Штатам, поскольку понимал его ценность.

Война возобновилась с новой силой с обеих сторон. Великобритания снова захватила все колонии, которые она освободила по договору, а французские армии в Италии или Германии присоединили территорию к Франции.

Испания отказалась присоединиться к лиге против Наполеона, Великобритания объявила ей войну, захватила ее корабли с сокровищами в открытом море и таким образом вынудила ее перейти в объятия Франции. Она не только предоставила свой флот в распоряжение Наполеона, но и согласилась предоставлять ему ежемесячную субсидию в размере более 1 000 000 долларов.

Определенно угрожая вторгнуться в Великобританию, Наполеон предпринял приготовления для достижения этой цели в масштабах, равных грандиозной задаче. Вдоль французского и голландского побережий было собрано 160 000 человек, и были построены огромные флотилии, чтобы переправить их через Ла-Манш. Тревога в Англии была настолько велика, что за ее побережьем следили все доступные корабли, и почти все мужское население острова записалось в ополчение и приготовилось к отчаянной борьбе.

Наполеон так ярко выделялся как воплощение всего, что ненавидела монархическая Европа, так полно он олицетворял все, чего больше всего боялись Англия и бурбоны, что безумная решимость убить его овладела его врагами. Главой заговора был граф Артуа, впоследствии король Франции под именем Карл X. Встречи заговорщиков проводились в Лондоне. Принятый план состоял в том, что Пишегрю (бежавший из Южной Америки) и Моро должны были объединиться, чтобы возглавить недовольных в армии; Жорж Кадудаль и банда столь же решительных роялистов должны были высадиться на нормандском побережье, проследовать в Париж и убить Первого консула; должно было последовать восстание роялистов, и затем граф Артуа должен был сам высадиться на нормандском побережье, чтобы возглавить восстание. Английский посланник в Баварии мистер Дрейк принимал активное участие в заговоре и в одном из своих писем корреспонденту писал: “Все заговоры против первого консула должны быть раскрыты; ибо не имеет большого значения, кем будет убито животное, при условии, что вы все участвуете в охоте”. Среди других, кто находился на заднем плане и трубил в рога тем, кто был “на охоте”, были определенные британские агенты — Спенсер Смит в Штутгарде, Тейлор в Касселе и Уикхэм в Берне. Непосредственно с главарями заговора в Лондоне общался заместитель государственного секретаря Хэммонд, тот самый, который вел себя так невыносимо дерзко по отношению к Соединенным Штатам во время второго срока президента Джефферсона.

Щедро снабженный деньгами английского правительства, к их услугам был предоставлен корабль королевского военно—морского флота под командованием капитана Райта, офицера этого военно-морского флота.

Ночью убийцы были высажены у подножия омываемого морем утеса на побережье Нормандии. Используя тайный ход и веревочную лестницу контрабандистов, они взобрались на обрыв и тайно добрались до Парижа. Здесь они провели несколько недель, организуя заговор.

Опасность для Наполеона стала настолько серьезной, что те, кто заботился о его личной безопасности, почувствовали, что никакие меры предосторожности не могут быть слишком большими. Де Сегюр, капитан телохранителей, рассказывает, как Коленкур, временноисполнявший обязанности главного маршала дворца, разбудил его после двенадцати часов ночи в конце января 1804 года словами: “Вставай! Немедленно измените условно-досрочное освобождение и подписку. Нельзя терять ни минуты. Обязанности должны выполняться так, как будто в присутствии врага!”

Сам Наполеон сохранял хладнокровие, но постепенно стал очень суровым. На вопрос одного из своих советников, боится ли он, он ответил: “Я, боюсь! Ах, если бы я боялся, это был бы плохой день для Франции”.

Первой важной целью заговорщиков было свести Пишегрю и Моро вместе. Все надеялись и верили, что это легко осуществимо. Вспомнили, что Моро скрыл предательскую переписку Пишегрю, которая попала к нему в руки в 1796 году. Было известно, что Моро искренне не любил Наполеона. Было известно, что Моро, дувшийся в своей палатке и горько сожалевавший о своей причастности к приходу Наполеона к власти, находился в том расположении духа, которое толкает людей на отчаянные предприятия.

Тем не менее, заговорщики сочли его очень застенчивым. По натуре он был нерешительным и слабым, сильным только тогда, когда командовал армией. Он согласился встретиться с Пишегрю и действительно встретился с ним ночью и перекинулся несколькими словами на улице. Позже Пишегрю посетил дом Моро, но доказательств того, что Моро согласился принять какое-либо участие в заговоре, недостаточно. Похоже, что Моро не возражал против “смещения” Наполеона и свержения правительства. Он даже туманно говорил о поддержке, которую он и его друзья во власти могли бы оказать тем, кто участвовал в заговоре; но Моро был республиканцем — одним из тех пылких молодых людей 1789 года, которые бросили школу, чтобы сражаться за Республику, и он не был готов помочь реставрации Бурбонов. Желая одобрить свержение Наполеона, он не желал сводить на нет дело Революции. Согласно одной версии, он сам стремился стать преемником Бонапарта. Это вызвало отвращение Кадудалю, который в презрительном гнев заявил, что предпочитает Наполеона “этому безмозглому, бессердечному Моро”. Поскольку Моро уже испытывал отвращение к Кадудалю, заговор не мог сложиться сам по себе.

Тем временем между убийцами и различными роялистами Парижа, участвовавшими в заговоре, неоднократно проводились совещания, наиболее известными из которых были братья Полиньяк и Де Ла Ривьер. Наполеон в общих чертах знал, что его жизни угрожает опасность, знал ровно столько, чтобы быть убежденным, что он должен узнать больше или погибнуть. Его полиция казалась бессильной, и в качестве последнего средства он попробовал собственный план. Когда ему принесли список подозреваемых лиц, его внимание привлекло имя хирурга Куереля. Полагая, что этот человек, должно быть, менее фанатичен, чем остальные, он приказал привлечь хирурга к суду и предпринял попытку вырвать у него признание. Судимый соответствующим образом, осужденный, приговоренный к смертной казни и готовый быть расстрелянным, Куэрел не выдержал и сознался.

Узнав от него, что самые опасные из заговорщиков уже тогда находились в Париже, вокруг города было выставлено оцепление из войск и начались бдительные поиски. Пичегу, перебежавший от дома к дому, в конце концов был предан старым другом, у которого он искал

убежища. Жоржа схватили после отчаянной драки на улице. Капитан Райт был схвачен на побережье и отправлен в Париж. Моро уже был арестован. Многие другие из группы Джорджа находились в тюрьме. Ярость Наполеона была крайней и не противоестественной. Он был снисходителен, либеральнее, склонен к примирению со своими политическими врагами. Он довел политику примирения до грани безрассудства. Вандейцы, роялисты, священники — все почувствовали его доброту. Некоторые из тех самых людей, которые теперь угрожали ему убийством, были эмигрантами, которых он освободил от смертного приговора и вернул им состояние. Что он такого сделал Англии или бурбонам, что они поставили его за грань человечности? Разве он не стоял чуть ли не на коленях в своих попытках обеспечить мир? Поднимал ли он когда-нибудь руку на бурбонов, кроме как в открытой войне, которую они сами же и развязали? И что ему теперь делать, чтобы положить конец этим заговорам, вынашиваемым в Лондоне? В какой суд он мог обратиться? Поскольку бурбоны были надежно укрыты в Англии и снабжались британскими деньгами, всегда готовые вооружить против него фанатиков роялизма, что ему оставалось делать, чтобы защитить свою жизнь? Должен ли он был ожидать нападения, живя в постоянном опасении, никогда не зная, когда будет нанесен удар, не зная, как будет нанесена атака, не зная, кто может быть убийцей, и пребывая в вечных сомнениях относительно того, сможет ли он избежать опасности? Может ли смертный человек оказаться в более тяжелом положении, чем положение того, кто знает, что по его следу идут заклятые убийцы и что какой-то момент каждого дня и каждой ночи может дать возможность убийце уснуть?

Воодушевленный, как никогда, Наполеон решил не ждать, не прибегать к буквальной самообороне. Он нанесет ответный удар, опередит своих врагов, парализует их планы, посеяв ужас в их собственных рядах.

Связаться с главой заговора Артуа не удалось. Его ждали на французском побережье, но он не приехал. Но его двоюродный брат, герцог Энгиенский, находился в Эттенхайме, недалеко от французской границы.

Что он там делал? Он поднял оружие против Франции, что является преступлением, которое по законам наций является государственной изменой и которое по законам всех стран карается смертной казнью. По французским законам, существовавшим в то время, он поплатился жизнью как предатель. Он был на службе у Англии, врага Франции. Он был тесно связан по крови и интересам с двумя братьями, Провансом и Артуа, которые прилагали отчаянные усилия, чтобы вернуть корону семье Бурбонов. Что молодой герцог Бурбонский делал так близко к французской границе в это конкретное время?

Авторы-роялисты утверждают, что он был там, чтобы насладиться удовольствиями охоты, а также обществом принцессы де Роган, на которой, как теперь бездоказательно говорят, он был тайно женат.

Сэр Вальтер Скотт, самый недружелюбный свидетель Наполеона, признает, что д'Энгиен “укрепился на границе с целью быть готовым встать во главе роялистов в Восточной Франции или в самом Париже”.

То, что он находился на Рейне в ожидании какого-то события, каких-то перемен во Франции, в которых ему предстояло “сыграть свою роль”, было признано, и этого нельзя отрицать.

Что это было за движение, во главе которого он собирался встать? Какой еще план был у роялистов в то время, кроме заговора Жоржа Пишегрю? Если д'Энгиен ждал на Рейне, пока они нанесут удар в Париже, разве он не был соучастником, руководителем второй степени? Не имеет значения, знал ли он подробности заговора Жоржа Пишегрю или нет. Если бы ему было приказано оставаться наготове на французской границе, чтобы въехать в страну и “сыграть там свою роль”, здравый смысл подсказал бы ему, что заговор готов, и если он не хотел, чтобы с ним обращались как с сообщником, ему не следовало действовать как таковому. Трусливый д'Артуа не покинул Лондон, а герцог д'Энгиен должен был въехать во Францию в качестве представителя семьи Бурбонов после того, как должен был быть убит Первый консул.

Правило закона и справедливости заключается в том, что, когда кого-либо уведомляют о сделке, считается, что он знает все, что мог бы узнать путем разумного расследования. Инструкции, данные д'Энгиену, поставили его в известность о том, что происходит нечто необычное, что это касается его и что ему предстоит сыграть свою роль. Благоразумный запрос, проведенный им о своих родственниках-бурбонах в Лондоне, позволил бы ему ознакомиться с фактами. Это расследование он либо проводил, либо нет: если он проводил его, то узнавал о заговоре; если он его не проводил, то по своей небрежности не знал о плане, в котором ему предстояло “сыграть роль”.

Крайне маловероятно, что граф Артуа, который отправил письмо графу Прованскому в Варшаву с просьбой присоединиться к заговору, дал своему кузену д'Энгиену “роль актера” в нем, не проинформировав его о характере самой драмы.

Полицейские донесения, представленные Наполеону, навели его на мысль, что молодой герцог был посвящен в заговор и ждал в Эттенхайме, готовый принять в нем участие. Вот Бурбон, до которого он мог дотянуться. С его помощью он навел ужас на остальных. “И моя кровь не канавная вода! Я преподам этим бурбонам урок, который они не скоро забудут. Я что, собака, которую пристрелят на улице?”

Посоветовавшись со своими советниками, Талейраном и всеми остальными, Первый консул отдал свои приказы. Французская эскадра быстро добралась до Рейна, переправилась в Эттенхайме, схватила герцога, которого напрасно предупреждали, и поспешила с ним в Париж. Остановленный у барьера, он был отправлен в Венсен, в ту же ночь предстал перед военным трибуналом, осужден по собственному признанию, приговорен к смертной казни, расстрелян на рассвете и похоронен во рву замка.

Этот жестокий акт возмездия встретил одобрение Талейрана — одобрение, данное в письменном документе, который он быстро изъял и уничтожил после падения Наполеона в 1814 году. В тот день, когда герцога везли в Венсен, Талейрана спросили: “Что делать с герцогом Энгиенским?” и он ответил на вопрос: “Он должен быть расстрелян”.

Консул Камбасерес, голосовавший за смертную казнь на суде над Людовиком XVI, выступил против ареста, подробно изложив свои доводы. Наполеон ответил: “Я знаю, что побудило вас говорить — ваша преданность мне. Я благодарю вас за это; но я не позволю казнить себя, не защитив себя. Я заставлю этих людей трепетать и научу их хранить молчание на все грядущие времена”.

Бедная Жозефина, которая никогда не могла встретить представителя старой знати без упадка духа, приступа лести и подкашивания коленей, сделала слабую попытку отвратить своего мужа

от его намерения; но когда Наполеон напомнил ей, что в политике она всего лишь ребенок и ей лучше заниматься своими мелкими делами, она вытерла слезы и отправилась в сад поразвлечься со своими цветочными клумбами.

Сам Наполеон тщательно изучил бумаги, взятые с собой герцогом в Эттенхейме, и составил ряд вопросов, которые должен был задать пленнику государственный советник Реаль. Посыльный, посланный Первым консулом, не видел Реаля, и бумага была вручена ему только в пять часов следующего утра. Измученный непрерывным трудом, советник отправился спать накануне вечером, оставив своим домочадцам указания, чтобы его не беспокоили. На следующее утро, когда он стоял на посту по шоссе, ведущему в Венсен, он встретил Савари, возвращавшегося в Париж. Савари уже привел в исполнение смертный приговор, и жертва была в могиле.

Похоже, молодой герцог не осознавал грозящей ему опасности. Самое большее, чего он боялся, - тюремного заключения. Тщетно военный трибунал пытался намекнуть на фатальные последствия сделанных им признаний. Не сознавая того факта, что он осуждает самого себя, он повторил заявления о том, что он с оружием в руках выступал против Франции, что он состоял на жалованье у Англии, что он вмешивался в дела французских солдат на Рейне, что ему было приказано расположиться близ Рейна, откуда он мог войти во Францию с оружием в руках и быть готовым к той роли, которую ему предстояло сыграть; и что он намеревался продолжать с оружием в руках выступать против правительства Франции, которое он рассматривал как узурпацию.

Не следует забывать, что, отдавая герцога Энгийенского под трибунал, Наполеон имел в своем распоряжении определенные документальные свидетельства, которыми мы сейчас не располагаем. Собственные бумаги герцога, мнение Талейрана и отчеты некоторых официальных лиц исчезли из архивов после возвращения Бурбонов в 1814 году — точно так же, как были уничтожены документальные свидетельства против Марии-Антуанетты, а письма, которые коронованные особы Европы писали Наполеону, были украдены и унесены.

Особенно ужасным, должно быть, было видение внезапной смерти этого юного принца королевской крови, когда его вытащили из постели в мрачной темноте раннего утра и поспешили поставить лицом к лицу с шеренгой молчаливых солдат у открытой могилы. После первого шока и возгласа изумления к осужденному пришло мужество, в котором его раса редко испытывала недостаток, и он встретил свою судьбу с мужеством солдата.

В 1805 году, во время марша на Вену, Наполеон принял на своем бивуаке г-на де Тиара, который хорошо знал д'Энгийена. Долгое время император беседовал с этим офицером, задавая много вопросов о герцоге и с интересом слушая все, что ему рассказывали.

“Значит, он действительно был мужчиной, этот принц?” - спросил он, и это небрежное замечание было его единственным комментарием.

Среди всех тех, кто считает жизнь принца более священной, чем жизнь плебея, среди аристократов всех стран и среди коронованных особ Европы произошел взрыв горя и ярости, когда стало известно, что Наполеон застрелил герцога Бурбонов. Тысячи страниц были написаны тогда и тысячи были написаны с тех пор в осуждении этого так называемого убийства. Люди, которые никогда не произносили ни слова в осуждение обращения лорда Нельсона с Карраччоли, не могли найти достаточно резких слов для того, как Наполеон обошелся с Энгийеном. Александр Российский, который хныкал во дворце, пока его отца топтали ногами,

душили и душили до смерти в соседней комнате, и который произвел убийц на высокие должности у себя на службе, принял поведение Наполеона более близко к сердцу, чем кто-либо из королевского братства. Приняв высокий моральный облик человека, призванного обличать грех, он разорвал дипломатические отношения с Францией и погрузил российский двор в траур. Наполеон обрушил на царя сокрушительное напоминание о смерти Павла, и Александр позволил себе оставить эту тему.

Париж, поначалу ошеломленный трагедией, немедленно пришел в себя; и когда Наполеон появился в театре несколько вечеров спустя, его, как обычно, приветствовали. Талейран давал бал, и общество было там с той же старой стереотипной улыбкой на бессмысленном лице.

Тем не менее, несомненно, что смерть этого молодого герцога нанесла ущерб общественному уважению Наполеона, не оказала ему никакой политической услуги, вооружила его врагов страшным оружием против него и вызвала у изгнанных бурбонов сочувствие, которым они не пользовались со времен Революции. Фуше сказал: “Это хуже, чем преступление; это грубая ошибка”. Но нет никаких свидетельств того, что Наполеон когда-либо сожалел об этом. Это правда, что он пришел в ярость, когда Талейран отказался от своей доли в сделке, и что он всегда утверждал, что Талейран посоветовал это; но он никогда не уклонялся от собственной ответственности.

Когда он лежал на смертном одре на острове Святой Елены, служащий прочитал ему из английского издания резкую критику в адрес виновных в предполагаемом убийстве д'Энгиена. Умиравший император уже составил свое завещание; но он восторженно, приказал принести бумагу и собственноручно вписал эти последние слова, за которые он брал на себя всю ответственность:

“Я приказал арестовать герцога д'Энгиена и судить его, потому что это было необходимо для безопасности, чести и интересов французского народа в то время, когда граф Артуа открыто признал, что у него было шестьдесят наемных убийц в Париже. При подобных обстоятельствах я бы сделал это снова”.

Судебные процессы над Моро, Жоржем и другими заговорщиками состоялись только после того, как Наполеон стал императором. Судебное преследование велось неуклюже, а что касается Моро, то общественное мнение разделилось. Его заслуги, столь недавние и столь великие, придали некоторый колорит истории о том, что Наполеоном двигала ревность, когда его причислили к преступникам. Однако Моро ослабил свою защиту оправдательным письмом, которое он написал Наполеону, и это вместе с теми доказательствами, которые могло предоставить правительство, и тем влиянием, которое оно могло оказать на суд, привело к осуждению и приговору к двум годам тюремного заключения. Это наказание Наполеон заменил на изгнание. Жорж и ряд других были расстреляны. Пишегрю и Райт покончили с собой. Полиньяк и Ривьер, виновные как самые отъявленные, были помилованы — они были благородного происхождения и им повезло, что они пользовались дружбой тех, кто стоял рядом с Наполеоном.

ГЛАВА XXV

В годы мира (1801-1804) французское влияние на Континенте продолжало усиливаться. Дипломатия Наполеона была столь же эффективна, как и его пушки. Голландия стала подчиненным государством с новой конституцией, продиктованной Францией, и управляющим советом, который руководствовался указаниями Франции (1801).

Ломбардия отказалась от своего титула Цизальпинской и стала итальянской республикой с Наполеоном на посту президента. Французские войска вошли в Швейцарию, подавили междоусобицу, и страна в течение десяти лет наслаждалась миром и процветанием в соответствии с конституцией, данной ей Наполеоном, который фактически был ее правителем под именем Посредника Гельветической лиги.

В Германии произошла всеобщая перетряска и разрушение политических окаменелостей и сухих костей правительства. Территория, переданная Франции по Люневильскому мирному договору, нуждалась в реорганизации. Немецкие князья, лишившиеся собственности, потребовали компенсации. Пруссии пришлось заплатить за ее нейтралитет. Австрия хотела возместить свои потери. Как дипломатия могла одновременно удовлетворить Францию, которая сражалась и победила; Австрию, которая сражалась и проиграла; и Пруссию, которая вообще не воевала?

У Наполеона был готов ответ. Пусть сильные сами прибирают к рукам территории слабых. В Раштадте Наполеон заметил Мартену: “Разве публичное право в наши дни не заключается просто в праве более сильного?” Очевидно, это произошло, как происходит до сих пор и когда-либо происходило. На основе этой теории было разработано немецкое осложнение. Существовало пятьдесят так называемых Вольных городов, которые, будучи слабыми и погрязшими в долгах, могли быть насильственно поглощены. Существовало несколько церковных князей, жалко правивших обширными и богатыми владениями, чьи заманчивые богатства могли быть конфискованы. В Германской империи были сотни рыцарей, ветхих реликвий средневековья, каждый из которых владел в качестве частной собственности небольшой территорией, чей народ рыцарь облагал налогами, судил и насиловал по своему усмотрению. Конгресс в Раштадте работал над этой немецкой проблемой в то время, когда Австрия убила французских посланников (1798). Теперь эта задача была возобновлена (1801 г.) номинально конгрессом в Ратисбоне, но на самом деле французскими дипломатами в Париже. Талейрану, как министру иностранных дел, представилась великолепная возможность взбить свое гнездо взятками, и он воспользовался этим по максимуму. Немецкие дипломаты отправились в Париж, ухаживали за продажным министром, смеялись над всеми его хорошими высказываниями, ласкали его пуделя, его предполагаемого бастарда и осыпали его золотом, чтобы завоевать его влияние.

Когда процесс реорганизации был завершен, в Германии произошла революция. Большинство Вольных городов больше не были свободными, но были включены в состав территории правительства, на которой они находились. Церковные князья были низведены до положения наемных священников, их владения конфискованы у правительств. Бавария, Баден, Вюртемберг получили значительное увеличение территории; Пруссия не осталась без награды; Франция получила все, на что имела право; а Австрия, побежденная нация, почти ничего не потеряла. Счастливая комбинация Франции, Пруссии, Австрии и России, направленная на

урегулирование своих разногласий за счет Вольных городов и князей Немецкой католической церкви, увенчалась блестящим успехом.

Вслед за перераспределением немецких земель произошли изменения, еще более важные. Жалкие маленькие феодальные государства исчезли. Имперские рыцари потеряли свои устаревшие княжества. Закваска Французской революции проникла далеко за пределы Рейна. Должности перестали покупаться, продаваться и передаваться по наследству. В обиход вошли регулярные системы налогообложения, полиции и судебных процедур. Профессии были открыты для всех: каста была разрушена, крестьянин освободился от некоторых из своих самых тяжелых нош. Образование в некоторых частях Германии было изъято из рук Церкви, а духовенство подчинено закону.

Таким образом, Наполеон, возможно, бессознательно, заложил основу для объединения германских народов в одну великую империю путем подавления стольких мелких, ревнивых и замкнутых княжеств, которые разделили землю и которые ничто, кроме подавляющего давления извне, не могло изменить.

Таким образом, все еще нося скромный титул Первого консула, правитель Франции вырос до имперских масштабов. Для французов он был необходимым человеком, без которого они могли бы снова погрузиться в хаос. Чудесная структура, которую он воздвиг, казалось, зиждилась только на его силе. Его жизнь была единственной гарантией закона и порядка. Если убийцы прикончат его, какова будет ситуация во Франции? Чтобы избежать такой опасности и лишить фанатиков-роялистов такого соблазна, не лучше ли было бы сделать Наполеона монархом и уладить вопрос о престолонаследии? В этом случае его смерть не вызвала бы бесконечного замешательства и сильных конвульсий. Рассуждения такого рода, по-видимому, побудили сенат предложить Первому консулу принять новый титул, и 18 мая 1804 года он провозгласил себя императором Франции.

Отчасти в силу обстоятельств, отчасти по искреннему убеждению, отчасти благодаря замечательному дару Наполеона управлять людьми Франция была настолько хорошо подготовлена к этому изменению формы правления, что одобрила его практически единогласно. Протестовали только такие стойкие приверженцы принципа, как Карно и Лафайет.

С Империей пришло все имперское: изменение конституции; появление высших сановников; облагораживание семьи Бонапартов, за исключением Люсьена; создание маршалов в армии; установление придворных форм и этикета во дворце.

Великолепными и внушительными были церемонии, положившие начало Новому Порядку. Париж, Франция, Европа были ослеплены щедрыми расходами, великолепным парадом, с которым консул стал императором. Он не жалел ни средств, ни усилий, ни личного дискомфорта, чтобы конкурс удался. Историки насмехались над репетициями, с помощью которых он готовил каждого актера коронации к своей роли; но эти насмешки, по-видимому, неуместны. Его пример задал моду; и в наши дни не только репетируются частные бракосочетания, но и королевские похороны и королевские коронации совершенствуют свои функции с помощью того же благоразумного процесса.

Чтобы ничто не нарушало торжественности и впечатляющей этого события, Наполеон настоял, чтобы папа прибыл из Рима в Париж и совершил церемонию. Столь недавними и столь

огромными были заслуги Наполеона перед Церковью, что понтифик не мог отказать, тем более что у него были и другие просьбы.

Блестящей, как мечта, была коронация в огромном соборе Нотр-Дам. Париж никогда не был свидетелем более великолепного гражданского и военного парада. Церковь, государство, принцы иностранные и местные, вельможи старые и новые блистали во всем, что только могли показать богатство, гордыня и тщеславие. В отягощенной золотом карете Наполеон и Жозефина в окружении солдат поехали в церковь, где папа давно ожидал их прибытия; и когда великого корсиканца провели по всем правилам, помолились, принесли присягу, умастили маслом и благословили, он гордо принял корону из рук папы, короновался сам, а затем короновал коленопреклоненную Жозефину (декабрь 1804 г.). Его матери там не было, она была в Риме с взбунтовавшимся Люсьеном; но когда художник Давид писал картину коронации, Наполеон, всегда следивший за эффектносью, пригласил мадам Летицию. Точно так же, как он желал своей матери в этот великий день своей жизни, он не забыл своего отца.

“Джозеф, что бы сказал отец!”

Тот, кто поднялся из коттеджа в Белый дом в этих Соединенных Штатах, привлек к себе всеобщее внимание, когда, приняв присягу, повернулся к своей старой матери и поцеловал ее. Недалеко от того же похвального чувства было сожаление Наполеона о своем отце.

Мать Летицию так и не удалось убедить покинуть Рим и мятежника Люсьена; но старая няня приехала с Корсики, чтобы увидеть коронацию своего отпрыска. Наполеон обнял и поцеловал пожилую женщину, оказал ей всяческое внимание и продержал ее в Париже пару месяцев. Когда она вернулась в Аяччо, она была нагружена подарками.

Нельзя было не заметить и Бриенну в эти солнечные дни триумфа и счастья. Император должен вернуться на территорию школы своего детства, увидеть старые знакомые сцены, поговорить о былых временах с теми бывшими знакомыми, которые, возможно, еще остались там. Итак, смотрите, вскоре после коронации он прибывает в бриенский замок в шесть часов вечера, где мадам де Бриенн и мадам Ломени ожидают его у подножия лестницы. Он проводит ночь в замке, добрая хозяйка которого так часто радушно принимала его в дни его несчастной юности. Он бродит по замку, указывая на каждое место, знакомое ему со школьных времен. Он посещает поле Ла Ротьер, любимое место прогулок его юности. Он так приветлив, так оживлен, так заинтересован, что его движения, кажется, говорят: "Смотрите, откуда я начал и к чему пришел". “А что стало с матерью Маргаритой, крестьянкой, которая раньше продавала мальчикам молоко, яйца и хлеб? Мать Маргарита все еще жива, ее все еще можно найти в крытом соломой домике в лесу. Император во что бы то ни стало должен покинуть изящный круг в замке и навестить старого крестьянина в хижине. Человек, обладающий таким чутьем на эффект, никогда не мог упустить такой момент. Итак, лошадь оседлана и приведена; император садится на коня и едет верхом; и у домика в лесу его Величество выходит и входит.

“Добрый день, мать Маргарита!” Старческие глаза затуманены, в них незнание. Она знает, что император находится по соседству; она собирается пойти в замок, чтобы повидаться с ним; она отнесет ему корзину яиц, чтобы напомнить о старых временах. Внезапно его Величество встает так, чтобы тусклые глаза могли лучше видеть его, приближается к ней и, подражая голосом и манерами своему школьному тону и потирая руки, как он это делал раньше: “Подойдите, мать Маргарита! Немного молока и свежих яиц; мы умираем с голоду”.

Еще немного пробежки по памяти, и древняя дама, теперь зная, кто это, падает к ногам императора. Он поднимает ее и по-прежнему настаивает на яйцах и молоке. Она подает, он ест, оба счастливы, и оба полны воспоминаний о давно минувших годах. Хотя он оставил ей кошелек с золотом, мать Маргарита, вероятно, больше гордилась тем фактом, что он приходил к ней домой и ел.

Еще один визит нанесет великий император в Бриенну, последний - в 1814 году. Иностранные захватчики расположатся лагерем вокруг игровых площадок его детства. Пруссиец Блюхер будет отдыхать и ужинать в замке. Пруссиец Блюхер даст ему сражение при Бриенне и разгромит его при Ла Ротьер. И своим спутникам падающий Император снова укажет на достопримечательности на старой школьной площадке, но не в счастливом духе 1804 года.

* * * * *

Что делать с Италией? Французское оружие вырвало ее из Австрии и защитило от России. Она была слишком слаба, чтобы выстоять в одиночку. Лишите Францию поддержки, и она снова была бы разделана и поглощена более сильными державами. Ей угрожали со всех сторон. Англичане были на Мальте, русские на Корфу, австрийцы в Венеции, в то время как Неаполь и Рим были кажущимися союзниками, но на самом деле врагами. Государственные соображения требовали, чтобы имперская система Наполеона распространилась на Италию, и сами итальянцы одобряли это изменение.

Наполеон передал корону своему брату Жозефу. К изумлению всего мира, этот нелепый эгоист отказался по двум причинам: во-первых, Италия была слишком близка к Франции, чтобы ее король мог пользоваться той полной независимостью, которую Жозеф считал необходимой для своего самоуважения; во-вторых, корона Франции в перспективе принадлежала ему как наследнику бездетного Наполеона; и Жозеф не променял бы это эгоистичное, призрачное притязание на уверенность, предложенную ему его слишком пристрастным братом! Несомненно, никогда на свете не жил человек, более проклятый неблагодарностью собственной крови, чем Наполеон!

“Иногда я испытываю искушение поверить, - сказал он, - что Джозеф думает, будто я лишил своего старшего брата его доли наследства покойного короля, нашего отца!”

Только после того, как Жозеф отказался от всех уговоров, Наполеон решил провозгласить себя королем Италии “до заключения мира”.

В апреле 1805 года, взяв с собой Жозефину, он пересек Альпы. Везде его встречали с энтузиазмом. На поле Маренго они с Жозефиной сидели на троне и наблюдали за великолепной репетицией битвы, в которой молодой герой одним ударом сокрушил Австрию и спас Италию.

В мае 1805 года он среди помпезности и церемоний в Миланском соборе возложил на свою голову железную корону лангобардов. Жозефина наблюдала за происходящим с галереи; она не была коронована королевой Италии, но ее сын, верный и галантный Эжен Богарне, был назначен вице-королем нового королевства. Его Святейшество Папа Римский не присутствовал на церемонии; его Святейшество был огорчен и недружелюбен; он покинул Париж разочарованным человеком; он просил о многих милостях Наполеона, “сына моего во Христе Иисусе”, в которых ему было отказано, и уже была видна тонкая грань раскола между

Наполеоном и папством, который должен был расти и расширяться год от года, пока зияющая пропасть не поглотила большую часть мощи Империи.

Но до поры до времени папа шел своим путем почти незамеченный, кротко непримиримый, смиренно мстительный, выжидая своего шанса нанести удар правителю, которого он так недавно умащивал и благословлял, в то время как самонадеянный корсиканец, использующий архиепископа для управления церковным механизмом вместо папы римского, раздувался от гордости, чувствуя на своей голове корону Карла Великого.

И не было ли у него причин для гордости? Сохранила ли мировая история более блестящий послужной список, чем его? Не рожденный для трона, чуждый пурпура и золота высокого положения, он владел величайшей Империей нового времени; и как наследник цезарей, он теперь принял в свои объятия величие и славу древнего Рима. Император Запада! — еще один Феодосий, еще один Карл Великий! А всего несколько лет назад он смиренно остановился, чтобы соскрести уличную грязь со своих грубых сапог, чтобы не задеть нос мадам Пермон; заложил часы в обмен на еду; задумался о том, чтобы утопиться в Сене, потому что его мать умоляла о помощи, которую он был слишком беден, чтобы оказать!

Если когда—либо смертный был по праву горд, то это был он - Наполеон, сын юриста без гроша в кармане; Наполеон, неутомимый студент, неутомимый труженик, непобедимый авантюрист, негибблемый солдат Удачи, — Наполеон, император Франции и король Италии, чьи короны достались ему незапятнанными кровью! Он был сильнейшим, мудрейшим, лучшим в бою, в работе, в совете; и они подняли его на своих щитах, как поднимали сильнейших в доблестные дни старины.

Ничто в карьере Наполеона не было более блестящим, чем его триумфальное шествие по итальянским городам. Все, что могли сделать страстные люди с богатым воображением, чтобы выразить свое восхищение и привязанность, они сделали; и в течение этих коротких солнечных недель, когда он жил среди оваций и великолепия, среди ликования и благословений, среди музыки и цветов, рядом с Джозефиной, он, вероятно, был настолько близок к счастью, насколько могла быть близка его беспокойная, жаждущая натура. Повсюду он оставлял неизгладимые следы — дороги, каналы, всевозможные общественные здания, мощные и полезные сооружения, которые сделали его тур незабываемым на все времена.

Генуя, следуя примеру Италии и дружеским предложениям Франции, проголосовала за объединение своей судьбы с судьбой новой империи. Дож и Сенат торжественно отправились в Милан, были приняты Наполеоном на его троне и молились, чтобы он принял древнюю республику как часть Франции. Современный цезарь милостиво согласился; дож стал французским сенатором, и из территории республики были выделены три французских департамента.

Маленькая республика Лукка подхватила всеобщую заразу, отправила депутацию в Милан, выпросила у Наполеона правительство и конституцию, была тепло принята императором и пожалована в качестве имперского феода его сестре Элизе, жене корсиканского скрипача по имени Баччочи.



ЖОЗЕФИНА В 1809 ГОДУ

По акварели Изаби

Можно легко представить ужас и негодование, с которыми европейские короли и кабинеты министров смотрели на эти посягательства. В едином порыве они начали кричать против “ненасытного честолюбия” Наполеона. Англия не учитывала, как она разорила Францию в Канаде, на реке Огайо, в Индостане. Россия и Австрия не учитывали провинции, отнятые у Польши или Турции. Все великие нации становились все более могущественными; общий баланс сил был нарушен: неужели одной Франции было отказано в праве распространить свою систему на государства, которые просили об этом и которые зависели от ее защиты?

В январе 1805 года Наполеон, как уже делал однажды, написал напрямую королю Англии с просьбой о мире. Как и прежде, его попытки были отбиты. Великобритания уже начала связывать воедино нити другой коалиции. Между Англией, Россией, Австрией и Швецией существовало взаимопонимание. Неаполь через своих правителей-Бурбонов пресмыкался перед Наполеоном, льстивый и подобоострастный, в то время как втайне она замышляла его свержение. Хорошо зная о надвигающейся на Континент буре, Наполеон подготовился к ней, но ни на минуту не ослаблял своих усилий в Булони.

Его план состоял в том, чтобы отправить свой флот в море, заманить Нельсона в погоню, а затем, пока его собственные корабли удвоятся и вернутся в Ла-Манш, переправить свою армию в Англию под ее защитой на своих плоскодонных лодках. “Хозяева канала на шесть часов, мы хозяева мира”.

Этому не суждено было сбыться. Ветер и волны боролись против него. Неспособность его флота боролась против него. На суше он мог вселить в солдат мужество, уверенность, сочувствие к сотрудничеству. Но военно-морской флот поставил его в тупик: все его усилия были тщетны. Его адмиралы не могли или не хотели верить; не могли или не хотели подчиняться приказам; не могли или не хотели сотрудничать. Совершенно напрасными были все его труды, все его расходы. Австрийские армии шли против Баварии, союзника Наполеона; русские орды надвигались с севера; великолепная пятидесятитысячная армия Пруссии находилась на волоске, зловеще колеблясь и угрожая объединиться с коалицией.

Такова была ситуация на Континенте, когда до Наполеона дошли депеши о том, что все его великие планы вторжения в Англию потерпели крушение; что его адмирал неправильно понял или не подчинился четким приказам; что французский флот не только не сможет оказать ему помощь, но и настолько рассеян и размещен, что неизбежно станет добычей англичан.

“Императору сообщили об этом около четырех часов утра 13 августа”, - говорит Сегюр. “Дару был вызван и, войдя, уставился на своего вождя в крайнем изумлении”. Император “выглядел совершенно диким”; его шляпа надвинулась на глаза, “весь его вид был ужасен”. Как только он увидел Дару, он подбежал и излил поток сдерживаемого гнева. Он ругал своего адмирала, своего слабоумного адмирала: “этот проклятый дурак Вильнев!” Он расхаживал “взад и вперед по комнате большими шагами около часа”, выплескивая свой гнев, разочарование, упреки. Затем, внезапно остановившись и указав на письменный стол, он воскликнул: “Садись туда, Дару, и пиши!” И с удивительным самообладанием, оторвав свои мысли от Вильнева, флота, проклятых планов вторжения, он час за часом, так быстро, как только перо могло улавливать несущиеся слова, диктовал секретарю всю ульмскую кампанию в ее самом общем виде, в мельчайших деталях, охватывая, как это было, передвижение его собственных огромных легионов, расположенных вдоль побережья на протяжении двухсот лье, передвижение Массены из Италии, Мармона из Голландии и Бернадотта из Ганновера. Против французов двигалось четыреста тысяч солдат; менее половины этого числа французов бросились отражать атаку. Огромные лагеря на Булонском побережье исчезли, “орлы” направились к Рейну, другие легионы маршировали так, как никогда раньше — тысячи людей мчались по дорогам в каретах. Австрийцы не стали дожидаться русских; Бавария была захвачена; и Мак, австрийский генерал, теперь бездельничал в Ульме. Прежде чем он успел заподозрить, что происходит, комбинация Наполеона была осуществлена, вокруг его противника сомкнулось стальное кольцо; и французские армии, сомкнувшись спереди, с тыла и флангов, держали австрийцев как в

мощной ловушке. За исключением нескольких эскадронов, которые прорвались через бреши во французских рядах по мере их продвижения, вся австрийская армия сложила оружие (20 октября 1805 г.). В Мемуарах де Сегюра нам дается личное представление об императоре, которое, возможно, более интересно обычному читателю, чем унылое повествование о марше, контрмарше, маневре и битве.

Во время боев под Эльхингеном промокший под дождем Наполеон отправился на ферму в Хасслахе, чтобы дожидаться подхода Ланна и гвардии. Там была печка, излучавшая приятное тепло, а перед ней сидел мальчик-барабанщик, мокрый, замерзший и раненый. Офицеры штаба Наполеона велели мальчику убираться и идти куда-нибудь в другое место. Барабанщик и слышать об этом не хотел. Комната была достаточно большой, чтобы вместить и императора, и его самого, сказал он, и он намеревался остаться. Наполеон рассмеялся и велел им оставить мальчика в покое, “раз уж он придал этому такое значение”. Через несколько мгновений император дремал по одну сторону печки, а барабанщик - по другую. Вокруг двух спящих сгруппировались штабные офицеры, стоявшие и ожидавшие приказаний.

Грохот пушек становился все громче, и каждые несколько минут Наполеон просыпался и отправлял гонцов поторапливать Ланна. Пока император таким образом дремал, Ланн поднялся, резко вошел в комнату и воскликнул: “Сир! О чем вы думаете? Вы спите, в то время как Ней в одиночку сражается против целой австрийской армии!” — “Это совсем как на Нейя, я велел ему подождать”, - сказал Наполеон и, вскочив на коня, ускакал так быстро, что Ланн, испугавшись, что император бросится навстречу опасности, грубо схватил уздечку и заставил его вернуться в менее опасное положение. Ней был вновь укреплен, и австрийцы были разбиты.

* * * * *

В разгар своих собственных успехов Наполеон получил известие из Трафальгара. Нельсон сражался с объединенными флотами Франции и Испании, поплатился собственной жизнью, но одержал столь полную победу, что господство Англии на море больше не оспаривалось на протяжении всех наполеоновских войн. Шок для Наполеона, должно быть, был ошеломляющим, но он только сказал: “Я не могу быть везде”.

Продолжая наступление, он вступил в Вену 13 ноября 1805 года и, не теряя времени, перебросил свою армию через Дунай в погоню по горячим следам за отступающим врагом.

Хитростью и обманом Мюрат и Ланн захватили большой мост, и было сэкономлено много драгоценного времени. Подобным трюком русские обманули Мюрата несколько дней спустя и избежали сети, которую Наполеон расставил вокруг них, и, таким образом, “плоды кампании были потеряны”. Мюрат добрался до моста, притворившись, что было заключено перемирие; русские совершили свой побег, обманув Мюрата той же ложью. Гнев Наполеона был велик, тем более что грубая ошибка Мюрата была на волосок от срыва Ульмской кампании.

Наполеону не удалось заманить русских в ловушку, как он заманил в ловушку австрийцев, и ему ничего не оставалось, как продолжить преследование. Лига за лигой французы проникали во враждебную страну, со всех сторон собирались новые армии, чтобы обрушиться на них, пока они не оказались в самом сердце Моравии. Австрийский император Франциск присоединился к царю Александру, и объединенные русско-австрийские войска, численно превосходившие французов, столкнулись с Наполеоном при Аустерлице. Положение французов, находящихся вдали от дома и окруженных населением, хватающимся за оружие, было критическим.

Наполеон понимал это, как и его враг. Нет сомнений, что он приветствовал бы почетный мир, но условия, предложенные царем, были настолько оскорбительными, что он с негодованием отверг их. Поспешно сосредоточив свою армию, он приготовился к бою. Он искусно культивировал самоуверенность врага и создавал у него впечатление, что он пытается сбежать. У них хватило смелости поверить, что они могут изменить его позицию, отрезать его от пути отступления и поступить с ним при Аустерлице так же, как он поступил с Маком при Ульме.

Действительно, положение французской армии требовало всей твердости Наполеона, всего его гения. У него было около восьмидесяти тысяч человек; у императоров на его фронте было девяносто тысяч. Справа ему угрожал эрцгерцог Карл с сорокатысячной армией; сзади - эрцгерцог Фердинанд с двадцатитысячной; на его левом фланге была враждебная Пруссия с великолепными силами в сто пятьдесят тысяч человек. Объединенные армии на его фронте, перейдя в наступление, атаковали французский авангард у Вишау и разгромили его. Наполеону было не по себе. Он отправил послов к царю и добивался личной встречи. Окруженный молодыми горячими головами, Александр отбил эту попытку, отправив Долгорукого на встречу с императором французов. Полный уверенности, что французы напуганы и щедро заплатят за привилегию вернуться домой, молодой Долгорукий потребовал от Наполеона сдачи Италии, Бельгии и Рейнских провинций.

“О чем еще вы могли бы просить, если бы были во Франции?” - воскликнул возмущенный Наполеон. Манеры посланника были такими же оскорбительными, как и его язык, и Наполеон в конце концов приказал ему удалиться. Сильно раздраженный, Наполеон некоторое время стоял и разговаривал с Савари, ударяя по земле своим хлыстом для верховой езды, когда тот подробно останавливался на наглости русских. “Пожалуйста, Боже, через сорок восемь часов я преподам им урок!”

Рядом стоял старый гренадер, набивая трубку, чтобы закурить. Наполеон подошел к нему и сказал: “Эти ребята думают, что проглотят нас”. — “Если они попытаются это сделать, - сказал ветеран, - мы проткнем им глотки”. Наполеон рассмеялся, и его лоб разгладился.

Отведя свою армию на еще более выгодную позицию, Наполеон тщательно изучил местность, провел тщательную рекогносцировку и стал ждать. Вскоре он разгадал план врага - обойти его правый фланг. Но для этого они должны были подставить ему свой собственный фланг, и он нанесет удар по ним на марше. Наполеон был настолько уверен в том, что он сможет уничтожить своего врага, если будет предпринята попытка перелома на его фронте, что он заманил их еще дальше, отступив с высоты Праценского плато — “великолепной позиции”, с которой он мог легко нанести русским обычное поражение. Но обычное поражение было не тем, чего он хотел; он предпринял маневр, чтобы вовлечь своих врагов в ложное движение, где они могли быть уничтожены.

1 декабря 1805 года, около четырех часов пополудни, Наполеон увидел в свой полевой бинокль, что началось крупное поворотное движение русских. Он хлопнул в ладоши и воскликнул: “Они идут в ловушку; еще до завтрашней ночи эта армия будет моей!”

Приказав Мюрату совершить притворную атаку, а затем отступить, чтобы утвердить противника в его заблуждении относительно отступления французов, Наполеон продиктовал своим войскам волнующее обращение, указав им на ошибку русских и на то преимущество, которое французы могли бы извлечь из этого. Сделав все, что можно было сделать, великий полководец созвал

свой штаб и сел обедать в хижине, которая служила ему бивуаком. Вокруг стола на деревянных скамьях сидели Мюрат, Коленкур, Жюно, Рапп, Сегюр, Мутон, Тиар и другие. Так же безмятежно, как если бы он находился в Париже, Наполеон перевел разговор на литературные темы, особенно на драматическую поэзию, и пространно прокомментировал достоинства различных авторов и пьес. От этих тем он перешел к Египту и снова заговорил о чудесных вещах, которые он совершил бы, если бы захватил Акко. Он выиграл бы битву на Иссе, стал бы императором Востока и вернулся в Париж через Константинополь. Жюно предположил, что они, возможно, даже сейчас находятся на пути в Константинополь. Но Наполеон сказал: “Нет. Французы не любят длительных маршей. Они слишком сильно любят Францию. Войска предпочли бы вернуться домой”. Жюно усомнился в этом; но Мутон прямо заявил, что император был прав, что армия устала, с нее хватит: она будет сражаться, но сделает это потому, что хочет выиграть сражение, которое положит конец войне и позволит людям вернуться домой.

Бросившись на солому в своей хижине, Наполеон проспал до глубокой ночи. Затем он сел на лошадь и еще раз объехал окрестности, чтобы убедиться, что все в порядке. Он подошел слишком близко к русским позициям: разбудил нескольких казаков и благодаря скорости своего коня избежал поимки. Возвращаясь в свои ряды, он, спотыкаясь, брел пешком в темноте, когда споткнулся о бревно. Гренадер, чтобы осветить себе путь, сделал факел из соломы. Пламя показало другим солдатам императора. Повинуясь внезапному порыву, из соломы было сделано больше факелов, и раздался крик: “Да здравствует император!” Это была годовщина коронации, и войска помнили об этом. Один факел превратился в десятки, потом в сотни, затем в тысячи, пока вспышка света не пробежала вдоль строя на многие мили, а крик “Да здравствует император!” не разбудил даже русские орды. Это была такая овация, какую мог вызвать только цезарь. Это было так неизученно, так проникновенно, так воинственно и драматично, что Наполеон был глубоко тронут. “Это самый грандиозный вечер в моей жизни”, - воскликнул он.

На рассвете он созвал своих подчиненных в хижину, поел с ними стоя, а затем, пристегнув свой меч, сказал: “А теперь, джентльмены, давайте отправимся и начнем великий день!” Мгновение спустя он сидел на коне на холме, откуда открывался вид на поле боя, окруженный своим штабом и маршалами. Когда солнце очистилось от тумана, “солнце Аустерлица”, были отданы последние приказы, маршалы поскакали на свои посты, и знаменитая битва началась. К четырем часам вечера русско-австрийская армия превратилась в развалины — ее превосходили в общем составе, она была побеждена, разбита вдребезги. Наполеон закончил “эту войну ударом грома”. Царь бежал с остатками своего войска, избежав поимки Даву с помощью избитой лжи о перемирии. Император Франциск лично явился к Наполеону с просьбой о мире, был любезно принят и получил условия, гораздо более либеральные, чем он имел право ожидать.

27 декабря 1805 года был подписан Пресбургский мирный договор. Австрия уступила Венецию, Фриули, Истрию и Далмацию Италии; Тироль - Баварии, которую Наполеон превратил в независимое королевство; Вюртемберг и Баден получили города и территории в награду за присоединение к Франции. Австрия санкционировала все недавние вторжения Наполеона в Италию и согласилась выплатить контрибуцию в размере 8 000 000 долларов.

В битве при Аустерлице союзники потеряли около пятнадцати тысяч человек убитыми и ранеными, не считая двадцати тысяч пленных. Потери французов составили около двенадцати тысяч человек.

Марбо рассказывает случай, который иллюстрирует характер Наполеона.

Одним из известных эпизодов битвы при Аустерлице было отступление русских по замерзшим озерам. Наполеон лично приказал канонирам прекратить стрельбу по беглецам и поднять свои орудия так, чтобы ядра падали на лед. Шары упали, лед треснул, и около двух тысяч русских погрузились в водянистые могилы.

На следующий день Наполеон, находясь недалеко от этого места, услышал слабые крики о помощи. Это был русский сержант, раненый, дрейфующий по озеру, державшийся за льдину. Сочувствие Наполеона сразу же пробудилось, и он призвал добровольцев спасти русского. Было предпринято много попыток, несколько французов чуть не утонули, и, наконец, Марбо и Руместен разделись, подплыли к мужчине и вытащили его на берег. Наполеон проявил максимум внимания к бедняге — уцелевшему с "воинства", затонувшего накануне по его безжалостному приказу.

ГЛАВА XXVI

В Англии чудесный триумф Наполеона вызвал ужас и горькое разочарование. Столько наличных было потрачено впустую, столько хорошо продуманных планов разрушено, столько слепой ненависти ни к чему не привело! Другие лица, кроме Питта, приобрели “аустерлицкий вид”. Этот самый высокомерный из министров предлагал деньги всем, кто объединится против Франции, поощрял Австрию к нападению на Баварию из-за отказа Баварии вступить в коалицию против Франции, высадил английские войска в Калабрии, чтобы поднять на восстание крестьянство, охваченное священничеством, и взял на себя обязательство изгнать французов из Германии, из Швейцарии, из Италии и Голландии. Более могущественное крушение никогда не обрушивалось на более надменные планы. Французы были теперь хозяевами большей территории, чем когда-либо; могущество Наполеона было больше, чем когда-либо; союзники Англии расчленились, чтобы усилить друзей Франции; и британские войска, которые были посланы в Калабрию и которые выиграли битву при Майде (июль 1806 г.), отказались от предприятия и оставили крестьянство страдать от мести французов. Были ли последними словами мистера Питта: “Моя страна! Как я покидаю свою страну!” или, как рассказывал мистер Д'Изразэли, “Думаю, теперь я мог бы съесть один из пирогов со свиной Беллами”, несомненно, что он воспринял известие об Аустерлице, как лорд Норт захват Саратоги, “как удар в грудь”.

На Континенте главенствовал Наполеон, и он энергично использовал свое преимущество. Неаполитанские бурбоны обманули его, и он сверг их с престола. В западной Германии была организована Рейнская конфедерация, состоящая из Баварии, Бадена, Вюртемберга и тринадцати более мелких княжеств с восьмимиллионным населением. Созданная Наполеоном,

она обратилась к нему за защитой, поставила свои вооруженные силы к его услугам и практически стала частью его имперской системы.

В результате этих изменений австрийский император был лишен своих наследственных владений, а его призрачная Священная Римская империя прекратила свое существование 6 августа 1806 года.

После Аустерлица последовала грандиозная раздача корон и венцов. Брат Жозеф снизошел до того, чтобы стать королем Неаполя, с четким пониманием того, что он не отказывается ни от одного из своих “прав” на трон Франции и что с ним следует обращаться как с “независимым союзником” императора.

Голландия была превращена в подвластное королевство, и Луи Бонапарт воссел на ее трон.

Своей сестре Элизе Наполеон подарил дополнительную территорию в Италии, а Полине, вышедшей замуж за принца Боргезе, - Гуасталлу. Мадам Баккиочи, которая морально была еще одной Каролиной Неаполитанской, была хорошей правительницей, и ее управление своим маленьким королевством было превосходным. Что касается Полины, то ее не интересовало ничего, кроме удовольствий, и, не очень хорошо зная, что еще делать со своей Гуасталлой, она продала ее.

Каролине Бонапарт, настойчивой в своих требованиях признания империи, предложили княжество Невшатель. Она высокомерно отказалась. Такое маленькое королевство было явно, даже вопиюще, меньше ее доли. Уступая этой юной и самоуверенной сестре, Наполеон был вынужден создать Великое герцогство Берг, чтобы удовлетворить ее и ее не менее честолюбивого мужа Мюрата.

Козла отпущения Жерома Бонапарта, одним из бесчисленных чудачеств которого было то, что он заплатил 3000 долларов за бритвенный прибор задолго до появления бороды, заставили отказаться от своей красивой молодой жены-американки, мисс Паттерсон; и его держали под опекой императора до тех пор, пока он не станет королем Вестфалии, а королевой станет вюртембергская принцесса.

Эжен Богарне, вице-король Италии, был женат на дочери короля Баварии, а Стефания Богарне, племянница Жозефины, была замужем за сыном курфюрста Баденского.

В этих грандиозных приготовлениях для семьи Бонапарт Люсьен остался в стороне. Они с Наполеоном поссорились, главным образом из-за того, что Люсьен не бросил свою жену, как это сделал малодушный Жером. Наполеон был оскорблен тем, что Люсьен при своем втором браке выбрал женщину, чья добродетель была далеко не вне подозрений. “Разведись с ней, - потребовал Наполеон. - она шлюха”.

“Моя, по крайней мере, молода и хороша собой”, - саркастически заметил Люсьен, имея в виду Жозефину, которая не была ни молода, ни хорошенька. Разгневанные братья расстались: старший настаивал на разводе и предлагал королевство в качестве взятки; младший презрительно отверг взятку и прилепился к своей жене. Сохранять такое мужественное и независимое отношение было тем легче, что Люсьен уже сколотил состояние на службе у Наполеона. Поселившись в большом дворце в Риме, в окружении редких книг, картин и скульптур, утешенный предпочтением и присутствием мадам Летиции, любимицы папы

римского, потому что была врагом Наполеона, Люсьен занимался литературой, написал самую длинную и скучную эпопею современности и назвал ее "Карл Великий".

Возводя на троны членов своей семьи, император не мог забыть тех, кто служил ему в армии и в гражданских делах. Из завоеванных территорий он вырезал различные княжества, герцогства и так далее для распределения между Талейранами, Бернадоттами и Бертье, которые позже должны были предать его. Приэтом слове возник новый класс дворянства — дворянство, основанное на службе и не имеющее особых привилегий, но богато одаренное и быстро присваивающее себе весь престиж, которым когда-либо пользовались старые.

Находясь в окружении враждебных королей, Наполеон чувствовал потребность в поддержке. Создавая Рейнскую конфедерацию, сажая своих братьев на соседние троны, даруя феоды своим высшим чиновникам, он считал, что воздвигает преграды против иностранных врагов и поддерживает свою империю личными интересами и ресурсами всех этих созданных им подданных князей, даже не подозревая, что в день невзгод его собственные братья и сестры подумают о том, чтобы спастись за его счет.

* * * * *

В ту самую ночь, когда Наполеон вернулся из армии в Париж, он созвал свой совет. Финансы были в замешательстве; возникло нечто вроде паники, и только победа при Аустерлице восстановила уверенность. Министром, который своим бесхозяйственностью привел к такому положению вещей, был Барбе-Марбуа, роялист, которого Наполеон отозвал из ссылки и возвел на высокий пост. Во время отсутствия императора министр позволил подрядчикам и спекулянтам стать партнерами в управлении казной, позволил этим спекулянтам использовать государственные средства и довел свою покладистость до такой степени, что теперь они были должны правительству более 25 000 000 долларов. При Старом режиме было вполне обычным делом позволять подрядчикам и спекулянтам использовать государственные средства не по назначению. В наши дни это универсальное правило. Ни одно хорошо регулируемое христианское правительство не подумало бы о выдаче займа, проведении общественных улучшений или возврате своего долга, не выделив какой-нибудь клике привилегированных капиталистов огромную долю от общей суммы: точно так же это потрясло бы современное правительство до основания, если бы был применен принцип, согласно которому государственные средства должны строго храниться в государственных хранилищах и использоваться только для общественных целей.

Однако Наполеон не был ни правителем древнего типа Бурбонов, ни христианским правителем современного типа. Он не стал бы выпускать займы, взимать военные налоги и не позволил бы своей казне стать охотничьим угодем Биржи. Англия боролась с Наполеоном бумажными деньгами, выдавала ссуду за ссудой, предоставляла спекулянтам и подрядчикам блестящие возможности для собственного обогащения. В конце концов, английские бумажные деньги, займы и военные налоги должны были подстегнуть борьбу; но в то же время Наполеон считал себя правым, а Англию неправой. Он искренне верил, что Англия утонет под тяжестью своих долгов, налогов и обесцененной валюты. Когда он увидел, как она набирает силу год от года, как увеличиваются ее мануфактуры, торговля, ее богатство, власть и население увеличиваются, он не смог постичь эту тайну. мистер Элисон, историк Тори, который ведет хронику фактов, любезно объясняет, что этот рост Англии был призрачным и фиктивным. Наполеону, одиноко сидевшему на скале у острова Святой Елены, размещавшемуся в перестроенном коровнике и

терзаемому крысами, должно быть, казалось, что рост могущества Англии за счет бумажных денег был не таким уж призрачным, как утверждал мистер Элисон.

Строго придерживаясь своей собственной системы, Наполеон призвал ошибающегося министра и жадных спекулянтов к ответу. Марбуа был отстранен от должности, спекулянты брошены в тюрьму, имущество синдиката конфисковано, а долг, причитающийся казне, взыскан. Банк Франции был капитально отремонтирован, финансы приведены в здоровое состояние, а государственные средства увеличивались до тех пор, пока их стоимость не стала выше, чем когда-либо прежде, и приблизилась к номинальной.

ГЛАВА XXVII

После Пресбургского мирного договора эрцгерцог Карл, расплачиваясь с австрийскими войсками, сказал им: “Идите и отдохните, пока мы не начнем снова”. Даже в то раннее время европейские державы действовали в соответствии с неизменным принципом, согласно которому война против Франции не должна была прекратиться, пока она не будет вынуждена вернуться в свои древние пределы. Независимо от того, какие сражения велись, заключались договоры и уступались территории, единственное, в чем Англия, Австрия и Россия были согласны, это в том, что Наполеон должен быть сокрушен. Он представлял Новый Порядок, порожденный Революцией. Он олицетворял либерализм, гражданскую и религиозную свободу и прогресс в его современном понимании - предоставление каждому человеку шанса в жизни. Такие принципы были разрушительны для спокойствия Европы, и правящие классы Европы были глубоко привязаны к этому покою. Правящий класс Англии, поддерживаемый в своем господствующем превосходстве терпеливыми миллионами людей ниже себя, не хотел, чтобы уравнилельные тенденции вторгались на ее кастовые острова. Германия, чья знать и землевладельцы цеплялись за все привилегии и варварство феодализма, питала отвращение к Кодексу Наполеона и демократическим зародышам наполеоновской системы. Россия, почти такая же отсталая, как Персия или Турция, боялась развития событий, которые означали свободу для крепостных и гражданские права для простых людей. Дворянин в России, пэр Великобритании, мелкий лорд в Германии были в глубине души одним и тем же человеком. Он был рожден для богатства, привилегий и власти; он намеревался сохранить то, что было дано ему при рождении, и он намеревался передать это своему сыну “навсегда в простой форме”. Конечно, он объяснил, что так распорядился Бог. И то, что утверждал дворянин, священник утверждал. Если Наполеон предвидел, что в качестве консула противоборствующие системы Европы будут постоянно вести с ним войну, то насколько меньше было надежды на мир теперь, когда он начал разрушать древние феодализмы?

Пусть криминализация и взаимные обвинения исчерпают себя, пусть Тьер напишет объемистые тома в пользу Наполеона, в то время как Ланфри и Бэринг-Гулд напечатают против него толстые памфлеты, истина заключается здесь:

Наполеон олицетворял принципы, которые считались губительными для Старого порядка в Европе, и бенефициары этого Старого Порядка были полны решимости не сдаваться без

отчаянной борьбы. Точно так же, как Старый порядок во Франции сопротивлялся всем попыткам реформ, так и на более широкой арене короли и аристократия Европы сопротивлялись Наполеону. Они не могли считать себя в безопасности, пока он был агрессивен и торжествовал. Поэтому, в то время как Австрия могла склониться перед бурей, в то время как император Франциск мог прийти в палатку Наполеона, умоляя о пощаде, и получить ее, истинное мнение Австрии выразил эрцгерцог Карл, когда он сказал войскам: “Идите, отдохните, дети мои, пока мы не начнем все сначала”. Когда они начнутся снова, было только вопросом времени и возможности.

Пруссия была одной из первых наций, вооружившихся против революционной Франции. Привлеченная Австрией, она опубликовала знаменитое брауншвейгское воззвание, вторглась во Францию и была отбита при Вальми. В свое время Пруссия испытала отвращение к французским роялистам — устала от соперничества, в котором, не добившись славы, она теряла людей, деньги и престиж. Она заключила мир с Республикой и стала честно нейтральной. Гармоничные отношения продолжали существовать между двумя нациями до разрыва Амьенского мира. Англия тогда сделала все возможное, чтобы вовлечь Пруссию в третью коалицию, но не вполне преуспела в этом. В рамках великой стратегии, приведшей к кульминации в Ульме, возникла необходимость провести часть французских войск маршем через Анспах, прусскую провинцию. Это вторжение на его территорию сильно оскорбило молодого короля Фридриха Вильгельма IV, и он пригрозил войной.

Сокрушительные удары Наполеона по Австрии запугали Пруссию и заставили ее колебаться; но когда французы рисковали собой в Моравии и перспективы для Наполеона начали становиться мрачными, Пруссия направила к нему своего министра Гаугвица с ультиматумом. Наполеон осознал грозящую ему опасность, отложил немедленные действия и участвовал в битве при Аустерлице. Победа избавила его от опасности, и Хогвиц, забыв о своем ультиматуме, рассыпался в поздравлениях. Наполеон выслушал их с сардоническим весельем, которого не скрывал, прямо заявив, что Аустерлиц изменил тон пруссии.

Когда Рейнская конфедерация была близка к образованию, Наполеон по Венскому мирному договору частично уступил Ганновер Пруссии в обмен на Анспах и Байройт. Ганновер был личным владением короля Англии, и его передача Пруссии была справедливой гарантией от сотрудничества Пруссии и Англии. То, что он дал такую богатую взятку Пруссии, доказывает его серьезность в поисках ее дружбы. Те, кто критикует политику Наполеона, подчеркивают его неосторожность не отделить Англию от Континента. Критики говорят, что ему следовало бы знать, что он недостаточно силен, чтобы противостоять объединенной Европе. Вероятно, Наполеон понимал ситуацию не хуже тех богословов и университетских профессоров, которые сейчас критикуют его. Как он мог привлечь Континентальную Европу на свою сторону, кроме как силой оружия? Разве он не пытался заключить договоры с Неаполем и Австрией? Разве он не исчерпал возможности примирения с Россией и Пруссией? Каким образом он мог нанести ущерб Англии, если не изгнав ее с Континента, и как он мог сделать это, не применяя силу? Его военно-морской флот исчез; Англия отвергла его неоднократные попытки заключить мир; ее золото подкупило европейских дипломатов и кабинеты министров, чтобы они развязали ему войну: как ему было иметь дело с брошенными против него армиями, если он не сражался с ними? Объединить континент против Англии! Это было именно то, что он пытался сделать, и Англия знала это. Отсюда ее взятки, отсюда последовательные войны. Наполеон всегда

надеялся пробиться в континентальную лигу против Англии, принудив ее к миру и условиям, которые она выдвинула в Амьене.

Врожденный антагонизм европейских монархов к Наполеону проявился, когда царь посетил Берлин в 1805 году и у могилы Фридриха Великого поклялся в союзе и дружбе с прусским королем.

В 1806 году это обещание было торжественно повторено, причем царь и королева за это время неоднократно нарушали его. Будет ли последняя клятва иметь большее значение, чем первая, зависело от обстоятельств; но формальный акт, по крайней мере, доказал, насколько инстинктивным и яростным был их антагонизм к Наполеону.

После смерти мистера Питта Фокс сменил его на посту министра, и почти сразу же Наполеон снова предпринял попытки заключить мир. Теперь на это было гораздо меньше надежды, потому что ситуация сильно изменилась. Страсти по обе стороны Ла-Манша были доведены до белого каления, были произведены территориальные раздачи, отменить которые было бы трудно, и Фокс, как известный друг Наполеона, мог оказаться неспособным пойти на уступки, которые Питт мог бы смело предложить.

Конечно, Англия потребовала бы восстановления Ганновера; Мальту она, безусловно, сохранила бы. При том настроении, которое газеты вызвали в Англии, ни один министр не осмелился бы сейчас сдать этот остров. Но все же мир был возможен. Можно было бы организовать аналог Мальты. Что касается Ганновера, то Наполеон мог бы отобрать его у Пруссии, дав ей взамен что-нибудь столь же хорошее. Переговоры велись пешком, через лорда Ярмута, одного из англичан, которые содержались под стражей во Франции в начале войны. Когда Пруссия узнала, что Наполеон использует Ганновер в качестве приманки для Англии, ее подавляемая неприязнь вспыхнула ярким пламенем. В Пруссии вспыхнули ожесточенные разговоры, яростные памфлеты, и Даву усугубил ситуацию, приказав расстрелять Палма, книготорговца из Наумберга, за то, что он распространял подстрекательские документы против французов.

Чувство войны непреодолимо росло. Даже если бы король был склонен выступить против этого, он не смог бы этого сделать. Его королева, военачальники его армии, его знать, его войска, его народ — все они требовали войны.

Молодые офицеры в Берлине точили свои шпаги на ступенях французского посольства и били окна в домах прусских министров, выступавших за мир.

Наполеон был в Париже, когда пришло известие, что горячие головы пруссии затачивали свои клинки перед его посольством. Его рука потянулась к рукояти меча: “Они узнают, что наши мечи не нуждаются в точилке - наглые хвастуны!”

Пруссаки были так уверены в себе, им так не терпелось броситься в бой, что они не стали дожидаться русской помощи. Очевидно, они опасались, что Пруссии, возможно, придется разделить славу. Разве их армия не принадлежала Фридриху Великому? Разве их кавалерия не была лучшей в Европе? Разве генерал Рюхель не объявил на параде, что в армии его Величества Пруссии есть несколько командиров, равных Бонапарту? Зачем ждать Россию? Задержка заставила бы Наполеона насторожиться. В настоящее время он не подозревал о немедленном нападении. Прусские дипломаты убаюкали его заверениями, что их приготовления были всего

лишь притворством. В Баварии было несколько разрозненных французских войск; Пруссия могла бросить свои двести тысяч ветеранов на Саксонию, поглотить саксонские войска и выбить французов из Германии прежде, чем Наполеон успеет помочь себе. Так думала прусская военная партия, во главе которой стояли королева и принц Людовик, брат короля. Верховом на лошади, одетая в военную форму, королева Луиза появилась во главе армии, раздувая военную лихорадку. Принц Луи принял верховное командование для действительной службы, и старый герцог Брауншвейгский (автор знаменитого манифеста 1792 года и герцог Вальми), пошатываясь под тяжестью своих восьмидесяти лет, выдвинул смелые планы, для осуществления которых ему не хватало энергии. В то время как прусские когорты собирались и маршировали на Саксонию, прусский посол в Париже все еще пытался втереться в доверие к Наполеону. Наконец, Пруссия выдвинула ультиматум, дав императору франции срок до 8 октября, чтобы спасти себя, подчинившись. Прусская армия численностью в сто тридцать тысяч человек сосредоточилась близ Йены; французы, казалось, были в их власти, главный спор между прусскими военачальниками заключался в том, следует ли им подождать до истечения срока, установленного ультиматумом, чтобы пройти Тюрингенский лес и атаковать врага. Когда ультиматум достиг Парижа, Наполеона уже не было, он был на Рейне и был готов бросить двести тысяч человек против изумленных пруссаков. Великий Император ни на минуту не был обманут. Все то время, что он с невозмутимым видом выслушивал ложь прусского дипломата, он стягивал войска там, где они были необходимы. Когда курьер догнал его и передал ультиматум, он рассмеялся над этим. С виртуозной быстротой он атаковал прусский фланг и тыл. Пруссия повторила ошибку Австрии; ее потери были еще более разорительными. Принц Людовик, атаковавший Ланна при Заальфельде (10 октября), был разбит и убит.

Когда Наполеон достиг Йены со своей основной армией в девяносто тысяч человек, он предположил, что основная масса пруссаков была перед ним. Осторожный, как всегда, он искал преимущества в позиции и добился их. Саксонский священник показал ему тайный путь к высотам, господствующим над прусскими позициями, и ночью этот путь был сделан удобным для артиллерии. Когда рассвело (14 октября 1806 г.), началась неравная битва, французы превосходили противника численностью два к одному. Гогенлоэ, прусский военачальник, был почти уничтожен, остатки его армии бежали в диком беспорядке.

В то же время Даву с двадцатью семью тысячами французов сражался при Ауэрштедте с основными силами пруссии, примерно вдвое превосходящими его собственные. Плохо командуемые герцогом Брауншвейгским и королем Пруссии, немцы сражались с отчаянной доблестью, но были наголову разбиты. Разбитые и загнанные, они бежали с поля боя, направляясь в Веймар, и наткнулись на толпы беглецов, которые бежали с поля Йены. Устрашающая кавалерия Мюрата бросилась в погоню по горячим следам, и последовала сцена дичайшего замешательства. Для разбитой армии была потеряна всякая надежда. Не было ни определенной линии отступления, ни точки сбора, ни главного разума, находящегося под контролем. Безнадежно разбитое войско беглецов распалось на части, и безжалостное преследование не ослабевало до тех пор, пока не был схвачен последний из этих отрядов. С невероятной легкостью и быстротой прусская монархия была обращена в прах.

ГЛАВА XXVIII

Нет сомнения, что Наполеон питал больше личных чувств к Пруссии, чем к любому врагу, с которым он до сих пор встречался, за исключением Англии. На самом деле, то, как действовала Пруссия, во многом оправдывало эту вражду. Она пыталась дуть то в жар, то в холод, бегать зайцем и обниматься с гончими в такой бесстыдной манере, что даже Чарльз Фокс, мягчайший из людей, донес на нее английскому парламенту в самых резких выражениях. Она играла с Англией, присягала России и нарушала ее доверие, развлекалась с Австрией и вводила ее в заблуждение, шутила с Наполеоном и обманывала его, и, наконец, получив от него ганноверскую взятку, послала герцога Брауншвейгского в Санкт-Петербург заверить Александра, что Фридрих Вильгельм III. был по-прежнему его другом и что очевидный союз с Наполеоном означал не более того, что Пруссия была рада получить Ганновер.

Неудивительно, что Наполеон заявил, что Пруссия продается тому, кто больше заплатит, и что она будет принадлежать ему, потому что он заплатит больше всех. Он заплатил за это, Ганновер. Когда он увидел, что Пруссия намеревалась сохранить цену, а не контракт, он почувствовал себя обычным человеком, который обнаруживает, что там, где он думал, что совершил хорошую сделку, его обманули.

Поэтому, когда королева Пруссии, принц Людовик, герцог Брауншвейгский и военная партия в целом продемонстрировали свою решимость порвать с ним; когда молодые офицеры оскорбили его посольство; когда прусская армия выступила против члена его Рейнской конфедерации, Наполеон был искренне разгневан. Они не проявили к нему никакого уважения, и он был склонен не проявлять его к ним.

Он грубо осудил поведение герцога Веймарского, разговаривая с герцогиней в ее собственном дворце; но когда она мужественно защитила своего отсутствующего мужа, лучшие качества Наполеона взяли верх, он похвалил ее дух и стал ее другом.

Герцог Брауншвейгский, смертельно раненный при Ауэрштедте, отправил гонца к Наполеону с молитвой о том, чтобы его права как герцога Брауншвейгского были соблюдены. Наполеон ответил, что он не пощадит *герцога*, но будет уважать генерала; что с Брауншвейгом будут обращаться как с завоеванной провинцией, но что самому герцогу следует оказать то уважение, которого он, как старый человек и храбрый солдат, заслуживает. В то же время, и в качестве дополнительной причины для того, чтобы не щадить герцога как феодала, Наполеон напомнил ему о том времени, когда он вторгся во Францию с огнем и мечом и провозгласил цель превратить Париж в пепелище. Сын умирающего герцога принял этот естественный ответ близко к сердцу и поклялся в вечной мести человеку, который его послал.

Наполеон очень хорошо понимал, что война была вызвана феодальными державами Германии — теми мелкими лордами, у которых были герцогства и княжества, разбросанные по всей стране, миниатюрные королевства, в которых эти лорды вели роскошную жизнь за счет крестьянства. Эти феодальные вожди были отчаянными противниками французских принципов и боялись Рейнской конфедерации. Каждый курфюрст, принц, герцог или кто-то другой с трепетом ожидал того дня, когда он может быть “медиатизирован” и его маленькая монополия на королевство будет передана модернизированной конфедерации. Отсюда их стремление к войне и отсюда горечь Наполеона по отношению к ним. За границей ходили слухи, что он сказал, что заставит дворян Пруссии просить милостыню. Возможно, он сказал это, потому что

к этому времени он уже не был немым, все скрывающим сфинксом. Он стал одним из самых разговорчивых людей; следовательно, одним из самых неосторожных. К сожалению, он ничего не сделал, чтобы отделить дело немецкого народа от дела немецкой знати. Его тяжелая рука обрушилась на всех одинаково; и он сам был виноват в том, что национальный дух Германии в конце концов восстал против него и помог свергнуть его. Он не только резко и неосмотрительно отозвался о прусской знати, но и совершил еще большую ошибку, оскорбив королеву. Правда, она почти сказала, как позже сказала французская императрица: “Это будет *моя* война!” Она вдохновляла военную партию словом и примером. Всеми способами, известными красивой молодой правительнице, она сделала военное увлечение модным. Она сделала для Пруссии то, что Эжени впоследствии сделала для Франции, — привела тысячи храбрецов к внезапной смерти, привела свою страну к колоссальному разгрому. Муж Эжени, попавший под влияние неженственной жены, потерял свободу и трон. Муж Луизы, которого вели вслепую, избежал той же участи, получив всего лишь царапину. Наглая, но патриотическая ложь, сказанная стариком Блюхером французскому генералу Клейну— “перемирие подписано”, — спасла Фридриха Вильгельма III от необходимости разыгрывать роль Баязета перед французским Тамерланом. Женщина-политик всегда вызывала у Наполеона “любимое отвращение”. В его вероучении место, которое занимали женщины, было местом матерей многочисленных детей, производителей крепких солдат, носительниц изысканных туалетов, спутниц похоти или праздного времяпрепровождения, нимф садовых прогулок, сирен будуара, сиделок для больных, утешительниц в горе, подносчиц кадила в триумфальном продвижении великих людей. Женщина, которая говорила о войне, надевала форму, садилась на лошадь и шествовала во главе армии, вызывала у него гнев и отвращение. Это чувство было секретом его неприязни к королеве Пруссии и его неджентльменских упоминаний о ней в своих бюллетенях. Но хотя эти упоминания были такими, каких не должен был делать ни один джентльмен, они были бесконечно более деликатными, чем те, в которых джентльмены-роялисты Европы постоянно ссылались на мать Наполеона, его сестер, его жену, его падчерицу и его самого. Пытаясь прийти к справедливым выводам, будет только справедливо вспомнить обстоятельства и провокации, при которых было сказано или сделано то или иное. Если мы постоянно будем иметь в виду этот стандарт при взвешивании поступков и слов Наполеона, то в нашем вердикте все изменится в мире. Наполеон не был бесстрастным богом или дьяволом. Кровь у него была теплая, как у нас; кожа тонкая, как у нас; удар причинял ему такую же боль, как и нам; клевета причиняла ему такую же боль, как и нам; гнусная ложь о его жене, сестрах и матери вызывала у него те же страстные крики, которые они вызвали бы у нас. И этот факт также следует иметь в виду: прежде чем Наполеон опустил до того, чтобы начать личную войну со своими заклятыми врагами, он снова и снова призывал их прекратить личные оскорбления в отношении него и его семьи.

27 октября 1806 года Наполеон совершил свой триумфальный въезд в Берлин, отведя корпусу Даву почетное место на марше. Это было блестящее зрелище, и жители Берлина, спокойно наблюдавшие за происходящим, были поражены контрастом между простой шляпой и сюртуком императора и ослепительной униформой его штаба.

Говорит Констант: “Мы вышли на площадь, посреди которой был установлен бюст Фридриха Великого. Подъехав к бюсту, император галопом объехал его наполовину, сопровождаемый своим посохом, и, опустив острие шпаги, снял шляпу и отсалютовал изображению Фридриха. Его штаб последовал его примеру, и все генералы выстроились полукругом вокруг памятника

вместе с императором. Его величество отдал приказ, чтобы каждый полк, проходящий мимо, предъявлял оружие”.

Принц Хацфельдт вручил ключи от города завоевателю, и Наполеон немедленно организовал новое муниципальное управление, поставив во главе его Хацфельдта. Принц, вместо того чтобы быть верным доверию, оказанному ему Наполеоном, использовал свое положение для сбора информации о французских силах и передвижениях. Эту информацию он переслал беглому королю Фридриху Вильгельму. Хатцфельдт, возможно, не осознавал, что его поведение было поведением шпиона; возможно, не понимал, что, занимая должность по назначению Наполеона, он должен быть верен Наполеону. Служить двум господам при таких обстоятельствах было делом рискованным, и Хатцфельдт считал это таковым. Его письмо королю было перехвачено и доставлено Наполеону. Принца собирались отдать под трибунал и расстрелять. Необходимые распоряжения уже были отданы, когда принцесса Хацфельдт, жена обвиняемого, вошла во дворец и бросилась к ногам Наполеона. Женщине в слезах — настоящей женщине и с неподдельными слезами — Наполеон никогда не мог сопротивляться; и Хатцфельдт был спасен, как и Полиньяки, мольбами преданной женщины.

После Ватерлоо герцог Веллингтон, уверенный теперь, что он величайший человек, когда-либо ходивший по земле, купил статую Наполеона работы Кановы, перевез ее в Лондон, установил в своем холле и сделал из нее вешалку для шляп, подставку для зонтиков и держатель для плаща. Похоже, что люди, которые говорят, что у Наполеона не было благородных рыцарских инстинктов, не смогли увидеть в поведении Веллингтона никаких признаков не деликатности чувств. Эти критики, однако, уверены, что, захватив в качестве трофеев шпагу и пояс Фридриха Великого, как это сделал в это время Наполеон, он совершил самый возмутительный поступок. Справедливо можно утверждать, что правило, касающееся трофеев, не так ясно, как могло бы быть. Закон кажется неясным, а решения противоречивыми. Насколько можно понять из чтения ряда авторитетных источников, правило, по-видимому, состоит в том, что после того, как завоеватель сверг своего врага, он может взять все, что подскажут его вкус, фантазия и жадность.

Конечно, мы здесь говорим о христианах — цивилизованных, самодовольных христианах, наблюдающих-за-мною-и-делающих-как-я-делаю. Будет обнаружено, что они забрали любую добычу, которую можно увезти. По всей Англии находится награбленное в Индии; по всей Испании - в Южной Америке и Мексике; и в различных частях этих Соединенных Штатов можно найти более или менее ценные предметы, которые раньше принадлежали Китаю или Филиппинам. Они— христиане — сняли украшения с тел раненых и мертвых; вырвали из рук, пальцев, шеи и ушей драгоценности мужчин, женщин и детей; ограбили храм и святилище; не пощадили идола и бриллианты, которые сверкали в его глазах; забрали скипетр, меч и золотой трон; разграбили дворец и разграбили могилу. Современный мертвец и мертвец тысячелетней давности - одно целое в безжалостной алчности христиан. Во имя науки оскверняют мумию; во имя "прогресса цивилизации" расчленяют теплый труп китайца или филиппинца. Когда мы находим среди драгоценностей короны Великобритании "трофеи", вырванные у живых и мертвых в Индостане; когда мы видим гордых людей с возвышенностей, носящих добычу из египетских гробниц, трудно понять, где проходит грань, отделяющая законную добычу от незаконной. Следовательно, мы не уверены, прав был Наполеон или нет, похитив пояс и шпагу из могилы Фридриха Великого.

Находясь в Берлине, Наполеон издал свой знаменитый Берлинский декрет. Англичане, повторив удар, который они нанесли Франции во время Революции, (1806 г.) “Постановлением Совета” объявили все побережье Франции в состоянии блокады. Другими словами, Великобритания присвоила себе право закупоривать империю Наполеона с целью уморить его голодом.

В качестве возмездия он в Берлинском указе объявил Великобритании находящейся в состоянии блокады. Любопытно заметить в книгах, сколько оскорблений получает Наполеон за свою блокаду и как мало получает Англия за свою. Обычно при попытке разобраться в достоинствах драки с целью установления вины возникает вопрос: “Кто нанес первый удар?” Это простое правило, основанное на простом здравом смысле, похоже, здесь полностью упускается из виду.

Когда Англия обрушила на Наполеона широкомасштабную блокаду, затронувшую восемьсот миль его побережья, разве он не имел права нанести ответный удар? Берлинский декрет был не более чем ударом за удар.

Не может быть сомнений, что в этой торговой войне Наполеону досталось больше всех. Англия пострадала, но из-за нехватки рынков сбыта. Континентальная Европа пострадала, но это было из-за нехватки товаров.

Континентальная система Наполеона, о которой так много говорилось, была, в конце концов, не более чем запретительным тарифом. Со временем это произвело бы тот же эффект, что и запретительный тариф. Континент начал бы производить те товары, поставки которых до сих пор зависели от Англии. Другими словами, блокада, перекрывшая поставки определенных тканей, изделий из кожи, скобяных изделий и т.д., привела бы к форсированию их производства на Континенте. Умеренный тариф стимулирует внутреннее производство в той мере, в какой он сдерживает иностранную конкуренцию. Запретительный тариф, полностью закрывающий доступ к иностранным товарам, *вынуждает* производить запрещенные товары в стране. Континентальная система Наполеона, запрещавшая все английские товары, неизбежно привела бы к созданию мануфактур по производству этих товаров на Континенте. В течение тех лет, когда эти предприятия были бы запущены, население Континента понесло бы огромные потери и неудобства; но в долгосрочной перспективе Континент стал бы производителем своих собственных товаров, и Великобритания потерпела бы коммерческий крах. Это видел Наполеон; это видел английский кабинет министров: отсюда растущее ожесточение, с которым продолжалась смертельная схватка между ними двумя.

Большим преимуществом Англии было то, что у нее были товары, готовые к продаже, и Континент нуждался в них. Огромным недостатком Наполеона было то, что у него не было ни товаров, ни людей, готовых завладеть ими и производить их. Самое важное *сейчас* было на стороне Англии. Не успели высохнуть чернила на Берлинском декрете, как самому Наполеону пришлось его нарушить. Ему требовались огромные запасы для своей армии в зимней кампании, которую он собирался начать. Континентальные мануфактуры производили не то, что он хотел, это делала Англия, и войска Наполеона снабжались английскими товарами. Тому, что делал мастер, могли подражать его приспешники. По всему побережью французские чиновники нарушали закон, продавали лицензии, подмигивали контрабанде по такой цене за одно подмигивание и обустраивали свои гнезда в самом одобренном и великолепном стиле. Континентальная система нанесла Англии огромный ущерб, поскольку загнала ее торговлю в

извилистые, ограниченные каналы. Это нанесло огромный ущерб Континенту, поскольку доставило неудобства стольким людям, которые нуждались в английских товарах, и стольким людям, у которых были континентальные продукты для продажи в Англию. Но у него никогда не было честной проверки, не было времени выполнить свою работу, и поэтому его поспешно называли коронной ошибкой Наполеона. Не добившись справедливого суда за свою систему, она рухнула, и поэтому ее следует назвать грубой ошибкой; но следует помнить, что ее автор верил, что сможет добиться справедливого суда за нее; что он много лет работал с огромным упорством и целеустремленностью, чтобы заставить Континентальную Европу принять ее и обеспечить соблюдение. Если бы он это сделал, непредвзятый читатель должен признать, что он поразил бы мануфактуры Англии, ее коммерческую жизнь, как удар грома. Следует также помнить, что политике Наполеона, которой тогда так сильно сопротивлялись, Франция обязана многими из тех мануфактур, которые составляют ее богатство в наши дни.

ГЛАВА XXIX

Дав своей армии небольшой отдых, Наполеон выступил против русских. Его войска вошли в Польшу, и 28 ноября 1806 года Мюрат овладел Варшавой. Поляки приняли французов как избавителей. Они верили, что расчленение их страны Австрией, Пруссией и Россией будет наконец отомщено, и Польша снова займет свое место среди наций. Тысячи самых храбрых стекались под французские знамена, испытывая такой же энтузиазм по отношению к Наполеону, как и сами французы.

Возможно, что в своем обращении с Польшей император допустил одну из своих огромных ошибок. Возможно, здесь он упустил свою единственную прекрасную возможность навсегда обуздать три континентальные державы, чья объединенная мощь в конце концов истощила его. Если бы было немедленно провозглашено возрождение Польши как нации, если бы ее корона досталась какому-нибудь прирожденному солдату, такому как Мюрат, Ланн, Султ или Понятовский, он привлек бы к своей физической поддержке каждого человека польской крови, а к своей моральной поддержке активное одобрение каждого либерала в мире.

Поперек пути России он воздвиг бы живой вал доблестной нации, горящей любовью к родине и страстью к мести. С Турцией на одной границе и объединенной Польшей на другой, и могущественной державой Наполеона, готовой прийти на помощь обеим, положение России, по-видимому, было бы отчаянным. Аналогичным образом, объединенная Польша на флангах Австрии и Пруссии, по-видимому, была бы лучшей гарантией того, что эти две нации не вторгнутся во Францию.

Короче говоря, если бы Наполеон провозгласил свободу Польши, он получил бы союзника, сила и положение которого имели для него огромное значение и чья потребность в его поддержке сохранила бы ей лояльность. С другой стороны, он навлек бы на себя неизгладимую ненависть трех разбойничьих держав, и у них была бы общая причина объединиться против него. Это то, что он осознал, и это то, что сдерживало его; но в конце концов его выжидательная, непоследовательная политика "я хочу и не буду" привела именно к этому — навлекла на него

непреодолимую ненависть трех разбойничьих держав и лишила его объединенной поддержки Польши. Ибо для того, чтобы пополнить свои ряды польскими добровольцами, он постоянно размахивал перед глазами несчастной нации перспективой независимости. “Покажите себя достойными, и тогда—” Другими словами, бросайтесь к моим орлам, сражайтесь в моих битвах, умрите на моей службе, пролейте на меня свою кровь и свои сокровища, и тогда я подумаю, должна ли Польша снова стать нацией! Это печальная картина — величайший человек в истории, щеголяющий польскими надеждами, правами, жизнями, судьбой.

Доблестные мужчины этой героической нации отдали ему свои жизни - за Польшу. По крайней мере, одна красивая польская женщина отдала ему свою честь — за Польшу. Он завоевал часть страны благодаря своим расплывчатым обещаниям. Ему не удалось завоевать объединенную Польшу, потому что его обещания *были* расплывчатыми. Но сам факт, что Польша смотрела на Наполеона как на своего освободителя, тот факт, что поляки тысячами шли сражаться за него, тот факт, что он превратил прусскую Польшу в Великое герцогство Варшавское, принес как раз те горькие плоды, которых Наполеон так боялся, чтобы это дерево не принесло — союз трех держав, разоривших Польшу, и чьи подозрения и ненависть были безнадежно возбуждены его заигрыванием с поляками.

Но все эти окончательные результаты были еще в будущем. На тот момент план Наполеона сработал достаточно хорошо. Он получил всю необходимую помощь от Польши, не сжигая никаких мостов между собой и тремя державами. Его позиция, казалось, говорила России, Австрии и Пруссии: “Посмотрите, что я могу сделать с этими поляками, если вы зайдете слишком далеко!” Независимость Польши была искусно использована двумя способами: для поляков это было стремление, побуждавшее их броситься к французским орлам; для трех держав это была угроза, предупреждавшая их о необходимости договориться с Наполеоном.

Таким образом, в национальных шахматах Польша стала простой пешкой на доске. С любой моральной точки зрения такая политика позорна. И негодование историка усиливается, когда он вынужден добавить, что поведение Наполеона было всего лишь имитацией государственного управления прежних времен, точно так же, как подобные низости наших дней являются имитацией освященных веками прецедентов королей и кабинетов министров. Кавур однажды воскликнул: “Какими бы мы были негодяями, если бы делали для себя то, что мы делаем для нашей страны!” Он имел в виду какую-то особенно грязную работу (грязь и кровь были обильно перемешаны), которую он выполнял в партнерстве с Наполеоном III. в обеспечении независимости Италии. Это признание стоит запомнить. Христианская цивилизация, безусловно, достигла любопытного рубежа, когда ее ведущие государственные деятели признают, что в управлении государством они постоянно совершают поступки, которые позорили бы их как частных граждан.

В Воспоминаниях княгини Потоцкой есть яркая картина ситуации в Польше зимой 1807 года, когда писательница находилась в то время в Варшаве.

“Утром 21 ноября было объявлено о прибытии французского полка. Как мне описать энтузиазм, с которым это было встречено? Чтобы правильно понять такие эмоции, нужно все потерять и верить в возможность надеяться на все - как мы сами. Эта горстка воинов, когда они ступили на нашу землю, казалась нам гарантией независимости, которой мы ожидали от рук великого человека, которому ничто не могло противостоять.

“Народное опьянение было в самом разгаре: весь город озарился, словно по волшебству. В тот день, по правде говоря, городским властям не было нужды выделять жилье для вновь прибывших. Люди дрались за них, уносили их, соперничали друг с другом в том, как лучше с ними обращаться. Те из горожан, кто не знал французского, не будучи в состоянии объясниться, заимствовали немой язык, который принадлежит всем странам, и знаками восторга, рукопожатиями и взрывами ликования давали своим гостям понять, что они безвозмездно предлагают все имеющиеся у них дома, включая *погреб*.”

“Столы были даже накрыты на улицах и площадях. Поднимались тосты за Наполеона, за его Великую армию, за независимость Польши. Там были объятия и поцелуи, а также немного перебор с выпивкой. На следующий день прибыл brave Мюрат и его блестящий штаб, в расшитых галунами мундирах, с золотыми и серебряными галунами, с развевающимися красными, белыми и синими плюмажами, и вообще с большим шумом и хлопанием, суетой и беготней. Шумным кавалером был Мюрат, напыщенный, хвастливый, полный воспоминаний о своей собственной стремительной карьере.

Поселившись в гостинице “Рачинский”, где была отвратительная дымящая труба, великий герцог Бергский покинул ее и поселился “в нашем доме” — дворце Потоцких, — где он наскучил обитателям своими крикливыми манерами, театральным видом и слишком частыми упоминаниями о своем последнем ратном подвиге - штурме и взятии Любека во главе своей кавалерии. Мюрат дал понять жителям Варшавы, что император скоро прибудет и войдет в город с определенной помпой. Власти засуетились: воздвигли триумфальные арки, сочинили надписи, заказали фейерверки, сплели венки и сделали обычные предупреждения поэтам и ораторам. Весь город был погружен в частную агонию, которая является прелюдией к публичному и радостному приему.

И после всех трудов и страданий, связанных с подготовкой к триумфальному въезду императора, что ему оставалось делать, как не въехать в Варшаву верхом на маленькой потрепанной почтовой лошадке между полуночью и рассветом, и никого рядом, кроме Рустана, мамелюка! Императорская карета увязла на дороге, и Наполеон оставил ее торчать в грязи. Когда он добрался до Варшавы, все спали, и “император сам подошел к караульной будке, чтобы разбудить часового”.

В тот же вечер Освободитель принял городские власти, которые любезно и многословно беседовали с ними на все темы, кроме темы освобождения. По этому чрезвычайно важному вопросу он произнес не более того, что называется “блестящими общими фразами”. Польша, как оказалось, еще недостаточно сделала. Польша должна пробудить себя. “Должна быть преданность, жертвы, кровь”. Иначе Польша никогда ни к чему не придет. Продолжая в своей нервной, быстрой манере, Наполеон намекал на огромные усилия, которые ему придется приложить, чтобы довести кампанию до благополучного завершения. Но он был уверен, что Франция сделает все, что он от нее потребует. Засунув руки в карманы, он воскликнул: “У меня *там* есть французы. Взывая к их воображению, я могу делать с ними все, что мне заблагорассудится!”

Польские магнаты выслушали это заявление с немалым удивлением, которое отразилось на их лицах. Заметив это, Наполеон добавил: “Да, да, все именно так, как я вам сказал”, - и взял понюшку табаку.

Несмотря на то, что многие польские дворяне были глубоко разочарованы сомнительной позицией Наполеона, страна в целом была полна энтузиазма в своей вере в то, что в надлежащее время он поступит должным образом. Все потребности французов были удовлетворены. Там, где добровольных пожертвований не хватало, принудительные взносы восполняли разницу.

Варшава никогда еще не была такой блестящей. Сердце обреченной нации снова забилося. Были улыбки, распростертые руки, радостные торжества. Были блестящие балы у Мюрата; блестящие балы у Талейрана; блестящие балы во дворце князя Боргезе; блестящие приемы у императора. Должно быть, это было зрелище, на которое стоило посмотреть, — бальный зал в пробудившейся Варшаве, где самые красивые дамы Польши и самые храбрые воины Франции танцевали счастливые часы напролет. Должно быть, это было зрелище, на которое стоило посмотреть, — Талейран, входящий в большой зал для приемов, заполненный знатью Польши, и торжественно объявляющий: “Император!”

Стоило посмотреть на плотную, низкорослую фигуру, увенчанную бледным, застывшим, похожим на мрамор лицом и большой головой, которая появилась в поле зрения при объявлении Талейрана и на мгновение задержалась в дверях, чтобы посмотреть и быть замеченной.

Толпились ли прекрасные польские женщины вокруг могущественного императора, прислушиваясь к малейшему слову в пользу независимости Польши? Взывали ли к нему честные патриоты взглядом и словом, тоскуя по волшебным именам "Вольность", "Свобода"? Тщетен пылкий, умоляющий взгляд; тщетен нежный, обольстительный голос. Это вообще никуда не годилось. Он подозревал это — закалял себя против этого; и пылкий патриотизм, высказанный женщинами, никогда не бывавшими столь обворожительными, не мог пробиться сквозь эту бдительную охрану. Но, выходя из комнаты, он снова останавливается и говорит Талейрану достаточно громко, чтобы его услышали все: “Какие хорошенькие женщины!” Затем императорская десница приветствует роту, и Освободитель уходит!

Это, должно быть, было зрелище, на которое стоило посмотреть, — бал у Талейрана, где Наполеон танцевал и ухаживал за мадам Велевски, и где импозантный Талейран, со сложенной салфеткой под мышкой и позолоченным подносом в руке, смиренно подал своему императорскому повелителю стакан лимонада.

Армейские дела призвали Наполеона на фронт; но после кровопролитного сражения при Пултуске погода остановила продвижение войск. Непрекращающиеся дожди разрушили дороги. Пушки вязли в трясине, солдаты гибли в болотах. Даже поляки никогда не видели ничего подобного.

Наполеон вернулся в Варшаву совершенно безмятежный, заметив: “Что ж, ваша грязь спасла русских; давайте дождемся морозов”.

Занятый делами Франции, Польши и России, а также, и прежде всего в это время, делами армии, император был более раскован в общении, чем обычно, и вел себя чрезвычайно любезно.

Он участвовал во всех увеселениях, фамильярно сплетничал со всеми, кто приходил к нему на приемы, играл в вист, танцевал кадрили, посещал концерты своего итальянского оркестра и с жаром и хорошим вкусом срывал аплодисменты.

“Как, по-вашему, я танцую?” он с улыбкой поинтересовался у юной княгини Потоцкой. - Я подозреваю, что вы смеялись надо мной.

“По правде говоря, сир, - ответила ловкая леди, - для великого человека вы прекрасно танцуете”.

Сев играть в вист, Наполеон повернулся к княгине Потоцкой в тот момент, когда были сданы карты, и спросил:—

-Какова будет ставка? - спросил я.

“О, сир, какой-нибудь город, какая-нибудь провинция, какое-нибудь королевство”.

Он рассмеялся, лукаво глядя на нее.

- А если предположить, что ты проиграешь?

- Ваше величество при деньгах и, возможно, соизволит заплатить за меня.

Ответ понравился. Он любил смелые разговоры, быстрые ответы, определенные ответы. Запинающихся, неуверенных, неопределенных людей он никогда не выносил.

Отвечайте быстро и отвечайте положительно, и ваш ответ, хотя и не соответствует действительности, может понравиться ему больше, чем если бы вы нерешительно сказали ему правду.

Тот же живой писатель дает другую реалистичную картину Наполеона в одном из приступов его дурного настроения.

Однажды в Варшаве он получил известие, что пруссаки взяли в плен генерала Виктора с важными донесениями. Это известие привело императора в ярость. Случилось так, что в тот же день голландская делегация прибыла поздравить его с победой при Йене. Они были допущены на аудиенцию как раз перед обычным приемом императора.

“Было около десяти часов, и мы (те, кто был в приемной) долго ждали... когда дверь с шумом распахнулась, мы увидели, что толстые голландцы в своих алых мантиях скорее перекатываются, чем входят. Император подталкивал их, восклицая довольно громко: ‘Продолжайте! продолжайте!’ Бедные посланники потеряли голову и повалились друг на друга.

Княгиня Потоцкая говорит, что ей захотелось рассмеяться, но, взглянув в лицо императору, она не посмела.

Музыка быстро успокоила его; к концу концерта на его лицо вернулась любезная улыбка, и он обратился с приятными словами к дамам, которые ему больше всего нравились, прежде чем сесть за стол для игры в вист.

“За исключением министров иностранных дел и некоторых высокопоставленных чиновников, участвовавших в игре, все встали, пока Наполеон сидел. Это не вызывало неудовольствия

принца Мюрата, который не упускал возможности позировать и принимать позы, которые считал подходящими, чтобы продемонстрировать красоту своей фигуры. Но маленький принц Боргезе был в ярости, и ему все еще не хватало смелости сесть”.

Но развлечения императора не ограничивались одними только вистом и кадрилими. Некая мадам Валевски, “изысканно хорошенькая”, “с свежим смехом, мягким взглядом и соблазнительным лицом”, привлекла внимание императорского гостя. “Выйдя замуж в шестнадцать лет за восьмидесятилетнего старика, который никогда не появлялся на публике, мадам Валевски занимала в обществе положение молодой вдовы”. Она была “милой и скучноватой”, соблазнительной и не упрямой. Говорят, что дипломатия Талейрана проделала очень скромную работу в качестве посредника, и вскоре стало известно, что мадам стала фавориткой императора.

До Жозефины дошли смутные слухи о высоких достижениях в польской столице, и она великодушно предложила перенести тяготы путешествия и присоединиться к своему отсутствующему супругу. Самым нежным образом на свете он настоял, чтобы она оставалась там, где была.

Веселое времяпрепровождение в Варшаве закончилось внезапно. После того, как Ней бросился на русских без приказа, Беннигсен поднялся на ноги для общих действий, и Наполеон вступил в одно из самых кровопролитных сражений в истории — Эйлау, 8 февраля 1807 года. Сражались в условиях слепящей снежной бури, потери с обеих сторон были ужасающими. Результат был настолько сомнительным, что сам император избежал пленения, потому что был скрыт от посторонних глаз на старом церковном дворе. Корпус Ожеро, попавший в снежный занос, ослепленный налетающим ветром мокрым снегом и в упор подвергшийся смертоносному русскому огню, был уничтожен. Только отчаянная кавалерийская атака, возглавляемая лично Мюратом, остановила продвижение русских. С наступлением темноты французы собирались отступить, когда Даву, приложив ухо к земле, услышал удаляющийся грохот русских орудий. Итак, французы удержали свои позиции и заявили о победе. Русские, отступая, тоже претендовали на это.

С обеих сторон раздавались благодарственные гимны и молитвы Богу: русские были благодарны за то, что победили; французы радовались тому, что одержали победу. Бенигсен продолжал отступать; Наполеон вернулся на зимние квартиры, и единственным отчетливым и бесспорным результатом сражения было то, что около двадцати пяти тысяч человек лежали мертвыми под снегом.

Наполеон не вернулся в Варшаву, а разместил свою штаб-квартиру в Остероде, где он разделял все неудобства своих солдат, выполняя при этом больше работы, чем любая сотня человек в армии. Несмотря на ужасную погоду и болотистые дороги, он постоянно был верхом, мчась во весь опор от одного аванпоста к другому. Часто за день он проезжал девяносто миль. Своими собственными глазами он изучил военную обстановку вплоть до мельчайших деталей, неустанно прилагая усилия к тому, чтобы его люди были хорошо размещены, хорошо одеты, хорошо накормлены. Больные и раненые действительно были “его детьми”. Он не жалел усилий ради них, и в этом был один из секретов бодрости, с которой его солдаты шли на такие жертвы ради него. Иногда на марше, когда усталые легионы брели по грязи, промокшие под дождем или заброшенные мокрым снегом, или ослепленные снегом, голодные и тоскующие по дому, в рядах раздавался ропот, жалобы даже бросались в адрес императора, когда он проходил мимо.

Но когда враг оказался в поле зрения, ропот прекратился. “Да здравствует император!” - вот и все крики. Они кричали это везде, где видели его мельком на поле боя; они кричали это, когда бросались в бой; и после окончания боя те, кто вышел невредимым, и те, кто был искалечен, и те, кто был при смерти, — все кричали: “Да здравствует император!” Ничто подобное преданности французского солдата Наполеону никогда прежде не было известно, и мы не увидим этого снова, пока не придет другой Наполеон.

Забота о своей армии отнюдь не занимала все время императора: он правил Францией из Польши, как если бы находился в Сен-Клу. Курьеры приносили и разносили министерские портфели, приносили и разносили официальные отчеты и приказы. Каждая деталь управления проходила под присмотром хозяина, вся инициатива принадлежала ему.

Мадам Велевски тайно доставили в штаб-квартиру - поблажка, которую Наполеон никогда раньше себе не позволял. Находясь в Финкенштейне, он принимал послов из Персии и Турции и серьезно обсуждал планы вторжения в Индию.

В июне русские снова перешли в наступление. Их главнокомандующий Беннигсен, один из убийц царя Павла, проявил большое мужество и способности. При Пултуске он разбил Ланна и Даву; при Эйлау он остановил императора и унес с того поля боя двенадцать французских орудий.

Беннигсен возобновил войну атакой на Ней, которую он надеялся отрезать. Поспешное отступление французов спасло их. Затем появился Наполеон, и русские отступили. При Хайльсберге они выстояли и сражались, обе стороны понесли тяжелые потери. Наконец превосходство французского лидера дало о себе знать. Он заманил Беннигсена на ложную позицию, приблизился к нему и почти сокрушил его в битве при Фридланде 14 июня 1807 года. Эта победа завершила кампанию. Русские попросили о перемирии, которое было незамедлительно предоставлено. Два императора, Наполеон и Александр, встретились на плоту, пришвартованном в Немане близ Тильзита, 25 июня 1807 года, сердечно обнялись и под восторженные крики двух армий, выстроившихся на противоположных берегах реки, начали те дружеские неформальные переговоры, которые привели к миру.

Город Тильзит, получивший статус нейтральной территории, стал штаб-квартирой двух императоров, которые основали там свои дворы и жили вместе как преданные личные друзья. Бедного беглеца, Фридриха Вильгельма Прусского, пригласили приехать, и он приехал. Позже приехала и его королева.

7 июля 1807 года был подписан Тильзитский мирный договор.

Пруссия потеряла свои польские провинции, которые были преобразованы в великое герцогство Варшавское и переданы курфюрсту Саксонии. Однако Александру был дарован кусочек этой польской Пруссии. Данцик, захваченный французами, был объявлен вольным городом, в котором должны были находиться французские войска до заключения морского мира. Прусские владения в нижней Саксонии и на Рейне вместе с Ганновером, Гессен-Касселем и другими небольшими государствами были преобразованы в Вестфальское королевство для расточительного Жерома Бонапарта.

Древняя Пруссия, как и Силезия, была возвращена Фридриху Вильгельму.

Много шума было поднято по поводу предполагаемой жестокости Наполеона к королеве Луизе в Тильзите; но внимательное ознакомление с официальными источниками доказывает, что его единственная жестокость заключалась в отказе дать ей то, о чем она просила. Она отправилась туда, чтобы повлиять на Наполеона с помощью убеждений красивой женщины; и ей это не удалось. По природе вещей, иначе и быть не могло. Спровоцировав войну и проиграв в состязании с оружием в руках, Пруссия должна была понести наказание. Слезы или уговоры королевы Луизы, конечно, не могли заслонить суровых политических обстоятельств этого дела. Предположим, императрица Евгения в 1871 году в слезах отправилась бы к Бисмарку или к императору Вильгельму, смогла бы она сохранить для Франции провинции Эльзас и Лотарингию? Могла ли она снизить военный штраф с 1 000 000 000 долларов до 1 000 000 долларов? Именно такую задачу королева Луиза взяла на себя в 1807 году.

Помимо своего отказа поддаваться влиянию, Наполеон не был виновен ни в какой невежливости по отношению к королеве. Напротив, он оказал ей честь с самой прилежной вежливостью и почтением.

По Тильзитскому мирному договору Россия обязалась выступать посредником между Францией и Великобританией. Со своей стороны, Наполеон согласился выступить посредником между Россией и Турцией.

В секретных статьях Россия обязывалась принять континентальную систему Наполеона в случае, если Великобритания откажется заключить мир.

Более того, в этом случае должна была возникнуть северная конфедерация против Англии с целью изгнать ее с Континента и сломить ее тиранию на морях.

России, в обмен на это обещание, должно было быть позволено завоевать Финляндию, провинцию огромного значения для нее.

Некоторые источники также утверждают, что Александр согласился с тем, что Наполеон должен поступать с Испанией и Португалией так, как ему заблагорассудится; в то время как Наполеон согласился с тем, что Александру должно быть позволено лишить Турцию Молдавии и Валахии, при условии, что Турция откажется от его посредничества.

ГЛАВА XXX

В этот период (1807) Наполеон был поразительно красивым мужчиной. “Бледный и багровый цвет лица, опущенные плечи и слабый, болезненный вид” вандемского периода остались в далеком прошлом. Кожное заболевание итальянской кампании было излечено. Еще не растолстевший и с брюшком, каким он стал к концу, его фигура округлилась до приятной полноты, что не мешало его активности. Лицо в профиль было классическим, а цвет лица чистым, здоровым, белым. У него был выдающийся подбородок, мощная челюсть, массивная голова, округлая, по словам Константа, на двадцать два дюйма. Каштановые волосы теперь поредели, склоняясь к облысению на макушке. В юности он носил их длинными, но во время

египетской кампании коротко подстриг и с тех пор продолжал носить такими. Его уши, руки, ступни были маленькими и прекрасной формы. Нос был длинным, прямым, хорошо пропорциональным. Зубы у него были белые и крепкие; губы красивой формы; выражение рта, когда он улыбался, было особенно милым и обаятельным. Его глаза были серо-голубыми и составляли поразительную черту его лица. Все рассказы сходятся в том, что его взгляд был неприятно пристальным и пронизательным; или, в другое время, невыносимо свирепым и пугающим; или, опять же, непреодолимо мягким, нежным, притягательным. Поражаешься тому факту, что так много тех, кто знал его, любил или ненавидел, боялся его или бросал ему вызов, должны подчеркивать впечатление, производимое на них его глазами. Под этим пристальным взглядом, который захватил и удерживал внимание, Лавалетт сказал, что почувствовал, как бледнеет; Декре потерял всякое желание быть фамиллярным; Вандамм стал трусом; Ожеро и Массена признали, что боятся; мадам де Сталь смутилась; а Баррас замолчал за своим столом. Не так много лет назад в Мичигане жил потрепанный ветеран итальянских войн, тот, кто был с Наполеоном в тот день, когда тот провел рекогносцировку форта Бард, остановившего армию; и воспоминания этого старого солдата о Наполеоне сузились до чудесных глаз, которые так пристально смотрели на него, словно хотели проникнуть в самую глубину души. В 1900 году в Лондоне умер пожилой человек, который мальчиком видел Наполеона на острове Святой Елены; и его воспоминание о павшем императоре запечатлелось в той же черте лица — глазах.

Вообще, выражение лица Наполеона было выражением студента - мягким, задумчивым, медитативным, интеллектуальным. В моменты хорошего настроения его улыбка, взгляд, голос были ласковыми, добродушными, даже завораживающими. В гневе его взгляд становился ужасным; между глазами происходило вращательное движение, а ноздри раздувались. Все согласны с тем, что в разговоре наблюдалась такая игра черт, такие быстрые смены выражений, такое отражение ума на лице, что никакое описание или портрет не могли бы передать его представления. Только те, кто разговаривал с ним, могли это понять. Но также считается, что, когда он хотел избавиться от всякого выражения, он мог сделать и это, и тогда его лицо становилось маской.

Его голос был звучным и сильным. В гневе он становился резким и безжалостно резким. В лучшем настроении он был мягким и влекущим, как у женщины. Таким образом, в то время его общий облик был обликом хорошо сложенного мужчины, ниже среднего роста, но мощно сложенного, с массивным бюстом, шеей и головой, а ноги несколько коротковаты для туловища. Недоброжелательные критики называли его низкорослым, поскольку его рост составлял около пяти футов трех дюймов.

Он был склонен к сутулости и при медитативной ходьбе слегка сутулился. Разговаривая, он свободно, иногда яростно жестикулировал; в состоянии покоя руки были сложены за спиной или на груди, или одна покоилась под жилетом, а другая - у него за спиной.

Сомнительно, существует ли какой-либо подлинный портрет Наполеона. Его идеализировали и изображали карикатурно до тех пор, пока настоящий Наполеон, возможно, не был утрачен. Если посмертная маска, якобы снятая Антоммарчи, подлинная, следует отказаться от веры в то, что голова Наполеона была массивной, лоб имперским, профиль совершенным; поскольку на этой маске виден выступающий лоб, который сужается над висками. На нем видны высокие скулы американского индейца, а сам череп - обычное дело. Но это не тот Наполеон, которого изображают на портретах и в воспоминаниях его современников. По словам друзей и врагов,

его голова была массивной, на самом деле слишком большой, чтобы соответствовать его телу. Мадам Жюно говорит об этом “челе, достойном носить короны мира”. Бурьен, Меневаль и многие другие говорят о великолепном лбе и классическом лице. И все же есть два или три ускользающих портрета Наполеона, которые настолько отличаются от ортодоксальных копий и так похожи на посмертную маску Антоммарчи, что не знаешь, чему верить.

Наполеон был очень умерен в еде и питье. Он предпочитал самые простые блюда, пил совсем немного вина, да и то разбавленного водой. Кофе он пил, но не в избытке. Ел он быстро и чаще пользовался пальцами, чем вилок. Он был очень чувствителен к холоду и не выносил малейшего света в своей комнате по ночам. Он много спал, от шести до восьми часов в день, и обычно дремал днем или вечером. Его постоянный приказ своему личному секретарю был образцом мудрости: “Никогда не буди меня, чтобы услышать хорошие новости, это подождет; но в случае плохих новостей разбуди меня немедленно, ибо нельзя терять времени”. Другим его правилом было засыпать, когда возникают сомнения. “Ночь - хороший советчик”.

Хотя его нервы были очень раздражительными, пульс был медленным и ровным. Он заявил, что никогда не чувствовал, как бьется его сердце. Лекарства он ненавидел и принимать не хотел. Когда он заболел, он отказался от еды, пил ячменную воду и усиленно занимался физическими упражнениями. Он не выносил малейшего стеснения в одежде. Его одежда была из мягчайшего, тончайшего материала и свободного покроя. Его шляпы были подбиты, ботинки подбиты шелком, и обе шляпы и сапоги были “сломаны” для него еще до того, как он их надел. Его любимыми брюками были белые кашмировые, а из-за привычки вытирать перо о бриджи каждое утро требовалась новая пара. Нюхать табак он умел только понюхав его. Он не употреблял табак ни в каком другом виде.

Чрезвычайно осторожный в деловых вопросах, он был беспорядочен в некоторых личных мелочах. Раздеваясь, он разбрасывал свою одежду по комнате и иногда таким образом разбивал часы. Газеты и книги, которые он читал, были в беспорядке разбросаны вокруг. При бритье он никогда не позволял намыливать обе стороны своего лица одновременно: с одной щекой заканчивали раньше, чем касались другой. У него была привычка ворошить огонь ногой, и при этом он сжег не одну пару сапог. Чрезмерно любя ванну с горячей водой, он вскрывал письма, читал газеты и принимал посетителей, плескаясь в ванне. Выйдя из ванны, камердинер протер его, используя щетку для мытья тела и грубые тряпки, а затем одел. Самый эгоистичный из людей в важных вопросах, он был одним из наименее эгоистичных в этом. Он зависел от слуг почти во всем, что касалось ухода за его персоной. “Потри меня сильнее! Отскреби меня, как будто я осел!” - кричал он своему камердинеру, стоя почти голый, с повязанным на голове красным платком-банданой. Он любил кельнскую воду и обливался ею в большом количестве. Одним из лишений, которые он остро ощутил на острове Святой Елены, было отсутствие одеколона. Другие духи он терпеть не мог, и Констант рассказывает любопытный случай, когда однажды ночью Наполеон позвал его, чтобы вывести из его комнаты некую молодую леди, которую туда привели и которая “убивала меня своими духами”.

С восхождением к власти Наполеон стал более величественным, сдержанным, исполненным достоинства и импозантности; но совершенной непринужденности и покоя манер он так и не приобрел. Ленивого, спокойного и заученного вида вялости и усталости, который, согласно хорошо известному стандарту, составляет хорошее воспитание, у него не было. Возможно, он не осознавал его огромной ценности. Нервный, напряженный, наэлектризованный,

пульсирующий жизненной силой, охваченный колоссальными идеями, амбициями, целеустремленностью, он никогда не мог превратиться в самодовольного официанта, позирующего с нарочито ленивой грацией и с нарочитой легкостью произносящего диалект вежливой банальности.

Но никогда не жил человек, который лучше знал бы, как говорить, как писать, как выразить то, что он имел в виду. Он мог обращаться к толпам, комитетам, государственным советам, сенатам, армиям, народам и королям. Кто из когда-либо живших превзошел его в обращении к солдатам? Воистину, строки в его воззваниях все еще горячи, и тот, кто прочтет их даже сейчас, почувствует магнетический трепет. Как они, должно быть, вдохновляли солдат *тогда*!

Его речи перед советами и Сенатом были в своем роде образцами; его государственные документы не отличались совершенством; его дипломатическая переписка соответствует самым высоким стандартам. По правде говоря, его язык менялся в зависимости от темы и случая. Он мог быть изысканно любезен, как любой бурбон, если того требовал случай. Если возникала необходимость называть вещи своими именами, он мог это сделать, причем с таким напором, от которого звенело в ушах. Однако во всех его выступлениях чувствовались характер, индивидуальность и величие. Он часто ошибался, но никогда не был слаб. Какую бы точку зрения он ни выражал, в юности или возрасте, излагал четко и с силой. Даже если проанализировать воспоминания других людей, его высказывания выделяются несравненно лучше, чем высказывания любого оратора того времени. Сравните, например, несколько маленьких шуток и эпиграмм Талейрана с бесчисленными комментариями Наполеона о людях и вещах, о вопросах социальных, политических, промышленных, финансовых, военных и религиозных. Это похоже на сравнение нескольких ламп в коридоре с мириадами звезд на небосводе. По каждой теме, которую он обсуждал, он говорил все лучшее, что можно было сказать с этой стороны; и нет ни одной темы, связанной с человеческими делами в государстве, которой он не касался. По каждому вопросу у него находилось слово, которое касалось сути дела. Его талант вкладывать в одно блестящее предложение суть долгой дискуссии был непревзойденным. Некоторые из лучших высказываний, приписываемых Талейрану, на самом деле были высказываниями Наполеона. Часто случалось, что эти немногословные выражения были грубыми, языком уличных людей. При таких высказываниях мужчины из племени “леди Клары” выгнули брови в деликатном протесте и сказали друг другу: “Этот Бонапарт не джентльмен; он не был так хорошо воспитан, как мы, Талейраны, Меттернихи и Уитворты!”

В одном смысле Наполеон был резок, груб, властолюбив и безжалостен; в другом - ласков, элегантно исполнен достоинства, по-императорски щедр и милосерден. Между этими крайностями протекало течение его жизни: отсюда и разнообразные впечатления, которые он производил на других. Чарльз Фокс и лорд Холланд знали его лично, и они рисковали политическим и общественным влиянием в Англии, защищая его от жестокого обращения, которое стало там модным. Почти без исключения мужчины, вступавшие с ним в личные отношения, любили его. Редкими исключениями являются такие люди, как Буррьен и Ремюза, которых Наполеону пришлось упрекнуть в нечестивости. Даже для своих камердинеров он был героем.

Как сказал Чарльз Фокс: “Первый консул в Мальмезоне, в Сен-Клу и в Тюильри - это три разных человека, вместе составляющих *идеал* человеческого величия”.

К этим трем Наполеонам следует добавить по крайней мере еще одного — Наполеона во главе своей армии.

На публике Наполеон приучал себя к тому величественному достоинству, грации и вдумчивости, которых требовало его внушительное положение. Ни папа римский, ни Александр в Тильзите не проявили себя лучше на коронации. Он редко, если вообще когда-либо, переигрывал или недооценивал роль на публике, но в частной жизни была разница. В обычной беседе он ходил взад-вперед по комнате, или ерзал на стуле, или закидывал ноги на стол, открывал перочинный нож и строгал подлокотник кресла, или растягивался на полу, изучая свои большие карты, или садился на колени к секретарше.

С грубоватым солдатским юмором он называл своих близких “простакami”, “дурочками” или даже “дураками”; он щипал их за уши и легонько щелкал по щеке открытой ладонью. После чего свехчувствительные биографы единодушно содрогнулись и воскликнули: “Посмотрите, каким вульгарным созданием был этот Наполеон!”

В своих личных привычках он был аккуратен до брезгливости. Если он когда-либо и тратил время впустую, так это на часы, проведенные в ванне. Простой в одежде и вкусах, ни один джентльмен не отличался такой скрупулезной чистоплотностью. Обычно он носил форму полковника своей гвардии, и его простое серое пальто и простая маленькая шляпа с дешевой трехцветной кокардой составляли яркий контраст с безвкусной одеждой иностранных дипломатов или его собственных офицеров.

Он делал вид, что гнев на него никогда не достигал его головы, что он полностью контролировал свои страсти. Все это было вздором. Его вспыльчивый характер часто переходил все границы, и в данный момент он был таким же безумным, как и другие охваченные страстью люди. Мадам Жюно утверждает, что, когда он впадал в один из таких приступов гнева, он был ужасен.

По крайней мере, в одном случае такого рода он опрокинул обеденный стол и разбил посуду; в другой раз он с силой и грохотом ударил ногой в живот сенатора Волни.

По дворцу ходили слухи, что по возвращении Талейрана из Испании в 1809 году он “ударил Талейрана по носу”; и однажды, когда ревнивая и бдительная Жозефина застала его, когда он развлекался с другой женщиной, он набросился на нее в такой ярости, что она в ужасе выбежала из комнаты.

В Москве, когда император был в самом мрачном настроении, когда все шло наперекосяк и надвигалась всеобщая катастрофа, Рустан, стоя перед ним на коленях, чтобы надеть ему сапоги, неосторожно надел левый сапог на правую ногу. В следующее мгновение он растянулся на спине на полу. Наполеон опрокинул его ногой.

Говорят, что однажды он пригрозил Бертье щипцами, а адмиралу Брюи - хлыстом для верховой езды. По дороге в Москву он яростно ворвался в гущу грабящих солдат, бил их направо и налево кнутом и сбивал с ног своей лошадью.

Но такие случаи были редки. Его самоконтроль был почти невероятным, и он научился переносить самые поразительные и катастрофические события, не произнося ни слова и не меняя выражения лица.

Если вы хотите заглянуть далеко-далеко в сердце Наполеона, изучите его отношения с Жюно. Не так уж много ума было у этого Жюно, не так уж много твердости характера; но он был храбр, как бешеный бык, и он делил свой кошелек с Наполеоном в старые времена бедности и уныния. Более того, он верил в Наполеона в то время, когда сам Наполеон был близок к падению духом. Так случилось, что Жюно был возлюбленным вождя и оставался им, несмотря на тяжкие проступки и грехи. Жюно играл в азартные игры, а Наполеон питал отвращение к азартным играм; Жюно пил сверх меры, а Наполеон ненавидел пьяниц; Жюно был хулиганом, а Наполеон чурался хулиганства; Наполеон любил порядок, а Жюно был самым беспорядочным; Наполеон любил строгое соотношение между доходом и расходами, а Жюно был чудом расточительности. Наполеон любил успех, а Жюно навлек на него неудачу там, где это было ужасно больно — в Португалии, в России. И все же, несмотря на все это, Наполеон никогда не переставал потакать Жюно. Он сделал вспыльчивого гренадера губернатором Парижа, герцога Абрантеса, осыпав его почестями и богатством. Иногда Жюно сердился на своего шефа, и Наполеон уговаривал его вернуться к хорошему настроению, как отец ребенка. Иногда Жюно бежал к Наполеону со своими горестями; и самый занятой человек в мире бросал все, брал своего страдающего друга за руку, водил его взад и вперед по какой-нибудь тихой комнате или коридору, успокаивая его нежными словами, ласками. Однажды, когда Жюно слег в постель из-за предполагаемого пренебрежения во дворце, Наполеон, услышав об этом, ускользнул из Тюильри, подошел к постели своего старого товарища, утешил его, ободрил и стоял рядом, пока тот не пришел в себя.

Когда мадам Жюно в муках рождает ребенка, растерянный муж летит именно к Наполеону. В Тюильри его успокаивает сам Наполеон, который отправляет гонцов справиться о жене; и когда испытание благополучно заканчивается, именно Наполеон поздравляет теперь уже сияющего Жюно, находит для него шляпу и отправляет домой к матери и младенцу.

Наконец между этими двумя действительно произошло нечто вроде разрыва — и почему? Жюно навлек скандал на сестру Наполеона, пока брат был со своей армией в Германии. “Чтобы опозорить мою сестру — *тебя*, Жюно!” - и великий император упал в кресло, охваченный горем.

В его отношениях с Дюроком, Бертье, Ланном, Ла Саллем, Раппом, Меневалем, Эженом Богарне мы находим те же черты. Снисходительность, с которой он относился к тем, кто ему нравился, старания, которые он прилагал, чтобы поддерживать в них хорошее настроение, его забота о том, чтобы не ранить их чувства, и его ласковая манера успокаивать их, когда они время от времени дулись, показывают ту черту характера самого Наполеона, которую обычно упускают из виду.

У него было много мальчишеских привычек, которые никогда его не покидали. Он напевал песенку и насвистывал мелодию до конца. В моменты рассеянности он начинал строгать свой письменный стол или стул, садился на стол и покачивал ногой взад-вперед, или тихонько насвистывал или напевал какую-нибудь любимую мелодию. Во время великой катастрофы под Лейпцигом, когда все было сделано и все потерпело неудачу, Наполеон в каком-то оцепенении стоял на улице и насвистывал “Мальбрук отправился на войну”.

Он любил пошалить. Он попытался проехать вчетвером в Мальмезоне, врезался в столб ворот и был отброшен головой на землю, чудом избежав смертельных травм для себя и Жозефины. Он переодевался и бродил по Парижу, слушая разговоры людей, и возвращался довольный, если какой-нибудь своей критикой в адрес Наполеона вызывал гневные упреки. В Мальмезоне он

снимал пальто и резвился, как школьник. После обеда, если погода была хорошей, он кричал: “Давайте поиграем в барьеры!”, снимал пальто и через мгновение уже носился по площадке.

Однажды днем, когда он развлекался подобным образом, возле ворот были замечены двое мужчин грубого вида, которые слонялись без дела и глазели на веселящуюся компанию. Дамы сочли нужным испугаться и издать обычный истерический вопль. Бравые молодые офицеры бросились вперед, чтобы отогнать незваных гостей, как и подобает бравым молодым офицерам. Но оказалось, что один из мужчин был искалеченным ветераном войн, пришедшим со своим братом в надежде мельком увидеть любимую форму своего генерала—Наполеона. Увидев и услышав это, Первый консул обнял Жозефину, привлек ее к двум мужчинам, оказал им любезный прием, представил их своей жене и отправил их в сопровождении Эжена в дом, чтобы выпить за его здоровье по бокалу вина. Это было сделано так быстро, так естественно, так тепло, так тактично, что однорукий солдат расплакался.

В своих грубых играх с лошадьми Наполеон учил свою газель гоняться за придворными дамами, и когда животное ловило и рвало платье или хватало и щипало за ногу, его восторг был точно таким же, как у озорного, немного злобного мальчика. Во время игры с барьерами он жульничал, как и во всех играх, и нарушал все правила. Когда он был расслаблен, когда он был в Мальмезоне, он мог понять шутку не хуже любой другой. К одной очень грубой игре в лошадки он отнесся гораздо спокойнее, чем это сделали бы многие частные лица. Проходя через галерею в Мальмезоне, он остановился, чтобы рассмотреть несколько гравюр, лежавших на столе. Юная Изабель, случайно вошедшая в галерею следом за Наполеоном и увидев сутулую фигуру за спиной, приняла ее за Эжена Богарне. Мягко выскользнув наверх, Изабель подпрыгнула и вскочила Наполеону на плечи, оседлав его шею. Наполеон оправился от шока, швырнул Изабеллу на землю и спросил: “Что это значит?”

- Я думала, это Эжен! - воскликнула Изабель.

“Ну, предположим, это был Эжен - неужели вам обязательно нужно было ломать ему плечевые кости?” Без дальнейших упреков Наполеон вышел из галереи. Из-за глупости Изаби, секрет просочился наружу, и в нем было достаточно нелепого, чтобы смутить обоих актеров, и Изаби отправилась играть лягушку-прыгунью в другое место.

Наполеон любил детей, знал, как с ними разговаривать, играть и завоевать их доверие. Не было на свете человека, который лучше него знал бы путь к сердцу солдата, крестьянина или честолюбивого юноши. С ними он всегда мог подобрать нужное слово, взгляд, улыбку и поступок. Он был фамильярен со своими друзьями, шутил над ними, обнимал их и шел рядом, опираясь на них: он никогда не шутил с такими людьми, как Фуше, Талейран, Бернадотт, Моро и Сен-Сир. Этих людей он использовал, но понимал и не любил.

Толстых женщин он терпеть не мог, а беременная женщина, показывающаяся там, где ей следовало бы находиться в уединении, вызывала у него отвращение. Одной из картин, на которую ему больше всего нравилось смотреть, была высокая, стройная женщина в белом одеянии, прогуливающаяся в тени благородных деревьев.

Привередливый, требовательный любитель совать нос в чужие дела, он всегда остерегался нарушений хорошего тона со стороны придворных дам. Он терпеть не мог низкие платья, которые открывали грудь вульгарному взгляду; и если он видел кого-то одетым в особенно неподобающем стиле, он был достаточно груб, чтобы выразить свое раздражение словами. “

Боже мой! ты что, никогда не собираешься сменить это платье? Это было очень, очень невежливо, но костюм вызывал у него отвращение, и его владелец надевал его на него “более двадцати раз”.

Возможно, если бы было больше откровенных наполеоновок, в модных женских нарядах было бы меньше нелепостей.

На некоторые резкие высказывания Наполеона надменные дамы старой аристократии дали несколько сокрушительных ответов — согласно их Мемуарам. Можно с уверенностью сказать, что эти сокрушительные реторты были изготовлены в уединении домов честных ретортеров. Человек, чей суровый взгляд и едкий язык повергали в смущенное молчание такого ветерана словесной игры, как мадам де Сталь, вряд ли был раздавлен такими дерзкими и мелочными существами, как мадам де Шеврез и ей подобные.

На факты, события у него была потрясающая память; на имена и даты - плохая. Иногда он по три или четыре раза спрашивал одного и того же человека о корте, как его зовут. В последние годы его память стала очень непостоянной, и было известно, что он забывал отдавать самые важные приказы. Он не мог вспомнить, какую атаку он приказал предпринять Сегуру в Испании; не мог он вспомнить и того, что он приказал атаковать тяжелую кавалерию при Ватерлоо.

Отмеченный в школе своими способностями к математике и постоянно использующий эту науку в своих военных операциях, он, как говорят, редко мог правильно сложить столбик цифр.

Он не умел ни писать по буквам, ни писать грамматически; и он не прилагал никаких усилий, чтобы учиться. Занятому человеку, по его представлениям, было некогда тратить время на подобные дела.

Он любил музыку, особенно итальянскую; увлекался поэзией высшего сорта, ценил живопись, скульптуру и архитектуру. Он любил красоту и покой таких загородных мест, как Мальмезон, никогда не уставал увеличивать их привлекательность и был счастлив, когда был свободен от дел и совершал одинокую прогулку по садовым дорожкам среди цветов и в тени деревьев.

В своей работе Наполеон был воплощением системы. Ни один клерк не мог содержать бумаги в лучшем порядке. Ни один начальник отдела не смог бы свернуть дело с такой регулярностью и оперативностью. Он знал все о своей армии, вплоть до последнего орудия; точно знал численность своих войск, где они находятся и в каком состоянии. Он был хозяином государственных финансов, каждой отрасли внутреннего управления, каждой детали внешней политики. Он был в курсе всего, все систематизировал, проявлял инициативу во всем. Дополнительная тарелка супа не могла быть подана во дворце без письменного приказа Дюрока, надлежащего офицера. Армейский контрактник не мог предоставить ложную информацию, не будучи разоблаченным и наказанным. Завышенная цена на дворцовую мебель не могла быть произведена без того, чтобы он об этом не узнал. “Он дьявол”, - говорили многие потрясенные Беньо.

Однажды, рассказывает Констант, понтонщики шли маршем примерно с сорока повозками. Император подошел и крикнул: “Стой!”

Указав на одну из повозок, Наполеон спросил у дежурного офицера: —

- Что в этом? - спросил я.

Офицер ответил: “Какие—то болты, гвозди, веревки, топоры, пилы...”

- И сколько всего этого?

Офицер назвал номер.

- Разгрузи фургон и дай мне посмотреть!

Приказ был выполнен, болты, гвозди, веревки, пилы - все было извлечено и пересчитано. Но император не был удовлетворен. Он слез с лошади, забрался в повозку по спице, чтобы убедиться, что она опустошена.

Солдаты кричали: “Браво! Правильно! Это способ выяснить!”

Он сравнил свой разум с комодом, где каждый предмет занимал отдельное пространство. По очереди он открывал каждый ящик. Ни один предмет никогда не смешивался с другим. Когда все ящики были задвинуты, он заснул. Конечно, это не было правдой буквально, но в его лучшие годы это было настолько близко к правде буквально, насколько это возможно для человеческого мозга.

После окончания дневной работы он предавался развлечениям своего домашнего круга, играл и танцевал с молодежью, читал или слушал музыку, или развлекался, рассказывая какую-нибудь романтическую историю, которую сочинял по ходу разговора. По вечерам он любил, чтобы в комнате было затемнено, пока он повергал дам в состояние легкого ужаса рассказами о привидениях.

Проницательность Наполеона в одних направлениях была удивительно острой, в других - удивительно тупой. Например, было почти невозможно обмануть его в вопросах счета, количества людей в массе или плана сражения противника. Он беседовал с инженером о мосте, который его послали строить и который, как предполагал Наполеон, построил он; после нескольких слов он отворачивался и говорил префекту: “Этот человек не строил мост — кто это сделал?” Правда выплыла бы наружу: неизвестный гений спланировал эту работу, и Наполеон сказал бы этому гению, больше никому не известному: “Поднимись выше”.

Он мог просмотреть список политических заключенных, наброситься на имя хирурга и в мгновение ока решить, что этот человек не может быть фанатиком. “Привлеките его к суду, прикажите его расстрелять, и он сознается”. Так и случилось.

Но удивительно, что Наполеон, который произвел революцию в военной стратегии, ничего не улучшил, ничего не изобрел в орудиях ведения войны. Пруссак предложил ему оригинал игольчатого пистолета, и он совершенно не смог осознать ужасающую эффективность этого оружия. Правда, он экспериментировал с ним, приказав изготовить образцы и показать ему. Но когда в его арсеналах появились неуклюжие модели, в чем поначалу они были почти уверены, он, по-видимому, потерял интерес. Пруссак привез свое изобретение в Германию, и австрийцы и французы более позднего времени растаяли как снег перед этим новым и устрашающим оружием.

Когда Фултон приехал во Францию со своим открытием парохода, предложив средство, с помощью которого Наполеон мог бы с легкостью уничтожить всемогущий военно-морской флот Англии, его изобретение не было оценено по достоинству. Правда, Наполеон ободрил его и дал

денег, а также убедил мудрецов из Института разобраться в этом деле; но сам Наполеон не “взялся за дело”. Когда мудрецы Института отрицательно отозвались о новом изобретении, как мудрецы почти всегда делают, Наполеон оставил эту тему, очевидно, забыв, что обычно именно невежественный “чудак” и необразованный “новичок” натывается на великие изобретения и богатейшие рудники. Кажется необъяснимым, что он был настолько дальновиден в некоторых направлениях, что не сразу осознал огромную важность пушки, заряжающейся с казенной части, и судна с паровым двигателем. С одними и теми же заряжающимися с дула мушкетами он сражался в первом и последнем сражении. Та же самая маленькая пушка, которая не смогла пробить старые стены Акко, посылала ядра, которые отскакивали от ограждений фермерского двора при Ватерлоо.

Во время всех своих кампаний до 1812 года Наполеон уделял личное внимание всему; ни одна деталь не была упущена. Он видел все своими глазами, ничего не принимая на веру. Насколько это было возможно, он выполнял свои приказы, следя за тем, чтобы они выполнялись. Таким образом, в ночь перед Йеной он рисковал своей жизнью и чуть не был застрелен, разведывая прусские позиции, и после того, как он выбрал позиции для своих батарей и наметил путь, по которому должны были подтянуться орудия к высотам, он не мог успокоиться, пока не побывал лично и не увидел, как выполняются его приказы. Ему повезло, что он это сделал. Передний пушечный лафет застрял между камнями прохода и преградил путь всем остальным. Вся батарея остановилась, и ничего не делалось для того, чтобы выдвинуть орудия вперед. Как бы разгневан он ни был, Наполеон немедленно принял командование, отдал приказ саперам, держал фонарь, пока они работали, и показал им, как расширить дорогу. Только после того, как прогремел первый выстрел, он покинул это место. Неспособность позаботиться о таких вещах была одной из причин бедствий его последних лет.

Он не щадил себя на войне. Чувствительный к холоду, дурным запахам, безобразным сценам, физическому дискомфорту всех видов, сибарит из дворца стал спартанцем в кампании. Он мог вынести столько же холода, или жары, или голода, или жажды, лагерных тягот и лагерной гадости, сколько любой рядовой. Он мог оставаться в седле день и ночь, мог часами маршировать пешком по снегу или грязи, мог выдерживать ливни, слякоть и ветер, не жаловался на грязные постели и отвратительную обстановку и мог есть солдатский хлеб из ранца со всем солдатским удовольствием.

В последующие годы он перенес свои привычки к роскоши в армию, и вместе с ними пришли поражения. За генералом, который в Италии мог бы везти весь свой багаж в телеге, в 1812 году последовал поезд из семидесяти фургонов. Тогда он отправился на войну, как Людовик XIV, и как Людовику XIV повезло. догнал его.

На поле боя он демонстрировал совершенное самообладание. Ни один поворот событий не нарушил его абсолютного самоконтроля.

При Маренго, когда великая равнина была покрыта разлетающимися остатками его армии, а беглецы кричали: “Все потеряно! Спасайся, кто может!” он был спокоен, как на смотре. Прискакал Бертье с еще более плохими новостями, Наполеон упрекнул его: “Ты не сообщаяешь мне этого с достаточным хладнокровием”. Когда прибыл Дезэ, Наполеон потратил все время, необходимое для составления надлежащей диспозиции для атаки, не проявляя ни малейшей нервозности под яростным огнем австрийцев.

Во время отступления из России он был стоически спокоен, за исключением самых редких случаев. Лишь немногие близкие знали, насколько сильно наедине он давал волю своему огромному грузу забот, горя, бессильной ярости. В армии он казался холодным, жестким, непреклонным, как гранит. Когда генерал принес ему необычайно ужасные новости, Наполеон отвернулся, как будто не хотел их слышать. Офицер настаивал; Наполеон спросил: “Почему вы хотите нарушить мое спокойствие?”

Если его переутомление при подготовке к битве было чрезмерным, и его диспозиция была составлена, и все шло так, как он предвидел, он мог спокойно спать, пока шел бой. Так, в Йене Сегюр говорит о Наполеоне, спящем на земле, где была развернута его огромная карта, — спящем в окружении гренадер, стоящих пустым квадратом вокруг него.

Лорд Броэм пишет: “Лежа под каким-нибудь прикрытием под огнем, он оставался там час или два, получая донесения и отдавая приказы, иногда имея перед глазами план, иногда думая только о положении дел.

“ Вот он стоит с часами в одной руке, а другую постоянно вынимает из кармана, где лежит его табакерка, вернее, нюхательный табак. Прибывает адъютант; сообщает о движении; кратко отвечает на несколько быстро, возможно, нетерпеливо заданных вопросов; отправляется с приказом разрешить затруднение какого-нибудь дивизионного генерала. Другому приказывают присутствовать и отсылают с указаниями, чтобы какой-нибудь отдаленный корпус поддержал операцию. Снова сверяются с часами; симптомы нетерпения усиливаются; постоянно произносится имя одного из адъютантов; задается вопрос за вопросом, не прибудет ли кто-нибудь с определенной стороны; ожидается событие; оно должно было произойти; наконец прибывает желанный гонец. ‘Ну! что там сделано?’ — ‘Высота взята; Маршал там’. — ‘Пусть он стоит твердо, не двигаясь ни на шаг’. Другому адъютанту приказано привести охрану.

“Пусть маршал марширует по шпилью, оскверняя его слева, а все, кто справа от него, — его пленники’. Теперь сверяются с часами и больше не берут понюшку табаку; великий полководец предается шуткам и сомневается в достоверности и масштабах своей победы не больше, чем если бы он уже видел подробности в бюллетене ”.

Жестокость и доброта, эгоизм и великодушие, верность и предательство, честность и вероломство - почти бессмысленные термины, если их безоговорочно применять к Наполеону. Там, где его планы не были задействованы, он часто проявлял человеческие добродетели в их высшей форме; там, где эти планы были задействованы, он практиковал все пороки без угрызений совести или жалости. Естественно, он был гуманным, милосердным, добрым, снисходительным, сочувствующим, щедрым; если этого требовала политика, он становился твердым, как сталь. Он не оставил неоплаченным ни одного долга благодарности; не проигнорировал ни одно из требований, какими бы незначительными они ни были, родственных и старых связей. Посмотрите, как он ведет себя с мадам Пермон, насколько он терпим к этой невыносимой женщине, как он забывает ее упреки, как он прощает ей публичное оскорбление, как он с почтением следует за ней все дни ее жизни — и почему? Она была добра к нему, когда он был бедным мальчиком, ухаживала за его отцом на смертном одре. “Это дьявольский темперамент, но благородное сердце”; и благородное сердце заставляет его забыть о дьявольском характере.

Он давал место и пенсию ранней возлюбленной, друзьям детства, школьным товарищам, учителям. Сын и дочь генерала Марбефа обнаружили, что он рад служить им в память об их отце. Вдова герцога Орлеанского, которая случайно вручила ему приз в Бриенне и которая совсем забыла об этом, была радостно удивлена, обнаружив, что он вспомнил. Он восстановил ее конфискованную пенсию и предоставил ее родственнице место в Сенате. Дочери мадам де Бриенн он показал себя бдительным опекуном. Таким образом, запись ведется на протяжении всей его жизни, и его последняя воля - не более чем памятник благодарности тем, кто когда-либо оказал ему услугу.

Он не был свободен от суеверий. То, что люди называли “приметами”, произвело на него впечатление. Иногда он осенял себя крестным знамением, как бы отгоняя надвигающееся зло. Когда в Италии разбили стекло над портретом Жозефины, Мармон говорит, что страшно побледнел и воскликнул, что его жена либо мертва, либо изменяла ему.

Он был человеком ненасытного любопытства. Он хотел знать все и ко всему приложить руку. Его полиция наводнила каждый уголок, и над своей полицией он поставил шпионов, а над шпионами - информатора. Таким образом, у него были две или три системы, работающие одновременно. Он стремился знать все не только об общественных, но и о личных делах. Он получал удовольствие от сплетен и скандалов, чрезвычайно наслаждаясь своей способностью подшутить над каким-нибудь мужчиной или какой-нибудь женщиной с открытой им любовью. Ему регулярно докладывали о разговорах в театре, на улице, в гостиной. Подражая примеру с бурбоном, он вскрывал частные письма, чтобы выяснить, что корреспонденты говорят друг другу. Он не допускал свободы прессы и никакой реальной свободы слова. Журналы, которые демонстрировали наименьшую независимость, он подавлял. Писатели, актеры, ораторы, отважившиеся ступить на запретную территорию, сразу почувствовали опасность.

Каким бы щедрым он ни был в расходах, во всем были методичность и экономия. Он умел заключать сделки, ценил свои деньги, не терпел навязывания или завышения цен. Его императорские наряды были более великолепны, чем у Великого монарха, но стоили они ему менее чем в десять раз дороже.

Невозможно догматизировать такого человека, как Наполеон, положительно говоря только о том, кем он был. Более противоречивого смертного на свете не существовало.

Человек, устроивший резню заключенных в Яффо, был тем же самым, кто, возможно, потерял свою корону из-за того, что не согласился бы разжечь гражданскую войну в России или во Франции. Он, который только что отправил десятки тысяч людей на смерть при Бородино, гневно упрекнул неосторожного сотрудника своего штаба за то, что тот позволил копыту своей лошади ударить одного из раненых, вызвав крик боли.

“Это был всего лишь русский”, - сказал нерадивый наездник.

“Русский или француз, это все равно! - яростно воскликнул Наполеон. - Я хочу, чтобы о них заботились”.

У него был деспотичный нрав; он не выносил ни оппозиции, ни независимости. Поэтому он изгнал мадам де Сталь, упразднил трибунат, имевший право вести дебаты, и неодобрительно относился ко всякого рода добровольческим движениям, будь то клубы или школы. Его обращение с Туссеном было жестоким, наполнив честного биографа гневом, отвращением и

стыдом: но, в конце концов, Туссен был бунтарем, а путь бунтаря тяжел. В своих собственных глазах повстанец, борющийся за национальную независимость, является героем; в глазах мира он подстрекатель, если только он не выпорот своего хозяина и не станет свободным.

Из могилы Роберта Эммета Ирландия может говорить об обращении Англии с повстанцами: с Кубы доносится голос, захлебывающийся кровью, который тщетно пытается воздать должное обращению Испании с повстанцами; а из Сибири, Венгрии, Польши, Финляндии, Индостана, Крита, Италии, Южной Африки приходят ужасные напоминания о хорошо известном факте — путь повстанца тяжел. Туссен Лувертьюр, считавшийся мятежником, был брошен в тюрьму; Джефферсон Дэвис, считавшийся мятежником, был брошен в тюрьму; Дэвис, белый человек, был закован в кандалы и был близок к смерти; Туссен, черный человек, был закован в кандалы и умер. В каждом случае мотив был один и тот же — унижить и наказать предполагаемого мятежника.

Велик был крик писак и фарисеев против Наполеона из-за его жестокости по отношению к герою Сан-Доминго и Андреасу Хоферу, герою Тироля; пока эти возмущенные люди не предъявят обвинения также королям и кабинетам министров, которые убили свои сотни там, где Наполеон убивал свои десятки, мы не можем испытывать особого сочувствия к обвинению.

Неумолимо эгоистичный в стремлении к власти, те, кто беспристрастно изучит его карьеру, признают, что он использовал свою власть не для личных и эгоистичных удовольствий, а для будущего благополучия народов, судьбами которых он руководил. Кропотливая манера, с которой он разработал революционный принцип превращения презируемого еврея в полноправного гражданина, всегда будет яркой иллюстрацией либеральности его государственной мудрости.

Он любил путешествовать по стране, видеть собственными глазами, слышать собственными ушами. Он любил встречаться с людьми лицом к лицу, фамильярно разговаривать с ними, узнавать реальные факты обо всем. Никогда на свете не жил человек, у которого была бы такая страсть делать вещи лучше. Гавани должны быть расширены, углублены, сделаны более безопасными. Торговые пути должны быть улучшены, реки должны быть соединены с реками, а реки - с морями. Горы должны быть покорены с помощью широких дорог с легким уклоном, а вдоль маршрута должны быть разбиты деревни для удобства путешественника. Он сносил старые здания, чтобы освободить место для новых — больших, лучших, величественных. Кривые улочки — узкие, отвратительные, дома убожества, преступности и чумы — он заменил широкими проспектами и красивыми зданиями. Церкви, школы, ратуши, арсеналы, доки, каналы, шоссе, мосты, укрепления, мануфактуры, портовые сооружения, новые отрасли промышленности возникали при его прикосновении во всех королевствах, которыми он правил. Если бы он никогда не был известен как воин, его работа в качестве администратора и законодателя сделала бы его имя бессмертным. Если бы о нем никогда не слышали как о законодателе, его работа в Европе в качестве разработчика материальных ресурсов сделала бы невозможным, чтобы мир забыл о нем. Мануфактуры, которые он поощрял, были лишь началом мощной эволюции, которая перенесла бы на Континент огромные прибыли, которые Англия так долго получала. В каждом морском порту, на каждом канале, на всех шоссе-ных дорогах, в каждом городе от Венеции до Бреста и Шербурга путешественник наших дней видит следы Наполеона Великого.

Он избавил Париж от периодических неприятностей, связанных с разливом Сены, и вдоль реки проложил свои великолепные набережные. На острове Святой Елены он выразил удивление по поводу того, что Темза никогда не контролировалась таким образом, и впоследствии Англия вошла в свою реку, как предложил великий император.

Его естественным инстинктом было вносить улучшения. Первое, что он сделал в Испании, это установил свободную торговлю между ее провинциями, отменил феодальное бремя, ликвидировал треть монастырей, где “эти ленивые монахи-скоты” жили в праздности за государственный счет, и дал людям право быть услышанными при установлении налогов и принятии законов. Первое, что сделали бурбоны по возвращении, это восстановили все злоупотребления, которые отменил Наполеон.

В Италии первое, что он сделал после свержения светской власти папы, было подавление папской монополии, благодаря которой семья Альбани имела исключительное право производить булавки, Андреа Новелли - исключительную привилегию продавать масло для ламп, Александро Бетти - монополию на паромные переправы и так далее. Этим невежественным римлянам он дал Кодекс Наполеона, суд присяжных, самоуправление в местных делах, равенство перед законом и освобождение от всех феодальных злоупотреблений.

Первое, что сделал папа, когда в 1814 году он был восстановлен во временной власти, это отменил все наполеоновское и восстановил ненавистные монополии, феодальное бремя и папские обычаи.

В Египте он задумал грандиозную работу по увеличению обрабатываемых площадей на миллионы акров за счет строительства обширных водохранилищ на Ниле. Англия лишь недавно успешно осуществила предложенный им великолепный план.

В Милане он завершил строительство великолепного собора, строительство которого было начато сотни лет назад. Застойной, чумной Венеции он дал новую жизнь, углубив ее лагуны, проложив Большой канал, углубив гавань, перестроив санитарную систему — потратив 1 000 000 долларов за один свой визит. И история одна и та же почти для каждой части его огромной империи.

Плохой? Лорд Уолсли говорит, что он был не просто плохим, а “в высшей степени” плохим. Возможно, так оно и было; но вот один мытарь и грешник, который осмеливается сказать, что если бы хорошие люди работали хотя бы вполтину так усердно, как Наполеон, чтобы улучшить состояние *этого* мира, его моральное и материальное положение больше соответствовало бы воображаемому совершенству той небесной обители, ради которой так часто пренебрегают *этой* бедной планетой и ее бедным человечеством.

ГЛАВА XXXI

Тильзит обычно считается высшей точкой могущества Наполеона. Ему еще не исполнилось сорока лет, а он уже был господином господствующих и королем королей. С Россией в качестве союзника Континентальная Европа была в его власти. Присоединив Вестфалию, а также расширенную Саксонию к Рейнской конфедерации, империя была защищена на западе, от Северного моря до Средиземного, непрерывной линией феодальных государств. Во всех этих подвластных землях принципы Французской революции приняли форму закона. Кодекс Наполеона с его гражданским равенством, судами присяжных, единообразием налогов, гласностью судебных разбирательств изгнал средневековые злоупотребления, которые так долго грабили людей во имя правительства. Своему брату Жерому Наполеон писал: “Будь конституционным королем. Твой народ должен наслаждаться свободой, равенством, благосостоянием, неизвестными до сих пор немцам”. И император напомнил Джерому, что если бы он дал своему народу преимущества мудрого и либерального управления, он никогда бы не захотел вернуться к варварскому правлению Пруссии. Правьте своим королевством мудро и либерально, сказал Наполеон, и “такое правительство защитит его надежнее, чем крепости или армии Франции”.

Каким бы далеко ни был размах шпаги Наполеона, его Кодекс зашел еще дальше. Солдат Революции никогда не смог бы зайти так далеко в своих принципах. В час своего глубочайшего унижения Пруссия сбросила систему Фридриха, изношенную одежду, и облачилась заново. Она освободила крепостных, отменила касты, открыла все карьеры для достойных, сделала военную службу всеобщей и предоставила частичное самоуправление городам. При министерстве Штейна Пруссия родилась заново, и величие современной Германии восходит к реорганизации, последовавшей за Йеной, — величие, которое, если проанализировать, состоит в призыве прусского народа возродить нацию, которую классовое законодательство и привилегированная знать привели к гибели.

Оценивая результаты Французской революции и победы Наполеона, давайте вспомним, чем была Германия в восемнадцатом веке. Давайте не будем забывать, что огромная масса людей была крепостными, прикованными к земле, простыми орудиями земледелия, обремененными обязанностью кормить нацию в мирное время и сражаться за нее во время войны, но лишенными надежды когда-либо стать чем-то большим, чем крепостные. Давайте вспомним, что великие права гражданина не имели юридического существования, что произвольная воля лорда была законом крестьянина. В тех самых провинциях, из которых Наполеон создал Вестфальское королевство, законный принц по божественному праву продал столь же богоустановленному королю Великобритании несколько тысяч солдат для борьбы с восставшими колонистами в Северной Америке. В тех самых городах, в которые теперь вступил и которыми правил Кодекс Наполеона, все еще можно было увидеть грязные подземелья, где предполагаемых преступников тайно судили, тайно пытали и тайно умерщвляли со зверствами, которые могли бы пристыдить дикаря.

Однако у самого Наполеона империализм стал неизменным кредо. Со времен Аустерлица он проявлял большую сдержанность, требовал большего почтения, подчинялся и насаждал более строгий этикет. Восточная низость лести тешила его гордость; в его империи и не мечтали о противодействии его воле; гнусные интриганки, подобные мадам де Сталь, жили в изгнании; дерзкие фрейлины, подобные мадемуазель де Шеврез, были изгнаны и заставлены замолчать;

тайные враги, зародышевые предатели, подобные Талейрану и Бернадотте, заискивали и льстили, как и другие, жадно хватаясь за все, что он им бросал, — деньги, титулы, поместья. Сам Великий монарх никогда не жил с большей помпой, чем этот “корсиканский выскочка”. Формулы божественного права узурпировали старые популярные фразы, и “Наполеон милостью Божьей Император и т.д.” Стали стилем императорских прокламаций. Армейским орлам приписывалось “религиозное почитание”, и священники учили детей, что “читать императора и служить Ему - значит чтить и служить Богу”. Не жалели усилий, чтобы церемониал во дворце соответствовал прецеденту Бурбонов. Герой Аустерлица и Йены согласился обучаться этикету у Кампанов, Де Сегуров, Нарбоннов и Де Брезе. При Людовике XVIII. взойдя на трон в 1814 году, он, по—видимому, обнаружил лишь один серьезный недостаток во всем подражании бурбонизму Наполеона - его обед не сопровождался из кухни в столовую отрядом солдат.

Турция не питала особого гнева против Наполеона из-за его покушения на Египет; она признала его величие и стала его союзником. Во время кампании в Польше, когда армия Наполеона барахталась в грязи, что заставило возмущенных французских солдат воскликнуть: “Неужели поляки имеют наглость так называть свою страну?” Англия послала флот в Константинополь, чтобы заставить султана присоединиться к лиге против Франции.

Ужас неподготовленного турка был велик, и он был готов подчиниться; но случилось так, что Наполеона там представлял человек мужественный и способный - генерал Себастиани. Благодаря его совету и вдохновленный его доверием, султан вел переговоры с англичанами, тянул время, укреплял оборону и готовился к борьбе. Письмо от Наполеона пришло в нужный момент, увещевая и обещая так, как никто, кроме Наполеона, не мог увещевать и обещать. Французские дипломаты успокаивали нервы командующего “Правоверными”, в то время как французские офицеры руководили работами в крепостях, так что, когда английскому адмиралу наконец сообщили, что Турция воспротивится его наглым требованиям, все турки были готовы к бою, а англичане - нет. Они ворвались в турецкие воды, убивая и раня по пути; теперь они отплыли, преследуемые и обстреливаемые, потеряв многих убитыми и ранеными при бегстве.

Потерпев неудачу здесь, они решили позаботиться о Дании. По Тильзитскому мирному договору оба императора предполагали объединение всех континентальных держав против английской торговли. Великобритания верила, что Дания будет вынуждена вступить в эту лигу, но, насколько известно историкам, у нее не было никаких доказательств. Во всяком случае, ни один из императоров не предпринял никаких враждебных шагов: Наполеон просто поручил Талейрану вступить в переговоры с Данией. Ссылаясь на то, что Наполеон намеревался захватить датский флот, Великобритания решила сама взять на себя ответственность за это, несмотря на то, что Дания находилась с ней в мире, не давала повода для войны и даже тогда была представлена в Лондоне постоянным дружественным министром. Скрывая свои намерения, до последнего улыбаясь этому обманутому министру, Великобритания направила флот и армию против ничего не подозревающего народа. Появившись перед Копенгагеном с оружием в руках, британцы потребовали, чтобы датский флот был передан Англии в залог “до заключения мира”.

Хотя датчане и оказались в невыгодном положении, они не могли сразу уступить столь позорному унижению, и англичане открыли огонь. В течение трех дней и ночей преданный город подвергался артиллерийскому обстрелу, и все ужасы войны обрушились на него. В

течение трех дней грохотали британские орудия, усеивая улицы мертвыми мужчинами, мертвыми женщинами, мертвыми детьми; в то время как восемьсот домов лежали в руинах или горели. Затем датчане сдались, их город был разграблен, корабли уведены, и ликующие мародеры отплыли обратно в Англию, буксируя свои трофеи, где их встретили с восторженным энтузиазмом.

* * * * *

На берлинский указ Наполеона Великобритания ответила другим “Приказом Совета”. Она заявила, что будет обыскивать все торговые суда и что нейтральным лицам не должно быть разрешено торговать, если они не заходили в британский порт и не платили там пошлины. Это было еще одно нарушение всех законов — наглое вторжение в право нейтралов вести бизнес, за исключением военной контрабанды. Ответным ударом Наполеона стал Миланский указ, в котором он совершенно естественно заявил, что с любым кораблем, подчиняющимся таким требованиям, какие выдвинула Англия, следует обращаться как с английским кораблем. Почему бы и нет? Достаточно очевидно, что если нейтральные суда вели дела по английским правилам, уплачивая пошлины в английских портах, то такие суда практически вели дела как английские корабли.

Странны вердикты истории. Наполеону достается почти вся вина за эту торговую войну, в которой Англия нанесла ему первый удар и в которой каждый из его указов был всего лишь попыткой отразить удары, направленные против него Англией.

Для успеха его континентальной системы было необходимо, чтобы все морское побережье Континента было закрыто для английских товаров. Теоретически эта система действовала на всем Континенте, за важными исключениями Испании и Португалии. Перекрыть длинную линию побережья, которую представляли эти страны, было первой целью Наполеона при вмешательстве в их дела.

Испания была его союзником, но, возможно, никогда не стремилась к этому союзу. Во всяком случае, когда в 1803 году был раскрыт великий заговор Бурбонов против жизни Наполеона, некоторые из сообщников Жоржа въехали во Францию под защитой испанских паспортов. Тем не менее Испания выплачивала богатые субсидии в казну Наполеона и послала свои корабли на уничтожение Нельсону при Трафальгаре. Союз стал настолько обременительным, что Испания устала от него. В то время как Наполеон был связан с Пруссией, а до этого с Йеной, испанцы были призваны к оружию Годоем, принцем Мира, реальным правителем королевства. Наполеон считал, что этот призыв к оружию был проявлением враждебности по отношению к французам. Победа Йены, однако, изменила ситуацию, и Годой смиренно смирился с победителем.

Теперь снова, в 1808 году, между Францией и Испанией был заключен международный договор. Португалия, фактически английская колония, управляемая из Лондона, должна была быть завоевана и разделена между Францией и Испанией. Французская армия под командованием Жюно прошла маршем через Испанию в Португалию и захватила Лиссабон (ноябрь 1807 г.). Королевский дом Браганса бежал в Бразилию. Его трон был объявлен Наполеоном вакантным, и французы вступили в полное владение страной. Если бы не опрометчивость и жадность Жюно, кажется, что португальцы, в целом, были бы вполне довольны сменой хозяев.

В самой Испании разворачивались судьбоносные события. Старый король Карл IV. был бурбоном, глубоко невежественным, чрезвычайно религиозным и лишенным какого-либо реального характера. Его королева была женщиной с определенными способностями и сильным характером, но она увлеклась простым солдатом Мануэлем Годоем, и и она, и ее муж находились под властью фаворита.

Наследник престола Фердинанд, принц Астурийский, был молодым человеком упрямого нрава, полным двуличия и жестокости. Он был любим испанским народом, отчасти потому, что он был их красивым молодым принцем королевской крови, а отчасти потому, что было известно, что он ненавидел Годоя.

Старого короля заставили поверить, что его сын намеревался убить его. Он обратился к Наполеону за защитой от Фердинанда. В то же время этот принц просил у Наполеона руки принцессы Бонапарт. Таким образом, обе фракции смотрели на Францию, и французский император использовал их друг против друга.

Испанцы восстали против Годоя, толпа разгромила его дворец, и он бежал, спасая свою жизнь, спрятавшись в свертке циновки на чердаке. Изгнанный голодом, он был замечен, схвачен и готов был быть разорванным на куски, когда его спасли охранники Фердинанда и отвели, под удары и проклятия, в казармы. Перепуганный старый король отрекся от престола в пользу своего сына, и 20 марта 1808 года Фердинанд с триумфом въехал в Мадрид, к неистовому восторгу народа.

Французские армии уже были сосредоточены в Испании, и некоторые из сильнейших крепостей были захвачены бессовестным обманом. Мюрат был главнокомандующим, и он двинулся на испанскую столицу подавляющим числом — без сопротивления, потому что считалось, что французы идут как друзья Фердинанда.

Старый король Карл IV возразил Наполеону, что его отречение от престола было совершено под давлением; он молился о помощи против своего сына. К Наполеону относился и Фердинанд, ибо Мюрат удерживал Мадрид с сорокатысячным войском и еще не признал титул нового короля.

В апреле 1808 года император лично прибыл в Байонну, вскоре переехав в замок Маррак, окруженный прекрасным парком “на берегу серебряной Нивы”. Сейчас это место превратилось в руины, дом был уничтожен пожаром в 1825 году, а парк теперь используется для артиллерии гарнизона. Но когда в 1808 году туда прибыл Наполеон, к которому вскоре присоединились Жозефина и придворные, это было прекрасное место. Биарриц, модное место отдыха на воде в наши дни, тогда был неизвестен; но на том же берегу, где сейчас прогуливаются летние туристы, Наполеон резвился с Жозефиной, “гоняясь за ней по песку и сталкивая в море во время прилива, пока она не оказалась по колено в воде”. Они купались и играли вместе, “и великий император, английский ”корсиканский людоед“, имел обыкновение прятать ее атласные туфельки на песке, пока она была в воде, и не позволял нам принести их ей, но заставлял ее идти от пляжа к экипажу босиком, что доставляло ему огромное удовольствие”.

В замке Маррак было очень весело, все свободно, непринужденно, радостно, этикет был несколько отложен в долгий ящик. Например, рассказывается, что клавесин Жозефины нуждался в настройке, что для настройки был вызван мужчина, что Жозефина, незнакомая настройщику, оперлась руками о клавесин, очень фамильярно болтая с настройщиком, что ее

платье было таким простым (и, возможно, неряшливым), что влюбленный настройщик принял ее за камеристку, доступную для поцелуев, что он заверил ее, что она намного красивее императрицы, и что он как раз собирался поцеловать ее, когда дверь открылась и вошел император! Жозефина смеялась, Наполеон смеялся, настройщик убежал, бросив свои инструменты, глухой к призыву Наполеона вернуться.

Возможно, столь же правдива и другая история, относящаяся к тому же времени. В замке Маррак был бал, окна были открыты, ночь стояла теплая. Во время музыкальной паузы на балкон вышла дама, которую заметили часовые, которые также видели, как офицер последовал за ней и поцеловал ее. Часовые узнали его — это был Маленький капрал. Но он тоже увидел их, и прозвучал его резкий приказ: “Руки на плечи!” “Сейчас повернем!” Они повернулись и оставались неподвижными, пока час или около того не пришло облегчение.

Вот и все о светлой стороне этой знаменитой картины.

* * * * *

Путем поразительной серии двуличий и вероломства Наполеон заманил в свою ловушку в Байонне все противоборствующие стороны испанской смуты — короля Карла, королеву, Годю, Фердинанда и Дона Карлоса, младшего брата Фердинанда.

Эти бурбоны стирали свое грязное семейное белье в его присутствии, натравливая его друг на друга. Царственный отец Фердинанда потряс тростью над его головой и проклял его; царственная мать Фердинанда оскорбила его и сказала, что король, ее муж, не был его отцом; а Годой, любовник жены и матери, сел за стол с королем и королевой, что было совершенно необходимо обоим. Карл IV, любивший удовольствия и легкость, передал корону Испании Наполеону; Фердинанда попросили сделать то же самое. Он отказался, и только после того, как в Мадриде вспыхнуло восстание, жестоко подавленное Мюратом, потерявшим почти тысячу человек, он уступил. Восстание было у него на пороге, и Наполеон пригрозил поступить с ним как с мятежником.

Карл и Фердинанд стали грандами Франции с огромными доходами; взамен Наполеон получил Испанию и ее великолепные владения (май 1808 г.).

Вызвав Жозефа Бонапарта из Неаполя надеть эту новую корону, Наполеон хотел придать передаче некоторую демонстрацию национального согласия. Он созвал собрание испанских прелатов и грандов в Байонне (июнь 1808 г.). Они пришли, но когда они пришли, земля, по которой они шли, была горячей от восстания. Вся Испания стихийно и яростно бросилась к оружию. Собрание в Байонне приняло Жозефа и конституцию, подготовленную Наполеоном.

Во всех дворах и кабинетах министров поведение Наполеона горячо обсуждалось; в большинстве из них оно яростно осуждалось. Правда, он обошелся с Испанией не более бессовестно, чем с Венецией; и, более того, не более вероломно, чем Англия обошлась с Индией, Россия с Польшей, Пруссия с Силезией. Но были два соображения, которые тяжело давили на Наполеона: он не был законным королем, и он получал больше, чем ему полагалось. Маленькие человечки начали спрашивать друг друга о мясе, которым питался этот наш цезарь, и говорить друг другу, что они, маленькие человечки, могли бы, объединившись, проявив терпение и настойчивость, свалить большого человека с ног.

Чем внимательнее изучается его государственное искусство, тем яснее становится видно, что во всем он соответствовал ортодоксальным стандартам. Он был ни лучше, ни хуже других. Его путь к власти был сопряжен с невыполненными обещаниями, безжалостными поступками, полным пренебрежением к человеческой жизни и правам других народов. Враг - это препятствие, с которым нужно покончить. Если помогут честные средства, хорошо; если честные средства не помогут, тогда будут использованы нечестные методы. Точно такие же принципы постоянно применялись всеми завоевателями, всеми странами-завоевательницами. Россия, Англия, Пруссия, Франция — одна и та же политика строила империи для каждой из них. Русский царь Александр заискивал перед шведским министром, клянясь в дружбе и добрых намерениях, когда русские легионы уже были в походе на захват Финляндии. Впоследствии самим финнам была торжественно обещана русская вера в то, что их автономия, их местные институты никогда не должны быть уничтожены. В наши дни мы видели, как самый христианский царь нарушал этот письменный договор и безжалостно русифицировал беспомощную Финляндию.

Империя Англии построена на силе и обмане; величие Пруссии зиждется на преступлении Фридриха против Силезии: Франция при Наполеоне просто следовала хорошо известным прецедентам. Честолюбивый и деспотичный, он начал войну со слабыми, чтобы закрыть доступ английским товарам, нанести ущерб английской торговле и заключить с ней мир. Это было достаточно плохо, но мы дожили до того, чтобы видеть вещи и похуже. Мы видели, как Англия развязала войну против Китая, чтобы заставить его открыть свои порты для смертоносной торговли опиумом — смертоносной для китайцев, но наиболее прибыльной для английских торговцев. Мы дожили до того, чтобы увидеть, как голландская республика была стерта с лица земли, потому что она не позволила английским золотоискателям править ею.

Давайте отбросим ханжество, ложь и лицемерие; давайте откровенно признаем, что Наполеон был колоссальной смесью хорошего и дурного, точно так же, как Кромвель, точно так же, как Ришелье, Фридрих и Бисмарк. Эти законспирированные защитники роялизма, клерикализма и абсолютизма, которые серьезно собирают огромные книги, чтобы доказать, что Наполеон был исчадием ада, злым духом, борющимся против света, являются самыми нелепыми из ныне живущих смертных. Даже Испания теперь знает лучше; и национальное восстание там в эту эпоху направлено против той самой системы, которую великий демократический деспот сверг бы. “Долой иезуитов!” - кричат они во всех городах Испании в этом 1901 году. Они всего на столетие отстали от времени. Наполеон сто лет назад сверг иезуитов и их инквизицию, смел феодализм, дал справедливые законы и представительное правительство народу, одержимому священниками и проклинаемому королем. Они не были готовы к этому благу и отвергли его. С безумным увлечением испанцы слушали монаха, гранди и англичанина марплота. Страсть пылала, а разум покинул их. Слепая ненависть ко всему французскому овладела мужчинами, женщинами и детьми по всей стране. Крестьяне были еще более неистовыми, чем принцы и пэры. Были совершены подвиги героизма, самопожертвования, жестокости, которые поразили весь мир. Благодаря отчаянному упорству испанцам удалось вернуть свою старую добрую систему — короля-бурбона, привилегированную аристократию, тиранию священников, феодальные поборы. Великобритания любезно прислала армии и субсидии, чтобы помочь благому делу. Испания вернула старую систему, и это принесло ей много пользы. Это выело сердце из великого народа, сделало его имя притчей во языцех среди наций, поставило его в тупик в гонке человеческого прогресса. Сегодня она понимает, чего лишилась сто лет назад.

ГЛАВА XXXII

Когда капитан Марбо с депешами от Мюрата, извещавшими о беспорядках в Мадриде, прибыл в замок Маррак, он обнаружил императора в парке, совершавшего послеобеденную прогулку под руку с королевой Испании и Карлом IV. рядом с ним следовали императрица Жозефина, принц Фердинанд, дон Карлос, маршал Дюрок и несколько дам.

“Какие новости из Мадрида?” воскликнул Наполеон, когда Марбо, покрытый пылью, приблизился. Депеши были доставлены в молчании, и Наполеон отошел в сторону, чтобы прочесть их и засыпать офицера вопросами. Марбо в ярких выражениях описал отчаяние испанского народа, ярость, с которой он сражался, угрожающий вид населения даже после подавления восстания.

“Ба! - воскликнул Наполеон, обрывая его на полуслове. - Они успокоятся и благословят меня, как только увидят, что их страна освобождена от дискредитации и беспорядка, в которые ее ввергла самая слабая и коррумпированная администрация, когда-либо существовавшая!”

Когда император объяснил королю и королеве Испании, что произошло в Мадриде, они в ярости набросились на Фердинанда. “Негодяй!” воскликнул старый король. “Теперь ты можешь быть доволен. Мадрид залит кровью моих подданных, пролитой в результате вашего восстания против вашего отца; их кровь будет на вашей голове!” Королева была не менее ожесточена и даже предложила ударить своего сына. Наполеон положил конец болезненной сцене.

“Ба! они скоро успокоятся”. Так думал Наполеон, нисколько не опасаясь, что бурное восстание крестьян выступит против его войск. То, что его армия сделала в Италии и Египте, она могла бы сделать и в Испании. Его только раздражало и несколько озадачивало, что народ отвергает его либеральную конституцию и с таким неистовым рвением посвящает себя самому никчемному из королей-Бурбонов. Он не сомневался, что Джозеф вскоре мирно овладеет полуостровом, что его генералы вскоре сметут с поля боя крестьянские банды. Если бы ему не хватало веры в это, он, вероятно, не отдал бы корону Джозефу — безмятежному, самодовольному, абсолютно неспособному Джозефу. Если бы он мечтал о долгих годах войны, которые должны были последовать за этим, он мог бы прислушаться к мольбам Мюрата и оставить этого блестящего солдата защищать корону, которой он так страстно желал.

Под овации император и Жозефина совершили поездку по провинциям, возвращаясь в Париж, где их повсюду встречали с радостью и восхищением, в то время как на полуострове бушевала великая буря. По всей Испании, на больших и поперечных дорогах, от кафедры до рыночной площади, Наполеона осуждали, ему бросали вызов и оказывали сопротивление. Священники возглавили крестовый поход, проклиная человека Конкордата как антихриста, служителя дьявола, достойного смерти и проклятия. Повсюду возникали комитеты обороны, хунты; армии собирались почти мгновенно. Везде, где француза могли заколоть, застрелить из засады или схватить и распилить на части, это делалось. Дороги были усеяны засадами, оставшие и

разрозненные отряды отрезаны, и французские генералы вскоре были брошены в оборону этим презиаемым восстанием народа. При Сарагосе и Валенсии французские войска были отброшены; в Андалусии орды испанцев окружили двадцатитысячную армию Дюпона, разбили ее в бою и вынудили капитулировать (Байлен, июль 1808 г.).

В августе англичане высадили войска в Португалии; и Жюно, чьи силы были рассеяны, сражался всего с тринадцатью тысячами человек против Веллингтона с шестнадцатью тысячами, потерпел поражение при Вимейру (21 августа 1808 г.) и по Цинтрской конвенции (30 августа 1808 г.) согласился эвакуировать Португалию. Он тоже хотел стать королем; он тоже думал о себе больше, чем о своем господине; он тоже сорвал великолепный план из-за явной бесхозяйственности и чудовищной жадности.

Катастрофа в Испании и Португалии обрушилась на Наполеона подобно удару грома; его горе и негодование не знали границ; из него вырывались крики ярости и боли; указывая на свой мундир, он сказал: “Здесь пятно”. При Абукире Брюи, по крайней мере, сражался и погиб как солдат; при Трафальгаре французы проявили отчаянную доблесть; но при Байлене двадцатитысячная армия имперских войск сложила оружие перед бандами повстанцев! О, какой позор! Кто мог бы оценить его эффект в Европе? Когда император говорил о Байлене своему государственному совету, его голос дрожал, а глаза были полны слез.

Сознавая опасность, угрожавшую его превосходству, Наполеон решил лично отправиться туда и подавить испанское восстание. Но прежде чем сделать это, было необходимо, чтобы он и царь провели еще одно совещание, сгладили некоторые возникшие разногласия и пришли к лучшему взаимопониманию — отсюда и знаменитая встреча в Эрфурте (октябрь 1808 г.). На этот раз Александр был гостем Наполеона, и его принимали по-королевски. Более блестящего собрания Европа никогда не видела. Подвластные короли, вассалы, лорды Империи, гражданские и военные сановники, придворные, послы, дипломаты, выдающиеся литераторы окружали двух великих императоров и оказывали им почтение. Бизнес смешивался с развлечениями; и пока обустривались границы империи, устраивались банкеты, балы, грандиозные охоты, оркестровая музыка и драмы. Актеры, привезенные из Парижа, играли для императоров и их свиты, и однажды ночью царь встал и взял Наполеона за руку при словах “дружба великого человека - дар богов”. Даву обычно говорил, что Наполеон кивал, пока царь не сымпровизировал эту маленькую побочную игру.

Если Наполеон и беспокоился о будущем своей власти, он хорошо это скрывал; его лицо не выражало ничего, кроме безмятежности, добродушия и уверенности. Он нашел время, чтобы подолгу беседовать с Гете и Виландом; он нашел время разыграть роль обходительного хозяина для лордов и леди; он был так же тверд с Александром, как и в Тильзите; и когда конференция закончилась, он устроил все так, чтобы это полностью его устраивало.

В Воспоминаниях маршала Удино мы находим следующий анекдот о встрече в Эрфурте:—

“У Наполеона время от времени случались приступы забывчивости, которые мешали ему проявлять в своих отношениях с монархами всю предусмотрительность, ожидаемую от воинства.

“Однажды мы ехали верхом по сельской местности, два императора, Наполеон и Александр, ехали бок о бок. В какой-то момент первый, увлеченный своими мыслями, взял инициативу в свои руки, насвистывая и, казалось, забыв о тех, кого он оставлял позади. Я всегда буду помнить

Александра, чопорно повернувшегося к своему соседу и спросившего: ‘Должны ли мы следовать за ним?’ ‘Да, сир’. Я вернулся к Наполеону и рассказал ему об этой маленькой сцене. Он отступил, предложил объяснение, и на этом все закончилось”.

Так думал маршал Удино, но, как спрашивает составитель Мемуаров, кто знает, какое влияние этот незначительный инцидент мог оказать на гордого, чувствительного, подозрительного и колеблющегося царя?

По условиям нового соглашения у Александра должны были быть развязаны руки на Дунае, чтобы захватить Молдавию и Валахию; возможно, в Тильзите это понимали, но “Константинополь - никогда! Это мировая империя!” В обмен на свободу захвата дунайских провинций царь должен был сохранять спокойствие в Центральной Европе, пока Наполеон завоевывал Испанию и Португалию. Царь уведомил Пруссию, что она должна сохранять спокойствие, подчиниться воле Наполеона и согласиться с его требованиями, одним из которых было увольнение Штейна.

Для немцев, как правило, тяжелая рука царя, обрушившаяся на Фридриха Вильгельма таким повелительным образом, должно быть, натолкнула на мысль, что настало время Помазанному Господом самодержцу России еще раз принести клятву дружбы с Пруссией у могилы великого Фридриха. Две уже данные клятвы, казалось, ускользнули из их рук.

Предположим, что Наполеон торжественно отправился в Эскориал и там ночью взял в свои руки руку испанского короля и над костями мертвых испанских монархов поклялся в вечной дружбе с Испанией; предположим, что он нарушил эту клятву сразу же, как только дал; предположим, что он пошел во второй раз и поклялся в этом снова; предположим, что он нарушил свою клятву во второй раз: — нашли бы роялистские и клерикальные авторы *когда-нибудь* достаточно черных чернил, чтобы наполнить ими свои праведно возмущенные перья?

Если мы хотим правильно судить о Наполеоне, давайте сохраним наше равновесие и наши стандарты сравнения; давайте противопоставим его не идеальному человеку, а другим правителям его времени. Поступая таким образом, мы можем надеяться прийти к тому, чтобы в самом скромном духе и манере узнать великого корсиканца таким, каким он был на самом деле.

Была предпринята еще одна попытка положить конец войне. Два императора отправили курьеров — одного французского, а другого русского — в Англию с предложениями мира. Англичане обращались с этими курьерами почти как со шпионами, держали их под наблюдением и в конце концов отправили обратно с запиской, которая не поощряла монархов, которые их послали.

Король Иосиф был изгнан из Мадрида, теперь находился в Виттории, и повстанцы контролировали страну, за исключением земель, оккупированных французскими армиями.

Не теряя времени после Последней беседы, Наполеон поспешил в Испанию, принял командование войсками в Виттории (5 ноября 1808 г.) и двинулся вперед. За несколько дней вся военная ситуация изменилась. Испанцы были разбиты на всех участках и избежали полного уничтожения из-за слишком большой поспешности некоторых французских генералов. В течение четырех недель после начала кампании Мадрид был отбит и снова перешел во владение слабого Жозефа.

Направляясь к столице Испании, Наполеон обнаружил, что его дорога перекрыта на горном перевале Соммо-Сьерра. Повстанцы укрепили высоты, их пушки полностью контролировали ущелье. Позиция была настолько сильной, что горстка ветеранов могла бы сдержать целую армию.

Но наглость этих испанских отрядов, осмелившихся оказать сопротивление его походу, привела Наполеона в ярость. Он не стал бы ждать, пока его пехота сможет наступать с обеих сторон, обратить врага вспять и почти наверняка одержать бескровную победу. Он бушевал: “Что? мою армию остановили вооруженные банды, жалкие крестьяне!”

“Прошу вас, потерпите, сир”, - взмолился генерал Уолтур, который заверил его, что через несколько минут перевал будет очищен пехотой, которая уже наступала с обеих сторон. Но нет; враг должен быть атакован кавалерией — ошетинившаяся батарея на гребне горного ущелья должна быть сметена с пути кавалерийским наскоком.

“Go, Ségur! Идите немедленно; заставьте моих поляков атаковать, заставьте их забрать все!”

Присутствующие были удивлены, но приказ должен был быть выполнен. На полной скорости великолепные солдаты польского эскадрона ринулись вверх по перевалу, чтобы растаять под ужасающим огнем батареи наверху. Историки утверждают, что кавалерийская атака удалась. Сегюр, который возглавлял вылазку и был в ней сбит, рассказывает, что фланговые колонны пехоты сделали свое дело.

“Кто-нибудь знает, как Сегюр был ранен? У него был орден?” Спросил Наполеон после битвы.

Когда ему напомнили, что он сам отдал Сегуру приказ, он замолчал и “впал в очень задумчивое настроение”.

Английская армия под командованием сэра Джона Мура вошла в Испанию и продвигалась к Мадриду. Когда оно узнало, что Наполеон находится в поле боя, оно начало отступление к побережью, которое прославлено в военной истории. Французы во главе с императором бросились в погоню по горячим следам, и трудно было бы с уверенностью сказать, какая сторона подверглась более страшным испытаниям — преследователи или преследуемые. Погода была пронизывающе холодной, с пронизывающими ветрами, промозглыми дождями, слепящими снежными бурями. При переходе через горы Гаудамара шторм был таким свирепым, холод и снегопад такими ужасными, что авангард Наполеона действительно начал отступать. Требовалось все личное влияние и пример императора, чтобы воодушевить людей на дальнейшие действия. Спешившись, он поплелся пешком, Ланн и Дюрок по бокам, и так час за часом он брел по снегу вверх по горе во главе своих людей. Ближе к вершине, из-за высоких сапог, которые носили офицеры, они не могли идти дальше. Наполеона подняли на орудийный лафет, и верхом на пушке он достиг вершины, его генералы тоже были верхом.

Форсированными маршами французы продвигались вперед в надежде отрезать англичанам путь к отступлению, но этого не удалось сделать. Несмотря на ужасные страдания, англичане не были полностью деморализованы. Всегда находилось несколько тысяч храбрецов, которые поворачивались и вступали в бой, когда французы оказывали на них слишком сильное давление. Таким образом, преследователи получали кровавый отпор. Среди англичан происходило много ужасных сцен; но генерал Марбо рассказывает случай из преследования французов, который проливает яркий свет на отвратительный характер всей этой кампании. Он видел, как трое французских гренадеров покончили с собой, потому что устали, больше не

могли идти в ногу и предпочли смерть пыткам, которые ожидали их, если они попадут в руки испанских крестьян.

Самоубийство его гренадеров произвело на Наполеона такое глубокое впечатление, что, несмотря на проливной дождь и пронизывающий холод, в ту ночь он обошел бивуак, разговаривая с несчастными солдатами и пытаясь восстановить их мужество.

В Асторгу прибыл курьер, привезший депеши из Парижа, в которых Наполеона предупреждали, что Австрия теперь готова “начать все сначала”. Она полностью реорганизовала свою армию, терпеливо ждала подходящего момента и была уверена, что он наступил. Опытные войска Франции были разбросаны по испанскому полуострову; Англия прочно захватила Португалию; у Австрии было наготове около пятисот тысяч солдат, и теперь настало время нанести удар. Преследование англичан было передано Сульту, и гонка к морскому побережью продолжалась, как и прежде. Когда французам вообще удавалось обогнать англичан, авангард был слишком мал, чтобы сокрушить английский арьергард. Если и случалось столкновение, французы были отброшены. Если французы подходили большими силами, англичане продолжали отступление. Наконец побережье было занято. Произошла кровавая битва, битва при Корунье. Сэр Джон Мур был убит, но его армия, или то, что от нее осталось, погрузилась на английские корабли и уплыла.

Что касается Наполеона, то он вернулся в Вальядолид, где в течение нескольких дней занимался урегулированием дел Испании и отправкой бесчисленных депеш. Затем, вскочив на коня, он пришпорил его и помчался в Байонну, совершив, возможно, самую безумную скачку, которую когда-либо совершал император. Его эскорт топал за ним, растянувшись в цепочку, и изумленные крестьяне Испании надолго запомнили это головокружительное видение. Они слышали вдалеке слабый шум, похожий на бешеную скачку; в поле зрения появилась запыхавшаяся кавалькада; она приближалась подобно гонимому ветром облаку; была спешка и шум, подобный грому, мимолетный проблеск согнувшихся всадников и напрягшихся коней; возможно, мимоходом раздался крик; затем все стихло так же, как и появилось, и через мгновение исчезло.

Генерал Тибо, направлявшийся в Витторию, был на дороге с экипажем, адъютантами, эскортом и слугами, когда один из его сопровождающих сказал: “Я думаю, сюда едет император”.

Генерал уже собирался выйти из экипажа, когда услышал, как кто-то окликнул его:

- Кто в этом экипаже? - спросил я.

Слуга едва успел ответить “генералу Тибо”, как мимо пронесся императорский отряд. “Савари был первым, за ним император, хлестнул лошадь Савари и вонзил шпоры в свою собственную.... Добрую минуту спустя мимо галопом проскакали Дюрок и мамелюк императора, а на таком же расстоянии от них ехал проводник, измученный попытками наверстать упущенное, и еще четверо замыкали тыл, насколько могли”.

От Вальядолида до Бургоса, около семидесяти пяти миль, Наполеон проехал за три с половиной часа (январь 1809 г.).

ГЛАВА XXXIII

Когда император прибыл в Париж, он был в одном из своих худших настроений. Множество причин омрачили его безмятежность. Его брат Жозеф яростно обвинял его в том, что он, Наполеон, перестроил правительство, сделав его лучше для народа и не совсем так хорошо для дворян и священников. Жозефа это глубоко возмущало. Он, Джозеф, был королем Испании. Он, Джозеф, был подходящим человеком для реорганизации правительства, изменения законов и управления страной. Наполеон присутствовал здесь просто как военный эксперт, генерал, чьи услуги были временно необходимы, чтобы вытащить Жозефа из-под ног врага и за руку вернуть его на трон; но когда это было сделано, Наполеону следовало уйти, оставив Жозефа делать в Испании то, что он считал лучшим. Такой точки зрения придерживался не только Жозеф в то время, но и до тех пор, пока длилась его никчемная жизнь, он не устал объяснять своим друзьям, как Наполеон лишил его короны Испании, “вмешавшись в его дела” в 1809 году.

Не менее высокой была оценка, которую Луи Бонапарт дал своим “правам” как короля Голландии. Как только этот угрюмый, ревнивый, плохо воспитанный болван был посажен на трон своим старшим братом, он присвоил себе все prerogatives династического короля. Вирус “божественного права” проник в его вялые вены, и он начал перекладывать на Бога ответственность за то, что такое существо, как он сам, вообще стало королем. Он хотел править Голландией не как феодальным владением Империи, не как частью наполеоновской системы, а как частью независимой собственности, которая перешла к нему, Людовику, через длинную линию предков. Когда Наполеон вручил ему корону, условия были ясны. Голландия была частью Франции; должна управляться с учетом интересов Франции; друзья и враги одного должны быть друзьями и врагами другого. Другими словами, Голландия была планетой во французской системе, а Людовик - подчиненным королем. Если Людовик был слишком горд, чтобы править как низший свет в системе своего великого брата, он должен был быть таким же откровенным, как Люсьен: он должен был отказаться от короны. Но он принял великолепный подарок, а затем нарушил условия. Английские товары хлынули на его рынки. По сути, он стал союзником Великобритании, поскольку одобрял ее политику. Разрушить континентальную систему было ее самой заветной целью, и Людовик помогал ей в меру своих скромных способностей. Мог ли Наполеон быть не в ярости? Была ли завоевана Голландия только для того, чтобы обогатить Англию? Посадил ли он своего брата на трон только для того, чтобы ослабить свою собственную империю и подать пример нелояльности другим союзникам? В то время, когда Пруссия, Австрия и даже Россия были заключены контракты на поддержание континентальной системы, было ли допустимо, чтобы его собственный брат во влиятельной Голландии открывал свои порты общему врагу?

Эта причина неприятностей также беспокоила Наполеона и мешала сохранять хорошее настроение. И даже это было далеко не всем. Мурат, его шурин, вел себя почти так же плохо, как и его брат. Мюрат, который был великим герцогом, хотел стать королем, жаждал короны Польши, претендовал на испанский трон и, разочаровавшись в обоих случаях, впал в бунтарское настроение.

Наполеон уступил ему вакантный трон Жозефа в Неаполе; но ходили слухи, что он все еще был недоволен и поддерживал связь с заговорщиками в Париже. И кто были эти заговорщики?

Талейран и Фуше, конечно. Эти неугомонные, переоцененные и хронические предатели мудро совещались в Париже, как они делали до Маренго, с целью договориться о преемнике Наполеона на случай, если он погибнет в битве или потерпит безнадежное поражение.

Но даже это было не все: средства иссякли, казна была опустошена, во Франции начали раздаваться протесты против расширения империи; призывы на военную службу, которые были объявлены заранее, стали непопулярными, участились случаи дезертирства, а "непокорных" становилось все больше. Война в Испании пришлось не по вкусу. Генералы, которым было приказано отправиться в Испанию, отправились, но отправились неохотно. В них не было ни пыла, ни той жизнерадостной уверенности, которая составляет половину успеха. Войска, которым было приказано идти маршем, прошли, но без энтузиазма. По сравнению с Италией и Германией Испания была бесплодной землей. В борьбе с вооруженными крестьянскими бандами славы не добиться; можно было ожидать небольшой добычи. Даже Стража роптала на такую службу. Когда Наполеон проводил смотр в Вальядолиде незадолго до того, как покинуть Испанию, ропот в рядах стал настолько громким, что он потерял контроль над собой, выхватил мушкет у одного из ворчунов, выдернул его из строя, пригрозил пристрелить, а затем оттолкнул на место, одновременно резко отчитывая весь отряд.

Еще раз в Париже придворные наполеона сгруппировались вокруг него с теми же любезностями, что и прежде. Немногие, очень немногие, могли отважиться заговорить с ним откровенно и сказать ему правду, но многие поступили так, как принято при любом дворе: они говорили не для того, чтобы проинформировать, а чтобы угодить. И первым среди тех, кто приходил заискивать и льстить, был "тот калека", которого, по словам Жозефины, она боялась, Талейран.

Опасный только для слабых, не наделенный никаким конструктивным талантом, неспособный к постоянному труду любого рода, сильный только во внезапных чрезвычайных ситуациях, в кризис политических перемен, Талейран был известен Наполеону как открытая книга. Скорее презирая его, чем боясь, гнев Наполеона против него теперь разгорелся до предела, не столько из-за того, что он сделал, сколько из-за того, что подразумевало его предательство. То, что такой проницательный временщик, как Талейран, начал плести заговор, означало, что доверие к наполеоновской власти пошатнулось. То, что фонды сокращаются, призывники уклоняются от закона, союзники уклоняются от своих обязательств, а внутренние враги плетут заговоры, было всего лишь различными симптомами одной и той же болезни.

Когда Талейран появился на дамбе, Наполеон вскипел. Он начал упрекать фальшивого придворного, начал умеренным тоном, но чем больше он говорил, тем меньше мог контролировать себя. Все прошлые подвиги этого самого вероломного из людей пришли на ум, и в голову Талейрана были брошены горькие слова. Его продажность, взяточничество, разглашение государственных секретов — все это усилило поток критики Наполеона. - Ты низкий негодяй, ты лживый министр. *Вы* притворяетесь, что советовали отказаться от суда над герцогом Энгиенским, когда настаивали на этом в письменной форме; *вы* притворяетесь, что советовали отказаться от войны в Испании, когда подталкивали к ней меня!"

И при каждом предложении Наполеон продвигался вперед с искаженным от страсти лицом, угрожающе поднимая руку, в то время как виновный придворный отступал шаг за шагом по мере продвижения императора, пока не уперся в стену. Там он стоял, прижав сжатую руку

Наполеона к своему лицу, и пылающие глаза Наполеона угрожали смертью, предупреждая его, поскольку он любил жизнь, ничего не говорить и позволить буре пройти.

Когда Талейран вернулся домой, “с ним случилось что-то вроде припадка”, и пришлось вызвать врачей. Однако прошло всего несколько дней, прежде чем он снова оказался на дамбе, смиренно склонившись перед своим хозяином и снова готовый к заискиванию и лести. Гнев Наполеона прошел: он слушал учтивые фразы придворного с улыбкой презрительного безразличия.

Франция не давала Австрии повода для войны. Никто даже не утверждал, что она давала. Австрия беспричинно спровоцировала уже две войны, потерпела поражение в обеих, потеряла много территории, много денег, много престижа. Теперь она верила, что достаточно сильна, чтобы вернуть все, что потеряла, — поэтому собрала свои силы и начала поход в Баварию. Еготовность “начать все сначала” была ускорена взяткой в размере 20 000 000 долларов, выплаченной ей Англией.

Наполеон сосредоточил войска в точке опасности, но направление их движения доверил Бертье. Этот офицер так сильно напортил, что различные дивизии оказались широко разбросанными; и войска, сознавая, что что-то не так, становились деморализованными. Вызванный сигнальным телеграфом, Наполеон поспешил в штаб-квартиру. Он нашел армию настолько плохо подготовленной, что сказал Бертье: “Если бы я не знал, что вы верны мне, я бы заподозрил, что вы предатель”.

Эрцгерцог Карл, командовавший австрийцами, ясно видел свое преимущество и поспешил броситься между отдельными подразделениями французов, чтобы нанести им сокрушительный удар. Он хорошо начал свою кампанию, и казалось несомненным, что он сокрушит корпус Даву прежде, чем ему удастся получить поддержку. Но эрцгерцог почти суеверно боялся Наполеона, и как только он узнал, что император теперь командует французами, австрийцы, казалось, были парализованы. Массене и Давусту было дано время поддержать друг друга, одному было приказано отступить, в то время как другой двинулся вперед. Рассчитав час, когда эти два крыла смогут поддержать центр, великий воин обрушился на своего врага. Риск был велик; если бы два его лейтенанта не смогли подойти, все было бы потеряно. Но Даву и Массена не были ворчунами: они пришли, и кампания была спасена. Никогда Наполеон не был так хорош в плане и исполнении, как в 1809 году; даже в итальянской кампании он не работал так усердно. Целую неделю он почти постоянно был в седле, у него никогда не было времени раздеться. Но за эту неделю он посеял полное замешательство среди своих врагов и спас свою империю. При Абенсберге, при Ландсхуте, при Экмюле, при Ратисбоне он наносил австрийцам удар за ударом и разгромил их армию, убив и ранив тридцать тысяч человек, столько же взяв в плен и захватив огромную добычу в виде оружия, боеприпасов, припасов, всевозможных военных материалов. Эрцгерцог отвел свою разбитую армию в Богемию; Наполеон двинулся на Вену, которая пала 12 мая 1809 года. Королевская семья бежала в Венгрию; французский император, расквартированный во дворце Шенбрунн, готовился к переправе через Дунай. На этот раз у Ланна и Мюрата не было мостов, которые они могли бы завоевать с помощью военной хитрости; река была широкой и глубокой между французами и австрийцами; мосты должны были быть построены, и французы переправились через реку перед лицом армии, готовой оспорить переправу.

Если бы Наполеон не провозгласил победу быстро и решительно в начале кампании, его крах наступил бы в 1809 году, как и в 1814-м. Национальный дух восстал против него в Германии, как это было в Испании. Пруссия была кишмя кишит патриотическими тайными обществами, выступившими против него; и в ожидании австрийского успеха молодой герцог Брауншвейгский и полковник Шилль подняли знамя восстания. Только решительная победа французов при Экмюле помешала этой неудачной попытке национального восстания увенчаться успехом. В Тироле также народ, убежденный католик и противник реформ, проведенных Баварией, восстал против власти Наполеона и потерпел неудачу только потому, что французы так быстро рассеяли мощь Австрии.

Во время кризиса союзница Наполеона, Россия, не проявила особого рвения. Она послала очень маленькую армию там, где обещала большую; и генерал их армии написал австрийскому командующему, что он надеется, что вскоре они будут действовать согласованно. Наполеон переслал это письмо Александру, который удовлетворился отзывом автора. Если бы не героическое поведение Понятовского и поляков, кажется, что австрийской армии удалось бы вырвать Великое герцогство Варшавское из Саксонии.

Но триумфы Наполеона в начале кампании изменили положение дел повсюду. Австрийские армии должны были быть вызваны из Варшавы, из Италии, из Богемии, чтобы сосредоточиться и противостоять Наполеону на Дунае.

Выбрав позицию ниже Вены, где большой остров Лобау разделяет реку на два неравных русла, французы перебросили через нее мосты и 20 мая начали переправу, почти без сопротивления овладев деревнями Асперн и Эсслинг. На следующий день эрцгерцог Карл предпринял яростную атаку сначала на Асперн, затем также на Эсслинг. Борьба была очень кровопролитной. Только часть французов перешла реку; австрийцы значительно превосходили их численностью и, осознав это огромное преимущество, форсировали ее с великолепной энергией. Асперн раз за разом брали и отвоевывали; и когда ночь положила конец кровавой бойне, французы удержали лишь часть тлеющих руин. На следующий день сражение возобновилось, французская армия по-прежнему была разрезана надвое у Дуная. Корпус Даву еще не прошел, и австрийцы делали все возможное, чтобы разрушить мосты, которые внезапный подъем уровня воды в реке уже грозил снести.

Усилия противника овладеть Асперном справа были настолько сильны, что Наполеон предположил, что они слишком сильно ослабили свой центр. Поэтому он направил против него тяжелые колонны и начал оттеснять его назад. В этот момент пришло страшное сообщение: “Мосты разрушены!”

Он мог бы пойти дальше и разбить своего врага, но Наполеон счел риск слишком большим. Его колонны остановились, их огонь ослаб, и был отдан приказ отступать. Растерявшиеся австрийцы набрались смелости и последовали за отступающими французами с ужасающим эффектом. Массена должен удерживать Асперн, Ланн Эсслинг, до тех пор, пока император не сможет вернуть армию на остров Лобау. Асперн - это все; его нужно удерживать во что бы то ни стало.

“Удерживайте свои позиции! Речь идет о спасении армии — мосты разрушены!” Так гласила депеша, и суровый солдат, удерживавший Геную, пока Наполеон планировал Маренго, теперь удерживал Асперн, пока его император готовился к Ваграму.

Бедный Ланн! Храбрый, бескорыстный, прямолинейный, львиный Ланн! На этом его долгий путь должен был закончиться. В тот же год, когда мадам Летиция на Корсике начала качать колыбель Наполеона, жена скромного красильщика из Гаскони начала нянчить младенца, который стал Роландом армии Бонапарта. У него было мало образования, не было влиятельных друзей; но когда Революция начала бить в набат и барабан, гасконский юноша отправился на войну. С 1791 года, когда он записался добровольцем в гренадеры, он служил без перерыва и с непревзойденным мужеством. Ожеро произвел его в полковники за храбрость в Пиренеях; а Наполеон произвел его в генералы за блестящую службу в Италии. Он последовал за своим начальником в Египет и был ранен в шею при Акко. В знаменитое Брюмерское воскресенье он способствовал захвату Наполеоном верховной власти, а при Монтебелло сражался при прелюдии к Маренго. Он любил Каролину Бонапарт, которую завоевал Мюрат; и если бы шурин императора был Ланн, а не Мюрат, многих бед можно было бы избежать. Повышенный в звании, ставший маршалом империи и герцогом Монтебелло, он был все тем же бесстрашным, постоянно растущим, всегда преданным солдатом. Великий при Аустерлице, великий при Йене, великий при Фридрихсфельде, он был еще более великим при Сарагосе, где преодолел сопротивление, бросившее вызов чуду света.

Из того разрушенного города в Испании он поспешил в Германию и снова стал правой рукой великого полководца, который так хорошо знал себе цену. Были придворные получше Ланна, галанты, которые лучше украшали бальный зал, льстецы, которые лучше услаждали слух. Но кто из всех храбрых людей Франции мог бы пройти по полю битвы более уверенным, твердым шагом, чем он?

Кто в глубине души был более предан вождю - кто с такой готовностью отказался от легкости и комфорта и отправился по зову вождя в дождь или снег, жару или холод, изнуряющий марш или отчаянную битву? За всю долгую историю французского героизма кто совершал поступки более львиные, чем Ланн?

Кто первым перешел мост в Лоди, опередив Наполеона и всех остальных и убив шестерых австрийцев собственной рукой? Кто повел авангард через замерзшие Альпы и сдерживал разгром при Маренго, пока не смог подойти Дезэ? Который в этой последней кампании сплотил гренадеров под пылающими стенами Ратисбона, схватил штурмовую лестницу, когда самые храбрые отступали, и бросился к зубчатым стенам под испепеляющим огнем, крича своим остановившимся солдатам: "Я покажу вам, что я не забыл, что когда-то был гренадером!" Кто, как не Ланн, воодушевил эти войска своим бесстрашным примером и провел их через стены?

В Эсслинге он был в гуще боя, держась за свои позиции старой хваткой. Бойня была грандиозной, и вид изуродованного тела генерала Пьюзе, застреленного рядом с ним, болезненно подействовал на него. Устав от отвратительного зрелища, он отошел немного в сторону и сел на насыпь траншеи.

Четверть часа спустя четверо солдат, с трудом несущих завернутого в плащ мертвого офицера, лица которого не было видно, остановились перед Ланном. Плащ распахнулся, и он узнал Пузе. "О!" воскликнул он. - Неужели это ужасное зрелище будет преследовать меня повсюду?" Поднявшись, он подошел и сел на краю другой канавы, прикрыв глаза рукой и скрестив ноги. Пока он сидел там, трехфунтовая пуля попала ему как раз в то место, где были скрещены ноги. У одного был разбит коленный сустав, а у другого разорваны сухожилия на спине. Генерал Марбо подбежал к нему; он попытался подняться, но не смог. Его отнесли обратно на мостик и

ампутировали одну из его конечностей. Едва операция закончилась, как появился Наполеон. “Интервью, ” говорит Марбо, из Мемуаров которого этот отчет взят буквально, - было в высшей степени трогательным. Император, стоя на коленях рядом с носилками, плакал, обнимая маршала, чья кровь вскоре запачкала белый керсеймерский жилет императора”.

“Ты будешь жить, мой друг, ты будешь жить!” - воскликнул император, пожимая руку Ланна. - Надеюсь, что смогу, если все еще смогу быть полезен Франции и вашему Величеству.

Погода была ужасно жаркой, и у Ланна началась лихорадка; 30 мая он умер. Несмотря на заботы и опасности своего положения, Наполеон находил время каждый день навещать раненого. Через несколько минут после рассвета 30-го числа император пришел, как обычно, когда Марбо встретил его и рассказал о печальном событии. Ампутированная конечность окоченела, и зловоние было таким сильным, что Марбо предостерег Наполеона от того, чтобы заходить внутрь. Оттолкнув Марбо в сторону, император подошел к мертвому телу, обнял его, поплакал над ним, оставался там больше часа и ушел только тогда, когда Бертье напомнил ему, что офицеры ждут приказаний.

“Какая потеря для Франции и для меня!” Возможно, Наполеон горевал и плакал: в его линии был пробел, который никогда не мог быть заполнен. Император на острове Святой Елены сказал: “Я нашел его пигмеем; я потерял его великаном”.

* * * * *

Мосты, соединявшие остров Лобау с берегом Дуная, на котором сражалась армия, не были разрушены: следовательно, войска можно было отвести обратно на остров. Оказавшись там, позицию можно было укрепить и удерживать до тех пор, пока не удастся вновь переправиться через Венский рукав реки.

Это было сделано. Несколько недель ушло на подготовку, подтягивались подкрепления, строились более крупные и совершенные мосты, и все было готово к новой попытке переправы.

Эрцгерцог Карл, полагая, что Наполеон, как и прежде, направит свой марш на Асперн и Эсслинг, спокойно ждал, уверенный, что сможет, как и прежде, разбить французов. В ночь на 4 июля 1809 года, когда бушевала страшная гроза, Наполеон начал свою атаку на австрийские позиции у Эсслинга и Асперна. Это был ложный маневр, чтобы скрыть его намерение переправиться в другом месте, перед Энцерсдорфом.

Пока внимание эрцгерцога было приковано к двум названным деревням, французы бросились на Энцерсдорф и захватили его. Здесь через реку было переброшено несколько готовых мостов, и армия Наполеона прошла почти до того, как австриец сообразил, что он задумал. Затем эрцгерцог отступил на обширную равнину Маршфельд, и триста тысяч человек построились для великой битвы при Ваграме. С крыш и крепостных валов Вены взволнованные тысячи людей смотрели на огромное пшеничное поле, желтое под летним солнцем, где Смерть собирала урожай там, где сеяли простые крестьяне.

Два дня длилась ожесточенная борьба. Австрийцы никогда не сражались лучше. На виду у отцов и сыновей, у жен, дочерей, сестер, возлюбленных, которые не стали бы достойно сражаться за дом и родную землю? Что знал австрийский солдат о причинах войны? Он знал ровно столько, сколько его хозяева предпочитали ему рассказывать; и в глубине души он считал

французов агрессорами, тиранами, мародерами, пришедшими грабить, разорять и порабощать.

Итак, они стояли среди пылающей пшеницы на золотых хлебных полях, под палящим солнцем, и сражались так, как Наполеон никогда не видел, чтобы они сражались, — сражались так, как сражаются люди, только когда в этом их души. А вдалеке, на крышах домов, шпилях и зубчатых стенах старой Вены, напряженные глаза, бьющиеся сердца, жаждущие молитвы и безумная надежда на то, что эти мародеры из Франции будут рассеяны, как давным-давно были рассеяны турки в то ужасное время.

Но в те давние времена христиане могли слышать крик христиан, могли лететь на помощь христианам. Что за воинство под знаменами обрушилось подобно буре на мусульманский тыл, разметав неверных, как пыль, и принесся спасение осажденному городу? Кто, кроме поляков и Иоанна Собеского, разгромил турок и обратил полумесяц в бегство перед крестом? Это было много-много лет назад. На этот раз не будет “Польша спешит на помощь!”. Польша была поглощена — мусульманами? Нет; христианами. И на пиру сидела Австрия, жадно поедая свою долю.

Снаряды подожгли пшеницу; дым и пламя от горящего зерна смешивались с дымом и пламенем батарей. Войска, шедшие в атаку, были остановлены или свернули с намеченного курса; раненые падали посреди пылающей стерни и сгорали заживо или задохнулись.

Ничто не могло противостоять французам. Австрийский лидер был побежден своим противником, и долгое испытание сил в конце концов принесло победу лучшему солдату. Усилия, предпринятые на флангах, ослабили центр эрцгерцога. Массена, хотя и был ужасно потрясен, смог удержать правый фланг, в то время как Наполеон сосредоточил все свои наличные силы, чтобы обрушить их на австрийский центр. Но он должен был подождать. Ничего нельзя было сделать до тех пор, пока Даву на левом фланге противника не добился успеха. Неподвижный, как скала, Наполеон не сводил глаз с Нойзиделя, деревни, “которая расположена высоко и увенчана высокой башней, видимой со всех концов поля”. Даву должен отбросить австрийцев за эту деревню, прежде чем можно будет предпринять атаку на центр. “Наконец, мы внезапно увидели дым от орудий Даву за башней”. Теперь левый фланг противника был разбит. “Скорее! скорее!” - крикнул император адъютанту Марбо, который прибыл из Массены за инструкциями. “Скажи Массене, чтобы он обрушился на все, что находится перед ним, и битва выиграна!” По всей линии фронта раздались аналогичные приказы, в то время как Макдональд с сотней орудий, стрелявших по его фронту, предпринял знаменитую атаку, которая прорвала австрийский центр.

Это была великая битва, великая победа, и велики были ее результаты. Австрия потребовала мира, и Наполеон, готовый, как всегда, положить конец войне, предоставил ей условия настолько щедрые, насколько она имела право ожидать. Она потеряла территорию и была вынуждена выплатить контрибуцию; но из крушения, которое она сама устроила, ее империя вышла практически невредимой.

В качестве компенсации ее попросили выплатить 20 000 000 долларов. Это была сумма взятки, которую она получила от Англии, чтобы начать войну.

Возмещение ущерба в размере 20 000 000 долларов! Насколько ничтожна эта сумма по сравнению с *тысячей миллионов*, которые Бисмарк наложил на Францию. Как скромно это

выглядит по сравнению с 330 000 000 долларов, которые Китай был вынужден выплатить христианским миссионерам и поддерживающим их странам за беспорядки 1900 года!

ГЛАВА XXXIV

После поражения французов при Асперне (22 мая 1809 г.), когда они были заперты на острове Лобау, казалось, что положение Наполеона было почти отчаянным. Тирольцы взбунтовались и изгнали французов и баварцев; молодой герцог Брауншвейгский вторгся в Саксонию и изгнал короля-вассала Наполеона из его столицы. Народные восстания вспыхнули в Вюртемберге и Вестфалии; Англия удерживала свои позиции в Португалии и готовила вооружение для высадки на голландском побережье. Прусские государственные деятели, офицеры, проповедники, поэты и патриоты призывали к войне. В этом тревожном кризисе мужество и уверенность Наполеона были безупречны. Разбить австрийцев на его фронте было единственным, что он должен был сделать. Преуспев в этом, сопротивление в других местах исчезло бы. Потерпев неудачу в этом, все было потеряно. Так рассуждал Наполеон, и он рассудил правильно. После Ваграма опасность миновала. Австрия, поклявшись в верности тирольцам, холодно покинула их, и они были разгромлены. Усилия Брауншвейга провалились, как провалились усилия Шилля; народные восстания были подавлены; Пруссия не осмеливалась двинуться с места; а английская “вальхеренская экспедиция” против Флашинга и Антверпена закончилась полным провалом и тяжелыми потерями. Повсюду Империя Наполеона выдерживала испытания: Эжен разбил австрийцев в Италии; а Веллингтон, после победы над Виктором при Талавере, был отброшен Сультом обратно в Португалию. Из шторма, который угрожал самому его существованию, Наполеон вышел с границами, расширенными до границ Турции, отрезав Австрию от моря — империя, простиравшаяся непрерывной линией от Боснии до пролива Кале.

Никогда власть Наполеона не казалась такой великой, а его двор - таким великолепным. Его короли-вассалы прибыли в Париж с блестящими свитами, короли Саксонии, Баварии, Вестфалии, Вюртемберга и Неаполя, вице-король Италии, королева Голландии, помимо дюжины принцев и герцогов. Париж стал столицей Континентальной Европы, и из Парижа закон распространился на восемьдесят миллионов человек. Все французы осознавали величие этой огромной империи; но многих мудрых французов угнетала тревога. Что, если император внезапно умрет? Перейдет ли наследство спокойно к его братьям, или могучая ткань развалится на куски? Вся эта власть, все это великолепие висели на волоске от жизни Наполеона; и были и другие, помимо Талейрана и Фуше, которые размышляли о том, что следует предпринять, если император падет в битве. Когда пуля попала ему в ногу при Ратисбоне, солдаты сломали строй и столпились к нему, затаив дыхание от нетерпения узнать, серьезно ли он ранен; и дальновидный сказал: “Предположим, пуля попала на два фута выше!” Когда стало известно, что молодой немецкий фанатик Штапс, намеревавшийся убить императора, почти добрался до него с ножом, когда его остановили, воцарилось то же самое тревожное чувство. Слишком многое зависело от этой единственной жизни. У императора не было физического наследника; от Жозефины у него никогда не будет наследника; любимый племянник, сын Гортензии, маленький Наполеон, мог быть усыновлен, но он умер от крупа в Голландии.

Поскольку его власть на севере теперь была в безопасности, ожидалось, что Наполеон возьмет на себя руководство войной на юге и положит ей конец. Он легко мог это сделать. У Англии там было менее тридцати тысяч солдат, и местные солдаты, испанцы и португальцы, не смогли бы выстоять против французских ветеранов, возглавляемых величайшими солдатами всех времен. Кроме того, он мог бы подавить сопротивление простым численным превосходством. Почему он так и не вернулся в Испанию? Джозеф совершал ошибки настолько глупо, насколько это было возможно для смертного; французские командиры действовали не согласованно, а противостояли друг другу; дела шли так плохо, как англичане могли разумно ожидать; и нигде в Империи император не был нужен так сильно, как здесь. Но Наполеон, однажды так быстро оказавшийся на грани опасности, позволил "испанской язве" разрастаться год за годом с апатией, объяснить которую невозможно. Либо он стал больше ценить свою личную непринужденность, либо унылый вид войны, необходимый для подавления национального восстания, не привлекал его воображения, либо он опасался, что в его отсутствие север может снова устроить беспорядки, либо он испытывал имперскую гордость, как бы заявляя миру, что восстание на юге - слишком пустяковое дело для его личного внимания и его можно оставить своим помощникам.

Каковы бы ни были мотивы, он удивил своих врагов не меньше, чем друзей, тем, что не смог последовать примеру Ваграма и полностью завоевать полуостров. Триста тысяч французских солдат в Испании поддерживали слабого Иосифа на его троне, но они так и не смогли подавить сопротивление или изгнать англичан.

Другим серьезным вопросом, который мог быть решен в то время, была его ссора с папой римским.

Конкордат принес большие результаты обеим договаривающимся сторонам, и поначалу обе были весьма удовлетворены. Наполеон самодовольно потер руки и заявил: "С моими солдатами, моими префектами и моими священниками я могу поступать, как мне заблагорассудится".

Но, в конце концов, Конкордат был компромиссом. Ни одна из сторон не получила того, чего хотела. Наполеон ожидал, что в результате появится духовенство, полностью зависящее от его воли; папа, который был бы чем-то вроде клерикального лейтенанта, подчиняющегося императорским приказам, довольствовавшегося тем, что занимал второстепенное положение в наполеоновской системе. Папа, с другой стороны, с нетерпением ожидал постепенного восстановления бывшего духовного престижа Церкви. Когда Наполеона видели присутствующим на мессе и преклонившим колени для благословения или молитвы, воображение священнослужителей с готовностью рисовало возвращение старых добрых времен, когда благочестивые короли-бурбоны и их официальные любовницы падали на колени к ногам исповедников-иезуитов и позволяли Церкви управлять страной. Особенно папа стремился к восстановлению своей полной светской власти, к возвращению утраченных дипломатических миссий в Италии.

Обе стороны оказались в прискорбной ошибке. Наполеон не только считал, что сделал для Церкви достаточно, но и был склонен думать, что сделал слишком много. Во всяком случае, он наотрез отказался делать что-либо еще. Он не поставил бы священников во главе

государственных школ; он не восстановил бы дипломатические миссии. Он был готов оказывать главе Церкви почтительное внимание, готов помочь ему в восстановлении общественного богослужения, готов наполнить его казну наличными; но в Конкордате, торжественном договоре, который уже был согласован, он ничего не хотел менять.

Итак, папа покинул Париж после коронации в дурном расположении духа. Он отказался короновать Наполеона в Милане; отказался аннулировать брак Джерома; отказался признать Жозефа Бонапарта королем Неаполя; отказался закрыть свои порты для английской торговли. Провозгласив нейтралитет, он стал таким же врагом Франции, каким был, когда был признанным членом европейской лиги борьбы с революцией. Враги Наполеона стекались в Рим и находили там дружеский прием. Беглецы от французского правосудия нашли убежище под папским иммунитетом и были защищены. Римский суд, как и во времена Революции, стал центром антифранцузских настроений и интриг. Враждебность папы к французам не охладила его гнева, когда он увидел, что он сделал в Испании то, что хотел сделать в Италии, — упразднил инквизицию. Наполеон жаловался, увещевал, угрожал — все без толку. Кротко упрямый, благочестиво неумолимый, папа отказывался идти на соглашение, используя имя Бога, конечно, как санкцию на свою собственную линию поведения.

Во время кампании 1809 года Наполеон провозгласил отмену светской власти папы римского, и папские территории были включены в состав королевства Италия. Духовная власть папы не подвергалась сомнению: его доходы значительно увеличились. Папа, как обычно, возразил, что светская власть, земли, города, богатые доходы являются достоянием святого Петра, Бога, и что он, папа, не имеет права отказываться от них. Наполеон, по сути, ответил, что то, что французский император дал, французский император может и забрать; и что преемнику Петра и наместнику бездомного, безденежного Христа не подобает поднимать такой вечный шум о деньгах, богатстве, землях, земной власти и великолепии. Ситуация в Риме, где французские власти конфликтовали с папской, стала настолько неловкой, что в конце концов папу арестовали, перевезли в Савону и поселили там во дворце. Позже его перевели в великолепный замок Фонтенбло во Франции, где с ним роскошно поселили и обращались как с принцем.

Этот полный разрыв между Наполеоном и Церковью мог бы никогда не стать чем-то большим, чем досадой, как краб, покусывающий палец Геркулеса, если бы Наполеону по-прежнему везло. Но когда бедствия усилились, и его силы начали ослабевать, папские легионы были не самыми слабыми из тех, кто атаковал его колеблющиеся позиции.

Для Франции было бы хорошо, если бы Наполеон в 1810 году уделил личное внимание войне в Испании; столь же хорошо, если бы он пришел к некоторым соглашениям с папой римским, который отлучил его от церкви. Чем дольше каждой проблемой пренебрегали, тем сложнее становилось ее лечение.

★ ★ ★ ★ ★

Наполеон не хотел идти в Испанию, он не хотел улаживать свои разногласия с папой римским; но он решил обсудить другой давно отложенный и жизненно важный вопрос - вопрос о разводе с Жозефиной.

У императора должен быть наследник, вопрос о престолонаследии нельзя больше оставлять открытым: политическая необходимость неумолима: честолубие не потерпит никаких препятствий.

Каким бы великим ни стал человек, в конце концов, он всего лишь человек; и Наполеон воздержался от того, чтобы сказать Жозефине роковое слово. Время от времени он уклонялся от этой жалкой задачи, и путь, которым он шел к ней, полон пафоса, который иногда кроется в мелочах. Всякий раз, когда Наполеон бывал дома, по обычаю паж приносил императору кофе после обеда. Каждый день Жозефина сама брала поднос, наливала кофе, подслащивала его, охлаждала, пробовала на вкус и передавала Наполеону. Годы приходили и уходили, и этот маленький домашний обычай стал таким же прочным, как отношения мужа и жены.

Наконец наступил день из дней для них обоих, унылый вечер, в который Наполеон решил выступить. Он был мрачен и печален; у нее были красные от слез глаза, несчастная, она ждала слова, которого боялась и которого ждала. Подали обед, но никто не ел, никто не разговаривал. Император встал из-за стола, она последовала за ним “медленными шагами, прижимая ко рту носовой платок, словно для того, чтобы заглушить рыдания”. Паж принес кофе и, как всегда, протянул поднос императрице. Но Наполеон, пристально глядя на Жозефину, взял поднос, налил кофе, подсластил его и выпил; и Жозефина поняла, что их пути разошлись. Поднос был возвращен пажу, слуги удалились по знаку хозяина, Наполеон закрыл дверь, а затем с лицом холодным и печальным, как смерть, заговорил о разводе.

Камердинер Констант, опасаясь “какого-нибудь ужасного происшествия”, присел снаружи у двери. Он услышал крики и бросился вперед. Император открыл дверь, императрица лежала на полу, “рыдая так, что сердце разрывалось”. Они подняли ее и понесли в ее комнату, Наполеон помогал. В его глазах стояли слезы, а голос был прерывистым и дрожащим. Это была тяжелая ночь для них обоих, и Наполеон несколько раз заходил в ее комнату, чтобы справиться о ее самочувствии. Он не спал; он не сказал ни слова своим слугам. “Я никогда не видел его, - пишет Констант, - в таком огорчении”.

Но его решение осталось в силе, и 16 декабря 1809 года развод был официально объявлен. В спальне Наполеона состоялась последняя душераздирающая беседа, на которую убитая горем жена пришла попрощаться; были рыдания и нежные, полные сожаления слова; затем Жозефина, рыдая, вернулась в свою комнату, оставив Наполеона “безмолвным, как могила, и настолько погруженным в свою постель, что невозможно было разглядеть его лицо”.

Унижение бывшей императрицы было смягчено всеми возможными способами. Она была по-королевски одарена пенсиями и поместьями; к ней относились с самым деликатным уважением; дружба между ней и Наполеоном оставалась непрерывной; он был рад оказать ей честь, и ее место в империи оставалось достойным и величественным. Однажды император, возвращаясь с охоты с королями Баварии, Бадена и Вюртемберга, остановился в Мальмезоне, чтобы нанести визит бывшей императрице, и провел с ней час в замке, пока три маленьких короля ждали и завтракали у ее ворот.

★ ★ ★ ★ ★

Первой мыслью Наполеона было жениться на сестре российского царя, и на этот счет были сделаны соответствующие предложения. Мать принцессы, однако, была категорически против Наполеона и утверждала, что ее дочь слишком молода. Александр, сильно смущенный, попросил дать ему время. Нетерпеливому императору Франции эта отговорка показалась прикрытием отказа, и он не согласился на отсрочку. Тем временем австрийский кабинет министров, опасаясь усиления, которое такой брак придал бы франко-русскому союзу, дал

понять Наполеону, что, если он попросит дочь императора Франциска, она будет немедленно выдана. Раздраженный нерешительностью Романовых и польщенный успехами Габсбургов, Наполеон ступил ногой в “пропасть, усыпанную цветами”. 11 марта 1810 года он обвенчался по доверенности с Марией Луизой в Вене, и невеста сразу же отправилась в Париж.

“Придерживайтесь своей точки зрения, что дети желанны”, - откровенно написал Наполеон своему представителю на переговорах в Санкт-Петербурге, и австрийская принцесса полностью поняла ситуацию. После триумфального продвижения по провинциям Империи она достигла французской границы, была официально принята, вся ее одежда была переодета, ее австрийские слуги сменились, и Франция, взяв ее драгоценную особу под стражу, снова одела ее, окружила новым количеством слуг и поспешила с ней в направлении Компьеня, где по договоренности она должна была встретиться со своим императорским супругом. Наполеон лично продиктовал до мельчайших деталей каждое движение свадебной процессии и ожидал ее прибытия с величайшим нетерпением, “проклиная церемониал и праздники, которые задержали прибытие его юной невесты”.

Наконец, когда Мария была в десяти лье от Суассона, Наполеон нарушил всякую сдержанность.

Во весь голос он крикнул своему камердинеру: “Привет, Констант! Закажи карету без ливреи и приди одеть меня!”

Он принял ванну, надушился, оделся, все время смеясь, как мальчишка, над эффектом, который сюрприз, который он планировал, произведет на его невесту. Поверх мундира он накинул серое пальто, которое носил в Ваграме, и, позвав Мюрата ехать с ним, тайком покинул Компьенский парк, сел в простой экипаж и помчался по дороге за Суассон. Дождь лил как из ведра, когда они с Мюратом добрались до Курселя, где вышли из кареты и стояли на паперти церкви, ожидая прибытия свадебного кортежа. Сделав знак фореиторам остановиться, Наполеон намеревался без предупреждения подойти к Марии Луизе, но конюший, узнав его, спустил подножку и крикнул: “Его величество!”

“Разве вы не видели, что я дал вам знак хранить молчание?” - в сердцах воскликнул Наполеон. Но его дурное настроение тут же улетучилось, он поспешил в экипаж и обвил руками шею своей невесты, которая, прекрасно обученная, была сама грациозная покорность и, переведя взгляд с его лица на его портрет, который держала в руке, не забыла сказать: “Ваш портрет вам не льстит”.

Наполеон был в экстазе. Он снова был мальчиком, влюбленным, восторженным, смотревшим на все глазами влюбленного. Суассон подготовил великолепный прием и банкет, но Наполеон и думать не мог о том, чтобы медлить. Он должен был поспешить в Компьень с краснеющей Марией той же ночью. “Он занимался любовью как гусар!” - насмехались некоторые. Так оно и было, и большинство мужчин, которые не являются инвалидами или фригидными декадентами, занимаются любовью как гусары. Более того, большинство молодых, здоровых и здравомыслящих женщин тайно отдают предпочтение гусарскому стилю занятий любовью.

Этикет приготовил постель для Марии в доме канцлера и одну для Наполеона во дворце. Этикет настаивал на том, что это разделение было благопристойным, самым важным, его требовали прецедент и обычай. “Это не так”, настаивал Наполеон. “Генрих IV. нарушил обычай, и я тоже”.

Разве бракосочетание уже не состоялось в Вене? Если эта церемония, совершенная венским архиепископом, была действительной, разве Наполеон и Мария не были мужем и женой? Зачем

тогда отдельные апартаменты? Он решил, что права мужа уже принадлежат ему, и Мария не стала сильно возражать — настолько хорошо ее обучили в Вене. Прочтите, что пишет императорский камердинер Константин:-

“На следующее утро во время своего туалета император спросил меня, заметил ли кто-нибудь изменение программы”. Константин солгал, как хороший слуга, и сказал: “Я сказал ему, что нет”. В этот момент вошел один из приближенных императора, который не был женат. Зажав ему уши, его величество сказал ему: “Женись на немке, мой дорогой друг. Это лучшие женщины в мире: нежные, добрые, бесхитростные и свежие, как розы”. И Константин утверждает, что Наполеон “был очаровательно весел весь остаток дня”.

С императорской помпой гражданский и религиозный брак был заключен в Сен-Клу и Париже 1 и 2 апреля 1810 года. Иллюминации, шествия, празднества были неописуемо великолепны. После их окончания императорская чета совершила грандиозное турне по провинциям. Вернувшись в Париж, австрийский посол князь Шварценберг устроил для них великолепный праздник, во время которого загорелись гобелены в огромном временном бальном зале, здание сгорело дотла, а некоторые из гуляк встретили огненную смерть.



МАРИЯ ЛУИЗА

С портрета кисти Жерара в Лувре

Что касается Марии Луизы, то можно сказать раз и навсегда, что она была заурядной женщиной, без таланта, без характера, без изящества манер и без красоты. Она была сильной, здоровой, физически свежей и пышущей здоровьем, поэтому превосходно подходила для непосредственной цели Наполеона. Она никогда не была ему компаньонкой, никогда не имела на него никакого влияния, никогда не испытывала к нему никакой любви, никогда не понимала и не ценила его. Тупая, ленивая, чувственная, не способная на теплую привязанность, она просто уступила политике своего отца, вышла замуж там, где ей сказали выходить замуж, повиновалась

Наполеону так, как ей сказали повиноваться ему, принимала его ласки, ела четыре или пять раз в день, родила ему ребенка, ссылаясь на свое здоровье, чтобы не рожать больше, мало беспокоилась о его неудачах, ушла от него, когда ее отец потребовал, чтобы она ушла от него, сошлась с другим мужчиной, которого выбрал ее отец, жила с ним в большом довольстве и родила ему нескольких детей.

* * * * *

Все более тяжелым становилось для Наполеона бремя его семьи. Иосифу в Испании требовались огромные армии и огромные субсидии, чтобы содержать себя там, и его переписка с братом была одним долгим, скорбным воплем о “большем”. Безрассудные расточительства Иеронима в Вестфалии шокировали Германию, навлекая упрек на Империю. Люсьен внес свою долю озорства, поощряя дурной нрав папы. Полина, Каролина, Элиза были таким количеством шипов во плоти, таким количеством более или менее острых неприятностей. Шурин Мюрат своей гордыней, хвастовством и жалобами вызывал отвращение у друзей императора, возбуждая зависть среди старых товарищей, которые так и не стали королями. Мать Летиция, как и мать Вашингтона, жаловалась, что прославленный сын недостаточно сделал для автора своего существа. Дядя Феш, теперь кардинал, впитал в себя всю суть своего духовенства и доводил племянника до бешенства, выступая против него в ссоре с Римом.

И чтобы завершить кульминацию и разрекламировать семейную вражду на весь мир, Луи Бонапарт покинул трон Голландии, тайно покинул страну и отправился, почти как беглец, “испить воды” в Теплице в Богемии. В течение нескольких дней даже не было известно, что с ним стало.

Горе, гнев и унижение императора были крайними. Ошеломленный ударом, нанесенным ему братом, он сказал прерывающимся голосом: “Подумать только, что Людовик должен вернуть мне это! Когда я был бедным лейтенантом артиллерии, я делил с ним свое скудное жалованье, кормил его, учил, как если бы он был моим сыном”. И этот сварливый, неблагодарный Людовик навлек позор на императора и Империю! Почему? Потому что брат, вложивший ему в руки скипетр, хотел, чтобы он правил Голландией как провинцией Империи, в соответствии с политикой Империи, разделяя все блага Империи и разделяя также ее бремя! Поскольку Наполеон не согласился бы, чтобы Голландия нарушила континентальную систему и стала практически союзником Англии в великой борьбе за национальное превосходство, Людовик отказался от короны и уехал пить минеральную воду в Богемию.

Этот Людовик, должно быть, был очень несносным смертным в общих чертах. Поддавшись влиянию своего брата, он женился на Гортензии, дочери Жозефины. Любви не было ни до этого брака, ни после. Несмотря на неоднократные, терпеливые усилия Наполеона, эти двое никогда не могли гармонизировать. С основанием или без, Людовик подозревал добродетель своей жены. Отвратительный слух сообщал, что первый ребенок Гортензии был зачат не Людовиком, а Наполеоном. Младший брат, возможно, и не поверил этой истории, но нежность бездетного старшего брата к сыну младшего привлекла внимание и вызвала реплики. Ребенок был многообещающим мальчиком; его называли в честь его дяди Наполеона, и он преданно любил этого дядю. Малыш входил в комнату Наполеона, надевал шляпу императора, брал его шпагу, перекидывал ремень через плечи и, насвистывая военную мелодию, маршировал по-военному, волоча шпагу по полу. И Наполеон приходил в экстаз и восклицал, потирая руки: “Посмотрите на него! Посмотрите на красивую картину!”

Его любовь к мальчику росла вместе с ростом мальчика, и Наполеон предложил сделать его королем Италии, готовясь, несомненно, к принятию его в качестве наследника империи. Людовик и слышать об этом не хотел. Поставил своего сына выше *него*? Дал своему ребенку трон, когда у него самого его не было? Никогда в мире! Поэтому он категорически возразил, сказав своему брату с беспримечной дерзостью: “Такая милость с твоей стороны к этому ребенку возродила бы слухи о том, что ты его отец”.

Стоит ли удивляться, что характер Наполеона вышел из-под контроля и что он схватил Людовика за туловище и вышвырнул его за дверь?

Маленький Наполеон умер, Гортензия рассталась со своим невыносимым супругом и жила своей жизнью с неким герцогом де Флао, знаменитым своими стройными ногами, — настолько быстро, что они вырвали у императора восклицание по поводу Флао и “его вечных ног”. Трон Голландии был вакантен: что оставалось делать Наполеону? Отдать его кому-то другому, кто был бы таким же неблагодарным, каким был Людовик? Полностью отказаться от него и увидеть, как Англия закрепится там?

Чтобы избежать дилеммы, Голландия была присоединена к империи (июль 1810 г.).

* * * * *

Королевская династия Швеции была на грани вымирания. Возникла необходимость обеспечить преемственность. Шведы решили выбрать наследного принца из числа знаменитых французов, стоявших вокруг трона Наполеона. Они хотели завоевать расположение и защиту Наполеона, выбрав одного из его фаворитов, и их заставили поверить, что они не могли угодить ему больше, чем выбором Бернадотта.

Не будь это дело столь серьезно, оно было бы комичным до последней степени. Маршалом, которого Наполеон больше всего ненавидел и которому не доверял, был Бернадот. Маршалом, который больше всего завидовал императору, больше всего ненавидел его, больше всего жаждал предать его, был Бернадотт. Он участвовал в заговоре против своего шефа во время консульства и избежал военного трибунала, потому что они с Жозефом Бонапартом были женаты на сестрах. Он бросил Даву на произвол судьбы при Ауэрштедте, подверг опасности армию, хладнокровно бросив тридцать тысяч французов сражаться с шестидесятью тысячами пруссаков, даже рукой не подняв, чтобы помочь французам. Ему снова удалось сбежать; он был членом семьи Бонапартов.

В Ваграме его поведение было таким мрачно-подозрительным, его заявление о победе там, где он с треском провалил выполнение своего долга, было таким дерзким, что Наполеон с позором отправил его домой. Но снова возобладало влияние семьи, и он был назначен губернатором Рима.

Шведы не следили за ходом этих событий, и когда агенты Бернадотта выдвинули им аргумент, что он был членом семьи Бонапартов и фаворитом императора, отрицать было некого. Наполеон знал, что происходит. Он один мог бы исправить положение шведов и пресечь интригу в зародыше. Почему он этого не сделал? Абсолютно удовлетворительного ответа дать невозможно. Одно его слово сделало бы любого другого мужчину королевским принцем Швеции, но он промолчал. С апатичным презрением он наблюдал, как Бернадотт возился с проводами, все это время чувствуя, что успех Бернадотта станет несчастьем для Франции. Он не

только отказался вмешиваться, не только отказался исправить ложные представления, на основании которых действовали шведы, но и дал свое официальное согласие, когда об этом спросили, и предоставил Бернадотту 400 000 долларов, чтобы он мог соответствующим образом экипироваться и вступить во владение своим новым достоинством.

* * * * *

Через несколько месяцев после второй женитьбы Наполеона он и императрица выступили спонсорами крещения нескольких младенцев его великих офицеров. Когда церемония крещения была завершена, император повернулся к нескольким своим близким друзьям и сказал, потирая руки, как он делал, когда бывал очень доволен: “Надеюсь, джентльмены, вскоре у нас появится еще один ребенок для крещения”.

Эта радостная весть постепенно распространилась, и вся французская нация начала с чувством надежды и удовлетворения ожидать рождения наследника Наполеона.

19 марта 1811 года императрица почувствовала первые боли, и “дворец пришел в трепет”. На следующее утро рано наступил кризис. Наполеон выскочил из ванны и, накинув халат, поспешил в комнату своей жены, сказав взволнованному дежурному врачу: “Ну же, Дюбуа, не теряй головы”. Он нежно обнял страдающую императрицу, но, не в силах вынести вида ее страданий, вышел в другую комнату, где стоял, бледный и дрожащий, ожидая продолжения. Когда врач сообщил, что, возможно, потребуется операция и что тем или иным человеком, матерью или ребенком, возможно, придется пожертвовать, Наполеон без колебаний ответил: “Спасите мать, это ее право”.

Чтобы успокоить их, он сказал: “Забудьте, что вы оперируете императрицу. Обращайтесь с ней, как с женой какого-нибудь лавочника”.

Наконец жестокое испытание закончилось, ребенок благополучно родился, и мать почувствовала облегчение. Император бросился к ее ложу и покрыл ее ласками. Он был переполнен радостью, его лицо сияло от восторга. “Ну, Констант, у нас большой мальчик!” - крикнул он своему камердинеру; а всем остальным, когда он их встречал, он продолжал восторженно повторять: “У нас большой мальчик!” Очень, очень человечным был этот “корсиканский людоед” Наполеон Бонапарт.

Если верить словам и взглядам, воин при Аустерлице, податель корон и королевств, никогда не был так счастлив, как тогда, когда взял своего сына на руки, нежно поцеловал его и, протягивая придворным, гордо произнес: “Господа, король Рима!”

Весь Париж с напряженным вниманием прислушивался к звону огромных колоколов Собора Парижской Богоматери; колокольная отвечала на колокольный звон, пока все церкви не присоединились к хору. Весь Париж прислушивался к пушечному залпу, считая выстрел за выстрелом: ведь если бы ребенок был девочкой, выстрелы прекратились бы на двадцати одном; если мальчиком, их было бы сто. При звуке двадцать второго выстрела раздался всеобщий крик радости и поздравлений. “Шляпы взлетали в воздух, люди бежали навстречу совершенно незнакомым людям и, обнимая друг друга, кричали: *“Да здравствует император!* Старые солдаты проливали слезы радости”.

За занавеской на окне дворца стоял Наполеон, наблюдая за этим проявлением восторженной радости. “Его глаза наполнились слезами, и он пришел в таком состоянии, чтобы поцеловать своего сына”.

Никогда еще рождение наследника престола не вызывало такого народного ликования. Города, поселки, частные жилища были освещены не только во Франции, но и по всей империи. Курьеры прискакали новостями к иностранным дворам. Поздравления посыпались в Тюильри со всех четырех сторон света. Император, казалось, “блуждал посреди восхитительного сна”. Он был самым могущественным монархом на земле; его жена была “дочерью цезарей”; его сын, его долгожданный сын, был сильным и красивым — “король Рима”! Воображение Наполеона было в огне; человеческое величие он довел до предела.

Его память, возможно, перенеслась на далекую Корсику и в тот день 1769 года, когда мать произвела его на свет лежащим на полу “на жалком коврике”. От того смутного периода к нынешнему - какой шаг вперед!

Если Наполеон был добр и снисходителен к бесплодной Жозефине, то какова же была его нежность к плодovитой Марии! Он почти душил ее ласками и почти, если не совсем, утомил вниманием. Что касается его мальчика, то ничто не могло быть более трогательным, чем его безграничная гордость за него, его бесконечное терпение по отношению к нему, его глубокая отеческая нежность к нему.

Ничто не могло удовлетворить императора, кроме того, что Жозефина должна увидеть его мальчика. Мария не должна знать; Мария ревнует к бывшей императрице. Однажды Наполеон приказал тайно отнести своего ребенка в Багатель. Там была Жозефина. Ей представили маленького римского короля. Была ли она завистлива? Не так. Она взяла ребенка на руки, прижимала его к себе, целовала, плакала над ним, лепетала с ним “детский лепет”, лаская его с “невыразимой нежностью”, как будто это был ее собственный ребенок. Бедная Жозефина! Сурово правдивые историки рассказали нам о неверности, недостатке честности и щепетильности. С болью и прискорбием мы должны рассказать историю этих людей так, как она рассказана нам; но давайте как можно быстрее перевернем картину и посмотрим на другую сторону — ибо есть другая, более яркая.

Это была настоящая женственность в ее лучшем проявлении, когда бесплодная, брошенная жена продолжала любить мужа, который ее бросил; которая любила и ласкала отпрыска от другого брака с большей нежностью, чем когда-либо проявляла собственная мать ребенка; которая оставалась верной Наполеону в мрачные дни, когда вторая жена была неверной; которая безутешно скорбела о его падении и хотела разделить с ним изгнание.

Эта запись всегда будет говорить за Жозефину; она всегда будет говорить и за Наполеона.

Констант рассказывает: “Однажды, когда Бонапарт вернулся с охоты очень усталый, он послал попросить Марию Луизу прийти и повидаться с ним. Она пришла. Император обнял ее и сердечно поцеловал в щеку. Мария взяла свой носовой платок и вытерла его.

“Ну что, Луиза, - сказал император, - значит, я вызываю у тебя отвращение?”

“Нет, ’ ответила императрица, ‘ у меня есть привычка так вытираться. То же самое я делаю с королем Рима’. Император казался недовольным.

Жена и мать, стирающая поцелуи мужа и ребенка, этим поступком так полно раскрывает свой характер, что комментарии излишни.

ГЛАВА XXXV

“У моего надсмотрщика нет кишечника; такова природа вещей”. Это замечание, сделанное Наполеоном задолго до развода, теперь должно было подтвердиться с последствиями, пагубными для Европы и для него самого. Война 1812 года была той, к которой он не испытывал энтузиазма и в которую его втянули почти непреодолимые обстоятельства. Меттерниху он сказал: “Я начну войну с Россией по причинам, которые лежат за пределами человеческих возможностей, потому что они коренятся в самом деле”.

Французский император чувствовал себя преданным своей континентальной системе. На карту были поставлены его гордость, его обещание, его самосохранение. До тех пор, пока Англия могла вести с ним войну и объединять против него королей и кабинеты министров Континента, его империя никогда не была бы в безопасности. Он мог бы пережить бурю ценой собственной жизни, но тот же бесконечный антагонизм, та же неумолимая ненависть будут преследовать его преемника. Чтобы укрепить свой трон, он должен был заключить мир с Великобританией: этого мира он не мог добиться, пока не завоюет ее; не имея флота, он мог только “завоевать море на суше”, и его единственной надеждой добиться этого было добиться континентального бойкота английских мануфактур. Если бы он мог закрыть все континентальные порты для британских товаров, он бы морил Англию голодом, чтобы добиться мира. Но пока континентальные порты были закрыты лишь частично, его политика была бы провальной. Господство на морском побережье было его главной целью, отсюда вторжение в Испанию и Португалию, аннексия Голландии, иллирийских провинций и герцогства Ольденберг.

Мотивом Наполеона, предоставившего Александру такие либеральные условия в Тильзите, было желание заполучить еще одного приверженца континентальной системы. Царь воспользовался преимуществами договора и снял с себя его бремя. Его сотрудничество с Наполеоном в войне 1809 года было не чем иным, как насмешкой, и когда русские помещики выступили против континентальной системы, Александр начал смягчать ее. Когда император пожаловался на это нарушение договора, царь возразил, что сам Наполеон не насаждал свою систему, что он допускал ее нарушения — реплика, в которой было достаточно язвительной правды.

Благодаря обширной системе контрабанды, неправильному использованию нейтрального флага и подделке нейтральных документов английские товары продолжали поступать на Континент. Если Наполеон не сможет положить этому конец, он может с таким же успехом отказаться от участия в соревновании. В октябре 1810 года он написал царю, призывая его захватить эти так называемые нейтральные корабли, утверждая, что они английские. “Какие бы документы они ни перевозили, ваше величество может быть уверено, что они английские”. Теперь признано, что это утверждение императора было по существу правильным. Царь отказался, и, чтобы сделать свой отказ еще более обидным, он издал указ, разрешающий ввоз

колониальных товаров, в то время как фактически запрещающий французские вина и шелка. Более ясного объявления коммерческой войны он не мог бы сделать. Он должен был знать, что это приведет к столкновению с оружием в руках. Во всяком случае, вся линия поведения царя с 1810 года была линией монарха, готовящегося к большой войне. Это было в 1810 году, когда он зондировал поляков, пытаясь узнать, встанут ли они на сторону России в борьбе с Наполеоном. Его армии были увеличены, крепости укреплены, и он предпринял тайные подступы к Англии и Австрии.

В дополнение к континентальной системе были и другие претензии. Наполеон присоединил Галицию к Великому герцогству Варшавскому после Венского мирного договора 1809 года в нарушение своего соглашения с царем. Он вступил во владение Ольденбергом, герцог которого женился на сестре царя. В каждом из этих случаев император предлагал объяснения, и он предложил Ольденбергу эквивалент в Германии; но сами сделки врезались в память россиян — хотя на самом деле у нее не было права возражать против обращения Наполеона с Ольденбергом, который был членом его Рейнской конфедерации; и хотя она приняла из его рук значительное увеличение территории в качестве платы за свою вялую поддержку в войне 1809 года.

В вопросе о браке возникло раздражение: Наполеон подозревал, что Александр намеревался повременить, а затем отказаться, в то время как царь полагал, что император ухаживает за двумя принцессами одновременно, и хладнокровно уравнивал русскую и австрийскую. Это не было правдой, но было близко к ней. Семейный совет Наполеонов обсудил два союза, исходя из предположения, что император может выбрать любой из них, и принял решение в пользу Габсбургов. Александр, Романов, поэтому чувствовал себя оскорбленным. Фактически, после этого второго брака Наполеона царь поверил, что война неизбежна. Тем не менее, вина даже здесь была на царе. Наполеон спрашивал о своей сестре и имел право на положительный ответ. Отсрочка на неопределенный срок, без какого-либо обещания, была для человека в положении Наполеона вежливым способом отказа.

Разрыва по-прежнему не было. Дипломатические отношения были напряженными, заговорили о войне, начались приготовления, но дипломатия все еще надеялась решить проблему. Последняя ссора, по-видимому, произошла из-за формулировки нового договора. Александр хотел, чтобы Наполеон сказал, что “Польша никогда не будет восстановлена”. Как император мог гарантировать такое? Он не был Судьбой. Он не мог предвидеть, что могут сделать другие и со Временем. Он был готов пообещать, что он никогда не восстановит Польшу и не будет помогать в ее восстановлении. Он написал это обещание в самых решительных выражениях. Царь вычеркнул поправку, переписал оригинал: “Польша никогда не будет восстановлена”, и потребовал подписи Наполеона.

Было ли это оскорблением или нет? На этом дело, насколько можно судить по фактическому разрыву, и заканчивается. Наполеон считал унижением подписывать такую неопределенную, безапелляционную гарантию; он считал оскорблением для царя так явно показывать, что он сомневается в его словах.

Англия, конечно, все это время жужжала русским в ухо. Ее агенты перевернули небо и землю, чтобы заставить “двух хулиганов” подраться. Независимо от того, кто одержит верх, Великобритания окажется в выигрыше. Она боялась Франции на Континенте, России на

границе с Индией. Поединок между этими колоссальными державами истощил бы обе, сделав Англию еще более сильной по сравнению с ними.

Россия и Турция вели войну на Дунае. Христиане делали все возможное, чтобы освободить от язычников несколько тысяч квадратных миль земли. Англия приложила все усилия, чтобы добиться мира между турцией и Россией, чтобы у царя в тылу не было войны, как у Наполеона в Испании.

Говорят, что поддельное письмо, в котором Наполеона заставили заявить, что он согласен на раздел Турции, было продемонстрировано в Константинополе. У турка были свои подозрения относительно этого письма; но англичанин поклялся, что узнал почерк Наполеона. По какой-то странной небрежности у Франции в этот критический момент не было посла в Турции. Андреосси был назначен, отправился в путь, но ждал в Лайбахе своих верительных грамот. Когда они, наконец, прибыли, и он направился в Константинополь, было уже слишком поздно.

Еще до объявления войны и пока правительства двух стран все еще поддерживали дипломатические отношения, царь послал агента в Париж, который выдавал себя за посланника и работал шпионом. Этот человек, Чернышев, подкупил клерка французского военного министерства, чтобы тот украл полный отчет о французских силах, диспозиции, снаряжении и т.д. Клерк был застрелен; благородный русский спасся внезапным, тайным и стремительным бегством.

Практически в то же время Наполеону в Санкт-Петербурге столь же хорошо служил шпион, который украл "штаты" русских армий и листы, с которых были напечатаны большие карты России. По этим листам Наполеон снабдил своих генералов картами для русской кампании.

Наполеон полностью осознал характер задачи, стоявшей перед ним в соперничестве с Россией. Защищаться в Италии, Германии или даже Польше от царя - это одно; вторгнуться в эту огромную империю с целью захвата ее столицы и принудить ее подписать такие договоры, какие он навязал Австрии и Пруссии, было совершенно другой задачей — задачей колоссальной, если не ужасающей. Никто не знал этого лучше Наполеона, и его приготовления были проведены в таких масштабах, каких Европа никогда не видела.

На смену работе солдата пришла работа дипломата. И Россия, и Франция стремились к союзу. Великобритания, конечно, была искренне на стороне царя. Швеция, контролируемая Бернадотом, заняла ту же сторону. Он потребовал, в качестве цены за свой союз, чтобы Наполеон отдал ему Норвегию, тем самым разорив датчан. Император отказался, но предложил Финляндию, которую захватила Россия. Царь пообещал Норвегии, и таким образом француз Бернадот, который, вероятно, еще не истратил все деньги, которыми снабдил его Наполеон, когда он отправился в Швецию, пообещал свою поддержку врагам Франции. Со всех практических точек зрения Россия также стала союзником Турции. Казалось настолько невероятным, что Турция заключит мир со своим исконным врагом в тот самый момент, когда у нее была лучшая возможность, которую когда-либо предоставляла судьба за всю долгую борьбу, что Наполеон даже не рассчитывал на такое событие. Это застало его совершенно врасплох.

Турецкие воспоминания о Тильзите и Эрфурте, турецкие опасения по поводу других сделок того же рода и турецкий страх перед английской бомбардировкой Константинополя, который

находился под угрозой, привели к заключению неожиданного договора, который дал России армию для броска на фланг Наполеону.

В дополнение к этим преимуществам у царя было еще одно, и чрезвычайно важное — война в Испании. На полуострове находилось триста тысяч французских солдат и десятки лучших офицеров, которыми могла похвастаться Империя.

Александр, должно быть, казалось, что было бы поистине чудом, если бы Наполеон смог выдержать два таких грандиозных сражения на таком большом расстоянии друг от друга, одно на крайнем юге, другое на крайнем севере. Даже Наполеон, казалось, устал от своих огромных задач, и было слышно, как он говорил: “Лук перегнут”.

Но при подготовке к соревнованию он, несомненно, творил чудеса. Его вооружение было настолько внушительным, что Австрия и Пруссия поверили, что он добьется успеха, и связали свою судьбу с французами. Каждый согласился предоставить контингенты: император Франциск заверил своего зятя, что он может “полностью положиться на Австрию в победе общего дела”, а король Пруссии поклялся в своей “непоколебимой верности”. На эти сломанные тростинки проницательный император, по всей вероятности, не собирался сильно опираться. Вскоре события должны были доказать, что они вообще не будут иметь никакого значения.

Прежде чем встать во главе своей армии, Наполеон провел грандиозное собрание своих союзников в Дрездене (май 1812 года). Это было самое впечатляющее и последнее из наполеоновских представлений, на котором вассальные князья собирались вокруг него и оказывали ему почести. В сопровождении императрицы Марии Луизы он покинул Сен-Клу 9 мая, 14-го достиг Майнца, а оттуда триумфально проследовал в столицу Саксонии. Князья Рейнской конфедерации поспешили встретить своего сюзерена; “многие даже пришли подождать их на дороге, среди прочих король Вюртемберга и великий герцог Бадена”. Король и королева Саксонии вышли из Дрездена им навстречу, и факельная процессия сопровождала их в город. На следующий день прибыли император и императрица Австрии и эрцгерцоги; вслед за ними прибыли король и наследный принц Пруссии, королева Вестфалии и множество принцев, вельмож и высокопоставленных лиц. “Великолепие двора,” говорит очевидец, “придавало Наполеону вид какого-то легендарного Великого магната. Как и в Тильзите, он осыпал всех великолепными подарками. На его дамбах правящие принцы часами танцевали в надежде удостоиться аудиенции. Каждая страна прислала свой контингент. Все смотрели только на Наполеона. Народ толпами собирался перед дворцами, следя за каждым его движением и преследуя его по улицам в ежечасном ожидании какого-нибудь великого события”.

Наследный принц Пруссии умолял о привилегии служить в императорском штабе, но получил отказ. Наполеон, несомненно, считал предстоящую ему кампанию достаточно рискованной и без присутствия возможного шпиона в его семье военного.

Наполеон больше не был тем человеком, каким был в своих предыдущих кампаниях. Он растолстел, стал подвержен приступам усталости и мучительной болезни дизурии. Его планы были прекрасны, как всегда, но исполнение было совсем не таким, как раньше. Он больше не уделял такого личного внимания деталям; нерешительность иногда парализовывала его комбинации.

И его генералы не соответствовали своим прежним стандартам. Он сделал их слишком богатыми. Они баловали себя и обленились. У них не хватило духу для войны в России, они неохотно присоединились к своим командирам и работали без рвения. Их армию нельзя было сравнить с армиями при Аустерлице, Йене и Ваграме. В его шестисоттысячном войске было всего двести тысяч французов, остальные состояли из немцев из Рейнской конфедерации, пруссаков, австрийцев, итальянцев, поляков, швейцарцев, голландцев и даже испанцев и португальцев. В таком разношерстном войске не могло быть сплоченности, силы общей цели, которые могли бы выдержать серьезное напряжение. Даже французские солдаты, какими бы великолепными они, несомненно, ни были, не были воодушевлены тем же духом, что прежде. Причины войны были за пределами их понимания, даже генералы считали, что континентальная система не стоит того, чтобы из-за нее воевать. Англия, находящаяся на грани коммерческого краха, могла бы знать лучше: Наполеон, безусловно, знал лучше; но для среднего француза претензии с обеих сторон были слишком расплывчатыми и абстрактными, чтобы оправдать столь масштабный конфликт.

Объявление войны не было опубликовано, ни царь, ни император еще не взяли на себя полностью никаких обязательств, и тешились надеждой, что еще можно будет договориться об условиях. Но когда испачканная дорожными пятнами карета графа Нарбонна въехала в Дрезден, и он объявил, что Александр отказался вносить какие-либо изменения в свое отношение, перед Наполеоном встал вопрос о том, отступить или сражаться. Царь был полон решимости не начинать войну; в равной степени он был полон решимости не выполнять договор, заключенный в Тильзите. Точно так же, как Англия удержала Мальту после того, как пообещала отказаться от нее, Россия была полна решимости отвергнуть континентальную систему, которую она обещала поддерживать, и выступить против нее.

На острове Святой Елены Наполеон сказал, что он и Александр были похожи на двух хулиганов, каждый из которых пытался напугать другого и ни один не хотел драться. Судя по тому, как Наполеон продолжал колебаться и посылать гонцов после того, как все его приготовления были завершены, можно подумать, что он, по крайней мере, до последнего надеялся, что соглашение может быть достигнуто. Отчет Нарбонна положил конец сомнениям.

Необходимо смириться с нарушением Александром континентальной системы, что приведет к крушению всей политики Наполеона, или должна начаться война. Император зашел слишком далеко, чтобы остановиться. Что сказал бы мир, если бы после таких гигантских приготовлений он отказался от предприятия, не добившись ни единой уступки? Сама “природа вещей” толкала его вперед, и, отменив дрезденскую конференцию, он направил свое войско к Неману.

Говорит генерал Марбо: “Когда 24 июня взошло солнце, мы стали свидетелями весьма впечатляющего зрелища. На самой высокой точке у левого берега были видны палатки императора. Вокруг них склоны каждого холма и долины между ними были заполнены людьми и лошадьми, сверкающими оружием”. Под звуки музыки военных оркестров “орлы” понеслись вперед, и под оком повелителя четверть миллиона солдат начали топтать по мостам, выкрикивая: “Да здравствует император!” Вскоре сам Наполеон пересек мост и во весь опор поскакал через лес на своем арабе, как будто ему доставляло удовольствие находиться на русской земле.

Русские не предприняли никаких попыток остановить захватчиков. Введенные в заблуждение относительно плана кампании Наполеона, их армии были рассеяны и вскоре оказались втянуты

в серьезнейшую опасность. Если бы не ужасные ошибки Жерома Бонапарта и Жюно, русские войска под командованием Баркляя де Толли были бы отрезаны и уничтожены. Если бы это было сделано, он мог бы, как и Ульм, оказаться решающим. Но Наполеон не смог усовершенствовать свои комбинации: русские армии бежали, объединились, и началась долгая кампания.

Годом ранее в этой части России не было урожая, и земля была скудно снабжена провизией. Отступая, царские войска опустошили страну; поэтому захватчики почти сразу же начали страдать, поскольку их комиссариат не мог выдержать такой огромной нагрузки, как прокорм полумиллиона человек и ста тысяч лошадей. Летняя жара была удушающей. Люди и лошади изнемогали под ней. Один писатель рисует нам самого Наполеона, раздетого до рубашки и лежащего поперек кровати, тяжело дышащего и неподвижного от жары. Последовали потоки дождя. Дороги были разбиты, превратившись в сплошные лужи грязи. Дезертирство, отставание, смертельные случаи, мародерство стали настолько ужасающими, что офицер, подошедший с резервами, заявил, что маршрут, по которому прошла Великая армия, был похож на маршрут побежденного врага. Десять тысяч лошадей погибли из-за нехватки фуража между Неманом и Вильно. После наводнения снова наступила знойная погода и удушливая дорожная пыль. Больницы были переполнены больными. Дисциплина была слабой, движения медленными и неуверенными. Царила языковая неразбериха, нарастающая неразбериха, ссоры среди офицеров и большие колебания в самом императоре.

В Вильне польский вопрос снова встал перед ним. Он снова тянул время. Он смертельно оскорбил царя, расширив Великое герцогство Варшавское, постоянно угрожая России возрожденной и мстительной Польшей. Теперь он охладил пыл поляков, на неопределенный срок отложив день их освобождения. Когда впоследствии он осознал, насколько чрезвычайно эффективной была бы объединенная Польша в смертельной борьбе с царем, он, должно быть, внутренне проклял узы, которые связывали ему руки, — союзы с Пруссией и Австрией. Очень откровенно и с большой честью он сказал польской делегации, что его отношения с этими двумя державами сделали для него невозможным восстановление их национальной независимости.

Находясь в Вильне, Наполеон принял посланника от царя, который предложил, что, если французы снова перейдут Неман, условия мира могут быть согласованы. Такое предложение казалось совершенно односторонним, оно давало существенные преимущества Александру и ничего не гарантировало Наполеону. Поэтому оно было отклонено.

Задержавшись в Вильне с 28 июня по 16 июля - потеря времени, которую, по мнению лорда Уолсли, “невозможно объяснить, если вспомнить, как поздно было в тот год, когда он начал кампанию”, - император двинулся маршем на Витебск. Именно здесь он узнал, что Россия заключила соглашение со Швецией и Турцией.

Именно в этом месте, по словам Сегюра, император воскликнул: “Я здесь, и здесь я останусь”, сняв свой меч и бросив его на стол. Он преследовал русских на некотором расстоянии от города, но не смог втянуть их в ожесточенный бой и теперь вернулся в штаб. “Я останусь здесь на зиму, пополню свою армию, дам ей отдых и организую Польшу. Кампания 1812 года подходит к концу”. Повернувшись к неаполитанскому королю, он продолжил: “Мюрат, первая русская кампания окончена. Мы установим здесь наши штандарты. Мы укрепим траншеи и

расквартируем войска. 1813 год застигнет нас в Москве; 1814 год — в Санкт-Петербурге - война с Россией длится три года!”

Но вскоре его охватила нерешительность. Мысль о восьми месяцах бездействия, когда Великая армия находилась в обороне, стала невыносимой. Что скажет мир? “Европа скажет: “Он остался в Витебске, потому что *осмелился* не наступать’. Должен ли я дать России время вооружиться? Как мы можем уйти на зимние квартиры в июле? Давайте предотвратим зиму! В Москве мир. Почему мы должны оставаться здесь восемь месяцев, бездействуя и подвергаясь коварным интригам в тылу, когда мы можем достичь нашей цели за двадцать дней?”

Ему не удалось убедить своих маршалов; они выступали против наступления, но он гневно отменил их возражения в сторону.

Дюроку он сказал, что поедет в Смоленск и там перезимует. Жалуясь, что его генералы устали от войны, что он сделал их слишком богатыми, что они не могут думать ни о чем, кроме удовольствий от охоты в своих поместьях и возможности покаресоваться в роскошных экипажах в Париже, он приказал наступать на Смоленск. И снова ему не удалось добиться столь желанного решающего сражения. Русские упорно сражались с его авангардом и нанесли тяжелые потери, но ночью продолжили отступление. Французы нашли Смоленск грудой дымящихся руин; его обстреляли французские снаряды и русские патриоты.

Много говорилось о предполагаемом плане России заманить Наполеона в страну и уничтожить его голодной смертью. Факт, по-видимому, заключается в том, что русские отступили, потому что ничего не могли с этим поделать. Они сражались часто и отчаянно. Сам царь прибыл в армию с явной целью вдохновить ее на борьбу. Будучи в меньшинстве и разбитая, она отступила, опустошая страну на ходу; но очевидные факты показывают, что русские сделали все, что было в их силах, чтобы остановить вторжение. Предполагаемая политика кампании по “заманиванию Наполеона на верную гибель” - вымысел.

У Смоленска Наполеон был не больше желания останавливаться, чем у Витебска. В Москве воцарился Мир; он должен продвигаться вперед; он должен разбить врага в крупном сражении и дать своему другу, царю, оправдание перед своим народом, без которого он не осмелился бы пойти на соглашение. Снова вспыхнули горячие споры между императором и его маршалами. Мюрат в сильном гневе предсказал, что, если армия будет отброшена к Москве, она будет потеряна. Но приказ был повелительным: “На Москву!” — и армия двинулась маршем.

Царь или те, кто его контролировал, были недовольны тем, как проводилась кампания на их стороне. Было слишком много отступлений и недостаточно сражений. Кутузов был назначен командующим с пониманием того, что он должен дать сражение — факт, который сам по себе, казалось бы, опровергает теорию о том, что Наполеона “заманили” вглубь страны в политических целях.

При Бородино русские преградили дорогу к “Матушке Москве”: и здесь разыгралось ожесточенное сражение. Под канонаду, которая была слышна на восемьдесят миль, четверть миллиона человек резали здесь друг друга весь день 7 сентября, пока семьдесят тысяч не легли мертвыми или ранеными. Ночь положила конец кровавой бойне, и на следующее утро русские снова отступили.

Во время этого знаменитого сражения Наполеон оставался сидеть или медленно расхаживал взад и вперед на одном месте, где принимал донесения и отдавал приказы. Он говорил мало и казался больным. На самом деле, он был больным человеком, страдающим от сильной простуды и жалоб на мочевой пузырь. Он не проявлял никакой активности и предоставил битву своим маршалам. В три часа пополудни русские подтянули свои последние резервы и повсюду терпели бедствие — их вытеснили из своих укреплений, и им угрожала гибель, если французские резервы пойдут в атаку. Ней, Мюрат, Даву - все требовали гвардии, резерва императора. Он колебался. Они послали снова, и он все еще колебался. “Сир!” сказал Бессьер, командующий гвардией, - помните, что вы находитесь в восьмистах лье от своей столицы”. Наполеон отказался от гвардии. Ней был поражен, взбешен: “Что это значит? Что император делает в тылу? Если он устал сражаться, пусть возвращается в свой проклятый Тюильри и предоставляет нам делать то, что необходимо!”

Таким образом, гвардия так и не сделала ни единого выстрела, сражение осталось незавершенным, и русские отступили в полном порядке, хотя могли быть уничтожены. Военные критики говорят, что император допустил две грубые ошибки при Бородино: во-первых, наложив вето на предложение Даву обойти русских с фланга и зайти им в тыл; и, во-вторых, не используя свои резервы.

Той ночью император пытался диктовать приказы, но не смог. Он слишком охрип, чтобы говорить. Он был вынужден писать; и он принялся за дело, быстро записывая и бросая клочки бумаги на стол. Секретари медленно расшифровывали эти каракули и переписывали их так быстро, как только могли. По мере накопления бумаг Наполеон стучал по своему столу, чтобы секретари убрали их. Двенадцать часов он трудился, не слышно было ни звука, кроме скрежета пера Наполеона и стука его молотка.

Французы продолжали свой марш вперед и, наконец, приблизились к Москве. Наполеон вышел из кареты, сел на лошадь и поехал вперед. “Вдалеке были видны длинные колонны русской кавалерии, отступающие в хорошем порядке перед французскими войсками”. Французы шли дальше, и наконец в поле зрения показалась Москва. Это был момент гордости для Наполеона, когда он стоял на Пилигрим-Хилл, окруженный сверкающим посохом, и смотрел на башни, золотые купола огромного города, в то время как его лейтенанты и войска в диком энтузиазме кричали: “Москва! Москва!”

Было слышно, как император пробормотал: “Пора”. Очевидно, его величайшее предприятие увенчалось успехом. Его долгий триумфальный поход в Азию будет поставлен в один ряд с походом Александра. Теперь Россия запросила бы мира, условия были бы легко согласованы, последовало бы объединение континента, и Англия снова оказалась бы островом, а не империей.

Но вскоре стало очевидно, что Москва не похожа на Берлин или Вену. Здесь не было толп зрителей, которые глазели бы на победителей. Улицы были тихими и пустыми. Дома были пустынные. Здесь был огромный город без жителей. Французы были ошеломлены. Наполеон сначала отказывался верить: “Это было нелепо”. Завоеватели маршировали по улицам, военные оркестры играли “За нами победа”, но бескрайнее одиночество внушало им благоговейный трепет, когда они маршировали.

Однако вид Кремля вызвал у завоевателя трепет ликования. “Наконец-то я здесь! И вот я в Москве, в древнем царском дворце! в самом Кремле!”

Почти сразу же, несмотря на все, что мог сделать Наполеон, началось массовое разграбление города. Дисциплина ослабла, и мародеры ворвались в пустующие дома в поисках добычи. Посреди ночи 16 сентября спящий Наполеон был разбужен и подбежал к окну Кремля криком “Пожар!”. Пламя, питавшееся деревянными домами и раздуваемое сильным ветром, не поддавалось контролю и наводило ужас на завоевателей. Как описал сам Наполеон на острове Святой Елены, “Это было зрелище моря и огненных волн, неба и огненных облаков, гор красного, перекатывающегося огня, подобных огромным океанским волнам, которые попеременно вырывались вперед и поднимались к огненным небесам, а затем погружались в океан огня внизу. О, это было самое грандиозное, возвышенное, ужасное зрелище, которое когда-либо видел мир!”

Русские говорят, что город сожгли французы; французы говорят, что это сделали русские. Французские офицеры самым решительным образом утверждают, что русские поджигатели были пойманы с поличным. Несомненно, что несколько человек, захваченных таким образом, были расстреляны в качестве наказания. С другой стороны, такой выдающийся русский человек, как Толстой, утверждает, что причиной пожаров была беспечность французских солдат. Русские, которые сожгли Смоленск, чтобы лишить французов возможности им пользоваться, которые превратили линию своего отступления в пустыню, чтобы лишить французов припасов, вероятно, были поджигателями Москвы. Они сожгли его, как сожгли Смоленск и все деревни на своем пути, в качестве военной меры, которая нанесла бы ущерб захватчикам. Тот факт, что мэр Ростопчин унес с собой все приспособления для тушения пожаров, по-видимому, является убедительным косвенным доказательством.

Это ужасное бедствие, неожиданное, беспрецедентное, расстроило расчеты Наполеона. Разрушить такой город, как Смоленск, - это одно, а превратить Москву, один из величайших городов мира, в океан пламени, пустыню пепла - совсем другое. Это было ужасно: это ошеломило, ошеломило, сбilo с толку Наполеона так, как ни одно событие в его карьере. Он осознал ужасающие масштабы катастрофы и увидел себя сброшенным с вершины в пропасть.

Нерешительность уже привела к печальному опустошению кампании: нерешительность теперь довершила разорение. Наполеон восемнадцать дней медлил у Вильно; шестнадцать дней задержался у Витебска. Он колебался при Бородино, практически предоставив ведение сражения своим маршалам, отказав им в резервах. Теперь, в Москве, он бездельничал целых пять недель, когда каждый день приближал наступление двух врагов, которые до сих пор не препятствовали ему, — русской армии с Дуная и *Зимы!*

В Кремле сидел самый несчастный человек на свете. Император добрался до своей Москвы только для того, чтобы обнаружить там тюрьму. Неумолимые условия заключили его в тюрьму безжалостной хваткой. Он не мог отдохнуть, не мог заснуть, не хотел разговаривать, подолгу засиживался за столом, часами валялся на диване, держа в руке роман, который он не читал. Он, искуснейший из калькуляторов, который с детства все просчитывал, в кои-то веки просчитался во всем. Он недооценил своих друзей и врагов; ошибся в отношении русского характера; фатально неправильно истолковал характер царя. Он знал, что Александр слаб, тщеславен, колеблется; он не допускал той силы, которую сильные советники, такие как Стейн, сэр Роберт Уилсон и десятки других, могли бы придать этому колеблющемуся монарху. Он

рассчитывал обрести мир в Москве, но не обрел его. Он был уверен, что в худшем случае Москва предоставит ему обильное продовольствие и отличные зимние квартиры. Это не дало ни того, ни другого. Будучи виноват во многих жизненно важных вопросах, император был жертвой самых мрачных размышлений. Он организовал театр для своих войск, но не посетил его. Он ежедневно разъезжал по улицам на своем маленьком белом арабе, но ни с кем не разговаривал. Иногда по вечерам он играл в карты с Дюроком. Во дворце было несколько концертов: пение итальянских артистов, фортепианная музыка, но император слушал угрюмо, “с тяжелым сердцем”. Он проводил свои обзоры, раздавал награды, но выглядел бледным и суровым, почти ничего не говоря. Он обманывал себя надеждами на мир. Он отправлял послов и письма Александру — послов, которые не были приняты, на письма, на которые не было ответа. С фатальным упрямством он отказывался видеть правду о своем положении. Им овладела летаргия, неспособность принять решение. Даже легкий снежок не был достаточным предупреждением, чтобы разбудить его.

“В Кремле, ” говорит Константин, “ дни были долгими и утомительными”. Император ждал ответа царя, который так и не пришел. Его болезненная раздражительность была вызвана огромными стаями ворон и галок, которые кружили над городом. “Боже мой, - воскликнул он, - неужели они собираются преследовать нас повсюду!”

3 октября он созвал совет своих маршалов и предложил выступить в поход на Санкт-Петербург. Его офицеры выслушали холодно и выступили против него.

В каком-то отчаянии он послал Лористона к Кутузову просить о встрече с Александром, сказав своему посланнику: “Я хочу мира; вы слышите меня. Даруй мне покой. Но спаси мою честь, если сможешь!”

Хитрый Кутузов потакал Лористону, а Лористон, в свою очередь, потакал увлечению императора. Таким образом, драгоценные дни утекали, французы все еще были в Москве, приближалась зима, а две другие русские армии, одна с севера, другая с юга, неуклонно продвигались вперед, чтобы нанести удар по французской линии коммуникаций.

Наполеон хотел напасть на Кутузова, вытеснить его или уничтожить, а затем отступить к Смоленску. Его офицеры советовали не делать этого.

- Тогда что же мне делать?

“Оставайтесь здесь”, - посоветовал граф Дарю. “Превратите Москву в укрепленный лагерь и так проведите зиму. Хлеба и соли вдоволь. Мы можем добывать фураж, мы можем солить лошадей, которых не можем прокормить. Что касается жилья, то, если здесь недостаточно домов, есть много подвалов. Мы можем продержаться до весны, когда наши подкрепления, поддерживаемые вооруженной Литвой, придут на помощь и довершат наш успех”.

“Совет льва!” - воскликнул император. “Но что скажет Париж? что они будут делать? Нет, Франция не привыкла к моему отсутствию. Пруссия и Австрия воспользуются этим”.

Наконец кролик, спасающийся бегством от казака, положил конец колебаниям и привел в движение две огромные армии.

Толстой рассказывает: “14 октября казак Шаповалов, находясь на дозорной службе, выстрелил в кролика и, войдя в лес в погоне за раненым животным, наткнулся на неохраняемый левый фланг армии Мюрата” — авангард Наполеона.

Шаповалов, вернувшись в лагерь, рассказал о том, что он видел, новость достигла штаба, разведка подтвердила это заявление, и русские, поддавшись сильному искушению, нарушили перемирие, напали на неосторожного Мюрата и нанесли ему огромный урон. Если бы не разница между русскими генералами, похоже, что все силы Мюрата могли попасть в плен.

Император устраивал смотр во дворе Кремля, когда члены его свиты начали говорить друг другу, что слышали пушечную пальбу в направлении авангарда. Сначала никто не осмеливался заговорить об этом с Наполеоном. Дюрок, наконец, сделал это, и было видно, что император серьезно встревожен. Не успели возобновить смотр, как на полной скорости примчался адъютант Мюрата с докладом, что перемирие нарушено, французы застигнуты врасплох и разбиты с большими потерями.

Это было 18 октября. Наконец-то Наполеон снова стал солдатом: известие о битве побудило его к действию. Его решение было принято, полетели приказы, и еще до наступления ночи вся армия пришла в движение.

ГЛАВА XXXVI

Обремененная огромным количеством добычи, множеством сопровождающих из лагеря и огромным обозом всевозможных транспортных средств, Великая армия численностью свыше ста тысяч человек и примерно с пятьюдесятью тысячами лошадей покинула Москву. Ни люди, ни лошади не были подкованы для зимней кампании. Одежда, которую носили войска, была в основном летней. Передвижение войск было медленным из-за огромного багажа. Император хотел отступить по дороге Калуга, которая вела бы его через страну, способную обеспечить его провизией. Русские преградили им путь, и у Мало-Ярославиц французы под командованием Эжена Богарне атаковали их и разбили. Отступив на более сильную позицию, русские все еще преграждали путь. Военные критики говорят, что, если бы отступление Наполеона не было таким медленным, он бы опередил этих русских в их попытках остановить его. Если бы он сжег всю добычу, которую уносила его армия, он мог бы спасти свою армию.

Маршал Бессьер и другие, посланные вперед на разведку, доложили, что противник слишком сильно укрепился, чтобы его можно было выбить; армия должна вернуться на старую дорогу, по которой она пришла. Наполеон колебался, выслушивал донесения и советы, терял время и, наконец, дал слово отступать старым маршрутом — роковое решение. То, что видел Бессьер, по мнению некоторых авторитетных источников, было всего лишь арьергардом: Кутузов отступил, и французы могли воспользоваться новым маршрутом через Калугу.

С тяжелым сердцем император свернул на другую дорогу — ту, которая уже была расчищена при наступлении на Москву.

Русские не слишком настойчиво продолжали преследование, но Великая армия, тем не менее, растаяла как снег. Люди и лошади умирали от голода, наступала деморализация, отряды отставших были отрезаны казаками, так что после битвы при Вязьме и до любого снега или сильного холода только пятьдесят пять тысяч человек и двенадцать тысяч лошадей были пригодны к действительной службе.

6 ноября погода изменилась, и зимние ужасы накапливались. Снег, ледяные ветры, проливные дожди, нехватка пищи, отсутствие крова, свирепость преследующих врагов, бесчеловечность товарищей и приятелей, необъятные равнины, которые предстояло пересечь, глубокие реки, через которые нужно было наводить мосты, огромное бремя отчаяния, которое приходилось нести, — вот факторы самой отвратительной драмы, которую когда-либо представляла война.

Великая армия рваными фрагментами возвращалась домой, сражаясь, голодая, замерзая, встречая смерть во всех известных человеку формах. Французы выступали четырьмя дивизиями под командованием императора, Эжена, Даву и Нея. Какими бы ужасными ни были ежедневные потери в результате болезней, смертей и разрозненности, каждая из этих дивизий сохраняла свой строй и никогда не переставала сражаться, когда русские атаковали. Несгибаемое мужество, проявленное этими командирами, стойкость подчиненных офицеров, отчаянная храбрость остатков Великой армии, выделяются ярким рельефом на фоне общего мрака этого величайшего из кораблекрушений. Большую часть времени Наполеон был пеш, одетый в меха, с посохом в руке, помогавшим ему пробираться через сугробы, бесшумно маршируя вместе со своими людьми. Ничто из того, что он мог сделать, не оставалось невыполненным; но то, что он мог сделать, мало влияло на общие результаты по мере того, как они продвигались вперед. Пока они не достигли Смоленска, он был почти так же бессилен, как и остальные; после этого его превосходство спасло то, что осталось от армии.

Тяготы отступления усилились после 14 ноября, когда Смоленск остался позади. Люди падали на дороге в изнеможении, люди были ослеплены ярким светом на бескрайних снежных полях, люди сходили с ума от невыносимых тревог и невзгод похода. В тот день, когда лед порезал их одетые в тряпки или босые ноги, ветер и ледяной дождь истязали их голодные, изодранные тела. Ночью — ночами продолжительностью в шестнадцать страшных часов — костры на бивуаках были скудными и недостаточными, и когда наступало утро, круг спящих фигур вокруг этих унылых бивуаков иногда оставался вечным — сон солдата был долгим, последним.

В октябре русские пленные сказали французам: “Через две недели гвозди выпадут из ваших пальцев; вы не сможете держать оружие”. Холод был еще сильнее; отваливались не только ногти, но и руки. Вскоре пришло время, когда онемевшему французу, упавшему в канаву и жалобно умолявшему проходившего мимо товарища протянуть руку помощи, ответили: “У меня ее нет!” От рук остались только обрубки; руки бедняги были отморожены. “Но вот, держись за мой плащ”, — продолжал он, и человек в канаве, ухватившись за него, был поднят на ноги.

Подобные условия превращали мужчин в дикарей. В погоне за едой, огнем и убежищем сильные давили слабых. Обезумев от холода и голода, они дрались друг с другом, как волки, за место и провизию. Более слабые были изгнаны и погибли. Конина была обычной пищей; говорят даже, что случался каннибализм. Можно было видеть, как артиллеристы, чтобы согреться, прижимали руки к мордам своих лошадей; что касается еды, считалось, что солдату повезло, если он нашел немного муки, наполовину из грязи и мякины, в трещинах пола. Но на худших этапах этого ужасного отступления был проявлен человеческий героизм, было

человеческое сочувствие и бескорыстие. В прекрасном характере Эжена Богарне нет ничего прекраснее, чем галантность, с которой он подавал хороший пример терпения, мужества, верности и самопожертвования. С того момента, как он победил Кутузова в первом бою после Москвы, и до принятия им главного командования, от которого отказался Мюрат, его поведение было героическим. Суровый Даву, лучший из маршалов, ныне находящихся на службе, который спас бы своего господина при Бородино и который действительно вытащил его с горящих улиц Москвы, был опорой силы после начала отступления.

Другие маршалы не любили Даву; они ссорились с ним, говорили, что он медлителен, и обвиняли его в несоблюдении дисциплины. При отступлении Ней, которого Даву оставил позади, обвинил его в чем-то вроде предательства. Но Наполеон знал цену Даву, и история знает это. Внимательному исследователю этой богатой событиями эпохи невольно приходит в голову вывод, что Наполеон мог бы до самой смерти оставаться самым могущественным монархом мира, если бы прислушивался к двум людям: в гражданских делах — Камбасересу; в военных - Даву.

Что касается Мюрата, то он сражался по всему фронту с такой заметной доблестью, на великолепном коне и в великолепной одежде, что вызвал восхищение самих русских. Особенно казаки считали его самым храбрым, воинственным человеком. Мюрат сражался с кавалерией до тех пор, пока все лошади не были мертвы, а затем большую часть времени проводил в карете Наполеона.

Но Ней, суровый, львиноподобный Ней, превзошел их всех, завоевав в этой кампании гордый титул императора “Храбрый из храбрых”. Такого величия мужества, такой стойкости, такой преданности мир никогда не превзойдет. Разлученный с Даву, окруженный подавляющим числом людей, он казался потерянным человеком. Император, оказавшийся в затруднительном положении, но решивший предпринять последнюю попытку спасти своих маршалов, остановился у Красного, столкнувшись с шестью тысячами французов и шестью тысячами русских. В карьере самого Наполеона нет ничего прекраснее этого. Начали лететь русские снаряды, со свистом рассекая воздух и падая на снег. Лебрен говорил об этом как о чем-то необычайно ужасном. “Ба! ” сказал император с презрением. “ Эти двадцать лет пули свистели у наших ног”. Его отчаянная храбрость в противостоянии так впечатлила Кутузова, что он отступил, и Даву прорвался. Но Ней все еще был позади, и перед лицом огромных шансов французы были вынуждены продвигаться вперед. Глубоко скорбя о своем маршале, император упрекал себя за то, что слишком сильно разоблачил Нея. Время от времени он осведомлялся, не получал ли кто-нибудь известий о нем. 20 ноября генерал Гурган поспешил объявить, что Ней находится всего в нескольких лье отсюда и скоро присоединится. С криком радости Наполеон воскликнул: “Это правда?” Когда Гурган рассказал, как Ней маршировал и сражался: как он бросил вызов осаждающему войску, в десять раз превосходившему его по численности; как, когда его призвали сдаться, он ответил: “Маршал Франции никогда не сдается!” и как он, частично с помощью хитрости, а частично силой, сбежал с небольшими остатками своего отряда, Наполеон был в восторге. “В моих хранилищах в Тюильри 200 000 000 франков, и я бы отдал их все, чтобы иметь Нея рядом со мной!”

Когда героически выжившие из этой колонны присоединились к основной армии, раздались крики и слезы радости.

Именно Ней сдерживал казаков на последних этапах отступления; именно Ней сделал последний выстрел в войне, когда он переправлялся через Неман; именно Ней стал почти в буквальном смысле арьергардом Великой армии.

Вполне могла бы сказать бурбонская герцогиня Ангулемская в 1815 году, рассказывая историю античного героизма этого человека в русской кампании: “Если бы мы знали все это, мы бы не приказали его расстрелять!”

В беспорядке, дикости, стихийном хаосе этого исторического убежища человеческая природа дошла до крайностей. Были солдаты, которые убивали друг друга в борьбе за еду, и солдаты, которые рисковали умереть с голоду, чтобы поделиться с другими. В некоторых случаях товарищество высмеивалось, в некоторых оно было сильнее, чем когда-либо. Были случаи, когда сильные смеялись над слабыми, которые умоляли о помощи. Были случаи, когда сильные бросали все, чтобы спасти слабых. Было видно, как раненых офицеров везли на санях, в которые сами впряглись их товарищи, а вместо лошадей были братья-офицеры. Ребенок, брошенный своей матерью, был спасен маршалом Неем и избежал всех тягот отступления. Другая мать, утонувшая в Березине, держала своего младенца на руках, ребенок был жив, а мать все равно что мертва.

Одним из самых трогательных и чисто бескорыстных актов преданности был акт гессенского контингента в защиту своего наследного принца. У народа Гессена было мало причин преклоняться перед своими правителями — мелкими тиранами, которые за такую цену продали их в военное рабство Англии и которые плохо управляли ими с помощью наихудших феодальных методов. Но в самую холодную ночь отступления, когда казалось, что молодой принц Эмиль замерзнет насмерть, остатки гессенцев сомкнулись вокруг него, “завернувшись в свои большие белые плащи, плотно прижавшись друг к другу, защищая его от ветра и холода. На следующее утро три четверти из них были мертвы и погребены под снегом”.

К тому времени, когда французы подошли к Березине, две русские армии, освобожденные по договорам, заключенным царем с Турцией и Швецией, достигли места боевых действий и угрожали линии отступления. Кутузов с превосходящими силами в тылу, Витгенштейн и Чичагов спереди и с фланга, французы казались обреченными. Когда русские были вытеснены Удино из Борисова, они сожгли мост через Березину. Лед растаял, река вздулась, стала широкой и глубокой, и русские были на противоположном берегу, готовые оспорить переправу. Построить мост и перейти реку перед лицом этих русских — такова была французская необходимость: либо это, либо капитуляция, ибо Кутузов был близко позади.

Император уже уничтожил свои бумаги и сжег своих орлов, чтобы спасти их от поимки; уже запасся ядом, решив скорее умереть, чем попасть в плен.

Стоя по пояс в ледяном течении реки, солдаты работали всю ночь, закрепляя бревна для моста. Это был ужасный труд, и несколько человек погибли, утонули или замерзли. Тем, кто продолжал работать, приходилось отталкивать массы льда во время работы.

Император сидел в жалкой лачуге, ожидая рассвета. Крупные слезы катились по его щекам. “Бертье, как нам выбраться из этого?” Мюрат убеждал его взять эскорт из нескольких поляков, перейти реку выше по течению и скрыться. Император молча покачал головой, и Мюрат больше ничего не сказал.

Внезапно пришли новости, которые были слишком хороши, чтобы в них можно было поверить: русские исчезли! Чичагов, обманутый уловкой Наполеона переправиться в другом месте или введенный в заблуждение депешами Кутузова, увел свою армию прочь. Путь к отступлению был теперь открыт, мосты были быстро наведены, и с криками “Да здравствует император!” ликующие французы начали переправляться. Когда в спешке в проходе образовался затор и артиллерийские расчеты оказались заблокированными, Наполеон сам вскочил на мост, поймал лошадей и помог освободить орудия.

Мосты, сооруженные с такими трудностями и в такой спешке, были непрочными, давка толпы при переходе становилась все больше и больше. Наконец мосты обрушились. Их починили, но они снова сломались. Начиная с этого, беспорядки, ужас, неистовая борьба за место, человеческие жертвы стали ужасающими. Слабые падали, их топтали люди и лошади, колеса превращали их в кашу. Некоторые погибли на мостах, других столкнули с них и они утонули в реке. Там не было ни боковых поручней, ни выступов, ничего, что могло бы уберечь тех, кто находился на внешнем краю, от скопления людей - и они переваливались сотнями, тысячами. Когда подошли русские под командованием Витгенштейна, между ними и французским арьергардом завязался ожесточенный бой. Среди дикой неразберихи переправа через реку продолжалась, в то время как бушевал шторм и грохотали пушки. Вечером большой мост, придавленный навалившейся на него тяжестью, рухнул, и со страшным криком, который перекрыл бурю и битву, толпа, переходившая его, утонула навсегда. На следующий день битва разгорелась снова, в то время как переправа продолжалась. Ранней ночью арьергард Виктора начал переправу, русские обстреляли мост из пушек и завалили его мертвецами. На следующее утро мост был сожжен, и все тысячи отставших и приверженцев лагеря были отрезаны и трагически погибли.

За Березиной регулярные части русской армии не стали продолжать преследование, но казаки держались, понеся тяжелые потери. От холода, голода и болезней французы продолжали нести ужасающие потери; но разбитые остатки Великой армии были теперь в относительной безопасности от врага.

Когда полные подробности заговора Мале дошли до Наполеона, он забеспокоился. Он верил, что сможет оказать большую услугу себе и Империи, находясь в Париже. Передав командование Мюрату в Сморгони, император сел в крытые сани и отправился во Францию.

В сопровождении Дюрока, Коленкура и Лобо, мамелюка Рустана и польского офицера император помчался по снегу домой. Почти захваченный казаками, он добрался до Варшавы 15 декабря 1812 года, где остановился в английском отеле и послал за аббатом де Прадтом, своим посланником в Великом герцогстве. Здесь, в маленькой комнате отеля, беспокоило расхаживая по комнате, притопывая ногами для кровообращения, в то время как служанка, склонившись над очагом, пыталась развести огонь из зеленых дров, он давал указания своему вероломному министру и объявил, что следующей весной он вернется в Неман во главе трехсот тысяч человек. Затем он помчался дальше, в сторону Саксонии.

Поздно ночью 14 декабря 1812 года сани летучего императора достигли Дрездена, где состоялось краткое совещание между Наполеоном и его верным союзником. Неописуемо горькими, должно быть, были размышления одинокого беглеца, спешащего по тем улицам, где несколько месяцев назад короли толпились в его приемной!

Избежав заговоров, направленных против его жизни в Германии, он благополучно въехал во Францию и добрался до Парижа поздно ночью 18 декабря 1812 года, прибыв в Тюильри почти один, в наемной карете.

В остатках Великой армии произошла вспышка негодования, когда стало известно, что император ушел. “Тот же трюк, что он сыграл с нами в Египте”, - сказал один генерал другому. На плечи Мурата легла в лучшем случае неблагодарная задача, и под его руководством ситуация не улучшилась. В Вильне казачье “Хурра!” обратило французов в паническое бегство, и они бежали, потеряв шесть тысяч пленных. На крутом холме, в нескольких милях дальше, лошади не могли втащить артиллерию по покрытой льдом дороге, и она была брошена.

Устав от такой ответственности, Мюрат вспомнил, что у него тоже есть королевство, которому может понадобиться его присутствие, и 16 января 1813 года он передал командование Эжену Богарне.

Когда Мюрат покинул армию, в ней насчитывалось семнадцать тысяч человек; Эжен увеличил ее численность, пока к 9 марта 1813 года она не достигла сорока тысяч человек. Заняв сильную позицию, его линия протянулась от Магдебурга до Дрездена, верный Евгений ждал, когда его император подтянет подкрепления.

ГЛАВА XXXVII

Нет убедительных доказательств того, что русская война 1812 года была в целом непопулярна во Франции. Нет никаких доказательств того, что в результате этого ожидалось или опасались какого-либо национального бедствия. Уверенность, которую внушал императору непрерывный успех, была настолько велика, что в настоящее время считалось, что Россия будет разбита и вынуждена смириться. Великолепия Дрезденской конференции было достаточно, чтобы ослепить французский народ, а великолепное воинство, собравшееся под орлами Империи, не оставляло им места для сомнений. Возглавляемая таким полководцем, как Наполеон, эта полумиллионная армия сокрушила бы любое сопротивление. Сводки с фронта, продиктованные императором, не преминули произвести желаемое впечатление; и когда, наконец, за Бородинской победой последовало вступление французов в Москву, национальный энтузиазм и гордость достигли своего апогея.

Первая тень, упавшая на Францию, первый трепет страха были вызваны известием о том, что русские предали свою столицу огню. И все же, когда стало известно, что император расквартировал армию среди руин, что там есть кров и еда для всех, что коммуникации между Парижем и Москвой охраняются так хорошо, что не был перекрыт ни один курьер или конвой, что Наполеон, казалось бы, совершенно непринужденно, уделял свое внимание внутренним делам Франции, составлял инструкции для школ и театров, переписывался с гувернанткой своего сына по поводу прорезывания зубов у ребенка, французы убедили себя, что вторжение стало еще одним триумфом. Они не могли взглянуть на эту мрачную фигуру в Кремле, на вождя, который не мог сказать ни слова окружающим, который день за днем безучастно лежал на

диване, — лидера без плана, — пребывающего в иллюзии, что даже царь примет его мирные предложения.

Система, которую Наполеон организовал во Франции, была настолько прочной, что она действовала в его отсутствие так же регулярно, как и при нем. Даже когда отважный генерал Мале, воодушевленный большим расстоянием императора от своей столицы, вступил в сговор со священником аббатом Лафоном с целью свержения правительства, эти попытки не имели ни малейшего шанса на успех. С помощью поддельного указа сената и объявления о смерти императора заговорщикам на мгновение удалось установить контроль над небольшим отрядом войск, арестовать министра и префекта полиции и овладеть ратушей. Но почти сразу же власти заявили о себе, схватили заговорщиков и предали их смерти.

Истинное значение этого эпизода заключалось в том факте, что такой неистовый революционер, как Мале, замышлявший убить Наполеона из-за Конкордата, был уличен в сговоре с аббатом Лафоном, роялистом и фанатичным клерикалом, и что они согласовали программу, которая была настолько в высшей степени разумной, что казалась грозной.

Согласно их плану, семья Наполеона должна была быть отстранена от должности, воинская повинность отменена, а самые тяжелые налоги отменены. Папа должен был быть восстановлен к своей светской власти, а Франция должна была обеспечить мир со всем миром, согласившись вернуться к своим старым границам Рейна, Альп и Пиренеев. Тех, кто приобрел конфискованную собственность Церкви и знати, следовало успокоить заверениями в том, что их титулы не должны подвергаться сомнению.

Когда мы вспоминаем, что мир во Франции был окончательно установлен по практически тем же принципам, которые были обозначены аббатом Лафоном, становится очевидным, что он поддерживал связь с теми клерикалами-роялистами, которые, потерпев сокрушительное поражение в 1812 году, полностью преуспели два года спустя. Беспокойство Наполеона, когда он услышал о заговоре, и его любопытство, с которым он расспрашивал о мельчайших деталях, вполне можно понять.

Двадцать пятый бюллетень Великой армии сообщил Франции, что отступление из Москвы началось. Двадцать восьмой бюллетень, датированный Смоленском и обнародованный в Париже 29 ноября 1812 года, извещал о наступлении зимы. После этого Франция на восемнадцать дней осталась без новостей — восемнадцать дней, наполненных ужасом. Затем, 17 декабря, обрушилась лавина. Двадцать девятый бюллетень, раскрывший многое, подсказал все - Великой армии больше не было! Оцепенение, растерянность, оцепенение горя и ужаса, охватившие пораженную страну, можно себе представить; это неподвластно словам.

А возвращение императора домой - на что это было похоже на этот раз?

В Париже была полночь 18 декабря 1812 года. Императрица Мария Луиза, опечаленная и нездоровая, отправилась в Тюильри спать. Императорский младенец, младенец, король Рима, спал. Это было скорбное время во Франции. Где была хижина от одного конца Империи до другого, в которой не слышалось рыданий в эту горькую, очень горькую ночь? Сколько женщин у безрадостных очагов плакали и молились за сыновей, мужей, возлюбленных, укрытых неподвижным снегом на далеких русских равнинах! Даже императрица была опечалена. Она

ничего не знала ни о судьбе армии, ни о ее главнокомандующем. Сам Наполеон мог бы получить отдых для своего беспокойного духа от казацкой пики или русского ружья — и в этом случае императрица Мария могла бы столкнуться с неисчислимым бедствием для своего императорского "я".

Во двор внизу въехал обычный кэб, и слышались торопливо поднимающиеся по лестнице шаги. Двое мужчин, закутанных в меха с капюшонами, протиснулись в прихожую, ведущую в спальню императрицы. В приемной слышались голоса, и перепуганная императрица как раз вставала с постели, когда в комнату ворвался Наполеон, бросился к ней и заключил в объятия.

На следующий день, по словам Паскье, император не впускал никого, кроме своего аркканцлера, своих министров и ближайших приближенных. 20-го числа, то есть в воскресенье, он присутствовал на богослужении, а затем провел обычную церемонию поминовения; после чего он официально принял Сенат и Совет. Восседающий на своем троне, облаченный в парадные одежды, этот замечательный человек, совсем недавно беглец, почти в одиночку пробиравшийся через дебри Польши, никогда не являл миру более безмятежного лица и не смотрел свысока на склонившихся перед ним вельмож более надменным взглядом, чем в эту памятную субботу. Лояльные речи выслушивались с достоинством и хладнокровием; имперские ответы были сделаны тоном, который убедил Францию и Европу в том, что Наполеон остался непокоренным. Таково было величие его позиции, так сильно его стойкость, мужество, магнетическая дерзость привлекали эту доблестную нацию, что она отнеслась к нему с почти всеобщей симпатией и энтузиазмом. Большие города, корпоративные структуры, имперские владения, присылаемые в лояльных адресах с предложениями сердечной поддержки. Из Италии, Голландии, рейнских провинций сыпались теплые выражения привязанности и верности. Рим, Милан, Флоренция, Турин, Гамбург, Амстердам, Майнц подтвердили свое понимание преимуществ, которые принесло им его правление, и предложили ему "оружие, армии, золото, верность и постоянство".

Наполеон сказал, что весной вернется в Германию с тремя сотнями тысяч человек. Он, не теряя времени, приготовился выполнить свое обещание. Это была ужасная задача — создание новой армии; но он взялся за нее с мрачной решимостью, терпеливой настойчивостью, которые творили чудеса. Полки ветеранов-скелетов были пополнены молодыми рекрутами и наспех обучены. Тысяча двести пушек, потерянных в России, были заменены старыми пушками из арсеналов или новыми из литейных цехов. Огромные потери военного имущества были восполнены за счет запасов на военных складах. Но где император мог достать лошадей, чтобы обеспечить огромное количество замерзших или умерших от голода людей в России? Он не мог их достать. Его максимальные усилия могли лишь обеспечить команды для артиллерии. Из кавалерии он почти ни на кого не мог сесть верхом.

Поразмыслите немного над ситуацией. Цивилизованный мир встал против одного человека, одного народа. Англия на морях, в Португалии, в Испании; Россия движется вперед с победоносным войском; Швеция (получившая обещание Норвегии и английских денег) объединяется с царем; Пруссия и Австрия покидают Францию, — Пруссия присоединяется к крестовому походу, а Австрия готовится к этому, — меньшим германским державам угрожает гибель, если они не объявят войну Наполеону; Мюрат в Неаполе предает человека, который дал ему корону; папа делает все возможное, чтобы посеять недовольство, тревожа совесть католиков по всей Империи; роялисты во Франции начинают шевелиться. , тайно и исподтишка,

извилистыми путями интриг и заговора. Все это мы видим с одной стороны. А с другой - что? Один человек высочайшего гения и мужества, поддержанный одной доблестной нацией, готовится повести вперед, встретить мир с оружием в руках, армию, состоящую в основном из мальчиков, почти без кавалерии и почти без муштры.

“Я заметил в ту эпоху, ” говорит Константин, “ что император никогда так часто не охотился”. Два или три раза в неделю надевался охотничий костюм, и императорская свита предавалась удовольствиям охоты. Поскольку Наполеон не питал особой любви к охоте, его камердинер был удивлен. Однажды он узнал объяснение. Английские газеты, как император сообщил Дюроку, повторяли, что он болен, не может пошевелиться и больше ни на что не годен. “Скоро я заставлю их увидеть, что я так же здоров телом, как и разумом!”

Одну из таких охот Наполеон попытался использовать в особо выгодных целях. Папа находился в Фонтенбло, куда его перевели из Савоны в начале русской кампании. Его ссора с императором приобрела самые досадные последствия. Недовольство из-за этого нашло отражение в самом Государственном совете. Все попытки переговоров оказались бесплодными. Накануне еще одной большой войны возник вопрос, который требовал разрешения, и император решил лично обратиться к папе.

19 января 1813 года охота была направлена в Гросбуа, прекрасное поместье, принадлежавшее Баррасу, затем Моро, а затем Бертье, принцу Невшательскому. В Гросбуа, соответственно, охотился императорский отряд. “Но каково же было удивление всей его свиты, когда в момент возвращения экипажей его величество приказал гнать их в сторону Фонтенбло”.

Императрица и придворные дамы, у которых не было с собой никакой одежды, кроме охотничьих костюмов, были в некотором замешательстве от такой перспективы. Император некоторое время поддразнивал их, а затем сообщил, что по его приказу необходимая смена одежды была отправлена из Парижа заранее и будет готова для них в Фонтенбло. Заняв свои покои в старинном дворце, Наполеон и Мария Луиза отправились с неофициальным визитом к Папе Римскому. Встреча была теплой. Снова были объятия и поцелуи; снова это было “Мой отец!” “Мой сын!” И снова магнетизм, искусное обаяние Наполеона сбили престарелого понтифика с ног. Он подписал новый договор со своим “сыном”, и к ним обоим снова пришло блаженство, причитающееся миротворцам.

Сияющий от удовольствия Наполеон вернулся в Париж; и с быстротой, на какую были способны курьеры, разнес добрую весть по всем частям империи. Но он был слишком тороплив. Он разрешил мятежным кардиналам — “черным кардиналам”, которым, отказавшись присутствовать на праздновании религиозного брака с Марией Луизой, было запрещено носить красные одежды, — присутствовать на приеме у папы. И эти черные кардиналы не изменили свой цвет — они по—прежнему были черными, - и они немедленно начали призывать Святого Отца нарушить данное им слово. Святой Отец сделал это, сославшись в качестве оправдания на то, что подписанная им бумага была не контрактом, а лишь основой такового; и что Наполеон действовал недобросовестно, предавая ее огласке. Но император поместил этот договор в официальном вестнике, продолжая делать вид, что между ним и папой все было в мире; так что французский народ в целом не знал ничего лучшего до гораздо более позднего времени.

Есть критики, которые говорят, что Наполеон слишком поспешил присоединиться к своей армии в апреле 1813 года. Но очевидные факты дела, по-видимому, показывают, что Наполеон

знал, на что шел. 17 марта 1813 года Пруссия объявила войну, и Блюхер продвинулся к Эльбе. Русские войска также достигли Эльбы, и казаки совершили набег на окрестности Дрездена, который французы под командованием Даву эвакуировали. Блюхер вошел в саксонскую столицу; саксонский король был беглецом, а пруссаки двинулись к Лейпцигу.

К 24 апреля российский царь и король Пруссии были в Дрездене. Бернадотт во главе тридцати тысяч шведов присоединился к Бюлову и прикрывал Берлин.

В свете этих событий, как можно с уверенностью сказать, что Наполеон слишком поспешил вступить в бой?

Если вспомнить, что союзники угрожали войной тем второстепенным германским державам, которые не захотели присоединиться к ним, и что Саксония уже была в их руках, кажется, что поведение Наполеона поддается простому объяснению. Если он не остановит союзников, и притом быстро, Рейнская конфедерация развалится на куски; французские гарнизоны в различных немецких городах будут потеряны. Эжен и его армия были бы отрезаны под Магдебургом, и структура Наполеоновской империи пала бы без единого удара в ее защиту.

Для достижения именно этих целей союзники двинулись вперед; и, должно быть, велико было замешательство в обеих армиях; ибо Наполеон, так же как и его враги, был удивлен, когда две армии нанесли удар друг по другу при Лютцене 2 мая 1813 года. Последовала кровопролитная битва; союзники были в меньшинстве, и они отступили с поля боя. Не имея кавалерии, император лишился обычных плодов победы; но сам факт того, что он, так недавно бежавший из разбитой армии, теперь появился во главе другого войска и, потерпев поражение, отбросил русских и пруссаков назад, произвел огромный моральный эффект. Враг был отброшен за Эльбу; всем надеждам на распад Рейнской конфедерации пришел конец; Эжен и Наполеон теперь должны были объединиться; Саксония была освобождена. Наполеон с триумфом вступил в Дрезден. Его друг и союзник, саксонский король, вернулся в свою столицу. Французская армия была полна уверенности: союзники не предпринимали никаких попыток отстоять свои позиции, пока не достигли Баутцена на Шпрее. Здесь 21 и 22 мая они подверглись нападению французов и снова были разбиты.

Такой компетентный судья, как лорд Уолсли, придерживается мнения, что ошибка маршала Нея в этом сражении спасла армию союзников от полного разгрома. Русские и пруссаки занимали сильную укрепленную позицию, упиравшуюся в Богемские горы, из которых была только одна линия отступления. Острый глаз Наполеона оценил ситуацию, и он послал Нея в тыл врага с семьюдесятью тысячами человек, в то время как сам атаковал их фронтосьмьюдесятью тысячами. Выполняя этот поворот, Ней вступил в бой с небольшим отрядом пруссаков, который Блюхер выделил для защиты своего тыла. “Вместо того, чтобы форсировать свой марш по тылам союзной армии, чтобы отрезать ей путь к отступлению и атаковать ее с тыла, в то время как Наполеон атаковал ее спереди, Ней позволил этому незначительному прусскому отряду остановить свои передвижения и изменить направление. Это сражение вскоре пробудило у Блюхера ощущение крайней опасности, в которой он находился, и он сразу же отступил.” Русские использовали тяжелую ситуацию наилучшим образом до наступления темноты, а затем ночью бежали. “Ней, по сути, преуспел лишь в том, что вывел союзников из положения, в котором Наполеон намеревался их уничтожить, и где они должны были быть уничтожены, если бы его приказы выполнялись умело”.

Как бы то ни было, союзники отступили, не потеряв ни одного орудия, и Наполеон, глядя на тысячи убитых, устлавших поле боя, воскликнул в ярости и горе: “Какая резня ни за что!”

Считается, что именно на этом этапе кампании Наполеон совершил главную ошибку своих последних лет. Он остановил свои победоносные колонны и подписал Плейсвицкое перемирие (4 июня 1813 г.).

Австрия после своих поражений в 1809 году полностью восстановила свои силы. Ее армии были реорганизованы, ее народ воодушевлен патриотическим духом, который был усилен обещаниями конституционных реформ, она невредимой вышла из войны 1812 года и теперь была полна решимости вернуть свои утраченные провинции и свое положение независимой первоклассной державы. Поскольку Россия и Франция были серьезно подорваны недавней борьбой, Австрия слишком хорошо осознала свое преимущество, чтобы упустить такую возможность. Положение, утраченное в 1809 году, должно быть восстановлено либо Наполеоном, либо союзниками. С этой целью Меттерних вел переговоры со всеми сторонами — Пруссией, Англией, Францией и Россией. Количество лжи, которое совершил этот способный и выдающийся христианин в это критическое время, вероятно, заставило бы замучиться совесть даже таких ветеранов обмана, как Фуше и Талейран.

Мог ли Наполеон завоевать дружбу Австрии, откровенно уступив ее требованиям о возвращении утраченной территории, всегда должно оставаться предметом сомнений. Поскольку австрийская армия была не совсем готова выступить в бой, а ее казна была пуста, и у нее не было претензий к Наполеону, за исключением того, что она предприняла неспровоцированное нападение на него в 1809 году и была основательно разгромлена, существует вероятность, что быстрая уступка ее требованиям обеспечила бы ей нейтралитет в войне 1813 года. Но в этом ни в коем случае нельзя быть уверенным. Когда мы вспоминаем силу династических предрассудков, влияние британских денег, растущую волну немецкой национальности и ненависти к Наполеону, сильный антагонизм к французским принципам, активность роялистских и клерикальных интриг — трудно избежать вывода, что если бы Наполеон отказался от того, что он отнял у Австрии, он не остановился бы ни перед чем, кроме полной капитуляции по всей линии фронта. И если бы он вернулся во Францию, лишенный всего, что было завоевано французской кровью, тамошняя буря негодования свергла бы его с трона. Сам Наполеон в значительной степени высказал эту точку зрения на острове Святой Елены; возможно, она была обоснованной. Почему же тогда он согласился на перемирие? Что он имел в виду, сказав после того, как подписал его: “Если союзники искренне не желают мира, это перемирие может привести к нашему краху”? Никто не может сказать. Есть факты, которые, по-видимому, убедительно доказывают, что он горячо желал почетного мира. Другие факты, по-видимому, указывают на то, что он тянул время, что он никогда ни от чего не собирался отказываться и что он потерпел поражение в грандиозной двуличной игре, где, намереваясь обмануть, был одурачен.

ГЛАВА XXXVIII

Руководящей рукой австрийской дипломатии в это время был Меттерних, и этот проницательный человек оставил после себя определенные мемуары, которые подготовила и опубликовала его семья, можно справедливо предположить, что любое разоблачение вероломства самого Меттерниха, сделанное в этих мемуарах, может быть признано.

Согласно его собственному рассказу, Меттерних добивался встречи с царем (17 июня 1813 г.) и убеждал его безоговорочно довериться австрийскому посредничеству, которое было предложено воюющим сторонам. У Александра были свои дурные предчувствия, и он спросил:

- Что станет с *нашим делом*, если Наполеон согласится на посредничество?

Меттерних ответил: —

Если он откажется, перемирию придет конец, и вы обнаружите нас в числе ваших союзников; если он согласится, *переговоры наверняка* покажут, что Наполеон не мудр и не справедлив, и тогда *результат будет тем же*. В любом случае, мы выиграем время, чтобы подготовить наши армии к совместной атаке”.

Что имел в виду Александр, говоря “наше дело”, которое могло быть загублено согласием Наполеона позволить Австрии выступить посредником? Если союзники хотели только мира, зачем было отказываться от предложения Австрии?

И что имел в виду Меттерних, заверяя царя, что не имеет значения, откажется Наполеон или примет его, результаты будут те же?

Очевидно, он хотел убедить Александра, что “наше дело” так же дорого Австрии, как и России, и что если бы Наполеон доверился австрийскому посредничеству, он был бы обманут и ограблен. Царь так и понял это, и он “казался чрезвычайно довольным”.

Политический смысл “нашего дела” был таков: английские дипломаты были необычайно заняты и (14 и 15 июня 1813 г.) вели переговоры о новых договорах с Россией и Пруссией, по которым Великобритания соглашалась выплачивать этим державам крупные субсидии на ведение войны, которая не должна была быть прекращена без согласия Англии.

Поскольку Англия не участвовала в переговорах, которые тогда велись между Наполеоном и союзниками, очевидно одно из двух: союзники намеревались предать Англию или обмануть Францию. Относительно того, кого из двоих это должно было обмануть, язык, которым Меттерних обращался к Александру, а Александр - к Меттерниху, не оставляет сомнений.

Каковы же, с другой стороны, были мысли Наполеона? 2 июня 1813 года он написал Эжену, которого отправили обратно в Италию: “Я заключу перемирие из-за вооружения Австрии и для того, чтобы выиграть время для подтягивания итальянской армии к Лайбаху, чтобы угрожать Вене”.

Есть те, кто видит в этом доказательство того, что Наполеон не желал мира. При чтении в свете окружающих обстоятельств столь же легко увидеть в письме свидетельство того, что Наполеон просто хотел избежать австрийской диктовки.

Он уже предлагал вести переговоры о мире с Россией и Пруссией; а они, находящиеся под английским влиянием, отказались вести переговоры, кроме как через Австрию.

Встревоженный, подозрительный, измученный всевозможными заботами, Наполеон вызвал Меттерниха в Дрезден.

Наполеон прекрасно понимал Меттерниха и презирал его. По отношению к этому человеку, как и к Фуше, Талейрану и Бернадотту, гордый корсиканец слишком легкомысленно позволил себе опасную вольность неуважения.

“Сир, почему вы не отошлете Меттерниха?” - Спросил Дюрок однажды в Тюильри.

“Ну что ж, - ответил Наполеон, - если бы Австрия прислала мне нового министра, я бы взял его для изучения; что касается Меттерниха, то он больше не может меня обманывать”.

Вызванный в Дрезден австрийский дипломат отправился туда и 27 июня 1813 года провел свою знаменитую беседу с Наполеоном. Тогда никому, кроме участников договора, не было известно, что лорд Абердин, действуя от имени Англии, уже заключил сделку с Австрией, по которой последняя согласилась принять огромную взятку за вступление в коалицию против Франции. В тот самый день, когда Меттерних беседовал с Наполеоном, Австрия фактически подписывала Рейхенбахский мирный договор, который, утвержденный императором Франциском 1 августа 1813 года, поставил двести тысяч австрийцев на службу “нашему делу”.

Наполеон ничего не знал об этом; он подозревал это, страшился этого, отчаянно стремился предотвратить это. Отсюда его звонок Меттерниху.

В своих Мемуарах австрийский государственный деятель рассказывает, что нашел французского императора в саду Марколини, недалеко от Эльстерских лугов. “Французская армия вздыхала о мире. Генералы были мало уверены в исходе войны”. “Появление австрийского министра в ставке Наполеона могло быть расценено французскими генералами только как решающее в ее результатах”. Переполненный чувством собственной важности был этот Меттерних, о котором Наполеон сказал, что он всегда верил, что все контролирует сам, в то время как им вечно управляли другие. В данном случае он направился к покоям Наполеона с величественной осанкой арбитра наций, в то время как все уже было решено переговорами лорда Абердина в Вене, не говоря уже о властном влиянии сэра Чарльза Стюарта и лорда Кэткарта на советы России и Пруссии.

“Было бы трудно описать, ” говорит Меттерних, - выражение болезненной тревоги, появившееся на лицах толпы людей в военной форме, собравшихся в приемных императора. Принц Невшательский (Бертье) тихо сказал мне: “Не забывай, что Европе нужен мир, и особенно Франции, у которой не будет ничего, кроме мира”.

О Бертье сам Наполеон сказал, что во всем, что выходило за рамки его специальности написания депеш, “он был простым гусаком”. Если бы Бертье сделал в этот момент Меттерниху какое-либо подобное замечание, как записывает этот важный человек, было бы милосердием позволить Бертье отделаться таким легким упреком, как то, что он был простым гусаком. Подобное замечание в адрес такого человека, сделанное таким человеком и в такое время, остро пахнет недовольством, нелояльностью и зарождающейся изменой, которая открыто вспыхнула несколько месяцев спустя.

Меттерних, ссылаясь на замечание Бертье, самодовольно заявляет: “Не считая себя обязанным отвечать на этот вопрос, я сразу же вошел в приемную императора”. Велик был Меттерних в этом кризисе, слишком велик, чтобы перекидываться словами с простым грибом, принц де Невшатель!

“Наполеон ждал меня, стоя посреди комнаты со шпагой на боку и шляпой подмышкой. Он подошел с заученным видом и осведомился о здоровье императора Франциска. Вскоре его лицо омрачилось, и он заговорил, стоя передо мной, следующим образом: —

- Значит, ты *тоже* хочешь войны; что ж, ты ее получишь. Трижды я заменял императора Франциска на его троне. Я обещал всегда жить с ним в мире. Я женился на его дочери. Сегодня я раскаиваюсь в этом”.

Меттерних говорит, что в этот кризис он чувствовал себя представителем всего европейского общества. Он чувствовал силу своего положения, чувствовал, что могучий Наполеон лежит у него под рукой.

“Если можно так выразиться, Наполеон показался мне маленьким!”

“Если можно так выразиться” — откуда такие скромные сомнения? Где предел тому, что можно сказать в своих мемуарах? Попадают ли авторы Мемуаров когда-нибудь в тупик в дискуссии или не могут сказать и сделать самое лучшее, что могло быть сказано и сделано?

Далее Меттерних рассказывает, как он прочитал Наполеону отеческую лекцию; как он объяснил французскому императору, что Франция, как и вся Европа, нуждается в мире; как он намекнул, что Австрия бросит свою помощь коалиции; как он предсказал, что французская армия будет сметена, и как он спросил императора: “Если эта юная армия, которую вы набрали всего лишь вчера, будет уничтожена, что тогда?” “Когда Наполеон услышал эти слова, его охватила ярость, он побледнел, и черты его лица исказились. ‘Ты не солдат,’ сказал он, ‘и ты не знаешь, что творится в голове у солдата. Я вырос в полевых условиях, а такой человек, как я, не слишком заботится о жизнях миллиона людей. С этим восклицанием он швырнул свою шляпу в угол комнаты”.

Конечно, Мемуары представляют Меттерниха как быстро воспользовавшегося этой неосмотрительной вспышкой и вынуждающего Наполеона перейти к обороне. Примечательно, что в Мемуарах врагов Наполеона авторы неизменно одерживали над ним верх в состязаниях остроумия. Несколько очень скучных людей нанесли ему несколько очень сокрушительных ударов в разговоре — в своих Мемуарах.

Но вот что известно об интервью в Дрездене: оно длилось полдня, а Меттерних сообщает, что беседа длилась менее получаса. Австриец не сообщает, как безошибочно Наполеон разгадал загадку и как прямо он поставил вопрос— “Меттерних, сколько Англия заплатила вам за то, чтобы вы сыграли эту роль против меня?” Он также не упоминает тот факт, что Наполеон, доведенный до крайности, предложил откупиться от Австрии уступкой иллирийских провинций, и что сделка не могла быть заключена, потому что император Франциск выдвигал свои требования так же часто, как Наполеон увеличивал свои уступки. Австрия, проданная Англии, была совершенно согласна быть купленной Францией; но требуемая цена была настолько непомерной, что Наполеон с негодованием воскликнул: “Я скорее умру под обломками своего трона, чем соглашусь лишить Францию всех ее владений и опозорить себя в глазах мира!”

Меттерних записывает, что он сказал Наполеону: “Вы заблудились. Я думал об этом, когда приехал сюда; теперь я это знаю”. Ответа императора на это замечательное замечание нет на табличках Меттерниха. У авторов мемуаров есть привычка оставлять за собой последнее слово.

Не удовлетворившись сокрушением Наполеона, Меттерних нанес прощальный удар Бертье, императорскому гусю.

В приемных я нашел тех же генералов, которых видел при входе. Они столпились вокруг меня, чтобы прочесть на моем лице впечатление от почти девятичасового разговора. Я не остановился и, думаю, не удовлетворил их любопытства. Бертье проводил меня до моей кареты. Он улучил момент, когда никого не было поблизости, чтобы спросить меня, доволен ли я императором”. На этот скромнейший из вопросов: “Довольны ли вы императором?” — важный Меттерних ответил с высокомерием, которое, должно быть, больно задело императорскую гусыню:

“ Да, да! С этим человеком все кончено. Он сошел с ума.

С этим человеком все кончено; он сошел с ума — великий Меттерних, маленький Наполеон и бедный Бертье, прилежный гусь императора!

Еще один важный факт, зафиксированный в Мемуарах Меттерниха: эрцгерцогу Карлу потребовалось двадцать дополнительных дней, чтобы подтянуть австрийские резервы, и Меттерних попытался заманить Наполеона в ловушку и заставить продлить перемирие. В Мемуарах рассказывается, как Наполеон тщетно пытался через герцога Бассано договориться об условиях мира; как Меттерних упрямо стоял на своем, отказываясь сдвинуться ни на дюйм; как Наполеон продолжал борьбу, пока австриец не заказал свою карету и не собрался покинуть Дрезден; как затем Наполеон уступил, отозвал Меттерниха и подписал соглашение о принятии австрийского посредничества, продлении перемирия до 10 августа и передаче вопроса на рассмотрение конгресса держав, который должен был собраться в Праге 10 июля.

В "Истории консульства и империи" Тьера мы читаем, что Наполеон своим умом и дипломатией вынудил союзников предоставить ему драгоценные отсрочки, наиболее необходимые для его благополучия. В мемуарах Меттерниха мы читаем, что австриец, благодаря своей ловкости и скрытым угрозам, привел Наполеона точно в то время, которое, по словам эрцгерцога Карла, было необходимо, чтобы доставить его войска именно туда, куда он хотел. Какая из этих противоречивых историй - правда? которая - история?

Собрался Пражский конгресс, и вскоре стало очевидно, что мира не будет. Британское влияние доминировало на нем с самого начала. Согласившись раз и навсегда отказаться от своей империи и стать королем Франции, Франции со старыми границами, Наполеон, несомненно, мог бы избавиться от союзников. Но что тогда? Мог ли он удержать трон во Франции после столь полного подчинения иностранной диктатуре? Мог ли он таким образом обеспечить внутренний мир для самой Франции? Разве Англия не воспользовалась бы своим преимуществом, не восстановила бы бурбонов и не разрушила бы дело Революции?

Когда мы вспоминаем, что происходило в 1814 году и позже — неуклонный прогресс реакции и контрреволюции до тех пор, пока абсолютизм и аристократические привилегии снова полностью не восторжествовали по всей Европе, - мы можем лишь отдать должное проницательности и неутомимому мужеству Наполеона, который неукротимо отстаивал свои

позиции против внешних комбинаций и внутреннего недовольства, а не малодушно сдался коалиции, которая означала не что иное, как смерть демократическим принципам и институтам, а также его собственному превосходству.

В Испании военные удачи складывались не в пользу Франции. Король Иосиф всем мешал, своими нелепостями затрудняя военные действия; маршалы были в ссоре друг с другом, и о сотрудничестве не могло быть и речи. Веллингтон, продвижение которого на полуострове было медленным и неустойчивым, теперь продвинулся в Испанию и выиграл решающее сражение. Точно так же, как победа при Саламанке повлияла на русские советы в 1812 году, победа при Виттории сильно повлияла на Наполеона на Пражском конгрессе.

Сам Наполеон не был уверен в переговорах и болезненно осознавал многочисленные опасности, которые его окружали. Он вернулся в Майнц и направил все свои силы на улучшение своего положения. Однажды он попросил Беню написать под его диктовку, и Беню, взволнованный неожиданным вызовом, дважды занимал кресло императора. Наполеон сказал: “Итак, вы твердо решили занять мое место! Вы выбрали для этого неподходящее время”.

Сульту отправили в Испанию, чтобы держать Веллингтона в узде, Фуше и Талейрана призвали на помощь в раскрытии австрийской интриги, и были задействованы силы, чтобы вернуть Мюрата в армию.

ГЛАВА XXXIX

В Майнц приехала императрица Мария Луиза, чтобы провести несколько дней в ожидании мирных переговоров. Если Наполеон лелеял надежду, что ее присутствие как-то повлияет на политику ее отца, иллюзия вскоре развеялась. Австрийские дипломаты уже говорили: “Политика создала брак; политика может его разрушить”.

Австрия была настолько уверена в том, что конгресс в Праге ничего не добьется, что она составила свое объявление войны и держала его наготове, когда последний день перемирия приблизился к полуночи. С ударом часов газета была доставлена для публикации, и в чешских горах зажглись боевые сигналы. Когда несколько часов спустя прибыл курьер Наполеона, передавший французским посланникам полномочия подписать требуемые условия, союзники вообще отказались рассматривать этот вопрос. Было слишком поздно. Технически они действовали в рамках своих прав; но если мы действительно хотим знать правду о переговорах, поведение этих дипломатов, следящих за полночными часами, рассылающих полуночные объявления войны и зажигающих полуночные костры, чтобы провозгласить провал Конгресса, относится к разряду действий, которые говорят громче слов. Если бы их истинной целью было остановить пролитие крови и освободить Европу от “жестокости ига” Наполеона, они никогда бы не сделали такой большой разницы между полуночью 10-го и ранним утром 11-го. Такой крайней строгостью ничего нельзя было добиться, кроме прекращения работы Конгресса, поскольку, по условиям договора, для возобновления военных действий требовалось уведомление за шесть дней.

Говорит Меттерних: “Когда часы пробили двенадцать ночью 10 августа, я отправил объявление войны. Затем я приказал зажечь маяки, которые были установлены от Праги до Силезской границы, в знак срыва переговоров”.

* * * * *

Паскье рассказывает интересную историю, которую он услышал от Дару.

Однажды, ближе к концу июля, Себастьяни, корсиканец и давний друг Наполеона, пришел с докладом, и император спросил его, что говорят о военной ситуации. Себастьяни ответил, что в настоящее время существует мнение, что Австрия присоединится к союзникам, и в этом случае Дрезден больше не сможет быть центральным пунктом французской линии обороны.

“С вами все в порядке, ” сказал Наполеон, “ и я принял решение. Я собираюсь вернуться на берега Заале; я соберу там около трехсот тысяч человек и, имея свой тыл в Майнце, а правый фланг прикрыт оконечностью Богемских гор, я покажу врагу рога быка. Он попытается совершить маневр на моих глазах; как только он совершит свою первую ошибку, я наброшусь на него, сокрушу, и коалиция исчезнет быстрее, чем появилась ”.

За Дару послали и велели немедленно отправляться и подготовить необходимые распоряжения для этого ретроградного движения. Когда Дару выходил из комнаты, вошел Бассано, и император задал ему обычный вопрос: “О чем идет речь?” Бассано ответил, что некоторые люди, которые делали вид, что знают все, говорили о движении вспять, говоря: “Ваше величество не может оставаться здесь. Они забывают, что великий Фридрих, располагая силами, значительно уступающими вашим, продержался всю зиму на той же позиции против объединенных армий Австрии и России”.

Это сравнение произвело на Наполеона такое глубокое впечатление, что, когда Дару вернулся несколько часов спустя со всеми приказами, которые ему было велено подготовить, он застал императора в задумчивом настроении и был отпущен со словами: “Дело требует дополнительных размышлений”.

Результатом этого нового размышления стало то, что он настаивал на своей первой системе операций: Дрезден оставался центральным пунктом его линии.

Положение Наполеона при возобновлении военных действий было почти отчаянным. Он грубо обманул самого себя. Остро осознавая деморализованное состояние своих собственных войск, он не осознавал, насколько хуже было положение союзников. Рассчитывая на подкрепления, которые он мог собрать, он неправильно оценил силы, которые Россия и Австрия могли бы добавить к своим ресурсам. Что касается Австрии, в частности, то, по-видимому, он просчитался в количестве ста тысяч человек.

В других важных отношениях позиции союзников укрепились. Начальник штаба маршала Нея Жомини дезертировал и передал врагу общие знания, полученные им в ходе наполеоновских войн, а также специальную информацию, полученную им в ходе нынешней кампании. Генерал Моро, покинув Балтимор в Соединенных Штатах, высадился в Штральзунде, где Бернадотт принял его с высочайшими военными почестями; и теперь он был в состоянии командовать союзными войсками. Таким образом, имея в своем распоряжении Бернадотта, Жомини и Моро, союзники смогли бы бороться с Наполеоном с преимуществами, которыми они никогда раньше

не обладали. Им будут давать советы люди, которые понимают его систему, люди, которые могут предвидеть его планы и разгромить его комбинации.

“Мы учим их, как победить нас!” Это уже сказал сам Наполеон, говоря Ланну об усовершенствованной русской тактике. В этой кампании его враги сошлись на наилучшей политике — избегать сражения, когда он командовал лично, и сокращать его помощников, где бы они ни находились.

В еще одном отношении события сильно сказывались против французов. Маршал Бессьер, командующий кавалерией императорской гвардии, был убит в одной из первых стычек, а после Бауцена стрелявшее пушечное ядро смертельно ранило Дюрока. Оба они были офицерами высочайших достоинств, преданно преданными императору и пользовавшимися его безоговорочным доверием. Он выделил их в начале своей карьеры, поднял по служебной лестнице и произвел в имперские пэры. Он чувствовал, что их потеря невосполнима, и его горе было почти непреодолимым. Впервые в своей карьере в вечер смерти Дюрока он был настолько подавлен, что не мог отдавать приказы. Один в своей палатке, склонив голову на грудь, он сидел в оцепенении скорби; и своим офицерам, пришедшим за инструкциями, он сказал: “Все завтра”. На следующее утро, за завтраком, Константин заметил крупные слезы, которые скатились по его щекам и упали на тарелку.

Союзники, обманув великого ловкача в вопросе перемирия, нарушили его, чтобы осуществить соединение русских и австрийских войск. После того, как было выиграно гораздо больше обманом, война началась снова.

Наполеон бросился на Блюхера, который не забыл отступить за пределы досягаемости, как было условлено союзниками. Страшный император, находясь на расстоянии, тщетно преследовал Блюхера, в то время как основная армия союзников двинулась на Дрезден, где обороной командовал Сен-Сир.

25 августа 1813 года около двухсот тысяч союзных войск осадили город, гарнизон которого составлял около двадцати тысяч человек. Если французы потеряют его, их кампания потерпит крах. Напрасно Жомини убеждал австрийского командующего Шварценберга атаковать немедленно, пока Наполеон в отъезде. Нет. Неторопливый принц, утомленный или по какой-то другой причине, должен был дожидаться утра другого дня, ибо Наполеон находился в Силезии, слишком далеко, чтобы быть источником беспокойства. 26 августа начался штурм, Сен-Сир встретил его героически, но неуклонно терял позиции.

Триста артиллерийских орудий обрушили град пуль и снарядов на переполненный город. Умирающие и убитые, мужчины, женщины и дети устилали улицы. Жители города умоляли французов сдаться. Два полка вестфальских гусар из королевства Жерома Бонапарта перешли на сторону врага. Но император не терял Дрезден из виду. Когда до него дошла весть о том, что армия союзников пересекает границу Богемии, он догадался, что этому пункту угрожает опасность, и поспешил на помощь. Пока он маршировал, курьер за курьером прискакивали из Сен-Сира, чтобы ускорить прибытие помощи. Лошади Наполеона были прищипорены до максимальной скорости, пока он не достиг окраин города, откуда с помощью своего бинокля он мог наблюдать за сражением. Дорога, по которой он должен был въехать в Дрезден, была охвачена таким огнем австрийских орудий, что, как говорят, Наполеон опустился на четвереньки, чтобы проползти мимо. Когда он вошел в город, его защитники обезумели от

радости. “Вот он! Вот он!” - закричали тысячи людей, когда Старая гвардия бросилась ему навстречу. “Не было слышно ничего, - говорит Коленкур, “ кроме хлопков в ладоши и криков энтузиазма. Мужчины, женщины и дети смешались с войсками и сопровождали нас во дворец. Оцепенение и тревога, которые до сих пор преобладали, теперь сменились безграничной радостью и уверенностью”.

Император провел свою армию маршем в сто двадцать миль за четыре дня по дорогам, которые проливные дожди превратили в болота. Он прибыл вовремя; те, кто напрягал зрение, чтобы уловить первый проблеск рельефных колонн, смотрели не напрасно. “Вот он! Вот он!” поднял все уныние, вдохнул жизнь в мертвую надежду, так таинственно непреодолимо влияние великого человека. Это был август 1813 года. Должно было пройти всего несколько месяцев, прежде чем славный город Париж окажется в осаде тех же самых Союзников. Наполеон снова был бы в отъезде, но снова преодолевал бы расстояние, двигая небо и землю, чтобы вернуться вовремя. Снова встревоженные глаза устремлялись поверх стен и зубчатых крепостных стен, осматривая горизонт, чтобы мельком увидеть белого коня и низкорослого всадника, летящих к рельефу. Пламенные патриоты, увидев то, что они жаждут увидеть, примут за него какую-нибудь другую фигуру и поднимут крик. “Вот он!” Но предатели и трусы будут заняты в главном городе великого капитана, его собственный брат проявит трусость и сбежит, его самый любимый из выживших маршалов будет сражаться в жалкой битве подлецов, его сына с криком вырвут из дворца, и пока измученный войной император, почти добравшийся до места, будет напрягать зрение, чтобы разглядеть башни Нотр-Дама, белый флаг будет развеиваться над сдавшимся городом.

Слишком поздно! Опоздали всего на несколько часов.

* * * * *

Той ночью в Дрездене, проведя рекогносцировку и составив все свои распоряжения, Наполеон расхаживал взад и вперед по своей комнате. Внезапно остановившись, он повернулся к Коленкуру и сказал: —

- Мурат прибыл.

Этот блестящий солдат колебался до тех пор, пока не были выиграны битвы при Лютцене и Бауцене; но теперь ему предстояло возглавить еще несколько неподобных кавалерийских атак, блистающих блеском, прежде чем он снова пал духом, окончательно оставил Наполеона и пошел своим своевольным курсом к полному и позорному краху.

“Пришел Мюрат. Я поручил ему командование моей гвардией. Пока я добиваюсь успеха, он будет следовать моему примеру”.

Союзники не знали ни о прибытии Наполеона, ни о прибытии Мюрата. Говорят, что битва продолжалась недолго, прежде чем Шварценберг повернулся к царю и заметил: “Император, несомненно, должен быть в Дрездене”.

Сдерживая центр союзников сосредоточенным огнем тяжелой артиллерии, Наполеон направил Нея справа от них, а Мюрата слева. Обе атаки были полностью успешными. Армия союзников потерпела поражение на всех участках и отступила в сторону Богемии, оставив около двадцати тысяч пленных в руках французов.

Весь день лил проливной дождь, и когда в тот вечер Наполеон верхом возвращался в город рядом с Мюратом, с его одежды капала вода, а с промокшей шляпы стекал ручей. Когда Констант раздевал его, у него начался легкий озноб, за которым последовала лихорадка, и он лег в постель.

Каким бы измученным он ни был, император, должно быть, почувствовал глубокое облегчение. Он одержал победу первой величины, бесконечно большую, чем при Лютцене и Баутцене, поскольку теперь у него была кавалерия. Его ошибка, заключившаяся в заключении перемирия, возможно, была искуплена. Если бы его лейтенанты теперь хорошо служили ему, коалиция, которая подвергла его такой крайней опасности, распалась бы. Он вышел бы из опасности с незапятнанной славой, укрепив империю. “Это ерунда!” - сказал он, имея в виду свой триумф при Дрездене. “Подождите, пока мы не получим известий от Вандама. Он у них в тылу. Именно там мы должны искать отличные результаты”.

Увы за такие расчеты! Его лейтенанты разрушали кампанию быстрее, чем он успевал ее исправить. Пруссак во главе с Бюловым (номинально под командованием Бернадотта) 23 августа разбили Удино при Гроссбир, отбросив французов назад к Эльбе. Блюхер застал Макдональда на месте переправы через разлившуюся реку в Силезии, напал на него и уничтожил в битве при Кацбахе 26 августа; и, в довершение кульминации катастрофы, Вандам, от которого так много ожидали, был, частично из-за собственного ложного движения, а частично из-за неспособности Наполеона поддержать его, разгромлен и взят в плен при Кульме (29 и 30 августа).

Таким образом, Дрезден оказался бесплодным триумфом. Царь России и король Пруссии должны были быть взяты в плен; армия союзников должна была быть уничтожена; война должна была закончиться славным миром для Франции. Как случилось, что разбитая армия сбежала и разгромила Вандама в Кульме?

История гласит, что император, рвавшийся вперед в погоне за поверженным врагом, внезапно заболел тяжелой болезнью и вместо того, чтобы отправиться в Пирну, был поспешно отправлен обратно в Дрезден. Армия, оставшаяся без руководства, замедлила преследование; союзников никто не потревожил; и когда они наткнулись на Вандама, этот опрометчивый офицер, захваченный с фронта и с тыла, был разбит численным превосходством.

Что касается причины внезапной болезни Наполеона, то мнения сильно расходятся. Генерал Марбо утверждает, что это было “результатом усталости, вызванной пятью днями в седле под непрекращающимся дождем”.

По словам самого императора, как сообщил Дару Паскье, болезнь была “ничем иным, как приступом несварения желудка, вызванным отвратительным рагу, приправленным чесноком, которое я терпеть не могу”. Но в то время он считал, что был отравлен. “И от таких мелочей, - сказал он Дару, - зависят величайшие события! Нынешнее, возможно, непоправимо”.

Практически такое же объяснение своего внезапного возвращения в Дрезден и прекращения преследования дал Наполеон на острове Святой Елены.

Примечательно, что в Мемуарах Константа описывается рвота и озноб, сопровождавшиеся крайним истощением, у императора по возвращении с поля битвы вечером 27-го. Переутомление, переохлаждение, психическое беспокойство, постоянное напряжение ума и

тела, очевидно, привели к коллапсу. Болезнь, из-за которой он вернулся из Пирны, возможно, возникла по тем же естественным причинам. “Тушеное мясо, приправленное чесноком” или “баранья нога, фаршированная шалфеем” (встречается каждое утверждение), возможно, были просто тем, что ускорило срыв, который и без того был неизбежен.

Какова бы ни была причина, результаты оказались решающими. Как и при Бородино, он потерял всякий контроль над событиями, пустил кампанию на самотек и пришел в себя, когда было слишком поздно исправлять допущенную ошибку.

Дрездену предстояло доказать последнюю победу империи. Когда Наполеон, промокший насквозь, с его прекрасной бобровой шапкой на плече, был принят в объятия благодарного короля Саксонии по возвращении с поля Дрезденской битвы, он получал последнее поздравление, которое он как император когда-либо слышал от подданного монарха. До этого предела уже сократилось состояние завоевателя, который несколько месяцев назад вызвал Тальму из Парижа, чтобы сыграть “на королевском паркете”.

Бродячая собака, бродившая по полю битвы под Дрезденом с ошейником на шее, вызвала некоторое любопытство, и вскоре во французской армии стало известно, что на ошейнике была надпись: “Я принадлежу генералу Моро”. Вскоре также стало известно, что этот заблудший солдат был смертельно ранен в начале боя и погиб среди врагов своей страны.

Наполеон полагал, что он сам направил роковой выстрел; но тот, кто был в то время в отряде Моро, утверждал, что пуля прилетела с другой батареи.

Оставаясь в окрестностях Дрездена до последних дней сентября, Наполеон обнаружил, что постепенно слабеет. Его армия разваливалась из-за лишений, болезней и сражений. Подкрепления неуклонно увеличивали силы союзников. Действуя во враждебной ему стране, какой она никогда прежде не была, Наполеон испытывал величайшие трудности в том, чтобы быть в курсе численности и передвижений противостоящих ему сил. Патриотический дух в Германии был настолько силен, что шпион почти ничего не мог сделать для французов, в то время как союзники были в курсе всего.

Именно Блюхер перешел в наступление на стороне союзников и смело форсировал Эльбу у Вартенбурга. Наполеон поспешил из Дрездена, чтобы броситься на пруссаков; но как только Блюхер узнал, что Наполеон находится у него на фронте, он уклонился от сражения и отправился на соединение с Бернадотом (7 октября 1813 г.). Огромный железный пояс союзных армий медленно формировался вокруг французов; стало очевидно, что линия Эльбы должна быть оставлена.

Но прежде чем принять это решение, Наполеон, по-видимому, обдумывал смелый наступательный марш на Берлин, но ему помешало сопротивление его генералов. С тех пор как бедствия в России разрушили чары его влияния, император сталкивался с большей или меньшей угрюмостью и независимостью среди своих высших офицеров. Маршалы взяли тон, который был почти непокорным, и великий капитан больше не мог игнорировать их мнение.

Когда стало известно, что он намеревался совершить рывок на Берлин, невзирая на возможность того, что армии, вдвое превосходящие его собственные, могут встать между ним и Францией, среди войск возникло почти всеобщее недовольство. Москва была отозвана. Никто

не хотел повторения этого отвратительного опыта. “Разве недостаточно нас было убито? Неужели мы все должны остаться здесь?”

В довершение смущения Наполеона пришло известие, что Бавария дезертировала и перешла на сторону союзников. Констан говорит: “Произошло неслыханное: его штаб в полном составе отправился к императору, умоляя его отказаться от своих планов относительно Берлина и выступить на Лейпциг”.

В течение двух дней император ничего не предпринимал. Поселенный в мрачном замке Дюбен, он стал таким же инертным, апатичным, каким был при Бородино и в Москве. “Я видел его, - пишет Константин, - почти целый день лежащим на диване, перед которым стоял стол, заваленный картами и бумагами, на которые он не смотрел, и часами не занимавшимся ничем другим, кроме как медленно выводить крупные буквы на листах белой бумаги”.

Император уступил давлению своих офицеров, и “был отдан приказ отходить. Последовала вспышка почти неумеренной радости. Все лица сияли. По всей армии был слышен крик: “Мы снова увидим Францию, обнимем наших детей, наших родителей, наших друзей”.

Отступая к Лейпцигу, Наполеон обнаружил, что Мюрат уже вступил в бой с австрийцами. В надежде, что ему удастся сокрушить Шварценберга до того, как подойдут Блюхер и Бернадотт, император приготовился к битве. Австрийцев было около ста пятидесяти тысяч, в то время как французов насчитывалось около ста семидесяти тысяч; но было необходимо разместить дивизии Ней и Мармона на севере, где ожидалось русские, пруссаки и шведы. Великая “Битва наций” началась утром 16 октября 1813 года и бушевала весь день. Преимущество было на стороне французов, поскольку они сражались с более или менее защищенных позиций; но император, по-видимому, допустил одну серьезную ошибку. Блюхер еще не прибыл, Ней и Мармон получили приказ отправиться на помощь Наполеону в попытке уничтожить австрийцев до подхода подкреплений. Ней переехал, но Мармон уже был занят с Блюхером, когда получил приказ императора. Удерживая свои позиции и атакованный превосходящей численностью, корпус Мармона был почти уничтожен; в то время как Ней, разделенный между своей старой позицией и новой, не оказал эффективной помощи ни в том, ни в другом месте. Точно так же, как корпус д'Эрлона, раскачивавшийся подобно маятнику между Катр-Бра и Линьи, не нанес удара ни в одном из пунктов, так и Ней потерял свои силы на роковом поле под Лейпцигом.

Более того, генерал Марбо утверждает, что Ней покинул свою первоначальную позицию без приказа императора. Блюхер, поднявшись раньше, чем ожидал Наполеон, и разгромив французов на севере, склонил чашу весов в пользу союзников.

Почему Наполеон не вызвал Сен-Сира из Дрездена и таким образом не добавил тридцать тысяч к своим собственным войскам, сейчас неизвестно. Он сам сказал на острове Святой Елены, что посылал депеши на этот счет, но они были перехвачены. Принимая во внимание полчища казаков и башкир, которые летали над страной, а также крайне враждебный настрой местного населения, поимка французского курьера казалась естественным событием.

Однако есть те, кто говорит, что Сен-Сир был оставлен в Дрездене намеренно, потому что Наполеон не желал, чтобы саксонская столица попала в руки врага. Другими словами, он оставил свой гарнизон запертым в Дрездене точно так же, как он оставил запертым в аналогичных крепостях достаточное количество ветеранов, чтобы сделать свою армию такой же многочисленной, как у союзников.

В 1797 году молодой Наполеон изгнал австрийские армии из Италии, преследовал их по горам Тироля и подошел почти вплотную к Вене. Австрия послала графа Меерфельдта во французские войска просить мира, и ее молитва была удовлетворена. В 1805 году тот же самый Наполеон разгромил русско-австрийские войска при Аустерлице и собирался захватить в плен и царя, и императора. Снова графа Меерфельдта отправили в палатку Наполеона просить пощады, и снова мольба была услышана. Теперь наступил 1813 год, ситуация изменилась, и пришло время Наполеону просить мира. Его посланцем был освобожденный пленник, граф Меерфельдт, уроженец Леобена и Аустерлица; и на это послание ни царь, ни австрийский император не дали никакого ответа.

В течение 17-го числа боев не было, и французы не предпринимали никаких движений. Вероятно, они могли бы удалиться без помех, но Наполеон ждал ответа на свои предложения.

Ночью в небе на севере вспыхнули ракеты - сигнал Шварценбергу и Блюхеру о прибытии Бернадотта и Беннигсена. Шведы, немецкие части, русские резервы - все были наготове, и теперь союзники превосходили французов численностью в два к одному.

С наступлением 18-го числа началась “величайшая битва во всей подлинной истории”. Почти полмиллиона человек набросились друг на друга с яростью маньяков. Здесь были мужчины со всех концов Европы, от Испании до Турции, от северных морей до Адриатики и Средиземного моря, мужчины из дворцов и мужчины из хижин, мужчины, которые блистали, как Мюрат, в самых ярких мундирах современной Европы, и мужчины, подобные башкирам, которые носили одежду и носили лук и стрелы древней Скифии.

Французы никогда не сражались так хорошо, как в этот день, как и союзники; но французский солдат уже не был тем, кем он был раньше, и французские офицеры не были прежними. Незадолго до этого император сказал Ожеро: “Ты больше не Ожеро Кастильонский”, - и получил ответ: “И у меня нет войск Кастильоне”. Ней писал после своего поражения при Денневице: “Я потерпел полное поражение и не знаю, восстановилась ли моя армия. Дух генералов и офицеров подорван. Я предпочел бы быть гренадером, чем командовать в таких условиях”. Наполеон воскликнул с горечью в душе: “Дезертиры меня погубят”.

Бавария, которой угрожали союзники и которую увлекал поток немецкого патриотизма, угрожала тылу Наполеона. Король Вюртемберга почтительно уведомил, что он также будет вынужден выступить против французов. Саксония была движима теми же влияниями, и, несмотря на присутствие ее короля в Лейпциге, саксонские войска почувствовали импульс национальной страсти. В самый разгар сражения в великий день 18-го саксонская пехота перешла на сторону Бернадотта и повернула свои батареи против французов. Вюртембергская кавалерия последовала за ним. Тогда все было потеряно. Отвага храбрейших, мастерство самых способных падают перед такими трудностями, как эти. В одном рассказе Наполеон поднимает охваченное яростью лицо к небесам с криком “Позорно!”, а затем бросается во главе Старой гвардии восстанавливать нарушенную линию. Другая история гласит, что он опустился на деревянный стул, который кто-то подал ему, и погрузился в глубокий сон от полного изнеможения.

Бернадот командовал саксонскими войсками Наполеона в кампании 1809 года. Он по собственной инициативе издал прокламацию, в которой приписывал победу при Ваграме этим саксам, и император упрекнул его в неправде и дерзости. Действуя теперь против Наполеона в

Саксонии, Бернадотт огласил страну воззванием, призывающим саксонцев присоединиться к нему. Вполне возможно, что совпадение этих обстоятельств повлияло на то, что колеблющиеся войска, израсходовавшие половину своих боеприпасов против союзников, израсходовали другую половину против французов.

Это дезертирство примерно двадцати пяти тысяч человек послужило одной из веских причин для отступления; но, по-видимому, была и вторая, не менее веская. Констант рассказывает: “Вечером император сидел на красном сафьяновом походном стуле среди бивуачных костров, диктуя Бертье приказы на ночь, когда к его величеству явились два командующих артиллерией и сообщили ему, что у них почти закончились боеприпасы”. Было выпущено около двухсот двадцати пяти тысяч пушечных ядер, запасы были исчерпаны, а ближайшие склады были вне досягаемости.

Отступление началось той же ночью; и войска продолжали стекаться по единственному мосту через Эльстер так быстро, как только могли. Почему там был только один мост? Мы не сможем дать удовлетворительного ответа, если не примем теорию полного пренебрежения. Ручей был настолько мал, что за праздный день 17-го числа можно было бы навести любое количество мостов; но никаких приказов отдано не было, и французская армия была оставлена сражаться с ужасными силами противника, имея за спиной реку, через которую пролегла единственная линия отступления и через которую был единственный мост. Забыл ли император ужасный опыт Асперна? Разве он больше не был Наполеоном Риволи, как Ожеро больше не был Ожеро Кастильоне?

“Орден выдохся”, - заметил Наполеон при Аустерлице. “У человека осталось совсем немного времени для войны. Я продержусь еще шесть лет, а потом мне придется остановиться”.

Битва при Аустерлице произошла в конце 1805 года; при Лейпциге - в конце 1813-го: великий полководец уже на два года превысил свой лимит.

Худощавого, жилистого, неутомимого молодого генерала итальянской кампании, который сражался с Альвинчи пять дней, не смыкая глаз и не снимая сапог, никогда нельзя было узнать в унылом, медлительном, тучном и быстро уставшем императоре 1813 года.

На следующее утро, 19 октября, союзники обнаружили, что французы отступают, и атака возобновилась на всех участках со страстной энергией. Наполеон покинул свой бивуак, прибыл в Лейпциг и поселился в отеле под названием “*Прусское оружие*”. Он отправился во дворец, чтобы попрощаться с королем и королевой Саксонии, которые хотели по-прежнему следовать его примеру. Он посоветовал им остаться и установить наилучшие условия с союзниками. Он отпустил оставшиеся саксонские войска. Весь день продолжалось отступление, одновременно бушевало сражение, французский арьергард держался с великолепным мужеством.

Городские власти, опасаясь его полного разрушения, умоляли союзников приостановить канонаду до тех пор, пока французы не смогут уйти. “Пусть Лейпциг погибнет”, - ответили “Спасители Германии”, и пушки продолжали грохотать.

Чтобы защитить свой тыл во время отступления, Наполеону было предложено обстрелять пригороды рядом с позициями союзников. Он благородно отказался.

Какой это, должно быть, был ужасный день! Непрерывный гром тысячи пушек; треск четырехсот тысяч мушкетов; крики наступающих; вопли раненых; яростный грохот кессонов и повозок; похожая на шторм суматоха бесчисленных людей и лошадей, обезумевших от страсти, доведенных до высшей степени возбуждения, все отчаянно устремляются к обезумевшему городу, к залитым кровью улицам — чтобы добраться до важнейшего моста!

Казалось, мир пылал ненавистью к бегущим французам. Сама личная гвардия саксонского короля бросилась на своих поверженных союзников и обрушила смертоносные залпы на отступающие ряды. Даже трусливый баденский отряд, оставленный французами в Лейпциге рубить дрова для пекарен, теперь отложил топоры и из укрытия пекарен расстреливал проходивших мимо французских солдат.

Император с трудом переправился через реку и лично распорядился о воссоединении различных корпусов. Арьергард прилагал героические усилия, чтобы спасти армию; и все шло так хорошо, как только можно ожидать от поражений и отступлений, когда внезапно раздался оглушительный взрыв, который на мгновение заглушил шум сражения. Это разбудило заснувшего Наполеона; и когда Мюрат и Ожеро прибежали сообщить ему, что мост взорван и арьергард отрезан, он судорожно обхватил голову руками, ошеломленный ужасной новостью.

Французский офицер, которому было поручено разрушить мост, когда должен был пройти арьергард, слишком рано подорвался на mine.

Двадцать с лишним тысяч героев, прикрывавших отступление, оказались окруженными — впереди была вздувшаяся река, а во фланг и тыл наступали триста тысяч вражеских солдат. Несколько человек бросились в воду и переплыли ее, среди них маршал Макдональд. Некоторые при попытке плыть утонули, среди них герой-патриот Польши Понятовский с золотым сердцем. Но основная часть арьергарда сложила оружие перед врагом.

За три дня под Лейпцигом Наполеон потерял 40 000 человек убитыми, 30 000 пленными и 260 орудий. Союзники потеряли убитыми и ранеными 54 000 человек.

Отступление из Лейпцига было менее ужасным, чем отступление из Москвы, но оно было достаточно мрачным. Люди умирали, как мухи, от лагерных болезней, а те, кто сохранял строй, были деморализованы.

В Эрфурте Мюрат уволился из армии. Зятя обнялись на пылкий французский манер, который выглядит так много и так мало значит. В данном случае это значило значительно меньше, чем ничего, поскольку Мюрат уже решил присоединиться к союзникам, и Наполеон отдал приказ своему министру полиции заключить Мюрата в тюрьму, если его нога ступит на территорию Франции. Мюрат избежал опасности, добравшись до Неаполя по правому берегу Рейна и через Швейцарию.

К сожалению, лишенный сил, Наполеон отправился домой, делая все возможное, чтобы спасти остатки своей армии. Положение французам было настолько плачевным, что Бавария, на которую Наполеон обрушил огромные милости, оказалась неспособной устоять перед искушением дать пинка под зад умирающему льву. В Ханау удар был нанесен с плачевными результатами для задницы. Смертельно раненный лев смел баварцев со своего пути и двинулся дальше, переправившись через Рейн в Майнце 2 ноября 1813 года.

ГЛАВА XL

Отступление французов от Рейна до Вислы вызвало взрыв радости. Национальности и династии испустили вздох облегчения. Народы, так же как и короли, воевали против французского господства в 1813 году; и именно народы, а не короли погубили Наполеона. Оживленная Французской революцией, Германия частично отбросила феодализм; и если в 1807 году не существовало такого политического фактора, как немецкий народ, то в 1813 году он был всемогущим элементом сопротивления Наполеону. Немецкий государственный деятель изложил народную программу, немецкий памфлетист и агитатор пропагандировал ее, немецкий поэт вдохновлял ее, немецкая кафедра освятила ее, немецкое тайное общество организовало ее. Это было оружие; Испания показала, что с ним можно сделать; королям оставалось только ухватиться за него и пустить в ход. Под его ударами силы Наполеона неуклонно падали.

Вдохновленные немецким духом, армии союзников поднимались после каждого поражения, готовые снова сражаться. Увлекаемые течением, немецкие союзники Наполеона покинули его ряды и обратили на него свое оружие. Запуганные его мощью, его верные офицеры пали духом, потеряли самообладание, утратили здравый смысл. Воодушевленные его уверенностью, короли не испытывали страха и отвергали любые компромиссы. Едва Наполеон пересек Рейн, как его Рейнская конфедерация осталась в прошлом, Вестфальское королевство - воспоминанием, Жером Бонапарт - беглецом без короны, саксонский монарх - пленником, Голландия - восставшей провинцией, независимость Польши и Великое герцогство Варшавское - исчезнувшей мечтой.

"Спасители Европы" спасли ее. "Жестокое иго" Наполеона больше не будет досаждать Германии. Чтобы подчеркнуть этот факт, "Спасители" обложили страну данью в виде людей и денег, которая почти вдвое увеличила тяжесть жестокого ига Наполеона.

Очень тяжелой была рука Франции во время ее господства. Наполеон очень свободно распоряжался в Германии тем, что ему было нужно. Он очень жестоко подавлял всякое сопротивление своей воле. И французские офицеры, подражая своему начальнику, грабили страну с дерзким пренебрежением к умеренности или морали. Начиная с Жерома Бонапарта и ниже, представители Наполеона в Германии были, как правило, скандалом, обузой, невыносимым оскорблением немецкой гордости, немецкого патриотизма и немецких карманов. Именно с яростным взрывом сдерживаемого гнева Германия, наконец, восстала и изгнала их.

Кто был там, чтобы предупредить народы европейских государств о том, что они слепо отбрасывают пионеров прогресса, слепо борются с делом либерализма, слепо выполняют работу абсолютизма и привилегий? Кто бы прислушался к такому предупреждению, если бы нашлись те, кто был достаточно мудр и храбр, чтобы высказаться? На первый взгляд, работа, проделанная Наполеоном, неотделима от его способа ее выполнения. Методы были грубыми, иногда жестокими, всегда диктаторскими.

Люди могли видеть это, чувствовать это и возмущаться этим — точно так же, как они видели, чувствовали и возмущались его притязаниями на людей, деньги и военное снаряжение. Они не могли или не захотели должным образом учитывать конечную цель этого человека. Они не могли или не хотели понимать, насколько глубоко его свод законов и система управления способствовали окончательному торжеству либеральных принципов. Они не могли или не хотели понимать, что *тогда* не было другого способа под небесами, с помощью которого он мог бы подчинить силы феодализма, сломить могущество аристократии и установить равенство всех людей перед законом, кроме метода, который он применял.

Так народы в своем безумии объединились с королями, которые обещали им конституции, гражданские и политические свободы и представительное правительство. В своей спешке и рвении они схватились за оружие и сложили свои сокровища к ногам королей. В своем рвении и преданности они маршировали и сражались, терпели и упорствовали с бескорыстным постоянством, которого не могли сломить никакие испытания, страдания или поражения.

Они пошли в атаку с яростными криками радости; при отступлении они не были повержены; неудачи не ослабили их надежд и не поколебали решимости. Когда было заключено Плейсвицкое перемирие, они приветствовали его только потому, что это давало им время восстановить силы. Когда созвали Пражский конгресс, они отнеслись к нему со страхом, опасаясь, что может быть заключен мир и Наполеон останется полновластным хозяином Германии. Когда в полночь 10 августа на высотах вспыхнули огни маяков, их приветствовали так, как рабы приветствовали бы сигналы освобождения.

В своих Мемуарах Меттерних рассказывает, что, когда после битвы при Лейпциге он вошел во дворец короля Саксонии, чтобы сообщить ему о желании союзников, королева горько упрекнула его за то, что он бросил “святое дело” Наполеона. Меттерних утверждает, что он сообщил ей, что пришел сюда не для того, чтобы обсуждать с ней этот вопрос.

И все же, если у Меттерниха и был какой-то ответ, то самое время его дать. Сторона королевы в этом деле была тогда слабее, чем когда-либо будет снова; Меттерних сильнее. Какой бы совершенной ни была вера королевы, ей было не под силу проникнуть за завесу прошедших лет и увидеть, что ждет ее в будущем. Если бы дух пророчества коснулся ее губ, ее приняли бы за маньяка, потому что это было бы ее откровением: —

“Обещания, данные королями народу, будут нарушены; надежды патриотов будут разбиты вдребезги; начнется контрреволюция; и тень абсолютизма сгустится над миром. Дворянин снова наденет сапоги со шпорами; крестьянин снова будет бояться хмурого взгляда своего господина. Король не будет следовать никакому закону, кроме того, который ему приятен; священник снова признает, что Иегова - тори и иезуит. Реакционеры отвергнут Кодекс Наполеона и революционные принципы гражданского равенства. Тюрьмы будут переполнены либералами; на сотнях виселиц будут гнить демократы. Инквизиция придет снова, и вопли еретика успокоят беспокойную совесть православных. Конституции, обещанные народам и торжественно подтвержденные королями, будут хладнокровно отвергнуты, а герои, требовавшие их, в результате смерти предателей станут мучениками за свободу.

Средневековые вернутся; статуи Богородицы будут плакать, или подмигивать, или потеть; а чудеса освежат веру праведников, принесет смерть насмешнику, который слишком смело сомневается. Прессе заткнут рот кляпом, лишат свободы слова, объявят публичные собрания

уголовно наказуемыми. Иезуиты будут кишеть, как никогда прежде, монастыри и обители наполнятся до отказа, церковные богатства приумножатся, и ни священник, ни дворянин не будут платить дань государству. Клерикальные газеты потребуют повесить либералов, клерикалы захватят школы, клерикалы запретят все политические публикации.

“Придет время, когда снова будет провозглашена европейская доктрина о том, что суверен обладает полной властью над жизнями и имуществом своих подданных. Придет время, когда тот же император Франциск публично предостережет профессоров Лайбаха, чтобы они не слишком многому учили молодежь Германии: ‘Мне не нужны ученые люди! Мне нужны послушные мужчины!’”

“Придет время, когда во Франции времен Бурбонов дело Революции будет отложено в сторону одним росчерком пера, и абсолютное правительство снова будет провозглашено. Даже в Англии попытка свободы слова на публичном митинге вызовет войска, которые нападут на смешанную и безоружную толпу, рая и убивая с жестокостью, порожденной фанатичным роялизмом и классовой тиранией. Призыв к реформам вызовет там такое сопротивление, что Веллингтон будет держать свою армию в готовности к массовому уничтожению английского народа.

“Придет время, когда эти три короля — Александр, Франциск и Фридрих Вильгельм — заключат свой Священный Союз в интересах аристократии, наследственных привилегий, клерикальной тирании и абсолютной королевской власти. Силой оружия они сокрушат демократию, где бы она ни появилась; они установят в Европе царство террора; и дело человеческого прогресса, похоже, будет потеряно навсегда.

- А что касается вас, князь Меттерних, то придет время, когда вы будете настолько отождествлены с угнетателями народа, будете так хорошо известны как их умелое орудие, их бессердечный защитник, их безжалостный палач, их лощеный лжец, лицемер и отъявленный мошенник, что государственный министр провозгласит под всеобщие аплодисменты: “Именем Меттерниха я суммирую позор последних десятилетий!”

Все это королева Саксонии могла бы сказать своему наглому мучителю, ибо все это - буквальная правда. В свете истории эта женщина была права: дело Наполеона было “священным делом”.

* * * * *

Когда император прибыл в Париж, его положение было самым тяжелым, с каким когда-либо приходилось сталкиваться смертному. Не будучи законным королем, как Александр, Фридрих Вильгельм или Франциск, его власть не смогла оправиться от потрясений, которые они так легко пережили. Каким бы великим ни был его строительный гений, он не смог придать своей империи той прочности и святости, которые приходят с возрастом. Он мог создать сословия знати, судебную, законодательную и исполнительную системы; он мог воздвигнуть трон, основать династию и окружить ее двором; но он не мог настолько освятить ее таинственным благословением времени, чтобы она бросила вызов невзгодам и устояла своей силой среди штормов, которые бушевали вокруг нее.

Великий Фридрих и маленький Фридрих Вильгельм оставались центром прусских надежд, прусской лояльности, прусских усилий даже тогда, когда Берлин был в руках врага, армия

потерпела поражение, а король почти в бегах. Пруссия во всех своих битвах сражалась за короля; о своих поражениях скорбела вместе с королем; о своем воскрешении из мертвых сплотилась вокруг короля.

Австрия сделала то же самое. В ее императоре Франциске было так же мало настоящей мужественности, как и в любом другом властителе, который когда-либо самодовольно повторял формулу “Бог и я”. Он был слаб на войне и в мирное время; в голове - пусто; в сердце - восково и холодно; в духе - эгоистично, лживо, трусливо и беспринципно. И все же, когда неспровоцированные нападения этого человека на Наполеона повергли Австрию в стыд и скорбь — города сожжены, поля опустошены, армии уничтожены, в каждом доме скорбь по погибшим в битвах, — Австрия не знала другого оплота, кроме Франциска; и когда бедняга вернулся в Вену после того, как Наполеон даровал ему мир, все классы встретили его с восхищением, любовью, преданностью и энтузиазмом. Наполеон, вернувшийся во Францию с победой, был встречен французами не более радостно, чем побежденному и ограбленному Франциску рукоплескали в Вене.

Один был законным королем, другой - нет. На стороне Франциска и Фредериксов были время, воспитание, привычка и система. Немцы рождались в этой системе, получали в ней образование, практиковались в ней и умирали вне ее — им наследовали поколения, которые не знали ничего, кроме как следовать по стопам тех, кто был раньше.

Во Франции старый порядок был свергнут, а новый не настолько полностью отождествил себя с Наполеоном, чтобы он мог проявить ту огромную силу, которую древность и обычаи придают институтам.

Тем не менее, истина, по-видимому, заключается в том, что в своих последних сражениях Наполеон поддерживал массы. Если бы он обратился с прямым призывом к крестьянству и рабочим городов, есть все основания полагать, что он мог бы привлечь на свою сторону миллион человек. Население Франции тогда не стояло на месте, как сейчас. Оно неуклонно увеличивалось; и оно было довольно процветающим и вполне довольным. Император уделял особое внимание сельскому хозяйству и мануфактурам. Он всячески поощрял и то, и другое, и его усилия принесли плоды. Он не увеличивал налоги, он не обременял государство займами, он не выпускал бумажных денег, он даже не изменил законы о воинской повинности. В некоторых из своих кампаний он призывал рекрутов раньше установленного законом срока; но, поскольку Сенат санкционировал этот призыв, нация молча согласилась. Это правда, что мужчины и юноши уклонялись от призыва офицеров, и что число тех, кто бросал вызов и сопротивлялся призыву, возросло до многих тысяч; но смысл этого заключался не более чем в том, что люди устали от далеких войн.

Обещание императора о том, что солдаты не должны быть отправлены из Франции, очевидно, обеспечило бы ему полную военную поддержку нации. Но Наполеон не мог получить его собственного согласия на вооружение крестьян и ремесленников. И в 1814, и в 1815 году ему предлагался этот единственный шанс на спасение; каждый год он отвергал его.

Ужасные сцены Революции, свидетелем которых он был, оставили в его наследство болезненный страх перед толпой. Солдат, который мог невозмутимо взирать на ужасающий разгром под Лейпцигом, где люди гибли в дикой буре сражений десятками тысяч, никогда не мог освободиться от воспоминаний о парижской черни, убившей несколько сотен человек. В

Москве он отказался вооружать крепостных против их хозяев; во Франции он столь же сознательно отвергал все предложения обратиться к низшим слоям общества с просьбой поддержать его трон.

Секрет раскрывается его вопросом: “Кто может сказать мне, какой дух будет одушевлять этих людей?” Он опасался за свою династию, страшился республики, в которой свободные выборы будут влиять на выбор исполнительной власти.

Но в то время как масса французского народа оставалась верной Наполеону, высшие классы были разделены. В стране всегда была закваска роялизма, и сам Наполеон значительно усилил ее влияние. Возвращая эмигрантов, восстанавливая наследственные поместья, заново создавая дворянские ордена и устанавливая королевские формы правления, он готовил страну к монархии так, как никто другой не смог бы сделать — “стелил постель бурбонам”. Древняя знать, как правило, втайне презирала его как корсиканского парвеню, даже когда толпилась в его приемных и осыпала себя его милостями. Теперь, когда начались неудачи, их взоры обратились к их старым хозяевам, бурбонам, и надежды на реставрацию и контрреволюцию начали приобретать отчетливые очертания в самом Париже.

Роялистов также поддержало большое число богачей, возмущавшихся подходным налогом в размере двадцати пяти процентов, который Наполеон в то время считал необходимым ввести для них. У них, богатых, была на него еще одна обида: он не позволял им грабить его казну, как это делали богатые в Англии. Он также не предоставлял освобождений от какого-либо общественного бремени, поскольку особые привилегии были в его глазах чем-то совершенно отвратительным. Следовательно, такие люди, как великий банкир Лаффит, не были его друзьями.

Был еще один элемент оппозиции, который дал о себе знать во время этого кризиса. Были различные подрядчики и другие государственные служащие, которые воспользовались упадком власти Наполеона, чтобы грабить, присваивать и мошенничать. Император напал на след многих из этих людей и в своем гневе поклялся предать их суду. “Никогда я не прощу тех, кто разбазаривает государственные средства!” Эти люди вращались в высших кругах и имели много социальных, политических и финансовых союзников. Опасаясь наказания, если Наполеон займет свой трон, они стали активными сторонниками реставрации Бурбонов. Даже его старый школьный товарищ Бурьен, его личный секретарь на протяжении многих лет, бесстыдно предал его. Император обнаружил тот факт, что Бурьен использовал свое служебное положение в личных целях, и уволил его; но из-за старых связей смягчил падение, назначив его консулом в Гамбурге. В этом месте Бурьен сколотил состояние, нарушив континентальную систему, и теперь он ненавидел человека, которого предал и от которого боялся наказания. Это был всего лишь один случай из сотен.

Затем были Талейраны, Фуше, Ремюза, аббат Луи, аббат Монтескье, герцог де Дальберг. Талейран был богат, облагорожен, императорски избалован, но ему никогда не доверяли. Наполеон терпел его продажность и предательства до тех пор, пока люди не восхитились его терпением. Этот министр Франции был на жалованье у Австрии, России, Англии, у любого врага Франции, который мог заплатить такую цену. Вероятно, именно он продал Англии тайну Тильзита. Несомненно, именно он вступил в сговор с царем против Наполеона и брал взятку у Австрии каждый раз, когда она нуждалась в милосердии со стороны Франции. Именно он вымогал дань у союзников Наполеона и в то же время продавал государственные секреты

врагам Наполеона. Осужденный и уволенный, а затем снова нанятый на работу, этот человек созрел для большего предательства, чем он когда-либо совершал, и теперь он верил, что такая возможность не за горами.

Фуше также был министром Наполеона, наполеоновским герцогом Отранто. Участвуя во всевозможных заговорах и отваживаясь на прямую интригу с Англией, Наполеон опозорил его, вместо того чтобы расстрелять. Нуждаясь в нем снова, император вновь задействовал его, тем самым предоставив другому злобному врагу шанс нанести удар, когда придет время.

В армии существовало такое же великое разделение настроений: рядовые были преданы Наполеону, офицеры разделились.

Маршалы устали от войны, для них больше ничего в ней не было. Они поднялись так высоко, как только могли; они обогатились до отвала; их слава утвердилась. Почему они должны продолжать сражаться? Неужели их никогда не оставят в покое? Какой смысл иметь богатство, если они никогда им не наслаждались?

Маршалы были людьми; их ворчание было самым естественным. Они искренне верили, что мир зависит только от императора, что ему нужно только протянуть руку, чтобы заполучить его.

Сам он знал лучше; но его почти сводило с ума осознание того, что так мало кто понимал это так, как он.

“ Мир! мир! - нетерпеливо крикнул он гусю Бертье. “ Ты, несчастный! Разве ты не знаешь, что я хочу мира больше, чем кто-либо другой? Как мне это получить? Чем больше я уступаю, тем больше они требуют!”

Это подводит нас непосредственно к вопросу: действительно ли союзники добросовестно предложили Наполеону мир, а он опрометчиво отказался от него?

Тогда и позже он утверждал, что сделал все, что было в его силах, чтобы добиться почетных условий. Почти на последнем издыхании он повторил это заявление на острове Святой Елены. Что же в этом такого правдивого?

Пусть любой, кто желает знать, изучит Мемуары того периода; пусть он далее изучит депеши и договоры союзников; пусть он придаст должное значение влиянию на этих союзников бурбонов, древней знати, высших священников католической церкви, династическим предрассудкам союзных королей и сильной личной ненависти таких могущественных советников королей, как Поццо ди Борго, Стейн, Бернадотт, Каслри и Талейран. В дополнение к этому, пусть такой студент подумает о том, как союзники нарушили Плейсвицкое перемирие, капитуляции Данцига и Дрездена, договоры, которые они заключили с Наполеоном в 1812 году, и то, что они заключили с ним при его отречении от престола в 1814 году.

Пусть такой исследователь, кроме того, подумает, что эти союзники не только нарушили договор, который они заключили с Наполеоном в 1814 году, но также нарушили обязательства, которые они дали своим собственным народам, втянув их в войну.

Если после изучения этих свидетельств недобросовестности союзников еще останутся сомнения, Мемуары Меттерниха устранят их — если их вообще можно устранить.

Миру известно, что единственной общепризнанной целью союзников было освобождение Европы путем изгнания Наполеона обратно за Рейн, и что теперь эта цель была достигнута. Следовательно, если реальные цели, которые имели в виду союзники, были теми, которые были обнародованы, почему война не должна была прекратиться? Европа была свободна, империя Наполеона рухнула, у него не осталось ничего, кроме Франции — почему союзники должны следовать за ним туда? Необходимо было ввести мир в заблуждение по этому поводу, и это было задачей Меттерниха, поскольку короли-союзники были полны решимости вторгнуться во Францию и положить конец политическому существованию Наполеона. Меттерних сам признает это; и все же он убедил их сделать Наполеону знаменитые Франкфуртские предложения. Весь мир знает, что короли-союзники с явным избытком великодушия уже тогда предложили Наполеону заключить такие условия, которые оставили бы ему во владении Францию 1792 года, более обширное государство, чем когда-либо правил величайший из королей Бурбонов. Чего мир не знал, так это того, что эти франкфуртские предложения не были искренними и были сделаны только для эффекта. Союзникам было необходимо прикрыть свои собственные замыслы, оправдать свой отход от деклараций 1813 года, создать впечатление, что они сами выступали за мир, в то время как Наполеон упорствовал в войне. Преуспев в этом, они выбили бы почву у него из-под ног, разделили бы французов и лишили бы его энтузиазма и единой национальной поддержки. С помощью глубокой политики и двуличия они стремились создать у самой Франции впечатление, что Наполеон был единственным препятствием на пути к миру и что их усилия были направлены против него, а не против Франции, ее институтов, ее принципов или ее славы. Ни на мгновение у Франции не было повода заподозрить, что бурбоны будут ей навязаны, и великое дело Революции частично будет сведено на нет. Ни на мгновение ей не позволили осознать, что предложения мира Наполеону были обманчивыми — предназначенными только для того, чтобы поставить его в неловкое положение и разделить его народ. Тем не менее, сам Меттерних признает, что франкфуртские предложения были сделаны для эффекта — не только признает это, но и ставит это себе в заслугу. Он заявляет, что был вынужден применить все свое влияние на союзных монархов, чтобы заручиться их согласием на эти предложения, и что он преодолел их сопротивление, как преодолел сопротивление Александра в 1813 году, заверив их, что предложения ни к чему не приведут.

ГЛАВА XLI

Если бы Наполеон немедленно принял франкфуртское предложение в том виде, в каком оно было сделано, обеспечил бы он мир? Очевидно, что нет, поскольку Меттерних выдвинул два условия к своему предложению, которые не выглядят мирными. Во-первых, война не должна была быть приостановлена на время переговоров. Во-вторых, Франкфуртские предложения следовало воспринимать только как *сносы*, над которыми могли бы работать дипломаты. Похоже ли это на *добросовестное* предложение мира? Наполеон так не думал, и беспристрастная история должна долго колебаться, прежде чем признать его ошибку. Когда в декабре 1813 года он отправил своего посланника к союзникам, согласившись на все, что они требовали, ему еще раз сказали, что ему следовало согласиться раньше. Сделав это

предложение, союзники добились своего, и их активный интерес к этому вопросу иссяк. Французского посланника держали в узде, добиваясь аудиенции и положительных ответов, в то время как армии союзников вступали во Францию.

Франция в 1814 году была нацией численностью около тридцати миллионов человек. За 1812 и 1813 годы она поставила почти шестьсот тысяч солдат для армий Наполеона. Из них около половины были пленными в России и Германии или были заперты в отдаленных гарнизонах; около двухсот тысяч погибли или пропали без вести; около ста тысяч остались подчиненными призыву императора. Он надеялся, что дальнейшая воинская повинность даст ему триста тысяч новобранцев, но этого не произошло.

В кампаниях в России и Саксонии было потеряно так много военного снаряжения, что он не мог снабдить добровольцев мушкетами; некоторые отправлялись на войну, вооруженные дробовиками. Он также не мог собрать большой отряд кавалерии; лошадей не было. Не было и формы для всех; некоторые отправились на фронт в сабо и блузах. Денег не хватало, и император взял более 10 000 000 долларов из своих личных средств (сэкономленных по его Гражданскому списку) и вложил их в оснащение войск, призывая также богатых к добровольным взносам в скользящей шкале, которую он был достаточно предусмотрителен, чтобы предоставить. Были увеличены некоторые налоги, общинные земли переданы на государственную службу, а бумажные деньги выпущены в счет стоимости этой конкретной собственности.

Компетентные судьи высказали мнение, что если бы Наполеон в это время освободил папу римского и Фердинанда Испанского, причем сделал это безоговорочно, он мог бы одержать победу в кампании, которая вот-вот должна была начаться. Освобождение папы могло бы вернуть к верности многих недовольных; освобождение Фердинанда могло бы привести к необходимости ухода англичан из Испании, и таким образом Наполеон привлек бы к своей поддержке ветеранов, которых он все еще держал там. Цитируются слова герцога Веллингтона о том, что, если бы Фердинанд появился в Испании в декабре 1813 года, англичанам пришлось бы эвакуировать ее. Он, как никто другой, должен был это знать.

Но Наполеон не согласился бы на безоговорочную капитуляцию ни папе, ни Фердинанду. Он заключил мир с последним, который, будучи половинчатой мерой, не принес никакой пользы; а что касается папы, Святой Отец отказался вести какие-либо переговоры со своим “сыном во Христе Иисусе”. Сначала верните его в Рим, а потом он будет лечить.

С того момента, как Наполеон вернулся из Саксонии, и до того, как он покинул Париж, чтобы возглавить свою последнюю кампанию, прошло менее трех месяцев.

Никогда еще не было времени, когда он трудился с большим терпением или проявлял большую силу духа, отвагу и решительность. Но факты, по-видимому, указывают на то, что он потерял надежду, что он осознавал тот факт, что спасти его может только чудо.

Со времен русской кампании у него не было прежней уверенности в своей звезде. Отправляясь из Сен-Клу в свою кампанию в Саксонии, он сказал Коленкуру: “Я завидую судьбе самого подлого крестьянина в моей империи. В моем возрасте он расплатился со своими долгами перед страной и остается дома, наслаждаясь обществом жены и детей, в то время как я... я должен бежать в лагерь и броситься в бой”.

Меневаль утверждает, что наедине он нашел императора “измученным заботами, хотя и делал все возможное, чтобы скрыть свое беспокойство”.

Но на людях его лицо было спокойным и обнадеженным. В наших разговорах он обычно жаловался на усталость от войны и на то, что больше не может выносить конных упражнений. Он в шутку упрекнул меня в том, что я прекрасно провожу время, в то время как сам с трудом тащил свой плуг”.

Есть ли что-нибудь более трогательное, показывающее, насколько величественно возвышался Наполеон над ничтожествами, которые пытались свергнуть его, чем его упрек интриганам из законодательного корпуса?

Возглавив тамошнюю нелояльную фракцию, месье Лейне — старый жирондист, ныне роялист, которому вскоре предстояло установить знамя Бурбонов в Бордо, — начал движение, целью которого было оказать помощь союзникам, показав, что во Франции существуют разногласия, и сформировав ядро оппозиции бурбонам. Комитет, которым руководил Лейне, составил доклад, в котором правительство Наполеона подвергалось скрытому порицанию и требовались реформы. Следуя этому примеру, другие члены законодательного органа потребовали принятия предложений Франкфурта.

Это движение оппозиции в законодательном органе в то время, когда полмиллиона человек готовились вторгнуться во Францию, было не чем иным, как государственной изменой. В такой критический момент самый тупой из французов, должно быть, понял, что препятствие Наполеону было утешением для врага.

Даже холодный Паскье признает, что слова императора, обращенные к этим людям, были “несколько трогательными”.

Упрекнув комитет за то, что он позволил Лейне, роялисту, сбить их с пути истинного, Наполеон сказал: “Я нуждался в чем-нибудь, что могло бы меня утешить, а вы стремились обесчестить меня. Я ожидал, что вы объединитесь умом и делом, чтобы изгнать чужеземца. Вы позвали его прийти! Действительно, если бы я проиграл два сражения, это не нанесло бы Франции большего ущерба”.

Несколько трогательно, канцлер Паскье? Ах, если когда-либо и было слышно, чтобы великий человек рыдал публично, то это было здесь! Более благородного горя и более благородного его выражения история редко встречала.

В ходе той же беседы возмущенный император напомнил законодателям, что любые разногласия, существовавшие между ним и ними, следовало обсуждать наедине. “Грязное белье не следует стирать на публике”. Затем, охваченный гневным нетерпением по отношению к тем, кто вечно болтал о жертвах, которые он требовал от Франции, он воскликнул: “Франция нуждается во мне больше, чем я во Франции”. Это было правдой, но заявление было опрометчивым, и его враги сразу же неверно истолковали смысл его слов и использовали это замечание во вред ему. Он распустил законодательный орган, несомненно, опасаясь, что, пока он стоит во главе армии, роялисты палаты могут стать опасностью у него в тылу.

Удар за ударом обрушивались на побежденного императора в последние недели 1813 г. Сен-Сир сдал Дрезден, а Рапп - Данцик при условии, что их войскам будет разрешено вернуться во Францию. Союзники отменили эти условия и удерживали гарнизоны в качестве военнопленных.

Констан рассказывает о двух случаях, которые раскрывают меланхолию Наполеона полнее, чем его слова Меневалю или законодательному собранию.

Император передвигался по Парижу в более неформальной обстановке, чем когда-либо. Иногда верхом, иногда пешком он отправлялся инспектировать общественные работы, школы и больницы. Очевидно, ему было любопытно почувствовать общественный пульс. Констант говорит, что люди приветствовали его, и что иногда огромные толпы следовали за ним обратно в Тюильри. Было время, когда император не обращал особого внимания на крики уличной толпы. Теперь крик энтузиазма был музыкой для его ушей. После одного из таких эпизодов император возвращался во дворец в приподнятом настроении, ему было что сказать своему камердинеру в тот вечер, и он был "очень весел".

Во время визитов в Сен-Дени (Женскую школу ордена Почетного легиона) императора обычно сопровождали два пажа. "Вечером случилось так, - пишет Констант, - что император, вернувшись из Сен-Дени, сказал мне со смехом, войдя в свои покои, где я ждал, чтобы раздеть его: "Ну, ну, вот мои пажи, пытающиеся походить на древних пажей. Маленькие негодяи! Ты знаешь, что они делают? Когда я отправляюсь в Сен-Дени, они спорят друг с другом о том, кто поедет со мной". Говоря это, император смеялся, потирал руки и несколько раз повторил тем же тоном: "Маленькие негодяи".

Признает ли канцлер Паскье, что это тоже было "несколько трогательно"?

Величайший человек всей истории сказал с гордой печалью: "Мне нужно было, чтобы кто-нибудь утешил меня", и мы не осознаем, насколько бесконечно он был опечален, пока не прочтем в простодушном рассказе Константа, что крики толпы сделали его "очень веселым", а спор мальчишек во дворце о том, кому из двоих пойти с ним в город, заставил его радостно потирать руки и снова и снова повторять: "Ах, маленькие негодяи".

* * * * *

В начале 1814 года поступила положительная информация о том, что Мюрат заключил мирный договор с Австрией и пообещал тридцатитысячную армию для сотрудничества с союзниками против Франции. Как бы сильно ни ранило императора это дезертирство, хуже всего было то, что он знал, что его сестра Каролина виновата больше, чем Мюрат. Она не верила, что союзники намеревались свергнуть Наполеона с престола; она верила, что он может заключить мир на основе Франкфуртских предложений; и чтобы спасти свою собственную корону, она верила, что необходим договор с союзниками. До такой степени ее предательство можно смягчить — оправдания ему нет.

marais j'ai reçu votre lettre
18 les sentes que. m'arrivent
me touchent vivement et me
de votre belle ame exaltée
de votre air. Quelque chose
aura mesuré m'affaire. Si vous
allez avec eandem l'usage ou de
pise pour de la avec
un grand et infatigable amour
votre fort j'espère m'arriver
Lecteur l'usage m'arrivera plus
votre. vous pour de la
plus avec avec plusieurs
votre j'espère de la de
le/barril.



ПИСЬМО ГРАФИНЕ ВАЛЕВСКОЙ, 16 апреля 1814 г.*

Это отступничество было самым жестоким ударом из всех, поскольку Мюрат обещал свою поддержку, и император основывал на этом свой план кампании. Он намеревался, чтобы Эжен

объединил свои силы с силами Мюрата и чтобы они вдвоем обрушились на австрийскую линию коммуникаций, угрожая Вене. От этого плана он ожидал самых счастливых результатов.

Мюрат вел переговоры с Англией и Австрией, но не выдвинул определенных условий. Говорят, что к такому решению его подтолкнула рана, которую Наполеон нанес его тщеславию. Мюрату, написавшему императору, что он может вывести тридцать тысяч человек на поле боя на помощь Франции, было приказано отправить войска в Павию, где они получают “приказ императора”. Король Неаполя получил это письмо в тот день, когда вместе с королевой и другими гостями совершал визит в Помпеи. Тон Наполеона так сильно задел его, что он разорвал депешу на куски, растоптал их и вернулся в Неаполь, чтобы завершить рассмотрение австрийских предложений.

Следует пожалеть этого храброго, тщеславного, непостоянного Мюрата, доведенного до позора и гибели врожденным легкомыслием характера, уязвленным тщеславием, эгоистичными побуждениями амбициозной жены и искушениями профессиональных дипломатов.

Англия вырыла могилу Мюрату так же, как и Наполеону, ее агентом в Неаполе был лорд Бентинк. Мюрат послал англичанину почетную шпагу, и тот написал своему правительству:

“Это серьезное насилие над моими чувствами - брать на себя какие-либо обязательства перед человеком, которого я так глубоко презираю”.

В тот же день он написал Мюрату: “Шпага великого полководца - самый лестный комплимент, который может получить солдат. С величайшей благодарностью я принимаю, сир, подарок, который вы оказали мне честь прислать”.

Мы должны предположить, что лорд Бентинк принадлежал к тому, что лорд Уолсли называет “высшим типом английского джентльмена”; следовательно, о его двуличии нельзя говорить в терминах, которые мы используем, обличая вульгарных.

После Саксонской кампании с императором случилось еще одно несчастье — два его брата, Джозеф и Джером, оказались во Франции. Веллингтон не слишком много оставил первого, чтобы уйти в отставку в Испании; но что бы там ни было, Джозеф отказался от этого и уехал. Теперь он был в Париже, как всегда уверенный в своих великих достоинствах и, к величайшему сожалению, проявляющий свое прежнее дурное влияние. Наполеон сделал этого слабоумного генерал-лейтенантом королевства, а императрицу-регентшей, Жозеф стал президентом Регентского совета. Сейчас мы увидим катастрофические последствия передачи такой власти в руки Джозефа.

Наконец все, чего человеческие усилия и человеческий гений могли достичь для национальной обороны за столь короткое время, было сделано; и императору стало необходимо присоединиться к своей армии.

В воскресенье 23 января 1814 года, когда стало известно, что он покинет Париж через несколько часов, офицеры двенадцати легионов Национальной гвардии собрались в зале маршалов Тюильри, чтобы быть представленными императору по возвращении с мессы. Вскоре он подошел; и пока императрица стояла рядом с ним, он взял на руки своего маленького сына и представил его блестящей толпе. Голосом, выдававшим его глубокие чувства, он сказал им, что собирается покинуть Париж, чтобы встать во главе армии, которая изгнала захватчиков из

Франции, и он рассчитывает на рвение всех добропорядочных граждан. Он призвал их быть едиными и отвергать все инсинуации, которые могли бы привести к расколу. “Не будет недостатка в усилиях, чтобы поколебать вашу верность своим обязанностям; я полагаюсь на то, что вы отвергнете эти вероломные попытки. Господа, офицеры Национальной гвардии, я отдаю под вашу защиту то, что после Франции мне дороже всего на свете, — мою жену и моего сына!”

Даже Паскье отмечает, что эти слова были произнесены тоном, проникающим в самое сердце, и с благородным и трогательным выражением лица. “Я видел, как по многим щекам текли слезы. Все под всеобщее одобрение поклялись быть достойными оказанного им доверия, и каждый из них принес эту клятву со всей искренностью”. Невольно немного приободрившись, канцлер добавляет: “Этот могущественный монарх в трудных обстоятельствах, этот славный солдат, стойко переносящий удары судьбы, мог лишь глубоко взволновать души, когда, взывая к самым сокровенным чувствам человеческого сердца, он отдал себя под их защиту”. Ученый канцлер сдержанно добавляет, что “столица не осталась равнодушной к этой сцене и была тронута ею глубже, чем можно было ожидать”.

Давайте уберемся подальше от этого сквозняка с замерзших вершин выдающейся респектабельности и обратимся к человеку, биение сердца которого не охлаждалось ни в одном общественном или судебном холодильнике.

Константа пишет:—

“...Взгляд императора остановился на императрице и на короле Рима. Он добавил голосом, выдававшим волнение, указывая взглядом и жестом на своего сына: ‘Я доверяю его вам, джентльмены!’ При этих словах поднялись тысячи криков, тысячи рук, клянящихся охранять это драгоценное доверие. Императрица, залитая слезами, упала бы, если бы император не подхватил ее на руки. При этом зрелище энтузиазм достиг апогея; слезы полились у всех из глаз, и не было ни одного зрителя, который, казалось, не был готов пролить свою кровь за императорскую семью”.

* * * * *

В начале 1814 года Франции угрожали четыре армии численностью в полмиллиона человек. Веллингтон находился в Пиренеях на юге, Бернадотт - в Нидерландах, в то время как Блюхер и Шварценберг, перейдя Рейн выше по течению, но в разных местах, шли на Париж по Сене и Марне.

С уверенностью, которую оправдали события, император оставил Сульта, чтобы выступить против Веллингтона. Что касается Бернадотта, то союзники ему не доверяли и Наполеон его не боялся. Вероломный француз просто договорился с союзниками, потому что они пообещали отобрать Норвегию у Дании и передать ее Швеции. В дополнение к этому российский царь размахивал перед глазами Бернадотта, как соблазнительной приманкой, короной Франции — факт, который сам по себе доказывает несостоятельность предложений, сделанных Наполеону из Франкфурта. Те, кто купил его, настолько хорошо понимали хитрого шведского королевского принца, что каждая из четырех великих союзных держав — Россия, Австрия, Пруссия и Великобритания - держала его под строгим личным наблюдением. Армии, возглавляемой таким человеком, Наполеону было нечего опасаться; и он отдал всю свою личную энергию Блюхеру и Шварценбергу, особенно Блюхеру. Этот старый гусар, служивший под началом Фридриха Великого и которому теперь было более семидесяти лет, был самым энергичным из всех

офицеров, выступавших против Франции; и он доставил Наполеону больше хлопот, чем все остальные, вместе взятые. Он мог легко превзойти генерала, он мог быть побежден сколько угодно раз таким полководцем, как Наполеон; но победить его было невозможно. Разбитый в один прекрасный день, он был готов снова сражаться на следующий. Перехитренный в один момент, он оказался готовым к битве в другой. Его марши были быстрыми, его ресурсы неисчерпаемыми, его мужество и решительность вдохновляли не только пруссаков, но и все союзные армии. Он не был выдающимся генералом, скорее грубияном; но он был примерно так же пригоден для задачи по истощению сил Наполеона, как любой офицер, которого Европа могла бы выставить на поле боя.

Медленно продвигаясь от Рейна к Парижу, не встречая сопротивления, которое могло бы помешать их продвижению, союзники, которые вели войну только против Наполеона и которые не держали зла на Францию и чьим желанием было, как они заявляли, видеть Францию “великой, процветающей и счастливой”, дали волю такой распущенности, нанесли такой ущерб собственности и такое зверское надругательство над мужчинами, женщинами и детьми, что подробности не могут быть напечатаны. В Испании Наполеон расстрелял своих солдат, чтобы положить конец грабегам; в России он сделал то же самое. В Лейпциге он отказался сжечь пригороды, чтобы спасти свою армию. Во время своих вторжений в Пруссию и Австрию он так хорошо держал своих людей в узде, что некомбатанты лично были почти в такой же безопасности, как при своем собственном короле. В Берлине французский император публично опозорил видного французского офицера за то, что тот написал оскорбительное письмо немецкой даме.

Во Франции монархи, каждое воззвание и договор которых проходили под ханжеским заголовком “Во имя Святой и Нераздельной Троицы”, напустили на страну дикие орды казаков, хорватов и прусских фанатиков, которые обрушивали свою месть на невоюющих крестьян и деревенских жителей, пока вторжение “Спасителей общества” не превратилось в сатурналию похоти, крови и поджогов, которую не описать никаким языком, пригодным для написания книг.

Пруссаки почти достигли Бриенны, когда император выступил в поход с небольшим отрядом и выбил их из Сен-Дизье. Затем он внезапно наткнулся на Блюхера в Бриенне, когда прусский генерал пировал в замке, и схватил одного из высших офицеров у подножия лестницы. Император считал, что он сам схватил Блюхера, и кричал: “Мы будем держаться за этого старого бойца; кампания долго не продлится!”

Но Блюхер сбежал через заднюю дверь и спасся. Битва бушевала на территории школы и в парке, где в детстве читал и медитировал Наполеон. Во время боя он обнаружил, что штурмует здания школы, где были размещены пруссаки; и он указал своим товарищам на дерево в парке, под которым он читал “Освобожденный Иерусалим”.

Одним из руководителей движения в Бриенне был кюре, который был регентом колледжа во время правления там Наполеона. Они узнали друг друга, император воскликнул: “Что! это ты, мой дорогой учитель? Значит, ты никогда не покидал этих краев? Тем лучше; у вас будет больше возможностей послужить делу страны”.

Кюре оседлал свою кобылу и бодро занял свое место в императорском штабе, сказав: “Сир, я мог бы найти дорогу по окрестностям с закрытыми глазами”.

Император выбил пруссаков из Бриенны с большими потерями; но когда Блюхер присоединился к Шварценбергу, а Наполеон со своими небольшими силами атаковал эту огромную массу у Ла-Ротьера, он был отбит после отчаянного боя.

Возвращаясь в Бриенский замок, чтобы провести ночь, император внезапно подвергся нападению толпы казаков, и на мгновение он оказался в большой личной опасности; настолько большой, что выхватил саблю, чтобы защититься. Казак бросился на него с пикой и был застрелен генералом Гурго.

Этот инцидент дал Гурго право предъявлять претензии Наполеону, о которых впоследствии часто слышали, — пожалуй, слишком часто, как считал император. На острове Святой Елены Гурго, человек раздражительный и ревнивый, мучил себя и своего господина слишком многими жалобами на пренебрежение и слишком часто напоминал императору о пистолетном выстреле, убившем казака.

“Я ничего этого не видел”, - сказал Наполеон, тем самым положив конец этой особенно частой неприятности в разговоре.

Теперь было 1 февраля 1814 года; император отступил к Ножану, австрийцы последовали за ним. Блюхер отделился от Шварценберга, разделил свою армию на небольшие отряды и направился прямо к Парижу. В мгновение ока Наполеон увидел свое преимущество и начал действовать. У Шамп-Обера он напал на одну из этих рассеянных дивизий и уничтожил ее. При Монмирайле он сокрушил другого и, бросив свою маленькую победоносную армию против самого Блюхера, отбросил этого изумленного старого воина обратно к Шалону. Посадив свою охрану в повозки и кареты и передвигаясь на максимальной скорости днем и ночью, Наполеон соединился с маршалами Удино, Виктором и Макдональдом в Гинье. 18 февраля он напал на огромную армию Шварценберга у Монтеро и фактически отбросил ее назад к Труа, — австрийцы, отступая, призывали старого Блюхера прийти и оказать им помощь!

Когда Коленкур в начале декабря 1813 года появился во Франкфурте, готовый безоговорочно принять эти знаменитые предложения, Меттерних тасовал, уклонялся и медлил. Наконец, в Шатийоне был собран Мирный конгресс (6 февраля 1814 г.); и пока солдаты маршировали и сражались, дипломаты ели, пили и развлекались фарсом, пытаясь заключить мирный договор. Коленкур, галантный и гостеприимный, снабжал своих братьев-дипломатов в Шатийоне всем, что мог предложить Париж, — хорошей едой, хорошей выпивкой и веселыми женщинами. Следовательно, Мирный конгресс действительно был очень приятным мероприятием. От него ничего не ожидали, и он полностью оправдал ожидания. По мере того, как волна успеха менялась, менялись и дипломаты. Когда союзники одерживали победу, их требования выдвигались; когда побеждал Наполеон, требования смягчались. Не было такого понятия, как объединение.

ГЛАВА XLII

После поражения при Ла Ротьере император разрешил Бассано заключить мир, предоставив Коленкуру неограниченные полномочия. Но прежде чем были подписаны необходимые бумаги, Блюхер сделал свой ложный ход, и надежды Наполеона возросли. Бассано, войдя в свою комнату утром 9 февраля, обнаружил императора лежащим на своей карте и воткнувшим в нее булавки с восковыми головками.

“А, это вы, не так ли?” крикнул он Бассано, который держал в руках бумаги, готовые к подписанию. - Об этом больше не может быть и речи. Послушайте, я хочу поколотить Блюхера. Он вышел на дорогу Монмирай. Я буду драться с ним завтра и послезавтра. Ситуация вот-вот изменится. Мы будем ждать”.

В движениях, последовавших за Бонапартом в итальянской кампании, это было замечено снова, и уже в последний раз. Он был повсюду, он был неутомим, он вдохновлял, он был безупречен, он наводил ужас на своих врагов. Мы видим, как он возглавляет атаку в безрассудном порыве, видим, как он наводит пушки на батареи, видим, как он показывает своим новобранцам, как наводить мосты, видим, как он сдерживает панику, прищипывая своего коня к боевому снаряду и удерживая его там, пока бомба не взорвется, видим, как он собирает беглецов, пеший, с мечом в руке. Мы слышим, как он обращается к своим запоздавшим маршалам с призывом “Надеть сапоги и резолюцию 1793 года”; мы слышим, как он обращается к народу и войскам с военным красноречием своих лучших дней; мы видим, как он пишет всю ночь после марша или сражений весь день — его забота и усилия охватывают все и достигают всего, что возможно для человека.

Это была прелестная картина при переправе через реку Об, где Наполеон наскоро сооружал мост из сколоченных вместе лестниц, перекрытых жалюзи, взятыми из соседних домов. Шары разрывали землю там, где стоял император; но все же, когда он собирался утолить свою сильную жажду, зачерпнув ладонями речной воды, маленькая деревенская девочка, видя его нужду, подбежала к нему с бокалом вина. Империя ускользала от него, и его разум, должно быть, был отягощен тысячью забот; но он был так тронут галантностью маленькой служанки, что улыбнулся ей, с благодарностью выпил и сказал:

- Мадемуазель, из вас вышел бы храбрый солдат!

Затем он игриво добавил: “Ты возьмешь эполеты? Ты будешь моим адъютантом?” Он подал ей руку, которую она поцеловала, и, когда она повернулась, чтобы уйти, добавил: “Приезжай в Париж, когда закончится война, и напomini мне о том, что ты сделала сегодня; ты почувствуешь мою благодарность”.

Он не был джентльменом; в его натуре не было ни искры великодушия; он был подлым и жестоким; он был в высшей степени плохим человеком. Так говорят его враги, начиная с Льюиса Голдсмита и заканчивая виконтом Уолсли. Может быть, это и так; но среднему гражданину, который хотел бы любить хороших людей и ненавидеть плохих, немного тяжело осознавать, что такой “в высшей степени злой человек”, как Наполеон Бонапарт, был наделен Провидением качествами, по сравнению с которыми такие люди, как Веллингтон, Меттерних, Талейран, царь Александр, император Франциск или Людовик Бурбон, кажутся маленькими, ничтожными, кажутся прозаичными и убогими.

Еще один проблиск Императора привлекает внимание к этой последней битве. Он был в деревне Мери, где быстро провел рекогносцировку болотистой местности, граничащей с рекой Об. Выбравшись из седла, он сел на вязанку тростника, прислонившись спиной к хижине ночного сторожа, и развернул свою карту. Обдумывая это несколько мгновений, он вскочил на коня и пустился галопом, крича своим подчиненным: “На этот раз мы их поймали!”

Действительно, казалось, что Блюхер попал в ловушку и будет уничтожен; но после очень тяжелых потерь ему удалось перебраться через болото и реку. Говорят, что внезапный мороз, затвердевший от грязи, был единственным, что спасло его.

Получив подкрепление от корпусов Бюлова и Воронцова, которые Англия вынудила послать Бернадотта, Блюхер двинулся против Мармона на Марне. Французы отступили на позиции маршала Мортье, и два французских генерала, имея около двенадцати тысяч человек, остановили сто тысяч пруссаков.

Наполеон с двадцатью пятью тысячами солдат поспешил на помощь своим маршалам и к 1 марта оказался в тылу Блюхера. И снова казалось, что пруссаки обречены. Его единственный путь отступления лежал через Суассон и через Эну. Когда Наполеон шел по его следу, а в его тылу была французская крепость, как ему было избежать уничтожения? Французский слабак или предатель открыл путь, сдав Суассон. Если бы он продержался в городе еще день, война могла бы закончиться блестящим триумфом французов. Моро — так звали коменданта в Суассоне - имя, предвещавшее несчастье Наполеону, чья ярость была крайней.

“Арестуйте этого негодяя, - писал он, - а также членов совета обороны; предъявите им обвинение военной комиссии, состоящей из генералов, и, во имя Бога, проследите, чтобы они были расстреляны в течение двадцати четырех часов”.

Здесь была упущена самая великолепная возможность, которая представилась французам во время кампании. Блюхер ночью благополучно переправился через Эну (3 марта) и был атакован Мармоном 9 марта. Днем французы добились успеха; но Блюхер предпринял ночную атаку на неосторожного Мармона, которая оказалась полностью успешной. Французы потеряли сорок пять орудий и две тысячи пятьсот человек пленными. В каком-то отчаянии Наполеон дал сражение при Лане, но был в таком значительном меньшинстве, что был вынужден отступить.

Однако почти сразу же, 13 марта, он напал на русских при Реймсе, убил их генерала Сен-Приста и уничтожил их силы. Именно в это время Ланжерон, один из высших офицеров Блюхера, написал: “Мы ожидаем увидеть этого ужасного человека повсюду. Он победил нас всех, одного за другим; мы ужасаемся дерзости его предприятий, быстроте его движений и искусству его комбинаций. Едва человек задумывает какой-либо план действий, как он уже разрушает его”.

Эта дань уважения от врага очень показательна для того, чего мог бы достичь “этот ужасный человек”, если бы его откомандировали. Предположим, Мюрат и Эжен действовали на линии коммуникаций союзников! Или предположим, что Ожеро выполнил бы свой долг в Швейцарии, в тылу союзников! Несмотря на все трудности, кажется несомненным, что Наполеон разгромил бы весь отряд, если бы его не предали позорно — не бросили создания, созданные им самим.

Словно звезды на своих курсах сражались против этого борющегося Титана, он узнал, что отношения между его женой и братом Джозефом становятся подозрительными. Канцлер Паскье утверждает, что он сам видел письма, написанные Наполеоном при отъезде из Реймса, в

которых министра полиции Савари порицали за то, что он не довел факты до сведения императора, и в которых Савари было приказано внимательно следить за подозреваемыми сторонами. Паскье добавляет, что сначала он подумал, что император, должно быть, сошел с ума; но та информация, которая поступила к нему позже, заставила его поверить, что подозрения Наполеона “были слишком хорошо обоснованы”.

Была ли когда-нибудь трагедия более мрачной, чем эта? Вся Европа выступает против одного человека, его народ разделен, его лейтенанты взбунтовались и склоняются к измене, его сенаторы готовы низложить его, сестра и шурина вонзают ему нож в жизненно важные органы, члены его Регентского совета в сношениях с врагом, дворяне, которых он восстановил и обогатил, замышляют его уничтожение, и его любимый брат, его генерал-лейтенант королевства, использующий предоставленную трастом возможность развратить его жену!

Стоит ли удивляться, что даже этот неукротимый дух иногда сгибался под натиском?

Имея в виду битву при Краонне, Констант пишет:—

“Император, который храбро сражался в этой битве, как и во всех других, и подвергся опасностям обычного солдата, перенес свою штаб-квартиру в Брей. Едва он вошел в комнату, как позвал меня, снял сапоги, опираясь на мое плечо, но, не сказав ни слова, бросил шпагу и шляпу на стол и растянулся на кровати со звуком, который заставлял сомневаться, был ли это глубокий вздох усталости или стон крайнего отчаяния. Лицо его величества было печальным и встревоженным. Он проспал несколько часов сном изнеможения”.

После отпора императора при Лане Шварценберг воспрянул духом и двинулся к Парижу; но Наполеон, оставив Реймс, двинулся к Эперне, и австрийцы отступили, преследуемые французами. Союзные армии, однако, сосредоточились у Арси на реке Об и со ста тысячами человек отбили императора, когда он атаковал их тридцатью тысячами.

Теперь Наполеон совершил свою роковую ошибку — роковую, потому что он не мог рассчитывать ни на кого, кроме себя. Он двинул свою армию в тыл союзникам, чтобы перерезать их линию коммуникаций. Этот шаг был бы для них губительным, если бы французские армии, стоявшие впереди, выполнили свой долг. Депеши, в которых Наполеон объяснял свой поход императрице-регентше в Париже, попали в руки врага из-за неподчинения Мармона приказу покинуть линию коммуникаций. Они мучительно колебались, они даже повернули и совершили дневной переход вслед за Наполеоном, когда захват пачки писем из Парижа и получение приглашений от предателей и роялистов в Париже раскрыли истинное положение там и убедили их, что быстрым продвижением они могут захватить город и положить конец войне. Соответственно, они развернулись, выделив незначительный отряд, чтобы преследовать и обмануть императора.

Эти передвижения Наполеона в тыл и союзников к Парижу решили исход кампании. Небольшой отряд в восемь или десять тысяч человек, который союзники послали преследовать императора, был разбит им вдребезги при Сен-Дизье, и от пленных, взятых в бою, он узнал о слухах, что союзники полным ходом идут на Париж. Вскоре он узнал также, что из-за неподчинения Мармона приказам двум маршалам было нанесено серьезное поражение и что Блюхер и Шварценберг объединились.

Что теперь должен делать Наполеон? Должен ли он продолжить свой марш, собрать гарнизоны своих крепостей, набрать рекрутов и, перерезав коммуникации противника, вернуться, чтобы дать ему бой? Он хотел поступить именно так, настаивал на этом на военном совете и на острове Святой Елены повторил свою веру в то, что этот курс спас бы его. Возможно, так оно и было. Армия союзников, когда она достигла Парижа, насчитывала всего около ста двадцати тысяч человек. Половина этого числа войск находилась почти в пределах досягаемости императора, и были признаки того, что крестьянство, разъяренное жестокостью захватчиков, вот-вот поднимется массово. В то время они могли быть вооружены, потому что Наполеон тысячами захватывал у врага мушкеты. Если бы Мармон и Мортье только прекратили политику обструкции и сопротивления; если бы Жозеф и военный министр Кларк в Париже только выполнили свой долг, союзники оказались бы между двух огней, поскольку императору не потребовалось бы много времени, чтобы собрать свои силы и вернуться.

Но старшие офицеры были против этого плана. Они сказали Наполеону, что он должен немедленно выступить на помощь Парижу. После ночи размышлений и страданий в Сен-Дизье он отправился в обратный путь (28 марта 1814 года). В Дулеване он получил зашифрованную депешу от Лавалетта, генерального почтмейстера Парижа, предупреждавшую его, что, если он хочет спасти столицу, нельзя терять ни минуты. Это сообщение впервые заставило его осознать крайность опасности. Он ожидал от Мармона более упорного сопротивления, рассчитывал на большую эффективность Жозефа и Кларка. Но даже сейчас он не осознавал ужасной правды, абсолютной необходимости своего немедленного присутствия для спасения Парижа — иначе он бы вскочил на коня и помчался через Францию, как когда-то сделал, с меньшей целью, через Испанию: как он сделал годом ранее, когда Дрезден был осажден. В этой связи давайте вспомним, что он сказал Меневалю, что он больше не в состоянии выносить конные упражнения. По причине, которая, возможно, носила физический характер, он сам не сел на лошадь для долгой поездки не на жизнь, а на смерть, но послал генерала Дежана. Через этого гонца он сообщил Жозефу, что движется полным ходом и достигнет Парижа через два дня. Пусть союзники будут сопротивляться всего два дня — он ответит за остаток. Дежан ускорился и вовремя достиг цели.

Императрица и король Рима были отправлены из столицы Жозефом, и Жозеф сел на лошадь, чтобы последовать за ним; но Дежан пришпорил его и догнал в Булонском лесу. Послание брата было передано брату, обращение Наполеона обращено к Жозефу; и ответ, холодно данный и упрямо повторяемый, был: “Слишком поздно”.

Союзники шли маршем, ежечасно опасаясь услышать, как возвращающийся император с грохотом обрушится на их тыл; Мармон предпринял одно из самых неудачных отступлений и позволил врагу продвигаться гораздо быстрее, чем они смели надеяться; парижане тщетно требовали оружия, чтобы защитить свой город; и в то время как тысячи горожан стояли на высотах Монмартра, ожидая императора, который, как было известно, приближался, и в то время как крики: “Это он! Это он!” - время от времени вырывалось, когда вдалеке виднелась какая-то фигура на белом коне, и слабоумный Жозеф написал предателю Мармону разрешение капитулировать. Эта записка не была доставлена, бой все еще продолжался, и Дежан молился, чтобы Жозеф отозвал записку. “Император будет здесь завтра! Ради бога, дай ему один день!”

Наотрез отказавшись ждать, Жозеф пришпорил свою лошадь и отправился к Марии Луизе.

Кто может прочесть правду В темных коридорах человеческих страстей и предрассудков? Упреки разгневанного мужа брату-изменнику, возможно, повлияли на Жозефа, точно так же, как упреки возмущенного начальника непослушному подчиненному, возможно, повлияли на Мармона.

Записка от Джозефа сделала свое дело. Оборона прекратилась, французская армия выступила маршем, и главный город Франции пал почти беззащитным.

Талейран и его клика пригласили союзников выступить маршем на столицу, и та же самая партия предателей парализовала дух обороны, насколько это было возможно. Они нашли бессознательных, но могущественных сообщников в братьях Наполеона.

В ту ночь французские войска, шедшие маршем из Парижа, согласно условиям капитуляции, были встречены всего в нескольких милях от города Наполеоном. Отослав Дежана, он поспешил со своими войсками в Дуленкур, где до него дошли еще более дурные вести; и двойным маршем он достиг Труа (29 марта), где отдохнул. На рассвете он оставил свою армию продолжать марш, а сам с небольшим эскортом направился в Вильнев. Там он бросился в карету и, сопровождаемый горсткой офицеров, помчался вперед — в Санс, где узнал, что союзники подступили к Парижу, — в Фонтенбло, где ему сообщили о бегстве императрицы, — в Эссон, где, по их словам, за Париж бушевала битва, — и в Ла-Кур-де-Франс, всего в десяти милях от своей столицы, где в полночь (30 марта), ожидая, пока к его карете подсадят свежую упряжку, он услышал топот лошадей и лязг оружия. Это был кавалерийский эскадрон на большой дороге из Парижа. Он крикнул им из темноты, и на его вызов последовал ужасный ответ: “Париж пал”.

Последовавшая за этим сцена - одна из тех, которые врезаются в память. Холодный мрак ночи, маленькая придорожная гостиница, остановившаяся кавалерия, безлошадный экипаж, ярость обезумевшего императора, его хриплый призыв к свежим лошадям, его яростное осуждение тех, кто его предал, его отчаянные попытки поторопить почтальонов на конюшне, страсть, которая заставила его пройти пешком целую милю по дороге в Париж, и увещевания его немногих друзей, убеждавших его вернуться, — все это создает жуткую и трагическую картину, которую невозможно забыть.

Взбешенный император не останавливался до тех пор, пока не встречал отряд французской пехоты, также покидавший Париж, и даже тогда не возвращался по своим следам. Он послал Коленкура обратиться с последним призывом к Александру Русскому, тому, кто поднялся в театре в Эрфурте, чтобы пожать руку Наполеону, когда актер декламировал: “Дружба великого человека - дар богов”.

Гонец был отправлен также в Мармон, и император ждал на дороге ответа; девять миль и немногим больше часа были тем мучительным пределом, на котором судьба снова начертала слова “Слишком поздно”. Только река отделяла его от передовых постов врага; вдали виднелись отблески их лагерных костров, а вон там, на западе, тусклое сияние нависало над Парижем — Парижем, где сто тысяч человек были готовы сражаться, если бы только вождь показал им, как это делается!

Свинцовыми, должно быть, были ноги в те часы, бесконечным было горе этого нетерпеливейшего из людей, этого надменнейшего из людей, этого самонадеяннейшего из

людей, когда он беспокойно расхаживал взад-вперед по мрачному холму в темноте, ожидая ответов от своих посланцев.

Наконец его почти силой усадили в карету и отвезли обратно в Фонтенбло. Добравшись до одной из самых скромных комнат, он упал на кровать, измученный, с разбитым сердцем.

Сегодня вы едете во Францию и повсюду видите вокруг себя Наполеона. Вы слышите со всех сторон: Наполеон. Спросите француза о других исторических именах, и он ответит с подчеркнутой вежливостью. Предоставьте ему говорить за себя, и его восторги передадутся Наполеону. *Он* - Мужчина; *он* - идеальный солдат, государственный деятель, финансист, застройщик, создатель институтов, организатор общества, вдохновитель патриотизма.

Какой француз говорит о маленьких человечках, свергнувших Наполеона? Кто помнит о них, кроме как проклинать их позорные имена? Кто не знает, что сама душа французской памяти и почитания прошлого сосредоточена в доме инвалидов, где похоронен погибший воин?

Сейчас мы это видим. Время меняет свои решения на противоположные. Памфлет уступает место книге, карикатура - портрету, нестройный крик страсти - спокойному голосу разума. Ангелы откатывают могильные камни, и потомки видят воскресших Кромвелей, Дантонов, Наполеонов такими, какими они были. Велика сила лжи — лжи, смело сказанной и упрямо поддерживаемой, но велика также реакция правды. Дело и человек, стоящий за дело, возможно, были убиты ложью, а Правда может служить просто для того, чтобы показать потомству, где находится могила; но иногда — не всегда — она делает больше; иногда дело и человек, стоящий за дело, возвращаются на поле битвы живых; иногда великие проблемы снова объединяются; иногда мученик остается торжествующим, жертва одерживает победу.

ГЛАВА XLIII

Окончательного воскрешения и триумфа Наполеона никто не мог предвидеть 31 марта 1814 года, когда он лежал в оцепенении от усталости и душевной болезни в Фонтенбло, в то время как союзники входили в Париж.

Это был печальный день в старом дворце; в столице царило неистовое ликование. Талейрану из Регентского совета удалось остаться в Париже, когда императрица бежала. Талейран стал движущей силой роялистских интриг. Возможно, он не имел в виду возвращение бурбонов, возможно, был обманут Витролем, как рассказывает лорд Холланд; но он все это время намеревался свергнуть Наполеона и одобрял, если не предлагал, планы его убийства.

Чтобы доказать царю Александру, что Франция жаждет Бурбонов, Талейран собрал кавалькады молодых аристократов, которые разъезжали по округе с криками: “Долой тирана! Да здравствует Людовик XVIII!” Знатные дамы также начали принимать активное участие в бизнесе, поскольку Талейран считал аксиомой, что если вы хотите достичь чего-то важного, вы “должны заставить женщин двигаться вперед”. Элегантно одетые дамы старой знати ходили по улицам, раздавая белые кокарды и подзуживая новобранцев. Роялизм и клерикализм собрали все свои

силы; и пока друзья Наполеона, дезорганизованные, ждали лидеров, для бурбонов наступил решающий момент.

Так что, когда 31 марта 1814 года союзники в качестве хозяев вошли в Париж, фракция роялистов приветствовала захватчиков как “Освободителей”.

Как эти роялисты вернулись во Францию, к свободе и богатству? Благодаря великодушию “тирана”, которым теперь было так легко злоупотреблять. Как эти первосвященники Церкви, которые были помощниками Талейрана в предательстве, вернули себе свои места, свое влияние, свое великолепное значение? Благодаря снисхождению человека, который теперь был брошен, осужден, продан врагам Франции.

И как начались войны, которые достались Наполеону в наследство и которые он так и не смог закончить? Решимостью королей и аристократии остановить распространение французских принципов, сокрушить демократию в ее зарождении и вернуть на старое место организованные суеверия, классовые привилегии и божественное право королей. В ходе долгой борьбы новая доктрина пала; и старая восстала снова. Роялисты, клерикалы, классовые богомольцы пришли в восторг. Великолепная Пасха с солнечным всплеском залила их светом. Они толпились на улицах в праздничных нарядах; они оглашали воздух радостными криками; они целовали окровавленную руку победителя и приветствовали его как бога.

Они последовали за царем Александром по улицам к дому Талейрана с такой экстравагантной демонстрацией радости, что вы могли бы принять его за французского героя, только что одержавшего победы над иностранными врагами. Казаки, гнавшие перед собой пленных французов, встречали восторженные возгласы, когда они проходили по улицам. Женщины-аристократки сотнями следовали за иностранцами, возглавлявшими шествие, бросались с объятиями на лошадей и целовали даже сапоги всадников. И эти войска, заметьте, были теми, кто сеял хаос в провинциях Франции со свирепостью и похотью, которые не только насытили беспомощных девушек и матрон, но и упивались забавой принуждения отцов, мужей и сыновей быть свидетелями того, что они не могли ни предотвратить, ни отомстить, и которые хладнокровно убивали жертв после того, как звериный аппетит был утолен.

Подбадривайте казачьи отряды, когда они протыкают копьями истекающих кровью французских пленников, которые видели, как их дома были сожжены, а их жены и дочери изнасилованы и убиты! Обнимайте лошадей и целуйте ноги иностранцам, которые приехали, чтобы уничтожить ваш народ, сменить ваше правительство, подавить вашу демократию, вернуть к власти короля и систему, которые привели нацию к нищете и позору!

Делайте все это, о высокородные дамы Франции, ибо сегодняшний триумф принадлежит вам! Но когда страсти остынут и к вам вернется рассудок; когда непреодолимое давление извне будет устранено и Франция снова станет самой собой, ваши сегодняшние излишества раболепия лишь ускорят наступление завтрашнего дня, когда ваши драгоценные бурбоны и ваш драгоценный феодализм будут навсегда изгнаны с земли, на которую их привели иностранные штыки. Человек, который задержался в Фонтенбло, сегодня больше не император для высокопоставленных и могущественных людей Парижа. Для монархов-конфедератов он “Бонапарт”; для объединившихся заговорщиков он “Бонапарт”; для маршалов-изменников, неблагодарной знати, алчных клерикалов, вероломных Дальбергов и Талейранов он

“Бонапарт”. Иностранные и внутренние враги назначают встречу у его триумфальной колонны на Вандомской площади, изо всех сил стараясь снести его статую, как они уже повалили *его*.

Империя рухнула, наполеоновские чары рассеялись навсегда. Долой корсиканца и его творения! Долой бурбонские лилии и славу Старого режима!

Так течет поток — крики честного преданного и распорядителя времени, единственная цель которого в жизни - выяснить, на чьей стороне победа. Дальновидным, действительно, был бы мудрец, — мудрый так же, как и храбрый, — который в этот час национального упадка осмелился бы сказать, что весь этот карнавал роялизма пройдет как сон; осмелился бы сказать, что павший император восстанет снова и сметет своих врагов со своего пути, и снова придет править страной — с величием и постоянством, которые принадлежат только бессмертным мертвецам.

В окрестностях Фонтенбло скопились войска численностью в сорок или пятьдесят тысяч человек. Младшие офицеры и рядовые по-прежнему были преданы императору. Всякий раз, когда он появлялся, его встречали теми же старыми приветствиями; и крики “За Париж” указывали на готовность армии к великой битве, которую, как предполагалось, он будет вести под стенами Парижа. После своего первого оцепенения Наполеон пришел в себя, составил свои планы и убедил себя, что армия союзников может быть отрезана и уничтожена. Но для того, чтобы он добился успеха, было необходимо, чтобы измена в Париже дала ему шанс на победу, а измена не дала ему такого шанса. Первосвященники и дворяне, чьи руки Наполеон укрепил своим Конкордатом и отзывом эмигрантов, раскалили улицы Парижа от топота своих ног, когда они бегали туда-сюда, выстраивая своих сторонников. Аббаты Монтеские и Луи, архиепископ Малинский, сердечно сотрудничая с Талейраном и Дальбергом, при содействии банкира Лаффита и других в этом роде, опутали Сенат и различные государственные органы заговором, вовлекая в одну общую сеть тех, кто просто хотел положить конец войне, избавившись от Наполеона, а также тех, кто был исконными бурбонитами. В этом кризисе Наполеону некому было взять на себя инициативу. Он лишил народные массы всякой инициативы; дал им гражданскую свободу, но отнял у них всякое политическое значение. В руки знати и священников он передал власть, богатство, влияние, классовую организацию. Когда Церковь и аристократия ополчились против него, откуда могла взяться сила сопротивления? Армия была опорой императора, это правда; но даже здесь ощущалась смертельная слабость, ибо высшие офицеры, получившие дворянство, были проникнуты духом своего класса. Если бы Сенат, Церковь и аристократия выступили против Наполеона, вскоре стало бы очевидно, что и его маршалы выступили бы против него. Он так осыпал их титулами, почестями и богатством, что они ничего больше не могли получить, оставаясь верными, даже несмотря на то, что в конце концов он должен был восторжествовать. С другой стороны, если бы он потерпел неудачу, они потеряли бы все; следовательно, покинуть его было совершенно безопасным поступком.

Наполеон проводил смотр своим войскам в Фонтенбло, когда Коленкур подошел к нему и что-то прошептал ему на ухо. Он отшатнулся, как от удара, и закусил губу, в то время как легкий румянец пробежал по его лицу. Сразу придя в себя, он продолжил осмотр. Коленкур шепотом узнал, что сенат сместил его.

“Союзные монархи больше не будут иметь дела ни с Бонапартом, ни с кем-либо из членов его семьи”. Эта декларация расчистила путь для создания (1 апреля) Сенатом Франции временного правительства, в состав которого вошли Талейран и четыре других заговорщика из духовенства и аристократии.

Начало было положено, остальное далось легко. 3 апреля Сенат постановил низложить императора, обвинив его в определенных нарушениях Конституции, которые Сенат безжалостно санкционировал на момент их совершения. Различные общественные организации в Париже и его окрестностях начали выступать против него, имея не больше прав на его смещение, чем Сенат, но весьма ощутимо усилив деморализацию его сторонников. И все же армия была верна; и все же, когда он обратился к войскам, ответным криком было: “Да здравствует император!” Таким образом, в то время как в Париже обласканные им гражданские чиновники, восстановленные им клерикалы и его знать теснили друг друга в бурном потоке дезертирства, и в то время как набухающий поток великой измены катился вперед так гладко, как только мог пожелать Талейран, у предателей была одна причина для беспокойства — отношение французской армии.

4 апреля император провел свой обычный смотр; он оказался последним. Младшие офицеры и войска были полны энтузиазма, как всегда, но маршалы были холодны. После парада они последовали за Наполеоном в его комнату. Только в общих чертах известно, что происходило на этой конференции. Маршалы устали от войны и были полны решимости довести ее до конца. Наполеон строил свои планы похода на Париж и великой битвы за спасение своей короны. Маршал Макдональд одобрил этот план и был готов прикомандировать своего начальника; остальные не желали слушать никаких планов и были полны решимости избавиться от этого начальника. Кажется несомненным, что если от Наполеона нельзя было добиться капитуляции честным путем, маршалы были готовы судить тех, кто был нечестен. Если его не удавалось убедить, его следовало запугать; а если угрозы не срабатывали, его следовало убить. Временное правительство Талейрана было столь же решительным и беспринципным. Наполеон должен был быть убит, если с ним нельзя было справиться иным способом. Первым среди маршалов, требовавших его отречения и, по-видимому, угрожавших его жизни, был маршал Ней, чей тон и отношение к своему начальнику, как говорят, были жестоко резкими.

Исчерпав аргументы и убеждения этих офицеров, Наполеон уволил их и составил свое заявление о том, что он отказывается от престола в пользу своего сына.

“Вот мое отречение от престола!” - сказал он Коленкуру. - “Отнесите его в Париж”. Казалось, он с трудом сдерживал сильные эмоции, и Коленкур разрыдался, взяв газету.

Пока французская армия казалась преданной императору, союзники открыто не выступали на стороне бурбонов. Они поощряли идею о том, что выступят за установление регентства в пользу сына Наполеона, в полной мере признавая право французского народа выбирать своих собственных правителей. Именно умелое использование этого предложения сбило с толку многих французских офицеров. Именно из-за такого сочетания сладкого с горьким маршалы вырвали у Наполеона первый акт отречения от престола. Унаследовав сына, которого он обожал, Франция не была бы полностью потеряна для него, поскольку она оставалась за его династией.

Но и здесь Мармон все испортил. Разыгранный кликой Лаффита и Талейрана, польщенный, обольщенный и искусно соблазненный, этот маршал Франции заключил тайную сделку с

союзниками, в результате которой у императора отобрали самую сильную часть войск, имевшуюся в то время под рукой.

Таким образом, случилось так, что, когда делегация Ней-Макдональда с условным отречением вернулась в Париж и настойчиво доказывала царю притязания сына Наполеона, совещание было прервано взволнованным гонцом, прибывшим сообщить Александру, что корпус Мармона был отведен в тыл союзников. Эти поразительные сведения положили конец переговорам. Царь быстро опустил завесу и раскрыл реальную политику союзников. Маршалы вернулись в Фонтенбло, чтобы потребовать отречения от престола без каких-либо условий.

Мармон нанес последний удар пошатнувшемуся делу — “Мармон, друг моей юности, который вырос в моей палатке, которого я осыпал почестями и богатствами!” - воскликнул павший император с выражением глубокого изумления и скорби. Да, когда жалкий ренегатсел вместе с Талейраном замышлять полное крушение Империи, это произошло в роскошном дворце, который подарил ему Наполеон.

Какой офицер сорвал кампанию в Испании и тем самым нанес тяжкий вред императору в России? Кто ослушался приказа, нанес ночной удар врасплох в Лаоне и сорвал погоню Наполеона за Блюхером? Кто потерял линию связи из-за действий вопреки приказам и позволил самым важным донесениям Наполеона попасть в руки врага? Кто был причиной поражения при Фер-Шампенуазе; кто так слабо сопротивлялся наступлению союзников на Париж, что их успехи поражали самих себя? Кто сдал иностранцам огромный город с населением в восемьсот тысяч человек, когда он должен был знать, что Наполеон спешит на помощь так быстро, как только может бежать лошадь? Мармон, избалованный фаворит; Мармон, тщеславный слабак; Мармон, лживый предатель! Воистину, он получил свою награду. Для бурбонов он стал героем и оставался им в течение сезона. Но Франция — настоящая Франция - ненавидела его так же, как Северная Америка ненавидит Бенедикта Арнольда. Пришло время, когда тот, кто предал Наполеона ради бурбонов, предал старших Бурбонов ради Орлеанского дома. Презируемый всеми партиями, он скитался по Европе в таком жалком состоянии, какого заслуживал. И настал день, когда гондольеры Венеции презрительно указали друг другу на него и отказались взяться за весло ради негодя.

“Вы видите его вон там! Это Мармон. Ну, он был другом Наполеона, и он предал его!”

* * * * *

Не испуганный даже дезертирством Мармона, Наполеон издал прокламацию и начал приготовления к отступлению за Луару и сражению до конца. Его условное отречение было отклонено, война не могла быть хуже мира, и он объяснил своим маршалам план кампании. Они оборвали его резко, угрожающе. Император стоял один, покинутый всеми своими приближенными, и обратился к ним с умоляющей речью, умоляя их сделать последнее усилие ради Франции. Его слова попали в сердца, которые превратились в камень. Они резко заявили, что доверия к армии больше нет. Макдональд сказал, что они должны безоговорочно отречься от престола.

Император пообещал дать ответ на следующий день, и, когда его маршалы гуськом удалились, он с горечью сказал: “У этих людей нет ни сердца, ни кишечника; я побежден не столько удачей, сколько эгоизмом и неблагодарностью моих товарищей по оружию”.

Кто не читал о той панике отступничества, которая сейчас хлынула как поток? От заходящего солнца в Фонтенбло до того, что поднималось в Париже, все поворачивалось — поворачивалось с поспешностью охваченных паникой просителей прощения или жадных до чужих мест охотников. Приближенные павшего Императора, от высших до низших, покинули его. Принцы, герцоги, маршалы, генералы — все его творения — бежали от него, как от заразы чумы. Даже Бертье, любимец, наперсник, избалованный и обласканный — даже Бертье грыз ногти в течение короткого периода нерешительности, а затем бросил своего друга на произвол судьбы. Измена Мармона причинила боль, вырвала крик изумления и боли из этого измученного духа; но удар Бертье был более жестоким. “Бертье, ты видишь, что я нуждаюсь в утешении, в том, чтобы меня окружали мои настоящие друзья. Ты вернешься?” Бертье ушел и не вернулся.

Они покидали его, поодиночке и группами, пока он и его верная стража не стали почти всем, что осталось. Даже его камердинеры, мамелюк, которого он привез из Египта, и Констант, чьи Мемуары с такой любовью описывают его хозяина, не смогли устоять перед паникой того часа; они повернулись спиной к своему хозяину и, согласно заявлениям этого хозяина в его инструкциях своим душеприказчикам, ограбили его, прежде чем сбежать. Но были и те, кто не поехал, те, кто выдержал бурю. Пусть их славные имена живут вечно! Среди них приятно встретить имя своего старого школьного товарища, полковника Бюсси.

Бертран, Гурго, Монтолон, Бассано, Камбронн, Коленкур, Лавалетт, Дрюо и некоторые другие не побледнели. Старая гвардия также не дрогнула. “Ворчуны” следовали за вождем — иногда ропща, но следуя — на протяжении всех ужасов последней кампании; они были готовы последовать за ним снова.

И нашлись женские сердца, которые потеплели к одинокому монарху и утешили бы его — в первую очередь, Жозефина. На протяжении всей кампании она следила за каждым его движением с мучительным интересом и опасением. Его имя всегда было в ее мыслях и на ее губах. У всех, кто возвращался из армии, она спрашивала: как он выглядит? Он бледен? Спит ли он? Верит ли он, что его звезда покинула его? Часто измученный император находил время писать ей короткие записки, полные доброты и доверия. Она брала их с собой, читала и плакала над ними. Наконец-то она поняла великого человека; поначалу ей это не удавалось. Из Бриенны он написал ей: “Я искал смерти во многих битвах, но не мог ее найти. Теперь я бы приветствовал это как милость. И все же я хотел бы еще раз увидеть Джозефину”. Эту записку она носила на груди.

Когда она услышала об отречении, она обезумела от горя и перешла бы на его сторону, если бы не подумала о той, у кого было больше прав, — о Марии Луизе. Пока сломленный монарх сидел во мраке, опустив свою огромную голову на грудь, в Фонтенбло появились еще две благородные женщины. Одной из них была прекрасная полька мадам Велевски; имя другой не называется. О них объявили, и император пообещал их принять. После многочасового ожидания они ушли. Наполеон снова впал в задумчивость и забыл, что они были там. Говорят, что он принял яд, намереваясь покончить с собой. Это было поставлено под сомнение; но несомненно, что он проглотил какое-то лекарство, которое вызвало внезапную и тревожную болезнь, во время которой, по его словам, он собирался умереть. “Я не могу выносить те муки, которые испытываю. Они втоптали моих орлов в грязь! Они неправильно поняли меня! Мармон нанес

мне последний удар! Я любила его. Дезертирство Бертье разбило мне сердце! Мои старые друзья, мои старые товарищи по оружию!”

Говорит Констант: “Что за ночь! что за ночь! Пока я жив, я никогда не буду вспоминать об этом без содрогания”.

На следующее утро после этой попытки самоубийства Наполеон “выглядел почти как обычно” и встретился со своими маршалами, чтобы дать им свой ответ на их требование безоговорочного отречения. И все же он предпринял еще одну попытку вдохновить их на усилия, вселить в них частичку своего собственного мужества. Все было напрасно. Затем он нацарапал несколько строк, в которых описывал свою великую должность, и протянул им бумагу.

“ Ты утверждаешь, что тебе нужен отдых! Очень хорошо, тогда возьми его!

“Что мы должны потребовать от союзников от вашего имени?” - спросили маршалы.

“ Ничего. Сделай все, что в твоих силах, для Франции; для себя я ничего не прошу”.

Они отправились выполнять свое поручение, и император снова впал в оцепенение. Большую часть времени он проводил, сидя на каменной скамье возле фонтана в английском саду, который он собственноручно разбил за дворцом. Точно так же, как он лежал с романом в руках на диване в Москве, молчаливый и угрюмый день за днем; и точно так же, как он сидел в замке Дюбен в 1813 году, лениво выводя крупные буквы на белой бумаге; так и теперь он часами сидел на каменной скамье в саду Фонтенбло, ничего не говоря и ковыряя каблуком гравий, пока его ботинок не проделал в земле ямку глубиной в фут.

Каким бы покинутым он ни был, Наполеон все же был человеком, которого следовало опасаться; и союзникам больше всего хотелось заключить с ним соглашение и выдворить его из страны. Отчасти из страха перед тем, что он может натворить, доведенный до отчаяния, а отчасти из великодушия к поверженному врагу, царь убедил другие державы подписать мирный договор в Фонтенбло с Наполеоном, по которому он должен был сохранить свой титул императора, получать ежегодную пенсию в размере 400 000 долларов от Франции и оставаться неприкосновенным в качестве императора Эльбы. Его сын, как преемник своей жены, должен был получить королевство, состоящее из Пармы, Плацентии и Гуасталлы.

Смирившись со своей судьбой, Наполеон принял уполномоченных, которых союзники послали руководить его путешествием в его новую империю, и занялся отбором книг и багажа, которые он намеревался взять с собой.

С напускной веселостью он сказал Константу, который, очевидно, полагал, что император последует за ним: “Ну что ж, сын мой, готовь свою повозку: мы пойдем сажать нашу капусту”.

Но время от времени горькая действительность охватывала его во всей полноте, и он хлопал себя ладонью по лбу, восклицая: —

“ Великий Боже! Возможно ли это?

Его отъезд был назначен на 20 апреля 1814 года. Императорская гвардия выстроилась во дворе дворца на Белой лошади. Император появился на лестнице, бледный и твердый. Дюжина или больше верных друзей ждали его, чтобы попрощаться. Он пожал им всем руки. Вереница

экипажей ждала его, но он поспешно прошел мимо них и направился к солдатам, выстроившимся во дворе.

Тогда стало ясно, что он собирается обратиться к войскам, и воцарилась мертвая тишина. Прежняя гордая осанка вернулась к нему — гордость, смягченная невыразимой печалью, — и голос был полным и звучным, когда он произносил те несколько слов, которые достигли всех сердец в тот день, достигают их сейчас и будут достигать до тех пор, пока человеческая кровь теплая.

“Солдаты Старой гвардии, я прощаюсь с вами! Двадцать лет я вел вас по пути чести и славы. В эти последние дни, как и в дни нашего процветания, вы никогда не переставали быть образцами верности и мужества. С такими людьми, как вы, наше дело никогда не было бы проиграно; мы могли бы годами поддерживать гражданскую войну. Но это сделало бы нашу страну несчастной. Поэтому я пожертвовал всеми своими интересами ради интересов Франции. Ее счастье - моя единственная мысль. Это все равно будет предметом моих желаний. Не сожалею о моей судьбе. Если я согласился жить, то только для того, чтобы способствовать вашей славе. Я надеюсь написать о делах, которых мы достигли вместе. Прощайте, дети мои! Я хотел бы прижать вас всех к своему сердцу. Позвольте мне обнять вашего генерала и вашего орла!”

Он обнял генерала Пети, командующего гвардией, и прижал орла к губам.

Солдаты рыдали, даже комиссары были тронуты; а Наполеон, пробравшись сквозь толпу, собравшуюся вокруг него, добрался до своей кареты, откинулся на подушки и закрыл лицо руками.

Послышалась команда, скрип колес, и вскоре экипажи скрылись из виду.

ГЛАВА XLIV

Граф Прованский жил в Англии, когда сенат Наполеона призвал его на трон. Он был одним из тех, кто “вырыл яму” для своего брата, Людовика XVI, и кто, когда этот брат провалился в нее, тайно сбежал в чужие страны. После нескольких перемен мест убежища на Континенте он отправился в Англию в качестве последнего убежища. Франция почти забыла о нем. Выросло поколение французов, которые не знали бурбонов; и злоупотребления Старого Порядка были известны молодому поколению только как почти невероятная история, рассказываемая по вечерам пожилыми людьми, когда семья собиралась вокруг домашнего очага. Революция настолько полностью смела чудовищные пороки системы Бурбонов, что молодое поколение никогда не могло понять, почему их отцы ненавидели ее с такой горечью. Обузданные железной рукой Наполеона, дворяне и клерикалы Империи казались достаточно безобидными. Почему дворянин и священник Старого Порядка должны были быть намного хуже этих?

Седобородые французы знали; но молодые люди могли понять прежнюю ситуацию не больше, чем дети Дэниела Буна, Джорджа Роджерса Кларка, Джона Севьера или пионеров Новой

Англии могли понять ужасы войны с индейцами. История о жестоком правлении Бурбонов, классовой тирании и церковной алчности звучала глухо по прошествии двадцати с лишним лет.

У эmissаров Бурбонов были обещания и мягкие слова для всех сторон. Дворянам Наполеона были даны гарантии, что они останутся благородными; его генералам - что они сохранят свои почести и богатство. Священникам не было необходимости говорить, что они должны были иметь даже больше, чем давал Конкордат, поскольку священники знали, как горячо бурбоны любили старый пакт между Церковью и государством. Чтобы успокоить людей либеральных идей, были даны обещания, что восстановленные бурбоны будут править как конституционные короли, добросовестно признавая изменения, произведенные революцией. Сенат Наполеона не настолько забывал о собственной безопасности и интересах Франции, чтобы не оформить договор в письменной форме. Конституция ограниченной монархии была сформулирована, и граф Артуа, брат и представитель Людовика XVIII, принял ее условия.

В Англии новому королю устроили оvation после его отъезда во Францию, и он воспользовался случаем, чтобы написать принцу-регенту, что, помимо Бога, своей короной он обязан Великобритании. Это заявление не было хорошей политикой, поскольку ни во Франции, ни среди властителей Континента оно не способствовало популяризации говорящего; но, тем не менее, это была правда. Неизменной целью Питта была реставрация Бурбонов, и теперь известно, что на этой основе он создал первую европейскую коалицию против республиканской Франции. Каннинг и Каслри всего лишь унаследовали принципы более способного Питта. В речи в парламенте (7 апреля 1814 г.) лорд Каслри провозгласил, что его “целью долгое время было вернуть Европу к той древней социальной системе, которую ее недавние потрясения раскололи и свергли”.

Как говорит Хобхаус, “Когда он говорит так прямо, можно понять даже лорда Каслри; когда он исповедует такие принципы, даже лорду Каслри можно верить”.

Свежий после оваций в Лондоне и полный идей божественного права, Людовик встретился с французским законодательным собранием в Компьене и уклонился от их просьбы объявить королевскую политику. Стало очевидно, что он намеревался отказаться от обещаний, данных от своего имени, и править как абсолютный суверен. К этой цели его подталкивали священнослужители, зная и его собственные склонности, ибо, как сказал Наполеон, “бурбоны ничему не научились и ничего не забыли”. С царственным пренебрежением к фактам он мысленно уничтожил империю Наполеона, всю ее славу, весь ее позор и присвоил себе целую эпоху. По его собственному разумению, он стал королем Франции после смерти мальчика, Людовика XVII; и 1814 год был девятнадцатым годом его правления! Вот, действительно, был повод для недовольства среди выдающихся перебежчиков, променявших Наполеона на Бурбонов! Если бы Империя была всего лишь галлюцинацией, что стало бы со знатью, созданной императором, с оказанными им почестями, с землями, титулы которых были дарованы им, с великими учреждениями, которые были основаны им? Что стало бы с его коллегами, его судьями, маршалами, его школами, больницами и общественными благотворительными организациями? Где был бы орден Почетного легиона? Что должно было случиться с революционным принципом, согласно которому все французы равны перед законом и что любая карьера открыта для достойных людей? Подобные вопросы гудели по всей стране, и гул вопросов вскоре перерос в ропот тревоги, гнева. Если бы бурбоны вернулись к власти в подобном настроении, что стало бы с выдающимися государственными деятелями,

которые свергли древнюю монархию, упразднили дворянство, конфисковали богатства Церкви и гильотинировали короля? Какова была бы судьба Талейрана, Фуше и компании?

Ошеломленные такой перспективой, которой угрожал беспрепятственный и мстительный бурбонизм, выдающиеся ренегаты, которые вели переговоры о свержении Наполеона с царем Александром, обратились к русскому монарху с просьбой встать между ними и опасностью. Как и у большинства смертных, у царя был строгий моральный кодекс по отношению к своим соседям. Готовый сам нарушить обещания, он был потрясен, увидев, что Людовик проигнорировал условия, на которых его вызвали во Францию. В вежливых выражениях Бурбон был уведомлен, что до тех пор, пока он не подтвердит обещания, данные Артуа Сенату, королевскому въезду в Париж быть не должно. Даже под таким давлением Людовик ни на йоту не уступил драгоценному догмату божественного права. Отказываясь признать, что народ обладает какими бы то ни было неотъемлемыми полномочиями, и упрямо утверждая, что вся власть, привилегии и суверенитет принадлежат ему одному, он милостиво опубликовал прокламацию, в которой по собственной воле предоставил народу определенные гражданские и политические права, полностью игнорируя Сенат. Когда эта "Хартия" была подписана, король совершил свой триумфальный въезд в Париж 3 мая 1814 года.

Вечером того же дня, когда солнце опускалось в Средиземное море, горы острова Эльба предстали перед командой британского судна "*Неустрашимый*", и Наполеон впервые увидел свое маленькое морское королевство.

Его путешествие из Фонтенбло во Фрежюс, на французском побережье, поначалу сопровождалось многочисленными проявлениями доброты и сочувствия со стороны людей, которые толпились на пути следования; но когда павший император добрался до провинции, где когда-то бушевал Белый террор, и которому предстояло бушевать снова, народные настроения полностью изменились. Толпы улюлюкающих роялистов окружили его карету и осыпали его самыми грубыми оскорблениями. Только эскорт спас его от того, чтобы разорвать на куски. В Авиньоне он почти чудом избежал ужасной участи, которая постигла маршала Брюна там после Ватерлоо. Наполеон считал, что эти толпы роялистов были натравлены на него временным правительством Талейрана, и, возможно, его подозрения были верны. Несомненно, что некий дворянин по имени Мобрейль впоследствии обвинил Талейрана в том, что тот нанял его для убийства Наполеона; и когда Талейран опроверг эту историю, Мобрейль воспользовался первым случаем, чтобы избить его — избиение, за которое Талейран был достаточно мудр, чтобы не пытаться наказать судебным преследованием.

Говорят, что Наполеон, окруженный озверевшей толпой, которая глумилась над ним, оскорбляла его, угрожала ему и предпринимала отчаянные попытки схватить его, потерял самообладание. Недружелюбные свидетели утверждают, что он дрожал, бледнел, заливался слезами и съеживался за спиной Бертрана, пытаясь спрятаться. Что более достоверно, так это то, что он переоделся в пальто и фуражку австрийской формы, сел на лошадь одного из сопровождающих и поехал впереди экипажей, чтобы его не узнали. В конце концов, храбрость, похоже, в какой-то степени является рабом привычки: солдат может сотни раз отваживаться на смерть в бою и все же нервничать при мысли о том, что его разорвет на куски множество обезумевших людей-волков. Однако следует помнить, что единственным реальным доказательством террора Наполеона, которым мы располагаем, было ношение маскировочного костюма. Если это делает его трусом, он попадает в очень уважаемую компанию, поскольку

история полна примеров подобного поведения со стороны людей, которые, по общему признанию, были храбрыми.

Наполеон изгнал от двора свою светлую сестру Полину из-за какой-то дерзости последней по отношению к императрице Марии Луизе. Эта светлая сестра сейчас жила в замке, который находился на его пути к побережью, и он провел с ней полтора дня. Потрясенная, увидев своего брата-императора в австрийской форме, она отказалась обнять его, пока он не снимет ее и не наденет свой собственный.

Пока Наполеон гостил в замке, во дворе собралась толпа людей из окрестностей. Он спустился вниз и смешался с ними. Вскоре заметив старика с красной лентой в петлице, Наполеон подошел к нему и сказал:

- Вы не Жак Дюмон? - спросил я.

Слишком удивленный, чтобы ответить сразу, ветеран наконец пробормотал: “Да, милорд; да, генерал; да, да, сир!”

- Ты был со мной в Египте?

- Слушаюсь, сир! - и рука была поднята для приветствия.

- Вы были ранены; мне кажется, это было давно?

- В битве при Треббии, сир.

Ветерана к этому времени трясло от волнения, и вся толпа плотно окружила этих двоих.

Сняв крест Почетного легиона, Наполеон надел его на своего старого солдата; и пока ветеран плакал, толпа кричала: “Да здравствует император!”

“Мое имя! Помнить мое имя спустя пятнадцать лет!” - продолжал повторять старик; и столь велика была сенсация, вызванная этим маленьким инцидентом, что комиссары, ведавшие изгнанником, встревожились и поспешили вернуть его в дом.

Капитан и команда британского фрегата видели французского императора только через очки английских редакторов. Любой, кто знает, насколько велика власть необузданной прессы очернить самое честное имя, исказить до неузнаваемости самый возвышенный характер и разрушить надежды на самую благородную карьеру, может легко понять, каким было нынешнее британское мнение о Наполеоне Бонапарте в 1814 году. С точки зрения редакторов-консерваторов и памфлетистов, он был человеком, по сравнению с которым Люцифер вполне мог надеяться стать популярным героем.

Велико было удивление капитана Ашера и его матросов, когда они увидели красивого, тихого, вежливого и владеющего собой джентльмена, который легко разговаривал со всеми, без суеты соблюдал все корабельные правила, не напускал на себя вида сверхчеловеческого высокомерия и проявлял разумный интерес к кораблю и окружающим его людям. Обаяние его манер и манеры разговора было так велико, что английские предрассудки рассеялись, и матросы начали говорить: “В конце концов, Бони хороший парень”.

Забавно отметить, что сэр Вальтер Скотт с гордостью отмечает тот факт, что был один крепкий моряк, которого нельзя было смягчить, который сохранял свою угрюмость до последнего и чьим грубым комментарием ко всем добродушным разговорам императора было слово *“Вздор!”* Звали этого негибкого британца Хинтон; и как сэр Уолтер, так и его зять Локхарт вспоминают его имя с неким благоговением перед Тори. Несмотря на непреклонность Хинтона, матросы *“Неустрашимого”* настолько полюбили Наполеона, что приняли от него щедрое вознаграждение в конце путешествия; и боцман, обращаясь к нему на шканцах от имени команды, “Поблагодарил его честь и пожелал ему долгой жизни и процветания на острове Эльба, и большей удачи в следующий раз”.

Ни сэр Вальтер Скотт, ни его зять Локхарт не передают замечаний Хинтона по этому поводу; и они оставляют у нас сомнения относительно того, устояла ли его добродетель перед золотым искушением или он прикарманил свою долю, напоследок фыркнув: “Чушь!”

4 мая 1814 года император совершил официальную высадку на Эльбе, жители которой (около тринадцати тысяч душ) хорошо приняли его. Он провел тщательное исследование своей новой империи, ее промышленности, ресурсов и т.д. И, сидя на лошади на возвышенности, с которой мог обозревать все свои владения, добродушно заметил, что находит их довольно маленькими.

Вскоре к нему присоединились его мать и сестра Полина, а также семьсот солдат Старой гвардии, выделенных ему по Фонтенблоскому мирному договору, и поселение Наполеона в Порто-Феррайо напоминало Тюильри в миниатюре. Имперский этикет придал жесткость большинству его жестов и облачил большую часть его грозных доспехов. Гости стекались на Эльбу сотнями, и со многими из них Наполеон беседовал с непринужденной откровенностью, говоря о прошлых событиях тоном человека, который умер для мира.

Его неутомимая энергия нашла некоторое применение в делах его маленького королевства и в планировании всевозможных улучшений, на которые он щедро тратил средства, привезенные им из Франции. На деньги Полин он купил загородный дом, где проводил много времени и где его иногда можно было увидеть помогающим кормить цыплят.

Приехали его мать и сестра, но где же жена и ребенок? Союзные монархи обязались по официальному договору отправить к нему Марию Луизу под конвоем, и это обещание было нарушено. Жена и ребенок были окружены враждебным влиянием, их держали вне пределов его досягаемости, поспешили покинуть Францию и перевезли в Вену.

Историки замалчивают последовавшую за этим интригу — самый грязный заговор против человеческой добродетели и священных человеческих отношений, который когда-либо пятнал историю рода человеческого.

Император Австрии Франциск и его министр Меттерних были полны решимости, что Мария Луиза никогда не должна воссоединяться со своим мужем, независимо от договора. Они знали ее характер, и для своей дочери царственный отец расставил самую гнусную ловушку. Он намеренно поощрял Нейпперга, австрийского распутника в высшей степени; и жена Наполеона, запутавшаяся в сетях этой грязной интриги, которая застала ее слишком готовой уступить, больше не желала возвращаться к мужу, которого она предала.

Неудивительно, что авторы, злорадствующие над грехами Наполеона, не находят здесь утешения и спешат перейти к другим темам. Они выдвинули ужасные обвинения против него и

его сестры Полины, основываясь только на словах злобной мадам де Ремюза и такого беспринципного лжеца, как Фуше. Но обвинения могли быть справедливы, и, тем не менее, Наполеон блистал бы как высшее существо рядом с таким образцом божественного права, как император Франциск, который холодно и преднамеренно, в соответствии с государственной политикой, толкнул свою собственную дочь в объятия распутника!

Мы читали о преступлениях черни, канарейки, Маратов и Эберов; есть ли на какой-нибудь странице современной истории история более отвратительная, чем эта? Опускался ли какой-нибудь преступник из вульгарного стада до глубин более отвратительных, чем Франциск, император, “милостью Божьей” погрязший в них?

После того, как союзные короли нарушили свой договор по священному вопросу о жене и ребенке, им было достаточно легко нарушить его в менее важных вопросах. Они не уважали собственность семьи Бонапартов, как они договорились; они не выплачивали пенсии Бонапартам; они не даровали княжества, обещанные для сына Наполеона; и они не проявили уважения к тому положению договора, которое неприкосновенно закрепляло за Наполеоном остров Эльба. Непримиримые личные враги павшего императора, Поццо ди Борго, лорд Веллингтон, Талейран и другие, согласились с тем, что его следует перевезти на большее расстояние из Европы, поскольку остров Святой Елены был наиболее благосклонно встречен. Тот факт, что союзные короли обязались позволить ему остаться на Эльбе, похоже, вообще не обсуждался. Тот, кто не нарушал никаких договоров, уже был вне закона в глазах тех, кто нарушил все: они могли поступать с ним так, как им заблагорассудится. “Во имя Пресвятой Троицы” они поклялись ему в верности; они могли с такой же легкостью нарушить последний договор, как и его предшественники, будучи королями милостью Божьей и не соблюдая обычную мораль.

Британское министерство начало переговоры с Ост-Индской компанией об острове Святой Елены; и намерение союзных королей отправить его туда в качестве военнопленного не только дошло до Наполеона на Эльбе, но и фактически попало в *Moniteur*, официальную газету Франции.

Дело в том, что Людовик XVIII. не выплатил ни цента из 400 000 долларов, которые по Фонтенблоскому мирному договору составляли годовой доход Наполеона, что само по себе было для него источником серьезных затруднений, оправдывая его расторжение контракта, который его враги не рассматривали; но, возможно, это имело меньшее отношение к его передвижениям, чем любое другое нарушение договора. Его не интересовали деньги; его мало интересовала личная роскошь. “Я могу обойтись одной лошадью и долларом в день”, - заявил он с демократической независимостью. Кроме того, он легко мог бы получить из Европы необходимые ему суммы, о чем он сам публично заявил по возвращении во Францию. Но когда он обнаружил, что его жена и ребенок никогда не будут выданы; что Талейран и бурбоны по-прежнему намерены убить его; что, если его не удастся убить, его увезут на отдаленную скалу и будут держать там как военнопленного, непреодолимым стало желание предпринять одну отчаянную попытку избежать неминуемой гибели. Те, кто следил за его личной безопасностью, уже остановили, разоружили и отослали двух потенциальных убийц: кто мог сказать, удастся ли остановить третьего? До него дошло, что союзники согласились отправить его на остров Святой Елены: кто мог сказать, когда британский военный корабль может обрушиться на малую Эльбу? Размышляя о своих ошибках и опасностях своего положения, Наполеон время от времени

поддавался вспышкам гнева, заявляя, что скорее умрет смертью солдата с оружием в руках, чем подчинится предлагаемому смещению.

Высокопоставленный шотландец, посетивший Эльбу в то время, писал: “Бонапарт совершенно здоров, но поселен в доме, который хуже, чем худшее описание жилищ, присвоенных нашему духовенству в Шотландии, но при этом сохраняет статус императора, то есть при нем находятся определенные офицеры с громкими официальными именами. Сначала нас провели в комнату, где единственной мебелью были старый диван и два плетеных стула, а также лампа с двумя конфорками, только одна из которых была зажжена. Нас принял адъютант, который позвал слугу и сказал, что погасла одна из лампочек. Слуга сказал, что ее никогда не зажигали. ‘Тогда зажги его,’ сказал адъютант. На что слуга попросил извинения, сказав, что император не отдавал никаких распоряжений по этому поводу. Затем Бонапарт принял нас во внутренней комнате. Император был одет в очень старую форму французской гвардии с тремя орденами и в очень грязные сапоги, поскольку только что вернулся из своего загородного дома”.

Затем автор описывает разговор, в котором Наполеон без всякой сдержанности рассказывал о своей прошлой жизни. Говоря о действиях бурбонов во Франции, он заметил, что им лучше было бы думать о том, чем они занимаются, поскольку там все еще оставалось пятьсот тысяч отличных солдат. “Но какое мне до всего этого дело?” - воскликнул он, быстро обернувшись. - По сути, я мертв.

“Его манеры, - говорит шотландец, - были манерами прямолинейного, честного, добросердечного солдата, его улыбка, когда он ее выбирал, была очень вкрадчивой. У него никогда никого не бывает на обеде. Бертран говорит, что они испытывают величайшую нехватку денег, поскольку французский двор не выплачивает оговоренное жалованье Бонапарту.

На следующий день император отправился в свой загородный дом. Он ехал в старой карете, запряженной четырьмя полуголодными лошадьми; на колеснице сидел кучер обычного роста, а на уздечках красовался имперский орел; на поводьях сидел совсем ребенок, а на уздечках красовалась корона британского виконта. В экипаже у него был генерал Бертран, а позади - два или три офицера на маленьких пони, которые, несмотря на все усилия своих седоков, не могли поспевать за экипажем, какими бы истощенными ни были эти бедные лошади”.

Шотландец сравнивает убогое маленькое заведение на Эльбе с великолепием Тюильри, куда он отправился на встречу с Людовиком XVIII. обедать на публике — отдельный стол для короля, отдельные столы для принцев королевской крови; сопровождающие придворные стоят в парадных одеждах, герцогиням разрешается сидеть; все подается на золотых тарелках; обеденный зал длиной в сто футов, ярко освещен и увешан гобеленовыми гобеленами, “и все время идет прекрасный концерт”.

Контраст между этими двумя картинами, каким бы поразительным он ни был для шотландца, был не менее заметен для Наполеона, который ощущал убожество Эльбы и тосковал по утраченному величию Франции. Если бы между павшим императором и бурбонами существовала тайная сделка о том, что они должны подготовить страну к его скорейшему возвращению, они вряд ли смогли бы работать более эффективно для достижения этого результата. Не прошло и шести месяцев, как они взошли на трон, как нация буквально кипела от недовольства.

Примечание.— Во время сессии Венского конгресса доктор Ричард Брайт, англичанин, посетил город и увидел представление. Он описывает многих августейших монархов, присутствовавших при этом, и дает отчет о празднествах, развлечениях и светских раутах, которые были в разгаре. Но, пожалуй, самой интересной страницей, написанной Доктором, была та, в которой он рассказывает о своем визите к сыну Наполеона, который тогда находился со своей матерью во дворце Шенбрунн. “Мы обнаружили, что все слуги во дворце были французами, которые все еще носили ливреи Наполеона.... Мы ... нас провели в комнату, где младенец [король Рима] сидел на полу и забавлялся среди обильной коллекции игрушек.... В этот момент он был занят игрушкой, имитирующей хорошо обставленную кухню. Он был самым милым ребенком, которого я когда-либо видела; у него был светлый цвет лица, с прекрасными, белыми, шелковистыми волосами, ниспадающими локонами на шею. Он был одет в расшитую гусарскую форму и, казалось, не обратил на нас никакого внимания, когда мы вошли, продолжая расставлять тарелки на своей маленькой кухне. Я думаю, что он был смущен меньше всех на вечеринке. Он был слишком стар, чтобы позволять громко восхвалять свою красоту, и слишком молод, чтобы вступать в разговор. Его внешность была настолько привлекательной, что мне захотелось заключить его в объятия, но его положение запрещало подобную фамильярность. В этих обстоятельствах мы задали несколько пустяковых вопросов, на которые он дал такие лукавые и застенчивые ответы, какие мы все часто получали от детей его возраста”.

Мадам Монтескье все еще была с ребенком, но через некоторое время ее и всех остальных французских сопровождающих отпустили. Были предприняты усилия, чтобы отучить бедного мальчика от всего французского и превратить его в австрийца.

Здесь, пожалуй, уместно добавить, что он умер от чахотки в раннем возрасте двадцати одного года. Мрачно намекается, что те же самые злонамеренные влияния, которые разрушили респектабельность жены Наполеона, привели сына к эксцессам, которые подорвали его конституцию. До последнего он страстно любил своего отца, и когда Мармон посетил Вену в 1831 году, герцог де Рейхштадт (так мальчика называли в Австрии) охотно вытянул из него все, что тот хотел рассказать о великом императоре.

Клетка, в которой содержался единственный законный сын Наполеона, была украшена позолотой, пенсией, титулом и внешним проявлением почтения, но, тем не менее, это была клетка, и он умер в ней (1832).

ГЛАВА XLV

Едва успели высохнуть чернила на Хартии, как Людовик XVIII. начал нарушать ее условия. Она сослужила свою службу, он вступил на ней в должность: какая ему от нее еще польза? Почему он должен был ограничивать свои действия договором, когда другие короли Европы освобождались от таких пут? К югу от него находилась Испания, где либералы разработали конституцию, которую Фердинанд, освобожденный Наполеоном в начале 1814 года, поклялся уважать и которую он отменил в тот момент, когда снова взял в свои руки бразды правления. Вместо реформ и ограниченной монархии на полуострове теперь было полное восстановление

Старого порядка, феодализма, десятины, местной тирании, клерикального и королевского абсолютизма, тюрем, полных демократов, и инквизиции, жаждущей еретиков. Дворяне и священники заключили свою древнюю сделку, подчинили себе согласного короля и, используя несокрушимую силу личных интересов, классовых предрассудков и корпоративного единства целей, действуя на невежестве, суевериях и культивируемой ненависти народа, стремительным движением вернули Испанию к старым добрым временам Бурбонов и римского абсолютизма.

Не только на юге торжествовала контрреволюция; в равной степени это было и на севере. В Вестфальском королевстве Джерома Бонапарта, где народ изгнал систему Наполеона и призвал своих прежних правителей, старые законы и обычаи вернулись в свои ржавые колеи; Кодекс Наполеона исчез; равенства гражданских прав больше не было видно, феодализм цепью упал на изумленных крестьян, покупатели государственных земель были вытеснены без компенсации, особые привилегии и налоговые льготы снова радовали избранных, аристократия и клерикализм смели все следы недолгого правления Джерома, камера пыток снова зазвенела от ужаса. вопли жертв и смертная казнь через колесование подчеркивали отчаянные усилия, которые предпринимали дворяне и священники, чтобы остановить поток современного либерализма.

И Святой Отец в Риме, выпущенный Наполеоном из Фонтенбло примерно в то же время, когда Фердинанд Испанский был освобожден из Валенсе, отправился обратно в Италию, как Фердинанд вернулся в Испанию, и, снова воссев на кафедре Святого Петра, возложил свои благочестивые руки на ту же работу в Риме, которой Фердинанд был занят в Мадриде.

С абсолютизмом и феодализмом, сломав все вокруг него, почему бы не Людовик XVIII. следите за славных примеров? Разве он не был обязан перед Богом и древними королями-Бурбонами изгнать из Франции дьявола демократии, который терзал ее, и снова вернуть ей здравый рассудок - послушание королевскому слову и увещаниям духовенства? Очевидно, он так и сделал; и, очевидно, он верил, что чем быстрее он приступит к этому, тем лучше.

Он гарантировал свободу прессы в своей Хартии, но это было обещание, которое он не мог рискнуть выполнить. Он намеревался нарушить Хартию и восстановить Старый Порядок; и он знал, что этого нельзя было бы сделать, если бы пресса оставалась свободной. Он жил в Англии, где, возможно, слышал Ричарда Бринсли Шеридана, когда тот поразил Палату общин знаменитым взрывом красноречия: “Дайте им коррумпированную Палату лордов, дайте им продажную Палату общин, дайте им принца-тирана, дайте им Суд-мошенник, и дайте мне только неограниченную прессу, я не позволю им даже на волосок посягнуть на свободы Англии!” Поэтому одним из его первых действий было заткнуть рот прессе цензурой. С неприличной поспешностью этот королевский указ, нарушающий Хартию, был опубликован всего через шесть дней после официальной публикации самой Хартии.

Поскольку необузданная критика со стороны тех органов, которые в нашей современной системе контролируют общественное мнение, стала невозможной, быстро последовали другие меры аналогичной направленности.

Громко осуждая терпимость Наполеона к еретикам, евреям и неверующим, клерикалы побудили короля заставить французов всех вероисповеданий и рас приостанавливать работу не только в христианскую субботу, но и в праздничные дни католической церкви.

Не удовлетворен грандиозной религиозной церемонией по "очищению" места, на котором стоял Людовик XVI. после гильотинизации и после того, как Людовик выкопал кости, предположительно принадлежавшие ему, и устроил им великолепное погребение, Людовик торжественно посвятил Францию Деве Марии, и ее образ пронесли по улицам в официальной процессии, в которой великие сановники прогуливались с зажженными свечами в руках.

Согласно Уставу, армия находилась под особой защитой. Солдаты Наполеона все еще держали в руках оружие и в сердцах бушевала ярость, когда Талейран выписывал обещания, которыми должны были быть связаны возвращающиеся бурбоны. Было очень важно успокоить эти войска или устранить их страх перед тем, что бурбоны поступят с ними несправедливо. Отсюда шестьдесят девятая статья Устава, в которой говорилось, что солдаты, находящиеся на действительной службе, офицеры и солдаты, отступающие, вдовы, офицеры и солдаты, включенные в пенсионный список, должны сохранять свои звания, почести и пенсии.

Королевским указом (16 декабря 1814 г.) этот пункт Устава был нарушен.

Четырнадцать тысяч офицеров и сержантов были уволены с половинным жалованьем, а места этих покрытых боевыми шрамами героев Империи заняли пять тысяч дворян, которые никогда не видели службы, кроме как у врагов Франции. Морские офицеры, дезертировавшие с кораблей своей собственной страны и служившие против своей родины, были возвращены во французский военно-морской флот и получили звание, которое они получили за границей. Ветераны, сражавшиеся за Французскую республику и Французскую империю, от Вальми и Жемаппа до Лана и Монмирайля, оказались офицерами у наглых мелких дворянчиков, которые никогда не нюхали пороха. Генерал Дюпон, известный главным образом своей капитуляцией при Байлене, был назначен военным министром. Трехцветный флаг, который французские солдаты победоносно пронесли во все столицы Континента, был убран. Многие из разорванных пулями знамен были уничтожены - они и их великолепные воспоминания были ненавистны душе бурбонов.

Белый флаг старой монархии — флаг, который ныне здравствующие французские солдаты знали только как опорный пункт измены и восстания в Вандее, — был сделан национальным штандартом. Номера полков были изменены, и ветераны дюжины исторических кампаний потеряли имена, под которыми они были известны и которые прославили в трудных испытаниях битвой. Императорская гвардия была изгнана из Парижа; швейцарцы снова были зачислены на защиту дворца и переоделись в форму 1792 года; был организован военный дом Бурбонов, наполненный молодыми дворянами, которые ни разу в жизни не стреляли, которым платили шикарное жалованье, и они были одеты в ливреи, вызывавшие смех у всего Парижа. Чтобы завершить бурлеск, они воскресили и сделали главным офицером дворца старого маркиза Шансенета, который был губернатором Тюильри 10 августа 1792 года и избежал резни в тот день, спрятавшись под грудой трупов.

Молодые герцоги Бурбонские, Берри и Ангулем, совершенно ничего не знали о войне, ни практической, ни какой-либо другой; тем не менее они были поставлены высшим военным командованием; и они напускали на себя такой вид, какого никогда не допускали ни Веллингтон, ни Блюхер, ни Наполеон. Эти молодые принцы королевской крови говорили французским ветеранам на параде, что их двадцать лет службы при Республике и Империи были всего лишь двадцатью годами разбоя. Когда Старой гвардии Наполеона не удалось совершить маневр, которого от нее добивался молодой герцог Ангулемский, им насмешливо посоветовали

отправиться в Англию, чтобы научиться муштре. Неужели полковник настолько неугоден герцогу Беррийскому, что его нужно уволить, опозорить? Надменный бурбон срывает эполеты собственной рукой! В другой раз тот же отважный воин бьет солдата на параде. Ходят слухи, что будет установлен памятник вторгшимся эмигрантам, которых английские корабли высадили в Кибероне в 1795 году и которых там убили республиканцы. Оказав им почести, Пишегрю и Жорж Кадудаль не были забыты. Их имена упоминались с почестями, за упокой их душ были отслужены мессы, а семье Кадудалья был пожалован дворянский патент.

Согласно Хартии, законы должны были приниматься королем, пэрами и депутатами, действующими совместно. На практике король издавал свои собственные законы. Из уст таких людей, как Лейне, которого Наполеон полностью понял и осудил, евангелие непротивления звучало во всей своей древней простоте: “Если так хочет король, так хочет закон”.

Каким бы невероятным это ни казалось, члены старого парламента Парижа собрались в частном доме и составили протест против Хартии. Дворяне и священники единодушно заговорили о возвращении феодализма, сеньориальных правах, десятине, бенефициях, исключительном праве охоты и конфискованных землях. Парижское духовенство в своем обращении к королю (август 1814 г.) выразило свое искреннее желание восстановления “той старой Франции, в которой без различия в каждом сердце слились эти два священных имени — Бога и короля”.

Была произнесена по крайней мере одна проповедь, в которой тем гражданам, которые не вернули дворянам и Церкви земли, отнятые Революцией, угрожала участь Иезавели — *и они должны быть растерзаны собаками*. Однажды на столе министра внутренних дел Бурбонов было обнаружено триста петиций, отправленных туда расстроенными католиками, которые заявляли, что их священники отказывают им в отпущении грехов из-за того, что они являются владельцами национальной собственности. Дрожащему преданному, бедному рабу суеверий, священник сказал: “Отдай Церкви и знати землю, которую ты купил и за которую заплатил, иначе ворота рая останутся закрытыми для тебя!” Находясь под давлением духовенства, многие собственники из среднего класса и крестьян обменивали хорошую землю на устный бесплатный проезд в новый Иерусалим. Многие дворяне, подражая королю, который мысленно отменил все изменения с 1789 года, начали требовать забытые налоги и пользоваться оскорбительными феодальными привилегиями. Сам герцог Веллингтон вел себя как *великий сеньор* Старого режима; и с кавалькадой друзей и сворой гончих в свое удовольствие бросался на посеvy фермеров вокруг Парижа, топча их молодые зерна с безмятежным пренебрежением к правам крестьян. Эти дворяне старой Франции, бежавшие от опасностей Революции и восстановленные Наполеоном или иностранными штыками, были столь же горды, столь же нетерпимы, как если бы они сами осуществили реставрацию Бурбонов. Они относились к дворянам, созданным Наполеоном, с нескрываемым презрением. Жены мужчин, чьи отцы были обогорожены за сомнительные заслуги перед более темными королями-Бурбонами, смотрели с высокомерным презрением на дам таких людей, как маршал Ней, которого Наполеон обогородил за службу столь же доблестную, какую любой солдат когда-либо оказывал Франции. Чтобы безошибочно обозначить разделительную черту между старой знатью и новой, были восстановлены военные училища, для поступления в которые требовалось сто лет дворянства — еще одно нарушение Устава.

Louis XVIII. он не был лишен ни таланта, ни житейской мудрости, но он был не тем человеком, который выгодно отличался бы от Наполеона. К несчастью, он был лично отвратителен. Как и его брат, Людовик XVI. У него были свиноподобные вкусы и привычки. Такой толстый, что не мог взобраться на лошадь, такой неуклюжий, что мог передвигаться только вразвалку в бархатных гетрах, он не был героем ни для мужчин, ни для женщин. Те, кто любил древнюю систему, были вынуждены использовать его не потому, что они любили *его*, а потому, что они обожали систему.

Обладея небольшим талантом к управлению, как он мог навести порядок в хаосе, который оставил после себя падение наполеона? Как он мог примирить неумеренную жадность приверженцев Старого порядка с защитниками либеральных идей во Франции? Как он мог примирить освобожденных крестьян с лордами Церкви и государства, которые требовали вернуть их в рабство? Как он мог восстановить процветание французского фабриканта, внезапно разоренного потоком английских товаров, который Наполеон так долго сдерживал своей континентальной системой? И когда кюре Святого Роха отказал актрисе в святом погребении, как мог слабый Людовик контролировать ни высокомерного священника, ни возмущенных, буйствующих друзей актрисы? И как он мог помешать всей Франции вспомнить, что однажды, когда этот же священник отказал в христианском погребении танцовщице оперы, железная рука Наполеона Бонапарта обрушилась на нехристианского кюре, подвергнув его наказанию и упреку в том, что “Иисус Христос повелел нам молиться даже за наших врагов”?

Поэтому неудивительно, что, когда Карно опубликовал мемориал, обвиняющий правительство в нарушении веры и указывающий на его быстрое продвижение к абсолютизму, книга разошлась огромным тиражом. Шатобриана вызвали написать ответ, и он его написал; но даже Шатобриан не смог опровергнуть факты пером, хотя придворные во дворце, похоже, верили, что он это сделал.

Такова была реставрация Бурбонов. Сведя на нет большую часть работы Революции, она поставила под угрозу все. Очевидно, это был только вопрос времени, когда Франция снова облачится в политические и религиозные одежды 1789 года. Те, кто льстил себе мыслью, что они получают конституционную монархию взамен деспотизма Наполеона, вскоре поняли, что система Бурбонов обладала большинством пороков Наполеона и ни одной из его добродетелей. Талейран, Фуше и Компания ожидали, что будут править королевством в качестве конституционных министров. Они обнаружили, что их влиянию ничего не стоит противостоять таким придворным-роялистам, как пустоголовые Блаки. Не прошло и трех месяцев с тех пор, как Талейран и Фуше замыслили свержение Наполеона, как они уже замыслили свержение Людовика XVIII.

* * * * *

Наконец в Вене (сентябрь 1814 г.) собрался Конгресс наций, и это было очень грандиозное собрание знаменитостей. Царь России, короли Пруссии, Дании, Баварии и Вюртемберга, император Австрии Франциск присутствовали лично; королей Англии и Франции представляли лорд Каслри и принц Талейран соответственно; Саксонию, Неаполь и другие небольшие государства представляли делегации, более или менее официальные и более или менее признанные.

Государственные деятели многих стран, дипломаты, посланники, агенты, мужчины и женщины, присутствовали в большом количестве; и на праздниках, банкетах, балах, экскурсиях и различных увеселениях было весело израсходовано около 50 000 долларов в день.

Неверные в своих отношениях с Наполеоном, союзные короли не доверяли друг другу; за публичными договорами скрывались тайные соглашения, и теперь, на Венском конгрессе, эти закулисные сделки начали проявляться. Якобы Наполеон был свергнут в результате великого братского сотрудничества всех европейских монархов. Якобы мотивом этого великого братского сотрудничества было освобождение народов Европы от жестокой тирании наполеоновского правительства.

Как только на этом конгрессе начали покачивать в высшей степени мудрыми головами, развязывая в высшей степени мудрые языки, выяснилось, что Россия, Пруссия, Австрия и Англия некоторое время назад заключили тайную сделку о разделе по своему усмотрению территорий, которые они отняли у слишком амбициозного императора Франции. Следовательно, представители этих четырех христианских держав начали проводить свои собственные небольшие встречи, чтобы скорректировать карту Европы, закрыв дверь перед лицом выдающегося Талейрана и менее известных людей, которые приехали туда, чтобы оказывать влияние по целому ряду вопросов. Это соглашение четырех христианских держав при полном игнорировании других держав, также христианских, привело бы к созданию новой карты Европы, как раз соответствующей их собственным взглядам, если бы не одно обстоятельство. Достигнув своего тайного соглашения о закрытии от других держав, они не смогли прийти к соглашению между собой.

Если четыре королевских и христианских победителя тайно соглашались монополизировать добычу, очевидно, крайне важно, чтобы они не поссорились при разделе добычи. Россия, Австрия, Пруссия и Англия были в согласии настолько, что согласились, что эти четверо должны забрать все, что потерял Наполеон; но Венский конгресс едва миновал стадию взаимных поздравлений и торжественного вознесения благодарности Богу, как началась ссора между четырьмя державами-разбойниками. Царь потребовал всю Польшу; Пруссия - всю Саксонию; нетерпеливый взор Австрии был прикован к Италии, а Англия вообще усилила свою власть над колониями.

Много было сказано в похвалу мастерству, с которым Талейран взломал дверь и снова привел Францию в совет наций. Его хваленая дипломатия, по-видимому, свелась к следующему: четыре упомянутые державы поссорились между собой, и Франция нашла возможность встать на чью-либо сторону. Талейран удачно воспользовался предложенным таким образом началом, но, конечно, он был не единственным французом, который мог бы это сделать. Франция не была уничтожена: она все еще была Францией 1792 года, которая успешно сопротивлялась всей Европе. Если четыре великие державы оказались на грани войны, две на две, было ли это только благодаря гению Талейрана, что Франция была привлечена одной из сторон вражды? Конечно, нет. Это было связано с величием Франции, а не с величием Талейрана.

Louis XVIII. можно было бы ввести в бой не только остатки армии Наполеона в конце кампании, но и армию, с которой Сульт сражался с Веллингтоном, а также войска, которые по Парижскому мирному договору были освобождены из северных тюрем и гарнизонных городов.

В войне, которая заручилась поддержкой французского народа, полмиллиона человек могли быть легко вооружены; следовательно, мы можем легко понять, почему Австрия и Англия, разъяренные алчностью России и Пруссии, подписали секретный договор с Францией в январе 1815 года.

Однако дух компромисса сработал на Венском конгрессе; и чтобы избежать такой ужасной войны, которая вот-вот должна была разразиться между королями-союзниками, царю было позволено захватить почти всю Польшу; а Пруссия добилась своего с Саксонией; ибо, хотя они отдали ей только половину самой Саксонии, они компенсировали другую половину, предоставив ей больше, чем эквивалент на Рейне.

Жонглируя доктриной "легитимности" и утверждая, что все троны должны быть возвращены принцам, которые были правителями "милостью Божьей", а не по выбору народа, Талейран, похоже, добился согласия властей с тем, что Мюрат должен быть изгнан из Неаполя, а бурбоны восстановлены. С Бернадотом нельзя было обращаться подобным образом, потому что он был приемным сыном законного короля Швеции!

Он был не только утвержден в своем высоком посту, но и английский флот был послан, чтобы помочь ему захватить добычу, которая была обещана ему в качестве платы за ведение войны против его метрополии. Норвегия, которую Наполеон отказался обещать ему и которую обещал царь, была силой оторвана от Дании и передана Швеции, несмотря на все, что могли сделать сами норвежцы.

* * * * *

Осведомленный обо всем, что происходило во Франции, в Италии и на Венском конгрессе, Наполеон приготовился совершить смелый рывок к своему трону. Он тайно общался с Мюратом, с различными итальянскими друзьями, с различными друзьями во Франции. Среди его старых солдат начали распространяться смутные слухи, что он снова появится весной.

Заклучил ли он секретный договор с Австрией, выводящий ее из европейского альянса? Есть некоторые основания полагать, что он это сделал. Он неоднократно заявлял на острове Святой Елены, что такой договор был заключен; и автор "Частных мемуаров двора Людовика XVIII". подтверждает его. В этой любопытной книге приводится копия предполагаемого договора.

Сообщается, что сам Наполеон заявил, что заговор, который Фуше организовал среди армейских офицеров, вынудил его покинуть Эльбу на три месяца раньше, чем он намеревался. Это важно, если это правда, поскольку признается, что, если бы он подождал еще три месяца, его шансы на успех значительно возросли бы — при условии, что он тем временем не был захвачен в качестве военнопленного или убит.

Скрывая свой замысел до последнего момента, Наполеон собрал свою маленькую армию из тысячи ста человек, поднялся на борт небольшой флотилии в Порто-Феррайо 15 февраля 1815 года и отплыл во Францию. Его мать и сестра со слезами на глазах наблюдали за посадкой войск, и сам император был глубоко тронут. Обнимая свою мать и прощаясь с ней, он сказал: "Я должен идти сейчас, или я никогда не уйду".

* * * * *

В Тюильри в ночь на 2 марта 1815 года в салоне аббата д'Андре, генерального директора королевской полиции, произошла любопытная сцена.

поскольку присутствовало довольно много людей, разговор зашел о неких отвратительных слухах, касающихся Эльбы. Джентльмен, только что приехавший из Италии, рассказал об активных действиях агентов Наполеона. Говорили, что император был занят какими-то враждебными приготовлениями. Джентльмен из Италии, очевидно, произвел впечатление на компанию и вызвал чувство неловкости. Одной мысли о том, что Наполеон Бонапарт сорвется с Эльбы и высадится во Франции, было достаточно, чтобы мартовской ночью для группы Бурбонов стало еще холоднее.

Но аббат д'Андре был готов к чрезвычайным ситуациям. Как генеральный директор полиции, он должен был знать, что делает Наполеон, и он знал.

Поднявшись со стула и широкими шагами подойдя к камину, он повернулся лицом к собравшимся и обратился к ним с такой речью:

“Это, безусловно, очень необычно, что здравомыслящие люди первыми находят недостатки в правительстве. Ради всего святого, леди и джентльмены, отдайте должное здравому смыслу министров! Если вы думаете, что они безразличны к происходящим событиям, вы глубоко ошибаетесь. Они за всем наблюдают, все замечают и принимают меры предосторожности против всего. Не беспокойтесь по поводу Эльбы. Каждый шаг Бонапарта тщательно отслеживается. Эльба окружена многочисленными крейсерами. Все, кто прибывает, и все, кто уезжает, тщательно проверяются. Правительство ежедневно получает отчет обо всем, что там происходит. Теперь, чтобы убедить вас в том, что ваши тревоги глупы, я зачитаю вам отчет, который мы получили вчера”.

С этими словами самодовольный министр полиции достал из кармана официальный бюллетень и прочитал его. Его агент сообщил, что здоровье Наполеона было очень слабым, что у него была цинга и его одолевали недуги преждевременной старости; что он редко выходил из дома и что иногда его видели на берегу моря развлекающимся тем, что он бросал камешки в море — верный признак приближающегося помешательства. И так далее.

Прочитав этот ценный отчет, д'Андре с торжеством посмотрел на своих слушателей. Он продемонстрировал, к своему полному удовлетворению, что Наполеон был не только на Эльбе, но и бросал пустые камешки в безжизненное море и находился на прямой дороге в сумасшедший дом.

Это было 2 марта; за день до этого Наполеон высадился в Каннах и шел маршем на Париж!

Шок, который испытала Европа, когда сигнальный телеграф передал новость о том, что лев снова на свободе, был таким, какого Европа, вероятно, никогда раньше не испытывала и, вероятно, никогда больше не почувствует. Это парализовало короля и двор в Тюильри; это вызвало ужас среди королей и государственных деятелей на Венском конгрессе. Дама-роялистка, написавшая Мемуары одворе Людовика XVIII, заявляет, что министры короля выглядели как люди, увидевшие привидение. Они были напуганы до такой степени, что были неспособны составить какой-либо план или дать какой-либо разумный совет.

С другой стороны, Веллингтон был убежден, что Наполеон действовал на основе ложной информации и что король “уничтожит его без труда и за короткое время”.

Как Веллингтону вообще удалось вызвать в воображении картину уничтожения Наполеона Людовиком XVIII. одна из психологических загадок.

Человек, который из всех людей лучше всех знал этого Людовика XVIII. сам Людовик никогда не мог устоять против Наполеона; и он начал устраивать так, чтобы выходить через одни ворота, в то время как Наполеон входил через другие. Он издавал прокламации, но никто их не читал. Цену, которую он назначил за голову Наполеона, но ни один человек не горел желанием ее заслужить. Генералов и войска он послал остановить дерзкого нарушителя, но войска кричали “Да здравствует император!”, и офицерам пришлось бежать или присоединиться к наполеоновской процессии. Герцогиня Ангулемская, дочь Людовика XVI, увещевала солдат в Бордо, но даже ее призывы не увенчались успехом. Граф Артуа и маршал Макдональд потерпели равное поражение при Лионе; их войска покинули их, и они были вынуждены ускакать галопом. Маршал Ней был совершенно уверен, что сумеет справиться с преданными ему солдатами и что он сможет посадить в клетку чудовище с Эльбы. Дав слово дрожащему королю, он отправился выполнять свое поручение, собрал свои войска, обратился к ним с речью и предложил захватить Наполеона. Они смеялись над ним, заглушая его голос криками “Да здравствует император!”, и непостоянный Ней попался в ловушку, сдался своим людям, объявил о своей приверженности человеку, которого его послали схватить, и лично отправился, чтобы положить предложение о службе к ногам своего старого хозяина!

К сожалению, Людовик XVIII. обратился за руководством и советом к Блакасу, на которого он слишком доверчиво опирался. “Блакас, ты хороший парень, но я был жестоко обманут, когда принял твою преданность за талант. Поскольку некому было бороться за него, пришло время ему уходить; и в ночь на 19 марта он ушел. С ним на его печальном пути к границе отправился охваченный ужасом отступник, который больше всего на свете боялся, что Наполеон наложит на него руки, - Мармон, Арнольд Франции.

ГЛАВА XLVI

Во время путешествия с Эльбы во Францию Наполеон пребывал в прекрасном расположении духа, непринужденно общался со своими людьми и свободно болтал на все темы. Он не сказал им, куда они направляются, но, вероятно, в этом не было необходимости. Все, должно быть, чувствовали, что направляются во Францию.

Переход был полон опасностей, так как французские крейсера часто появлялись в поле зрения. Один из них подошел совсем близко, да так близко, что Наполеон приказал своим гвардейцам снять шапки из медвежьих шкур и лечь на палубу. Командир французского судна окликнул бриг Наполеона и, узнав, что он с Эльбы, спросил: “Как поживает император?” Сам Наполеон схватил рупор и ответил: “Он прекрасно себя чувствует”.

Наконец спутникам императора сообщили, что они направляются во Францию, и тех, кто умел писать, собрали вокруг него, чтобы переписать две прокламации, которые он намеревался распространить за границей по прибытии. Он сам написал их на Эльбе, но никто из присутствующих не мог их прочесть — даже он сам.

Выбросив их в море, он продиктовал еще два: одно для своих старых солдат, другое для нации в целом. Он десять раз пересматривал эти документы, прежде чем они удовлетворили его, а затем поручил всем делать копии. Занятые таким образом, они приблизились к Франции и приветствовали берега восторженными криками.

Было около пяти часов вечера 1 марта 1815 года, когда Наполеон и его маленькая армия высадились близ Канн и расположились бивуаком на лугу, окруженном оливковыми деревьями, недалеко от берега. Капитан и двадцать пять человек, посланные в Антиб, чтобы поднять гарнизон и передать его Наполеону, вошли в город с криками “Да здравствует император!” без объяснений или дальнейших заявлений; и местные жители, ничего не зная о высадке Наполеона, приняли этих людей, которые внезапно с криками пронеслись по их тихому городу, за сумасшедших. У королевского коменданта хватило присутствия духа закрыть городские ворота; и вот доблестные двадцать шесть человек, отправившиеся застать врасплох и захватить в плен, были застигнуты врасплох и схвачены.

“Мы плохо начали”, - сказал наполеон, когда до него дошла весть об этом несчастье. “Нам ничего не остается, как идти так быстро, как только можем, и добраться до горных перевалов до того, как узнают о нашем прибытии”.

Взошла луна, и в полночь император выступил в поход. Он привез несколько лошадей с Эльбы, еще несколько купил у крестьян после высадки, и таким образом, некоторые из его офицеров были верхом, в то время как сам он ехал в экипаже, подаренном ему его сестрой Полиной и который он привез с Эльбы. Они шли всю ночь, проходя через тихие, залитые лунным светом деревни, где люди, разбуженные сообщениями о чем—то необычном - по словам некоторых, пришли пираты, — стояли, разинув рты, глядя на марширующие войска, пожимая плечами в ответ на крики “Да здравствует император!”. Только после того, как колонна прошла через Грасс, город с шеститысячным населением, и остановилась на холме за ним, люди, казалось, осознали, что происходит. Тревога пиратов исчезла, огни энтузиазма начали разгораться, и с радостными криками “Да здравствует император!” горожане побежали к лагерю, неся провизию для войск. С этого времени жители деревни были уверены, что Наполеон действительно вернулся, и его марш стал триумфальным. Оставив пушки и лафеты в Грассе, колонна двинулась к Серенону горными тропами, все еще покрытыми снегом, император шел пешком в окружении своих гренадер. Когда он спотыкался и падал на неровной дороге, они смеялись над ним; и он слышал, как они называли его между собой “Наш маленький монах”. Достигнув Гэпа 5-го числа, он напечатал свои прокламации; и он начал распространять их тысячами. И никогда прежде прокламации не находили таких охотных читателей и не завоевывали такой популярности. Продвигаясь к Греноблю, авангард под командованием Камбронна столкнулся с шеститысячным батальоном, посланным остановить марш захватчиков. Командующий роялистами отказался вести переговоры с офицерами Наполеона и пригрозил открыть огонь. Камбронн послал сообщить императору о случившемся. Наполеон ехал в старой карете, подобранной в Гэпе, когда до него дошло это сообщение. Вскочив на коня, он поскакал вперед, оказавшись в сотне ярдов от вражеского батальона. Его не

приветствовали радостными возгласами. Повернувшись к Бертрону, разочарованный император заметил: “Они обманули меня, но это неважно. Марш вперед!” Бросив Бертрону уздечку своего коня, он пешком направился к королевским войскам.

“ Огонь! ” крикнул офицер, обнажая саблю. И затем Наполеон, расстегнув знакомое серое пальто и появившись перед ними в знакомой треуголке, произнес знаменитую речь, которая сломала все военное противостояние между Греноблем и Парижем, одним словом сметя со своего пути тысячи штыков.

“ Что! Дети мои, вы не узнаете меня? Это ваш император. Если среди вас есть тот, кто хочет убить своего генерала, он может это сделать. Вот и я!”

“Да здравствует император!” - последовал ответ шести тысяч человек, которые залились слезами, сломали строй и столпились вокруг него, чтобы упасть к его ногам, целовать его руки и прикасаться к подолу его одежды.

У офицера, приказавшего им открыть огонь, была хорошая лошадь и неплохой старт; следовательно, ему удалось скрыться.

Шесть тысяч человек, пришедших схватить Наполеона, повернулись и двинулись вместе с ним. К этому времени страна была взбудоражена со всех сторон, и толпы людей столпились вокруг колонны, выкрикивая “Да здравствует император!”. Выйдя за пределы Визиля, император был встречен полковником Лабедойером, который привел свой полк, чтобы присоединиться к рядам Наполеона. С криками радости войска смешались, и Наполеон заключил пылкого молодого полковника в объятия, прижимая его к своей груди и говоря: “Полковник, это вы заменяете меня на троне!” Затем двинулись в Гренобль, где ворота были закрыты, а оборона укреплена для сопротивления захватчику.

Было темно, когда Наполеон подошел к стенам. Он приказал Лабедойеру обратиться к находящимся внутри войскам. Это было сделано, и из города раздались крики “Да здравствует император!”. Но ключи были у королевского коменданта, и ворота нельзя было открыть. “Зал! комната!” - раздался крик изнутри. Это был крик горожан, идущих с балками, чтобы вышибить ворота.

Вскоре работа была закончена, путь был открыт, и колонна императора оказалась окруженной толпой, столь же восторженной, как и все, кого они встречали. В неудержимом порыве они схватили Наполеона, стащили его с лошади и понесли вперед на руках.

Та ночь была одним долгим праздником для солдат, горожан и крестьян; а на следующее утро огромная толпа последовала за ним, когда он отправился в Лион. Там, в еще большем масштабе, повторились оваии Гренобля. Королевские офицеры потеряли всякий контроль над своими войсками. Маршал Макдональд и граф Артуа были совершенно брошены, а когда они бежали, за ними последовал одинокий солдат, которому Наполеон впоследствии вручил крест Почетного легиона. В течение четырех дней этот великий город южной Франции всячески демонстрировал свою безграничную радость по поводу возвращения императора. Говорят, что двадцать тысяч человек постоянно находились под его окнами. Несомненно, что он никогда не забывал эти славные дни — почти последние дни, которые он мог бы назвать славными. Его путешествие больше не было приключением; он снова был великой силой среди народов земли. Он не совершал насилия, не проливал крови. Любовь и восхищение доблестного народа

снова были для него бальзамом на все прошлогодние раны. В своем обращении при отъезде он произнес простые и трогательные слова: “Жители Лиона, я люблю вас!” и не может быть никаких сомнений в том, что он это сделал.

Двигаясь дальше, он прибыл в Осер 17-го; а вечером прибыл маршал Ней, и что-то в словах и манерах которого наводило на мысль, что он чувствовал то, что ничто так хорошо не описывает, как термин “робость”. Очень грубо он обошелся со своим императором в 1814 году — грубо, брутально, с угрозами. Теперь все изменилось. Ней был раскаивающимся, извиняющимся, объясняющим. Похоже, о нем представили неверно; и газеты написали о нем ложь. Но Наполеон успокоил его словами: “Обними меня, мой дорогой Ней. Для меня ты по-прежнему *Храбрый из храбрых*”.

Сделав короткую остановку в Фонтенбло 20 марта, Наполеон провел несколько часов в одиночестве в комнате, где год назад пережил такие муки; затем он снова отправился в сад, который был его Гефсиманией. Направляясь в Париж, он прибыл уже затемно и вошел в Тюильри в девять часов, опираясь на плечи своих восторженных друзей. Пять тысяч молодых дворян из королевской личной гвардии покинули Париж в то утро, чтобы возглавить королевскую армию и противостоять наступлению Наполеона. Войска, которыми они рассчитывали командовать, присоединились к своему императору близ Парижа; и в тот вечер в парижских салунах можно было услышать, как благородные офицеры, оставшиеся без командования, правдоподобно объясняли причину своей неспособности остановить продвижение узурпатора.

Великий город Париж не вышел встречать возвращающегося императора, как это сделали Гренобль и Лион. Париж был довольно равнодушен. “Они позволили мне прийти, как позволили уйти другим парням”, - заметил Наполеон в тот вечер. Тысячи солдат приветствовали его, когда он въезжал в столицу, обожающие друзья так горячо прижимали его к себе в Тюильри, что он воскликнул: “Друзья мои, вы душите меня!” Элегантные дамы императорского двора, во главе с Гортензией, приготовились приветствовать его во дворце; они обвили руками его шею и поцеловали. Но когда оставшийся без жены и бездетный император сидел у камина поздно ночью, почти в одиночестве, закинув ноги на каминную полку, он выглядел очень усталым и очень печальным. Многие старые друзья встретились с ним; многие остались в стороне. Париж оказался не таким теплым, как Лион. Франция не была столь единодушна, как он надеялся. Уверенность в нем, в его богатстве и конечном успехе была действительно очень далека от всеобщей.

Бурьен пишет, что одна из парижских газет следующим образом описала различные этапы возвращения Наполеона:

“Распространяется сообщение, что корсиканский разбойник высадился в Каннах”; несколько дней спустя та же ручка написала: “Знаете ли вы, какие новости распространяются? Говорят, опрометчивый узурпатор был принят в Гренобле”; затем последовало сообщение: “Я узнал из надежного источника, что генерал Бонапарт вступил в Лион”; затем, через несколько дней, было: “Наполеон, кажется, находится в Фонтенбло”; а 20 марта последовало последнее: “Его Величество император и король прибыл сегодня вечером в свой дворец Тюильри”.

ГЛАВА XLVII

Хотя возвращение императора действительно не понравилось знати, ультрамонтанским священникам, капиталистам и интриганам, работавшим на герцога Орлеанского, нет никаких сомнений в том, что армия и массы народа были искренне обрадованы. Единственное, что имело тенденцию охлаждать общий энтузиазм, - это предчувствие войны. Но Наполеон приложил немало усилий, чтобы дать понять, что он желает мира, что он намерен уважать Парижский мирный договор и что он намерен править как конституционный король, французы не могли полностью осознать неизбежность войны. Они слышали, как союзные короли заявляли, что Франция имеет право выбирать своего собственного правителя, и им говорили, что бурбоны были восстановлены просто потому, что Сенат и другие органы общественного мнения свергли Наполеона и выбрали Людовика XVIII. Если короли-союзники говорили правду, делая такие заявления, то французы, которые отложили Наполеона в сторону ради Бурбонов, имели такое же право отложить Бурбонов в сторону ради Наполеона. Ни французскому народу, ни Людовику XVIII не казалось очевидным, что короли-союзники отправят свои армии обратно во Францию, чтобы изгнать императора, которого нация приветствовала.

Следовательно, начало Ста дней было отмечено тем, что генерал Тибо называет “безграничным энтузиазмом”. Он присутствовал в ночь вступления Наполеона в Париж; он был одним из офицеров, посланных королем остановить наступление императора; и Тибо говорит, что “по меньшей мере двадцать тысяч человек толпились у Тюильри”. Внезапно снова появился Наполеон. Последовала мгновенная и непреодолимая вспышка гнева. При виде его восторг поднялся до такой степени, что можно было подумать, что рушатся потолки; затем, как после удара грома, каждый человек пришел в себя, дрожа от экстаза и заикаясь, как пьяный ”.

Едва прошла первая ночь после его возвращения, как Наполеон усердно занялся реорганизацией своего правительства; он продолжал трудиться по шестнадцать часов в день, почти без отдыха, создавая администрацию, армию и надежную систему национальной обороны.

Как лаконично заявляет Дюма, “По его приказу Франция покрылась мануфактурами, мастерскими, литейными заводами; и только столичные оружейники изготовили до трех тысяч ружей за двадцать четыре часа; в то время как портные сшили за то же время пятнадцать и даже восемнадцать сотен мундиров”. В то же время списки линейных полков были увеличены с двух батальонов до пяти; списки кавалерии были усилены двумя эскадронами; были организованы двести батальонов Национальной гвардии; двадцать полков морской пехоты и сорок полков Молодой гвардии были приведены в боевую готовность; старые распущенные солдаты были возвращены к штандарту; были увеличены призывы 1814 и 1815 годов; солдаты и офицеры в отставке были привлечены к восстановлению линии. Были сформированы шесть армий под названиями Северной армии, армии Мозеля, Рейна, Юры, Альп и Пиренеев; в то время как седьмая, Резервная армия, собралась под стенами Парижа и Лиона, которые должны были быть укреплены”.

С политической точки зрения положение Наполеона во Франции само по себе было непростым. Хотя они изгнали бурбонов, народ не собирался возвращаться к имперскому деспотизму. Либеральные идеи преобладали повсюду, и сам Наполеон теперь не должен надеяться править с помощью личного влияния. Он должен стать рупором и общественным деятелем нации, иначе он стал бы королем фракции меньшинства, когда основная часть нации была бы против него.

В качестве доказательства своей доброй воли принять ограниченную власть Наполеон призвал к себе на совет Бенжамена Констана, лидера французских либералов, друга мадам де Сталь и очень злейшего врага императора. Констант откликнулся на приглашение и подготовил поправку к конституции империи, которая, по мнению мадам де Сталь, была как раз тем, что требовалось для того, чтобы сплотить всю Францию в поддержку Наполеона и обеспечить будущее дела либерализма.

Этот знаменитый документ, известный как “Дополнительный акт”, не подтвердил суждения мадам де Сталь. Это возмутило все стороны, в большей или меньшей степени, поскольку это было то, что современные политики называли бы “оседланием”. В нем было достаточно демократии, чтобы оскорбить империалистов, и достаточно империализма, чтобы вызвать отвращение у демократов.

Давайте вспомним, что объединяющим криком людей, которые стекались к вернувшемуся императору, было: “Долой знать! Долой священников!” Настолько сильным было это чувство, этот ужасный антагонизм к злоупотреблениям Старого Порядка, что сам Наполеон в Лионе прошептал: “Это безумие”. В Париже он обрел тот же дух. Дворян и священников яростно ненавидели, не столько по личным мотивам, сколько за то, что они поддерживали отвратительную систему.

Десятки тысяч парижских рабочих прошли парадом перед Тюильри, оглашая воздух старыми боевыми кличами времен Революции и яростно распевая песню, смысл которой звучит так: “Кишками последнего из священников мы задушим последнего из королей!”

Так вот, из всех людей Наполеон был наименее склонен бросаться в объятия подобных людей. Он не имел ничего против знати, если они были *его* знатью; ни против священников, если они были *его* священниками; ни, более того, против королей, если они были *его* королями. Совершенно желая, чтобы жизненные возможности были предоставлены всем людям одинаково, будь то крестьяне или князья, и будучи достаточно демократом, чтобы желать, чтобы все люди были равны перед законом, свободны выбирать свое призвание, религию и политическое кредо, он не имел ни малейшего представления об открытии шлюзов той сдерживаемой демократии, социализма и коммунизма, которые приводили его в ужас в дни его юности.

В “Законе о дополнительных” положениях были предусмотрены представительное правительство и ответственность министров. Также были гарантированы свобода религии, свобода печати, личная безопасность и собственность.

Положительные результаты этих уступок были сведены на нет созданием наследственной Палаты лордов, против которой, как говорят, выступал Наполеон, но которая была принята вопреки ему. Генерал Тибо считал, что из-за этой непопулярной особенности новой Конституции император потерял двести тысяч человек, которые в противном случае присоединились бы к его армии.

Этот “Дополнительный акт” был представлен народу и принят, но голосование было незначительным.

Указом, который он издал в Лионе, он упразднил Сенат и законодательный корпус. На их место должны были быть поставлены новая Палата лордов и законодательное собрание. По настоянию Лафайета и других либералов, от поддержки которых он не мог отказаться, Наполеон назначил выборы намного раньше, чем он намеревался, и намного раньше, чем это было выгодно для него, как выяснилось впоследствии.

Одно за другим тяжелые разочарования обрушились на Наполеона и его народ. Стало очевидно, что его возвращение означало войну. Венский конгресс объявил, что он нарушил Фонтенблосский мирный договор, и объявил его вне закона. Королевским армиям было приказано остановиться в пути домой и снова отправиться во Францию. Письма Наполеона союзникам даже не могли быть доставлены; его курьеров развернули обратно на границе.

Если Австрия заключила с ним тайное соглашение, стало очевидно, что в этом отношении надеяться не на что.

Мюрат все испортил, безумно вторгшись в папскую область, провозгласив единство и независимость Италии и разбив себя вдребезги в попытке, выходящей далеко за рамки его средств и способностей. Австрия считала, что Мюрат действовал по наущению Наполеона, и это необоснованное подозрение навело ее на мысль, как сказал Наполеон, что он обманул ее.

Армия Мюрата растаяла перед лицом австрийского и английского сопротивления; итальянцы восстали не так, как он надеялся; и опрометчивый, неудачливый король Неаполя бежал во Францию и укрылся близ Тулона. Из этого укрытия он послал Наполеону предложение своих услуг; но великий человек, простивший Нея и вернувшийся на службу Фуше, подвел черту под Мюратом. Еще больше жаль! В армии, где место генерала было отведено печально известному Бурмону, наверняка нашлось бы место для лучшего кавалерийского командира в мире — человека, который согрешил, но горько раскаялся; человека, чей великолепный меч мог бы превратить Линьи в другую Йену, а Ватерлоо - в другой Дрезден.

Как бы то ни было, неудача Мюрата укрепила союзников и омрачила Францию.

Две вещи, в которых Наполеон нуждался больше всего на свете, — время и деньги. У него было всего несколько недель, чтобы создать средства защиты от вооруженного мира, а нехватка денег не позволяла ему использовать с максимальной пользой даже эти несколько недель. Опираясь только на серебро и золото (отъявленные трусы во время войны) и банкноты Банка Франции, он боролся со странами, которые удвоили свои ресурсы за счет выпуска бумажных денег. Он получал щедрые добровольные пожертвования; Хобхаус рассказывает, что часто императору вручали пачки банкнот во время смотра войск. Но, в конце концов, такой ресурс дает сравнительно немного; и нехватка денег серьезно подорвала великого полководца при подготовке к его последнему бою.

Прежде чем он отправится в армию, мы видим Наполеона в двух образах, которые никогда не изгладятся из памяти: один - как преемник Карла Великого и император Франции; другой - как частное лицо со своими личными горестями.

Времени было так мало, что было решено, что выборные коллегии Франции должны провести грандиозное собрание под открытым небом, как во времена Карла Великого, - на *Майском* поле.

1 июня 1815 года депутаты от всех округов Империи, а также от армии и всех общественных организаций собрались в том историческом амфитеатре, где двадцать с лишним лет назад состоялся первый Фестиваль Федерации. Шестидесятитысячный десант добавил пышности церемонии, и бесчисленные толпы парижан заполнили поле боя. Звучала вдохновляющая музыка, впечатляющие религиозные обряды и торжественное принесение присяг в соответствии с новой Конституцией. Наполеон сам принес присягу, раздал орлов своим восторженным солдатам и протяжным, резко поставленным голосом произнес одну из своих виртуозных речей.

“Император, консул, солдат, я всем обязан народу. В процветании, в невзгодах, на поле битвы, в зале совета, на троне, в изгнании Франция была душой и постоянным объектом моих мыслей и моих усилий”.

Как могли французы слушать подобные слова и не разразиться радостными криками? Если бы в тот день он был одет в простую униформу, а не в нелепый придворный костюм; если бы он держал своих злобных братьев — Жозефа, Люсьена и Жерома — на заднем плане, а не в авангарде; если бы он обратился с призывом и более безоговорочно доверил свое дело народу, *Майское поле* могло бы стать колоссальным повторением его триумфа в Гренобле и Лионе. Как бы то ни было, Париж рассматривал это как прекрасное зрелище, выставку, которую нужно увидеть и которой нужно аплодировать, — не более того. Это тронуло сердце армии; это не затронуло более широкое сердце французского народа.

Когда палаты собрались, император произнес еще более удачную речь. Хобхауз, который присутствовал при этом, говорит, что когда он закончил фразу, произнесенную более громким тоном и с взмахом правой руки: “Священное дело страны восторжествует!”, он быстро поднялся со своего трона, “поклонился собранию и удалился под гром аплодисментов, которые сопровождали его от трона до двери и вынудили его несколько раз обернуться и приветствовать собрание, когда он поднимался по лестнице площади”. Он казался очень довольным. Действительно, ничто не могло превзойти энтузиазма, который был тем более отрадным, что исходил от такого собрания”. Когда мы вспоминаем, что это собрание знати уже было враждебно Наполеону, уже было разделено на фракции, только одна из которых была ему предана, и что ни для кого не было секретом, что эти знатные люди открыто выступают против него в тот момент, когда военная удача обернется против него, его ораторский триумф становится еще более замечательным.

Вот вам и император, его труды, его речи, его опасности, его могучие усилия преодолеть невозможную ситуацию; мы можем восхищаться всем этим, восхищаться его гением, мужеством, ресурсами и разносторонностью; но только когда мы едем с ним в Мальмезон, мы приближаемся к *человеку*, сочувствуем ему, сопереживаем вместе с ним и осознаем, насколько сильно его неправильно понимали. Он всегда был хорошим сыном; он был слишком нежен, слишком щедр к своим сестрам и братьям; он был для обеих своих жен одним из самых нежных и снисходительных мужей.

Похоже, что он почти до последнего продолжал надеяться, что Мария Луиза приедет к нему на Эльбу и привезет его мальчика. Нам сказали, что в его распоряжение попало много

фейерверков, и он бережно хранил их, готовый к использованию, когда приедут жена и ребенок. В конце концов он понял, что ни один из них больше никогда его не увидит. Ему рассказали о Нейпперге и об истинной причине, по которой Мария-Луиза перестала писать. “Мева, скажи папе, что я все еще очень люблю его!” и это сообщение, отправленное почти тайком, было всем, что Меневаль смогла передать отцу от маленького сына, которого держали в заключении в Вене. Неудивительно, что Наполеона можно застать сидящим перед портретом своего сына со слезами, текущими по его щекам.

Жозефина была мертва. Падение императора, ее героя, ее Уголовного розыска, сбilo ее с толку и вывело из себя. Напуганная шумом войны, потрясшей все королевство, она жила в ужасе в Мальмезоне. Короли-союзники уделяли ей всяческое внимание, и, показывая королю Пруссии ее прекрасные владения, когда она была больна, у нее началась сыпь, и, как говорят, она вызвала фатальный рецидив. Бормоча слова “Эльба” — “Бонапарт”, — она умерла, когда ее герой был еще в изгнании. Это откровение его истинного характера, что перед отправлением в свой последний поход он должен выделить один день из тех немногих, что подарила ему судьба, и посвятить его воспоминаниям, сожалениям, воспоминаниям о хрупкой, но мягкосердечной женщине, которая согрела его, когда весь мир остывал. Он отправился в Мальмезон почти один и вместе с Гортензией прогулялся по окрестностям, осматривая старые знакомые места и думая о “старых знакомых лицах”. Он задержался в саду, который сам разбил и в котором любил работать, когда был первым консулом, окруженный деревьями и цветами и вдыхающий дыхание природы. Он часто говорил, что там ему работалось бы лучше, чем где-либо еще. Он бродил по парку, разглядывая деревья, которые посадил сам в те блестящие дни, давным-давно. Каждое место было безмолвным напоминанием об ушедшей славе, о друзьях, которых он больше не увидит.

Он попросил рассказать ему все о Джозефине — о ее последних днях, болезни, предсмертных часах; ни одна деталь не была слишком тривиальной, чтобы ускользнуть от него. И когда они рассказывали эту историю, он прерывал их восклицаниями, полными интереса, нежности, скорби. Во время этого визита в замок он хотел увидеть все, что могло напомнить ему о ней и об их прежней совместной жизни, — в конце концов, камеру смерти. Здесь у него не будет спутницы. “Дочь моя, позволь мне войти сюда одному!” и он поставил Гортензию на место, вошел и закрыл дверь. Он оставался там долго, а когда вышел, по его глазам было видно, что он плакал.

* * * * *

Его внешность в то время так описывает Хобхауз, который видел его на военном смотре в Тюильри: “Его лицо было смертельно бледным; челюсти нависали, но не так сильно, как я слышал; губы тонкие, но частично изогнутые, что придавало его рту невыразимую сладость. У него была привычка поджимать губы и, по-видимому, жевать. У него были темно-каштановые волосы, густо спадавшие на виски; макушка головы была лысой. Одно из ласковых имен, данных ему в последнее время солдатами, - “Наш маленький монах”. Верхняя часть его тела не была толстой, но живот значительно выдавался вперед, настолько, что белье выглядывало из-под жилета. Обычно он стоял, заложив руки за спину или сложив их перед собой, но иногда разжимал их, поигрывал носом, три или четыре раза понюхал табак и посмотрел на часы. Казалось, у него что-то сжималось в груди, он вздыхал или сглатывал. Он очень редко говорил, но когда говорил, улыбался, в некотором роде, приятно. Он огляделся по сторонам, не хмуря, а

сведя брови, словно хотел разглядеть все более детально, и прошел всю утомительную церемонию с видом степенного нетерпения”.

Хобхаус рассказывает о приеме, оказанном Наполеону в опере, где Тальма должен был сыграть Гектора. “Зал был забит зрителями, которые столпились в оркестре. Прозвучали арии из "Ла Виктуар" и "Марсельезы", которые были исполнены под гром аплодисментов, зрители присоединились к мелодии.... В третьей сцене появился Наполеон. Вся месса поднялась с криком, который до сих пор гремит у меня в ушах. Виваты продолжались до тех пор, пока император, кланяясь направо и налево, не сел, и пьеса не возобновилась. Аудитория встречала каждую речь, в которой хоть как-то упоминался их вернувшийся герой, бесчисленными аплодисментами”.

Генерал Тибо в своих Мемуарах заявляет, что Наполеон уже не был тем человеком, которым был когда-то; что его лицо приобрело зеленоватый оттенок и утратило свое выражение; что его рот утратил свое колдовство; “сама его голова больше не имела той позы, которая раньше характеризовала завоевателя мира; и его походка была такой же растерянной, как его поведение и жесты нерешительными. Все в нем, казалось, утратило свою природу и было разрушено”.

Дама, написавшая Мемуары о дворе Людовика XVIII. Видела, как Наполеон проводил смотр в Тюильри, и после этого поговорила с ним.

“Бонапарт был одет в тот день в зеленую форму. Мне говорили, что это было то же самое, что он носил позже при Ватерлоо и что он носил, почти в лохмотьях, на острове Святой Елены. В то утро он проводил смотр войскам на Марсовом поле, и его пальто, шляпа и ботинки все еще были в пыли.... Я тщетно искал огонь, который когда-то сиял в его глазах. Он сутулился больше обычного; голова его почти свисала на грудь; цвет лица был желтым, лицо меланхоличным и задумчивым, а маленькая шляпа, надвинутая почти на глаза, придавала ему мрачное выражение. Его движения все еще были резкими, но это казалось просто следствием привычки.... В целом у него был усталый, измученный вид, который, казалось, указывал на вымершего великого человека ”.

О том же свидетельствует и канцлер Паскье.

Карно сказал: “Я больше его не знаю. Он говорит, вместо того чтобы действовать, он человек быстрых решений; он интересуется мнениями, он властный диктатор, которого, казалось, оскорбляли советы; его разум блуждает, хотя раньше он мог заниматься всем, когда и как ему заблагорассудится; его клонит в сон, и раньше он засыпал и просыпался, когда ему заблагорассудится ”.

ГЛАВА XLVIII

Было сделано все, что можно было сделать, — все, что было в его натуре. Он вооружил двести тысяч человек и наполнил их боевым огнем. Он отозвал на службу всех офицеров, которые

могли прибыть, за исключением Ожеро, который предал Лион в 1814 году, и Мюрата, который присоединился к союзникам. Он обхаживал либералов, тянулся к якобинцам, терпел роялистов и закрывал глаза на зарождающуюся государственную измену. Обращаясь к Константам и Лафайетам, он сказал: “Джентльмены, не тратьте время на дебаты по конституционному праву, пока нация в опасности; объединитесь со мной, чтобы спасти ее”; но он знал, что его призыв был напрасен. Опасному предателю Фуше он сказал: “Я должен был бы расстрелять тебя”; но он оставил его министром и знал, что в случае проигрыша сражения Фуше будет первым, кто замышляет возвращение бурбонов.

Он слушал якобинские песни, ценил силу якобинцев и верил, что сможет выиграть бой, если наденет красную шляпу. Но он этого не сделал. В “Брюмере” 1799 года он сказал: “Если я одержу победу вместе с якобинцами, мне придется побеждать против них”. Его мнение не изменилось. Если бы он надел красную шапочку якобинцев и дал им в руки оружие, он, возможно, спас бы свою корону; но как насчет его сына? Демократия однажды освобожденная, кто когда-либо свяжет ее снова? Таким образом, он не стал бы национализировать войну — его единственный шанс на успех.

С двумястами тысячами человек император, который мог бы завербовать миллион, повернулся лицом ко всей Европе. У союзных королей уже был миллион вооруженных людей, и Англия ежемесячно поставляла им 55 000 000 долларов для оплаты труда. По качеству Наполеон командовал немногими армиями лучше, чем в его последней кампании; но, хотя войска были страстно преданы императору, они потеряли доверие ко многим высшим офицерам и отправились на фронт, опасаясь предательства своих лидеров.

Русские и австрийцы не смогли достичь Рейна раньше июля, но армии Блюхера и Веллингтона, примерно по сто тысяч каждая, уже находились в Бельгии. Наполеон мог нанести по ним удар силами всего около ста двадцати пяти тысяч человек. Но поскольку противник был широко рассеян и не ожидал немедленной атаки, он полагал, что лучше всего начать войну, бросившись между Веллингтоном и Блюхером, предотвратив их соединение, разгромив их по частям и, таким образом, обескуражив коалицию до такой степени, что он мог бы отделить по крайней мере некоторых из ее членов.

Если бы он подождал еще две недели, он мог бы взять с собой двенадцатитысячное войско, которое подавляло роялистов в Вандее; но он не мог предвидеть, что восстание будет подавлено так скоро. Однако были допущены и другие ошибки, ответственность за которые нес он один. Он оставил своего лучшего офицера Даву в Париже, вместо того чтобы использовать его в полевых условиях. Если бы Давуст был поставлен на место Граучи, результат кампании почти наверняка был бы другим. Опять же, он не оказал Ней никакого доверия, даже не уведомил маршала о том, будет ли он принят на работу. Было так поздно, когда Ней получил свои приказы, что кампания уже началась и боевые действия начались прежде, чем он смог прибыть из Парижа без своих лошадей и в сопровождении единственного адъютанта.

Еще одно: император передал командование своим правым крылом, которое должно было действовать независимо, офицеру, не испытанному в этом качестве, — Груши; и он сделал это вопреки протестам Сульта и других генералов, которые предупредили его, что Груши не подходит для такой должности.

В отношении Бурмона была допущена грубая ошибка. Этот человек был одним из шуанских вождей 1800 года, к которому Наполеон проявил милосердие. Помилованный, таким образом, Первым консулом, он впоследствии был замешан в заговоре Жоржа и бежал в Португалию. Жюно подобрал его там, проникся к нему симпатией, устроил на работу, и этот человек, будучи хорошим офицером, быстро продвинулся по службе. В 1814 году он был одним из предателей и перешел на сторону бурбонов. В 1815 году он присоединился к наполеоновской волне и проявил рвение искреннего империалиста. Ища работу в армии, он получил презрительный отказ от Даву, который сказал ему, что он должен пройти карантин. К величайшему сожалению, Лабедойер и Жерар верили в Бурмона, и дело было доведено до сведения императора. Лабедойеру Наполеон ни в чем не мог отказать, и Бурмон был назначен командовать одной из лучших дивизий.

Быстро сосредоточив свою армию, Наполеон вечером 14 июня 1815 года был близ Шарлеруа, а на следующий день переправился через Самбр.

На рассвете 15-го генерал Бурмон, два офицера его штаба и восемь солдат дезертировали. Поскольку Бурмон присутствовал на Военном совете, он знал секреты французов и передал их союзникам. Эта измена накануне сражения на какое-то время деморализовала всю дивизию и оказала угнетающее воздействие на всю армию.

Этим утром произошло еще одно “прискорбное происшествие”. Приказ Вандаму наступать был отправлен единственным курьером, который сломал ногу, упав с лошади. Приказ не был отдан, Вандамм не предпринял никаких действий, и маневр Наполеона, с помощью которого он рассчитывал отрезать и захватить прусский корпус Зитена, провалился.

Блюхер, действуя гораздо быстрее Веллингтона, сосредоточил свою армию у Флерюса, откуда он отступил на Линьи. Веллингтон и многие его офицеры были на балу герцогини Ричмондской в Брюсселе в ночь на 15 июня, когда раздались выстрелы Наполеона. В одиннадцать часов прибыла депеша, в которой сообщалось о взятии французами Шарлеруа и наступлении на Брюссель. Хотя Веллингтон знал, что армия Наполеона пришла в движение, он был застигнут врасплох близостью ее приближения. Удалившись в отдельную комнату к герцогу Ричмонду, он потребовал карту, сказав: “Этот проклятый негодяй Бонапарт обманул меня!”

С полуночи до рассвета английская армия спешила на фронт, чтобы сосредоточиться и сражаться. Не дожидаясь Веллингтона или его приказов, принц Бернارد Саксен-Вимарский уже занял Катр-Бра. Когда Веллингтон прибыл туда 16 июня, он сразу же отправился на совещание с Блюхером, которому он написал письмо, которое Блюхер получил в полдень. В этом письме Веллингтон, по—видимому, обещал помощь Блюхеру, если он будет сражаться при Линьи, упоминая позиции, которые тогда занимали войска англо-бельгийской армии.

Любопытной особенностью этого дела является то, что войск Веллингтона не было там, где указано в его письме, и что он заметил одному из своих сотрудников, покидая Блюхера: “Если он будет сражаться здесь, его жестоко высекут”.

Это письмо, в котором Веллингтон обещал помочь Блюхеру, появилось на свет только в 1876 году, и лорд Уолсли говорит, что Веллингтон, “английский джентльмен высочайшего типа, полностью и абсолютной неспособный на что-либо, граничащее с неправдой или обманом, должно быть, был введен в заблуждение своим неэффективным персоналом”. Возможно, так. Но это удивительно похоже на случай, когда английский джентльмен высочайшего типа был

застигнут врасплох “этим проклятым негодяем Бонапартом” и хотел, чтобы “старина Блюхер” вступил в бой, чтобы у британской армии было время сосредоточиться. Начальник штаба Блюхера Гнейзенау в то время придерживался этой точки зрения и умер с этой верой. Начальные события кампании так мало зависели от полководческого мастерства Веллингтона, что некоторым из его офицеров пришлось нарушить его приказы, прежде чем они смогли достичь позиций, которые им было абсолютно необходимо занять.

Было около пяти часов вечера 15 июня, когда Ней, приехавший из Парижа в Бомон в почтовой карете, а из Бомона отправившийся в Авен в крестьянской телеге, купил лошадей у маршала Мортье. В этот поздний час ему было поручено командование левым крылом французской армии с устными приказами от самого Наполеона. В чем заключались эти приказы, остается спорным. Сторонники Ней утверждают, что император сказал: “Идите и отбросьте врага”. Наполеон и его сторонники утверждают, что был отдан приказ захватить Катр-Бра и удерживать его. Вряд ли можно сомневаться в том, что император намеревался отдать такие приказы. По пути в Катр-Бра Ней столкнулся с войсками Нассау во Фрэсне, которые сразу же отступили. Вместо того чтобы наступать на Катр-Бра, Ней остановился примерно в двух-трех милях от него и доложил Наполеону о дальнейших приказах. Небольшой отряд французской кавалерии действительно вошел в Катр-Бра, а затем отступил.

Император, измученный усталостью и страдающий от мочеполовых, геморроидальных и других недугов, вернулся в Шарлеруа, чтобы выспаться.

По причинам, не до конца объясненным, только в девять часов утра 16-го Ней получил приказ наступать и захватить Катр-Бра. Если бы он действовал быстро, он мог бы уже тогда захватить это место, поскольку его удерживали всего несколько тысяч нассауэртцев. Ней атаковал только в 2 часа дня. Еще большая задержка отмечала собственные передвижения Наполеона. Это было между двумя и тремя часами вечера, прежде чем он нанес удар пруссакам при Линьи.

Итак, в один и тот же день всего в нескольких милях друг от друга бушевали два сражения. Ней предпринял отчаянное наступление у Катр-Бра, которое он легко мог бы взять 15-го или в начале 16-го, но которое теперь удерживалось все увеличивающимися силами противника. И Наполеон напрягал все силы, чтобы нанести поражение пруссакам, которые извлекли огромную выгоду из его промедления.

Именно в этот критический момент его судьбы его постигла одна из самых замечательных военных неудач. Двадцатитысячный корпус под командованием Д'Эрлона, предназначенный действовать совместно с Неем, находился на марше к Катр-Бра, когда штабной офицер, полковник де Форбен-Янсон, передал Д'Эрлону написанный карандашом приказ Наполеона, который был совершенно неверно истолкован и который побудил Д'Эрлона двинуться влево от французов, тогда как он должен был ударить по пруссакам крест-накрест, в то время как император теснил их спереди. Д'Эрлон двинулся в путь, оказался в поле зрения Линьи и вызвал ужас среди французов, которые сочли это прусским подкреплением. Наполеон, не ожидавший появления войск слева от себя, был вынужден приостановить свои действия до выяснения фактов, потеряв таким образом драгоценное время. Как ни странно, этот французский корпус, теперь, когда он был на поле боя, не использовался при Линьи, но был отменен Неем, которого Форбен-Янсон должен был проинформировать о приказе императора, и был отправлен обратно в Катр-Бра, куда прибыл слишком поздно, чтобы помочь Неем. Если бы она вступила в действие в любом месте, ее помощь, должно быть, была бы решающей. Как бы то ни было, эти двадцать

тысяч солдат были потеряны для французов так же бесследно, “как если бы земля поглотила их”.

Ночь застала пруссаков разбитыми; и энергичное преследование, какое могли бы предпринять Мюрат, Ла Саль или Бессьер, могло дезорганизовать их в ходе кампании. Но преследования не последовало. Они собрались на досуге, и на следующий день французы даже не знали, каким путем они отступали.

После битвы Наполеон снова был измотан, и ничего не было сделано для улучшения победы. Император спал, а армия ждала. На следующее утро, в семь часов, его генералы стояли вокруг, праздные, ворчливые, обескураженные. Вандам говорил: “Господа, Наполеона итальянской кампании больше нет в живых. Наша вчерашняя победа ни к чему не приведет. Ты увидишь”.

Мистер Уссей утверждает, что император не был в плохом состоянии ни физически, ни психически; и он перечисляет факты, подтверждающие то, что он говорит. Все зависит от того, каков его стандарт сравнения. Сравнивает ли он французского генерала с английским главнокомандующим, — один бросил армию людей так быстро и уверенно, что они бросились на врага еще до того, как стало известно, что они двинулись; а другой бездельничал в бальном зале, отдавая запоздалые и путанные приказы, называя неподходящее место для сосредоточения, и спасся только благодаря инициативе принца Бернара, неповиновению его собственных офицеров и невезению, которое преследовало передвижения французов? Если сравнить Наполеона с Веллингтоном, то следует сказать, что первый был в плохом состоянии. Но если мы сравним Бонапарта 1815 года с Блюхером, то следует признать, что в неослабевающей энергии и непоколебимой целеустремленности немец намного превосшел своего великого противника. И если мы сравним Бонапарта 1815 года с Бонапартом 1796 года, мы сразу же воскликнем вместе с Вандамом: “Наполеона, которого мы знали в Италии, больше нет в живых”.

Сам м-р Уссэ утверждает, что поздним утром 17 июня император не знал, что произошло в Катр-Бра накануне; не знал истинной ситуации там; не знал, что, быстро придя на помощь Нею, он окружит Веллингтона превосходящими силами и сокрушит его! Даже Наполеон 1814 года не упустил бы такого шанса. Когда ему, наконец, стали известны факты, он понял, что потерял, бросился с авангардом к Катр-Бра и возглавил отчаянное преследование английского арьергарда — но было слишком поздно. Веллингтон был уже на пути к Мон-Сен-Жану, и лорд Аксбридж отчаянно уводил остатки британской кавалерии подальше от опасности своим “Галопом! ради бога, скачи галопом, или тебя схватят!”

Кроме того, г-н Уссэ рассказывает случай, подтверждающий слова Карно, Паскье и других, утверждающих, что император больше не мог выносить длительных родов: -

“Сейчас (14 июня) было чуть за полдень. Император под одобрительные крики жителей проехал через Шарлеруа и остановился у подножия полуразрушенного гласиса, недалеко от маленького трактира под названием La Belle-Vue. Он слез с лошади, послал за стулом и сел на обочине дороги. Войска дефилировали мимо него, громко подбадривая на ходу, их крики заглушали грохот барабанов и пронзительные звуки горнов. Энтузиазм войск граничил с безумием; они сломали строй, чтобы обнять коня своего Императора”.

А как же Наполеон среди этой великолепной оваии — оваии спонтанной и волнующей, как оваия накануне Аустерлица?

Он сидел там и дремал, и радостные крики войск, заглушавшие звуки маслобойки и горнов, были бессильны разбудить его! Был только полдень, он провел в седле всего полдня — был ли *этот* человек из Экмюля, из Фридланда, из Ваграма? *Это* был тот самый вождь, который скакал верхом, пока лошадь за лошадью не падали?

Отвернись от этого дремлющего вождя, измученного работой за полдня, и посмотри на старину Блюхера. В возрасте семидесяти трех лет он полон отваги, стремительности и упорства. Он спешит отправить свои дивизии в бой, как только узнает, что французы продвигаются. Он в гуще сражения при Линьи. Он возглавляет атаку, как обычный гусар. Его лошадь подстрелена, и он падает под ноги мчащихся эскадронов, его вытаскивают почти мертвым и уносят с поля боя в бессознательном состоянии. Весь в синяках и побоях, старик, как только “приходит в себя”, снова встает, отвергая осторожные советы своего начальника штаба, и полон решимости отправиться на помощь Веллингтону, который не пришел на *его* помощь, хотя начальник штаба Гнейзенау, считая Веллингтона “искусным мошенником”, хотел, чтобы пруссаки предоставили англичанам самим заботиться о себе при Ватерлоо, как пруссакам было предоставлено самим заботиться о себе при Линьи. И приснопамятного 18-го, пока Наполеон будет час за часом ждать, пока земля подсохнет, чтобы он мог передвинуть свою артиллерию, старина Блюхер будет наступать так быстро, как только сможет, торопя свои войска по грязи, так быстро, как только сможет тащить свою артиллерию; и конечным результатом будет то, что, хотя болотистая почва останавливает великого Наполеона, она не останавливает стремительного и неукротимого Блюхера.

ГЛАВА XLIX

Когда Наполеон наконец проснулся 17-го, он провел утро, обсуждая политику с Жераром и Груши. Был полдень, когда он дал последнему около тридцати трех тысяч человек и послал его в погоню за пруссаками. Дух, если не буква, его инструкций заключалась в том, что он должен был проникнуть в намерения Блюхера: “отделялся ли он от англичан или намеревался объединиться и снова сражаться!” Даву знал бы, как истолковать такой приказ и как действовать в соответствии с ним; Груши, похоже, не знал. В течение тридцати лет шел спор о самом приказе, но, наконец, он вышел на свет; и с тех пор, как стал известен его текст, мнения по поводу поведения Граучи практически не расходились. Отделенный от основной армии, чтобы позаботиться о Блюхере и помешать пруссакам прийти на помощь англичанам, он с треском провалил возложенную на него задачу и оказал Наполеону не больше помощи в движении, решившем ход кампании, чем Д'Эрлон при Линьи.

Под проливным дождем, по грязи и слякоти разбитых дорог французы следовали за англичанами к Брюсселю.

На гребнях Мон-Сен-Жан, за Суаньским лесом, Веллингтон построил своих людей для сражения, полагаясь на обещание Блюхера прибыть вовремя и оказать содействие. В Хале находилось восемнадцать тысяч солдат, которые могли быть призваны ему на подмогу; но Веллингтон, совершенно неправильно понимая планы Наполеона, ожидал атаки справа от него,

и эти большие силы в Хале были оставлены там в бездействии для защиты от воображаемой опасности. К двум часам ночи 18-го Блюхер отправил курьера в Веллингтон, пообещав поддержку, без которой английская армия продолжила бы свое отступление.

Когда авангард Наполеона достиг Ла-Бель-Альянс и он увидел, что армия Веллингтона заняла позиции на противоположных высотах, он был счастлив. Он боялся, что англичане отступят за Суанский лес, объединятся с пруссаками и таким образом будут слишком сильны для него. Если бы он мог сражаться с Веллингтоном, пока Блюхера не было, он не сомневался бы в своей способности “преподать англичанину урок”: в то время как французы насчитывали 74 000 человек, в англо-бельгийской армии было всего 67 000.

Французская армия барахталась в грязи на размокших пшеничных полях, в болотистых низинах Дайла и поздно ночью 17-го достигла своих позиций у Ла-Бель-Альянс. Действительно, часть войск прибыла на поле боя только поздним утром следующего дня. Из-за проливных дождей поезда с провизией не поспевали за ними. Измученные французы улеглись с пустыми желудками, чтобы как можно лучше отдохнуть на мокрой земле, без укрытия и огня, в то время как английская армия, сытая с комфортом, согревалась у походных костров.

На рассвете дождь прекратился. Наполеон снова провел разведку, земля была такой мягкой, что местами он “увязал”, и ему требовалась помощь, чтобы вытащить ноги из колеи. Не сознавая, что даже тогда старый Блюхер пробирался через болота через всю страну, чтобы добраться из Вавра до левого фланга англичан у Сен-Ламбера, Наполеон позволял часу за часом ускользать, крадя у него все шансы на победу. Естественным направлением отступления пруссии был Намюр: он не знал, что 16-го, пока Блюхер лежал без сознания, начальник штаба Гнейзенау руководил отступлением на Вавр. Поэтому Наполеон неторопливо позавтракал, весело беседуя со своими генералами; и когда он проехал вдоль строя, увидел все великолепие своего великолепного строя, услышал звуки горнов и оркестров и еще более сладостную музыку семидесяти тысяч голосов, кричавших “Да здравствует император!”, лицо великого полководца озарилось гордостью и радостью. Для него такое зрелище, такое приветствие было нектаром богов; сейчас он пил его в самый последний раз.

Было восемь часов, когда он составил план сражения, девять, когда отдал приказы, в десять он лег и проспал час.

Наполеон сел на лошадь в одиннадцать часов и поехал по брюссельской дороге к фермерскому дому La Belle Alliance; затем он вернулся на высоту Россомм. Между гребнем, на котором он восседал на своей белой арабской кобыле Дезире, и тем, на котором Веллингтон ожидал своей атаки, простирались склоны хребтов и покрытая зерновыми долина между ними шириной около мили. Император был так спокоен и уверен в себе, как никогда в своей жизни. Сидя верхом на возвышенности, откуда вся его армия могла видеть его, видеть старое серое пальто и маленькую треуголку, видеть квадратное, бледное лицо и приземистую, крепкую фигуру, он осмотрел в подзорную трубу каждую часть поля и горизонта, а затем отдал приказ. Было около полудня в этот роковой субботний день, когда раздались сигнальные выстрелы; пруссаки из корпуса Бюлова уже приближались к Сен-Ламберу. Сражение началось с атаки на замок Гугомон, каменное здание справа от британцев, защищенное стенами, рвом и живой изгородью. Французский корпус Рейе в составе трех дивизий Фуа, Башелю и Жерома Бонапарта яростно бросился на эту крепость; и отчаянные бои, атаки и оборона буквально залили это место кровью — но англичане, хотя и выбитые из леса, удержали замок.

Нападение на Гугомон было уловкой, в которой опрометчивый Джером зашел слишком далеко. Настоящая атака должна была быть нанесена по английскому центру, и для подготовки к ней император сформировал батарею из восьмидесяти орудий. Было около часа дня, когда Ней, который должен был возглавить атаку, прислал сообщение, что все готово.

Прежде чем подать сигнал, Наполеон долго и тщательно осматривал горизонт в подзорную трубу. Вдалеке, на северо-востоке, он увидел нечто, привлекавшее его внимание: это могла быть группа деревьев; это могла быть колонна солдат. Офицеры штаба проследили за взглядом императора, навели бинокли, высказали различные мнения. “Деревья”, - говорили одни; “Войска”, - говорили другие. Если войска, то какие войска — Блюхера или Граучи? Такое ужасное сомнение требовало немедленных действий. Наполеон вызвал генерала Домона и приказал ему взять дивизию легкой кавалерии и направиться к Сен-Ламберу; если это пруссаки, он должен остановить их.

Дюма описывает движение легкой кавалерии: “Три тысячи всадников двинулись вправо, по четыре в ряд, развернулись подобно огромной ленте, на мгновение запутавшись в рядах армии, затем вырвались на свободу через наш крайний правый фланг, быстро проскакали и перестроились, как на параде, примерно в трех тысячах туазов от ее конца”.

Вскоре страшные сомнения императора превратились в ужасающую уверенность. Вдалеке стояли не деревья, а войска; и войска эти были пруссаками!

Где был Гручи?

Прусский пленный, взятый на территории, где не должно было быть пруссаков, был доставлен к императору, и, услышав его ответы на заданные ему вопросы, императорский штаб был охвачен паникой, а самого Наполеона охватила буря бессильной ярости. Там, где должен был быть Граучи, не было видно французских войск, и прусское войско стягивалось к полю битвы!

С этого времени обреченный император участвовал в двух битвах: с Веллингтоном при Мон-Сен-Жан и пруссаками при Плансенуа. Около семи тысяч лучших солдат были отправлены сдерживать пруссаков, пока возобновлялась атака на Веллингтона. Это было около трех часов дня.

Имея на руках два сражения, Наполеон в отчаянии отправил еще одного гонца к Груши. С горечью отметив поведение своего лейтенанта, который “развлекался в Жамблу”, император воскликнул, что, если бы Граучи исправил свою “ужасную ошибку” и выступил быстро, все было бы хорошо; ибо, следует помнить, что Граучи был всего в десяти или двенадцати милях справа.

Страдая от местного недуга, из-за которого ему было больно сидеть в седле, император спешил и сел за маленький столик, на котором были разложены его карты. Иногда он вставал и расхаживал взад-вперед, скрестив руки за спиной. Иногда он складывал руки на столе и клал на них голову — от боли или во сне. Руководство боевыми действиями, которые продолжались все это время, было почти полностью возложено на Нея и Д'Эрлона, но особенно на Нея, чья опрометчивость при Ватерлоо была столь же губительной для французов, как и его осторожность при Катр-Бра.

Веллингтон, напротив, был самым встревоженным человеком, который когда-либо храбро встречался с врагом. Он не считал себя способным сразиться с Наполеоном один на один и

решил дать сражение только после того, как был уверен в помощи Блюхера. Веллингтон сильно сомневался в том, что пруссаки смогут прибыть вовремя. Он чувствовал, что его единственное спасение лежит именно там; и только после того, как корпус Бюлова в 16.30 отвел от Наполеона по меньшей мере шестнадцать тысяч его лучших войск, Веллингтон, почувствовав, что французское наступление на его фронте ослабевает, воскликнул: “Клянусь Богом! Я верю, что мы еще побьем их”. Более веским доказательством, чем слова прусского военного эксперта Глушко, является это восклицание Веллингтона о том, что он был бы пропащим человеком, если бы не пришел “Старина Блюхер”.

Против левого фланга Веллингтона был брошен корпус Д'Эрлона; и при Папелотте и Ла-Э-Сент битва была такой же кровопролитной, такой же отчаянной, такой полной быстрых поворотов судьбы, приливов и отливов, успехов, чередующихся с поражениями, какая только известна истории. Английская линия была сильно поколеблена, потери ужасны, но французы в конце концов были отброшены назад.

Император намеревался поддержать Рейле корпусом Лобау; этот корпус был отправлен с поля боя навстречу пруссакам.

Ней попросил выделить кавалерийскую дивизию для поддержки новой атаки, которую он собирался предпринять вместе с корпусом Д'Эрлона. Из-за какой-то ошибки Ней получил не только кавалерийскую дивизию, о которой он просил, но и весь кавалерийский резерв, так что он взял с собой около двенадцати тысяч всадников.

Эта мощная масса была направлена не на ослабленный английский левый фланг, а в центр. Как французское войско спустилось в долину, поднялось на холм и атаковало английские пушки и английские каре, повторяя атаку снова и снова, знают все читатели. Предпринятые с героизмом, которым мир может только восхищаться, эти обвинения были отражены с отвагой, которую ничто не могло поколебать. Английские каре выстояли против французской конницы, как сами французы выстояли против мамлюков. Дважды, трижды британских канониров отгоняли от их орудий; дважды британская артиллерия оказывалась в руках французов. Почему на орудиях не было шипов? Почему, по крайней мере, не были сломаны губки или разрушены кессоны? В рукопашной схватке никто не отдал приказа. Таким образом, пушка, боеприпасы и таран были оставлены там наготове для британского стрелка, когда отступление французской кавалерии дало ему возможность вернуться на свою батарею. Атака была преждевременной. Сам император воскликнул: “Это слишком рано, но поскольку это было сделано, я должен поддержать это. День может быть потерян из-за этой ошибки”.

Это правда, что армия Веллингтона была страшно потрепана; что между его тылом и Брюсселем дорога была полна охваченных паникой беглецов, не все из которых были бельгийцами или ганноверцами. Это правда, что английские офицеры были почти в отчаянии и что обезумевшие всадники полетели к Бюлову, умоляя его спасти британскую армию. Это правда, что в английской линии была брешь, в которую Ней отчаянно пытался бросить пехоту и таким образом выиграть день. Но Наполеон уже был вынужден послать десять тысяч других опытных солдат, чтобы держать в узде тридцать тысяч пруссаков. Поэтому, когда прибыл посланец Ней с просьбой прислать пехоту, император раздраженно ответил: “Пехоту! Где он ожидает, что я их возьму? Могу ли я сделать их?” Есть те, кто говорит, что, если бы он бросил в бой несколько резервных батальонов гвардии, день мог быть выигран.

Итак, прекрасная возможность была упущена. Ла-Э-Сент был взят; но английская линия была восстановлена там, где она была прорвана, и пруссаки под командованием Зитена присоединились к Веллингтону слева от него. Было уже семь часов. Французы вот-вот должны были быть взяты во фланг всей прусской армией. Наполеон мог бы отступить в полном порядке, но соединение Блюхера и Веллингтона нарушило бы все его планы. У него еще был шанс сокрушить англичан последней атакой, в которую следовало бросить всех имеющихся в наличии людей. В случае успеха все было выиграно; в случае неудачи все было потеряно. Это был превосходный риск отважного игрока: все ставилось на один бросок.

Полетели приказы, выстроились шеренги, великий капитан ехал среди своих людей и говорил с ними. Звуки их криков “Да здравствует император!” достигли английских позиций, где ожидалась атака, поскольку дезертир из французских рядов принес предупреждение. Ней был поставлен во главе колонн, и марш начался. Они шли по грязи долины и вверх по скользкому склону под убийственным огнем всех английских орудий. Сквозь плотные ряды, слишком тесно сгрудившиеся на этом маленьком пространстве, большие шеренги были перерезаны пушечными ядрами, а мушкетный огонь был таким сильным, что они не могли развернуться. Пруссаки Зитена теперь вступили в бой, наступая в полную силу справа. Люди Ней, окруженные спереди и с фланга, все же продвинулись на расстояние пятидесяти ярдов от английской линии; но, не имея возможности разомкнуть свои ряды и атаковать под таким ужасающим огнем, они впали в замешательство. Император наблюдал за ними через свою подзорную трубу. “Они все смешались; в настоящее время все потеряно”. В тот момент, когда Наполеон говорил это, Веллингтон отдавал приказ наступать всей своей линии; прусские пушки гремели на французском фланге; и над потерянными полем боя пронесся крик: “Гвардия отступает! Нас предали! Спасайся, кто может!”

Напрасно Ней боролся, чтобы остановить разгром; напрасно император хрипло кричал своим людям сплотиться: было темно; повсюду царило замешательство; и французская армия, превратившаяся в могучее крушение, была сорвана со своих причалов. Английская кавалерия яростно атаковала, крича “Пощады нет!”, а у Наполеона не было кавалерийских резервов, чтобы отразить удар.

Примечание. Что касается спорного инцидента с британским требованием о капитуляции Старой гвардии и ответа Камбронна, то истина, по-видимому, заключается в том, что такое требование было выдвинуто, и что Камбронн действительно ответил, вызывая, хотя и злобно; и что его слова, вырвавшиеся в момент отвращения и раздражения, можно более точно передать английской фразой “Идите к черту!”, чем классическими словами “Гвардия умирает: она не сдается!”

Сразу же после своего презрительного ответа героический Камброн получил пулю прямо в лицо и был оставлен умирать на поле боя.

Читатели Теккерея, вероятно, помнят, как он глумился над неповиновением Старой гвардии; точно так же они помнят, как он глумился на вторых похоронах Наполеона — настолько профессиональный весельчак уверен, что время от времени переигрывает.

Правда в том, что с французскими войсками плохо обращались в реальных боях при Ватерлоо; и что Наполеон констатировал не более чем факт, когда обвинил Ней в том, что он действовал как безумец.

Войска, кавалерия и пехота были сосредоточены в таком плотном строю на такой ограниченной территории, что они мешали друг другу, не имели ни малейшего шанса сделать то, что должны были сделать, и были жестоко принесены в жертву британской артиллерии. В тот самый момент, когда Ней требовал подкреплений, он забыл о части своих собственных войск, которые не были задействованы, которых можно было использовать и которые могли бы решить исход дня в его пользу.

Бесхозность войск еще больше деморализовала их, поскольку это, как правило, подтверждало их подозрения в том, что их предали.

Утверждалось, что Наполеон намеренно обманул свои собственные войска, напоследок разослав по линии фронта сообщение о том, что пришел Груши. В этом ни в коем случае нельзя быть уверенным. Император мог слышать выстрелы Груши, который вел бой при Вавре, точно так же, как днем Груши слышал выстрелы при Ватерлоо. Наполеон, несомненно, верил, что Груши наконец-то появится на его крайне правом фланге.

Старая дорога Охейн, похоже, не нанесла такого трагического поражения французской кавалерии, как утверждает Виктор Гюго. Романтическая, традиционная и патриотическая живопись изображает императорские эскадроны попавшими в овраг, образованный дорогой там, где она проходила через возвышенность — по которой, как утверждается, атаковала кавалерия, не зная, что там был овраг, или “лощина”. Г-н Хуссей, который тщательно изучил этот вопрос, говорит, что у этой истории нет исторического основания.

Остатки Старой гвардии выстроились в каре и некоторое время сдерживали своих преследователей; но барьер был слишком хрупким, и вскоре он растаял. Наполеон, ошеломленный и отчаявшийся, прищипорил своего коня навстречу английским пушкам, но Сульт, по словам Гурго, поймал поводья, и император был вынужден покинуть поле боя, защищенный последним из Старых каре гвардии. С несколькими всадниками он ускакал прочь, такой разбитый, такой усталый, что Бертрану и Монтиону пришлось поддерживать его в седле. Несколько раз во время отступления он тщетно пытался сплотить беглецов: паника была слишком полной.

Англичане отдыхали в Ла-Бель-Альянс, а Веллингтон, встретившись с Блюхером и обнявшись с ним, поехал в Ватерлоо, чтобы написать свои депеши. Агент Ротшильдов уже поспешил на побережье, чтобы прибыть в Англию до появления новостей и заработать дополнительные миллионы для этого предприимчивого дома.

Пруссак продолжали преследование с неослабевающей энергией; и летняя луна освещала самую дику охоту на людей, какую когда-либо знала эта пропитанная кровью планета.

* * * * *

Что должен был сделать Наполеон — остаться и попытаться сплотить армию или поспешить в Париж, чтобы проверить интриганов и организовать сопротивление захватчикам? Он не знал, что стало с Граучи, не знал, сколько осталось от его собственной армии. Он боялся предательства и низложения в 1814 году, не вполне осознавая, какие глубокие провалы были в 1815 году. На самом деле армия Граучи была цела. Он самым неторопливым образом повел ее к Вавру, и она весь день слушала грохот пушек при Ватерлоо. Жерар, Вандамм, Эксельманс чувствовали, что император находится в гуще великой битвы, и с солдатским инстинктом призывали их “маршировать к орудиям!” Они умоляли Граучи уйти, Жерар настаивал с таким

гневом, что драгоценное самолюбие Граучи было задето. Все увещевания были напрасны; Граучи не двигался с места. Он дошел до Вавра, сразился с арьергардом, который Блюхер оставил там, чтобы задержать его, сделал себя совершенно бесполезным для своего начальника, как будто его и не существовало, а затем, после Ватерлоо, в замечательном порядке отступил к Намюру. Гордившийся безопасностью своего корпуса, потеря Империи не омрачила его самодовольного удовлетворения.

В Париже воцарился хаос, когда стало известно, что армии больше нет, а император находится в Елисейском дворце. Фракции яростно трепали языком, и заговорщики разгуливали с разоблачением повсюду, где только могли. Лафайет бормотал о конституциях и гарантиях свободы, когда Франция нуждалась в каждой сильной руке и каждом оружии. Фуше, обманув как империалистов, так и республиканцев, составил заговор в пользу бурбонов и установил связь с Веллингтоном. Люсьен Бонапарт дал волю своему тщеславию и мечтал о новом правительстве, в котором он был бы главнокомандующим, а Наполеон - наместником!

Один только Карно сохранил рассудок и ясно видел, что нужно. “Дайте Наполеону все, что он хочет, сделайте его временным диктатором, поднимите руки этому человеку и позвольте ему спасти страну!”

Великий старый республиканец! История увенчивает его память печальными словами самого Наполеона, произнесенными в эти дни испытаний: “Карно, я узнал тебя слишком поздно!”

Фуше посеял недоверие в палатах, заставив их поверить, что Наполеон намеревался их распустить. Императору посоветовали это сделать; и, возможно, следовало бы это сделать. Когда они отказались предоставить ему припасы, они перестали быть полезными; вместо этого они стали источником слабости и опасности. Почему бы не срубить такое дерево? Зачем терпеть политиков, которые в такой момент разглагольствовали о конституционных ограничениях?

Наполеон приказал своей карете ехать в палату, но после того, как лошади несколько часов лениво переступали копытами, он передумал. Он не хотел уходить.

Ней вернулся из армии в ярости. Наполеоновские сводки о битве осуждали его. Маршал гневно ответил в *Moniteur*, и теперь он со своего места в Палате пэров нанес ответный удар своему покойному хозяину. Когда Лабедойер, Даву и другие сообщили палате, что армия Груши цела и что тридцать или сорок тысяч собственных войск Наполеона объединились, — и все это было правдой, — Ней горячо опроверг это. Страстный и уверенный в себе, он заявил, что армии больше не существует; что все разговоры об обороне были пустыми; что с врагом необходимо заключить условия. Несчастный человек, которого ненависть к Бурбонам приговорила к смерти предателя! Его единственным шансом на жизнь было продолжить борьбу за императора; его своевольная глупость и лживость погубили и Наполеона, и его самого.

Ничто не удовлетворит партию Лафайета, кроме отречения Наполеона. Необходимо расчистить почву для республики или ограниченной монархии. Освободившись от Наполеона, Лафайет верил, что Франция сможет заключить мир с союзниками, и ей будет позволено выбрать своего собственного правителя и форму правления. Фуше хитро поощрял эту мечту человека, которого Наполеон справедливо назвал “политическим дурачком”. Никто лучше Фуше не знал, что вакантный трон Наполеона займет король, которого Наполеон сверг с него.

Действовавшие заговоры стали известны всему Парижу и произвели огромную сенсацию. Народные массы не хотели ни бурбонов, ни экспериментов Лафайета. Перед лицом такой национальной опасности они хотели Наполеона. Начали собираться огромные толпы, и улицы огласились криками “Да здравствует император!” Толпа загрохотала аллеи, ведущие к Елисейскому дворцу, и требовала, чтобы Наполеон заявил о себе.

Но в конце концов энергия великого человека иссякла. Его больше ничего не заботило. Он был болен душой и телом, испытывал отвращение, измучен, совершенно обескуражен. С врагами Франции он мог сражаться — да, мир полон ими! — но с самой Францией он сражаться не стал бы. Он не возглавил бы никакой фракции; не стал бы вести гражданскую войну за свою корону. Дошло до этого, и сердце его дрогнуло. Пусть группировки бушуют, пусть его враги-французы объединятся: он не опустится до такой битвы. Наконец он был побежден: шпора этого великого Перси была холодной.

Позади армий Блюхера и Веллингтона пылали лагерные костры более чем пятисот тысяч солдат, шедших под началом своих королей на Францию: как мог какой-либо человек сражаться с половиной Франции и, кроме того, со всей Европой? Огромная голова опустилась на грудь, и побежденный Император пробормотал: “Пусть они делают, что хотят”.

Он отрекся от престола в пользу своего сына, когда от него потребовали отречения. Он подчинился, когда его сын был отстранен. Он не предпринял никаких усилий, чтобы помешать формированию временного правительства Фуше. Он предупредил заблудших государственных деятелей, что они играют в игру Фуше и совершают огромную ошибку; но он не поднял руки, чтобы остановить это движение. Солдаты, так же как и горожане, требовали, чтобы он возглавил их; он отвечал на их крики приподнятой шляпой и склоненной головой, но никак иначе. Когда Фуше, испугавшись его, приказал ему удалиться, он ушел.

В Мальмезоне было то же самое. Он ни к чему не проявлял интереса, был апатичен, много спал, болтал без умолку и лениво прогуливался по территории. Солдаты, проходившие по дороге, приветствовали его с таким же энтузиазмом, как и всегда, но он просто сказал: “Было бы лучше, если бы они стояли и сражались при Ватерлоо”.

Это была единственная вспышка его бывшего духа. Армии Веллингтона и Блюхера, шедшие на Париж, оказались далеко друг от друга. Он увидел, что их можно разбить в деталях, и предложил свои услуги в качестве генерала правительству Фуше, чтобы отбросить захватчиков. Предложение было отклонено.

Армия, действовавшая в Вандее, требовала, чтобы он встал во главе ее; армия Луары прислала послов; горожане столпились вокруг него и умоляли его подняться и сражаться. “Нет. Это была бы всего лишь гражданская война. Я не буду проливать кровь французов по чисто личным причинам”.

У него не было никаких планов. Он задержался в Мальмезоне, хотя мог сбежать. В конце концов он отправился на побережье и снова потратил время впустую, не зная, когда бы ему благополучно добраться до Америки.⁴

⁴Тальма присутствовал при последнем прощании императора и его матери в Мальмезоне и сказал, что это была одна из самых трагических сцен, свидетелем которых он когда-либо был. Когда настал последний момент, императрица-мать, убитая горем, со слезами, текущими из ее

глаз, могла только произнести дрожащим голосом: “Прощай, сын мой! Adieu.” И Наполеон был так тронут, что схватил ее за обе руки и воскликнул: “Прощай, моя мать!” — и разрыдался, расставаясь с ней. (Анекдоты Гронова.)

Когда почти все остальные шансы были упущены, он доверился капитану британского военно-морского флота Мейтленду, который, как понял Наполеон, обещал ему убежище в Англии.

* * * * *

Армии Веллингтона и Блюхера продолжали наступление. Под Парижем было несколько боев; затем последовала капитуляция; а затем пришли бурбоны, пробравшиеся обратно к трону в тылу врагов Франции. Лафайет и временное правительство были тихо унесены во внешнюю тьму. В последующие годы он сокрушался о своей ошибке 1815 года, а в 1830 году сделал все, что мог, чтобы свести счеты со своими друзьями, старшими бурбонами.

ГЛАВА L

Каким бы законным правом ни обладала Великобритания обращаться с французским императором как с военнопленным, оно неизбежно вытекало из того способа, которым она завладела его персоной. В связи с этим фактические факты таковы, что лорд Каслри в 1814 году предложил ему приехать в Англию, где его бы хорошо приняли; и капитан Мейтленд с *"Беллерофонта"*, отказываясь от каких-либо полномочий, связывающих его правительство, конечно же, не сказал ничего, что предупредило бы императора не ожидать такого обращения, какое Каслри, английский министр, казалось, предлагал в 1814 году. Напротив, Наполеон был принят на борту корабля капитана Мейтленда с официальными почестями; и когда Наполеон сказал: “Я прибыл, чтобы отдать себя под защиту британских законов”, капитан Мейтленд не дал ему ни малейшего намека на то, что эти законы его не защищают. Если Великобритания не собиралась принимать его в том духе, в котором он предлагал себя, должна ли она была принять его, не уведомляя о том, что он действовал, руководствуясь заблуждением? Было ли это благородно, было ли это правильно? Если она считала его пленником, почему не сказала ему об этом? Зачем принимать его на борту с формальными проявлениями чести; зачем приглашать его на банкеты, где британские адмиралы обращались с ним как с сувереном? Зачем ждать, пока флот прибудет к английским берегам, прежде чем читать ему холодные строки, отправляющие его на остров Святой Елены?

Весь эпизод пропитан бесчестьем. Не годится говорить, что он был уверен, что его все равно схватили; поскольку это утверждение не может быть правдой. В Рошфоре ему предложили три судна, на любом из которых он мог бы сбежать в Америку; или он мог бы встать во главе какого-нибудь из французских войск поблизости и возобновить войну. Когда Наполеоновский штандарт снова поднят, а в руке у него шпага, кто может сомневаться, что он смог бы добиться от своих врагов чего-нибудь лучшего, чем безнадежный плен на голой скале? В любом случае, кажется возмутительным открывать свою дверь побежденному врагу после того, как он постучал

в нее с мольбой гостя; а затем, позволив ему войти как гостю, запирает дверь перед ним как пленником. Никакие аргументы не могут скрыть позор такой сделки.

Когда Наполеон поднялся на борт корабля капитана Мейтленда, нет никаких сомнений в том, что он был искренен в своей вере в то, что ему будет разрешено жить в Англии как частному гражданину. Нет никаких сомнений и в том, что Мейтланд думал так же. Когда адмирал Хотэм с британского военного корабля *Superb* посетил "*Беллерофонт*", корабль Мейтленда, вечером, когда Наполеон взойшел на борт, он попросил разрешения увидеть не пленного, а императора. И завтрак, который он дал в честь Наполеона на следующее утро на "*Превосходном*", был подан не пленнику, а монарху. Не только адмирал, но и все офицеры эскадры оказали высокому гостю всяческие почести, и его пригласили продолжить свое путешествие на более просторном судне, *Превосходном*. Он отказался из уважения к чувствам Мейтленда; и предпочтение было отдано Наполеону, а не Хотэму.

Принимая во внимание все это, кто может сомневаться в том, что Наполеон и морская эскадра, захватившая его, честно действовали, полагая, что он направляется в Англию как гость, как великий человек, попавший в беду и ищущий убежища в великодушии великого народа?

Было время, когда слово "рыцарство" что-то значило в Великобритании, хотя, конечно, его влияние было неустойчивым. Такой король, как Эдуард III. и такой принц, как сын Эдуарда, который был рыцарем, мог бы исчерпать щедрость в своих отношениях с пленным королем Франции, который тоже был рыцарем; но отрубленных конечностей и окровавленной головы шотландца Уоллеса было вполне достаточно, чтобы заставить Наполеона усомниться в том, получил ли Иоанн Французский преимущество от правила или исключения.

Между Черным принцем, которому Джон доверял, и принцем-регентом, которому Наполеон написал свое мужественное и трогательное обращение, разница в характерах была значительно больше, чем разделявшая их пропасть лет. Этому принцу-регенту, известному в истории как король Георг IV, павший император Франции написал: "Моя политическая карьера закончена, и я прихожу, чтобы посидеть у очага британского народа. Я отдаю себя под защиту их законов и требую этой защиты от вашего королевского высочества как самого могущественного, самого постоянного и самого великодушного из моих врагов!"

Несомненно, мужественный призыв! Несомненно, благородная уверенность! Солдат, владевший тем, что один англичанин недавно назвал "самым великолепным из человеческих мечей", повернулся к главному из своих врагов и сказал: "Битва закончилась против меня; моя общественная жизнь подошла к концу; Я предлагаю вам свой меч; позвольте мне присесть под вашей защитой и провести вечер моей жизни в мире!"

Он был сломленным человеком; он отказался продолжать борьбу во Франции, когда тысячи людей до момента его отъезда умоляли его остаться и снова сражаться. "Нет. Я устал — устал от себя и от мира". Он был болен, больше не мог с комфортом ездить верхом, больше не мог концентрировать свой разум для длительных усилий. И тот, кто был таким беспокойным, теперь лежал в постели или развалился с романом в руке, сплетничал или дремал часами.

Никогда за всю карьеру Наполеона молитва побежденного врага не доходила до ушей, которые ее не слышали. Битва закончилась; он был готов к миру. Он не таил злобы, не мстил. Великолепные акты великодушия освещали его продвижение от начала до конца. В течение Ста дней, когда он был так занят и испытывал такую нехватку денег, он разыскал вдовствующую

герцогиню Орлеанскую и возобновил ее большую пенсию; она вручила ему награду, когда он был школьником. В ужасном напряжении нескольких часов между Линьи и Ватерлоо он заметил критическое состояние пленного английского офицера, полковника Эльфинстона, и послал своего собственного хирурга оказать немедленную помощь раненому, тем самым спасая ему жизнь. Бельгийским крестьянам он пригрозил адскими муками, если они не окажут помощи прусским раненым.

Глупо говорить, что подобные благородные поступки исходят из низменных сердец. Природная доброта, врожденное благородство, должно быть, являются источником такого поведения. Будучи щедрым по отношению к побежденным, великодушным к тем, кто полагался на его великодушие, легко понять, почему Наполеон так уверенно полагался на щедрость Великобритании. Подобно тому, как бледное лицо мертвеца является флагом перемирия, который заглушает гневный голос вражды, подобно тому, как опущенное острие копья или меча накидывает на более слабого человека невидимую броню, которую никогда не пробьет ни один доблестный рыцарь, так и этот величайший полководец современности считал, что ему достаточно сказать Англии: “Хватит! Я побежден! Я полагаюсь на ваше милосердие!”, чтобы завоевать такой же иммунитет от оскорблений, жестокого обращения и продолжения военных действий.

Итак, когда британские официальные лица, наконец, поднялись на борт корабля и зачитали ему решение английского министерства о том, что он должен быть доставлен на остров Святой Елены в качестве военнопленного; когда британские официальные лица обыскивали его сундуки, забрали наличные деньги и потребовали его шпагу, его изумление, горе, ужас и возмущение были глубоки. Он создал для себя Рай для дураков; он представлял себя живущим в Англии, в одном из ее тихих, милых домов; окружил себя книгами и друзьями и должен был провести остаток жизни как частный джентльмен, страстью которого была литература. Когда ужасная реальность обрушилась на него, он, казалось, был в отчаянии и подумывал о самоубийстве.

Лорд Ливерпуль, премьер-министр Англии, в официальных депешах выражал мнение, что самый лучший способ расправиться с Наполеоном - это обращаться с ним как с мятежником и приказывать повесить или расстрелять. Мнение лорда Веллингтона было параллельным этому, поскольку он был одним из тех воинов, для которых великодушие было мифом. В таком духе британское правительство доставило Наполеона на остров Святой Елены; в таком духе с ним обращались всю его жизнь; и в таком духе его мертвое тело провожали до могилы. В том же духе люди, которые никогда не встречались с ним лично и которые изучали его только с точки зрения торизма, очернили его память с того дня и по сей день, видя его недостатки, и ничего, кроме его недостатков; превознося его грехи, и ничего, кроме его грехов, точно так же, как если бы Наполеон Бонапарт не был сыном Адама, как любой другой, и чудесным образом создан из смешанных элементов хорошего и плохого.

Даже сейчас роялизм, абсолютизм, фетишизм в Церкви и государстве внушают ужас Наполеону Бонапарту, настолько грубо он сокрушил их идолов, настолько верно расчистил дорогу современному либерализму. Вряд ли можно избежать вывода, что даже книги определенного типа, написанные против Наполеона, являются немногим более чем краткими отчетами для обвиняемых по делу, которое современный мир ведет против королей, знати и священников за то, как они на время сокрушили демократию под ложным предлогом сокрушения Наполеона.

Перейдя от опеки капитана Мейтленда к опеке сэра Джорджа Кокберна, Наполеон почувствовал изменение статуса, а также смену корабля. Сэр Джордж был типичным командиром боевого корабля — маленьким монархом, деспотом ограниченного масштаба. Его собственный дневник показывает его так, как никакое другое произведение. Это показывает, что он чувствовал, что должен заставить "Бонапарта" осознать свое истинное положение; заставить "Бонапарта" спуститься со своего высокого насеста и посмотреть снизу вверх на возвышение сэра Джорджа. Если бы "Бонапарт" осмелился важничать рядом с сэром Джорджем, сэр Джордж вскоре проучил бы его получше. Если "Бонапарт" выказывал малейшее желание изображать императора, сэр Джордж тут же убеждал его, что "я не могу этого допустить". Если "Бонапарту" надоедало сидеть за обеденным столом полтора часа, поскольку он никогда не привык проводить таким образом больше двадцати минут, сэр Джордж возмущался, что он встает из-за стола, пока остальные потягивают вино; и, когда Наполеон покидал комнату, отпускал друзьям "Бонапарта" насмешливые замечания о манерах "Бонапарта".

Одной из вещей, о которых сэр Джордж сказал: "Я не могу этого допустить", был предложенный "Бонапартом" солидный денежный приз матросам корабля. Сэр Джордж, очевидно, опасался, что такой подарок, усиливающий и без того большую популярность "Бонапарта" среди команды, может принести плоды, неприятные сэру Джорджу.

Действительно, то, как все те, кто соприкасался с Наполеоном, обнаружили, что их предубеждения рассеялись, весьма примечательно. Фуше выбрал генерала Беккера опекуном Наполеона во Франции по той причине, что Беккер затаил обиду на императора; однако к тому времени, когда Наполеон поднялся на борт корабля Мейтленда, Беккер стал его горячим другом, и расставание между ними повергло Беккера в слезы.

Он нравился капитану Мейтленду, нравился лорду Киту, нравился экипажам английских кораблей. Даже сэр Джордж Кокберн перестал его ненавидеть. "Черт бы побрал этого парня!" - воскликнул лорд Кит. "Я уверен, что если бы он и принц-регент встретились, то через полчаса они стали бы лучшими друзьями".

Один эпизод из путешествия на остров Святой Елены невозможно описать словами более живыми, чем словами лорда Роузбери:

Только однажды в том путешествии апатия покинула его. Однажды утром, на рассвете, когда корабль шел навстречу, вахтенные, к своему невыразимому удивлению, увидели, как император вышел из своей каюты и с некоторым трудом направился на ют. Прибыв туда, он спросил дежурного офицера, действительно ли берег Узкий, а затем, взяв подзорную трубу, пристально посмотрел на сушу. Таким образом, с семи до почти полудня он оставался неподвижным. Ни офицеры корабля, ни его штаб, наблюдавшие за ним, не осмелились потревожить эту агонию. Наконец, когда очертания исчезли из виду, он отвернул свое мертвенное лицо, пряча его, как мог, и схватился за руку Бертрана, который помог ему вернуться в каюту. Это был его последний взгляд на Францию".

Высадившись на острове Святой Елены, он получил убогую квартиру в отремонтированном и расширенном коровнике. Стены у него были тонкие, комнаты маленькие; дождь и ветер пронизывали его насквозь, жара превращала его в печь, в нем кишели крысы; никакие

тенистые деревья не отбрасывали на него благодарной тени; никакие фрукты или цветы не смягчали его унылого отталкивания.

Чтобы убедиться, что Наполеон не сбежит с изолированной отвесной скалы Святой Елены, значительный флот крейсеров окружил остров, и почти три тысячи солдат наблюдали за пленником. Глаз не мог двигаться ни в одном направлении, не остановившись на часовом. Днем императору постоянно напоминали о его падшем состоянии, а когда наступала ночь, шеренга часовых смыкалась, и никто не мог пройти.

Заключенному и его друзьям разрешалось брать книги для чтения; и если сэр Хадсон Лоу, просматривая европейские газеты и журналы, натыкался на какую-нибудь особенно горькую траву с оскорблениями в адрес Наполеона, эту конкретную статью или журнал обязательно отправляли в Лонгвуд, резиденцию Наполеона. Если доставлялись книги, бумаги или журналы, с которыми пленник обращался бережно, то по той или иной причине такие предметы становились контрабандой и редко доходили до одинокого человека, которого они обрадовали бы. Заключенному и его товарищам, как правило, давали достаточно еды, а также достаточное количество топлива и воды. Лишь изредка Наполеону приходилось разжигать огонь в своей сырой комнате, ломая мебель; и не часто качество еды было таким, что у него пропадал аппетит из-за серьезных подозрений относительно того, каким образом умерла корова или овца, поставлявшая говядину или баранину.

За исключением предметов первой необходимости, заключенному не давали ничего, что могло бы сделать пребывание в плену достаточно комфортным. Вокруг него были вырыты рвы и окопы, установлены орудия, расставлены солдаты и изданы абсурдно мелкие, досадные распоряжения. Если Наполеон ехал верхом, британский солдат должен был сопровождать его; если он оставался в доме, британский солдат должен был видеть его каждый день. Ни одно письмо не могло прийти или уйти, не будучи вскрытым и прочитанным его тюремщиком, сэром Хадсоном Лоу. Присылаемые ему книги, фотографии и все остальное должно было поступать по тому же каналу. Если какая-либо присланная ему статья была адресована ему как императору, она безжалостно изымалась. Мистер Барбер, переехавший жить на остров, привез с собой два портрета сына Наполеона, намереваясь в качестве любезности, которая, несомненно, была бы оценена по достоинству, подарить их скорбящему отцу. Сэр Хадсон Лоу запретил дарить, и император никогда не видел сокровищ. Только благодаря Эжену Наполеон наконец получил портрет своего сына: он был упакован в коробку с книгами. Также был доставлен мраморный бюст римского короля, который долгое время хранился у Лоу, который угрожал разбить его вдребезги. Письмо от матери Наполеона, в котором она предлагала разделить его судьбу, хотя и ослепла и согнулась от старости, было вскрыто и прочитано губернатором перед его вручением. Пленник отказался согласиться на приезд своей матери или сестры Полины: он не желал видеть, как они подвергаются наглости его тюремщиков.

Вопрос о титуле доставлял больше хлопот на острове Святой Елены, чем любой другой. Он был досадным, с ним сталкивались на каждом шагу, и его никогда не удавалось решить. Наполеона чрезвычайно разозлило, когда сэр Хадсон Лоу упорно продолжал скрывать от него все письма, книги или другие статьи, которые приходили на имя "Императора". Великобритания решила, что он не должен быть известен под титулом, который он носил так долго, который был подтвержден голосованием французского народа, который папа освятил настолько, насколько папа может освятить, который признал каждый король на Континенте и который сама Англия

признала на Шатийонском конгрессе, если не при министерстве Чарльза Фокса. “Генерал Бонапарт” был высшим титулом, который Великобритания могла теперь допустить; и ее пленница сопротивлялась ей в этом вопросе так же упорно, как генерал Джордж Вашингтон сопротивлялся ее праву посылать ему письма, адресованные “мистеру Джорджу Вашингтону”.

Отказ от титула, сам по себе незначительный, стал важен для него из-за духа, который двигал теми, кто отказывался от него. Они хотели унижить его в глазах мира, уязвить его гордость проявлением авторитета; и он возмущался этим, как все уважающие себя люди должны возмущаться малейшим оскорблением, нанесенным из самых низменных побуждений.

“Давайте пойдем на компромисс, ” настаивал Наполеон. “зовите меня генералом Дюроком или полковником Мюироном”. “Нет!” - сказала Великобритания. “Мы будем называть вас генералом Бонапартом, потому что *это* причиняет вам боль”. Проще говоря, таково было отношение Англии на протяжении всего его пребывания в плену к этому одинокому, сломленному, самому несчастному человеку. Книга, которую англичанин, друг Байрона Хобхаус, написал о “Ста днях” и которая доставила бы изгнаннику огромное удовольствие, не была доставлена, потому что, посылая ее, автор написал на форзаце “Императору Наполеону”. И когда узник умер, и его друзья пожелали начертать на крышке его гроба слово “Наполеон”, Великобритания, говоря устами сэра Хадсона Лоу, отказалась от этой привилегии, — Наполеон был императорским именем; этого нельзя было допустить. Белое лицо мертвеца, сложенные руки, ледяной сон Смерти - ничто не привлекало его похитителя и не могло смягчить эту неумолимую вражду. Преследуя его до самой могилы, они потребовали, чтобы к “Наполеону” было добавлено “Бонапарт”, чтобы доказать всему миру, что Англия, неблагодарная к живому пленнику, пришедшему к ней за великодушием, была неумолима даже до смерти и после смерти. Так случилось, что гроб этого величайшего из людей был отправлен в могилу без опознавательных знаков. Кроме анонимного погребения, не было спасения от злокачественной опухоли, которая превратила его последние годы в долгий период пыток.

* * * * *

Семья Наполеона на острове Святой Елены состояла из генерала Бертрана с женой и детьми, графа Монтолона с женой, Лас Касаса с сыном, генерала Гурго и доктора О'Мира, ирландского хирурга английского линкора “Беллерофонт”, который попросил и получил разрешение своего правительства прикрепиться к императору в качестве его врача. Кроме них, там был штат прислуги, а ближе к концу - корсиканский доктор Антоммарчи и пара священников.

Организуя свое маленькое заведение с той же любовью к системе, которую он проявлял на протяжении всей своей карьеры, Наполеон сохранил на острове Святой Елены этикет Тюильри. У него были знатные придворные, как на Эльбе; его слуги носили императорскую ливрею; общение между ним и друзьями, которые его сопровождали, было таким же церемонным, как и прежде. Никто не был допущен к его присутствию, кроме как после того, как аудиенция была запрошена и удовлетворена. В своей убогой комнатухе этот падший монарх навязывал свою волю окружающим до такой степени, что никто из его друзей не входил, пока его не позовут, и не уходил, пока его не отпустят. Только после того, как общий разговор был в самом разгаре, кто-либо из его спутников обращался к нему, если только он сам не заговаривал с ним первым. Независимо от того, как долго он мог испытывать желание поговорить, они все время стояли, никогда не осмеливаясь сесть, пока он не любезно не пригласит их сделать это. Он читал собравшимся, и они должны были внимательно слушать. Зевок считался оскорблением, и его

тут же пресекали. Кивок был раздражающим, и его прерывали такими быстрыми замечаниями, как: “Мадам Монтолон, вы спите!”

То были тоскливые дни на острове Святой Елены, а ночи были еще тоскливее. Он перестал ездить верхом, настолько ненавистным был вид его тюремщиков. Он пытался развлечься, сажая деревья, разбивая сад и копая пруд для разведения рыбы. Иногда он резвился с детьми; часто играл в шахматы, карты и бильярд. В жалкой попытке получить удовольствие от верховой езды, не выезжая верхом под охраной английского офицера, он соорудил в доме деревянное приспособление и некоторое время работал над этой воображаемой лошадью.

Но книги и сочинительство были его главным ресурсом. Он много читал, много диктовал; и когда это утомляло его, он звал своих товарищей и пытался завязать разговор.

Как и следовало ожидать, его выступление затронуло каждую эпоху его прошлого — его дом и семью на Корсике, его детство, школьные годы, его раннюю борьбу, его первые триумфы, его кампании и сражения, его бесчисленные планы и начинания, его ошибки и провалы. Он говорил о себе, как правило, в третьем лице, как о человеке, давно умершем; и рассказывал о событиях своей карьеры так, как человек, сидящий на вершине горы, мог бы спокойно описывать панораму внизу.

Говоря о тех, кто служил ему в любом качестве, он говорил тоном химика, сообщающего результат какого-либо анализа.

Он редко проявлял вспыльчивость в любом случае, за или против, но говорил со странным безразличием, как о далеких исторических персонажах. Даже высказывая свое плохое мнение о Фуше, Талейране, Ожеро, императоре Франциске или царе Александре, он не проявлял злобы.

Без малейшего следа горечи он упомянул о том вреде, который причинили ему его братья и сестры; о Мармоне, Бертье, Мюрате, Нейе он говорил настолько беззлобно, насколько это было возможно в данных обстоятельствах. Он взял на себя всю вину за свои великие ошибки — свою русскую кампанию и покушение на Испанию.

Более склонный быть суровым к тем, кто подвел его во время Ста дней, он возложил бремя ответственности туда, где, по мнению истории, ему самое место, — на Бурмона, на Нея, на ложное движение колонны Д'Эрлона, на Груши, а также на Фуше и Лафайета.

Годовщина Ватерлоо была ежегодным несчастьем. Это был день, который угнетал его, день, который вызвал у него мучительные сожаления.

“Ах, если бы это можно было сделать снова!”

Как это случилось? почему левая подвела его при Линьи, а правая - при Ватерлоо? Было ли это предательством или просто несчастьем?

Над этой проблемой он размышлял с выражением глубокого волнения на лице; чувство, сродни тому, которое заставило его поднять руку и ударить себя по лбу в тот день, когда он услышал грохот пушек армии Блюхера там, где ожидал услышать грохот Груши.

Веллингтона он откровенно ненавидел: отчасти потому, что Веллингтон командовал при Ватерлоо, а отчасти потому, что Веллингтон послал его на остров Святой Елены. В своем Завещании умирающий император оставил недостойный след этого горького чувства, выделив определенную сумму денег человеку, обвиняемому в попытке покушения на английского герцога. Правда, император заявляет, что этот человек был оправдан, но в Завещании утверждается, что Кантильон имел такое же право убить Веллингтона, как последний имел “отправить меня умирать на этой скале”. Это мстительность и отступление от добрых нравов; но если когда-либо обстоятельства оправдывали подобное преступление, то это было в случае с Наполеоном.

Но время, как он ни старался его убить, тяжелым грузом ложилось на его руки. Он мог лежать в постели до позднего вечера, часами лежать в ванне, валяться раздетым на диване. Если ему удавалось каким-либо образом занять себя приятным занятием до полуночи, он был вне себя от радости: “Мы пережили еще один день!” “Как ты думаешь, приятны ли мои мысли, когда я просыпаюсь ночью, вспоминая, кем я был и кто я есть?” “Какие длинные ночи!” - это было восклицание, раскрывающее океан страдания.

Имея поводов для скорби больше, чем у всех его товарищей вместе взятых, он взял за правило подавать пример жизнерадостности, дружелюбного товарищества, разумного отношения к другим. “Мы - маленькая группа, маленькая семья, обреченная провести тоскливые годы изгнания здесь, на этой унылой скале; давайте постараемся, чтобы время прошло как можно приятнее”. Когда между членами его маленького двора возникали зависть и ссоры, именно император успокаивал их. Когда раздражительный Гурго обижался на что-то сказанное или сделанное Наполеоном, его успокаивали или по-отечески отправляли в постель проспаться.

Примечание.— Лорд Роузбери в своем “Наполеоне” говорит: “Что касается его жилища, то Лонгвуд представлял собой совокупность хижин, построенных как хлев для скота. Его обдувал вечный ветер, на нем не было тени, и он был влажным. Сам Лоу не может сказать об этом ничего хорошего и, возможно, почувствовал странную игру судьбы, благодаря которой ему досталась единственная восхитительная резиденция на острове с двенадцатью тысячами долларов в год [около 60 000 долларов], в то время как Наполеон жил в старом коровнике на восьмой улице”.

ГЛАВА LI

Многие посетители, пассажиры английских судов, приходили повидаться с ним. Как правило, но не всегда, он их принимал. Как правило, но не всегда, посетители, которых принимали таким образом, уходили, превращаясь в сочувствующих друзей, иногда восторженных приверженцев. Всего несколько дней назад (апрель 1901 г.) в Лондоне скончался пожилой человек, который, будучи юношей, видел императора на острове Святой Елены. Мальчик был очарован; он никогда не переставал вспоминать его безмятежное лицо, мягкий, звучный голос и удивительно выразительные глаза и до последнего говорил о Наполеоне с энтузиазмом.

Если бы мир обладал достоверной записью беседы Наполеона на острове Святой Елены, ни одна книга не была бы более интересной, поскольку он свободно рассуждал почти на все темы, представляющие интерес для человека, и по большинству тем, которых он касался, он говорил то, что стоило услышать. Но у нас есть лишь несовершенные, фрагментарные, ненадежные записи. Долгие разговоры, растягивающиеся на несколько часов и записываемые секретарем впоследствии, неизбежно теряют большую часть своего колорита. Было бы чудом, если бы такой метод донесения о таком быстром собеседнике, как Наполеон, был точным.

О таких предметах, как смерть, религия, душа, загробная жизнь, пишут по—разному - или, скорее, он придерживался двух линий выражения. Думая о политическом эффекте и интересах своего сына, он, конечно, вспоминал католическую церковь, ее могущество, ее вероучение и говорил вещи, которые ставили его на уровень Конкордата — восстановителя религии, верующего во Христа. Но когда он не позировал для пущего эффекта, когда он выпаливал свои настоящие мысли, все это исчезало. Он не верил в современное учение о душе и отвергал идею бессмертия. “Когда мы умрем, мой дорогой Гурго, мы совсем умрем”.

Он снова спрашивал: “Что такое душа? Где душа спящего, сумасшедшего, младенца?” Несмотря на то, что в старину указывали на звезды в небесах и часто цитируемый вопрос, который, как нам говорят, ошеломил материалистов: “Можете ли вы сказать мне, кто все это создал?” Наполеон на острове Святой Елены провозгласил себя материалистом. Задолго до появления великой книги Дарвина Наполеон объявил о своей вере в принцип эволюции. Его величайшая трудность в примирении догмы о благожелательном и справедливом Боге со вселенной в том виде, в каком она существует, заключалась в том, что все факты, казалось, противоречили догме. В дни своего могущества он презрительно сказал: “Бог сражается на стороне тяжелых батальонов”; на острове Святой Елены он заявил, что не может верить в справедливого Бога, карающего и вознаграждающего, ибо хорошим людям всегда не везет, а негодяям всегда везет. “Посмотрите на Талейрана: он наверняка умрет в своей постели!” Так он и сделал; и если благословение папы было пропуском на небеса, то этот самый негодяй из всех французов достиг небес самым лучшим и кратчайшим путем. То, как слабые — какими бы хорошими они ни были — уступают сильным — какими бы плохими ни были - в человеческих делах, как и в царстве животных, поколебало его веру в благожелательность плана творения. “Если бы мне пришлось иметь религию, я бы поклонялся Солнцу — источнику всей жизни, настоящему богу земли”.

“Почему наказание должно быть вечным?” Зачем проклинать человека, который был рожден на свет не по своей воле, и который был отмечен определенными качествами, которые почти неизбежно определяли его характер и поведение, — зачем наказывать такого человека вечными муками ада из-за нескольких лет греха? Какая польза от вечных мучений бедных людей? Неужели Бог *никогда* не пожалеет об этом? Нет? Тогда он был более жестоким, чем самые дикие представители человеческой расы. Справедливость! Могло ли это быть просто для того, чтобы создать людей с определенными страстями, выпустить их на свободу на несколько лет, чтобы посмотреть, что они будут делать, а затем, когда они сделают то, что закон их природы делал почти неизбежным, что они сделают, — и то, что Бог знал, что они сделают, прежде чем он создал их, — было ли это просто для того, чтобы вечно сжигать этих беспомощных несчастных в медленном адском огне? Наполеон не мог заставить себя так думать.

Он сказал, что, когда он был в Египте, шейхи сильно беспокоили его, заявив, что он язычник, потому что поклоняется трем богам. Эти шейхи с мучительной настойчивостью утверждали, что Бог Отец, Бог Сын и Бог Дух создали трех богов. Конечно, Наполеон пытался объяснить этим невежественным арабам, что наши три бога были всего лишь одним. Однако каирские шейхи, будучи людьми примитивного ума и упрямых привычек, не хотели открывать глаза на истину и продолжали говорить, что вера Магомета лучше веры Христа, потому что магометане верят только в одного Бога. Все остальные небесные существа - ангелы, стоящие ниже Бога. Люди, мужчины, рожденные женщинами, могут быть пророками, мучениками, реформаторами с возвышенной миссией, но они не боги.

“Что касается меня, ” воскликнул однажды Наполеон, “ то я не верю в божественность Христа. Он был предан смерти, как и любой другой фанатик, называвший себя пророком или мессией. Такие люди были постоянно”. Как, впрочем, и есть. Англия разгромила последнего в Судане несколько лет назад.

Самым большим горем Наполеона в его плену было отсутствие жены и сына. Он верил или делал вид, что верит, что Мария Луиза все еще верна ему. Ему рассказали о ее позоре, он даже горячо осудил позорный способ, которым ее отец отдал ее во власть Нейпперга, но с необычайным упорством возвращался к мысли, что она все еще любит его и присоединится к нему, если союзники позволят. Он не мог знать, что мать его ребенка заявила, что не любит его и никогда не любила.

* * * * *

Поразительный рефрен, проходящий через все обсуждения тех деяний его правления, которые подвергались самой ожесточенной критике, звучит так: “История воздаст мне должное”. Снова и снова, после изложения своих объяснений, причин, мотивов или оправдания, он возвращается к словам: “История воздаст мне должное”.

Учитывая все обстоятельства, доверие было ошеломляющим. Его имя гремело во всем мире. Во Франции было дурным тоном упоминать его. Формально провозгласив объединенную Европу, он был вне закона, за чертой человечности, парией, которого все имели привилегию побить камнями. Только одна газета свободной прессы Англии осмелилась сказать за него хоть слово, когда правительство делало заключенным человека, которого оно не захватывало; только два члена парламента осмелились протестовать против несправедливости.



КОРОЛЬ РИМА

С картины сэра Т. Лоуренса

Во Франции его последователи, Ней и Лабедойер, были расстреляны, а Лавалетт осужден. Реакция неслась подобно лавине, сметая все на своем пути. Католики-роялисты превосходили в Белом терроре зверства красных. Италия снова стала прежней, и Мюрат посмотрел в дула бурбонских мушкетов и сказал с последним проблеском былой отваги и гордости: “Спаси мое лицо, целься в мое сердце — стреляй!” Каждый потворствующий, который мог исказить или создавать, пополнял стопки книг, в которых корсиканский монстр был посвящен проклятию здесь и в загробной жизни. И все же, несмотря ни на что, пленник был безмятежно спокоен за свое будущее.

История воздаст мне должное. Моя работа скажет сама за себя. Меня скоро не станет; но то, что я сделал, и то, к чему я стремился, будет жить в веках. Мои общественные улучшения, мои каналы, гавани, дороги, памятники, церкви, больницы, моя школьная система, мой кодекс, моя организация государственной службы, моя система финансов, производства, возникшие при моем прикосновении, поощряемые искусства и науки, основанные библиотеки, триумфы демократии, которые я организовал и сделал постоянными, — все это мои свидетели, и они будут свидетельствовать потомкам. Ваши резиновые сапоги и ваши Меттернихи могут перекрыть поток либеральных идей, остановив течение на время; но поток будет только сильнее, когда прорвется.

“Исходя из сегодняшних страстей, я взываю к трезвому суждению завтрашнего дня. Будущие поколения будут помнить о моих намерениях, учитывать мои трудности и снисходительно судить меня”.

Эта великолепная уверенность поддерживала его настолько бодро, что никогда еще он не держался так величественно, как на острове Святой Елены. Когда Лоу пригрозил, что в его комнату будут входить силой каждый день, чтобы тюремщик знал, что его заключенный все еще там, неукротимый корсиканец сказал: “Я убью первого, кто попытается это сделать!” и перед этим мужеством отчаяния отступил даже Хадсон Лоу. Когда Англия потребовала его шпагу, он положил руку на нее и посмотрел британскому офицеру в глаза с выражением, которое нельзя было понять неправильно. Храбрый и великодушный лорд Кейт, более рыцарский, чем его правительство, поклонился своему пленнику и удалился без меча.

“Пусть он, - (Лоу), - отошлет всех моих друзей прочь, если захочет; пусть он поставит часовых у дверей и окон и не даст мне ничего, кроме хлеба и воды: мне все равно. Моя душа свободна. Я так же независим, как тогда, когда стоял во главе шестисот тысяч человек; так же свободен, как тогда, когда я давал законы Европе!”

Мистер Тэн с кропотливой недоброжелательностью прослеживает происхождение Наполеона от Цезаря Борджиа; но этот гранитный склад характера был не итальянским, а корсиканским. Дух, который здесь побудил одинокого пленника с оружием в руках бросить вызов миру, был не духом его отца-итальянца, преклонившего колени придворного перед завоевателями его страны; это был дух его матери-корсиканки, твердость характера которой противостояла всем страхам и всем искушениям. В Наполеоне Италия, возможно, достигла своего наивысшего типа; но и в нем Корсика видела последнего и величайшего представителя героической расы Сампьеро.

“Атмосфера современных идей душит старых феодалов, ибо отныне ничто не может разрушить или извратить великие принципы нашей революции. Эти великие истины никогда не перестанут существовать. Созданные французской трибуной, скрепленные кровью сражений, украшенные лаврами победы, приветствуемые одобрительными возгласами народа, они никогда не смогут повернуть вспять. Они живут в Великобритании, освещают Америку, они национализированы во Франции. Узрите треножник, с которого исходит свет мира! Они еще восторжествуют. Они будут верой, религией, моралью всех народов, и эта эпоха будет связана с моим именем. Ибо, в конце концов, я зажег факел и освятил принцип, и теперь преследование делает меня Мессией этих принципов. Друзья и враги должны признать, что в соответствии с этими принципами я являюсь главным солдатом, великим представителем. Таким образом,

когда я сойду в могилу, я по-прежнему буду для людей полярной звездой, отстаивающей их права. Мое имя станет боевым кличем их усилий”.

Можно привести множество других цитат в том же духе, и они во многом объясняют, почему современный либерализм считал Наполеона Подходящим Человеком. Он возненавидел демократию? ДА. Он строго, безжалостно подавлял сопротивление своей воле? ДА. Он подавил свободу слова и задушил представительное правительство? ДА. Он был более деспотичен, чем любой Бурбон? ДА. Тогда как же он посмел предсказать, что его имя станет боевым кличем народа в его борьбе за гражданские права?

Потому что он знал, что потомки увидят в действии, в теле его деспотизма, дух демократии. Он знал, что при его системе гражданского и социального равенства и абсолютной привилегии каждого гражданина, каким бы скромным ни было его происхождение, достигать самых высоких постов никакой настоящий деспотизм невозможен; и что история подтвердит это. Когда он, император, избранный народом, стоял в своей карете на улицах Парижа и указывал своей австрийской невесте на окно комнаты, в которой он жил, приехав из Бриенны, — бедный мальчик, которому предстояло сделать карьеру, — его гордость, указывая на этот верстовой столб на трудном пути своего продвижения, была гордостью всех людей, добившихся успеха самостоятельно, гордостью человека, который презирает победы там, где он не сражался, гордостью отважного завоевателя, который не хочет ничего, за что не заплатил бы ценой мужественных усилий.

Тот же дух исходил от него, когда в 1809 году Меттерних представил австрийскому императору доказательства того, что он происходил из флорентийской знати.

“ Я не потерплю подобных глупостей. Мой дворянский патент датируется битвой при Монтенотте!

Тот же самый дух побудил его упрекнуть Дюрока, его любимого Дюрока, когда этот высший офицер дворца был груб с Константином, камердинером, и Константин расплакался из-за этого.

Тот же настрой был у него, когда он остановился поговорить с бедным Тоби, малайским рабом с острова Святой Елены, и дать ему денег; тот же настрой был, когда он упрекнул мадам Балькомб, которая сердитым голосом приказала нескольким тяжело нагруженным рабам уступить ей дорогу на крутой, узкой тропинке: “Уважайте ношу, мадам!”

Подобные мысли, чувства, поступки не рождаются в сердцах, лишенных человеческого сочувствия, мертвых для чувства братства или чуждых тому чувству, которое вдохновляет мистика стремиться ко всеобщему благу.

* * * * *

Бертран утверждает, что после 1820 года Наполеон был признанным инвалидом. Сидя в своем кресле, одетый в халат, он проводил дни за чтением, будучи больше не в состоянии работать или диктовать.

“Какая восхитительная вещь отдых. Кровать стала для меня роскошным местом. Насколько я пал. Когда-то моя активность была безграничной; мой разум никогда не дремал; иногда я диктовал четырем или пяти секретарям, которые писали так быстро, как только можно было

произнести слова. Но тогда я был Наполеоном. Теперь я ничто. Я впал в ступор, я едва могу поднять веки, мои способности покидают меня. Я не живу, я просто существую”.

Весь март и апрель 1821 года он медленно умирал, испытывая мучения от своего недуга — рака желудка. Его терпение и доброта к окружающим были совершенны.

В один из последних дней апреля он сказал Монтолону ранним утром, пробудившись ото сна: “Я только что видел добрую Жозефину. Я протянул руки, чтобы обнять ее, и она исчезла. Она сидела там. Мне показалось, что я видел ее вчера вечером. Она не изменилась; она все еще любит меня. Ты видел ее?”

Жгучая лихорадка и бред отмечали эти последние дни; но в периоды просветления он был спокоен, бесстрашен и думал об окружающих его друзьях. 4 мая Бертран спросил его, хочет ли он нанять священника. “Нет, я не хочу, чтобы кто-то учил меня умирать”. Тем не менее, он согласился на обычные священнические услуги. И картина совершенно невежественного и тупоголового священника, вступающего во владение Наполеоном Бонапартом, выслушивающего его исповеди и дарующего ему небесные паспорта, является одной из тех вещей, из-за которых словарь изумления, кажется, нуждается в расширении и интенсификации.

Возможно, было бы нетрудно объяснить, почему Наполеон во время своей последней болезни воспользовался услугами священника и умер на руках Церкви; но непонятно, почему он забальзамировал в своем Завещании свои иллюзии относительно Марии Луизы. Он давно знал о ее неверности, за все время своего пленения он не получил от нее ни строчки, ни послания; и все же он говорит о ней в своем завещании так, как будто она всегда была настоящей и любящей женой. Было ли это сделано из личной гордости? Или он сделал это ради своего сына? Возможно, на него повлияли оба мотива, особенно последний.

4 мая над островом бушевал шторм. “Лил проливной дождь, и свирепый шторм завывал над промокшими скалами острова Святой Елены. Любимая ива Наполеона была вырвана с корнем, и все деревья, которые он посадил в Лонгвуде, были повалены ветром.

“Ночь была очень тяжелой”, - говорит Монтолон. “К двум часам начался бред, сопровождавшийся нервными схватками. Дважды мне показалось, что я слышал слова: *Франция—армия—тет—а-тет армии-Жозефина*, в то же самое время император вскочил с кровати, несмотря на мои попытки удержать его. Его сила была так велика, что он сбил меня с ног, и я тяжело упала на пол”.

Другие, услышав шум, прибежали, и императора положили обратно на кровать, где он снова успокоился. В шесть утра послышался предсмертный хрип. Когда Монтолон приблизился к кровати, умирающий сделал знак, что хочет воды. Он уже не мог глотать; его жажду можно было утолить, только приложив губку к губам. Затем он пролежал весь день с неподвижными глазами, по-видимому, пребывая в глубокой медитации. Когда солнце садилось, он умер — вечерняя пушка английского форта прогремела над морем, когда его жизнь уходила.

“Ах, ” сказал Маршан, “ он умер в объятиях победы! Он позвал Десо, Ланна, Дюрока. Я слышал, как он приказал подтянуть артиллерию, а затем крикнул: ‘Разверните "орлов"! Вперед!’”

“Я никогда не забуду, - говорит Стюарт, - маршала Бертрана, выходящего из комнаты и объявляющего глухим голосом: “Император мертв”, причем последнее слово сопровождалось оглушительным раскатом грома”.

Наполеон готовился к смерти со спокойствием древнего язычника. Он дал всем окружающим подробные инструкции относительно их обязанностей, когда его не станет, и распорядился провести вскрытие его тела, чтобы можно было узнать истинный характер его болезни в интересах своего сына. Он спросил молодого священника, не знает ли тот, как обустроить часовню смерти, и продиктовал форму уведомления, которое должно быть отправлено сэру Хадсону Лоу, когда он, Наполеон, умрет. В своем Завещании, написанном его собственной рукой, он составил подробный список наследства, включая тех, кто дружил с ним в детстве, и тех, кто был верен ему в дни его власти, а также тех, чья верность была утешением во время его заключения и в предсмертные часы. От своей матери и медсестры до учителей и школьных товарищей, своих соратников по оружию и детей тех, кто погиб в бою бок о бок с ним, до Старой гвардии и немногих верных на острове Святой Елены, он преумножал долг благодарности и почитал за честь помнить других. В связи с этим Завещанием может представлять интерес заявить, что лишь небольшая часть огромных активов, которые, по утверждению Наполеона, он оставил в Европе, могла быть найдена его душеприказчиками, и что во времена второй империи государство выделило 1 600 000 долларов на неоплаченное наследство.

Учитывая похороны генерала, солдаты отнесли его гроб без опознавательных знаков в небольшую долину, где росла ива, под которой он часто отдыхал, и источник, воды которого так освежали его в лихорадке долгого упадка сил. Здесь он был похоронен 8 мая 1821 года.

* * * * *

Однажды на острове Святой Елены произошла бурная беседа между заключенным и тюремщиком, между Наполеоном и сэром Хадсоном Лоу. Книга из Хобхауса хранилась у губернатора, и это, как и многое другое, возмущало пленника.

“Я задержал книгу, потому что она была адресована *императору*”, - сказал Лоу.

- А кто дал *вам* право оспаривать этот титул? - возмущенно воскликнул Наполеон.

“Через несколько лет ваш лорд Каслри и все остальные, да и вы сами, будете похоронены в пыли забвения; или, если ваши имена вообще будут помнить, то только из-за того унижения, с которым вы обошлись со мной; но император Наполеон навсегда останется предметом обсуждения, украшением истории и звездой цивилизованных наций. Ваши клеветы бесполезны против меня. Вы потратили на них миллионы; что они дали? Истина проникает сквозь облака; она сияет, как солнце, и, подобно солнцу, она не может погибнуть!”

На это гордое хвастовство сэр Хадсон Лоу ответил, как он записывает: “Вы заставляете меня улыбаться, сэр”.

Сэр Хадсон, возможно, улыбнулся тогда и, возможно, продолжал ухмыляться до тех пор, пока был жив Наполеон. Ничто не казалось менее вероятным, чем то, что пророческие слова пленника сбудутся. Но наступил момент, когда сэр Хадсон перестал улыбаться. Когда смерть освободила узника и верные товарищи по годам его страданий вернулись домой и рассказали свою историю — О'Мира в Англии, Лас Касас и Монтолон во Франции, — сэр Хадсон не

улыбнулся; ибо его имя гремело по всей Европе, и все великодушные сердца осуждали его. Он обратился в британские суды за оправданием, но не получил его. Он обратился к английским министрам с просьбой о высокой постоянной работе и либеральной пенсии, но не получил ни того, ни другого. Молодой Лас Касас пригласил его на бой, но он не стал драться. Он впал в презрение, которое было настолько глубоким и всеобщим, что даже Веллингтон, по сути, повернулся спиной к существу, которое он использовал, не имея больше нужды именно в таком человеке.

“Вы заставляете меня улыбаться, сэр”, - сказал развеселившийся сэр Хадсон, когда бедно одетый, преждевременно одряхлевший человек, стоя у камина в своей мрачной комнате, предсказал свое политическое возрождение и окончательную победу над врагами. Если бы Каслри услышал, он бы тоже улыбнулся, не предвидя этой ужасной кульминации политической проституции, когда после целой жизни, проведенной в верности роялизму и делавшей его самое гнусное дело, он обнаружит, что весь мир почернел, перережет себе горло и будет провожат в могилу под улюлюканье английской толпы!

Веллингтон тоже позабавился бы, услышав пророчество пленника; счел бы Наполеона сумасшедшим, не предвидевшим опасных времен в Англии, когда прогресс либерализма сломит линию его оппозиции Тори; добился бы триумфа реформ, несмотря на его угрозу, что он прикажет своим драгунам “остро отточить сабли, как при Ватерлоо”. Когда окна его лондонского дома были разбиты британской толпой, когда миллионы либералов выкрикивали требования улучшить законы с такой яростью, что даже Веллингтон перестал доверять этим остро заточенным мечам, настал день, когда Железный герцог, возможно, вспомнил пророка с острова Святой Елены и перечитал эти слова снова - без улыбки.

“Через несколько лет ты и все остальные будете похоронены в пыли забвения; но Император будет жить вечно, украшение истории, звезда цивилизованных наций!”

Это было гордое хвастовство, и время с гордостью сделало его хорошим. За несколько лет бурбоны сыграли свои жалкие роли на троне Франции и отправились в окончательное и безнадежное изгнание, “неумытые, не удостоенные почестей и невоспеты”.

Либерализм оправился от поражений и провозгласил свою волю высшей. И в Англии, и во Франции Старый порядок ушел в прошлое, возобладали более просвещенные принципы. Наступил новый день, не безоблачный и не лишенный бурь, но лучший и ярче, чем 1815 или 1821 год. В 1840 году от Рождества Христова мысли двух великих наций обратились к могиле на острове Святой Елены. Франция попросила, а Англия дала - кого? Императора! Не “Бонапарт” и не “генерал Бонапарт”, разве что в умах очень маленьких и чрезвычайно злобных; но Наполеон, “император и король”.

Могила на острове Святой Елены была вскрыта; прекрасно сохранившееся лицо, прекрасное в смерти, обнажили среди вздохов и слез; а затем тело, увезенное для погребения “на берегах Сены среди людей, которых я так сильно любил”, было принято на борту королевского корабля принцем из орлеанского дома Бурбонов, с поднятыми мачтами, развевающимися флагами, грохотом пушек, боем барабанов, и каждая нота триумфа увеличивала пышность этого императорского приема. Огромным притоком народа Франция приветствовала величайшего француза дома.

“Истина пробивается сквозь облака; сияет, как солнце; и, подобно солнцу, она бессмертна!”
Возвышенная уверенность, возвышенно оправданная!

“ Вы заставляете меня улыбаться, сэр, - сказал Лоу, но с тех пор прошло много лет. Сейчас 1840 год, и настала очередь Наполеона.

Вся Франция, от короля до крестьянина, встает навстречу возвращающемуся герою. Он возвращается на трон, который никто не оспаривает. Он возвращается во владения, которые не сможет предать ни один Мармон. Короли-союзники тщетно объединяются, чтобы разрушить это имперское превосходство. Ни Талейран, ни Фуше, ни Бурмон не смогут найти в предательстве рычаг для свержения этой величественной власти. Нет. Она в безопасности в царстве, в которое зависть, злоба и низменные страсти могут вторгнуться, но не могут победить. Она связала себя с бессмертными вещами; и для этой имперской карьеры и славы не может быть смерти.

Пусть Шербур отдаст салют из тысячи пушек! Пусть триумфальные арки перекинутся через Сену, когда он будет проезжать по ней! Пусть холм, склон и берег реки задержат на себе взоры своих хозяев! Пусть цветы и гирлянды посыплются на носилки со всех мостов. Пусть престарелые крестьяне опустятся на почтительные колени, выстрелят из старого мушкета в смиренном приветствии, а затем прикроют заплаканные лица дрожащими руками! Холоден этот декабрьский день; но зима не может охладить этот огромный энтузиазм. От причала, где причаливает похоронная баржа, до церкви инвалидов, где ждет гробница, по маршруту проходит миллион человек. Улицы, проспекты, площади, балконы, окна, крыши, деревья — все заполнено людьми. Пушки, барабаны, военные оркестры, топот людей и боевых коней, блеск бесконечных шеренг солдат, песни, пробуждающие страсти и воспоминания, крики плотной толпы, взбудораженной электрическими эмоциями, — все это отмечает этот декабрьский день, когда великолепная похоронная машина увозит Наполеона к его последнему упокоению. Вот белый боевой конь, не Маренго, но похожий на него; а на коне седло и уздечка, которыми пользовался Наполеон. Вот его старые маршалы Монси, Сульт и Удино; вот Бертран, Гурго и Лас Касас, верные спутники его долгого изгнания. Но превыше всего - реликвии его древних войн, которые будут плакать вокруг гроба; и остатки его Старой гвардии, которые пройдут с ним к его могиле. О, магия могущественных мертвецов! Никакой морозный декабрьский воздух не может умерить пыл, заставляющий великий город оглашаться криками “Да здравствует император!”

Шестнадцать черных лошадей, украшенных плюмажами и драпировками, влекут величественную похоронную повозку, поверх которой накинута пурпурная бархатная мантия и в которой находится гроб, наконец, помеченный золотыми буквами: “Наполеон”. Князя Церкви выходят встречать тело; король со своим двором и самые гордые вельможи Франции ждут внутри, чтобы принять его.

“Император!” - кричит герольд у дверей, и блестящее собрание встает, как один человек, и почтительно кланяется входящему покойнику.

Над всем - чары главного духа; над всем - чары бессмертного прошлого.

Сульт вручает королю Луи Филиппу Аустерлицкую шпагу, а король вручает ее верному Бертрану, и Бертран с благоговением кладет ее на гроб своего господина. Ужасающую тишину великого храма нарушают рыдания седовласых солдат.

Грандиозным *заупокойным* пением похороны заканчиваются; но молчаливая процессия скорбящих, выстраивающихся в бесконечные очереди, чтобы взглянуть на гроб, длится больше недели, собирая людей со всех концов Франции, из Бельгии и из других стран.

И это шествие еще не закончилось. Вокруг великого человека, лежащего в своей великолепной гробнице, рядом с его маршалами и развевающимися боевыми знаменами, которые он прославил, все еще струится почтение всего мира. Шаги тех, кто путешествует, подобно мыслям тех, кто изучает человеческие дела, обращаются от четырех сторон света к могиле этого могущественнейшего из людей.

Его отпечаток навсегда останется на Франции, в ее законах, ее учреждениях, ее личной и национальной жизни; но его империя не ограничивается Францией, ее не ограничивают никакие “естественные границы” Рейна, Альп и Пиренеев.

Благодаря силе гения и характера, благодаря превосходной приспособленности к великим свершениям он был главным узурпатором своего времени. Он все еще узурпатор, и по тем же причинам. Он сделал то, что должны были сделать короли, — сделал это вопреки королям. Он все еще делает это, несмотря на королевей.

Его рука, как организатора Революции, который был более великим, чем он сам, находится у ткацкого станка, где ткут жизненные одежды народов. Прислушайтесь к этому голосу, доносящемуся из Италии: “За десять лет мы добились [при Наполеоне] большего прогресса, чем наши предки за три столетия. Мы приобрели французский гражданский, уголовный и торговый кодексы; мы отменили феодальную систему, и правосудие отправлялось более совершенными методами”. Так писал генерал Пепе; и то, что он сказал об Италии, было в равной степени верно для любой другой части Континентальной Европы, попавшей под власть империи. Именно этой работой Наполеон занимался с самого первого дня, как взял бразды правления в свои руки; именно этой работы боялись короли-союзники; именно эту работу они намеревались остановить.

В том, что он боролся за себя и свою династию, Наполеон потерпел сокрушительное поражение, ибо до такой степени он предал оказанное ему доверие, был неверен своей миссии, сбился с пути. Но поскольку его труд был направлен на других, на соблюдение правильных принципов, на улучшение законов, условий жизни, на создание более счастливых семей и лучших мужчин и женщин, он не потерпел неудачу. Ни Лейпциг, ни Ватерлоо не смогли разрушить то, что было лучшим в его карьере: ни один Уильям Питт не смог накопить достаточно золота, чтобы подкупить полевых королей, достаточно сильных, чтобы сковать народы, как они когда-то были скованы. Тщетны были Священный союз Меттерниха, его вооруженное сопротивление либеральным идеям, его дикие законы, его бесчеловечные издевательства: бессмертного нельзя было заставить умереть.

Примечания переписчика

Пунктуация и орфография были приведены в соответствие, когда в этой книге было обнаружено преобладающее предпочтение; в остальном они не изменялись. (Исключение: “Kleber” было заменено на “Kléber”, хотя первое встречалось чаще, чем второе, потому что форма с ударением является правильной.)

Были исправлены простые типографские ошибки; случайные несбалансированные кавычки сохранены.

Двусмысленные дефисы в концах строк были сохранены; случаи несогласованной расстановки переносов не были изменены.

Указатель не проверен на правильность расположения в алфавитном порядке или ссылок на страницы.

Страница 127: “Идеалисты” были напечатаны именно так.

Страница 301: “colaborers” было напечатано именно так.

Иллюстрация на странице 562: подпись заканчивается звездочкой.

Страница 569: “раздражительный человек и ревнивец” было напечатано именно так.